

ЩУКИНСКІЙ СБОРНИКЪ.

ВЫПУСКЪ ВОСЬМОЙ.

Изданіе Отдѣленія Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора
Александра III—Музея П. И. Щукина.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1909.

OVERSIZE

16
32878

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Shchukin, Petr Ivanovich, 1857-1912.

ЩУКИНСКІЙ СБОРНИКЪ.

ВЫПУСКЪ ВОСЬМОЙ.^{8.}

Издание Отдѣленія Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора
Александра III—Музея П. И. Щукина.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1909.

Напечатано двѣсти экземпляровъ.

Печатано на основаніи § 16 Высочайше утвержденнаго 11 апрѣля 1888 года Положенія объ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ.

Товарищъ Предсѣдателя *Егермейстеръ Князь Н. Щербатовъ.*

Щукинскій сборникъ. Выпускъ первый. Въ малый листъ, V+448 стр. Москва. 1902.—Выпускъ второй. Въ малый листъ, VI+521. М. 1903.—Выпускъ третій. Въ малый листъ, VII+487 стр. М. 1904.—Выпускъ четвертый. Малый листъ, VI+545 стр. М. 1905.—Выпускъ пятый. Въ малый листъ, 518 стр. М. 1906.—Выпускъ шестой. Въ малый листъ, VI+493 стр. М. 1907.—Выпускъ седьмой. Въ малый листъ, 512 стр. Товарищество типографіи А. И. Мамонтова. (Напечатано по 200 экз.)

Изъ записной книги подполковника Голенищева-Кутузова	1
Памятныя записки В. И. Алтуфьева	34
Правая грамота царя Михаила Ѳеодоровича Суздальскому Покровскому дѣвичьему монастырю, 1629 года	129
Жалованная грамота царя Петра I казакамъ Изюмскаго Черкаскаго полка, 28 февраля 1700 года	133
Грамота, подписанная царемъ Петромъ I, 8 мая 1711 года	135
Описаніе дома кн. Александра Даниловича Меншикова, въ С. Петербургѣ, 1732 года . .	137
Счетъ графу Пл. Ал. Зубову на искусственный носъ	141
О театральныхъ издержкахъ въ С. Петербургѣ, 1796 года	142
Письмо М. Каченовскаго С. С. Уварову, письмо Уварова Каченовскому 1814 г., и письмо гр. Разумовскаго С. С. Уварову, 1815 года	—
Прошеніе Н. И. Греча на имя импер. Александра I, 1815 года	144
Очеркъ дѣятельности великаго князя Константина Николаевича по морскому вѣдомству	145
Донесеніе (черновое) нижегородскаго губернатора министру внутр. дѣлъ, о пребываніи импер. Николая I въ Нижнемъ-Новгородѣ	161
Письмо А. М. Безобразова К. И. Сукину, 16 декабря 1822 года	165
Два донесенія А. Геденова В. Ѳ. Адлербергу, 26 іюня и 17 декабря 1846 года . . .	167
Дѣло актрисъ Вольнисъ и Дю-Плесси, 1847 года	168
Письмо актрисы Дю-Плесси Геденову, 10 сентября 1849 года	171
Прошеніе Л. Асенковой на высочайшее имя, 3 марта 1850 года	172
Печатное объявленіе дирекціи Одесскаго театра	173
Три письма М. Щербинина, 1828 года	174
Письма генерала Ѳ. И. Соймонова, 1853—1854 гг.	176
Письмо Г. Эвеніуса, 9 ноября 1854 года	186
Письмо В. Азарьева, 25 мая 1844 года	187
Письмо М. Хмырова К. К. Случевскому, 29 марта 1872 года	188
Письмо А. Ашинова К. К. Случевскому	191
Копіи съ писемъ Н. Лѣскова М. И. Пыляеву	192
Письма разныхъ лицъ И. С. Тургеневу	196
Автобіографія Николая Ивановича Иваницкаго	218
Письма И. С. Тургенева къ И. П. и П. И. Борисовымъ, 1858-1871 гг.	358
Письма И. С. Тургенева А. А. Фету, 1858-1873 гг.	422
Письма Н. И. Греча, 1839, 1850 и 1857 гг.	437
Секретное предписаніе импер. Екатерины II вице-адмиралу принцу Нассау-Зигенъ, 4 іюня 1790 года	457

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

<https://archive.org/details/shchukinskiisbor81shch>

Изъ записной книги подполковника Голенищева-Кутузова.

Журналъ моей жизни.

(Для памяти.)

§ 1-й. Родился 1797 года августа 3-го въ 4 часа утра учился въ ревельскомъ пансіонѣ и былъ готовленъ къ морской службѣ.

§ 2-й. 1807 года делалъ морскую компанію волонтеромъ, но въ должности каютъ адъютанта при адмиралѣ Смирновѣ на кораблѣ северной звездѣ вышли съ эскадрою изъ города Архангельска чрезъ Белое морѣ, Северной океанъ, при мысѣ Нордъ Капъ, претерпѣли штормъ и чуть не разбились, следовали чрезъ Зундъ. Заходили въ датскую крепость Кронбургъ. Прошли Копенгагенъ въ то время какъ онъ взятъ былъ англическимъ адмираломъ Сиръ Гомъ Попгамъ. Вошли въ Балтійское морѣ заходили на Данцигскую рейду. Снова вытерпели бурю и прибыли въ Кронштатъ, уже осенью, получилъ отъ адмирала отличный аттестатъ о службѣ и отправился с нимъ въ Рончесальмъ что въ Финландіи, былъ въ Ловизѣ, крепостяхъ Шварцъ Гольмъ, Свеаборгъ и Абовъ.

§ 3-й. По собственному желанію определился въ военную кавалерійскую службу въ лейбъ кирасирской его императорскаго величества полкъ юнкеромъ 1809 года іюня, когда мнѣ было 13 лѣтъ. Полкъ стоялъ въ городѣ Великихъ Лукахъ.

§ 4-й Произведенъ въ штандартъ юнкера 1810 года въ началѣ отправлялъ должность старшаго вахмистра во 2-мъ эскадронѣ обязанъ первымъ образованіемъ по службѣ и нравственностію моему благодетѣлю покойному подполковнику Слепченко убитому при Бородинѣ. За отличное стараніе и успѣхъ полковымъ командиромъ полковникомъ Будберхомъ переведенъ въ лейбъ Е. В. эскадронъ и при штабѣ въ собранной командѣ юнкеровъ былъ опять за вахмистра. При смотрѣ полка великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ былъ представленъ пешимъ и коннымъ ординарцомъ и отлично рекомендованъ полковникомъ удостоился его вниманія, хвалилъ и сказалъ что онъ возмѣтъ меня въ гвардію.

§ 5-й. По представленію генерала Бороздина произведенъ въ корнеты въ Сумскій гусарскій полкъ 1811 года въ началѣ прибывъ въ полкъ въ городѣ Валкахъ чрезъ самое короткое время.

§ 6-й. По представленію Его Высочества цесаревича Константина Павловича переведенъ лейбъ гвардіи въ конной полкъ тѣмже чиномъ по прибытіи моемъ въ Петербургъ великій князь меня обласкалъ, назначилъ меня въ свой эскадронъ, обмундировалъ, далъ съ своей конюшни лошадь, и въ продолженіи службы неоднократно помогалъ и не оставлялъ своими милостями.

Компанія 1812 года.

§ 7-й. Былъ с полкомъ въ походѣ, стояли въ местечкѣ Свинціянахъ, оставаясь за приемкой въ Вильнѣ по молодости попалъ было въ шайку лейбъ шампанцовъ, былъ свидетелемъ сраженія при городѣ Смоленскѣ, былъ въ действительномъ при переправѣ французовъ чрезъ реку Березну и с протчими молодыми офицерами отправленъ въ резервные эскадроны сформированные въ Петербургѣ.

1-й походъ во Францію.

§ 8-й. 1813 февраля съ 9-го изъ Петербурга чрезъ герцогство Варшавское, Шлезію, Прусію, Богемію, Саксонію, Баварію, Виртенбергъ, Дармштадтъ, Баденъ, разные немецкія владенія, Швейцарію, въ Францію, и обратно въ границы Россіи 1814 года но когда не упомню.

Компанія 1813 года.

Въ сраженіяхъ.

§ 9-й. 1813 года, въ сраженіи при Люценѣ былъ на ординарцахъ у князя Голицына.

§ 10-й Въ сраженіи противъ французскихъ войскъ при городѣ Бауценѣ.

§ 11-й. 14 августа въ сраженіи при атакѣ французовъ при крепости Кенигштейнъ что въ Саксоніи.

§ 12-й. 15 августа въ сраженіи при нападеніи на французовъ при городѣ Дрезденѣ.

§ 13-й. 16-го въ ретирадѣ отъ Дрездена въ сраженіи при местечкѣ Альтенбургъ гдѣ французы атаквали насъ на расветѣ и мы рысью спускались съ горъ.

§ 14-й. 17-е и 18-е числъ августа въ жестокомъ сраженіи подъ городомъ Теплицомъ при мызѣ Кульмъ что на границахъ Богеміи гдѣ 17-го числа съ утра съ 10-ти часовъ до вечера стояли подъ жестокимъ пушечнымъ огнемъ, и гдѣ

подо мной ядромъ убило лошадь и отъ упада получилъ легкую контузію въ ногу а 18-го числа по утру были въ атакѣ.

§ 15-й. 4-го 6-го и 7-го октября при местечкѣ Пегау и въ генеральномъ сраженіи при городѣ Лейпцигѣ командоваль эскадрономъ былъ въ атакѣ и прикрываль англинскую батарею конгревовыхъ ракетъ.

§ 16-й. Отъ Лейпцига въ частыхъ перестрелкахъ при преследованіи французъ до города Франкфорта что на рекѣ Майнѣ.

Компанія 1814 года.

Въ сраженіяхъ.

§ 17-й. Генваря 1-го при переправѣ чрезъ Рѣйнъ подъ выстрѣлами французъ при городѣ Базилѣ что въ Швейцаріи.

§ 18-й. Генваря въ перестрелкѣ при занятіи города Монъ-Биліаръ, что во Франціи потомъ при местечкѣ Ножанъ Сюръ Сейнъ.

§ 19-й. Генваря 20-го въ сраженіи подъ Шато Бриеномъ.

§ 20-й. Марта въ первыхъ числахъ въ сраженіи при переправѣ чрезъ рѣку Марнъ, отъ картечи упалъ съ лошадью, и остался на мѣстѣ атаки, и получилъ ударъ отъ французскаго базъ офицеріе палашомъ плашмя, спасся сквозъ французскихъ и нашихъ стрѣлковъ при местечкѣ Орси.

§ 21-й. Былъ въ перестрѣлкахъ при Шато Тіери, открываль непріятеля и рекогносцировалъ подъ местечкомъ Витри, и въ ночномъ нападеніи въ Монъ Миралѣ.

§ 22-й. Марта 13-го въ кавалерійскомъ делѣ и сраженіи при деревнѣ Ля Фертъ Шемпануа гдѣ былъ отряженъ съ полуэскадрономъ былъ въ трехъ атакахъ здѣлалъ хорошее дѣло, и отличился взявъ орудіе и два ящика, полкъ прокричалъ ура, и генераль дивизіи графъ Оруркъ поздравилъ меня съ георгіевскимъ крестомъ. Во время атаки получилъ пулю въ кабуру другой легко ранило лошадь и почти удивительно спасся отъ смерти.

§ 23-й. Марта 17-го въ перестрелкѣ въ ночной тревогѣ при взрывѣ моста французами въ Донъ-Мо.

§ 24-й. Марта 18-го въ генеральномъ сраженіи при взятіи города Парижа, и 19-го числа по утру парадомъ при вступленіи въ оной, симъ кончилась компанія.

§ 25-й. Былъ на ординарцахъ у покойнаго императора Александра Павловича и лично рекомендованъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ 15 и 16 числъ іюня въ мызѣ Осигъ въ Прусской Шилезіи.

Былъ на ординарцахъ у прускова короля, былъ квартирмистромъ для занятія квартиръ для великаго князя и полка.

По желанію моему и по двукратной прозбѣ съ трудомъ былъ переведенъ въ польской уланской полкъ порутчикомъ и съ старшинствомъ послѣ Кульмскаго сраженія.

Вошли въ Парижъ 19 марта 1814-го и стояли въ Эколь ли Милитеръ слишкомъ мѣсяць былъ на разныхъ парадахъ и ученьяхъ.

Награжденъ.

§ 26-й. 1. Право на Іоанна Іерусалимскаго.

2. Медаль за компанію 1812 года.

3. Получилъ орденъ Св: Анны 4 класса за сраженіе при Кульмѣ 1813 г. сентебря 25-го.

4. Получилъ золотую саблю съ надписью за храбрость за сраженіе при Ла Ферть Шемпануа 1814-го 27 апреля.

5. Получилъ пруской железной крестъ за разбитіе корпуса Вандама 1816 года 29 маія.

6. Дворянскую медаль съ актомъ 1817 года 17 февраля.

Получилъ благоволеніе за Лейпцигъ и Альтенбургъ, а былъ представленъ къ пуръ ла мериту и Аннѣ 2 класса.

2-й походъ во Францію.

§ 27-й. 1815 года апреля съ 7-го изъ Житомирской губерніи изъ местечка Ляховцы чрезъ границу въ м: Броды чрезъ Австрію, Моравію, Богемію, Силезію, Виртенбергъ, Баварію, Вестфалію, Баденъ, Брабандію до рѣки Рѣйнъ въ Мангеймѣ форсированнымъ маршемъ чрезъ Элзасъ, во Францію, а сентебря съ 1-го и обратнo въ Россію пришли 1816-го генваря 17 въ м: Лабунь.

Компанія 1815 года.

Въ сраженіяхъ.

§ 28-й. Въ несколькихъ перестрѣлкахъ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Богезкихъ горахъ противъ французскихъ партизановъ.

§ 29-й. Въ дѣлѣ при нападеніи на партизановъ, подкрепленныхъ французскими кирасирами при местечкѣ Савернъ.

§ 30-й. Былъ посланъ корпуснымъ командиромъ барономъ Винценгродѣ для открытія непріятеля съ полуэскадрономъ, на котораго наткнувшись ночью при Г: Туль былъ преследуемъ эскадрономъ французскихъ шассеровъ въ іюлѣ первыхъ числахъ.

§ 31-й. Отсюда следовали день и ночь до города Нанси куда прибывъ узнали что Наполеонъ разбитъ при Ватерло или Бель-Алиансѣ симъ кончилась компанія 1815-го.

Въ іюлѣ былъ посыланъ фельдъегеромъ къ главнокомандующему фельдмаршалу князю Барклаю де-Ттоли до города Шалонъ на Марнѣ съ большою опасностію сквозъ французскихъ партизановъ а отъ туда отправленъ фельдмаршаломъ къ командиру пруской гвардіи съ важными депешами принцу Карлу Мекленбургъ Стрелицкому и прибылъ въ полкъ въ Нанси когда полкъ уведомленъ былъ что я съ протчими посланными офицерами партизанами убить.

Былъ съ полуэскадрономъ въ конвое генерала Эртля.

Былъ въ другой разъ въ Парижѣ ибо стояли на квартирахъ въ Донъ Мари что близъ Ножанъ Сюръ Сейнъ отъ Парижа въ 17 верстахъ.

Конвоировалъ покойнаго французскаго короля Лудовика 18-го съ полуэскадрономъ отъ Донъ Мари что было въ августѣ.

Стояли во Франціи около месеца былъ въ Безансонѣ былъ приглашаемъ графомъ Люксенбургомъ въ французскую службу.

Августа былъ на маневрахъ и парадахъ въ присутствіи Государя и союзныхъ Государей подъ Г: Вертю. Откуда пошли въ Россію.

Былъ полковымъ и генеральскимъ адъютандомъ.

Награжденъ.

§ 32. 7. За конвоированіе французскаго короля отъ графа д'Артоа получилъ орденъ трехъ лилій.

8. Медаль за взятіе Парижа 1826-го маія 1-го.

§ 32-й. Подалъ за болезнію въ отставку отставленъ штабсъ ротмистромъ 16-го года.

§ 33-й. По высочайшему повеленію определенъ на службу въ Оренбургской уланской полкъ порутчикомъ 1819 года генваря 3-го.

§ 34-й. Произведенъ въ штабсъ ротмистры 1819 года апреля 13-го.

§ 35-й. Произведенъ въ ротмистры 1821 года октября 28-го.

§ 36-й. Командовалъ разными эскадронами съ 1824 года.

Конвоировалъ тѣло покойнаго императора Александра съ эскадрономъ отъ Г: Твери до села Меднова 9 февраля 1826 года.

Былъ на коронаціи, парадахъ и маневрахъ Государя Николая Павловича подъ Москвою 1826-го съ 14-го іюля по 6-е сентебря удостоился вниманія великаго князя Михаила Павловича.

Былъ на большихъ маневрахъ подъ Г: Вязьмой и имѣлъ счастіе быть хвалимымъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, съ 24 апреля по 19-е маія 1827 года.

Былъ на маневрахъ 1829 и 1830 годовъ подъ Петербургомъ около Краснаго сѣла въ присутствіи Государя.

§ 37-й. Утвержденъ имяннымъ эскадроннымъ командиромъ 5-го эскадрона 26 апреля 1829-го года.

§ 38-й. 9-е получилъ орденъ Св: Анны 3-го класа за отличіе по службѣ послѣ вяземскихъ маневровъ 1827 года въ іюнѣ.

§ 39-й. № 10-й произведенъ въ майоры за отличіе по службѣ послѣ петербургскихъ маневровъ по представленію великаго князя Михаила Павловича 1830 года генваря 28-го.

§ 40-й. Держалъ кордонъ по границѣ Московской губерніи, по случаю холеры и командовалъ 3-мя эскадронами отсюда получили повеленіе идти въ походъ и привезсти эскадроны въ боевое положеніе.

3-й походъ въ Польшу.

§ 41-й. Выступили съ квартиръ Тверской губерніи изъ города Старицы 1831 года генваря 7-го перешли границу въ Брестѣ Литовскомъ въ февралѣ въ последнихъ числахъ. Вступивъ въ Польшу пошли въ боевомъ порядкѣ къ Варшавѣ но въ местечкѣ Медзерицахъ получили повеленіе идти форсированнымъ маршемъ для усмиренія мятежниковъ въ Литву. Переправясь чрезъ Бугъ, вошли въ Виленскую губернію и послѣ различныхъ действий маршовъ и контръ маршовъ весьма утомительныхъ, около 4-хъ месяцевъ по усмиреніи бунтовщиковъ въ іюлѣ въ Ковнѣ переправясь Неманъ опять въ ступили въ Польшу и пошли къ Варшавѣ.

Компанія 1831 года.

Въ сраженіяхъ.

§ 42-й. Маія былъ съ эскадрономъ въ перестрелкѣ съ бунтовщиками подлѣ лесу подъ старымъ замкомъ при местечкѣ Гелгутишки гдѣ открывъ ихъ съ полуводомъ едва не былъ атакованъ толпою около 500 ч:

§ 43-й. Въ делѣ и атакѣ 7-го маія при занятіи города Россіанъ, гдѣ сорвавъ пикеты преследовалъ бунтовщиковъ въ значительномъ числѣ пехоты и кавалеріи до рѣки Дубисы атаковалъ положилъ на мѣстѣ и потопилъ около 200 человѣкъ в пленъ взялъ 29 чел. и знамя бунтовщиковъ алое атласное съ польскимъ и литовскимъ гербомъ, и отбилъ обозъ около 30 фуръ. Потомъ переправясь Дубису съ 6-мъ эскадрономъ снова преследовалъ повстанцовъ и догнавъ у лесу по дорогѣ къ м: Шидлову опять атаковалъ и положивъ несколько на мѣстѣ за темнотою и лѣсомъ не могъ далѣе преследовать. Здѣсь чуть изменически не былъ раненъ.

§ 44-й. 21-го маія по предписанію генерала Малиновскаго былъ оставленъ для наблюденія и поиску надъ мятежниками въ местечкѣ Вилкахъ что надъ Неманомъ, съ моимъ эскадрономъ, ротою пехоты Слюсельбургскаго полка, и одномъ конномъ орудіи 10 роты дѣлалъ поискъ форсированнымъ маршемъ до Г: Россіянъ. Возвращаясь оттуда 23 числа открылъ бунтовщиковъ за местечкомъ Раголи, атаковалъ мызу но они быстро отступили въ лесъ атаковалъ ихъ пехотой и фланкерами имѣлъ сильную перестрѣлку при несколькихъ пушечныхъ выстрѣлахъ до самой темной ночи.

§ 45-й. Съ первыхъ чиселъ іюня въ рѣтирадѣ отъ города Ковно отъ регулярныхъ польскихъ войскъ корпуса генерала Гельгута былъ оставленъ въ авангардѣ отъ Вильны въ 7 верстахъ, и командовалъ 5-тью эскадронами и казаками, 5-го числа ночью въ 12-ть часовъ былъ посланъ авангарднымъ начальникомъ полковникомъ Гембицомъ, съ моимъ эскадрономъ ротою пехоты принца Карла Прускаго и сотнѣю козаковъ для нападенія на пикеты атаковалъ ихъ козаками и охотниками при сильномъ огнѣ пехоты, сорвалъ пикеты положилъ на мѣстѣ несколько человѣкъ 1-го взялъ в пленъ но по открытіи непріателемъ сильнаго огня и по приближеніи ихъ кавалеріи отступилъ.

§ 46-й. 6-го числа по утру по приказанію генерала Сакена былъ опять посланъ въ экспедицію для рекогносцированія и нападенія на непріятеля съ отрядомъ изъ моего эскадрона охотниками 6-го эскадрона, 2 ротою пехоты принца Карла полка охотниками цѣлаго баталіона съ 40 гвардейскими и 100 армейскихъ козаковъ, переправясь реку Ваку обошелъ ихъ во флангъ и по сему направленію следовалъ въ тылъ ихъ арміи приказалъ козацкому офицеру сделать рекогносцировку на мостъ уже въ тылу ихъ аріергарда, и бывъ открытъ непріателемъ съ боку отъ местечка Трокъ гдѣ они были въ числѣ 10 тысячъ и потому бывъ отрезанъ къ возвратному отступленію, въ столь сомнительномъ положеніи решился на рискъ быстро обратился чрезъ лесъ и болото и подойдя съ боку польскаго авангарда быстро и рѣшительно атаковалъ ихъ пикеты всѣмъ отрядомъ вдругъ и положивши на мѣстѣ пикеты съ помощію тыла и сильнаго огня моей пехоты преследовалъ ихъ авангардъ какъ пехоту такъ и кавалерію въ беспорядкѣ бросившуюся по дорогѣ къ лесу, занялъ корчму и мостъ штурмомъ, гдѣ в ночи положено ихъ на мѣстѣ около 123 человѣкъ и 3 офицера, в пленъ взялъ 32 чел: удалось счастливо и удачно за успѣхъ обязанъ рѣшительности и быстротѣ.

За сіе получилъ на другой день отъ командующаго подъ Вильной войсками, генерала лѣйтенанта Сакена при всемъ его штабѣ отличную и лестную благодарность съ увереніемъ что сіе не останется безъ награды.

§ 46-й. 7-го числа въ рѣтирадѣ и сраженіи здѣлавшаго нападеніе непріателя цѣлымъ корпусомъ на нашъ авангардъ въ продолженіи 7 верстъ до города

Вильны до Панарскихъ высотъ, подъ сильнымъ непріятельскимъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, съ 4-хъ часовъ утра до 5-ти вечера пускалъ козаковъ въ атаку, но отъ стремительнаго натиску быстро отступали, прикрывалъ пехоту и артилерію, но прижатъ бывъ къ рекѣ Вилии въ ужасныхъ оврагахъ и кустахъ чуть не потерялъ эскадрона которой былъ совершенно рассеянъ и самъ упалъ съ лошади былъ поднятъ нашей пехотой вечеромъ когда отбили поляковъ лично генераломъ Сакеномъ съ дивизіономъ опять былъ посланъ въ авангардъ.

§ 47-й. 22 числа при преследованіи непріятѣля былъ посланъ генераломъ Сакеномъ для открытія къ местечку Ясвойни съ моимъ эскадрономъ и 40 черноморскими козаками, переправился въ плавь реку Невежъ, и открывъ польскіе пикеты атаковалъ взявъ 2-хъ въ пленъ но преследуя пикеты наткнулся на 8-ми тысячной корпусъ открылъ перестрѣлку но по открытіи непріателемъ жестокаго огня, и по движенію атаковать быстро рѣтировался и обязанъ счастію и переправѣ что спасся, получилъ опять отличную благодарность.

§ 48-й. Августа 16-го по приказанію фелдмаршала былъ посланъ изъ местѣчка Сохачева съ моимъ эскадрономъ и 6-мъ эскадрономъ лейбъ козаковъ для важныхъ открытій по берегу Вислы до города Полоцка что исполнилъ въ точности и удачно имѣлъ въ местечкѣ Добржевикахъ переправу и перестрѣлку но переправленные козаки и уланы бывъ преследуемы цѣлымъ дивизіономъ польскихъ уланъ едва подъ ихъ выстрѣлами успѣли отступить, получилъ благодарность а карабинеры мои отъ фелдмаршала по червонцу.

§ 49-й. 25-го и 26 числа въ сраженіи при взятіи штурмомъ города Варшавы подъ ужаснымъ всякимъ огнемъ гдѣ эскадронъ мой много пострадалъ ибо полкъ былъ въ 1 линіи отсюда преследовали непріятеля до Прусской границы, гдѣ онъ здался и симъ кончилась компанія въ сентябрѣ послѣднихъ числахъ.

Ночью 28-го послѣ штурма Варшавы былъ съ эскадрономъ въ цепи.

§ 50-й. Изъ местечка Кальвари были посланы три эскадрона на подкрепленіе пехоты атакованной мятежниками при Маріанполѣ—шли рысью болѣе двухъ миль но поспѣли уже къ концу дѣла.

Былъ посыланъ отряднымъ генераломъ Сулимой съ полуэскадрономъ рекогносцировать Г: Ковно.

Былъ съ эскадрономъ спрятанъ въ лесу чтобъ атаковать появившихся мятежниковъ изъ Г: Россіянъ при рекѣ Дубисѣ но онѣ по открытіи огня пехотой рѣтировались.

За успѣшное исполненіе препорученій былъ благодаренъ генералами Сулимой и Офенбергомъ.

Былъ посыланъ генераломъ Малиновскимъ съ полуэскадрономъ на мызу Пушета.

Былъ въ аріергардѣ изъ Г: Ковны и получилъ по себѣ изъ куста выстрѣлъ.

16-го іюня при занятіи Г: Ковны и рѣтирадѣ мятежниковъ былъ потребованъ съ моимъ дивизіономъ генераломъ Малиновскимъ, шолъ рысью но поспѣлъ къ концу дѣла и возвратился ночью.

Отъ князя Хилкова получилъ особенную благодарность за разныя дѣйствія въ Литвѣ.

30 числа былъ посыланъ генераломъ Сакеномъ съ эскадрономъ и козаками на постъ въ местечко Ворни для наблюденія непріятѣля.

Въ іюлѣ при преследованіи корпуса Гелгута къ пруской границѣ одной кавалеріей догнали уже поздно вечеромъ получили по себѣ несколько пушечныхъ выстрѣловъ, по утру они перешли границу и здались прусакамъ, отсюда опять чрезъ Неманъ пошли къ Варшавѣ.

Послѣ взятія Варшавы стояли подѣ Модлиномъ отсюда преследовали остатки бунтовщиковъ около 25 ты: до пруской границы гдѣ они здались и симъ кончился походъ.

Съ 16-го октября вступя въ Варшаву по 18-е ноября были въ караулѣ въ самой Варшавѣ и содержали разъѣзды имѣлъ честь говорить съ великимъ княземъ и фельдмаршаломъ при представленіи.

Послѣ караула пошли на зимовые квартиры въ Калишское воеводство въ Г: Ченстоховъ, стоялъ съ эскадрономъ милю отъ Ченстохова въ д: Конопискахъ до 23 марта 1832 года а сего числа выступилъ съ эскадрономъ въ обратной походъ въ Россію.

Награжденъ.

§ 52-й. 11-е получилъ чинъ подполковника за штурмъ Варшавы съ старшинствомъ съ 10 октября 1831 года,—марта 1-го 1832 года.

§ 53-й. 12-е получилъ орденъ св: равноапостольнаго князя Владимира 4-й съ бантомъ за сраженіе подѣ Г: Вильной, марта 10-го 1832 года.

§ 54-й. 13-е получилъ за польскую кампанію орденъ польскаго военнаго достоинства виртути милитари 3-го класа.

§ 55-й. 14-е получилъ медаль за штурмъ Варшавы маія 30-го 1832 года.

Командовалъ полкомъ походомъ отъ города Минска съ 15-го маія до города Витебска до 27 маія.

Утверждѣнъ командиромъ 4-го дивизіона Оренбургскаго уланскаго полка 15 октября 1833 года.

По высочайшему повеленію отправленъ для набора рекрутъ въ Г: Казань куда прибылъ 29 октября 1833 года.

При смотрѣ полка подѣ Москвою 18-го маія и 21-го чиселъ 1835 года командуя фланкерами, удостоился благоволенія Государя и лично говорилъ с нимъ.

1836 года съ 1-го марта по 1-е маія находился въ Москвѣ въ караулѣ съ 4 и 7-м эскадронами Оренбургскимъ и Сибирскимъ уланскими, Кіевскимъ и Ингермаландскимъ гусарскими, бывшими подъ командою моею, и получилъ благодарность по дивизіи.

1836 года августа 12 числа въ парадѣ, а 13-го на линейномъ ученьи въ присутствіи Государя.

Получилъ орденъ св: Станислава 3-й степени на шею, за отличную и ревностную службу отъ 22 ноября 1836 года, приказъ декабря 18, а крестъ и грамоту 12 генваря 1837 года.

Получилъ пряжку за 20 летнюю безпорочную службу 12 генваря 1837 года, а рескриптъ и статутъ 19 августа.

Получилъ орденъ св: великомученика и победоносца Георгія 4 класса за 25 лѣтъ, 17 генваря 1837 года а рескриптъ ноября 1-го.

Оставленъ былъ при 1-хъ четырехъ эскадронахъ съ сентебря по 16 ноября и потомъ съ ноября командовалъ ими по 16 генв. 1838 г: получилъ высочайшую благодарность 15 ноября 1837 года.

Получилъ благодарность по корпусу отъ 20 генваря 1838 года за нахождение въ Москвѣ при Государѣ, и за командование 2-мя эскадронами всей дивизіи.

Съ 27 іюля 1839 года по 2 сентебря былъ подъ селомъ Бородинымъ на парадахъ, открытіи памятника и маневрахъ при Государѣ Императорѣ, гдѣ за отличіе по службѣ 31-го августа произведенъ въ полковники.

Съ 1 декабря по 15 февраля 1840 года опять въ Москвѣ, командовалъ опять 4-мя эскадронами, и опять получилъ благодарность по дивизіи.

10 іюля былъ командированъ съ 4-мя эскадронами въ Рязанскую губернію въ село Вышгородъ на экзекуцію для усмиренія бунтующихъ крестьянъ щастливо кончилъ и возвратился въ полкъ 22-го іюля.

18-го маія 1842 года высочайшимъ приказомъ назначенъ командиромъ уланскаго принца Фридриха Виртенбергскаго полка, минуя старшихъ и не бывши въ образцовомъ полку благодарилъ Бога за милость и Государя.

Получилъ пряжку за 25-ти летнюю беспорочную службу 24 генваря 1843 г.

Получилъ орденъ св: Анны 2-й степени за отличную и усердную службу 17 августа 1843 года.

Былъ требованъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, гдѣ имѣлъ щастіе ему представлятца 10 марта 1844 года въ Санктпетербургѣ.

Былъ съ полкомъ на маневрахъ и парадахъ 1845 года, съ 10 іюля и по 18 августа, удостоился отличной благодарности.

Получилъ императорскую корону на орденъ св: Анны.

5 сентебря 1847 года подъ Москвой на Ходынскомъ полѣ во время церемоніальнаго марша Государь Императоръ три раза подзывалъ меня и особенно благодарилъ за полкъ.

Получилъ орденъ св: Владимира 3-й степени за отличную и усердную службу 6 декабря 1847 года.

Здѣлалъ съ полкомъ походъ изъ Владимирской губерніи Гавриловскаго посада съ 15 апреля 1848 года до города Шавли Ковенской губерніи куда вступилъ 29 іюня 1848.... два мѣсяца съ половиною, почти 1500 вер. и 120 верстъ отъ русской границы.

По милости Бога и Государя за отличіе по службѣ произведенъ въ генераль маіоры, съ оставленіемъ командиромъ полка 3-го апреля 1849 года.

По наговорамъ и непріятностямъ отъ генерала Муравьева командовавшаго гренадерскимъ корпусомъ просилъ увольненія отъ полка съ состояніемъ по запаснымъ войскамъ что исполнилось съ оставленіемъ при мнѣ полнаго жалованья 7 сентебря 1849 года. Здалъ полкъ заплативши 22 тысячи серебромъ. Богъ с ними.

Началъ мирную жизнь въ Москвѣ 1 декабря 1849 года.

Въ Варшавѣ былъ милостиво обласканъ Государемъ Императоромъ и два раза благодарилъ лично.

Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за 30 лѣтъ, 6 маія 1850 года.

По болезни генераль лейтенанта Яхонтова на время его отпуска представленъ и утвержденъ Государемъ преизусомъ военно судной комисіи при московскомъ ордонансѣ гаузѣ. Вступилъ въ должность 6 іюля 1850 года.

6 марта 1851 года получилъ убійственную бумагу отъ дежурнаго генерала Игнатьева по дѣлу Козлянинова, съ строгимъ выговоромъ и уплатой 206 ру. среб: а Государь по показанію трѣхъ помощниковъ ремонтира за взносъ ими денегъ, за столь важное преступленіе отдать подъ следствие. 17-го получилъ бумагу отъ Игнатьева по волѣ наследника ехать на следствие въ Понѣвѣжъ. И что по волѣ Государя увольняюсь отъ службы о мундирѣ же и пансіонѣ могу просить по окончаніи следствія. Упалъ подъ гнѣтомъ нещастія, пробывши три месеца въ Поневѣжѣ въ тоскѣ и униженъ. Былъ уволенъ въ Москву и вторично вытребованъ для окончанія следствія въ Торжокъ куда прибылъ 11 октября 1851 года, и чѣмъ кончится Богу извѣстно: Его святая воля. По неявкѣ ремонтира Новикова третично былъ вытребованъ въ Г: Тверь куда прибылъ 21 іюня 1852 года и по окончаніи следствія 26 іюля выехалъ въ Москву.

Наконецъ послѣ двухъ летнихъ страданій и душевной тоски получилъ конфирмацію наследника отъ 10 ноября 1852 года утвержденную государемъ, что за неправильныя действія следовало бы предать суду но за 38 лет: безпорочную службу, бытность въ компаніяхъ и оказанную храбрость, делаетца строгий выговоръ со внесеніемъ въ указъ объ отставкѣ. А о мундирѣ и пансіонѣ ничего.

По докладу Государю дежурнымъ генераломъ Катенинымъ отъ 24 марта 1853 года мнѣ всемилостивейше возвращенъ пансіонъ 860 рубл: серебромъ въ годъ со дня моей отставки 13 февраля 1851 года а объ мундирѣ отказано какъ не следуетъ по закону.

Черновой рапортъ поданной на имя командующаго Оренбургскимъ уланскимъ полкомъ Г: подполковнику Еврейнову отъ 11-го февраля 1832 года.

Отъ имени моего,

Рапортъ.

Съ удивленіемъ усмотрѣно мною, что въ формулярномъ моемъ о службѣ списокѣ, равно и ввереннаго мнѣ эскадрона пропущены те самыя дѣйствія противъ польскихъ мятежничьихъ войскъ, въ которыхъ я действительно съ моимъ эскадрономъ отдельно отъ полка въ разныхъ командировкахъ и экспедиціяхъ съ отрядами пехоты и кавалеріи бывшими под командою моею въ продолженіи прошлой компаніи находился; какъ то: хотя и помещѣно дѣйствіе 7-го маія при рекѣ Дубисѣ, но не сказано что взято знамя алое шитое серебромъ съ польскимъ и литовскимъ гербами имянно моимъ эскадрономъ, гдѣ я здѣлалъ двѣ атаки съ первыми полуэскадронами третьяго дивизіона, причемъ положено на мѣстѣ и потоплено въ рѣкѣ Дубисѣ более 200 мятежниковъ в пленъ взялъ 48 чел: и обозъ изъ 15-ти форшпановъ? 21-го Маія по предписанію Г: генераль лейтенанта Малиновскаго былъ оставленъ для наблюденія и поиска въ местечкѣ Вилкахъ, съ отрядомъ изъ ввереннаго мнѣ эскадрона, ротою пехоты Слюсельбургскаго полка и одномъ конномъ орудіи № 10-го роты, отъ кудова делалъ поискъ до Г: Росіянъ и тамъ соединясь съ 1-м и 4-м эскадронами следовалъ обратно съ моимъ отрядомъ уже въ аріергардѣ 23 числа пройдя м: Ераголи, открылъ толпы мятежниковъ въ мызѣ, которыхъ кавалеріею немедленно атаковавъ разбилъ и преследовалъ до лѣсу, гдѣ до самой темной ночи имѣлъ съ ними перестрелку! 5 іюня находясь отдѣльно въ авангардѣ на высотахъ подъ Г: Вильной командовалъ всею кавалеріей авангарда, состоящею: изъ 3-го дивизіона сего полка 2-хъ эскадроновъ лейбъ козаковъ, 1-го эскадрона Елизаветградскаго уланскаго полка и 2-хъ сотенъ оренбургскихъ козаковъ, сего жъ числа въ полночь командированъ начальникомъ авангарда полковникомъ Гембицомъ, съ отрядомъ изъ моего эскадрона, гранадерскою ротою и 24-хъ козаковъ, для ночнаго нападенія на польскіе пикеты, расположенные по ковенской дорогѣ и при корчмѣ Ваккѣ, на которые внезапно ударивъ положено на мѣстѣ по ночи неизвестно сколько, въ пленъ взять одинъ. 6-го іюня по приказанію Г: генераль лейтенанта барона Сакена былъ посланъ въ экспедицію съ отрядомъ, изъ ввереннаго мнѣ эскадрона, 16-ю охотниками 6-го эскадрона, ротою пехоты принца Карла полка, и съ застрѣльщиками съ цѣлаго баталіона, съ 40 гвардейскими и 100-ю армійскихъ козаковъ, для рекогносцированія и нечаяннаго нападенія авангарда польскаго генерала Гелгута за рекою Вакою, которой обойдя во флангъ напалъ въ 12-ть часовъ по полудни, разбилъ и принудилъ отступить, на мѣстѣ положено до 100 чел: и 3 офицера с которыхъ и знаки мною представлены в пленъ взято разныхъ чиновъ 29-ть. 7-го числа

съ разсвѣта въ ретирадѣ съ авангардомъ до Панарскихъ высотъ въ продолженіи семи верстъ командуя кавалеріей удерживалъ непріятѣля и здѣлалъ несколько успѣшныхъ атакъ козаками. 22-го іюня былъ посланъ Г: генералъ лейтенантомъ барономъ Сакеномъ съ моимъ эскадрономъ и 40 черноморскими козаками, для открытія непріятеля, переправясь въ плавъ рѣку Невежъ, открылъ 8-ми тысячной корпусъ генерала Роланда за м: Ясвойни настигши ихъ аріергардъ имѣлъ сильную перестрелку в пленъ взялъ 2-хъ гринадеръ. 16-го августа по приказанію Г: генералъ фельдмаршала былъ посланъ изъ м: Сохачева, съ моимъ эскадрономъ и 6-мъ эскадрономъ лейбъ гвардіи козачьяго полка подъ командою моею съ инструкціею для открытія и рекогносцированія по берегу рѣки Вислы до Г: Плоцка, въ м: Добржиговѣ при переправѣ чрезъ Вислу имѣлъ съ непріятелемъ бывшимъ въ превосходныхъ силахъ перестрелку, за что карабинеры ввереннаго мнѣ эскадрона, по приказанію Г: генералъ фельдмаршала получили по червонцу.

О всемъ семъ, равно и о потерѣ какъ убитыми такъ и ранеными какъ людей, такъ и лошадей, мною рапортовано за 21-е маія генералу Малиновскому, за 5-е іюня за № 17-м за 6-е іюня за № 18-м бывшему командиру сего полка Г: генералъ майору барону Торнау, за 7-е іюня № не упомяну полковнику Гембицу, за 22-е іюня № не упомяну рапортовано Г: генералъ лейтенанту б. Сакену за 16 августа за № 41-м Г: генералъ лейтенанту князю Хилкову, копіи сихъ рапортовъ у меня хранятца, для чего же сіе полкомъ пропущено мнѣ неизвестно, о чемъ ваше высоко: в непременную себѣ обязанность поставляя донести, и покорнѣйше прошу приказать внести какъ мнѣ равно и ввереннаго мнѣ эскадрона Г: Г: офицерамъ и нижнимъ чинамъ бывшимъ подъ командою моею въ сихъ дѣйствіяхъ въ формулярные о службѣ ихъ списки.

№ 9.

С: Конописки.

Мой бредъ.

Мечты и надежды мои миновались съ лѣтами.... я вижу ихъ въ отдаленной картинѣ прошедшаго, какъ утомленный путникъ заблудившійся въ пустынь видитъ въ дали за собою рощи, тѣни и ручьи, которыхъ онъ никогда не встрѣтитъ. Молодость занимается мечтами какъ розами. Идутъ лѣта приходятъ опытъ и хладомъ своимъ застудитъ жаръ сердца и наводитъ облако грусти, дохнѣтъ на мечты и разлетятца; коснетца надеждамъ и цепнѣются!

Вѣтръ свисталъ въ окончины моей избы, томно звенели стѣкла, онъ вылъ въ трубѣ и сверчокъ вторилъ ему своей печальной песней. Унылъ и мраченъ съ разстроенной душой и воображеніемъ, я сидѣлъ опершись рукою на столъ, другой машинально крутилъ усы, двѣ свѣчки слабо горели и колеблясь отъ ветра тускло бросали лучъ свѣта на лядунку и саблю неразлучныя украшенія съ три-

надцатаго моего года, могильная тишина всегдашній товарищ зимнихъ вечеровъ служащаго офицера, изредка была прерываема вздохами моего вернаго Трезора лежащаго свернувшись въ углу и какъ бы сострадающаго мнѣ, печальныя мысли столпились въ головѣ моей и сжатое сердце казалось говорило мнѣ: нѣтъ для тебя ни счастья ни надѣждъ! Я тоскливо воспоминалъ прошедшее и видѣлъ ошибки пылкаго характера, стыдился потеряннаго время и случаевъ къ счастью прочному но уже теперь невозвратимому! Гдѣ ты моя пылая молодость? Гдѣ ты прошедшее время, куда улетѣли мои мечты и надежды, застыла горячая кровь, уже я не вижу въ прелестной девушкѣ предмѣтъ любовной страсти и отказавшись отъ очарованія красоты не надѣюсь быть ею счастливъ, не вижу въ каждомъ товарищѣ вернаго друга которымъ душой и сердцемъ вверялся безъ опасенія, въ мундирѣ и на лошади не нахожу себя счастливымъ, а съ трубкой табаку за стаканомъ пунша истиннаго блаженства, разрушились волшебныя замки когда я видѣлъ себя героемъ покрытымъ славою, благотворителемъ человѣчества награжденнымъ всеобщимъ уваженіемъ и въ сихъ прелестныхъ мечтахъ я истинно былъ счастливъ, но чувствительность пламенной души есть опасный даръ природы горько обмануться во всѣмъ! Прошла алая заря юности, прошло время надѣждъ и очарованій, опытъ и разочарованный разсудокъ показали вещи въ истинномъ ихъ видѣ, и настоящее какъ надгробный камень теснить грудь мою!... безъ друга, безъ любви, отказавшись отъ обольщеній не зная кому себя вверить, съ душевной пустотой и мертвымъ ко всему равнодушіемъ воображеніе мое занято службой, ничтожною но необходимою заботой пустыми хлопотами; труды, скука, вечныя непріятности и—ни одного веселаго дня! вотъ мой удѣлъ, борясь съ счастьемъ и недостаткомъ, часто скрывая горестныя чувства въ самомъ себѣ—будучи одинокъ въ мирѣ какъ блуждающій призракъ въ пустынѣ всегдашнее повтореніе одно и то жѣ плачевная монотонія жизни моей,—извлекло глубокій вздохъ изъ груди моей, вздохъ красивой и горестной 20 лѣтъ службы и слишкомъ 30 жизни печальной рядъ годовъ быстро протекшихъ какъ унылое эхо отдается въ памяти моей, ни честь званія ни награда службы часто обманчивой сіи пустые призраки честолюбца, ни даже собственное чувство своего достоинства не делаютъ счастливымъ, когда не находишь ни въ чемъ истиннаго блаженства, будущій горизонтъ жизни моей представляется мнѣ чернымъ мрачнымъ покровомъ, нѣтъ желаній, нѣтъ и надѣждъ, угасли пылкости чувствъ! исчезли порывы и стрѣмленія, я вижу предъ собой ужасную бездну пустоты; машинально буду продолжать печальной путь жизни—одна мысль какъ благодетельный лучъ солнца согрѣваетъ душу мою! Мысль пасть со славою за отечество и на полѣ чести найти конецъ скучной жизни есть мое искреннѣе желаніе!..

1831 года декабря 31 дня.

С: Конописки.

Къ моей судьбѣ!

Моя ужъ молодость сокрылась;
И вянетъ юности цвѣтокъ
Безъ счастья сердце истощилось,
Впередъ не знаю что дастъ рокъ!
Но я предъ нимъ не поблѣднѣя:
Пусть будетъ такъ, что должно быть
Солдатомъ старымъ быть умѣя,
Судьба меня не устрасить.

На отъѣздъ мой въ полкъ 1818 года.

Прости въ послѣдній разъ, зеленая дубрава,
Златая колыбель невинности моей!...
Гдѣ дружба, гдѣ любовь, какъ милая забава
Мнѣ улыбались прекрасною зарѣй!...
Прости любезный лѣсъ, краса полей мнѣ милыхъ,
Свидѣтель радостей любимца твоего!...
Уже я ихъ лишенъ! лишенъ сихъ днѣй щастливыхъ!
Лишь горестъ мрачная осталась для него!...
Уже твой нѣжный другъ сужденъ своей судьбою
Военну жизнь вѣсти на чуждой сторонѣ,
Не будѣтъ болѣе съ вечернею зарѣю
Беседовать въ тебѣ въ беспечной тишинѣ.
И въ полночь—месяца въ задумчивомъ мерцаньѣ,
Мечтая не приду подъ твой унылый кровъ,
Своихъ печальныхъ чувствъ въ сердечномъ изліянѣ,
Почтить слезой любви душевной мой покровъ.
Увы! прошли тѣ дни беспечности щастливой,
Когда надъ озеромъ въ тѣнистыхъ берегахъ
Сидѣлъ въ мѣчтаніяхъ подъ дремлющею ивой
И пламенной мой взоръ блуждалъ въ твоихъ струяхъ!....
Когда спѣшилъ на лугъ въ сердечномъ восхищенѣ,
Въ часъ утра золотой приветствовать зарю,
И тихую слезу въ сердечномъ умилѣннѣ,
При прозбѣ возсылалъ вселенныя къ царю!....
О время радостей, о время наслажденій!
Почто промчалось ты съ такою быстротой?...

Почто лишился я тѣхъ милыхъ заблужденій,
Въ которыхъ щастливъ былъ невинною мечтой?....
Теперь печальныхъ чувствъ въ разстроенной свободѣ,
По волѣ на всегда оставляю край родной,
Еще сказать хочу, прости! друзьямъ природѣ,
Быть можетъ щастливъ буду.... въ странѣ чужой.

Звѣнелъ томно колокольчикъ, и печальной звукъ еще болѣе растроивалъ душу мою стесненную горестію и исполненную тоской (печальнаго предчувствія), я взглянулъ въ последній разъ на оставляемые мною мѣста и удаленіе сокрыло милыя предмѣты! Я со вздохомъ сказалъ: прости всѣ! прости всѣ! что питало мои надѣжды и привязывало къ жизни исчезло всѣ, осталась пустота и мрачное чувство; прости! (. . . . .)—Можетъ быть въ странѣ отдаленной отъ пули или сабли окончится жизнь моя (. . . . .) и никѣмъ не оплакиваемой зарытъ буду землѣю; тогда пусть хотя одно воспоминаніе . . . . .! посадить незабудочку на землю меня покрывающую!!!

Pour moi.

Что бедняжичка тоскуешь—
Голубочикъ что грустишь?
Томно стонешь не воркуешь,
И печально такъ сидишь
Сизы крылышки поджавши—
Что головку опустилъ,
И на веточки прижавши,
Глазки быстрыя закрылъ?
Не летаешь не кружишься—
Какъ легко прежде лѣталъ,
Въ тайнѣ слезы льешь крушишься,
И унылъ и томень сталъ.
Тебѣ верно . . . . .
Ахъ! . . . . . твоя,
. . . . .
Въ тоскѣ въ горести тебя .....

Люди съ солнцемъ людямъ ясно,
А со мною—все туманъ.

Все мѣртво—все молчить какъ ночь въ могилѣ хладной!
Гдѣ ты? духъ бодрости?—что здѣлалось со мной?...
Что, сердце, ты грустишь?... не верь мечтѣ отрадной!
Ахъ! поздно!... ахъ! прости надѣжда и покой!

(Полночь 6 генв: 1832 г.)

Мой злой геній.

Отъ чего такъ часто сердце мое страдаетъ иногда безъ всякой извѣстной мнѣ причины? Отъ чего свѣтъ тускнеть и все помрачается въ глазахъ моихъ тогда какъ лучезарное солнце сіяетъ на небѣ? Что изъяснить сіи душевные меланхолическіе припадки въ которыхъ сердце мое сжимается и хладѣетъ?... Не ужель тоска сія есть предчувствіе претерпенныхъ мною горестей или задатокъ новыхъ которыми судьба моя намерена посѣтить меня въ будущемъ?...

Нѣтъ! поздно—умеръ я для счастья,
Надѣжды—призракъ улетѣлъ!
Уныль, отвыкъ отъ сладострастья,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ!...

Изъ Пушк:

Людей и свѣтъ изведаль онъ,
Узналъ неверной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей нашель измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ.

Я говорю одинъ, самъ съ собою,—и въ чувствахъ души моей и въ движеніяхъ моего сердца никому не дамъ отчета!

Мысли (мои и про себя).

Кто знаетъ кому повиноваться, тотъ будѣтъ умѣть повелевать.
У солдата всѣ вычищено и ничего не вымыто.
Многіе при должностяхъ безъ всякой должности.
Чѣмъ кто чиновнѣе, тотъ тѣмъ болѣе долженъ быть умнѣе и осторожнѣе.
Подчиненной всегда теряетъ, когда онъ умнѣе своего начальника, и не постарается то скрыть.
Многіе офицеры не занимаютца ни чемъ полезнымъ, потому только что они офицеры.
Не всегда тотъ сострадателенъ, кто былъ въ нещастіи, но тотъ, кто оное чувствовалъ.

Многіе начальники полагають, что солдатская спина, барабанъ и труба, делаютъ одинъ только звукъ.

Офицерская расправа надъ солдатомъ не должна заключатца въ одномъ величественномъ словѣ: палокъ!

Часто пишутъ: что такой-то офицеръ здѣлалъ то и то; онъ которой въ это время едва ли вынималъ саблю.

Лутчая награда храбрости есть въ собственномъ чувствѣ и отзывѣ подчиненныхъ.

Трусъ никогда не отдастъ справедливости храброму.

Офицеръ которой во время боя делаетца ласковѣе съ подчиненными значить: что труситъ и не уверенъ въ себѣ.

Во время самыхъ ужасовъ войны женщина всегда есть соблазнительной предметъ для офицера.

Храброй пѣтъ для препровожденія время а трусъ съ горя и страху.

Ура! къ атакѣ! храбраго делаетъ львомъ а труса зайцемъ, оба бросаютца, перьвой горитъ другой обмираетъ.

Ничья память такъ неиспорчена какъ военныхъ людей.

Никто такъ не употребляетъ иностранныхъ словъ и пословицъ какъ военные.

Разговоръ офицеровъ начинается службой, продолжается шутками, а кончится женщинами!

Знакомство офицеровъ начинается сухо, продолжается горячо, а кончится мокро!

Никто такъ не близокъ къ монахамъ по образцу жизни своей какъ солдатъ, и никто такъ не далекъ отъ солдата какъ монахъ.

Никто такъ не забываетъ ближнихъ своихъ, и никто такъ не помнитъ знакомыхъ какъ военной человекъ.

Те жѣ люди въ военной службѣ делаютца развязнѣе.

Какъ многимъ офицерамъ нужно денегъ, денегъ, денегъ! также многимъ нужно не служить, не служить, не служить!...

Иной служба и много видѣлъ да ничего не замѣтилъ.

Физиогномія старова боеваго офицера всегда выразительнѣе молодова.

Протекція любитъ просторъ, почему часто умъ, честь и храбрость не находятъ себѣ мѣста.

Когда начальникъ во время строя много суется то значить: что ничего не знаетъ, а во время сраженія, что ищетъ безопаснаго для себя мѣста.

Дурака можно узнать по смѣху, невежу по перьвому слову, умнаго по послѣднему, лгуна съ перьваго до послѣдняго, фанфарона по телодвиженіямъ, гордеца по носу, опытнаго по глазамъ, ветренаго по легкости, и многихъ узнаешь по усамъ и ушамъ!...

Языкъ долженъ быть на поводѣхъ, а уши на свободѣ.

Не стрѣляй глазами по пустому, какъ холостыми патронами.

Естьли зовутъ туда, гдѣ девушки береги глаза и сердцѣ, гдѣ пьютъ говори нездоровъ, гдѣ играютъ отзовись службой, а гдѣ развратъ лутче совсемъ не ходи.

По приказамъ легко узнаешь начальника.

Иной потому только храбръ, что не видалъ ничего опаснаго.

Хвастливый трусъ всегда впереди въ мирное время.

Онъ же въ мирное время наиболѣе говорить о своихъ подвигахъ.

Приметьтѣ онъ же на словахъ болѣе рубить нежели милуетъ.

Часто недвижимая храбрость привешивается къ движимой трусости.

Отчаяніе и труса делаетъ храбымъ.

Офицеръ трусъ есть вооруженный мундиръ.

Храбрость есть бедственное титуло, трудно его заслужить, и многіе лишаются жизни.

Лошадь не будетъ лутче, отъ богатова прибора, ни дуракъ умнѣе, отъ щегольскова мундира.

Ничто такъ не растроиваетъ, какъ карточная игра. Проигрышь печалить, а выигрышь доводить до излишнихъ удовольствій.

Лутчее удовольствіе есть душевное спокойствіе и когда человекъ доволенъ самъ собою.

Я виделъ что многіе за столомъ пьютъ вино чтобъ лутче есть съ аппетитомъ, напротивъ, виделъ и такихъ: которые для того только ели чтобъ лутче пить съ аппетитомъ.

Офицеръ которой съ перваго знакомства начинаетъ говорить о своемъ имени, связяхъ, знакомствѣ и прочъ: обыкновенно пустой человѣкъ.

Праздность рождаетъ скуку, скука заставляетъ употреблять горячіе напитки, а пьянство доводитъ до всѣхъ пороковъ.

Хотя и рѣдко и смѣшно, но я видалъ пьяницъ по правиламъ.

Пьяница безъ стыда, есть патентованный пьяница, съ привилегіей общаго презренія.

С В на крестѣ святаго Владимира значитъ различно: у одного: смѣло воевалъ, у другога страхъ видѣлъ, у одного смѣло выпросилъ, у другога сами выдали, у многихъ: счастіе вывезло.

Также у многихъ на золотыхъ сабляхъ вмѣсто надписи за храбрость следовало бы написать: за непролитіе христіанской крови, у другихъ за страхъ Божій и любовь къ начальникамъ, найдутся и такіе с надписью—чужой храбростью и собственной трусостью.

На маневрахъ воображай себѣ что дѣйствительно въ сраженіи, а въ сраженіи представляй себѣ что на маневрахъ, симъ образомъ приучишь себя къ войнѣ.

Приучай слухъ къ звуку выстрѣловъ, глаза къ огню, руку къ смелому удару, и сердцѣ къ рѣшительности, симъ образомъ получишь возможное хладнокровіе.

Храбрость безъ разсудка, и разсудокъ безъ храбрости дѣлають начальника только что смѣшнымъ.

Рѣшительность первое достоинство офицѣра, безъ нее солдатъ машина!

Иные люди имѣють иногда такую холодную фізіономію что боишься на нихъ смотрѣть, чтобъ не простудить глазъ.

Надобно преждѣ оставить службу, нежели служба самого оставить.

Иные служатъ для службы а для иныхъ сама служба служить и такихъ я довольно знаю.

24 октяб: Начальникъ которой хвастаетъ что потерялъ въ сраженіи много людей и лошадей, оправдываетъ пословицу: „наша взяла и рыло въ крови“.

Начальника не заслуживающаго своего мѣста точно такъ видишь какъ въ богатыхъ рамахъ мыши кота погребаютъ.

Нѣтъ ничего чувствительнее огорченія какъ отъ прозреннаго и благодетельствованнаго человека слышать клевету и ругательство.

Истинной солдатъ никогда не судить о своемъ отечествѣ, какъ сынъ о своей матери.

Вода создана для рыбъ, вино для женщинъ, мадера для мужей, но ромъ и водка для однихъ героевъ.

Полкъ есть полка, на которой устанавливаютца все худыя обстоятельства полковаго командира, эскадронные же командиры какъ подставки полки часто трещать отъ тяжести.

Есть пословица: служить такъ не тужить, но нѣтъ справедливее, кто служить тотъ тужить.

Непріятель безъ оружія то же что волкъ безъ зубовъ тотъ же щенокъ не стоитъ обращать на него вниманія.

Заочная брань хотя не вредить но также надоедаетъ какъ лай собаки.

Человѣкъ которой судить о предмѣтахъ превышающихъ его разсудокъ, подобенъ слепому разсматривающему цвѣты.

Офицеру выбравшему военную дорогу и желающему быть отличнымъ, необходимы стратегія, тактика, предприимчивость, хладнокровіе и личная храбрость.

Полѣ сраженія не всегда щастливо для храбраго, какъ худая дорога для бегуна, награжденіе рѣдко бываетъ справедливо равно какъ и отзывъ людей за знанія и благоразуміе.

Есть много офицеровъ, отъ которыхъ теряеть служба, но есть офицеры которые теряють отъ службы.

Первые молодые маркирующіе ея, вторые хорошо служащіе и неотличаемые.

Благоразуміе велить быть другомъ, если нѣтъ силъ быть недругомъ.

По моему тотъ истинной солдатъ, у котораго сердце и оружіе изъ одного здѣланы метала.

Холостая жизнь, всё равно: что жить въ холодной комнатѣ, хотя холодно, зато не угоришь и не выкинетъ изъ трубы. И не бойся пожара семейной жизни.

Худой солдатъ которой не думаетъ быть генераломъ сказалъ Суворовъ, и глупъ тотъ генералъ которой не боится быть солдатомъ скажу я.

Бойся молодой женщины и заржавленной пушки, первая можетъ взорвать, а вторую разорвать, и обѣ опасны.

Странный случай.

Военной разсказъ.

Произш: 1831 года.

Если позволено верить сверхъ-естественному, не подвергаясь названію суевера, в такомъ случаѣ гдѣ умъ человека не находитъ никакой натуральной причины къ открытію, теряясь въ догадкахъ, то и за исключеніемъ множества старыхъ и новыхъ сему примѣровъ даже историческихъ, будучи солдатомъ безъ предразсудковъ, симъ опытомъ почти всёмъ уверился, и предлагаю въ солдатскомъ расказе сіе со мной приключеніе, но не хотя никого всёмъ уверять, весьма бы былъ тому обязанъ, кто бы доказалъ мнѣ возможность сего случая.

Тринадцати лѣтъ я былъ уже солдатъ, душой и тѣломъ заклалъ себя сему званію. Маралъ усы пробкою, торжественно брячалъ шпорами, мучилъ себя и лошадей, и въ сихъ занятіяхъ находилъ свое блаженство, но скоро и рано познакомился я съ бурей и ненастьемъ военной жизни. Рано приучилъ слухъ мой къ свисту пуль и ядѣрь, а глаза къ крови и убійству,—на зарѣ жизни только проснувшіе чувства мои замерли, и грудь оледѣнѣла въ обязанностяхъ солдата, изрѣдка только, какъ солнцѣ въ утреннемъ туманѣ лучъ чувствительности скользилъ по юному сердцу, и порой пылкое воображеніе рисовало какіе-то неразъяснимые картины въ свѣтлой будущности розовою краскою; уже теперь мнѣ понятныя и разгаданныя но несвершившіяся.

Вошедши въ пылъ молодости, кипя мужествомъ, я жадно искалъ случаевъ къ отличію, и презиралъ смерть. Погасивъ последнюю искру чувствительности, я слилъ свое существованіе съ службой, ознакомясь со всёми ужасами и трудами войны, окуренной порохомъ, в пыли на лихомъ конѣ, съ саблей и пистолетомъ, я былъ налѣтомъ уланомъ, хвала начальниковъ; уваженіе товарищей и любовь солдатъ, при полученныхъ мною отличіяхъ еще въ чинѣ поручика, выводили меня изъ себя, стаканъ пуншу и выстрѣлъ непріятеля блескъ его сабли и поцѣлуй девушки, все было равно, открывать непріятеля или отправитца на балъ, я былъ живъ какъ ртуть и готовъ былъ на всё решитца, словомъ для

меня было по пословицѣ: „жизнь копѣйка а смерть денежка!“ И что голова моя до сихъ поръ цѣла на плечахъ, то симъ конечно я уже не себѣ обязанъ.

Все мои товарищи Г: Г: офицеры конно-польскаго уланскаго полка въ 1813-м 1814-м и 1815-м годахъ подтвердятъ сіе о поручикѣ: Г: К: и припомнятъ приданное мнѣ имя: я сіе для того пишу чтобы удостоверить что съ такимъ характеромъ трудно быть суеверомъ.

Въ прошедшую компанію, противъ неугомонныхъ и задорныхъ нашихъ меньшихъ братцовъ поляковъ, гдѣ дерзость съ храбростію и безуміе съ мужествомъ были въ неравной борьбѣ,—я въ чинѣ маіора служилъ въ Оренб: уланскомъ полку, послѣ разныхъ маршовъ и контръ маршовъ по Литвѣ, различныхъ кривыхъ и прямыхъ движеній по всѣмъ ея закоулкамъ необходимыхъ въ такомъ случаѣ, беспрестанныхъ стычекъ; войны пьяной шляхты и пановъ полишинелѣй съ мощными москалями, послѣ множества по военному хотя смѣшныхъ, но кровавыхъ приключеній, послѣ обыкновенной бивачной жизни съ весельемъ ея и невесельемъ, выгодами и невыгодами, натерпевшись трудовъ и скуки до нелзя, мы окончили сію траги-комедію виленскимъ дѣломъ, степенно проводя Гелгута и опаленную пожарами и залитую кровью смиливъ литовскую сумасбродницу; отправились сбивать польскую спесь.

Перейдя Неманъ, мы при всякомъ случаѣ по возможности обрѣзонивали поляковъ, и послѣ маріунпольскаго имъ угощенія уговоря совершенно Пушета съ его десятию тысячами храбрыхъ спиртомъ, разношерстныхъ воиновъ, мнѣ крайнѣ не хотѣлось хотя и по вынужденію говорить польскимъ гостеприимнымъ красавицамъ комплименты: что к нимъ очень идѣтъ патріотической черной цвѣтъ по ихъ рыцарямъ, которыя вися по разнымъ мѣстамъ, доказывали что безусловная свобода отправилась на тотъ свѣтъ!

На конецъ мутная желтая Висла за нами, и кончина Польши уже слабеющей въ смертной борьбѣ близка. Мы составили наблюдательной отрядъ на важномъ пунктѣ въ местечкѣ Сохачевѣ,—въ соседствѣ гордой Варшавы, которая наполняясь войсками и опоясавшись какъ поясомъ, тройнымъ рядомъ укреплений, въ чадѣ буйства, грозно и решительно готовилась принять незваныхъ гостей!

Отрядъ нашъ былъ изъ 2-й бригады 1-й улан: дивизіи, драгунскаго короля Виртенбергскаго пол: 6-го эскадрона лейбъ гвардіи козачьяго полка и съ конною артилеріею, подъ командою генералъ лейтенанта князя Хилкова.

Я во все время сей компаніи бывши въ своей стихіи, былъ доволенъ какъ рыба и свободенъ какъ птица, пилъ елъ и спалъ по возможности какъ нелзя лутче, и словомъ наслаждался всѣмъ и когда могъ,—время было прекрасное, погода благопріятствовала, и мѣсто сухое и подлѣ рѣки (Бзуры) стало быть нелзя было умереть ни отъ жажды ни отъ жару, Сохачевъ былъ близко в котомъ съ денгами не было скучно. Однажды возвратясь изъ порученной мнѣ

немаловажной экспедиціи противъ непріятеля и выполненной мной удачно—я добивалъ день, какъ обыкновенно по военному, поваливаясь на свежемъ сенѣ когда навѣстилъ меня соседъ мой по бивако-бургу добрый почтенный полковникъ Б-нъ с несколькими офицерами. „Здоровъ ли свѣтлѣйшій!“ (онъ шутя меня такъ называлъ.)

Я былъ посланъ по приказанію фельдмаршала съ 2-мя эскадронами рекогносцировать правой берегъ Вислы и г: Плоцкъ.

Если у тебя старая водка, а ужъ надоѣли польскіе васпаны съ ихъ колбасами и съ венгерскимъ, пора бы и конецъ мазуркѣ: Нашъ Хлопицкій и протч: и офицерская веселость с военной остротой часто размачиваемая пуншемъ и протчими жидкостями полилась. Бивачной ужинъ въ полномъ смыслѣ а ля фуршетъ, не глядя на невольныя слезы отъ дыму огнѣй целаго отряда съ десертомъ трубочныхъ облаковъ скрыли от насъ время и вечеръ; и окончивъ нашъ жуисансъ въ ночныхъ теняхъ отсвечиваемыя огнями—всѣ въ обыкновенномъ веселомъ ночномъ видѣ разошлись; и я будучи рускимъ хозяиномъ, завернулся в шинель, нырнулъ въ бивакъ и беззаботно заснулъ.

Но сонъ мой не былъ сонъ обыкновенной! Явственно и живо съ печальнымъ лицѣмъ стоялъ предо мной убитой мой унтеръ офицеръ Ефимовъ. „Здѣсь квартира вашего высокоблагородія“, сказалъ онъ мнѣ! Я взглянулъ, и чтожъ представилось мнѣ? Квадратная, маленькая, сырая и холодная землянка, обложеная новыми досками съ тремя маленькими окошечками,—я оборотился к нему и будучи весьма недоволенъ противъ обыкновенія выраженія военнаго негодованія, сказалъ ему только сухо: „спасибо братъ я не намеренъ въ этой квартирѣ расположитца“. Онъ взглянулъ на меня неизъяснимо горестно и видѣніе переменилось.

Казалось мнѣ—что я слышалъ торжественную музыку, въ многочисленномъ собраніи неизвѣстныхъ мнѣ военныхъ людей, мнѣ кемъ то принесенъ былъ крестъ осмиугольной каменной разныхъ тусклыхъ цвѣтовъ и необыкновеннаго формата! По мерѣ того какъ я его разсматривая говорилъ: что в петлицу онъ великъ, на шею тяжелъ, развѣ повесить на спину! Крестъ увеличивался и превратился совершенно въ надгробной!.... Я по тяжести и чувствуя какое то к нему отвращеніе бросилъ его, онъ съ громомъ распался, собраніе обратило на меня взоры, торжественная музыка переменилась въ трубные звуки на трубахъ нашего полка!!! Сей странной сонъ живо врезался въ моей памяти. Я не былъ никогда изъ последоватѣль тайнственности, но во всѣ время моей удалой службы, въ смертельныхъ крайностяхъ я всегда щастливо отдѣлывался и никогда не былъ раненъ, я вспомнилъ пословицу о кувшинѣ и водѣ, и невольно въ ожиданіи скорого штурма Варшавы подчинилъ себя какому-то мрачному впечатлѣнію, и сидя на седлѣ печально пилъ утренній бокалъ пуншу, покручивая усы и глядя себѣ на носъ.

„Здарово братъ Павелъ!“ былъ утрѣнній привѣтъ моего вернаго пріятеля маіора Б—ва, но удивясь моей мрачной неподвижности, что во мнѣ было странно, онъ спросилъ меня о причинѣ, и я любя его душевно здѣлалъ ему мой рассказъ, — онъ невольно помолчавъ сказалъ мнѣ, что это пустяки, но довольно сурьезно и задумчиво. Вскорѣ лучи яркова солнца по возможности хорошій обѣдъ съ правой чистосердечія насъ развеселили и въ веселомъ живомъ разговорѣ я забылъ и сны и предчувствія; мы разстались онъ пошелъ въ свой бивакъ приглашая меня на вечеръ а я докуривъ трубку прилегъ подкрепитца солдатскимъ сномъ.... Какъ онъ быстро возвратился въ сопровожденіи моего эскадроннаго вахмистра. „Вставай братъ сей часъ походъ, и завтра штурмъ Варшавы!“ Слова его были молніей ударившей мнѣ въ сердце и живо возобновили сонъ и печальное мое предчувствіе, я удивлялся сему необыкновенному для меня чувству, но скрылъ в себѣ, и получа отъ моего вахмистра подтвержденія сказаннаго, я отдалъ нужныя приказанія по эскадрону, хладнокровно одѣлся и приготовился къ бою. Сохачевъ отъ Варшавы былъ въ 7-ми миляхъ и мы по приказанію фелдмаршала должны были поспѣть на штурмъ къ 3-м часамъ утра, стало быть намъ предстоялъ ночной походъ.

Чрезъ полчаса раздалась команда: полки сели на лошадей, выстроились, и отрядъ двинулся. Сохачевскій мостъ прогремелъ подъ ногами бодрыхъ освежившихся коней флюгера развевались вечернее солнцѣ блистало на оружіи громкой веселой маршъ на трубахъ оживлялъ всѣхъ мы прошли Сохачевъ и шибко потянулись по прекрасному шоссе къ Варшавѣ. Всѣ вскипѣло мужествомъ, казалось завтраждаго ожидалъ торжественный веселый праздникъ, офицеры передавали свои чувства солдатамъ, и электрической огонь мужества бѣжалъ по рядамъ, никто не думалъ о утреннемъ ужасѣ и гибѣли.

Между тѣмъ день свечерѣлъ, заря догарала, жеребецъ мой рисовался и прыгалъ, но какая то тяжесть щемила мое сердцѣ и какъ камень лежала на немъ. Послѣ короткаго ночнаго привала около местечка Блони, гдѣ мы подкрепили себя и лошадей, мы опять быстро пошли впередъ, холодной ночной вѣтръ и усталость прекратили обыкновенной походной говоръ, стукъ подковъ, легкій шумъ оружія и изрѣдка голосъ разговора или команды только прерывали тишину ночи. Я почувствовалъ ознобъ, надѣлъ шинель въ рукава и подправилъ мои эполѣты. Между тѣмъ передали приказъ подходя къ Варшавѣ сохранять наивозможную тишину, даже не курить трубокъ, — и вотъ необозримый рядъ огнѣй багровившихъ небо, какъ великолепная иллюминація открыла нашу армію, которая какъ огненный змій обвила мятежную Варшаву — вездѣ было тихо и покойно какъ въ могилѣ, это была тишина Везувія передъ изверженіемъ. Мы взяли совсѣмъ противное направленіе въ лево и въ темнотѣ соединясь съ колоннами гусаръ спѣшились. Тутъ я узналъ что мы противъ самыхъ укреплений *Воли*,

между тѣмъ какъ вниманіе буйныхъ чадъ революціи было обращено на пустые огни. Разсвѣтъ уже былъ недалеко и мы по отданному намъ приказанію всѣ одѣлись въ парадъ и наши пики украсились новыми флюгерами, чтобъ при смертоносныхъ фортопьянахъ канонады распить с поляками последнюю чашу смерти и железной русской грудью разгромить укрѣпленія, которыя всемъ что военное искусство, умъ, отчаяніе и дерзкое мщеніе могли придумать, были одѣты. Я хотѣлъ воспользоваться несколькими минутами можетъ быть послѣдняго моего земнаго покоя, мнѣ постлали въ бороздѣ между полосъ, подлѣ моего эскадрона кожу, на нее подушку и я еще ощупавъ и поправивъ мои эполѣты обвязался шалью, положи подлѣ себя киверъ и трубку легъ какъ в люлку в землю неминуемую нашу общую постелю, и въ минуту заснулъ, но недолго покоился, — меня разбудили!

Алая заря чуть показывалась въ сумрачномъ отдаленіи, густой туманъ тяжелымъ облакомъ лежалъ на Варшавѣ, покрывалъ насъ и окрестности, казалось въ семъ туманѣ носилась смерть и гибель и прикрывшись имъ вилась с нимъ вмѣстѣ, жадно кровавыми глазами смотря на свои жертвы, — казалось свѣтъ и солнце неохотно хотѣли освѣтить сей день ужаса и разрушенія. В мгновеніе все пришло въ движеніе, мы бросились къ лошадямъ и уже по возможности различать предмѣты слышали команду садись; я быстро оправился оглядѣлъ саблю и пистолѣты, послалъ вздохъ и самъ не знаю кому, повторилъ моему эскадрону команду садись, сбросилъ шинель и вложилъ ногу в стрѣмя чтобъ сесть на моего жеребца котораго съ трудомъ держали мои ординарцы Исаевъ и Карповъ — какъ услышалъ несколько голосовъ что я безъ эполѣтъ!... Вообразитѣ мое удивленіе! ихъ точно не было! Тогда какъ я ложаюсь ихъ ощупалъ, обвязался шалью, не сходилъ с мѣста равно и ко мнѣ никто не приближался и лежалъ въ бороздахъ не болѣе получаса завернувшись шинелью, знаковъ никакихъ не было чтобъ они оторвались. Просто но неизъяснимо они исчезли, — изумлятца мнѣ было нѣкогда я велелъ моему человеку которой разинувъ ротъ крестился, какъ наипоспешнѣе достать другіе эполѣты. Между тѣмъ какъ сіе делалось и я горѣлъ нетерпѣніемъ, войска въ густыхъ колоннахъ двинулись а с ними и нашъ полкъ, осадная артилерія была уже въпереди, съ громомъ прошла рысью и полевая, минута ожиданія и тишины, еще минута, вотъ выстрѣлъ! другой!... окрѣстность вздрогнула и земля застонала отъ адскаго грома орудій, — гулъ и грохотъ артилеріи, туманъ, пыль и густой чернѣйшій дымъ скрыли свѣтъ и въ семъ гробовомъ мракѣ только видны были ближнія колонны войска обвитыя имъ какъ траурнымъ плащомъ, блистающія молніи выстрѣловъ, лопающія гранаты и свистящія конгревовы ракеты отсвечивали сію невыразимую картину какъ похоронные факелы погребенія всѣхъ чувствъ человечѣства. Первыя залпы были ужасны и смертоносное гибельное дѣйствіе непріятельскихъ картечь въ рядахъ

приближавшихся наших колоннъ въ минуту представило кровавыя сцѣны убійства въ различныхъ видахъ!

Наконецъ эполѣты мои привязали, я стоялъ всё сіе время безъ сертука, и изъ проходящихъ впередъ войскъ многіе офицеры спрашивали не раненъ ли я,— мгновенно одѣвшись я вскочилъ на моего жеребца, шпоры! и понесся вихремъ въ сопровожденіи моихъ ординарцовъ къ полку. Малая дистанція и я въ пылу сраженія, несколько ядеръ просвистали мимо меня, яростный глухой крикъ ура! ударилъ мнѣ въ уши, раздались ружейные залпы, батальной огонь загорелся и быстрая светлая рѣка стальныхъ штыковъ заблестала и полилась! Это наша пѣхота ударила на штурмъ! Я отъ души и сердца сказалъ „помоги Господи нашимъ“. Мнѣ нѣкогда было тутъ думать о предчувствіяхъ, я забылъ все, сердце мое сжалось, глаза налились кровью! и я выхвативъ мою саблю, дышалъ мщеніемъ и убійствомъ, долгъ и обязанность рускаго штабъ офицера, отличіе или славная смерть, вотъ были мои мысли! Съ мгновеннымъ воспоминаніемъ о матушкѣ съ порученіемъ себя Богу, я заключилъ сіе крестомъ моего ефеса,—я проскакивалъ мѣжду колоннами пехоты и кавалеріи, полѣ покрыто было убитыми и ранеными, я увидѣлъ свой полкъ въ 1-й линіи на левомъ флангѣ, онъ былъ подъ сильнымъ огнемъ и шелъ на рысяхъ въ боевомъ уже порядкѣ прикрывая 7-ю батареиную роту и несколько пехотныхъ колоннъ. Я прискакалъ предъ свой эскадронъ, и мнѣ казалось что я съ своими ближними родными! Нѣтъ это чувство непонятно для тѣхъ которые не разлучались съ своими товарищами и подчиненными во время боя! Свистъ ядеръ во всѣхъ направленіяхъ раздиралъ воздухъ, гранаты лопались, конгревовы ракеты шипѣли поверхъ нашихъ головъ и унылой звукъ роговъ пехоты съ ихъ барабанами составляли ужасную музыку.....

Мы стали на позицію. Батарея наша открыла огонь. Гудъ ея ядеръ потрясавшихъ даже у насъ мозгъ, честь ей и слава за успѣшное и храброе дѣйствіе принудили отступить непріятельскую пехоту и кавалерію которую намъ было должно атаковать сквозь тучу пуль и картечь! И обративъ на себя дѣйствіе непріятельской артилеріи дало намъ несколько вздохнуть свободно. Предъ нами грозно хмурилось укрепленіе, пламенѣя огнемъ, и рѣвъ его орудій представлялъ его чудовищемъ вызваннымъ изъ ада мщеніемъ поляковъ!

Мы опять начали наступленіе маневрировали вправо влево но люди и лошади валились! Полкъ шелъ храбро и решительно, презирая смерть какъ самоотверженной сынъ отечества, жертвуя своими членами, достойными уваженія своихъ соотечественниковъ. Взглянитъ на сихъ молодыхъ офицеровъ еще впервые въ столь жестокомъ огнѣ, ихъ ожидала прелестная будущность, юныя надежды они хладнокровно всѣмъ жертвуютъ, отечеству и званію рускаго дворянина, и я по правдѣ стараго салдата, окрепнувъ въ бояхъ горжусь оренбургскимъ мундиромъ.

Подаваясь всё впередъ, мы миновали взятыя окопы, нашъ левый флангъ приблизился къ грозному укреплению и действия косвенныхъ выстрѣловъ по близости были ужасны. Приведу въ примеръ одинъ ударъ ядра пришелъ въ мой эскадронъ прошелъ сквозь шесть шей лошадей постепенно выше и положивъ ихъ на мѣстѣ какъ стояли во фронтѣ разорвало грудь у одного улана за нимъ у друга оторвавъ руку с плечомъ и съ третьяго сорвавъ шапку пронеслось во вторую линію гдѣ еще положило двухъ человѣкъ вотъ каковы были выстрелы варшавскіе!

Храбрый капитанъ Шпилевскій съ своею 12-и колонною ротою выехалъ впередъ и не глядя на невыгодную позицію почти на картечный выстрѣлъ открылъ огонь по укреплению но борьба была неравна и рѣшительна и 12 рота много потерпѣла, такъ мы бились до вечера.

Излишнѣ считаю описывать всё ужасы сего штурма всемъ известнаго съ его следствіями—хотя и видѣлъ соб: гла: штурмъ Воли перьвой и важнейшій пунктъ укреплений Варшавы, гдѣ какъ я сказалъ мы были въ 1 линіи на левомъ флангѣ. Излишнѣ повторять непреоборимую храбрость нашихъ войскъ оказанную въ высшей степени неподражаемости, и отчаянную ярость поляковъ, гибель тысячи храбрыхъ съ обеихъ сторонъ, взрывы минъ и с ними смерть цѣлыхъ баталіоновъ, шипенье града картечь и дождь пуль! Смерть вездѣ и въ тысячи видахъ, геройство и рѣшительность храбрость и дерзость, я былъ подъ Кульмомъ, Лейбцигомъ и Парижемъ, но не забуду и штурма Варшавы! Короче день сей кончился я остался живъ и не раненъ по прежнему хотя мой эскадронъ потерпѣлъ и больше другихъ людьми и лошадьми.

На другой день 26-го августа до 1-го часа всё было покойно. Но въ 2 часа кровавыя сцѣны безуміе поляковъ и верныхъ долгу и чести росіянъ возобновились, но уже очарованный поясъ Варшавы усаженный орудіями и украшенный рускою кровью былъ снятъ и Варшава по примеру кроваго брата своего Парижа поверглась къ стопамъ російскаго монарха.

Быль 10-й часъ ночи, мельницы пылали и освещали оставлѣнное полѣ битвы и растерзанные трупы людей и лошадей, въ предмѣстіяхъ еще горела сильная перестрѣлка и русское ура грѣмѣло! Поляки изъ Праги черезъ Вислу на удачу бросали въ насъ гранаты и ракеты, наконецъ Варшава издала послѣдній стонъ потерянной свободы! и бой затихъ, колонны отступили и расположились для покоя—когда меня вызвали съ эскадрономъ и козаками держать передовую цѣпь хотя я былъ изнуренъ какъ и другіе но въ службѣ нѣтъ отговорокъ! Привычка къ смерти делаетъ человека и въ смертельной опасности равнодушнымъ и хотя польскіе стрѣлки открыли огонь но въ совершенной темнотѣ на удачу, и я спокойно разставилъ одинъ полуэскадронъ съ помощію храбраго моего поручика И: которой больной с трудомъ держась на лошади былъ въ делѣ а другой полуэскадронъ съ поручикомъ Л: подкреплялъ 1-й. Мы не глядя что непріятель на носу

выпили закусили и проспали такъ спокойно на сырой холодной землѣ какъ нельзя лутчѣ.

Теперь обращаюсь къ моему приключенію. Конечно сонъ и потеря эполетъ не есть важное произшествіе и если кто ожидалъ гораздо больше то прошу меня извинить, но сообразивъ сіе съ обстоятельствами есть какая то странная связь, угрожавшая мнѣ гибелью, но въ доказательство суеверамъ особенно военнымъ что сіи предчувствія не всегда справедливы! Впрочемъ исчезнувшіе эполеты безъ всякой возможности, загадка! И для меня неизъяснимо—отъ кого же мнѣ достались сіи эполеты..... Это тайна!..... И я молчу чтобъ не заставить себя почитать суеверомъ.

Соч: П: Г: К: 1833 Го.

Эполеты сіи проданы мнѣ человекомъ по М: М: у: п: бедет: поч: подъ М: Со:

Сонъ.

Я виделъ сонъ!... который не совсемъ былъ сонъ!...

Л. Байронъ.

Казалось мнѣ что въ вышину эфира
На крыльяхъ бурь, я смѣло возлеталъ,
И съ вышины я зрѣлъ пространство міра,
Зрѣлъ сонмы звѣздъ.... Творенія предѣлъ!...
И въ сонмѣ томъ родимый шаръ катился,
На немъ и я когда то обиталъ!...
Тамъ я любилъ, надѣялся, томился,
И мигъ одинъ предъ вѣчностью страдалъ....
Летала ночь надъ спящею всѣленной,
И стройно міръ плылъ въ небѣ голубомъ....
Но часъ насталъ!... Судьбой опредѣленной
И надъ землею, последній грянулъ громъ!...
Изъ грозныхъ тучъ, зміями молнии вились,
И чорный лѣсъ пожаромъ запылалъ;
Гранитныхъ горъ громады сокрушились,
И океанъ взревѣлъ!... заклокоталъ!...
Еще ударъ..... и солнцы догорѣли!...
Угасъ огонь пылавшій въ небесахъ!....
Лишь кое гдѣ остатки жизни тлѣли,
Клубился дымъ.... и вѣтръ развѣялъ прахъ!...
Ужасенъ видъ природы разрушенья;

Стихи всѣ сразились межъ собой;
Я сталъ одинъ, среди уничтоженья,
Былъ оглушенъ!...могильной тишиной....
И тщетно взоръ искалъ еще творенья,
И тщетно онъ пространство прелѣталъ,
Ни звука нетъ, ни жизни, ни движенъя,
И я одинъ въ пустынь возстеналъ!.....

Романсъ.

Рѣвите вѣтры на горахъ,
Бушуйте буйные въ долинахъ;
Въ туманныхъ сѣвера поляхъ,
И юга пламенныхъ равнинахъ,
Гласъ бури душу вѣселить,
Люблю я вѣтра завыванье,
И въ немъ мнѣ что-то говорить
Забудь любовь и упованье.
Другимъ, въ лазурныхъ небесахъ,
Звѣзда любви горитъ желаньемъ;
А я, въ мятеляхъ и снѣгахъ,
Лишь вѣселъ бури завываньемъ.

Къ . . . . .

Вы очень милы, вы любезны,
Васъ невозможно не любить,
Кто васъ увидѣлъ, безполѣзны
Тому старанья васъ забыть;
Движенъя стройныя, живыя,
Волшебный голосъ, разговоръ,
Небрежно кудри завитыя
И полный жизни милый взоръ;
Природа всемъ васъ одарила,
Чтобъ очаровывать сердца....
Душою нѣжной наградила,
Счастливы будьте до конца.

Къ . . . . .

Невозвратно сжариванъ
Пламенемъ пламенныхъ огней:
Я душой на вѣкъ прикованъ
Къ дѣлѣ радости моей.

Они морнямъ вѣруютъ,
Въ кихъ огонь любви пыластъ,
Они сердцу вѣруютъ,
Все чего душа желаетъ.

Не говори мнѣ, я люблю.
Любви я вѣрить ужъ не буду.
И сердца вновь не погублю,
И счастье прежнѣе забуду:
Давно твой другъ оледѣнелъ.
Давно онъ умеръ для желаній,
Таковъ судьбы его предѣлъ,
Жить безъ надежды, для страданій....
Весны златой не возвратитъ!...
И одинокій, и унылой,
Живу лишь только, чтобъ сложить
Скорѣй печали—за могилой.

Когда настанетъ часъ торжественный священный,
И духъ мой воспаритъ, оставить свѣтъ сей бренный,
Какъ легкій, тонкій паръ, явлюсь я предъ тебя,
Не въ полночь тихую, но днемъ узришь меня:
Безплотный, свѣтлый духъ, безсмертью обреченный,
Прости скажу тебѣ, мой другъ неоцененный,
Я въ жизни пламенно одну тебя любить.
И чувства все мои тебѣ я посвятить,
Но сердца твоего мой голосъ не коснулся,
Я жизнь какъ сонъ забыть,..... и въ вѣчности проснулся.

Люблю внимать я арфы звукъ унылой
Согласенъ онъ съ душевною тоской
Бряцанье струнъ волшебной, тайной силой
Волнуетъ духъ гармоніей святой

Бегутъ персты по струнамъ сладкозвучнымъ
И мнится мнѣ, что въ мірѣ я другомъ
Лечу душой къ странамъ благополучнымъ,
Безсмертнымъ гдѣ воздвигнуть свѣтлый домъ.
И молча я на длань главу склоняю
И взоръ вперивъ на милые персты
Прошедшихъ дней вѣсну воспоминаю
Роятся вновь прекрасныя мечты
И мнится мнѣ что Ангелъ Утѣшитель
Съ высотъ небесъ на землю низлетѣлъ
И что ему могущій Вседержитель
Меня въ тоскѣ утешить повѣлелъ.

На мечъ булатный опираясь,
Уланъ задумчивый стоялъ,
Надолго съ родиной прощаясь,
Кудрявый усъ крутя сказалъ:
Простите вы поля родные,
Простите холмы и лѣса
Текли здѣсь смирно дни молодые,
Здесь были ясны небеса.
Быть можетъ долго не увижу
Прозрачныхъ струй реки родной,
Певцовъ пернатыхъ не услышу,
И заростетъ мой садъ травой;
Быть можетъ рокомъ осужденный
Не возвращаться никогда,
Паду со славой пораженной,
Но васъ вспомню и тогда!....
Раздастся трескъ трубы военной,
Ретивый конь мой закипитъ!...
И всадникъ славой вдохновенной,
На пиръ кровавый полетитъ.
Лишь тамъ я снова веселъ буду,
Тамъ снова сердцѣ оживетъ
И въ битвахъ васъ я не забуду,
Когда послѣдній часъ придетъ.
Цвѣтите рощи украшайтесь!...
Не увядайте никогда,

Съ вѣсною жизнью наслаждайтесь,
Вы будьте вѣсело всегда.
А я съ тоской въ душѣ глубокой,
Въ другой ужъ разъ не разцвѣту,
И грустный, сирый, одинокой,
Конецъ я горестямъ найду.

A elle.

Elle est l'idole de ma vie,
Je l'aime du fond de mon coeur,
Pour elle je respire et je prie,
Elle est mon amour, mon bonheur;
Dieu! qu'elle est douce et jolie!...
Que j'aime l'éclat de ces yeux,
Mais quand elle sera mon amie
Alors je l'aimerai encore mieux.

Гляжу хладнокровно я въ синюю даль
Туманомъ ложится на душу печаль;
Я вспомнилъ бывшее, я вспомнилъ тѣ дни,
Какъ въ сердцѣ горѣли восторги одни;
Я деву младую когда-то любилъ,
И радость, и счастье, все съ нею дѣлилъ!...
Въ очахъ ея ясныхъ сіяла душа,
Какъ лилія Зива была хороша,
Какъ стройная пальма въ долинѣ цвѣла,
Какъ чистый лучъ солнца была вѣсела;
Но дева младая пленилась другимъ,
И нѣтъ ужъ отвѣта восторгамъ моимъ!...
Бывало я шумно, я вѣсело жилъ,
Друзей, удалыхъ бесѣды любилъ;
Но все миновалось, и сонъ улетѣлъ!...
Таковъ мой угрюмый, мой мрачный предѣлъ;
Съ техъ поръ я тоскую, съ техъ поръ одинокъ,
И вяну какъ бурей убитый цвѣтокъ.

Ужасный призракъ удались!
Почто блестятъ такъ страшно очи
Во глубинѣ безмолвной ночи

Ты мнѣ ужь болѣ не кажись!
Ужасный призракъ удались!
Меня твой взоръ не ужасаетъ
Въ твою могилу возвратись!
Тамъ смерть добычу ожидаетъ!...
Ужели мнѣ тебя страшиться,
Когда я некогда любилъ;
Увы но жизнь не возвратится
И я давно тебя забылъ!...
Почто грозишь ты мнѣ перстомъ
Я надъ угрозами смѣюся!
Давно ты спишь могильнымъ сномъ
Я тоже смерти не боюсь!...
Ужасный призракъ удались!
Зачемъ блестятъ такъ страшно очи
Во глубинѣ безмолвной ночи.
Ты мнѣ ужь болѣ не кажись!
Ударилъ часъ безмолвной полуночи,
Гудитъ еще, печально въ тишинѣ,
Могильный сонъ мой смыкаетъ очи,
Но нетъ уже отрады мнѣ воснѣ.

Какъ эта ночь стыдливъ и томень
Очаровательный твой взоръ
Какъ эта ночь прелестно темень
Съ тобою нѣжной разговоръ
Какъ мысли творческой созданья
Какъ сладострастная мечта
Свѣтла полна очарованья
Твоя дѣвичья красота.

Съ минуты нашего свиданья
Мои пророческіе сны
Мои кипучія желанья
Все на тебя устремлены
Ты мила прекрасна
Какъ пламенны твои уста
Какъ безгранично сладострастна
Твоихъ объятій полнота.

Не на твоей груди перловой
Моя воздремлётъ голова.
Не ты отдашь мнѣ жизни новой
Родныя чувства и слова.
Когда же такъ какъ я любить не можешь
Зачемъ же сердцѣ юное тревожишь
Блистаньемъ зеркальныхъ очей
Холоднымъ говоромъ рѣчей?

Памятныя записки В. И. Алтуфьева.

Памятные домашнія записки.

Василія Ивановича Алтуфьева.

Веденныя съ 1785-го года въ разное время въ Москве, Ростове (на Дону), Кременчуге, Вилне, и Раздоле.

1785 годъ.

Городокъ Данковъ Резанской губерніи расположенной при бѣрегахъ реки Дона по теченію на правой сторонѣ истокъ же въпадающей въ него речки Язовни при устьѣ которой находится Цокровской мужской монастырь въ близи онаго внизъ по теченію Дона въправо въ линіи недалеко отъстоящей приходской деревянной церкви Успенія Богоматери, на прекрасномъ возвышенномъ мѣстоположеніи существовалъ родителскій домъ, вотъ моя родина; какъ я с младенчества началъ помнить. При родитѣляхъ насъ было пять сыновей и двѣ дочери, но старшій не превышалъ 16-ти летняго возраста, старшіи учили младшихъ, при доме были дворовыя люди, батюшка былъ при должности по службѣ в семъ городе, было много родственниковъ со стороны матѣри, имѣлась земляная дача въ общественномъ владеніи, въ слободѣ Сторжевой, при хуторѣ Янышевымъ въ 5-ти верстахъ отъ города за рекою и крестьянами обрабатываны были земли.

1786-й годъ.

Въ семъ году въ лѣтнѣе время я отъправленъ былъ изъ дому родителскаго ими, въ Тамбовъ отъстоящей во 170 верстахъ отъ Данкова къ крестному своему отцу бывшему тогда экономіи директоромъ Антону Михайловичу Аничкову ко-

торымъ по прибытіи туда я былъ принятъ въ старомъ деревянномъ доме занимаемомъ имъ на берегу реки Цны онъ по службѣ окруженъ былъ пышностію и всегда на должности уважаемъ наравнѣ съ губернаторомъ въ семействѣ своемъ имѣлъ жену Сарру Даниловну ис какого то богатаго купеческаго дома трѣхъ дочерей Варвару Анну и Елисавету славящихся красотою и почти всѣхъ нѣвестъ и одного малолетнаго сына Александра, при коихъ содержалась толстая мадамъ французенка и множество прислуги именіе ево состояло изъ 150 душъ въ Шацкомъ уѣздѣ. Чрезъ неделю по моемъ прибытіи въ домъ сей онъ видя малолетство мое какъ видно не надеясь на домашнихъ своихъ занимающихся одними жизненными веселостями въ попеченіи обо мнѣ и воспитаніи бывъ занятъ самъ подобными и хлопотами по должности предоставилъ меня къ содержанію одному своему чиновнику Мещарекову въ домъ коего я препровожденъ былъ онъ человѣкъ хорошей и обо мнѣ вѣсма пекся можить въ угодность своего начальника, онъ имѣлъ свой домъ а въ семействѣ жена ево неменѣе мужа обо мнѣ пекшаяся малинкой ихъ дитя, и сестра ее девица. Вскоре мнѣ велено ходить писать въ губернское правленіе и я былъ записанъ на службу во оное, я не понималъ какія отношенія были обо мнѣ Г. Г. Аничкова съ Мещаряковымъ но помнится родитѣль мой не очѣнь былъ симъ доволенъ но не тѣряя продолженія службы и чтобъ лутче способствовать отъ нѣго въблизіи переведѣнъ я былъ въ Лебедянь гдѣ учился въ уѣздномъ суде 1787-й годъ на содержаніи родительскомъ въ домѣ купца Сисина подъ руководствомъ чиновника Каленкина, отъ куда вторично не помню по какому случаю отъправленъ въ Тамбовъ, и записанъ по службѣ въ казенную палату.

1788-й годъ и далѣе 1789, 1790, 1791 и 1792 годы.

Въ сѣмъ году родитѣль проезжая чрезъ Тамбовъ къ должности въ городъ Кирсановъ взялъ меня съ собою. Мы прибыли туда лѣтомъ и къ осени я отъправленъ былъ за семействомъ въ Данковъ. По возвращеніи со онымъ въ болезни ему приключившейся описанной на 16 странице, скончался.

Послѣ кончины его оставшаяся родитѣлница повержена была въ горестъ и отягченная семействомъ при проезде своемъ чрезъ Тамбовъ обратно въ Данковъ въ домъ свой оставила меня вторично у Г-на Аничкова жившаго тогда в своемъ доме на рвѣ близъ каменной церкви недалеко отъ базара, и обо мнѣ сначала попеченіе имѣли полутчѣ прежняго, такъ что мадамъ сама по добротѣ своей вызывалась кое чему поучивать меня, но я службою своею изъ губернскаго правленія перевѣденъ былъ въ казенную палату гдѣ начальствовалъ Г-нъ Аничковъ и мнѣ приказано было ездить вместе с нимъ къ должности въ директорскую сей палаты экспедицію мнѣ положено было изъ казны жалованье въ годъ

60 руб. но я ево не получалъ а секретарь изъ духовнаго званія Алексей Харитоновъ бралъ оное себѣ и отъ Аничкова приказано ему давать мнѣ на надобности, но надобности были непрерывныя не въ однихъ дѣнгахъ но въ попечителѣ и благодетелѣ надъ сиротою малолѣтнимъ, которой бы видѣлъ и наблюдалъ за его положеніемъ эль ли онъ севодни обеспечена ли жизнь в содержаніи одѣтъ ли объмытъ ли. Я уже говорилъ что Аничковъ крестной мой отѣцъ занимался тщеславіемъ и пышностію семейство ево еще болѣе балы и удовольствіи и такъ первой годъ моей у него жизни кое какъ протѣкъ у меня было еще свое платье и белье оставленное мнѣ родительницею на второй годъ онъ подарилъ мнѣ свой алый мундиръ с переделкою на ростъ мой я былъ въ удовольствіи надѣвъ ево въ первый разъ гордясь своею службою онъ бралъ меня съ собою на казенный бывшій подъ веденіемъ ево называемый Кутланскій винокуренный заводъ отъ города Морши въ 17 вѣрстахъ состоящій где мы пробыли почти все лѣто 1789 года по приездѣ отъ туда опять принялся за то же. Меня требовали къ должности чтобъ я каждый дѣнь при нѣй находился, надобности мои умножались я вѣсь обносился бельемъ и платьемъ сія нужда побудила меня явиться въ домъ секретаря Харитонова съ прозбою денегъ изъ моего получаемаго имъ жалованья но онъ принялъ ее съ болшимъ неудовольствіемъ и досадою дѣлая мнѣ выговоры, зато чево я разумѣть не могъ, напоследокъ далъ мнѣ пять рублей и я получа оныя былъ радъ для тово что с нимъ разстался боясь ево какъ своего по службѣ начальника. На денги сіи я купилъ себѣ сапоги вотъ награда двухъ лѣтъ жадность секретаря и подлость поступковъ ево съ сиротою, я не зналъ что онъ нащетъ моего содержанія говорилъ Аничкову. Однако я имѣя с природы какое то чувство гордости стыдился надалѣе прибѣгать къ нему съ прозбою, и терпѣлъ во вѣсѣмъ ужасный недостатокъ и Харитоновъ молчаніемъ моимъ былъ доволенъ; нѣ могу безъ содраганія вспомнить о горести, до какого положенія я довѣденъ былъ, Аничкова домъ зделался мнѣ противѣнъ обо мнѣ забыли я сряду по мѣсяцу нѣ бывалъ в нѣмъ на сироту посторонняго смотрѣли в нѣмъ косо. Я оставался безъ всякаго призренія и блуждалъ такъ сказать по дуновенію вѣтра таковое изнуреніе постигнуто болезнію я страдалъ целое лѣто жестокою лихорадкою Боже всемогущій не попусти людямъ быть жестокосердыми, никто ко мнѣ не обращалъ вниманія смыслу моего еще не доставало къ извлеченію себя изъ такового горестнаго положенія мать моя обнадеживаясь попеченіемъ на Г. Аничкова по отдаленности живя ничево сего не вѣдала. Такъ протѣкъ 1790-й годъ но неожиданнымъ случаемъ я изъвлеченъ былъ столоначалникомъ Г. Михѣвымъ у коего я въ командѣ былъ по директорской экспедиціи онъ замѣчая мое послушаніе и трудолюбіе, и видя въ лице моемъ бледность и телесное изнуреніе довѣлъ сіе до сведенія Г-на Аничкова онъ устыдился, нося званіе моего попечителя, своему невниманію, краснѣлъ, меня призвали осмотрѣли, онъ обращалъ

вину на секретаря своего Харитоновъ тотъ оправдывался я молчалъ не вѣдая ихъ прикосновенности но только того же дня тѣмъ добродетѣльнымъ человекомъ Михѣевымъ взятъ я былъ въ домъ ево гдѣ былъ тотчасъ объмытъ объчесанъ получилъ свѣжѣе белье состояніе котораго дотога одна вѣрхняя вѣтхая одежда закрывала. Недѣли съ двѣ я у нѣво въ доме прожилъ мнѣ говорили какой я зделался хорошиной малчикъ, я представленъ былъ Аничкову, тотъ ево благодарилъ но добродушіе Г-на Михѣева остается всегда у меня въ памяти въ прочемъ не вѣдаю можить влияніемъ къ человеколюбію болѣе послужило изъ угожденія ево Аничкову какъ своему начальнику но какъ бы то ни было жизнь моя въ домѣ Аничкова съ сего времени перемѣнилась на лутчую обо мнѣ пеклись даже ево люди видно съ его приказанія. Тогда былъ въ Тамбове губернаторомъ известный Г-нъ Державинъ вице же губернаторомъ Г. Ушаковъ меня иногда Аничковъ бралъ съ собою къ последнему, и я уже годъ отъ года делался по-смысленѣе, но служба моя статская вмѣстѣ съ тѣмъ противною и постылою, огонь военной въ сердце горѣлъ во мнѣ тогда была война съ турками я не могъ смотрѣть на каждаго офицера и салдата прибывающихъ за рекрутами безъ сердечнаго удовольствія поставляя себя въ чувствіяхъ гордости и отличности на поприще славы возраждающей въ сердце радости. По протеченіи 1791-го и 1792 годовъ въ исходе послѣдняго, страсть сія увеличилась, и я предсталъ къ Г-ну Аничкову съ прозбою о моемъ увольненіи изъ статской для поступленія въ военную онъ меня удерживалъ но однако согласился, и я былъ уволенъ съ хорошею аттестаціею. Я съ нимъ простился также легко какъ и съ своею тогдашнею должностію и службою тѣмъ болѣе что проведенная съ малолетства жизнь моя слишкомъ четыре года въ Тамбове ничего болѣе не напоминала какъ претерпѣнное страданіе.

Въ исходе того 1792-го года зимой я приѣхалъ въ Данковъ въ домъ къ матѣри гдѣ нашелъ ее въ болезненномъ страданіи при нѣй тогда находились двѣ сестры мои Пелагея и Марья да малиной братъ Михаилъ. Алексей же былъ (въ полку) на службѣ въ Москвѣ, а старшій Сергей жилъ въ своемъ домѣ съ семействомъ. Она обрадывалась моему прибытію но услыша о переменѣ службы моей благословила меня отъ чистаго сердца образомъ *складнями* которыя и тепѣрь находятся желая мнѣ щастія не тѣряя времени къ определенію. Она въ тайнѣ сокрушалась о второй дочери своей Марье спѣшила при жизни своей о ее устроеніи, старшая же Пелагея толко предъ тѣмъ была выдана въ замужство въ Раненбургъ. Пробывши съ мѣсяцъ втеченіи котораго мы имѣли стараніе о поправленіи здоровья ее но оное надалѣе истощевалось. Явились женихи и Марья была скоро зговорена и выдана въ замужство въ Данковѣ за Г. Глаголева. Я въ домѣ оставался одинъ поболше матушка при сватбѣ дочери чрезъ силу распоряжала и радовалась но послѣ болѣзнь ее усилилась никакія средства не могли

возвратить ее въ прежнѣе состояніе и по долгомъ страданіи 1793 года марта 10-го дня въ великій постъ скончалась, оставивъ въ горести дѣтѣй своихъ притомъ бывшаго при погребеніи въ Покровскомъ монастыре находились сестры и я въ горести своей помню что съ братомъ Сергѣемъ мы пособляли нѣсти гробъ ея; вѣчная память душе ея успокоится въ царствіи небѣсномъ. Въ сем же мирѣ много перенѣсла горестѣй добродетелная душа ее.

1793-й годъ.

Послѣ кончины матери я оставался въ домѣ с малолѣтнимъ братомъ своимъ Михайлою, люди и все кромѣ дома было отдано за сестрами въ приданое. О какъ трудно при вступленіи въ жизнь остаться безъ родителей и состоянія. Какъ тепѣрь помню ту комнату въ коей матушка скончалась долго никто из насъ не смѣлъ входить туда горѣсть мучила при воспоминовеніи в нѣй стоялъ подъ одромъ смѣрти ее сундукъ но по отъкрытіи что в сѣмъ сундукѣ найдено почти ничево но внутри въ подъемномъ ящичкѣ кошелекъ шелковой въ которомъ содержалось серебра на шесть рублей и пятирублевая ассигнація залитая деревяннымъ масломъ сію ассигнацію я отдалъ в монастырь строитѣлю для помину души покойной у меня немного своихъ было денжонокъ привезенныхъ ис Тамбова отданныхъ мнѣ Харитоновымъ за полтора толко года жалованья. Каково было тогда мое положеніе никто изъ родныхъ не думалъ входить в состояніе наше но я ко всѣмъ былъ равнодушенъ и гордъ. Малинкой мой братъ Михайла сокрушалъ меня на ково я ево оставляю. Братъ жены старшаго моего брата Сергѣя человекъ молодой годомъ или двумя меня постарше Николай Харламовъ, числясь уже записаннымъ на службѣ капраломъ гвардіи въ Семеновскомъ полку посредствомъ покойнаго митрополита Гавриила почитаемаго матери ево родственникомъ, соглашалъ меня эхать въ мѣстѣ с нимъ въ С: Петербургъ с тѣмъ чтобъ определиться въ гвардію и я не зналъ что делать полковъ другихъ въ близи расположенныхъ не было онъ настаивалъ уговаривать меня оболщая рекомендаціею в случае надобности митрополита почитаемаго ихъ родственникомъ и выгодною дорожныхъ издержекъ на общей щѣтѣ. Въ такомъ соглашеніи протѣкло время до лѣта, и я решился, оставивъ малинкаго своего брата Михайлу въ домѣ родительскомъ на рукахъ няни женщины Аксины подъ попеченіемъ старшаго брата Сергѣя и особо далняго родственника со стороны матушки молодаго человѣка дворянина Михайлы Емельянова с тѣмъ чтобъ сей последней жилъ безъ отлучно при нѣмъ. Намереніе мое было по определеніи своемъ получить отъпускъ и возвратится надалѣе жъ я не соображалъ ничего и надеялся на одного Бога прибежища сиротамъ. Мы выехали съ Харламовымъ изъ родительскаго моего дома 16-го Іюня 1793-го года съ сокрушеннымъ сердцемъ, предвѣстникомъ, какъ

видно (что и случилось). Разстаніе съ нимъ наивсегда. Проезжая мимо Покровскаго монастыря я зашелъ проститься на гробъ родителницы, слабость чувствъ разрешившаго сердце любовь детская сожаленіе бывшѣе еще в свежей горести поразило меня я упалъ на могилу, нѣ помню какъ отънѣсенъ былъ на повоску и пришелъ въ память уже за городомъ. Доехавъ до Москвы для меня казалось все новое прибывъ в нѣе в первый разъ я нѣ могъ разсмотрѣть ее. Тутъ мы наняли другихъ лошадей и следовали далѣе извозчикъ какъ хотѣлъ такъ и эхалъ заэзжалъ даже къ себѣ въ домъ въ Тверской губерніи и мы ему нивчѣмъ не препядствовали. Напослѣдокъ 9-го Іюля того года прибыли въ С: Петербургъ. Мы остановились прежде въ Московской Ямской с платою въ дѣнь по 25 ко. в сутки съ особы за особую комнату но перешли въ квартиру родственницы товарища моего жены брата ево морскаго офицера (уже умершаго) Анны . . . . . жившую близъ Невскаго монастыря которая уступила намъ особую комнатку съ платою ей по 2 ру. 50 ко. на мѣсяць. Чрезъ несколько днѣй мы оба представлялись митрополиту сей святой отѣцъ благословилъ насъ и мы целовали ево руку онъ сидѣлъ въ креслахъ спросивъ о надобностяхъ нашихъ товарищъ мой представилъ прозбу къ испрошенію чрезъ нѣго себѣ отъставки онъ усмѣхнулся: *что ты будешь делать дома родитѣли твои небогаты; а твоя какая надобность* обратясь ко мнѣ; желаніе поступить на службу сказалъ я, онъ замолчалъ благословилъ вторично съ симъ мы и вышли, товарищъ мой былъ вѣсма недоволенъ подобнымъ приемомъ онъ надеялся получить чрезъ нѣго собственно для себя болѣе награды но митрополитъ напоянувъ ему даже с неудовольствіемъ о брате ево умершемъ котораго онъ содержалъ на свой щетъ недовольной за поведеніе, и пожаловалъ только десять рублей; я видѣлъ по приему что я нѣ могу надеяться на протекцію къ определенію службу со стороны митрополита; но мнѣ хотѣлось поступить на службу въ гвардію, въ которой дворянинъ въ тогдашнѣе время только числился а жилъ дома отъ чего и состояло въ домахъ родительскихъ несчетное число капраловъ. Итакъ мы с нимъ остались при своихъ мысляхъ, онъ подалъ прозбу объ отставкѣ, а я не зналъ что дѣлать, вместе ходили и разсматривали Петербургъ, то есть, по пословице, гранили камни, но между тѣмъ узнавали о гвардейскихъ и армейскихъ полкахъ квартировавшихъ въ Петербургѣ и близъ онаго, знакомыхъ и родныхъ нѣ было. Наскучивъ бездействіемъ я решился представится къ началнику Семеновскаго полка занимавшаго тогда секретаря и командира его Г. Липунову, онъ посмотрѣлъ, спросилъ что я имѣю, и отъказалъ тѣмъ что дворянъ въ полку его очѣнь много, и я принять быть не могу. Послѣ я узналъ, что надобны при определеніи въ гвардію либо денги либо сильная рекомендація болшой особы знатнаго сана, а у меня ни того ни другого нѣ было. Я пробовалъ еще узнавать но вездѣ то же препядствіе. Такъ прожили мы до осѣни, и малые денежки у обоихъ насъ истратились. Въ жизни нѣ скоро натѣ-

крениться на щастливую линію. Тогда въ Петербургѣ было совсѣмъ другое, да и какая надобность кому входить въ положеніе безъзащитнаго 15-ти или 16-ти летняго ребяческаго смысла, юноши, сироты которому потребно потъдержаніе.

Продолженіе 1793-го года.

Въ одно утро 20-го октября 1793-го года дѣнь былъ сырой; безъ всякой цѣли вышелъ я одинъ изъ квартиры, товарищъ мой оставался дома. Проходя отъ Знаменія по преспекту Невскому въ Московскую Ямскую, усмотрѣлъ у одного дома отворенныя ворота, и на дворе у крыльца часовыхъ лейбъ гренадерскаго полка я спросилъ о особѣ занимаемой оной мнѣ отъвѣчали это квартира полковаго командира я приостановился, задумался, но какая то невидимая сила повелѣвала мнѣ взойти въ ворота на дворъ сей въ одну минуту я очутился на крыльце въ сеняхъ часовые отворили мнѣ двери въ переднѣю никто ни о чемъ меня не спрашивая по вступленіи моемъ во оную, прямо въ отворенную двѣрь изъ зала мнѣ предсталъ высокой сухощавой человѣкъ въ военномъ мундирѣ, устремя на меня взоръ свой окинулъ с ногъ до головы сказалъ, что ты хочишь, не помню какъ я объяснилъ желаніе мое вступить на службу но в то жъ время вынувъ изъ боковаго кармана аттестатъ свой ему подалъ, онъ прочелъ ево машинально про себя, и потребовалъ своего адъютанта не болѣе чрезъ минуту какъ сей явился, отдавая ему аттестатъ мой возми и отвѣди ево къ генералу. Мы отъправились с нимъ на Литейную улицу онъ шелъ скоро, версты две разстоянія. По прибытіи къ жолтому каменному дому, мы вошли во оной прямо и я былъ представленъ къ толстоватому пожилыхъ лѣтъ генералу средняго роста. Посмотрѣвъ на меня и обратясь къ адъютанту, сказалъ принять ево сержантомъ, и обращая глазами ко мнѣ какъ будто спрашивая моего согласія, но я неожиданнымъ оборотомъ симъ к радости видѣлъ произшествіе сіе какъ воснѣ и ему кланялся. Полкъ севодни выступилъ на зимовыя квартиры ты опоздалъ немного явится сказалъ онъ мнѣ, но кажится скоро пойдетъ сменившійся караулъ и обратясь ко мнѣ ты севодни будешь определенъ и зачислѣнъ по спискамъ чрезъ три дни можешъ ли ты быть готовъ къ отправленію. Я отвѣчалъ что могу и опять благодарилъ ево. Онъ приказавъ мнѣ явится по истеченіи трѣхъ дней въ ту команду къ началнику, а адъютанту о приказаніи отпустилъ насъ. Я узналъ что первый къ коему я явился командовалъ неизъемлемо лейбъ гренадерскимъ полкомъ былъ подъполковникъ Иванъ Терентьевичъ Сазоновъ второй же генералъ лейтѣнантъ Петръ Федоровичъ Берхманъ непосредственно находился в сѣмъ полку вице полковникомъ, а званіе полковника изволила занимать Ея Императорское Величество Императрица Екатерина Вторая, адъютантъ же с коимъ я былъ у генерала Берхмана, по фамиліи Кочкинъ Николай Васильевичъ, отъправлялъ

должность полковаго. Итакъ я съ 10-го по 12-й часъ утра 20-го октября 1793 года переимѣновался арміи младшимъ сержантомъ возвратился на квартиру свою въ какомъ то восхищеніи и разсеяніи не успѣвъ привѣсть въ порядокъ мысли но три дни срока изъ головы моей нѣ выходили. Товарищъ мой меня кое о чѣмъ спрашивалъ и я отвѣчалъ прощай братъ мы скоро должны разстаться. Переходъ таковой или преобразование себя особеннымъ родомъ службы вѣсма важенъ, кто имѣлъ съ самимъ съ собою и кромѣ того скорый походъ нѣ могло привѣсть мысли мои въ настоящѣе положеніе собирался я или нѣтъ но по заезжей жизни кажется не нужно было долго збираться, одинъ чемоданъ и все тутъ с пѣремѣною кой какой мѣлочи.

23-го октября явился я въ назначенную команду, она уже была готова человекъ 50 гренадиръ сменившихся съ караула, съ котораго я въ то жъ время отъправился.

Мы прибыли поздно въ село Красное гдѣ былъ расположенъ штабъ сего полка. На другой дѣнь поутру с квартиры своей, которая мнѣ была отведѣна въ ночлегъ особенно, отъвѣденъ я былъ въ полковую канцелярію, и по назначеніи меня въ пятую роту отъправленъ в мѣсто ея расположенія деревню Ухору Ямбурскаго уѣзда вѣрстахъ въ 70-ти отъ Краснаго села отъстоящую. Я препровождаемъ былъ вѣстовыми по станціямъ въ деревняхъ разставленными они нѣсли мой чемоданъ. Безъ привычки я чрезвычайно уставалъ к тому время было дождливое, мнѣ дѣлали часто разстахи.

26-го октября по прибытіи въ Ухору представленъ я былъ командиру 5-й роты порутчику Палатино (изъ грековъ). Я уже назначенъ былъ въ 3-е капральство и отъправленъ былъ въ двухъ вѣрстахъ отъ Ухоры, въ деревню Лѣтошцы того жъ уѣзда гдѣ капральство съ прочими деревнями расположено было по приходѣ куда мнѣ отъвѣдена была квартира и я вступилъ во оную какъ военной занявъ переднѣе мѣсто.

На другой дѣнь 27-го числа пришелъ въ квартиру ко мнѣ капраль въ штатѣ каптенармуса человекъ пожилой украшенный четырью мѣдали кагулскими и шведскими учтиво спросивъ меня о здоровье моемъ сказалъ для васъ назначенъ дятка, Аверьяновъ, человекъ хорошій, вамъ надобно ево слушаться, вскорости вошелъ и Аверьяновъ немного помоложе капрала. Они побыли у меня говорили чтобъ я во всѣмъ к нимъ относился и чаще ходилъ к нимъ, приказавъ хозяину квартиры о моемъ содержаніи, вышли.

Черезъ нѣделю мнѣ выдана была аммуниція казенная, съ пригонкою по моему росту (до сего жъ я носилъ свое платье). Подъ руководствомъ дятки я одѣтъ былъ и представленъ Г. Палатино на смотръ. Онъ любовался какъ обыкновенно надъ нѣсовершеннолѣтнимъ а я по науке дятки вытягивался предъ нимъ грудь выпѣредъ носки врозь, и онъ усмѣхался я самъ былъ въ восхищеніи одеждою

своею гордясь оною какъ воинъ отечеству и царю и особенно радовался я небольшой сабле при бедрѣ моемъ висящей на долгихъ ремняхъ кушакомъ суконнымъ портукою закрывающимъ и высокой каске на голове моей с гербомъ съ белымъ шерстянымъ плимажемъ и чернымъ высокимъ изъ перьевъ султаномъ.

Наступила зима я спокойно стоялъ в своей квартирѣ капралъ и дятки часто меня навещали и я хаживалъ к нимъ. Деревня Летошцы расположена была въ одну линію безмала на версту она принадлежала какъ и Ухора помещикамъ Владимирову и Шепелеву и были оброчные, хозяинъ мой старикъ с таковой же старушкой имѣли двухъ сыновей старшаго женатаго и одну дочь красивую девку взятую въ Петербургъ господамъ своимъ, следовательно въ семье всего было пятеро, а я шестой. Старшей сынъ охотникъ былъ ходить съ ружьемъ за дичью и меня часто кормилъ оною. Народъ сихъ деревень веселой избытокъ позволялъ быть въ довольствѣ девки носили широкія золотыя повязки они и молодицы каждый вечеръ собирались поочередно на посидки пряли пѣли пѣсни и веселились допуская во оныя вместѣ нашихъ молодыхъ гренадеровъ.

Наступилъ 1794-й годъ.

Дятки мои и капралъ мнѣ показывали ружьемъ экзертицію я учился при нихъ и одинъ на раза два бес привычки збивалъ себѣ кожу у пальцевъ. Наступилъ великій постъ тогда уже всѣхъ салдатъ учить началъ капралъ, я скоро все ружейные приемы понялъ и почти не отъставалъ кроме нетвердости подобной въ рукахъ, отъ оныхъ. Когда снѣгъ сошелъ вѣсною за деревнею начали учить маршировке повзводно одиначке и всѣмъ капралствомъ я также старался понять уравненіе мнѣ предоставляли командованіе взводомъ итакъ до маія месяца я зделался служивымъ знающимъ все что до оной касаются.

Въ сіе время по вскрытіи вѣсны я получилъ отъ брата Сергея Ивановича письмо съ денгами ассиг: на десять рублей за коимъ я для полученія ходилъ въ Ямбургъ отъстоящей за 40 вѣрстъ, и чрезвычайно усталъ, три дни ходить нѣ могъ. Въ писмѣ я успокоенъ былъ нащѣтъ жизни въ Данкове брата Михайлы.

Въ началѣ маія отъданъ приказъ къ изготовленію въ походъ въ С: Петербургъ. къ лагерному расположенію близъ онаго, при деревнѣ Волковой. По собраніи всей роты 13-го маія мы выступили изъ квартиръ своихъ имѣя въ запасѣ сухарей на три дни первой переходъ я такъ усталъ что провалялся отъ стона ногъ безъ обеда сухарнаго. Но тысячи одново не ждуть при второмъ переходе хотя чрезъ силу я размялся и зделалось легче, за всемъ тѣмъ что на мнѣ никакой ноши нѣ было какъ на солдатахъ, старыя салдаты меня поберегали. Когда подходили къ селу Красному на зборное мѣсто 15-го маія я удивился стеченію со всѣхъ сторонъ великое множество салдатъ мнѣ показалось целою арміею, но это все

былъ одинъ лейбъ гренадерскій полкъ изъ четырёхъ тысячъ состоящій, и мы въ полномъ комплектѣ выступили въ лагерь пот деревней Волковой до того уже приготовленной.

Полатки были круглыя посредине древки расположены въ линію поротно на версту длиною въпереди ружейныя пирамиды, знамены побаталіонно позади офицерскія палатки среди полка ставка полковаго командира, далѣе назади кухни и проч: за ними протекала Чорная рѣчка. Впереди палатокъ въ отдаленности пикеты 1-й 2-й 3-й и 4-й назади же гоубвахтной или такъ называемой *палочной* и кругомъ протянута цѣпь часовыхъ.

Въ одну палатку помѣстилось насъ до 20 че. на древкѣ повѣшены сумы и сабли ранцы въ головы на землѣ просторъ былъ тогда когда все лежали но и в сіе время ногамъ къ древке въ средину сомкнутымъ, тѣсно.

По барабанной палкѣ или бою мы выходили на линѣйку къ вечернѣй и утреннѣй молитвѣ. Началось ученье поротно.

Каждой дѣнь въ 10 часу былъ разводъ с музыкою, въ караулъ на пикѣты.

Кромѣ каждодневнаго ученья я часто былъ наряжаемъ въ караулъ на первый пикетъ гдѣ цѣлыя сутки провожались безъ сна, в ночь ходили рунты. Соблюденіе строжайшей дисциплины не забывалось.

Утро какъ свѣтъ барабанной ударъ поднималъ с постѣли въ одну секунду с полотенцомъ въ рукахъ скорымъ шагомъ идиомъ на речку, и готовъ по возвратѣ.

Трудность привычкою для молодаго человѣка ослабляется и считается въ жизнь обыкновенную.

Изъредко былъ я наряжаемъ въ караулъ въ самый городъ и я въ первый разъ былъ на Аничковской гоубвахтѣ. Тогда стояли по неделѣ хотя не раздѣвались, но кажится то служило отъдыхомъ, равно и на прочихъ гоубвахтахъ а особенно въ военную коллегію куда наряжалось изъ дворянъ по шести человѣкъ чрезъ неделю на ординарцы.

Съ половины лѣта началось ученье побаталіонно а потомъ полковое с палбою я командовалъ взводомъ и одинъ разъ безъ сноровки отъступленія одного шага назадъ опалило мнѣ щоку, но далнихъ послѣдствій нѣ было чрезъ неделю порохъ со щѣки сошелъ и прошло совершенно. С вѣсны меня посетила лихорадка но ненадолго я боялся лазарета и перемогался бывъ всегда на лице по строевой службѣ. Лихорадка съ тамбовской лѣтъ восьмь каждаго дня в то жъ самое время меня посещала но скоро проходила.

Въ сіе жъ время я получилъ первое военное жалованье, я расчелся въ артѣль, и у меня рублей съ семь затѣмъ оставалось такъ что за исправкою около себя я могъ иногда съѣсть булку и напиться квасу.

Отъ жаркаго времени и отъ твердости кожи въ сапогахъ попортился у меня ноготь у мезинца правой ноги, загнулся сколько я ни терпѣлъ но отъ боли нелзя

было надѣтъ сапога я принужденъ былъ итти къ полковому лекарю и по ротѣ показанъ былъ болнымъ въ околотке с нѣделю поколь вылечили.

Предъ исходомъ лагернаго стоянія начались смотры инспекторскіе я помню что смотрѣли полкъ генералы Кнорингъ и князь Долгоруковъ.

Уже салдаты поговаривали о квартирахъ имъ нравился Ямбургской уѣздъ. Наступилъ августъ мѣсяцъ и дожидались Императрицина возвращенія въ Петербургъ, изъ Царскаго Села.

Въ половинѣ сего мѣсяца ко всеобщей радости дождались возвращенія такового хотя былъ и не прямой трактъ но она проследовала мимо нашего лагеря намъ приказано было безъ вооруженія вытти и стать противъ палатокъ на линѣйку, чрезъ Московскую Ямскую она отыправилась въ Таврическій дворецъ.

На другой дѣнь получили особенное ея жалованье каждому человеку по рублю серебра, ея перевозносили. По курсу сереб. рубль тогда существовалъ 1 ру. 30 ко. а иногда и менѣе но не болѣе.

И отданъ приказъ къ выступленію изъ лагеря на квартиры въ городъ безъ церемоніи. Насъ разставили въ Ямской Московской. Не могу вспомнить моего восхищенія увидѣвъ себя в стѣнахъ дома подъ крышею послѣ трѣхъ мѣсячнаго пребыванія подъ холстомъ на отъкрытомъ воздухѣ переноса кромѣ трудной службы беспокойство отъ насекомыхъ и особенно в ненастное время.

Изъ Ямской насъ скоро перѣвели въ самый городъ штабъ расположили у Владимирской а нашу 5-ю роту за Калинкинъ мостъ, близъ Екатерингофа съ 20-ти до 5-ти человѣкъ въ одну особѣнную обывательскую квартиру.

Салдаты истребили надежду на ямбургскіе квартиры, намъ велѣно содержать карауль въ городе.

Я стоялъ на квартирѣ вмѣстѣ с прочими въ близъ расположенными, при въпаденіи Фонтанки въ Нѣву противъ бывшаго тогда подѣзорнаго дворца при устьѣ въ море.

Наступила зима, и поочередно содержали караулы въ городе понеделно. Домовые отпуски отъказаны.

1795-й годъ.

Начало сего года находилось въ томъ же расположеніи.

Императрица жаловала ежегодно къ праздникамъ Св-я Пасхи и Рождества Христова по серебряному рублю на человѣка.

Полкъ сей былъ ея любимый, и она удерживала ево при дворѣ своемъ такъ что в летнѣе время отъезжая въ загородныя дворцы, брала изъ него по одной ротѣ для содержанія караула.

Въ мысляхъ моихъ беспрестанно было желаніе побывать въ родительскомъ доме но объ отпускахъ не велено и думать.

Наступила вѣсна и с нѣй подобно прошлогоднимъ ученіи.

15-го маія мы выступили полнымъ парадомъ въ лагѣрь, на прежнѣе мѣсто подъ Волкову деревню.

Я зделался знающимъ служивымъ и все трудности казались легкими.

По выстоеніи трѣхъ месяцевъ возвратились въ тѣ жъ самые квартиры.

1796-й годъ.

Начало и продолженіе сего года было то же, нашъ полкъ очередовался карауломъ въ городе. Я нѣсъ полную строевую службу во всѣхъ случаяхъ и стояли на тѣхъ же квартирахъ.

По наступленіи времени мы вышли 15-го маія въ лагери на то жъ лѣто. И простоявъ позднѣе, 15-го августа возвратились во оныя жъ, для несенія таковой же службы.

Съ 5-го на 6-е число ноября въ полночь уже были морозы. Рота наша встревожена была къ скорейшему выходу въ полномъ вооруженіи тотчасъ собрались и скорымъ шагомъ пошли къ Владимирской где былъ штабъ нашъ. По прибытіи туда увидели вѣсь полкъ въ зборе мы присоединились въ линію предъ каждымъ баталіономъ стояли столы. В ту жъ минуту приняли присягу въ верноподданствѣ Императору Павлу 1-му тутъ мы узнали о постигшей кончинѣ любезнѣйшаго нашего полковника Императрицы Екатерины 2-й. Простоявъ тутъ, предъ свѣтомъ съ соболезнованіемъ возвратились въ свои квартиры.

У дворца караулы заняты были баталіонами, бывшими наследника.

Въ действіи и службѣ последовали перемѣны. Въ полки стоящіе въ С. Петербургѣ равно и въ гвардейскіе назначены штабъ офицеры изъ бывшихъ въ началствѣ наследника, называемыхъ тогда Гатчинскихъ баталіоновъ, для показанія новой экзертиціи.

Назначены коммендантомъ баронъ Аракчѣевъ и плацъ маіоромъ Капцѣвичъ.

1796-й годъ ноябрь 15-го.

Я былъ въ караулѣ на полковомъ дворе по близости квартиръ нашихъ на главной Триумфальной улице состоящемъ. Караулъ еще былъ недѣльной и мнѣ дни три отбыть доставалось. 16-го числа ноября приходитъ капралства нашего ефрейторъ гренадеръ человѣкъ обстоятельной и служивой Григорьевъ взойдя у дверѣй ставъ вытянувшись, *„здравіе желаю ваше благородіе“* я пришель поздравить васъ съ полученіемъ Монаршей награды, севодни отдано въ приказѣ о Высочайшемъ пожалованіи васъ въ прапорщики, сей часъ придетъ вамъ на смѣну, а вамъ приказано завтрѣ поутру явится къ генералу“. Извѣстіе таковое

поразило меня съ головы до ногъ какимъ то онемѣніемъ чувствъ, я молчалъ ефрейторъ стоялъ у дверей какъ въкопаной, и тотчасъ мысли свойственныя душе благородной во мнѣ озарились. Благодарю тебя, Григорьевъ, пожалуста поскорей пришли смѣнить меня. Сей часъ ваше благородіе съ отвѣтомъ симъ вышелъ.

Оставшись одинъ, чувствіи мои разверзлись. Боже милосердый, къ тебѣ обращаюсь в сокрушеніи души моей, ты единая надежда и подѣпора сирымъ, благодарю тѣбя, всевышній, не оставляй покровомъ своимъ претѣбудущей жизни моей.

Смѣна скоро послѣдовала я здавши все принадлежности изъ караульнаго дома вышелъ. Былъ уже вечеръ смѣркалось идя по двору мысль въ голову что мнѣ завтра должно явится къ генералу разумѣтся не въ сей в чѣмъ я былъ но въ одеждѣ полной офицера а где ее взять въ такое короткое время и особенно золотыхъ и серебряныхъ вещей, я тѣрялъ надежду: но руководство всевышняго меня не оставляло. Я пришелъ къ квартирующему на семъ дворе полковому казначею Алексею Петровичу Сарычову бывшему въ чинѣ порутчика дослужившагося до сего чрезъ многія годы производствомъ изъ сержантовъ старшихъ (нынѣ фельдфебели) отърапортовать о здаче мною караула другому. Исполняя сіе по вступленіи моемъ къ нѣму, но какое было мое удивленіе, вмѣсто прежняго суріознаго военнаго вида къ подчиненности я встречень былъ въ дверяхъ с великою ласкою вмѣсто бравой вытяжки (предъ всякимъ афицеромъ) я сажаемъ былъ имъ въ кресла. Я совѣстился таковою перемѣною, онъ поздравилъ меня и сказалъ, да какъ скоро не болѣе с недѣлю какъ представлены отъ полка списки всѣмъ изъ дворянъ сержантамъ и вотъ уже вышло производство с вами вмѣстѣ еще произвѣдено челоуѣкъ пятнадцать Императоръ не любитъ надолго отъкладывать онъ самъ изволилъ потребовать отъ полка списки. Тутъ я узналъ обстоятельство въ ускореніи къ производству, (ибо многія въ полку сержанты изъ дворянъ по шести лѣтъ служили до афицерскаго чина) кому мы обязаны были изълияніемъ на насъ своей высокой милости. Вамъ завтра велѣно явится къ генералу готовы ли у васъ афицерскія принадлежности. Сей вопросъ подалъ мнѣ поводъ, я просилъ его снабдить меня на поддержаніе поколь я собѣрусь афицерскими золотыми вещами. Изволте насколько угодно, это сказано было съ удовольствіемъ и какъ будто самъ нѣ смѣлъ съ симъ вызваться, тотчасъ пошелъ и принѣсъ экселбантъ эполетъ темлякъ и шарфъ съ серебрянымъ знакомъ; отдавая мнѣ какъ будто безъ возврата, я бы могъ вамъ служить и еще чѣмъ угодно. Но я болѣе не могъ просить, и поблагодаря распрошавшись отъ него вышелъ.

Пришелъ на квартиру свою салдаты меня поздравляли и приготовили уже мнѣ малинкую особую комнату. Старинные храбрые кагулскіе гренадеры бывшіе со мною въ капралствѣ, Никитинъ, Эршовъ и Гилинъ, с ними и бывшей дядка мой Аверьяновъ, явились ко мнѣ сами не нужно ли чево вамъ, ваше благородіе,

мы вместе служили и жили, и отъ васъ никакой обиды себѣ не видѣли. Имъ извѣстно было мое состояніе и настоящѣе положеніе. Я благодарилъ ихъ. Прикажитъ ваше благородіе вамъ нужна новая аккапировка, и тотъ часъ развязали свои черезы носимыя вмѣсто пояса, каждый высыпавъ на столъ золото и серебро хранящіеся в нихъ предложили сколько угодно померѣ каждого количества по частямъ взять из нихъ, когда разбогатеитъ вы намъ возвратитъ. Таковая помощь разстрогала мое сердце, не помню сколько я взялъ отъ каждого изъ нихъ; исправить ли чтобъ было довольно. Я благодарилъ за ихъ усердіе они молча сказавъ только, просимъ прощенія ваше благородіе, отъ меня вышли.

На другой дѣнь рано поутру я былъ въ гостиномъ дворе где искупя все нужное къ окопированію афицерскому распорядился стройкою нужнаго въ тотъ же дѣнь. Въ вечеру отъданъ приказъ о нарядѣ меня на завтешній дѣнь въ карауль въ Таврическій замокъ.

Все было готово до свѣта поутру на третій день я одѣлся и преобразовался въ новой видъ человѣка нарядомъ афицерскимъ.

Я спѣшилъ явиться къ генералу отъ Калинкина моста квартиры моей чрезъ Владимирскую на Литейную извозчики еще не выезжали я спѣшилъ пешей проходя мимо квартированія Изъмаильскаго и Семеновскаго полковъ часовыя отдавали мнѣ чѣсть ружьемъ я восхищался уваженіемъ къ себѣ салдатъ гвардейскихъ. Дойдя до Владимирской я узналъ что разводъ пошелъ уже по назначенію на Цырицынъ Лугъ или Марсово Поле, я спѣшилъ туда и пришелъ во время успѣвъ только стать въ строй по назначенію командованіе началось по прибытіи плацъ маіора Капцевича. В строю не одинъ я было много молодыхъ афицеровъ и в новой экзертиціи мы равнялись съ старыми на первой случай, чѣмъ не портили строгаго взысканія не было, да и самъ нашъ полковой командиръ молчалъ, и все слушали наставленіе Г. плацъ маіора, по сей экзертиціи уже свѣдущаго. Разводъ кончился я отъправился въ Таврическій замокъ.

Караулы вмѣсто недѣльныхъ установлены суточные.

Итакъ на другой дѣнь по сменѣ я исполнилъ первую службу въ афицерскомъ званіи.

Изъ за калинской моей квартиры я перешелъ ближе къ Владимирской насъ стояло вместе три афицера содержали общей столъ съ отводныхъ же обывательскихъ получали помѣсячно условленные денги.

Мы каждой дѣнь собирались у штабной квартиры при Владимирской намъ выданы были къ селютованію вмѣсто сабѣль эспантоны.

Роты по сортировкѣ перемѣнили номера свои и устроены въ особенности баталіоны и я поступилъ въ 13-ю роту бывшею 10-ю, въ 4-й баталіонъ, подъ командою подъполковника Эршова. Вторымъ же командовалъ бывший нашъ полковой командиръ Сазоновъ.

Перемѣна общая во всеѣмъ войскѣ последовала по новому составу въ полкахъ были назначены шефы въ нашемъ полку угодно было находится Его Величеству.

Мы недолго носили Екатерининскія мундиры, Государь Императоръ пожаловалъ намъ новыя по новому образцу и покрою, штиблеты черныя суконныя а в парадные дни бѣлыя полотняныя салдатамъ медныя каски и тесаки, а офицерамъ вмѣсто золотыхъ серебряныя вещи шляпа обложенная ускимъ золотымъ позументомъ и таковымъ же небольшимъ султаномъ. Волосы пудрили и делали на каждой сторонѣ головы по двѣ пукли, носили до вырощенія волосовъ накладные пукли съ косою обвитою черною лентою.

Въ новомъ обмундированіи мы въ первый разъ явились въ параде къ выносу блаженной памяти Императора Петра 3-го изъ Невского монастыря въ Петропавловскую крепость, въ соборъ ея. Нашъ полкъ стоялъ отъ Знаменія с лѣвой стороны по преспѣкту занималъ до Аничковского моста. Великолѣпная печальная процессія медленно проследовала въ 2 часа пополудни. Морозъ былъ жестокой, дотого по рядамъ салдатамъ носили ушатами пиво и закуску для обогриванія; а офицерамъ придворными лакеями на подносахъ водка съ таковою жъ.

При поравняніи процессіи каждого полка били въ походъ и играла музыка офицеры салютовали эспантонами.

1797-й годъ.

Съ прежнихъ квартиръ насъ перевели внутрь города намъ достались въ Галерной улице по Англинской набережной въ домахъ агличанъ. Но скоро перевѣдены были и я получилъ квартиру въ Малой Подъяческой улице въ домѣ иностраннаго переводчика Леванды.

Къ намъ назначенъ былъ въ полкъ изъ знающихъ службу маіоръ Эртель тотъ самый Федоръ Федоровичъ бывшій потомъ въ Москвѣ и въ С. Петербургѣ обѣръ полицейместеромъ и военнымъ генераломъ и особенно командовалъ нашимъ 4-мъ баталіономъ.

Мы ходили (то есть офицеры) каждый дѣнь къ разводу при Зимнемъ дворце производимымъ съ ученіемъ на площади, а в холодное время въ экзерциръ гаузе въ присутствіи Государя Императора а чрезъ два въ третій дѣнь наряжались въ карауль.

Часто делали маневры и привыкли къ новымъ оборотамъ службы эспантонами жъ салютовали прекрасно.

Бывшій вице полковникъ нашъ генералъ Берхманъ отъставленъ. Къ намъ назначенъ генералъ адъютантъ Абрамъ Андрѣевичъ Баратынскій.

Лѣтомъ дворъ находился въ отбытіи изъ С: Петербурга въ Москвѣ для коронованія гдѣ была и гвардія нашъ полкъ оставался въ С: Петербургѣ и содер-

жалъ караулы вѣмѣсто ее при дворцѣ и по возвращеніи Императора до высту-
ленія отъ толь гвардіи въ которое время я нѣсколько разъ удостоенъ былъ коман-
довать карауломъ во внутреннихъ комнатахъ и пользоваться царскимъ столомъ.

Все тѣкло хорошо мы равнялись въ содержаніи караула съ гвардіею Троиц-
кая гоубвахта что у Летняго сада противъ бывшаго дома Бецкаго была у насъ
главною гоубвахтою. Тогда были комендантомъ генералъ маіоръ баронъ Аракчѣевъ
въ последствіи графъ Алексей Андрѣевичъ. Плацъ маіоромъ подъполковникъ
Капцевичъ, въ последствіи генералъ отъ инфантеріи Петръ Михайловичъ. Они
делали посещеніе карауламъ и строгость кажется умножилась въ одинъ дѣнь.

Я стоялъ въ караулѣ на гоубвахтѣ Семѣновскаго полка часу въ 3-м попо-
лудни часовой зазвонилъ *вонъ* мы выскочили и я увидель неожиданно подъѣз-
жающаго изъ за церкви Веденія верхомъ плацъ маіора Капцевича но вотъ бѣда
зделавъ отъ ноги разъ два на лошакахъ остались два ружья на ту минуту два
человека отълучились до..... и не выставили, хотя они тотчасъ явились но поздно
плацъ маіоръ стоялъ предъ фронтомъ грозя и дѣлая за сіе выговоры молодому афи-
церу не спускають а болѣе взыскивають. Этотъ случай доведенъ былъ до сведенія
коменданта не знаю можетъ быть и Государя потому что на другой дѣнь по сменѣ
моемъ с караула я потребованъ былъ къ баталіонному командиру Эршову и по аре-
стованіи отъправленъ на Троицкую гоубвахту. Что я тогда мыслилъ и самъ не знаю
старыя офицеры смѣялись, но я убивался мыслию но разрешилось освобожденіемъ
на третій дѣнь мнѣ возвращена шпага с тѣхъ поръ я зделался осторожнѣе наука
для молодова человѣка послѣ узналъ я что сей секретъ былъ частной для предъ-
осторожности и не заключалъ въ себѣ далнихъ донесеній но какъ домашній
однако онъ мнѣ памятенъ тѣмъ болѣе что случился одинъ разъ въ теченіи всей
моей службы. И я посылаемъ былъ въ важнейшія мѣста службы и отъкоманди-
ровываемъ былъ въ другія баталіоны къ командыванію знаменнымъ и вторымъ
взводами, при личныхъ смотрахъ Государя Императора. И удостоился личнаго
отъ его сведенія о моей фамиліи и щастія получить награду прекрасныхъ золо-
тыхъ часовъ съ амаліевою цепочкою въ колцахъ и таковою жъ пѣчатю, за отлич-
ное разводное ученье въ числѣ девяти человѣкъ възводныхъ офицеровъ командо-
вавшему жъ дежурному маіору пожалована табакирка.

1798-й годъ.

Полкъ нашъ продолжалъ расположеніе въ С. Петербургѣ, вместо Баратынскаго
назначенъ къ командованію генералъ Карлъ Андрѣевичъ Ливенъ. Я былъ въ 4-мъ
баталіонѣ командиръ онаго подполковникъ Эртль следовательно въ 13-й ротѣ
командиръ оной капитанъ Мускѣинъ русской изъ французовъ. Въ ротѣ были кромѣ
меня прапорщики порутчикъ Посниковъ подпорутчики Зыковъ и Терентьевъ. Наша

рота стояла въ одномъ кружку то есть въ обоихъ Подъяческихъ улицахъ. Къ строгости службы привыкли и жили весело каждой дѣнь либо на ученіе или къ разводу ко дворцу или въ караулъ чрезъ три дни находили время и для прогулокъ и особенно въ летнѣе время, но вставали всегда въ 3 часа для прически волосъ вотъ что мучило сидѣть битой часъ подъ уборкою четырѣхъ пуколь съ фризомъ шляпы на бекрѣнь и особенно сначала парихмахѣръ изъ салдатъ былъ въ ротѣ одинъ и всегда начиналъ съ прапорщика следовательно я и вставалъ всѣхъ раньше изъ офицеровъ.

Неизвѣстно толко что то было въ мненіи не съ выгодной стороны о семъ полку онъ былъ храброй въ Шведскую компанію въ 1788 году ево порядочно поколотили, были еще при мнѣ гренадиры с кагульскими медалями усачи и какъ лѣсъ большой. Покойная императрица сей полкъ жаловала, что и придавало духу гордости.

Въ одно время на главной Троицкой гоубвахтѣ стоялъ въ караулѣ капитанъ Паткуль. Къ нѣму зашли тово жѣ полка капитаны изъ гатчинскихъ Шевнинъ и Саницкой что то слово за слово разсорились и неосторожно шпагой попортили у Паткуля руку. Тотчасъ донесено было Государю, военный судъ чрезъ 24 часа послѣднихъ двухъ присудилъ къ лишенію всего и посланію въ Сибирь. Поступокъ сихъ офицеровъ увеличилъ въ мысляхъ заключеніе о всемъ полку. Далѣе подпорутчикъ Стрелниковъ въ одномъ непотребномъ доме взять дозоромъ съ шпагою наголо въ рукѣ симъ окончилась сего полка прежняя гордость ево перевѣли на Васильевской островъ и тотчасъ расформированъ выборомъ пяти сотъ человекъ въ гвардію отосланіемъ двухъ баталіоновъ въ сибирскіе изъ оставшихся же сформированъ и оставленъ двухъ тысячной полкъ. Афицеры плакали.

Предъ симъ не болѣе за неделю я подалъ прозбу объ отставкѣ и слава всевышнему былъ уволенъ въ октябрѣ или въ ноябрѣ мнѣ многія завидывали какъ такъ случилось.

По полученіи отъставки для меня служба уже была готова въ штатѣ с. петербургскаго военнаго губернатора графа Петра Алексѣевича Фонъ Дер Палена.

1799-й годъ.

Сей годъ протѣкъ померѣ молодости и воли въ жизни. Я былъ произведенъ чиномъ по высочайшему имянному повеленію изъ прапорщиковъ, прямо минуя всѣхъ чиновъ по гражданской службѣ, въ титулярные совѣтники, или 9-й классъ.

1800-й годъ.

Въ штатѣ военнаго губернатора занималъ я должность казначея при зборе за выдаваемые подорожные поверстныхъ денегъ, прекрасная уважительная служба

при высокой и почтѣнной особѣ, притомъ всегдашній доступъ и благосклонность начальника и порядочное жалованье на содержаніе чего еще желать въ жизни болѣе имѣя и квартиру въ томъ же доме занимаемомъ имъ на Невскомъ проспекте противъ Малой Миліонной бывшемъ князя Куракина.

1801-й годъ.

Въ семь году въ мартѣ месяце последовала кончина блаженной памяти Императора Павла 1-го. На престолъ вступилъ старшій сынъ его Александръ 1-й. При такомъ событіи по должности моей кромѣ подороженъ возложена была выдача билѣтовъ выезжающимъ и приезжающимъ въ городъ особамъ разрешаемыхъ личностію графа. И днѣмъ и ночью я дни три не скидывалъ мундира поколь курьеры во всѣ мѣста съ извещеніемъ были разосланы.

Кромѣ настоящей обязанности военнаго губернатора на графа Петра Алексѣевича Фондеръ Палѣна возложены были департаменты министерствъ канцлера иностранныхъ дѣлъ и главноуправляющаго почтовымъ управленіемъ и другихъ частѣй и потому штатъ нашъ чрезвычайно увеличенъ.

Въ сіе время Дюрокъ прибылъ изъ Парижа и былъ принятъ графомъ при собраніи чиновниковъ.

Съ сего времени прическа волосъ измѣнилась волосы стрыгли и припудривали косы обрезывали одинъ за другимъ далѣе такъ и сѣкъ и пудра пропала.

Не помню кажится въ іюле месяце въ одинъ дѣнь графъ пріезжаетъ изъ дворца противъ обыкновеннаго позже и перваго спрашиваетъ меня я являюсь онъ спрашиваетъ щѣтъ денгамъ, которыя мною выданы по его предложеніямъ нащѣтъ другихъ суммъ. Я представляю онъ часть отдаетъ а другую переводить на генерала отъ инфантеріи Михаила Ларіоновича Голенищева Кутузова, объявляя что онъ отправляется для осмотра войскъ въ Курляндію. Къ вечеру собрался и выѣхалъ прощай нашъ славной и доброй начальникъ мы прощались с нимъ въ последней разъ болѣе его уже не видали онъ съ дороги прислалъ прозбу и отставленъ.

Въ тотъ же дѣнь я явился къ Михаилу Ларіоновичу онъ былъ назначенъ на мѣсто графа с: петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, онъ утвердилъ сумму переведенную графомъ, и мы все поступили подъ его начальство.

Собственной домъ его находился на Гагариной пристани на самой набережной гдѣ помещѣна была и моя канцелярія для житія же чиновниковъ нанять былъ домъ по близости.

Прежнія прав: канц. надв: сов: Покоевъ и секре. Купреяновъ, столоначальники Гудимъ, Геттунъ, писаря Цынбалистовъ и Машинъ. Первой остался секретаремъ по общей канцеляріи, а правителя ее заступилъ мѣсто надвор: сов: Соболевъ.

Примечаніе. Изъ сихъ чиновниковъ Геттунъ и Цымбалистовъ извѣстны они дошли до 4 класса первой при Милорадовичѣ правилъ дѣлами а последней и тепѣрь занимаетъ должность генералъ провиантъ мастера.

1802-й годъ.

Находился при той же должности казначея оставаясь въ спокойствіи подъ начальствомъ главнаго и добродетельнаго начальника. Гордясь службою сею мы ползовались его благосклонностію къ себѣ и жили по положенному содержанію въ изобиліи продолжая службу съ усердіемъ. Мнѣ было тогда двадцать шесть лѣтъ отъ роду следовательно не пропускались изъ виду частныя зрелища и общества рассеянности служація страстямъ къ удовольствію.

По зависимости военнаго губернатора сверхъ моей должности на меня было возложено удовлетворять жалованьемъ актеровъ немецкой и французской труппы. Въ это время я знакомъ былъ съ извѣстнымъ Г. Коцебу. Онъ былъ директоромъ первой и потому на каждой спѣктакль мнѣ доставлялись безденежныя билѣты концерты маскарады все посещались.

Въ сіе лѣто къ 22-му іюля мы были въ Петергофѣ моремъ на военногубернаторской шлюбкѣ или катерѣ, где все представляло въ обворожительномъ волшебномъ виде и особенно освященіе сада во время ночи, кто бывалъ тотъ знать.

Произшествіе изъ Московскаго полка отъ поручика Шубина въ летнѣмъ верхнѣмъ саду выстрѣлъ изъ пистолѣта ночью наделало много разговоровъ въ Петербургѣ виновнаго строго отыскивали. Но какъ можно сыскать по фалшивому его показанію когда самъ онъ былъ сему причиною изъ видовъ награды за что въ последствіи и наказанъ удаленіемъ.

Къ осени Михайла Ларіоновичъ сложилъ съ себя должность военнаго губернатора мы вторично повержены были въ горѣсть, и особенно я лишаюсь в нѣмъ своего благодетѣля.

Генералъ адъютантъ графъ Комаровской управлялъ сею частію недели с три, послѣ бывшій въ то время оберъ полицеймейстеромъ Федоръ Федоровичъ Эртѣль недели двѣ. И мы переходили отъ одного къ другому такъ сказать какъ сонныя не имѣя убежища многія изъ штата оставили службу, и я по совѣту Михаила Ларіоновича подалъ прозбу на увольненіе.

Но вотъ прибылъ и занялъ сію должность генералъ фельдмаршалъ графъ Михайла Федотовичъ Каменской. Я потребованъ имъ былъ первой онъ остановился въ Морской въ трактирѣ Гродне странныя вопросы на которыя я отвѣчать долженъ меня встретили послѣ приказалъ мнѣ ѣхать въ придворной его каретѣ за книгами не такъ близко отъ Морской на Гагарину пристань и еще мимо дворца по экипажу гобвахты были встревожены. С четвѣрть часа промедлилъ я для подведенія

итога въ книгахъ вчерашняго дня спѣшилъ и возвратился найдя между тѣмъ многое собраніе книги нашелъ исправными толко на двухъ последнихъ страницахъ въ линейкахъ руб. коп. заголовки не были прописаны что не оставлено без замечанія шуткою и ласково.

Для канцеляріи отъвѣдена была небольшая комната предъ его спальнѣю, намъ велено збираться поутру въ 6 часовъ обѣдать у него и на ночь выходить какъ случай дозволить. Строгость и пылкость характера по непривычкѣ многихъ изъ канцеляріи удалило несносныя поступки надъ однимъ (Гудима) устрашали другихъ про себя я не могъ жаловаться онъ часто говорилъ со мною благосклонно но что то такое сокрытое или необыкновенное требовалась к тому привычка ужасало и удаляло отъ нрава изменяемаго. Съ мѣсяцъ я находился при нѣмъ и вышло мое увольненіе какъ выше видно по прозбѣ. Онъ о семъ не зналъ и былъ недоволенъ мѣсто мое заступилъ помощникъ мой Говоруха Отърокъ и я здалъ должность.

Графъ Михаилъ Федотовичъ недолго пробылъ в сей должности не болѣе какитесь мѣсяца два и уволенъ отъ оной имъ однако отъкрытъ фалшивой поступокъ Шубина.

Послѣ его должность военнаго губернатора занялъ генералъ лѣйтенантъ Вязмитиновъ.

При увольненіи я получилъ чинъ коллежскаго ассесора вотъ я и зделался уже штабъ афицеромъ.

1803-й годъ.

Въ ноябрѣ минувшаго 1802-го года я выехалъ изъ С: Петербурга проживъ во ономъ по сіе время безъвыездно съ 1793-го года десять лѣтъ.

Я былъ въ Ранинбурге, Данкове, и Рылске, виделся съ сестрами Пелагѣею и Марьею Ивановнами, которыя были замужемъ 1-я за Сорокинымъ 2-я за Глаголевымъ, и братьями Алексѣемъ и Михайлою Ивановичами 1-й былъ тогда въ Рылске городничимъ а 2-й служилъ по статской службѣ въ курскомъ губернскомъ правленіи, виделся съ другими родными провѣлъ время весело и скучно и возвратился великимъ постомъ сего года чрезъ Москву обратно въ С: Петербургъ.

По рекомендаціи Г. Вязмитинова къ директору почтоваго департамента Г. Трощинскому въ іюнѣ мѣсяце я опредѣленъ въ московскій почтъ-амтъ. Куда и прибылъ въ то жъ время.

16 маія праздновано было при мнѣ столетіе въ С: Петербургѣ городъ и сады были иллюминованы но въ 12 часу ночи проливной дождь для публики наделалъ много тревоги.

1804-й годъ.

При проездѣ еще прежде чрезъ Москву отыскивались родственники со стороны брата родителя нашего, Якова Степановича въ числѣ томъ отъ дочери его Анны дочь Авдотья молодая дама бывшая замужемъ 16-ти лѣтнѣя за чиновникомъ Фоминымъ, следовательно она была мнѣ племянница чрезъ нѣе я знакомъ былъ съ благороднымъ семействомъ Полениновыхъ состоящимъ въ матерѣ съ двумя молодыми сыновьями и дочерью Александрою Николаевною. Я часто бывалъ въ ихъ домѣ и сія 16-ти лѣтняя девица мнѣ чрезвычайно нравилась тѣмъ болѣе когда я ассигновалъ свое жительство въ Москвѣ я чаще видался с ними братья ко мнѣ хаживали и мы короче познакомились. Я молодъ съ пылкими страстями далѣе и далѣе она невѣста мать была согласна и разомъ сватба.

Какъ выше видно я женился 28-го февраля сего 1804-го года.

Но я недолго оставался въ почтъ-амтѣ московскомъ. Директоромъ былъ тогда Ключаревъ мнѣ много обѣщали но тянули. Въ апреле месяце я оставилъ его службу я находился въ разсеяніи и разстройствѣ и этотъ необдуманной случай остается въ памяти на всю мою жизнь. Молодость безъ поддержки всему причиною нужны совѣты а ихъ дать было нѣкому. Пропускаю въ молчаньи какъ бы то ни было но я всю осѣнь прожилъ въ С: Петербургѣ одинъ оставивъ жѣну въ Москвѣ у матѣри съ апреля месяца.

1805-й годъ.

Въ начале сего года я возвратился изъ С: Петербурга въ Москву я имѣлъ письма отъ благодетѣля моего Михаила Ларіоновича Голенищева Кутузова къ бывшему тогда въ Москвѣ военному губернатору Александру Андрѣевичу Беклешову. И былъ имъ принять благосклонно.

1806-й годъ.

Сего 1806-го года марта въ 31-й дѣнь послѣдовало рожденіе дочери Александры, которой восприемниками были помещикъ маіоръ Нила Андрѣевичъ Новиковъ и жена чиновника почтъ-амскаго Палагина Татьяна. . . . Мы тогда жили въ Москвѣ на набережной противъ Кремля въ домѣ Тищева. На семъ мѣстѣ находится теперь каменной большой домъ.

Положеніи мои побуждали опять быть въ Петербургѣ и я въ юле месяцѣ принужденъ былъ выехать туда оставивъ жену и дочь при матери въ Москвѣ. Я часто получалъ отъ нѣе письма жена моя здѣлалась нездорова я торопился выехать но по невозможности время проходило. Осенью получаю письмо отъ брата ее Павла Николаевича извещающаго меня о постигшей смѣрти 9-го ноября оста-

вивъ семимесячную дочь на попеченіи своей матери. Въ горести убитый симъ нечаяннымъ произшествіемъ я тотчасъ выехалъ изъ С: Петербурга но по прибытіи въ Москву я нашелъ одну дочь въ утешеніе и семейство плачущихъ.

Предразсудки въ человѣке или суевѣріе сему смѣются и осуждаютъ, да я и самъ мало вѣрилъ, но какъ бы то ни было вѣрь или не вѣрь, а со мною случилось въ С: Петербургѣ я стоялъ на квартире близъ Покрова въ болшой Коломне. И имѣя уже сведеніе изъ Москвы о нездоровье молодой жены моей, я сокрушался и тосковалъ, продерживаясь препядствіемъ къ выезду, и не оставляя надежды къ ея выздоровленію. Время тянулось въ переписке нашей съ братомъ ея безпрерывно и я с каждой приходившей почты жаждалъ къ полученію писѣмъ и сведенія часто заходилъ самъ и справлялся по картамъ на почте не надеясь на разносныхъ почталіоновъ въ скоромъ чрезъ нихъ полученіи. Осенью въ вѣчеру захожу я на почту узнать о семъ смотрю карту и нахожу между прочими *имя свое*. Спрашиваю говорятъ что отдано для разноски почталіону отыскиваю но ево нѣтъ дожидаюсь ево возвращенія. Чрезъ немалое время онъ возвращается и я получаю письмо или конвертъ запечатанной. Было уже поздно я взялъ ево и положилъ въ боковой карманъ спѣша на квартиру. Ночь была сырая и темная осенній холодной вѣтеръ одни заженные въ фонаряхъ огни мелкали. Проходя по набережной канала у Николскаго моста на колоколнѣ Николы Морскаго пробило адиннатцать часовъ, народу уже по улицамъ никого нѣ было, по правую сторону моста где была прежде морская гоубвахта мнѣ пришло въ голову или мысль посмотреть на конвертъ адресъ чьею рукой онъ писанъ, подойдя ближе къ свѣтящемуся на лѣвой стороне фонарю вынимаю правою рукою из боковаго кармана поднимая выше къ свѣту и смотрю на натпись адреса, въ то жъ время вижу с правой стороны чрезъ мое плечо высокую женщину, одетую всю въ беломъ, разсматривающую адресъ вмѣстѣ со мною, я въ мигъ оглянувшись проговоривъ к ней, *что тебѣ надобно* но не видя никого близъ себя и даже на улицахъ пришелъ въ ужасъ, и время и мѣсто увеличили оной я спѣшилъ добратся до квартиры. По входе во оную тотчасъ распѣчатываю и читаю чтожъ нахожу извѣстіе горестное о последовавшей 9-го ноября кончинѣ супруги моей Александры Николаевны, отъ роднаго брата ея Павла Николаевича Полянинова.

1807-й годъ.

Война съ французами продолжалась полки наши трѣбовали усиленія кромѣ обыкновенныхъ наборовъ высочайшимъ манифѣстомъ въ минувшемъ году воззвана была милиція земскаго войска все жертвовали и оное съ поспѣшностію собиралось въ своихъ губерніяхъ подъ начальствомъ дворянства.

Я оставался въ начале сего года въ Москвѣ былъ приглашенъ уѣзднымъ начальникомъ генералъ маіоромъ Александромъ Івановичемъ Татищевымъ ко

вступленію я оставался одинъ начто было лутчѣ къ разсеянію пѣчальныхъ мыслей я былъ зачислѣнъ и не болѣе какъ чрезъ полторы недели по акомпированіи себя съ двухъ сотною партией изъ деревни Филей отъправленъ на зборной пунктъ въ Волоколамской уѣздъ по прибытіи въ село Середу Стратилатское тожъ мнѣ поручено командованіе всѣмъ баталіономъ Московскаго уѣзда изъ тысячи чело-вѣкъ состоящаго съ полнымъ числомъ обѣръ афицеровъ. Простоявъ тутъ съ мѣсяць для устроенія и формировація сей милиціи въ роты или сотни. Между тѣмъ я относился по командѣ къ генералъ маіору Павлу Александровичу Рахманову волоколамскому предводителю дворянства послѣ поверки приѣма отъ бывшаго при наборѣ въ Москвѣ полковника А. П. Мелгунова изъготовивъ сухарей на мѣсяць. По прибытіи Александра Ивановича Татищева мы были по осмотрѣ имъ отъправлены по данному маршруту за границу до Палангена.

Въ село было въ походѣ афицеры были молодые ратники удалые песенники и рожечники все знаніи на походѣ строгая дисциплина соблюдалась сотники бывшіе на службѣ и урядники изъ старыхъ служивыхъ въкореняли въ голову молодымъ въ каждой сотнѣ находился командиръ оной и два пятидесятника въ сихъ послѣднихъ званіяхъ находились отличныя молодая люди посвятившія себя на службу по приличію и состоянію. Два брата Кателниковы Николай и Михайла*) въ особенности поручены были мнѣ отъ ихъ матѣри. Линдѣнъ Александра Егорычъ правилъ должность баталіоннаго адъютанта. Все трое находились при мнѣ безъотлучно. Гусевъ былъ квартирмистромъ, Михайловскій все они съ воспитаніемъ и знали французскій и нѣмецкій языки. Сотники были Мавроди, Седнѣвъ, Норбѣковъ.

Имѣли тѣмнозеленый с панталонами мундиръ съ алыми воротникомъ и прошивками, чрезъ плечо лакированная черная портупѣя съ саблею на крюкахъ и треугольная шляпа съ зеленымъ изъ перьевъ султаномъ; у однихъ пятисотныхъ командировъ положено имѣть эполетъ золотой на лѣвомъ плечѣ.

Изъ зборнаго пункта села Середы въ назначенный дѣнь отъслуживъ съ водосвященіемъ молебѣнъ (это было въ маіе) отъправились въ походъ съ большимъ обозомъ афицерскихъ повозокъ и обывательскихъ подводъ подъ сухарями и слабыми.

Мы слѣдовали по маршруту чрезъ города Гжатскъ, Вязму, гдѣ встретилъ насъ походный бригадный командиръ Бунинъ (подъполковникъ). Около сего жъ пути на чистомъ поле повстречали мы курьера скачущаго которой махая платкомъ кричалъ миръ, миръ, поздравляю. Послѣ мы узнали что это былъ генералъ отъправленный въ Москву съ извещеніемъ о мирѣ, кажится князь Долгоруковъ.

---

*) Примечаніе. Въ последствіи Кателниковы находились въ Нѣжинскомъ драгунскомъ полку капитанами. Оба ранѣны у старшаго оторвало ядромъ ногу. Линдѣнъ въ 41 егерскомъ полку былъ адъютантомъ у генерала Капцевича потомъ полковникомъ и начальникомъ штаба въ корпусѣ Раевского и генералъ маіоромъ въ 1828, 29, 30 и 31 годахъ генералъ кригсъ комиссаромъ.

Чрезъ два перехода назначаема была дніовка все двенадцать баталіоновъ городовъ Московской губерніи следовали одинъ за другимъ по маршрутамъ такъ прошли Дорогобужъ и вступили въ Смоленскъ где встретилъ насъ областной походный начальникъ тайный совѣтникъ и действительный камеръгеръ Александръ Петровичъ Нащокинъ. Изъ онаго далѣе по тракту чрезъ Красной въ местечкѣ Дубровнѣ Могилевской губерніи мы остановлены были въ предѣ до ожиданія повеленія.

Областной нашъ начальникъ съ штабомъ пребываніе имѣлъ въ Орше въ Дубровнѣ вместе съ ними размещѣнъ былъ баталіонъ Можайскаго уѣзда подъ командою подъполковника Фонъ Сант-Флебѣна знакомство скоро сводится между походными онъ былъ с молодою женою. Молодые афицеры при дамскомъ обществѣ проводятъ время веселѣе въ Дубровнѣ жъ жилъ отъставной генералъ Чорба женатой на наследнице князей Любомирскихъ. Мы часто бывали и приняты ласково. На праздникъ С. Христины късіонзы дѣлали угощеніе и звали къ себѣ всѣхъ были окружные помещики съ цурками ловкостію полячекъ глаза прелщались.

Мы проводили время весело и простояли тутъ съ мѣсяць. Изъ баталіона моего во все время выступленія съ мѣста ни бѣжавшихъ ни умѣршихъ не было.

Получено повеленіе о приведеніи въ мѣру людей и формироваіи по ростамъ. Тутъ нѣсколько приуныли и одинъ бѣжалъ изъ тысячи. По сему разбору люди отъ меня поступили некоторое число въ другіе баталіоны и я принималъ къ себѣ изъ прочихъ такъ что отъ 5-ти до 6 вер. составилось 529 чел. и мнѣ предписано следовать со оными въ городъ Дисну Минской губерніи и здать въ корпусъ генерала графа Остермана Толстаго въ Изюмской гусарской полкъ.

Мы отъправились чрезъ Сенно, Полоцкъ и по прибытіи въ Дисну люди были представлены въ корпусный лагерь. Графъ самъ выбиралъ людей въместѣ съ генераломъ Дороховымъ и прочими человекъ до двухъ сотъ было не удостоино и подобныхъ людей всѣхъ уѣздовъ предъписано было здать одному пятисотенному начальнику для отъвода обратно восвоясы. Для сего назначенъ былъ подъполковникъ Санфлебѣнъ, всѣмъ же пятисотѣннымъ командирамъ съ штабъ и обѣръ офицерами предъписано собратся въ городъ Витебскъ.

По здачѣ людей мы насилу могли выбратся изъ Сенно по неимѣнію лошадей отъ болшаго собранія войскъ и потребности мѣстное начальство намѣкнуло намъ къ поводу усилія заборомъ подводъ въ торговой дѣнь съ рынка за нами дѣло не стало сформировано шесть лошадей и выехали на двухъ повоскахъ отъправляясь до Полоцка по нижней дорогѣ за Дисенку но вѣрстахъ в семи у одной корчмы тройка лошадей войтомъ с крестьянами у насъ была отъбита. Линденъ и Михайловской остались съ повоскою, я одинъ съ Кателниковыми на своей отъправился. При проездѣ чрезъ деревни войты и с нами хотѣли зделать тоже но обѣщаніе подводчику что онъ въ полности удовлетворенъ будетъ прогонами

съ водкою, ихъ удерживало. Мы приехали въ Полоцкъ ночью и на другой дѣнь переправились чрезъ рѣку Двину въ городъ.

Наступила осѣнь вѣтръ и дожди продолжались. На другой дѣнь мы вышли на берегъ Двины паромы были сорваны перевозчики разбѣжались плохой былъ присмотръ начальства силой брали у безсильнаго. На другой сторонѣ реки народъ собрался ищущій переправы тутъ же милиціонной офицеръ былъ видѣнъ. Мы остановились изъ любопытства все они възобрались на большую лодку и отъвалили отъ бѣрега опираясь кольями ихъ понѣсло по теченію внизъ и въ полуверстѣ привалило къ другому берегу но не имѣя каната не могли удержаться офицеръ не имѣя терпѣнія прыгнулъ на лодку въ это время удалило отъ берега и онъ поплылъ. Мы ахнули не зная о его еще званіи но стоящими людьми тутъ былъ схвачѣнъ и вытащѣнъ. Мы крайнѣ удивились увидѣвъ предъ собою явившагося въ мокромъ мундирѣ Линдѣна взяли его къ себѣ на квартиру и высушили скалозубы по молодости шутили но ему было не до шутки онъ сердился. Мы узнали что они ожидая съ Михайловскимъ лошадей въ корчмѣ не могли сыскать и онъ отъправился пешей верстѣ за сорокъ въ Полоцкъ. Изъ земскаго поветоваго суда данъ былъ приказъ и повоска съ Михайловскимъ на пятый уже дѣнь прибыла въ городъ.

Мы пробыли въ Полоцке съ неделю Санфлебенъ собиралъ команды въ одну обракованныхъ. Но между тѣмъ люди обосѣли изънурились и какъ я послѣ слышалъ отъ худаго его распоряженія отъкрылись болѣзни и смертность.

По прибытіи въ Витебскъ явился я къ Г. Нащокину и отъдавъ въ полности отъчѣтъ чрезъ двѣ недѣли отправился обратно въ Москву. Я принужденъ былъ въ Витебскѣ купить лошадей и отъправился на своихъ куда прибылъ уже въ ноябрѣ месяцѣ.

Областной начальникъ прибылъ также въ Москву долго продолжалось существованіе сего корпуса все пятисотенные командиры были в зборе часто к нему являлись съ отъчѣтами и другими надобностями о суммахъ также отъдаваемъ былъ отчѣтъ казенной палатѣ.

1808-й годъ.

За отличную службу въ сей милиціи я награжденъ чиномъ надворнаго советника и получилъ золотую мѣдаль для ношенія на владимирской лентѣ, при похвальному рескриптѣ отъ главнокомандовавшаго областью и бывшаго въ Москвѣ военнаго генералъ губернатора Тимофѣя Ивановича Тутолмина.

Губернской начальникъ былъ Николай Семѣновичъ Мордвиновъ а уѣздной какъ выше видно Татищевъ но все они оставались въ Москвѣ въ походѣ жъ были какъ извѣстно Нащокинъ, въ видѣ дивизіоннаго командира и четыре бри-

гадныхъ всей Московской губерніи по уѣзду жъ онаго Можайскаго и Рузскаго былъ Бунинъ. Сверхъ сихъ два баталіона стрелковъ были сформированы и оккупированы и оставались въ Москвѣ но они скоро также уничтожены поступленіемъ въ полки. Они были въ парадѣ при погребеніи орловскаго и прочихъ областного начальника графа Алексея Григорьевича Орлова.

Уѣздной мой начальникъ Александръ Ивановичъ Татищевъ получилъ въ награду ордѣнъ С-я Анны 1-й стѣпени. Онъ въ половинѣ лѣта изъ Москвы отправился въ С: Петербургъ куда взялъ съ собою родственника моего, шурина, покойной жены Павла Николаевича Полянинова в званіи правителя дѣлъ. Тамъ скоро былъ онъ назначенъ генераль крисъ комиссаромъ и приехалъ въ Москву по должности.

Онъ пригласилъ меня на службу въ Коммисаріатъ и я былъ принятъ въ исходе сего года. Военный министръ тогда былъ графъ Алексей Андрѣевичъ Аракчѣевъ. Повеленіе объ определеніи меня последовало 23 декабря съ переименованіемъ въ 7-й классъ. На сію службу присягалъ я у Николы на Пупышахъ близъ Коммисаріата въ Москве.

1809-й годъ.

Въ скорѣ по повеленію военного министра назначенъ я управлять Бериславскимъ Коммисіонерствомъ куда я долженъ былъ отправиться.

Оставивъ малинку дочь свою у бабки ея Авдотьи Егоровны Поляниновой жившей тогда въ приходе Николы Галстунскаго, по запасеніи всѣмъ нужнымъ я выехалъ изъ Москвы 11-го февраля на почтовыхъ съ однимъ человѣкомъ Осипомъ въ своей повоске. Зима была холодная снѣги великія проехавъ Харьковъ она стала умяляться. Для меня было новое вступивъ в стѣпи эхать отъ 20 до 30-ти вѣрствъ до станціи, не видѣвъ ни одной деревни а станціи изъ одной землянки и дворомъ для лошадей кизикомъ обнѣсеннымъ. Тѣмъ болѣе далѣе за Екатеринославлемъ чрезъ Александровскую крѣпость и Ареховъ снѣгу уже совсѣмъ не было стѣпная трава стороною катила мою зимнюю повоску другая природа солнце грѣло вѣсна время свое в сихъ мѣстахъ открывала и не доезжая вѣрствъ 60-ти кажется въ Знаменскомъ я долженъ былъ бросить свою повоску отправясь на перекладныхъ куда и прибылъ около 20 числа того жъ месяца. На Днепре стоялъ еще ледъ но чрезъ него проводили съ проводниками.

Съ приезда мнѣ отъвѣдена была квартира въ домѣ купца Бугримова, но на другой дѣнь въ подошвахъ ногъ моихъ открылась простуда мнѣ нелзя было стать на ноги кололо какъ иголками послѣдствіи сіи отъ тѣплыхъ сапоговъ въ дорогѣ на псовомъ мѣху иногда потѣли иногда зябли эхавъ дѣнь и ночь я не скидывалъ ихъ а особенно въ переменномъ климатѣ. Я былъ въ опасно-

сти лекаря во всѣмъ городе не было меня еще болѣя натращали полицеймѣйстеръ Константиновъ и инвалидной капитанъ первой совѣтовалъ мнѣ тѣрѣть стручковымъ перцомъ а второй что с нимъ тоже было и онъ принужденъ былъ мѣжду пальцами рѣзать. Я совѣтъ перваго попробовалъ и раскаился перецъ рвалъ или жегъ между пальцами втораго же не послушался. Хозяинъ мой изъготовилъ для меня баню и совѣтывалъ приложить подошвами на верхнемъ полку къ нагоревшей деревянной стенѣ но однако всѣ мнѣ это не помогало. На третій день я въ отчаяніи тѣмъ болѣя что мнѣ предписано тотчасъ вступить въ управленіе коммисіонерствомъ мнѣ нужно было туда явиться и смѣнить 7-го класса Юрчевскаго я велелъ подать себѣ просторныя сапоги кое какъ надѣлъ ступилъ разъ два прошелъ чрезъ мочь по комнатѣ оделся и отъправился ноги мои стали поправляться цыркуляція въ крови излечила ихъ поневоле и с тѣхъ поръ по сіе время я не чувствую никакой простуды.

С квартиры я перешелъ въ казенной каменной домъ чрезъ одну улицу отъ присутствія коммисіонерства въ другой онаго половинѣ жилъ прежней управляющей Юрчевской съ женою и падчерицѣю привезенною недавно изъ пансіона въ Петербургѣ кажется ее собили за меня но мнѣ не показалась настоящая индианка но за нею было много земли овецъ и скота на ней послѣ женился полковникъ Либгартъ командиръ Полтавскаго полка послѣ генералъ маіоръ и коммандантъ въ Херсонѣ.

Месяца чрезъ два военной министръ прислалъ курьера за Юрчевскимъ и велелъ естли еще я не принялъ коммисіонерства то до окончанія производить ему по 50 ко. в день пополамъ съ Юрчевскимъ. Однако уже приведено было къ окончанію и я чрезъ неделю отъправилъ ихъ въ С. Петербургъ.

Я занималъ одинъ цѣлой домъ привыкъ къ Бериславлю со всѣми познакомился мнѣ было хорошо и казалось вѣсело войски довольствовались въ Крыму расположенныя въ ведомствѣ моемъ было человекъ 8 коммисіонеровъ столоначальники Аврамовъ и Полторацкой такое жъ число писарей и много команды. Я узналъ окружныя стѣпи и познакомился съ живущими на нихъ помещиками.

1810-й годъ.

Недолго продолжалось существованіе получено повеленіе объ уничтоженіи всѣхъ коммисіонерствъ въ мартѣ месяце по удовлетвореніи войскъ вещами по сроку. Я закрылъ присутствіе онаго и здаль дома въ гражданское вѣдомство.

При семъ случае казначей Сачевской надѣлалъ мнѣ много хлопотъ и тревоги в недостаткѣ суммы при поverkѣ до семи тысячъ часть кое какъ собрана онъ былъ арестованъ тѣ кои у него займы брали разъѣхались. Однако я сообщилъ полицеймѣйстеру Лузеневу на мѣсто Константинова которой переведенъ въ Херсонъ.

Мнѣ некогда было ожидать возвращенія ихъ я со всеѣмъ штатомъ делами и суммою отъправился въ мартѣ месяце 19 числа въ Кременчугъ куда предъписано поступить и занять мѣсто члѣна въ тамошней Коммисіи.

Выѣхавъ изъ Бериславля въ прекраснѣйшее весеннее время по цветущей дороге чрезъ Херсонъ но мѣжду онымъ и Николаевымъ застигла насъ снѣговая мѣтель и нанѣсло много снѣгу такъ что коляска моя завязла въ одной балкѣ и я принужденъ былъ ее оставить. Приѣхавъ въ Николаевъ на перекладныхъ дождавшись ее въ Николаевѣ вторично долженъ былъ оставить въ Елисаветъ градѣ и приѣхалъ въ Кременчугъ на перекладныхъ которая послѣ уже доставлена. По прибытіи въ Крюковъ въ томъ же мартѣ месяце 29 числа остановился въ домѣ мещанина Москвитина.

Я здаль въ тамошнюю Коммисію всю принадлежность въ исправности. Управляющимъ оной тогда былъ генераль маіоръ Холодовъ. Мнѣ была извѣстная надобность въ Бериславлѣ которую я поручилъ тамошнему полицеймейстеру. Я просился въ Семфирополь съ жалованною для тамошнихъ войскъ суммою каждотретно отъправляемою и выѣхалъ со мною изъ Крюкова въ апрелѣ месяцѣ 8 числа чрезъ тѣ же города. Въ Бериславлѣ обрадованъ былъ полученіемъ денегъ съ явившихся должниковъ моего казначея которыя Лузенынымъ и отданы мнѣ но однако мнѣ досталось приплатить за Сачевского съ полторы но слава Богу тѣмъ кончилось.

По прибытіи въ Семфирополь мнѣ досталось встрѣтить тутъ праздникъ С-я Пасхи Воскресенія Христова. Но я квартировалъ у госпиталнаго смотритѣля маіора Малевского у нѣго семейство и мнѣ не такъ скучно было. Спалня моя была въ гостиной въ домѣ на высокой горѣ и поугру мнѣ всегда представляли горы Крымскія покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ такъ блиско что кажется тотчасъ до нихъ достигнуть можно но однако они отъстояли сорокъ верстъ отъ Семфирополя. На Страшной недели мы ходили по греческимъ и армянскимъ церквямъ гдѣ видели разное украшеніе во гробѣ Спасителя. Въ это время тамъ строился вновь рускій соборъ. Чиновники рускіе но житѣли татары армяне и греки у первыхъ есть мѣчети дома ихъ огорожены каменною стѣною чрезъ что улицы скучны, речка Салгиръ вытѣкаетъ изъ горъ и проходить мимо города внизу на ней много мельницъ.

Я в среду или четвѣргъ на Святой недели выѣхалъ изъ Семфирополя со мною былъ унтѣръ афицеръ на перекладныхъ и полетѣлъ чрезъ обширныя Крымскія стѣпи по дороге селеній очень мало кромѣ станцій назади меня горы синѣлись и особенно Палашъ гора похожая на огромную хорошую крышу. Они видны за станцію отъ Перекопа за 150 верстъ, гдѣ я любопытствовалъ видѣть соленыя озера отъ коль фурщиками соль доставляется въ Крюковъ и развозится Днѣпромъ на байдакахъ въ верхъ онаго по всеѣмъ мѣстамъ.

По прибытіи въ Бериславль я дни три пробылъ у друга моего дворянина и потемкинскаго еще корнета Меславцова и виделся съ прежними знакомыми.

По прибытіи въ Крюковъ 28 апреля я вступилъ въ должность члѣна Комисіи. Товарищи со мною были Брокѣръ, Королевской и Булатовъ. Я перемѣнилъ квартиру и стоялъ въ домѣ чиновника Пятницкаго. У управляющаго Комисіею генерала Холодова мы съ Брокѣромъ и комисіонеромъ Чечелѣмъ часто бывали и играли въ бостонъ. Онъ человѣкъ пожилой служивой жена у него была или еще не жена но онъ скоро на ней обвенчался Марья Михайловна воображалъ ли я тогда что чрезъ двѣнадцать лѣтъ впередъ будетъ восприемницею моего сына Николая, родившагося въ 1822 году. Тутъ же я часто видалъ приезжающую въ гости помещицу Раздеришину съ дочерью лѣтъ пятнадцати хорошенкою девочкою Марьею Николаевною послѣ вышедшею замужъ за чиновника Маламу и въ послѣдствіи чрезъ такое жъ число лѣтъ здѣлавшеюся приятельницею жены моей.

Холодовъ отърапортовался болнымъ и я за болѣзнію его управлялъ Комисіею но недолго въ маѣ жъ месяце получено повеленіе я назначенъ самъ къ управленію Смоленскою Коммисаріатскою Комисіею. Съ сожаленіемъ я долженъ былъ разстаться съ Крюковымъ и Кременчугомъ и въ іюнѣ месяце выѣхалъ.

Я отъправился въ коляскѣ своей у которой дорогою отъ жара часто портились колѣсы и делали остановку. При мнѣ былъ человѣкъ мой Осипъ и одинъ унтѣръ афицеръ. Чрезъ города Хароль Лубны и Пыратинъ Нѣжинъ Черниговъ ис коего почтарь ошибкою писаря провѣзъ меня не по тому тракту къ неудовольствію я долженъ былъ одну станцію проехать лишнѣю возвратомъ опять въ городъ за что однако они были наказаны. На Старъ Дубъ и Рославль я прибылъ въ Смоленскъ въ іюлѣ месяцѣ и вступилъ въ управленіе Комисіи 9-го іюля вмѣсто умершаго полковника Перепѣсина, въ которой члѣнами были 7 класса Ватацій и 8-го Путята Василей Ивановичъ (въ послѣдствіи онъ былъ генераль крѣгсъ комиссаромъ). Послѣ были Воеводской Яковъ Даниловичъ и Иловайской. Я былъ молодъ они все меня старѣе можетъ быть было не безъ зависти, но меня избрало начальство. Видно оно заметило и действительно что я ни къ какимъ интѣресамъ приверженъ не былъ даже стыдился слыша отъ другихъ к тому намѣтки стараясь заглушить страсть въ прочихъ находясь въ службѣ распоряжающей казенными выгодами.

Я перемѣнялъ квартиры за квартирою по невыгодности прежде на большой главной улицѣ потомъ за Молоховскими воротами а затѣмъ опять подлѣ оныхъ въ городѣ въ домѣ Г-жи Швейковской.

Въ Смоленскѣ тогда правилъ должность военнаго начальника генераль майоръ Кетлѣръ директоръ кадетскаго корпуса а губернаторомъ былъ баронъ Ашъ. Я былъ принятъ ими хорошо, дворянѣ смоленскіе хотя мало богатыхъ но живутъ гостеприимно и ласковы, делая часто собраніи, провожали время весело.

Трое насъ холостяковъ то есть квартирующий бригадный командиръ артилеріи полковникъ Мацылевъ, баталіонный гарнизона командиръ подъполковникъ Устьянцовъ и я провожали каждодневно почти вмѣстѣ весело иногда ездили на дачу въ 4-хъ вѣрстахъ отъ Смоленска купца Брагина тамъ провожали лѣтомъ время съ удовольствіемъ.

Мнѣ наскучило перемѣнять квартиры, мнѣ приискали продажной домикъ которой въ исходе сего года 18 сентября и куплѣнъ у госпожи Базаевой, подлѣ Авраміевскаго монастыря на углу, в нѣмъ заключалось двѣ комнаты съ переднею и буфетомъ а на дворѣ кухня и сараями с ледникомъ и садикомъ цѣною не помню но кажится за 700 ру. куда и перешелъ жить. При домѣ содержано было въ услуженіи два человѣка людей комнатныхъ, сверхъ того кучеръ и женщина, пара лошадей съ дрожками и санми.

Преждѣ вскорѣ по приездѣ в Смоленскъ 27 іюля ездилъ въ мѣстечко Хиславичи на два дни.

*) На замеч. Бюро съ откидною доскою или канторка съ ящиками, изъ ясеноваго дерева, делано у помещика Глинки. Компасъ математической подарѣнъ помещ. Ушаковымъ. Цѣлы и въ 1834-мъ году. За доскою бюро положенъ былъ кофей на дачѣ, французами въ 1812 году скушенной но чрезъ то бюро и самая дача остались цѣлы.

1811-й годъ.

Я оставался при прежней должности и былъ въ обществѣ на обыкновенномъ предпочтеніи между начальниковъ мѣстъ занимаемыхъ по президенству. Въ Смоленскъ назначенъ былъ 7-го ноября военнымъ губернаторомъ генераль Бахмѣтевъ но онъ пробылъ недолго. Мы часто а особенно по праздничнымъ днямъ приглашаемы были к столу губернатора. Преосвященной тогда былъ Серафимъ нынѣшней митрополитъ С: Петербургской.

Коммисія находилась близъ Молоховскихъ воротъ въ переулкѣ, развалины коей и теперь еще существуютъ, а магазины с вещами помещены были въ королевской крепости, тутъ же и архивъ съ старыми дѣлами кромѣ новыхъ которыя хранились при коммисіи.

Съ 22 генваря по 10-е февраля я былъ въ Москвѣ.

Съ 5 сентября по 4-е октября вторично былъ въ Москвѣ.

Доставлялось изъ Москвы въ болшомъ числѣ казенныхъ вещей для отпуску въ войски коихъ безъпрерывно прибывало въ округъ довольствія бывшей въ губерніяхъ Смоленской Минской Могилевской Виленской Гродненской частію Волынской Черниговской и всей Белостокской области. Осенью какъ и вѣсной много было отпусковъ следовательно и дѣла много.

Я былъ въ 7-мъ классѣ в сѣмъ году портрѣтъ с мѣня снятъ по преданности особенной ко мнѣ служащимъ въ смоленскомъ дворянскомъ собраніи секретаремъ, искуснымъ въ таковомъ дарованіи, но незанимавшимся, для тѣхъ только, кто ему могъ нравиться. Портрѣтъ сей и понынѣ тотъ же послѣ прибавлѣнъ только крестъ С-го Владимира.

Зеркало (что рама попорчена) и секретерка краснова дерева куплены въ Москвѣ, цѣлы въ 1834-мъ году.

1812-й годъ.

Наступилъ достопамятный сей 1812-й годъ. Полки и разные войски казацкіе башкирскіе и линейные продолжали походы свои за Смоленскъ. Мы были въ безыпрерывномъ занятіи удовлетвореніемъ разными вещами.

Вѣсной еще въ распутицу посѣтилъ насъ генералъ кригсъ коммисаръ Александръ Ивановичъ Татищевъ, проездомъ въ Вилну где уже пребываніе имѣлъ Государь Императоръ. Въ Смоленскѣ Татищевъ пекся о заporядкѣ вещей болѣя и болѣя. Мы удивлялись великой потребности и не воображали о предстоящей бурѣ постигшей пристанище наше. Я заготовлялъ много холстовъ и работалъ въ угодность ему безъ умолка съ полнымъ усердіемъ и преданностію для ползы отѣчеству и престолу въ чѣмъ и успѣлъ съ великимъ усиліемъ.

Марта 12-го дня домикъ свой я продалъ отъставному полковнику Сѣмену Ивановичу Цагелю не помню за сколько но кажится болѣе той цѣны отъ того что зделалъ много поправки, и перешѣлъ жить въ наемную квартиру на форштатъ противъ Молоховскихъ воротъ въ домъ живописца Гнидкина цѣною за 300 ру. въ годъ, гдѣ уже я жилъ во время проезда Татищева которой действия моими по службѣ былъ довольнѣнъ. Вскоре послѣ прибытія своего въ Вилну чрезъ ходатайство его награжденъ я отъ Государя Императора орденомъ С-го благовернаго князя Владимира 4-й степѣни, которой и доставленъ ко мнѣ при рескриптѣ за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ.

Рескриптъ сей хранится у меня отъ 31-го маія.

По полученіи ордѣна при великой сей радости я дѣлалъ пиръ гостѣй было много и самъ правящій должность военнаго губернатора генералъ Кетлѣръ Вилимъ Ивановичъ, а приятѣль мой полковникъ Мацылѣвъ велѣлъ придвинуть свою артилерію на площадь противъ моей квартиры и выстрѣлъ за выстрѣломъ долго продолжались за здоровье жаловатѣля, такъ что и трубамъ досталось, а музыка гремѣла.

Въ свободное время и особенно лѣтомъ я ѣзжалъ на дачи. Приятѣли мои отлично хвалили состоящую въ восьми верстахъ отъ Смоленска по Краснинской дорогѣ въ лѣвую сторону версты съ полторы девицъ Баннѣровыхъ называемую

Красную мызу, домъ съ антрѣсодемъ и бериведеромъ при нѣй роши и всей земли было слишкомъ восемьдесятъ десятинъ. 3-го маія сія дача была сторгована и я купилъ ее за 4500 ру. куда и эжаль я часто, тамъ жилъ человѣкъ мой Григорей въ видѣ мызника съ женою Акулиною и двумя малолѣтними дочерми Марьею и Аксиньею. Тамъ же находились плотниковъ человѣкъ шесть для разныхъ подѣлокъ, анбаровъ и конюшни и обшитія дома тѣсомъ а шекотуры и пѣчники для внутреннихъ подѣлокъ на что употреблено было уже много матеріала.

Начали громко поговаривать о Наполеонѣ, молва распространялась, французы приступили къ границѣ. Въ исходѣ іюня посѣтилъ Смоленскъ Государь Императоръ проездомъ изъ Вилны въ Москву. Пробывъ тутъ сутки и осмотрѣвъ квартирующіе тогда въ маломъ числѣ войски гарнизонной и два резервныя баталіона и 8 и 11 ротъ батарейной и легкой артилеріи изволилъ пожаловать по рублю на человѣка. Съ государемъ былъ графъ Аракчѣевъ. Великая печаль обнаруживалась въ нѣмъ болѣя во время присутствія у обѣдни въ соборе литургію совѣршалъ тогда епископъ Гавріилъ.

Въ то жъ время манифѣстомъ объявлено собраніе ополченія народнаго и въ Смоленскѣ заторопилось въ народѣ дворянѣ другъ предъ другомъ старались показать свое усердіе. Прибылъ флигѣль адъютантъ для распоряженія. Въ скорѣ генераль Винценгеродъ заступилъ мѣсто военнаго губернатора. Тотчасъ по прибытіи я былъ призванъ и мнѣ приказано приготовить казенные вещи къ вывозу по тракту на Москву. Обывательскія подводы со всѣй губерніи собираемы были въ короткое время отъправлено было слишкомъ на пяти сотъ подводахъ вещей при членѣ 8 класса равно и изъ прочихъ мѣстъ выбирались и отъправлялись.

Волненіе умножалось. Въ іюлѣ месяцѣ соединились въ Смоленскѣ двѣ главныя квартиры двухъ армій Главнокомандующихъ 1-й графа Барклая де Толія 2-й князя Багратіона. Французы перешли уже границу. Съ нашей стороны предъполагали быть по близости генеральному сраженію. Генераль интѣнданты заботились на случай раненыхъ приготовленіемъ потребностей. Мнѣ велѣно приготовить все и я каждодневнѣ и ежечасно требованъ былъ туда и сюда и особенно у генерала Канкринъ. Главноуправляющей по сей части былъ Василій Сергѣевичъ Ланской, генераль штабъ докторъ Виліе и другой Г. интѣндантъ Ланской братъ перваго также заботились. Хотя соединились двѣ полевые комисіи и два полевыхъ генераль кригсъ комиссара но я какъ принадлежалъ къ внутреннѣму управленію и потому распоряженіе на меня было возлагаемо. Тревога сія продолжалась безъ мала месяцъ слухи разные неприятѣль приближался къ Смоленску.

Такъ продолжалось безъ мала месяцъ у меня казенное все было вывезено. Секрѣтно приказано было имѣть въ готовности шесть лошадей съ повосками

для увоза денежной казны, которой состояло тогда немало ассиг. слишком полмиліона червонцовъ семь тысячъ и серебра сколько то.

Курьеры лѣтали, привозили разные сведеніи, взадъ и впередъ, непрерывно. Я забылъ и думать о своей дачѣ, все были въ отчаяніи, говорили что и форштатъ где была моя квартира, при случае будетъ очищенъ.

Неприятѣль уже былъ въ Орше и Лядахъ. Изъ Смоленска былъ командированъ капитанъ Тебенковъ съ артилеріей и несколько пехоты но они скоро возвратились. Обѣ главные квартиры перешли за Днѣпръ житѣли выезжали Смоленскъ делался пустъ.

31-го числа іюля было последнѣе мое присутствіе въ комисіи, афицеры мои были все разобраны въ командировки. Изъ гошпиталя болные выведены. При мнѣ только оставался одинъ члѣнъ Воеводской казначей Раковъ и секретарь Спиридоновъ да бухгалтеръ Санниковъ с нескормъ числомъ писарей и команды. Мнѣ также приказано было перейти за Днѣпръ.

Квартиру я свою давно оставилъ по опасности и жилъ кое гдѣ при комисіи. У меня были готовы пара прекрасныхъ лошадей подъ брычкою и третья подъ дрожками.

Денежная казна по повеленію была отправлена съ казначѣемъ и двумя пѣтчиками по тракту къ Москвѣ чрезъ Элну избѣгая опасности захваченія неприятелемъ, и приказано въ Дорогобуже ожидать меня. Но я не получилъ повеленія на свой выездъ мнѣ приказано отъ Ланскаго и Канкринна быть до повеленія при нихъ. Движеніе перехода войскъ продолжалось и я не имѣвъ пристанища выпроводилъ экипажъ свой и чиновниковъ за пять вѣрстъ отъ Смоленска по дорогобужскому тракту и приказавъ имъ находится тутъ то есть на бивуакахъ и ждать моего возвращенія, самъ отправился обратно въ городъ на бѣговыхъ дрожкахъ съ десятилѣтнимъ малчикомъ, въ намереніи скоро по полученіи разрешенія возвратится но меня не отпускали.

Не помню но кажется 3-го или 4-го августа поутру, мнѣ нужно было побывать на своей дачѣ тамъ все у меня было брошено чтобъ приказать людямъ уѣзжать поскорѣе следуя на Элну забравъ что можно. Тамъ было у меня двѣ пары воловъ. Я выѣхалъ за Молоховскія ворота на бѣговыхъ дрожкахъ пустился во весь духъ проселочною дорогою не зная о весьма блискомъ нахожденіи неприятѣля.

Отъезжая не болѣя съ полверсты отъ города усмотрѣлъ я разъезжающихъ патрулѣй конныхъ артилеристовъ съ пистолѣтомъ въ рукѣ. Они были часто разставлены и были въ военномъ положеніи. Я видѣлъ что они были наши Мацылевой бригады, Тибенковой роты, они пропустили меня не сказавъ ни слова. Въ мигъ я очутился на своей дачѣ нашелъ тамъ одну женщину Акулину съ детми, а мужъ ее Григорей пошелъ ко мнѣ въ городъ спрашивать что ему

дѣлать, не было и плотниковъ которыя пошли въ ближнюю деревню въ гости. Я зашелъ въ домъ и въ верхнихъ комнатахъ въ бюрѣ за доски положилъ бывшія тутъ припасы фунта съ два кофею сахару и чаю зная что до перваго французы охотники чѣмъ бы умиловити ихъ отъ разрушенія моей дачи на первой случай. Прочѣе все было несколько бутылокъ вина и рома и даже мебѣль скрыто въ выходѣ подъ домомъ. Я пробылъ на дачѣ не болѣе десяти минутъ *) приказавъ женщинѣ чтобъ по возвращеніи мужа ее и плотниковъ какъ наискорѣе выехать забравъ что полутчѣ на двѣ пары воловъ и держатся къ Элнѣ, пустился обратно. На половинѣ дороги я встретилъ человѣка своего Григорья идущаго изъ города но онъ былъ уже подъ хмѣлкомъ. Я строго приказалъ ему спѣшить итти на дачу и скорѣе выезжать толковать было долго некогда. Я возвратился въ городъ и опять за Днѣпръ, явился къ Канкрину но приказанія на отъпускъ мой еще не последовало.

Пришелъ вечеръ. Я не зналъ гдѣ мнѣ провѣсть ночь съ малчикомъ и лошадей которая вѣсь дѣнь не эла. На форштатѣ знакомыхъ не было притомъ онъ вѣсь занятъ войсками и чинами штабовъ. Я поѣхалъ въ городъ въ намереніи ночевать либо у доктора (и акушеръ) и оператора Павлоцкаго либо у полковника Цагеля. Они какъ прежде говорили не хотѣли выезжать изъ города чтобъ не лишится домовъ своихъ и именія но въ последствіи безразсудность сія много потерпѣла. Оба они имѣли по дочери у перваго молодая вдова а у втораго только что взятая изъ института девица жила при молодой мачихе италіанкѣ красавице. Я приезжаю въ домъ перваго и нахожу тутъ последнихъ, напоили меня чаемъ, шутили смѣялись обыкновенно, я былъ неженатой, а они невѣсты, какъ и со всѣми водится. Они знали языки и не боялись французовъ но дорого заплатили за надежду. Однако старики ночлега мнѣ не предлагали такъ проведенъ былъ вечеръ мнѣ жаль было малчика и лошади и я разпростился мнѣ совѣстно было самому называться что мнѣ было дѣлать кромѣ ихъ двухъ домовъ. Городъ былъ совершенно пустъ были собаки и мяукали кошки ночь была тѣмная на улицѣ ночевать трудно. Мнѣ пришелъ въ голову домъ казначея моего Ракова состоящей близъ военносиротскаго училища и я отъправился туда. Проезжая мимо провианскихъ магазиновъ улица вся заставлена была фурщиками торопящимися вывозомъ провіанта. Я насилу могъ пробратся сквозь ихъ; домъ былъ запертъ и обыкновенно оставленъ напроизволъ, какъ и все прочее. Я помогъ перелѣсть чрезъ заборъ малчику. Онъ отпѣръ изъ вну-

---

*) Примечаніе. Только что я выехалъ изъ дачи какъ явились на нѣй французскіе мародеры. Женщина Акулина съ детми скрылась въ лѣсъ и плотники разбѣжались. Человѣкъ мой Григорей въ то жъ время явился и они приняли его въ фуктѣли. Баронъ отдавалъ все что есть и расхвачено. Кофію были ради вино и ромъ развеселило воли и коровы были скушены въ домѣ въ комнатахъ поставлены ихъ лошади. Такъ перемѣнялись выходомъ и приходомъ одни за другими все расхищено.

три ворота достали съ сарая сѣна и поставили лошадь ко оному, на дворѣ заложеною, на случай тревоги которую кромѣ неприятѣля и здѣлать было некому. Проходы въ домѣ были извѣстны мальчику, онъ чрезъ кухню прошелъ по комнатамъ и отъперъ зальные двери. Я отъкрылъ окошко на улицу поставилъ подъ оное раскладной столъ на чемъ обѣдаютъ и положивъ дрожечную подушку подъ голову не раздеваясь лѣгъ на оной съ намереніемъ всегда быть въ готовности, мальчика положилъ на полу въ залѣ, онъ въ кухнѣ нашелъ оставленной хлѣбъ и поужиналъ. Такъ проведенъ была ночь, не помню крепко ли я спалъ имѣя одну половину своего стана на улице, а другую въ домѣ не зная и того что я былъ только въ двухъ вѣрстахъ отъ неприятѣля разделеннаго городскою Годуновскою ветхою стѣною. При малѣйшемъ разсвѣтѣ я готовъ былъ уже, поднявъ мальчика и здѣлавъ попрежнѣму въ домѣ заперши ворота выѣхать на форштатъ *).

Проезжая мостъ чрезъ Днѣпръ видѣлъ я что онъ закладѣнъ былъ соломой. Я пришелъ къ Канкрину онъ повидимому также спалъ какъ и я. Онъ послалъ меня къ Ланскому Василью Сергѣевичу но я не получилъ отъ него решительнаго повеленія на отъправленіе. Между тѣмъ началась суматоха членъ мой Воеводскій имевшій порученіе присматривать за зданіемъ комисіи въ которомъ было все заперто и оставалась мебѣль и старыя дѣла въ архивѣ безъ памяти прибѣжалъ и сказывалъ что чрезъ стѣну у Молоховскихъ воротъ гдѣ была комисія свистѣли пули мимо ушей ево а въ комисіи ломаютъ двери и ищутъ полутче. Я пошелъ къ Канкрину. Артилерія наша придвигалась къ мосту онъ былъ зажженъ. Это былъ часъ осмой утра кажится 4-го или 5-го числа августа въ воскресенье. Канкринъ сказалъ мнѣ ну тепѣрь ступайтѣ и следуйте по городамъ куда лутчѣ или безъопаснѣе къ Москве.

Я отъкланился и бросился къ своей лошади стоящей съ мальчикомъ на улице но ее чуть у меня не перехватили, сабля моя была устрашеніемъ. Вотъ картина плачевная по улицамъ тревога была ужасная народъ бѣжалъ въ изъступленіи мущины и женщины съ детми за плечами вой и плачь все суенилось даже самый безъсловесный скотъ кажится чувствовалъ.

Я съ великою трудностію могъ проскакать по долгой Московской Ямской мальчикъ мой чуть держался за мною, верстахъ въ двухъ отъ заставы настигъ я образъ Божіей Матѣри Смоленскія Одигитріи несущій скорыми шагами почти бѣгомъ, народомъ. Я помолился и благодарилъ за избавленіе. Позади и в сторонѣ слухъ мой заглушался громомъ орудій. Приѣхавъ на то мѣсто гдѣ я приказалъ ожидать себя чиновникамъ и своему экипажу но ихъ тутъ не было я

---

*) Примечаніе. Домъ сей вместе съ прочими въ тот же дѣнь сгорѣлъ, по случаю приступа французовъ.

скакалъ далѣе. Множество егарей нашихъ при дороге стояли біуваками. Я нагналъ экипажъ свой за 25 вѣрстъ отъ Смоленска совершенно изъмученной беспокоемъ и ездою своею, чиновники мои объявили что еще наканунѣ того дня получили они сведеніе будто бы я взятъ въ пленъ неприятелѣмъ, и потому они ночью с того мѣста двинулись далѣе. Я не могъ взыскивать на чиновникахъ но досадовалъ на своихъ людей что они дорожили своею жизнію болѣе нежели господскою. Мы пустились далѣе и я эхалъ уже покойно в своей брычкѣ.

6-го числа мы прибыли въ Дорогобужъ я былъ встревоженъ неприбытіемъ еще казначея съ суммою отъправленнаго на Элну не попался ли онъ въ руки неприятеля, но слава Богу къ вечеру и онъ прибылъ благополучно.

Предположеннаго генералнаго сраженія близъ Смоленска не дано, а говорили что смотря на движеніи неприятеля можетъ оное случится при Вороновской переправѣ но однако и того не было неприятѣль не зная видно и самъ на что решится приостановился въ Смоленскѣ гдѣ съ нашей стороны ариергардомъ былъ удерживаемъ.

Между Дорогобужемъ и Вязмою на станціи Семлевѣ 7-го числа нагналъ насъ фелтъегеръ съ повеленіемъ отъ Главнокомандующаго Барклая де Толи слѣдовать по тракту къ Москвѣ.

8 и 9-е число я принужденъ былъ отъкрыть присутствіе Коммисіи въ Вязмѣ по множеству вступающихъ требованій и особенно отделеній госпиталей слѣдующихъ въ мѣста по назначенію для продовольствія больныхъ скопившихся тысячъ до шести въ Вязмѣ гдѣ исправлялъ должность временнаго комманданта генералъ маіоръ Левицкой которой выезжалъ изъ городовъ последней и мы почти въ мѣстѣ съ нимъ какъ и все прочіе выехали по опасности. Здѣсь пристало къ намъ еврейское общество занимавшихся подрядчиковъ въ Литвѣ и Бѣлорусіи по опасности возвратится въ дома свои наказанія отъ французовъ. Они были подъ защитою коменданта.

10-го числа мы прибыли въ Гжатскъ.

11-го числа въ Можайскъ.

12-го числа въ Рузу приѣхавъ верстъ десять приостановились мы для большого растаха въ деревнѣ Горкахъ принадлежащей казначею Ракову. Житѣли все были въ отчаяніи не знали на что решится забирали лутчѣе и уходили далѣе.

Множество партій народнаго ополченія встречались съ нами съ хоругвями при каждомъ, въ геройскомъ видѣ следуя къ Можайску.

15-го числа чрезъ Звенигородъ мы прибыли въ Москву.

Я тотчасъ явился къ своему генералъ кригсъ комиссару Татищеву. Онъ не зналъ о занятіи неприятелемъ Смоленска удивлялся болѣе следованію ево къ Вязмѣ насилу могъ повѣрить и тотчасъ поѣхалъ къ графу Растопчину военному губернатору московскому.

Мнѣ велѣно размѣстится въ зданіяхъ московской комисіи отъкрыть присутствіе особенно отъ оной подъ наименованіемъ комисіи Смоленской въ Москвѣ пребывающей.

Московская публика въ каждомъ сословіи говорила разное, фабрикантскимъ работникамъ велѣно разойтись по деревнямъ своимъ. Волненіе дѣнь отъ дня умножалось подозрительные люди и особенно иностранцы въ видѣ шпионовъ подвергались опасности.

Лутчія и состоятельные фамиліи уѣзжали изъ города. Все продаваемо было за полцены и я променялъ свою старую коляску на новую, у Маркова, съ причею 900 ру. Она и тепѣрь у меня (1834 года).

Почти каждодневно выходили отъ военного генералъ губернатора объявленіи, къ успокоенію публики въ увереніи безъопасности но Москва делалась пустѣе и пустѣе уѣзжали въ низовые города и оставляли дома свои на дворниковъ являющіся помещики и житѣли Смоленской губерніи умножали страхъ сей.

Предъприняты были мѣры къ вывозу изъ Москвы дорогихъ и прочихъ казенныхъ хранилищъ сухимъ путѣмъ и водою.

Смоленскія мои вещи давно прибыли въ Москву и были сложены на старомъ комисаріатскомъ дворѣ подъ укладку коихъ дано было три барки, а московскихъ комисаріатскихъ восемь. Мы начали грузить на оныя, однакожъ ожидали конца генералнаго сраженія чѣмъ оное можетъ кончиться.

Глухой гулъ и трясеніе земли слышимой подъ Москвою окончило участь ея извѣстнымъ отъчаяннымъ сраженіемъ съ обѣихъ сторонъ 25, 26 числѣ августа подъ Бородинымъ решеніе зделано, все суетились, убирали и выезжали.

Недели за полторы уже какъ экипажъ мой с малолѣтною моею дочерью при бабкѣ ея Авдотѣ Егоровнѣ и сынѣ ея Васильѣ Поляниновыхъ былъ отъправленъ со всѣми людьми къ следованію на Нижній Новъ городъ. Ихъ домъ въ Москвѣ бывшей на Полянской улицѣ по левую сторону отъ Козмодемьянскаго моста занимаетъ послѣ ихъ квартирою былъ мною. Мы занимались уборкою казенныхъ вещей и одна поздняя ночь приводила на ночлѣгъ во оной. Въ домѣ семъ оставалась въ особой комнаткѣ семидесятилѣтняя старушка слѣпая дальняя родственница Поляниновыхъ съ женщиною для нѣе приготовлена была лошадь съ повоскою. Другой же сынъ Поляниновой служилъ въ штатѣ Татищева и находился при нѣмъ приезжая часто ко мнѣ. Такъ нѣсколько дней продолжалось, уборка наша окончивалась.

Татищевъ былъ готовъ къ выезду неприятѣль подходилъ къ Москвѣ. 2-го сентебря получилъ и я приказъ следовать на Коломню. Поручивъ три барки двумъ афицѣрамъ Сергѣеву и Яковлеву мы въ такомъ были отъчаяніи ничего не зная о послѣдствіи неприятѣль говорили неприятѣль уже въ Филяхъ все бѣжало и конное и пешѣе.

Часу въ 12-мъ ночи я возвратился в сей домъ куда собрались казначей бухгалтеръ и чиновникъ Мякишевъ гдѣ жъ прочіе не знаютъ. Экипажъ мой былъ готовъ мы напились чаю тутъ былъ еще статскій афицеръ Фоминъ съ женой и двумя маленькими детьми просящій о вывозѣ. Я вывѣлъ слѣпую старушку она вся дрожала жизнь человѣческая еще не наскучила. Послѣ я узналъ она боялась чтобъ я не столкнунулъ ее въ погребную яму но она была успокоена ощущавъ колѣсы у готовой повоски. Посадивъ с нѣю жену съ детьми афисера Фомина приказавъ ему управлять лошадыю отъправилъ.

Двери въ домѣ затворены огонъ вездѣ погашенъ. Съѣхавъ самъ со двора я велѣлъ изъ внутри запѣреть ворота и перелѣсть чрезъ заборъ человѣку я оставилъ его домъ напроизволъ судьбы.

Со мной былъ бухгалтеръ Санниковъ и на особой тройкѣ денежная казна съ щетчиками.

Москва уже была пуста ни въ домахъ ни на улицахъ никою не было намъ надобно было выехать на Измайловскій звѣринѣцъ къ вывозу удалившагося туда семейства Головиныхъ обратившагося ко мнѣ съ прозбою. Ночь была тѣмна при сѣздѣ съ Камѣннаго моста мы повѣрнули налѣво въ которое время повоска съ суммою отъ насъ скрылась. Опять бѣда спросить было нѣкого мы эхали валомъ гдѣ тепѣрь бульваръ не зная въ которую заставу и очутились въ Преображенскомъ. Начало уже свѣтать и насилу могли найти Измайловской звѣринѣцъ и слава Богу духъ мой успокоился щетки съ суммою находились уже тамъ.

Мое дѣло торопить скорѣе къ выезду но упростили пообѣдать женскія зборы разставанье и плачь продержали.

Въ сіе время я купилъ у смотрителя датскую сабаку за 25 ру. ей было полгода но она уже была съ полугодового тѣленка страшная и смирная *Тигронъ* но люди наши въ походѣ прозвали ее *Миронъ*. За тѣмъ да за другимъ проводили мы целой дѣнь и принуждены были ночевать.

Выехавъ поутру изъ зверинца намъ надобно было проселкомъ проехать на большую Коломѣнскую дорогу и мы попали такъ сказать въ хаосъ бывъ не болѣя отъ Москвы въ 7 верстахъ отъ куда колонами войски наши въ разстройствѣ слѣдовали. Народъ бѣжалъ у насъ отнимали лошадей но сильная рука побѣждала слабую и отъзывъ следованія Коммисіи съ суммою удерживало. Каждая проходимая деревня была тѣсна своею улицѣю ее срывали учреждали переправы чрезъ даже малые ручьи для способнаго проезда орудій и мы взошли въ веденіе квартирмейстерской части проследуя вѣрствъ 15 въ такомъ состояніи мы своротили въ лѣвую сторону и вѣрствъ чрезъ семь прибыли поздно ночью въ подмосковную деревню Головиныхъ.

Тутъ собралось насъ большое общество муштинъ и женщинъ молодыхъ и старыхъ. Отужинавши я пошелъ ночевать въ свою походную брычку где я обыкно-

венно проводилъ ночи отъ самаго Смоленска прочіе все расположились какъ способнѣе воображая что избавились отъ всякой опасности. Но только я успокоился какъ въ пустотѣ брычки моей началъ отъзывать слухъ громовыхъ орудій производимыхъ с перемѣшкою протяжнымъ гуломъ. Я нѣ могъ заснуть остереженіе упало на мою отвѣтственность я опять всталъ оделся и потревожилъ всѣхъ къ походу. Все согласились и мы ночью жъ часу въ 1-мъ выехали пробираясь проселочной дорогой безъ отдыха, гдѣ то ночью безъ перевозчиковъ сами переправились на плоту чрезъ Москву рѣку и ночѣвали въ городѣ Броницахъ на другой дѣнь.

Неприятѣль уже занялъ Москву войскамъ нашимъ перемѣнена дизлокація еще 3-го числа сентебря и предписано держатся къ Воронову что на старой Калужской дорогѣ.

Не упомню 5 или 6-го числа мы подъезжали уже къ Коломнѣ болшая дорога занята разнымъ народомъ. Московская полиція также следовала. Между множествомъ замѣчены мною были два человѣка эдущій одинъ верхомъ въ казацкомъ чекменѣ на плохой лошади другой въ мундирѣ на бѣговыхъ дрожкахъ заложеной бѣлою англизированною клячею, далѣе я узналъ въ нихъ перваго Яковлева втораго Сергѣева бывшихъ при баркахъ. Отъ нихъ узналъ я что все барки по мелководію Москвы рѣки подъ Даниловымъ монастыремъ остановились и при приближеніи неприятѣля созжены. Я ахнулъ на нихъ было много вещей которыя я спасъ изъ Смоленска но не одни сіи созжены и все прочіе по повеленію начальства.

На баркахъ были положены и мои вещи особенно мебѣль и много книгъ что успѣлъ погрузить кромѣ брошенныхъ въ Москвѣ брычки или фѣуры и дрожекъ с разною мѣлочью итакъ я в три раза то есть въ Смоленске Москвѣ и на баркахъ потерпѣлъ разореніе но участь общая, много не грустили, и своя жизнь была въ сомненіи.

Афицеры всего своего именія лишились бывъ захваченными неприятелемъ они скрылись въ лѣсахъ и казакамъ нашимъ обязаны за свои экипажи.

Мы прибыли въ Коломню кажится 5 или 6 числа сентебря генералъ нашъ Татищевъ уже былъ тамъ. Онъ много гнѣвался на Сергѣева и Яковлева зато что по дошедшимъ слухамъ одна барка осталась несозженною съ сукнами и сошла въ низъ. Но вся эта бѣда кружила головы мы сами не знали что дѣлать. Дали знать что неприятѣль въ Броницахъ и генералъ нашъ улѣтѣлъ, приказавъ мнѣ съ Путятой вывѣсть всѣхъ раненыхъ больныхъ изъ гошпиталей и отъправить въ низъ по рекѣ на баркахъ.

Чиновниковъ совершенно нѣ было все или раскомандированы или разѣхались еще изъ Москвы на разные тракты кто куда попалъ. Сергѣева и Яковлева приказано было арестовать. Вотъ анекдотъ я докладываю что мнѣ нелзя одному

управится, а Сергѣевъ у тебя и Яковлевъ но они арестованы вотъ арестованы употреби ихъ следовательно и все кончено.

Въ Коломнѣ все было въ тревогѣ жителей и десятой части не оставалось въ городѣ. Что намъ дѣлать съ Путиной болныхъ было до трѣхъ тысячъ назначенныя чиновники на два отдѣленія подполковники Валяевъ и Казаковъ приняли барки. Мы проходили зданіи ребята неприятѣль блиско кто хочѣтъ избавиться отъ плѣна следуйте на барки. Все затормошилось, вотъ картина даже самые изъувеченные не желали оставатся всѣ брели къ берегу другихъ несли на носилкахъ. Мы выпросили 150 че. людей изъ ополченія у Измайлова.

Изъ Коломны Московской Коммисіи велено слѣдовать въ Нижній Новъ городъ в нѣй былъ генералъ маіоръ Лангъ а мнѣ съ Смоленскою приказано находится при генералъ кригсъ комиссарѣ.

Мы занимались переводомъ болныхъ на барки до самаго вечера. Гошпиталь былъ за городомъ. По окончаніи возвратясь на квартиру опять экипажу моего нѣтъ вотъ какая участь начальнику при всѣхъ опасностяхъ остается последней. Чиновники мои забрались уже за Москву рѣку и я долженъ находить ихъ пешей измучившись отъ трусости не хватились они о моей датской собакѣ которая была в заведываніи малчика Илюшки но однако скоро сыскана.

Тѣмною ночью берегомъ Москвы рѣки мы отъехали отъ Коломны верстѣ семь и остановились отдохнуть въ одномъ селеніи но въ полночь колокольный набатъ и крикъ жителей французы, французы встревожили насъ. Но сія ошибка скоро обнаружилась крестьянѣ поймали и привѣли къ намъ трѣхъ человекъ но это были наши салдаты разбретшіяся съ приваливающихъ барокъ къ берегу изъ тѣхъ которыя въ силахъ. Захотѣлось помародерничать они были отъправлены назадъ къ ихъ зрителямъ.

Вотъ время свои своихъ опасались. На другой дѣнь по прибытіи нашемъ въ село Дедлово владетѣль онаго Измайловъ не пустилъ насъ къ переправѣ чрезъ Оку но мы не стали разрешенія ево дожидатся и переправились ниже верстахъ въ семи.

По прибытіи въ Рязань гдѣ уже находился нашъ Татищевъ опять за хлопоты за учрежденіе гошпиталей болные раненые со всѣхъ сторонъ партіями прибывали ихъ должно устроить содержаніе губернаторъ отъвѣлъ зданіе для помещенія и болше ничево. Я отредилъ афицера Шеховскаго но вдругъ нелзя накормить двѣ тысячи человекъ ни котловъ ни провизіи нѣ было. Я поѣхалъ самъ зрителя послалъ за провизіей. Тутъ нашелъ я много приѣхавшихъ госпожъ въ экипажахъ встретившихъ меня съ прозбою объ отпускѣ къ нимъ плѣнныхъ французскихъ афицеровъ. Я былъ въ досадѣ увидя своихъ изъувеченныхъ безъ помощи на полу валяющихся и показалъ имъ о нихъ бы прежде должны попещися накормить и успокоить не угодно ли имъ взять вмѣсто одного десять. Госпожамъ не показалось и они въ мигъ со стыдомъ разъехались.

Скоро все было устроено болные накормлены и успокоены на барки посланы были медикаменты за которыми мы съ Татищевым сами ходили къ волному аптѣкарю.

Поговаривали и здѣсь объ опасности и мы распорядивъ къ переводу больныхъ выехали изъ Рязани въ Касимовъ гдѣ предположенъ съборъ всѣхъ раненыхъ и учрежденіе госпиталей.

По прибытіи въ Касимовъ тамъ много уже было разныхъ званій армій чиновниковъ далѣе со всѣхъ мѣстъ прибывающихъ. Мнѣ велено тотъ часъ отъкрыть дѣйствіе Коммисіи.

25 сентября было первое присутствіе подъ наименованіемъ Коммисіи Касимовскаго Коммисаріатскаго депо. Городъ былъ наполненъ военными людьми мнѣ отъведена была квартира въ домѣ помещика Мелгунова въ гостиной были мой кабинетъ спальня и столовая, а в залѣ присутствіе и канцелярія.

По умноженію больныхъ заняты города Елатма и Меленки во всѣхъ трѣхъ городахъ находилось раненыхъ и больныхъ нижнихъ чиновъ до 30 т. че. штабъ и оберъ афицеровъ до 1000 че.

Все московскіе хирурги употреблены были главный надъ ними медикъ Лидеръ. Перевязка ранъ и операціи послѣ сраженій многимъ въ первый разъ производилась даже изъ подъ Бородинскаго сраженія, отъ города въ городъ по ненахожденію способовъ следовавшихъ.

Въ Касимовѣ толко образумились избѣгнувъ такъ сказать следовавшаго за плѣчами неприятѣля. Принялись за изчисленіи погибшимъ вещамъ ихъ было чрезвычайно много.

Я дѣлалъ повѣрку также во время ретирады денежнымъ расходамъ казенной суммы и свидѣтельствованіе остававшейся въ наличности. Но казначей Раковъ по волѣ или неволѣ не показалъ всей однако скоро пополнены были строгимъ взысканіемъ.

Такъ продолжалось пребываніе наше въ Касимовѣ. Москва занята была неприятелемъ.

Прошли слухи о сраженіи подъ Вороновымъ и Тарутинымъ гдѣ вся наша армія подъ начальствомъ Кутузова расположена была.

Въ половинѣ октября узнали мы о выходѣ изъ Москвы между 5 и 10-го числа французовъ и о сраженіяхъ 2-го и 3-го числа при Маломъ Ярославцѣ и Боровскѣ отъ коихъ прогнанъ былъ неприятѣль къ Мядынѣ и на прежній трактъ къ Смоленску.

Въ Касимовъ изъ Нижняго прибылъ уже мой экипажъ 9-го октября при коемъ были дочь моя съ бабкою.

На послѣдокъ окончанъ былъ беспокойный опасный и несчастный сей 1812-й годъ.

Новое распоряженіе, неприятеля гнали послѣдовало повеленіе о закрытіи Ком-

мисіи въ Касимовѣ. Мнѣ предъписано слѣдовать какъ наискорѣе и открыть Коммисію въ Минскѣ.

Во все время ретирады нашей отъ Смоленска экипажъ мой составлялъ изъ коляски фуры брички и двухъ дрожекъ, отъ Москвы жъ вмѣсто фуры по неспособности брошенной, двѣ извозицы повоски и коляски, за оставленіемъ также въ Москвѣ беговыхъ дрожекъ брычка жъ и другія дрожки находились подъ мной а прочіе отъправлены, и сверхъ того другая коляска Поляниновыхъ и двѣ повоски съ дочерью моею въ Нижній Новъ городъ, а потому по приездѣ ихъ и всего экипажа скопилось лошадей до 15-ти по наступленіи жъ зимняго времени и назначеннаго следованія въ Минскъ я решился дочь мою со всеми и экипажемъ отъправить въ Тулу с тѣмъ чтобъ послѣ выезда моего они туда слѣдовали продавъ лошадей излишнихъ.

Въ Москву еще нельзя было проехать селеніи въ округѣ . . . сами разорѣны до основанія дороги уставлены чрезъ города постороннія по способности.

Татищева проводили мы въ декабрѣ месяцѣ онъ поѣхалъ въ С: Петербургъ чрезъ Владимиръ и Ярославль.

*) Подзорная трубка болшая и красная въ сафьянѣ книга съ 40 эстампами Покореніе Амѣрики достались мнѣ в сіе время. Они найдены между Дорогобужа и Вязмы афицеромъ Фроловымъ посланнымъ для разведыванія о неприятелѣ. Последняя была раскинута и на одномъ листе есть знакъ французской подъяковы. Цѣлы и въ 1834-м году а также и турецкая шашка (кривая сабля напередъ) въ серебряныхъ ножнахъ булатная эфесъ изъ слоновой кости съ коралами. Все сіи вещи по редкости чрезвычайно дороги.

1813-й годъ.

По закрытіи Коммисіи въ декабрѣ месяцѣ минувшаго года на первыхъ дняхъ ныняшняго мы выехали на курьерскихъ подорожныхъ. У меня было двѣ зимнихъ повоски безъ вѣрха, одна подъ экипажемъ моимъ на ней сидели человекъ мой Трофимъ и одинъ вахтеръ, на другой я и со мною афицеръ Яковлевъ и одинъ салдатъ по тракту на Рязань Зарайскъ. Намъ закладывали самыхъ злыхъ курьерскихъ лошадей на станціяхъ. Въ Зарайскѣ пообедали мы и поѣхали но почтарь эхалъ рысцою, Яковлевъ закричалъ на нѣво, лошадь сударь толко обойдѣтся хотя вѣрсты на двѣ отвѣчалъ онъ. Врѣшъ, Яковлевъ человекъ былъ дюжей и взялъ у нѣво возжи. Пошолъ, лошади пустились во всеъ духъ но пристяжная на левой сторонѣ начала бить закусивъ удила, Яковлевъ поворотилъ въ сторону въ снѣгъ и остановилъ ихъ; эка твои лошади вотъ какъ, отдалъ возжи почтарю пошолъ говорю тебѣ. Почтарь пустилъ лошади опять помчались но уже пошолъ брался удерживать и Яковлевъ но вотъ тебѣ пошолъ. Глаза наши закрыло отъ

сильнаго бѣга мглою прежде слетѣлъ почтарь съ повоски, потомъ брякнулся салдатъ Султанка за нимъ Яковлевъ. Я оставался одинъ лошади неслись повоска колебалась какъ чолнъ на море отъ воды долго не допускали повалиться я удерживался за заднія кряквы. Такъ проскакавъ версты двѣ баланса нелзя было удержать и я слѣтелъ на правой бокъ саней въ снѣгъ ницъ при семъ мгновеніи задѣло кряквами правую мою руку между плеча и локтя, но я згореча не чувствовалъ тогда ушиба лошади понеслись далѣе экипажъ нашъ по дороге былъ разбросанъ. Задняя тройка скакала за нами и подѣбирала мы все собрались вмѣстѣ обвинили почтаря и тутъ же съ сердцовъ наказаніе. Далѣе лошади бешеные запутались въ возжяхъ и въ глубинѣ снѣга верстахъ въ трѣхъ найдены все собрано цѣло на мнѣ была надѣта толстая медвежья шуба. До станціи оставалось верстъ десять.

Мы приехали на станцію тутъ только я почувствовалъ чрезвычайную боль въ рукѣ. Въ то жъ время собрались эдущіи въ Белицы къ управленію Коммисіи учрежденной для резервной арміи Г-нъ Пушкинъ съ чиновниками все совѣтовали мнѣ согрѣть руку въ теплѣ и тереть теплою водкою. Яковлевъ мой афицеръ человѣкъ услужливой все это для меня зделалъ и самъ натиралъ мнѣ руку. С часъ пробыли мы на станціи, но надобно эхать мы отъправились. Чрезвычайная боль въ рукѣ усиливалась мнѣ казалось что она переломлена малейшѣе потрясеніе саней производило стонаніе. Такъ доехали мы до Венѣва.

Въ Веневѣ посылали за докторомъ но было часъ первой или второй ночи и не могли найти ево. Яковлевъ уговорилъ меня эхать до Тулы, и нанявъ лошадей не останавливаясь проехали въ одну упряжку.

По прибытіи въ Тулу остановились въ покойной квартирѣ. Докторъ былъ призванъ и по осмотрѣ моей руки оказалось надѣсаженіе кости натирали примочками и увезали бинтами. Ползовавшій докторъ былъ смоленской кумъ мой Лазарь Петровичъ Буковской, удалившійся въ Тулу по случаю вступленія въ Смоленскъ непріятели.

Дни черезъ три рукѣ моей зделалось полегче то есть унялась боль, но въ послѣдствіи я месяца два носилъ ее на подвяскѣ, мнѣ присовѣтовали купить мягкую волчью шубу и закрытую коженую повоску. Все сіе было зделано и мы отъправились надалѣе пробывъ въ Тулѣ дни четыре с нами же отъправился другой афицеръ Санниковъ.

Въ Калуге Яковлевъ остался чтобъ побывать в своей деревушкѣ близъ Перемышля и взять отъ туда семейство. Я отъправился съ однимъ Санниковымъ и темъ же числомъ людей.

Изъ Калуги зимняя дорога до первой станціи продолжалась рѣкою. Эхавъ ночью мы ничево не знали и поужинавши въ Калуге заснули въ повоскѣ но умолкъ езды разбудилъ меня. Окликнувъ не получилъ отвѣта. Я толкнулъ спящаго со мною въ повоскѣ Санникова и велелъ ему вытѣть и узнать слы-

шимой съ зади шумъ. Санниковъ сосна побрелъ на шумъ но бедняга упалъ въ полынью люди насилу могли вытащить ево. Вотъ что отъкрылось, мы эхали Угрою и задняя повоска наша попала въ полынью, люди схватили однако ее, подоспѣлъ эдушій казацкій афицеръ, но отъ быстроты одинъ чемоданъ снѣсло подъ лѣдъ прочѣе все перемокло кое какъ вытащили повоску. Санниковъ явился ко мнѣ въ обледеневшей одеждѣ я боялся чтобъ онъ не озябъ но однако выдержалъ десяти верстной переездъ до станціи здѣсь платье ево пересушено а сапоги съ ногъ разрезаны. О чемоданахъ же своихъ мы оставили пересушку до Минска разбираться было некогда.

Проехавъ Юхновъ съ Вязмы началась страшная картина разоренія города и деревни выжжены народъ какъ тѣнь шатался. Мы выехали на Элну и потомъ въ Смоленскъ, тутъ мнѣ желалось узнать о своей дачѣ называемой Красной мызѣ на 9-й верстѣ по краснинской дорогѣ отъ Смоленска.

Но въ Смоленскѣ мы нигдѣ не могли найти квартиры, все разорено мѣртвые тѣла валялись по улицамъ и по пустымъ оставшимся домамъ тѣла и скотъ жгли и очищали. Изъ города мы воротились опять внизъ вспомнили дому афицера Фролова и приехали к нѣму, насъ встрети́ли два молодья въ французскихъ мундирахъ мародера и с радостію просили насъ въ домъ остановится но они говорили поруски и что они тотчасъ вытащатъ изъ гостиной двухъ околелыхъ французовъ. Мы съ полчаса простояли у воротъ но домъ очищенъ и мы в нѣмъ расположились. Кто жъ эти мародеры оказались это двѣ девки Фролова, оставленные при домѣ и захваченныя французами обобранныя поневоли прикрыли себя панталонами и мундирами съ умершихъ.

Я не могъ достать лошадей и кое какъ досталъ одну лошадь чрезъ силу могли найти дачу въ окружности деревни все выжжены. Мы с кучеромъ добрались целикомъ по снѣгу домъ и все строеніе находилось въ цѣлости. По въездѣ на дворъ я сошелъ съ санѣй отворилъ двери въ первую комнату но вотъ опять представилась картина полумертвые люди и тамъ и сямъ занимали ее во множествѣ смрадный запахъ отъвратилъ меня я затворилъ опять двѣрь не входя и пошелъ къ флигелю здѣсь встрети́ла меня дворовая моя женщина Акулина с двумя детми девочками Марьею и Аксиньею, оставшіяся на дачѣ и захваченныя французами. Гдѣ твой мужъ Григорей, ево нѣтъ онъ умѣръ, а это что за люди въ домѣ, это окружные крестьянѣ собравшіяся изъ сожженныхъ деревень въ домъ вагъ. Хорошо ты зделала что пустила, пускай они живутъ помогай имъ. Я далъ ей несколько денегъ и уѣхалъ назадъ. Слава Богу что на дачѣ моей остались хотя одни стѣны. Въ последствіи было требовано и я показалъ по справедливому изъчисленію убытка на десять тысячъ рублей, заключающейся хлѣбъ молоченой въ анбарахъ и немолченой сена несколько скирдовъ, скота воловъ 4 пары събруею, коровъ 10, овецъ и свиней съ 20-ть, лошади 4

рабочихъ, карета двумѣстная 1, санѣй городскихъ лакированныхъ съ сукномъ 2, разнаго припаса въ выходахъ и прочаго и прочаго и все разорено и переломано, изъ мѣбели остались только бюро с канторкою ясеневаго дерева одно, шенфонерка или секретерка краснаго дерева одна, одно зеркало краснаго дерева, и одинъ старинной эстампъ изображающій праздникъ въ гимназіи. Да двѣ малинкія чугунныя пушки. Все оныя вещи по продажи оной дачи въ томъ же 1813 году Г-ну доктору Буковскому за 5000 ру. перевезены въ Раздолъ и теперь состоятъ въ цѣлости (писано въ 1833 году).

Пробывъ въ Смоленскѣ дни три мы отъправились, морозы продолжались болѣе 30 градусовъ картина ужасная дорога закладена мертвыми тѣлами часто и особенно ночью пугали насъ цепляясь за санныя подрезы и волочасъ за бѣгомъ скотъ палой экипажи разрушенные непрерывно попадались намъ лафеты пушечныя и ящики зарядныя все поброшено отъ скорого бѣга французовъ. Такъ проехали мы Красной Ляды Дубровну Оршу Токочинъ и особенно около Борисова.

Дни за три до назначеннаго срока до 1-го февраля прибыли въ Минскъ.

Здѣсь немало было дѣла с открытіемъ Коммисіи подъ нее отъведенъ былъ домъ президента Хотцки уехавшаго за французами но послѣ возвратившагося и прощеннаго. Мнѣ была отъвѣдена квартира по приезде на большой выезжей улице въ домѣ жида но она не показалась мнѣ тѣмъ что мимо ее возили мертвыя тѣла возами въ полѣ къ соженію и я перешолъ поближе къ Коммисіи противъ ее въ домъ поляка.

Началось дѣйствіе и стеченіе въ округе по Литвѣ до границы и въ Белоруссіи открылось однихъ гошпиталей слишкомъ 70. Путята Василей Ивановичъ бывшей тогда главнымъ смотрителемъ устраивалъ и собиралъ ихъ относясь обо всемъ въ Коммисію.

Армія наша по болшой части была уже заграницею но много оставшихся вѣнутри, вѣсною прибыла резервная армія подъ командою К: Лобанова Ростовскаго.хлопотъ и дѣла было много. Въ Минскѣ былъ военнымъ губернаторомъ генералъ Игнатьевъ.

Отъ всего онаго перепалу и часто опасности въ жизни продолжавшемуся съ годъ я разстроился въ здоровье и просилъ бывшаго тогда генералъ кригсъ комиссаромъ Татищева увольненія отъ занимаемой должности. Въ іюнѣ месяцѣ онъ самъ посетилъ Минскъ и я бывъ назначенъ по разнымъ порученіямъ получилъ дозволеніе на отъпускъ. Я здаль Коммисію Путятѣ и въ томъ же месяцѣ выѣхалъ. Въ сіе время я былъ въ Старомъ Осколе у брата Алексея Ивановича и въ Курскѣ другаго брата Михайлу определилъ въ комиссаріатъ причисленнаго къ Кременчугской коммисіи; въ Тулѣ стараясь о приютѣ для малолѣтней дочери своей Александры съ бабкою приискана деревушка но дело разошлось и при проездѣ моемъ изъ Тулы въ Смоленскъ чрезъ Калугу случайно приторгованъ Раздолъ.

За Раздолъ заплатилъ я въ казну и Хитрову 35500 ру. да на купчую тысячи двѣ. Во оной деревнѣ было или числилось тогда ревизскихъ 60 душъ но на лицо только 45, мужики волница доходъ с нихъ збиралъ въ уплату кредиторамъ земской судъ, следовательно не было настоящаго владельца, а рвали какъ можно и тотъ и другой и крестьянѣ баловались; не было ни куска господской запашки земли, а господскаго строенія была одна на высокихъ столбахъ беседка, да старая кладовая о двухъ ярусахъ (последнѣя перенесена и переделана съ новымъ лѣсомъ).

По совершеніи купчей я тотчасъ тою же осенью принялся за постройку флигеля чтобъ перевести и помѣстить дочь свою съ бабкою, зделалъ запашки на первой случай пять десятинъ, и купилъ несколько скота. Старался завести нужное для дома и житія. Флигель былъ готовъ и кажется онъ стоилъ тысячи полторы; лѣсъ былъ тогда дорогъ.

Но въ разсужденіи перевода на житіе изъ Тулы дочери моей обстоятельства измѣнились по самовластію бабки Г: Поляниновой. Она приторговала деревенку въ Крапивинскомъ уѣздѣ и склонила детей къ покупкѣ оной. Раздолъ ей хотя она и была но не показался а переехала жить с моею дочерью въ купленную ею деревню называемую Круглое и я оставилъ на ее произволеніе.

Тою же осенью въ октябрѣ я ездилъ въ Смоленскъ на Манковскую свою дачу или Красную мызу и продалъ ее Г-ну доктору Буковскому за 5000 ру. а съ бывшими тамъ крестьянами купленными на имя дочери моей Александры, Яковомъ, Спиридономъ и Филипомъ съ семействами ихъ мужеска и женска за 8000 ру., но послѣднихъ правительство не разрешило на продажу и они возвращены уже ко мнѣ въ Раздолъ кажется въ 1815 году. По возвращеніи отъ туда моемъ я уѣхалъ въ Москву.

Москва была разорена старались кое какъ на зиму приютить жилище одни строили наскоро деревянныя домики другіе каменные обгорелыя дома обделывали внутри и крыли прочіе жили по выходамъ и подваламъ. Я остановился въ поправленномъ домѣ, на *Салодовкѣ* на сутки по 4 ру. въ комнаткѣ окруженной перегородками. Вредныя пары послѣ пожара и самыя обделанныя наскоро дома дѣлали болезни въ обитателяхъ. Я искалъ другой квартиры но не могъ найти. И по пріездѣ на третій дѣнь зделался болѣнъ горячкою насилу человекъ мой Трофимъ могъ сыскать доктора у нѣво домъ свой былъ подлѣ Николы въ Голутвинѣ. Чрезъ неделю онъ прервалъ горячку но на мнѣ отъкрылась желчь я долго оставался во оной доктора не могли излечить. Такъ наступилъ 1814-й годъ.

1814-й годъ.

Въ сію зиму въ Москву пріезжалъ Татищевъ. Онъ позволилъ мнѣ пребываніе имѣть въ Калужской и Тульской губерніяхъ, въ откомандировкѣ, по части заготовленія вещей на что и дано было предписаніе.

Изъ Москвы выѣхалъ я въ мѣстѣ съ шуриномъ своимъ Павломъ Николаевичемъ Поляниновымъ къ матери ево въ селцо Круглое, на курьерскихъ, въ генварѣ или февралѣ. В сей переходъ подъ Серпуховымъ потеряли было мы человѣка своего Трофима, отъставшаго на половинѣ станціи и боялись что не замѣрзъ. Но однако онъ скоро явился севши на порожнякъ и догналъ насъ въ Серпуховѣ.

Съ мѣсяць я пробылъ въ Кругломъ отъ туда въ Раздолъ и вторично былъ въ Москвѣ возвратясь отъ туда въ исходѣ марта въ Калугу.

Тутъ случайно куплена мною усадба въ Перемышлскомъ уѣздѣ въ селце Космачахъ мужеска и женска съ 8 душъ и земли 33 десятины съ господскимъ и крестьянскимъ строеніемъ со всемъ заведеніемъ кажится за двѣ тысячи рублей. Осенью хлебъ перевезенъ въ Раздолъ куда и мужики переведены но уже на будущѣе лѣто. Въ семье былъ старшій Никита и Федоръ ево братъ. Земля и усадба проданы князю Яшвилю.

Вѣсною прожилъ я въ Раздоле и устраивалъ посѣвомъ господской запашки земли; нанять былъ прикащикъ и садовникъ, но они недолго пробыли на перваго крестьянѣ жаловались а второй лѣнивъ. Я раза два былъ въ Космачахъ и ѣздилъ въ Круглое отъ толь въ Дедлово, где на ярмонке купилъ рогатаго скота штукъ пятнадцать и устроилъ скотной дворъ и разное экономическое заведеніе въ Раздолѣ.

Примечаніе. Космачи куплены у помещика Кучурскаго ис крестьянъ. О малчикѣ бежавшемъ производилось дѣло въ Перемышле и суды плохо действовали, онъ пропалъ.

Прикащикъ былъ отъставной придворной лейбъ кучеръ Соколовъ а садовникъ мещанинъ изъ церковниковъ.

Почти съ годъ желчь примѣтна была отъ московской простуды 1813-го года, и лѣто 1814 года я не преставалъ отъ оной ползоваться, по бытности въ Москвѣ Раздолѣ Кругломъ и Калугѣ. Въ Тулѣ также прожилъ я съ Г. Поляниновыми и дочерью съ мѣсяць.

1815-й годъ.

Въ февралѣ былъ я въ Москвѣ по случаю прибытія туда Г. Татищева для чего я часто обязывался къ нѣму являться по службѣ моей а онъ быть тамъ не удерживалъ. Отъ туда я проехалъ въ Круглое а вѣсною въ Раздолъ для устроенія хозяйства хотя я и былъ одинъ дочь моя решительно оставалась при бабкѣ своей.

Я познакомился съ соседними помѣщиками ближней из нихъ былъ Зыковъ Семѣнъ Сергѣевичъ отъставной маіоръ и какъ это случилось мы служили с нимъ въ одно время и находились не довольно въ одномъ лейбъ гренадерскомъ полку но в одной 13-й сего полка ротѣ онъ подпорутчикомъ а я прапорщикомъ даже часто стояли въ С: Петербургѣ на одной квартирѣ. Онъ взялъ за женою деревню гдѣ жилъ въ приданое у нѣво было много малыхъ детѣй.

Сутба строить свое! Я познакомился также съ помещикомъ живущимъ за Лихвиномъ въ селце Курьяновѣ Сергѣемъ Петровичемъ Ртищевымъ стариннымъ гвардейцомъ давно въ отставкѣ въ чинѣ капитана. Онъ жилъ какъ воевода лихвинской по уѣзду въ уваженіи и великой хлебосолъ. *Кз стати* ево ревизскія въ Курьяновѣ 104 души приписаны были въ складку къ Раздолу с котораго назначенъ рекрутъ въ натурѣ то вмѣсто денегъ я взялъ овсомъ цѣна ему тогда была 8 ру. четвѣръ у нѣво было ево много а мнѣ былъ нуженъ на сѣмена тою же вѣсною это было въ маіе.

Въ семействѣ Г. Ртищева была супруга ево Елисаветъ Гавриловна изъ роду Юшковыхъ однихъ почти с нимъ лѣтъ почтенная добрая старушечка, одна дочь Наталія которую они оба любили, и пять сыновей Николай Петръ Александръ Михайла и Дмитрей первыя три были на службѣ но два последнія при родителяхъ учились.

Съ 1806 года прошло десять почти лѣтъ какъ я лишился жены своей. Я былъ молодъ и хотя часто представлялись предмѣты къ избранію партіи, но я удалялся и совершенно не былъ намѣренъ на новое соединеніе и сутба отвлекала отъ далняго помышленія, находясь при томъ обязаннымъ службою о которой толко и думалъ.

Я принятъ былъ въ домѣ Г: Ртищева вѣсма ласково; смотрѣлъ на Наталью Сергѣевну и она на меня смотрѣла соседи все ее хвалили добрая дочь, заботливая хозяйка ей было тогда лѣтъ двадцать пять. Кажется я раза три и четыре былъ въ ихъ домѣ, родитѣли казалось были склонны, можно было видѣть изъ обращеній, по уѣзду уже заговорили и соседъ мой Зыковъ поговаривалъ и с той и другой стороны Тимирязевъ также губернской предводитѣль не находилъ лутчѣ подобной партіи.

Я все почти лѣто пробылъ въ Раздолѣ завѣлъ фруктовой садъ и прочѣе.

Въ сіе лѣто возвратились крестьянѣ бывшіе при смоленской моей дачѣ.

Продана земля въ Космачахъ чрезъ Галенкина князю Яшвилю а крестьянѣ съ хлѣбомъ переведены въ Раздолъ.

Приходила осѣнь скучная жизнь въ деревнѣ особенно одному безъ семейства я желалъ прожить лутчѣ въ Москвѣ но не хотѣлъ быть и празднымъ безъ занятія службою. Я просилъ Г. Татищева и онъ назначилъ меня члѣномъ въ московскую Коммисію въ которой управлялъ тогда генералъ маіоръ Лангъ, 28 октября.

Съ 4 по 12 ноября ѣздилъ я въ Раздолъ а 18 вступилъ я въ присудствіе. Квартира была въ приходѣ Николая въ Пыжахъ, въ домѣ Г. Тетеревенкина.

23 ноября дочь моя Саша поступила въ пансіонъ мадамъ Коршъ за 500 ру. в годъ отъ куда переведена 13 декабря къ мадамъ Делесаль за 700 ру. въ годъ.

1-го декабря Государь Императоръ возвратился изъ Франціи въ С: Петербургъ.

1816-й годъ.

Въ сей годъ сутбѣ угодно соединить меня бракомъ с Натальею Сергѣевою Ртищевою.

По прибытіи моемъ въ прошломъ ноябре месяце изъ Раздола въ Москву я совѣтывался съ родными и приятѣлями и съ Авдотьей Егоровною Поляниною матерью покойной жены моей которая была согласна и даже руководствовала въ послѣдствіи въ приуготовленіяхъ, былъ у дяди Натальи Сергѣевны, Василья Петровича Ртищева которой одобрялъ и желалъ исполненія. Камынинъ Александръ Михайловичъ бывши далнимъ родственникомъ а мнѣ сочленомъ въ присудствіи хвалилъ и не желалъ лутчѣ; оставалось за мною я долго мыслить о житѣе бытѣе не здѣлать бы ошибки обыкновенно въ такихъ лѣтахъ долго не решаются къ приступу. Однако одиночная моя жизнь мнѣ наскучила; бабка дочери моей старѣла, кто будетъ матѣрю у дочери, все обстоятельства склоняли къ соединенію, и я решился я писалъ къ Сергѣю Петровичу и получилъ ласковой отвѣтъ, меня звали къ себѣ.

Авдотьей Егоровною купленъ каменной домъ на Якиманкѣ въ приходѣ Петра и Павла и мы въ мѣстѣ переехали во оной 23-го генваря. Домъ былъ довольно обширной и для меня особыя главныя комнаты прибавлено много мебѣли туалетъ комодъ и два стола ломбѣрныхъ стоило это 500 ру. и прочѣе приуготовленіи все шли своимъ порядкомъ препядствія никакого нѣ было. Славная бѣлая турецкая шаль и большой бриліантовой перстѣнь куплѣны порядочною цѣною на подарокъ все что нужно не забыть и ящикъ полной с духами и помадами.

Итакъ благословясь я выѣхалъ 3-го февраля изъ Москвы по пріездѣ въ Раздолъ 5-го числа, а 6-го числа въ мѣстѣ съ Зыковымъ Семѣномъ Сергѣевичемъ явились мы въ домѣ Сергѣя Петровича, гдѣ и зделано было личное предложеніе; было много распросовъ и отвѣтовъ, между молчанія и сообразитѣльных мыслѣй разсеяннаго соображенія заключенія и сужденія. Проводивъ весь вѣчеръ, мы отъправились ночевать къ соседнему помѣщику въ Кипетѣ Ивану Алексѣевичу Елагину. Въ семействѣ ево были дочери неболшія но они все были острижены мнѣ показалось странно но послѣ узналъ что они были нездоровы. Проводивъ ночь, 7-го числа послѣ ранняго обѣда мы вторично отъправились къ

Сергѣю Петровичу и въ 3 часа пополудни последовало съ обѣихъ сторонъ согласіе и обрученіе; в ночь отъправились въ Раздолъ.

Я представилъ невѣстѣ моей подарки перстѣнь, шаль, ящикъ съ дамскими приборами и другой с конфѣтками вѣсь уѣздъ дивился богатству ихъ и завидовалъ счастію. Я каждой почти дѣнь приезжалъ изъ Раздола въ Курьяново; положено сватбѣ быть не отъкладывая въ тотъ же мясоедъ въ последнѣе воскресенье 13-го февраля все спѣшило и суеилось приготовленіемъ.

Сергѣю Петровичу угодно было чтобъ сватба была съ пышностію въ домѣ ево. Въ тотъ дѣнь я пріехалъ въ Лихвинъ съ Зыковымъ и супругою ево Катѣриною Петровною, которыя с моей стороны были посаженными отцомъ и матерью. По пришествіи назначеннаго времени мы отъправились въ цѣрковь изъ дома секретаря Иванова, а чрезъ часъ прибыла невѣста съ свитою родственниковъ съ ее стороны посаженные были отѣцъ Василій Ивановичъ Тимирязевъ и мать супруга ево Катерина.

Цѣрковная процессія съ церемоніею продолжалась немало времени и совершилась она венчаніемъ въ 9 часовъ вѣчера 13-го февраля 1816-го года въ Лихвинскомъ городовомъ соборѣ протоиереемъ Иваномъ Алексѣевичемъ.

По окончаніи венчанія мы отъправились въ Курьяново уже въ местѣ с женою и дамами въ каретномъ болшомъ зимнемъ воскѣ заложеномъ шестью лошадьми по дорогѣ на 3-хъ вѣрстахъ горѣли смоляныя бочки.

По прибытіи въ домъ мы приняты были родителями, чрезъ разосланную на полу шубу, съ хлебомъ и солью. Въ тотъ дѣнь былъ ужинъ.

На другой дѣнь былъ балъ, соседніе помещики съѣзжались и такъ нѣсколько баловъ почти всю масленицу продолжались, шампанское лилось, музыка была Паниныхъ.

Сергѣй Петровичъ подарилъ мнѣ серебряное чайное джигинѣ съ подносомъ. Послѣ мы сами ездили съ визитами ко многимъ вездѣ были принимаемы съ уваженіемъ.

Но надобно было помышлять объ отъездѣ въ Москву тѣсть мой и тѣща желали сами проводить во оную дочь свою. Сборы кончились.

Мы выехали изъ Курьянова с великимъ обозомъ 26 февраля въ Раздолѣ встретили насъ крестьянѣ мои, гдѣ мы и ночевали. 29-го числа приехали въ Москву въ тотъ домъ гдѣ я квартировалъ тогда. Г-жа Полянинова бывшая тѣща моя приняла насъ съ хлѣбомъ и солью.

9-го марта я дѣлалъ балъ въ Москвѣ на которой приглашены были мои сослуживцы и многіе а также и со стороны жены моей родные и знакомые. Этотъ балъ въ Москвѣ стоилъ мнѣ дорого, но надобно было здѣлать, дѣлать нечево.

29-го марта карета куплена четвѣромѣстная 2050 ру. и лошади.

25 апреля переехали въ домъ Г. Сухотиной, у Петра и Павла.

13-го маія мы выехали изъ Москвы въ Раздолъ чтобы повидатся с родитѣлями пробыли въ Курьяновѣ до 13 іюня и возвратились обратно, с нами была матушка.

Я былъ при должности члѣномъ въ Коммисіи и каждой дѣнь присуство-валъ дѣла много.

29 сентября мы вторично ездили къ родителямъ и возвратились въ Москву 19-го декабря.

1817-й годъ.

По разнымъ дѣламъ мнѣ нужно было побывать въ С: Петербургѣ. Я былъ командированъ отъ Коммисіи для личнаго представленія о разныхъ надобностяхъ ея начальству.

Жена моя не желала оставаться и отправилась со мною мы выехали изъ Москвы 19 и приехали въ С: Петербургъ 24-го генваря поутру въ 11-мъ часу с приезда остановились въ гостиннице де Монти а потомъ въ домъ Парошина.

Я все то окончилъ что нужно было по дѣламъ моимъ и осмотрѣли все петербургскія музеумы и редкости и собирались выехать по тому жъ пути но начальникъ Г. Татищевъ задержалъ меня предписавъ находится какъ члѣну при здачѣ вещей московскихъ для наблюденія и ускоренія довольствія войскъ. Я отъговаривался и почти въ ссору зная характеръ ево но меня обстоятельства сии остановили тогда управлялъ Коммисією въ С: Петербургѣ Г. Кузминской, такъ зделано что мы с нимъ чрезъ неделю все кончили и Татищевъ благодарилъ меня.

Мы спѣшили выехать зимнимъ путѣмъ чтобъ не бросить двухъ повозокъ на коихъ мы приехали. С нами были люди Аммосъ, Трофимъ и девка Сигкле-тѣя. 26 числа феврала мы отъправились ухабистая дорога и скорая езда почтовыхъ лошадей мучила безъ привычки мою Наталью Сергѣевну. Я принужденъ былъ изъ Клина нанять долгихъ чтобъ успокоить но и затѣмъ она здѣлалась болна около станціи Солнечной горы, и мы остановились на Черной Грязи.

Въ Москву приехали марта 4-го числа. При проездѣ чрезъ Новъ городъ были въ соборѣ и смотрѣли рѣдкости.

Я вступилъ попрежнему въ присуствованіе 6-го числа, а по полученіи отъпуска съ 16 марта выехали мы изъ Москвы и приехали въ Раздолъ 19-го числа отъ коль на другой же день спѣшили быть въ Курьяновѣ. Река Ока дѣлала опасность къ переправѣ насъ ожидали лошади высланные изъ Курьянова на другомъ берѣгу и мы проходили пѣшія по тронувшему уже льду съ вожатыми.

Проводивъ праздникъ с родитѣлями въ скорѣ по наступленіи апреля мѣсяца получилъ я предъписаніе изъ С: Петербурга с нарочнымъ курьеромъ коимъ назначался я управлять Коммисіею Димитріевскаго комисаріатскаго депо, съ тѣмъ чтобъ чрезъ три дни я отъправился по полученіи въ мѣсто назначенія.

Таковая непредвиденная командировка поставила меня въ затрудненіе, я решился, отъговариваться нельзя, но мнѣ надобно было получить отъправленіе изъ Москвы гдѣ многое изъ домашняго оставалось.

Въ это время продолжалось водополье. 11-го числа апреля я выѣхалъ изъ Курьянова въ Раздолъ и того жъ числа въ Москву со мной былъ батюшкинъ человѣкъ Матвѣй и тотъ нарочной Михайловъ. Вода препядствовала въ дорогѣ. Я пріѣхалъ въ Москву 14 числа.

Пробывъ тамъ 14 и 15 числа и отъправивъ эстафету въ С: Петербургъ объ отъездѣ моемъ, я выѣхалъ обратно 16-го числа. Того жъ числа в ночь около Малаго Ярославца мочилъ меня сильной дождь съ громовыми ударами продолжавшейся. Я ѣхалъ на перекладныхъ. В сіе несносное время 17-го по полученіи подорожной въ Калугѣ на 9 лошадей я пріѣхалъ въ Раздолъ где уже ожидала жена моя и родитѣли ее собравшись къ отъезду въ коляскѣ и брычкѣ.

22-го апреля мы выѣхали изъ Раздола въ крепость С-го Димитрія (что на Дону).

Мы взяли съ собой для компаніи барышню Наталью Алексѣевну Гуляеву. С нами были люди Финогѣнъ, Аммосъ и нанятой поваръ московской да мальчикъ Илья, две девки Сигклетѣя и Настасья батюшкины человѣкъ Матвѣй и женщина Вѣра, провожалъ насъ до Тулы Петръ Сергѣевичъ братъ жены моей. Подъ упряжью было лошадей 12-ть или болѣе своихъ и батюшкиныхъ.

При проѣздѣ около пашни загорѣлось было у насъ въ коляскѣ и пошелъ дымъ отъ того что с трубки Ртищева снѣсло вѣтромъ трутъ назадъ за подушки отъ чево оныя и салопо на ватѣ зачедились.

Мы пробыли въ Тулѣ сутки и 25-го выѣхали изъ оной на почтовыхъ 13-ти лошадяхъ, еще бывшій со мною салдатъ Шаминъ онъ с Матвѣемъ въпереди заготовляли лошадей на станціяхъ.

Водополье хотя сливало, но немалое дѣлало препядствіе чрезъ переправы въ лошадяхъ также иногда остановка была до Воронежа но степями уже никакой не было.

Мы следовали изъ Тулы чрезъ города Богородскъ Ефремовъ Елецъ Задонскъ Воронежъ Павловскъ станицами Михайловской Каменской и прочими чрезъ Новочеркасскъ и прибыли въ Ростовъ 5-го числа маія пополудни въ 10-мъ часу квартира была въ домѣ купчихи Говоровой за 400 ру. въ годъ.

8-го числа вступилъ я въ управленіе Коммисіи.

Лошадей своихъ съ нами не было и до прибытія ихъ я купилъ сераго персидскаго выезжанаго жеребца за 350 ру. и ездилъ вѣрхомъ 19 маія.

Наступили нестерпимыя жары по тамошнему климату а особенно въ іюлѣ и августѣ тоска и скука ставни затворяли у дома и полъ поливали водой.

7-го іюля привѣдены ко мнѣ изъ Черноморіи лошади двѣ а 22 прибыли свои лошади съ людьми Яковомъ Козма кучеръ и поваръ Астафѣй съ женщиною Алимпіадою экипажемъ устроились.

Изъ Ростова мы ѣздили въ Черкасскъ. 18 сентября посѣтилъ крепость С-го Димитрія великій князь Михаилъ Павловичъ, по прибытіи изъ Стараго Черкасса рѣкою Дономъ на катерѣ въ мѣстѣ съ графомъ Платовымъ и прочими. Чиновники все съ военнымъ губернаторомъ графомъ Ланжерономъ встрѣтили ево на берегу у пристани. Онъ осматривалъ крепость сиротское отдѣленіе гошпиталь и посѣтилъ магазейны наши съ вещами гдѣ я имѣлъ щастіе при подачѣ рапорта представиться. Отъбывъ послѣ обѣда того жъ числа въ Таганрогъ а отъ туда 19 числа въ Нахичевань а изъ сего на том же ожидавшемъ ево катерѣ въ Азовъ и Черноморію.

16-го сентебля тѣща моя Елисаветъ Гавриловна прибыла къ намъ для посещенія съ сыномъ Петромъ.

9-го октября во вторникъ поутру въ 4 часа во время утренней службы въ соборе, родилась у насъ дочь Елисаветъ крещена 10-го числа восприѣмница ея была Елисаветъ Гавриловна.

По удобности мы перемѣнили квартиру и перешли въ домъ Сарожиной за ту жъ цѣну.

4-го ноября тѣща моя отъбыла обратно.

23 ноября Донъ замѣрзъ а 26 лѣдъ растаилъ. Зимы почти не было.

1818-й годъ.

Въ генварѣ наступили морозы до 20 градусовъ и устоялась зима и рыбная ловля на Дону, за которою приходили обозы изъ ближнихъ губерній продолжалось съ мѣсяць и скоро опять грязь и вѣсна.

Въ мартѣ получено предъписаніе о переводѣ депо изъ Ростова въ Ставрополь. Мы размышляли съ женою и кончили тѣмъ что нѣ могли туда ѣхать, и особенно страшили насъ карантинъ для малой дочери нашей.

Я писалъ Татищеву съ прозбою избавить меня онъ посердился но предписалъ здать Коммисію члѣну Щепотьеву съ тѣмъ чтобъ я по крайней мерѣ остался въ Ростовѣ поколь прослѣдуетъ Государь Императоръ и проводилъ бы все принадлежности Коммисіи изъ Ростова.

Задача Коммисіи кончилась 1-го маія я выпроводилъ ее за Донъ въ то жъ время Государь Императоръ прослѣдовалъ изъ Таганрога въ Новочеркасскъ но в Ростовѣ останавливался только для перемѣны лошадей.

Въ іюнѣ місяцѣ мы выѣхали изъ Ростова отъправивъ экипажъ свой съ людьми особо, на почтовыхъ чрезъ Бахмутъ Зміевъ Изюмъ Харьковъ Бѣлгородъ Обоянь Курскъ*) Орѣлъ Болховъ и Белевъ на Курьяново. Дочь наша не такъ то была здорова отъ того что кормилица не согласилась эхать имѣя тамъ мужа и при-
нуждено было отгнать отъ груди.

Въ Бахмутѣ разстался съ нами братъ мой Михайла Івановичъ по переводу ево въ Кременчугъ онъ пробылъ съ нами въ Ростовѣ съ полгода находясь смотрителемъ тамошняго гошпиталя но безъ меня не хотѣлъ болѣе оставатся.

По прибытіи нашемъ мы пробыли въ Курьяновѣ и Раздоле до осени и потомъ постигшій несчастный случай кончиною дочери нашей Елисаветы 4-го ноября, на второмъ году отъ рожденія побудилъ насъ удалится въ Москву. Она зделалась нездорова коклюшемъ и страдала съ лишкомъ місяць никакія пособіи докторскія помочь нѣ могли. Похоронена въ Лихвинѣ у старой Веденской деревянной цѣркви отъ того что окончилась въ Курьяновѣ на могиле ее положенъ былъ камѣнь привезенной изъ Москвы съ натѣписью еи жизни онъ теперь стоитъ въ каменной часовнѣ поставленной покойною Елисаветою Гавриловною надъ Сергѣемъ Петровичемъ похороненнымъ на томъ же мѣстѣ и сама она въ последствіи положена тамъ же въ склепѣ.

1819-й годъ.

Мы пробыли въ Москвѣ съ 12-го декабря прошлаго года до половины февраля сего года въ сіе время и Татищевъ былъ тамъ же.

Около Крещенія я былъ болѣнъ простуднымъ кашлемъ.

Мы стояли на Пятницкой въ домѣ Маркова, у котораго купленъ Дмитрей поваръ.

Изъ Москвы выѣхали мы чтобъ не упустить зимняго пути были въ Раздоле и Курьяновѣ и остановились въ Калугѣ по случаю и надобности въ нанятомъ домѣ Тяпиной.

18-го числа марта поутру въ шесть часовъ с половиною вместе съ восхожденіемъ солнца Богъ даровалъ намъ рожденіемъ сына Василья.

20-го марта происходило ево крещеніе дѣнь ангела ево 2-го августа.

Восприемниками были дѣдъ ево Василей Петровичъ и бабка Елисавета Гавриловна Ртищевы.

Крещенъ причетомъ отъ церкви Ризъ Положенія, но приходу дома гдѣ квартировали С-го Георгія, что за рвомъ.

---

*) Примѣчаніе. При проездѣ чрезъ Курскъ мы заезжали въ Коренную ярмонку гдѣ куплены четыре лошади одноворець кологривка битюгъ и смолка (первыя двѣ существуютъ въ 1833 году) и еще жемчугъ и серьги маленькія.

Мы пробыли въ Калугѣ до 3-го апреля и выехали въ Раздолъ, переправясь чрезъ Оку на большой лодкѣ с кормилицей при младенце показавшемся въ первой разъ на свежей воздухъ. Кормилица своя Улита.

Поспѣшность выезда изъ Калуги причиною была прибытія въ Москву Г. Татищева къ которому и я долженъ былъ явиться изъ Раздола оставивъ жену с малюткою. 15 апреля я выехалъ въ Москву и продержанъ былъ тамъ до 23-го маія.

Мы пробыли въ Раздоле и по временамъ въ Курьяновѣ все лѣто.

2-го сентября выехали въ Москву пробывъ тамъ сутки 9-го числа отъправились въ Троицко Сергіевскую лавру отъ Москвы въ 60 верстахъ, чрезъ Хотковскую пустынь. 10-го по отъправленіи молебствія с-му угоднику Божию Сергію и по принятіи образа, выехали чрезъ Вифанію на 11-е число возвратились въ Москву.

Въ лаврѣ смотрѣли мы рѣдкости и особенно ризницу, въ Вифаніи удивлялись чудному расположенію храма, представляющему подъ жертвенникомъ гору съ вертѣпами.

В сей цѣркви со входа на левой сторонѣ покоится прахъ митрополита Платона, коимъ сей храмъ построенъ, и заведена семинарія.

Вымененной и освященной образъ изображаютъ Богоматѣрь и с-хъ Сергія и Михѣя по усердію къ покровитѣлству малинкому сыну нашему бывшему с нами, при мощахъ угодниковъ, Василию.

По приездѣ въ Москву мы стояли на квартирѣ въ домѣ Кузнецова.

Г. Татищевъ былъ въ Москвѣ мы пробыли въ Москвѣ до 16-го октября и выехали было (за отъездомъ ево) но воротились обратно отъ Семѣновскаго за несною худою дорогою въ которое время были проливные дожди, и выехали уже по наступившему зимнѣму пути 23-го ноября въ Раздолъ же приехали 26-го числа.

Наступила рѣдкая холодная зима. Мы жили въ Раздоле во вновь срубленномъ въ семь году флигелѣ съ маленькимъ мезениномъ стоявшимъ на старомъ мѣстѣ на низу (флигель сей тѣперь стоитъ на новомъ мѣстѣ по лѣвую сторону дома). Малютка нашъ Вася с кормилицею Улитой и нянкою девкою Настасьей занимали мезенинъ; гдѣ на ночь всегда горѣла свѣча поставленная въ тазъ, а мы с женою занимали нижнія два покоя.

Въ одну ночь около 15-го декабря часу въ 1-мъ или 2-мъ жена моя, конечно по Божию произволу, вдругъ пробудилась отъ сна, ее освѣтилъ необыкновенной свѣтъ, она въ то жъ время разбудила меня, я открылъ глаза и бросился съ постѣли въ ужасъ искры огненные сыпались съ потолка дымъ умножался. Вбѣжавъ по леснице въ мезенинъ, кормилица и нянка спали младенецъ кашлялъ отъ дыма, полъ въ мезенинѣ разгорался въ пазахъ достокъ по краямъ усиливаясь

отъ сухости и стружекъ между половъ они были плотны инструмента въ рукахъ моихъ никакого не было чѣмъ бы поднять ихъ малейшая отъсрочка пагубна. Я схватилъ обнаженными руками въ прогорелыя уже мѣста, гдѣ взялась сила я взворотилъ доски три и металъ на низъ по лестнице чтобъ гасили огонь на нихъ. Богъ помогъ мнѣ остановить симъ ярость огня последнія залилъ что случилось тутъ толко оцувствовались прислужницы и снесли ребенка на низъ гдѣ мать въ безчужденности вопила и звала ихъ къ себѣ с робенкомъ. Внизу доски были залиты пробудившимися малчиками снѣгомъ, вся опасность миновала страшно было смотрѣть на уголья и закоптѣлость.

Какъ говорено было свѣча стояла въ тазу, но она поставлена была близъ пѣчи, отъ тѣплоты коей растопило сало и по длинѣ ее при самомъ подвешникѣ переломилась упавъ светилнѣю чрезъ край таза въ пазъ досокъ пола не погаснувъ разожгла доски которыя загорѣлись.

На обѣихъ рукахъ моихъ явились болшія волдыри отъ жара но однако скоро вылечили.

Чтобъ несколько забыть произшествіе сіе, приказавъ исправить разстроенное, мы отправились въ Курьяново.

1820-й годъ.

Сей наступившій годъ провѣли мы при началѣ въ Курьяновѣ праздникъ же С-я Пасхи въ Раздолѣ всю вѣсну и часть лѣта.

Нѣможно умолчать о самолюбивомъ характерѣ тестя моего Сергѣя Петровича Ртищева многіе осуждали, но ему представлялось что совѣты ево всякому нужны и что безъ нѣго зделано то все нехорошо и что у нѣго въ Курьяновѣ все отлично, никто съ нимъ нѣ могъ равняться. Вѣсною кажутся онъ былъ у насъ въ Раздолѣ разговоръ зашелъ о пошехонской деревнѣ отданной имъ въ приданое за дочерью. Жена моя толко сказала что сія деревня мало приносить ползы, это ему не показало онъ разъогорчилъ ее и съ сердцѣмъ отъ насъ уѣхалъ. Ей тягостно было принять гнѣвъ отъ родителя; она наполовинѣ была беременна; на другой или третѣй дѣнь зделалась болна и какъ ни старались къ спомоществованію но нѣ могли приостановить отъ безвременнаго несчастнаго произшествія младенца мужескаго пола: можетъ быть и не отсего, а такъ судьбѣ угодно, но я былъ разъогорченъ поступкомъ нарочно ѣздилъ въ Курьяново и надѣлалъ много выговоровъ.

По выздоровленіи жены моей мы выехали въ Калугу 26-го маія, гдѣ 1-го іюня привита оспа Васинки, а 12-го возвратились обратно въ Раздолъ.

Тѣсть мой позабылъ выговоры и опять жилъ с нами въ ладахъ. Неможно пропустить чтобъ не сказать нѣсколько забавныхъ произшествій. Во время бытности въ Калугѣ приезжалъ туда же и тѣсть мой, онъ прислалъ к намъ челоуѣка

просить пары лошадей и кучера с тѣмъ чтобъ заложить въ ево новыя дрожки толко что взятые отъ каретника и съездить въ лагѣрь за сыномъ Дмитріемъ. Я отъговаривался что лошади не ходятъ въ оглобляхъ кромѣ какъ въ дышлѣ, онъ опять прислалъ что я желѣю. Я приказалъ кучеру и самъ послѣ обѣда лѣгъ спать отдохнувъ немного, въ окошко увидѣлъ я по улице ведущихъ лошадей моихъ бутошниками на дворъ безъ кучера которой притащился послѣ на костылѣ. Отъкрылось что лошади съ перваго съезда со двора възбѣсились и начали бить все переломали и раскидали по улице въ корню былъ заложенъ молодой вороной названной однодворецъ лошадь сердитая и буянная кромѣ дышла ни в чѣмъ не езженная. Тѣстю моему жалко дрожекъ которыя надобно опять отдавать каретнику въ починку, а мнѣ лошадей которыя частью переранились, и кучера зашибшаго себѣ ногу; но дѣло кончено (дрожки отъѣзжали къ каретнику) съ тѣхъ поръ. Въ августѣ уже месяцѣ мы собирались ѣхать въ Москву и приѣхали въ Курьяново. На другой дѣнь сыну ево Дмитрію надобно было побывать въ гостяхъ, а мнѣ нужно было съездить въ Лихвинъ я приказалъ изъготовить трѣхъ лошадей въ дрожки, оставивъ безъ вниманія назначенія ихъ. Черезъ часъ Дмитрей Сергѣевичъ былъ готовъ ѣхать человекъ докладываетъ что лошади ему поданы у крыльца. Въ то жъ время тѣсть мой обращаясь ко мнѣ, поидіомъ ка братѣцъ посмотри какъ славно отдѣланы дрожки которыя изломалъ въ Калугѣ твой проклятой однодворецъ, въ первый разъ еще даю Мити чтобъ пощѣголять ими. Мы вышли съ нимъ на крыльцо дрожки стояли у онаго хороши и в то жъ время оглянулись мы налѣво отъ коннаго двора видимъ лѣтящую тройку с кучеромъ уже безъ шляпы прямо къ тому жъ подъезду, закричали малчику фореитору отъезжай отъезжай скорѣй, проездъ былъ теснѣнъ, но было поздно тройка налѣтела на дрожки переломавъ все крылья свѣрнула или отъкинула въ сторону и унѣслась въ полѣ. Тутъ увидѣли мы что это лошади мои съ кучеромъ Ильею, и вотъ игра случая оказалось что лошадь заложенная въ оглобляхъ та же называемой однодворецъ раздробившая въ другой разъ дрожки бывъ въ первый разъ в нихъ заложенною въ Калугѣ а во второй разъ набѣгомъ у крыльца какъ будто нарочно. Тѣсть мой вышелъ изъ себя отъ сердца кричалъ проклятая лошадь я бы давно застрелилъ ее. Но послѣ начали мы случаю сему удивляться и изъ всей силы хохотать узнавъ что люди цѣлы а лошадей моихъ Илья удержалъ на пашнѣ. Мити заложили другія дрожки а изломанныя въ починку но своими уже мастѣрами.

Мы выѣхали изъ Раздола въ Москву 17-го августа и приѣхали туда 21-го числа остановились въ том же домѣ Кузнецова.

26-го августа Васинка нашъ ходить началъ, 1-го году 5 месяцевъ 6 днѣй онъ насъ утѣшаетъ.

Наемныя квартиры наскучили мы сторговали домъ въ приходѣ Спаса что

въ Наливкахъ, еще новой деревянной съ антресолю, у Г-на Морозова, въ которой 2-го октября и перешли на житье. Заплаченъ 15500 ру. ходячею монѣтою.

12-го ноября во ономъ домѣ удостоились мы принятіемъ чудотворныя иконы Божіей Матѣри, называемой Иверской, что у Воскресенскихъ воротъ.

Въ Москвѣ прожили мы въ своемъ домѣ послѣднѣе время года и всю зиму.

1821-й годъ.

Проводивши въ московскомъ доме всю зиму, заведено было знакомство и время проходило весело.

Къ веснѣ Татищевъ приѣхалъ въ Москву по временамъ я к нему являлся.

6-го марта чрезъ курьера потребованъ былъ к нѣму, и вотъ приказаніе объявленное имъ возлагая на меня произведеніе изъслѣдованія последовавшѣе по высочайшему повеленію Государя Императора по доносу дошедшему, въ бытность Государя за границую въ Карльсбаде отъ комисіонера Алмазова на чиновъ ведомства Кременчугской Коммисаріатской Коммисіи управляющаго 6-го класса Корженевскаго члѣновъ и прочихъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ; присланному въ оригиналѣ съ замечаніями отъ начальника штаба князя Волконскаго, и сіе произведеніе изъслѣдованія возлагалось на меня какъ опытнаго и безпристрастнаго чиновника. Что дѣлать служба отъговаривается невозможно.

По полученіи нужныхъ бумагъ предписаній и приказаній жена моя не хотѣла оставаясь въ Москвѣ мы выѣхали 15-го марта на почтовыхъ, заѣхавъ по дороге въ Раздолъ и потомъ въ Курьяново переменявъ зимней экипажъ въ Раздолѣ на летнѣй.

Отѣцъ и мать въ Курьяновѣ жены моей уговаривали ее остаться и не решатся ѣхать въ распутицу, и болѣе с малинкимъ Васею, но она и слышать не хотѣла, опасаясь чтобъ не случилось чего со мною.

Мы выѣхали изъ Курьянова 25-го марта въ дѣнь Благовещенія въ 11-ть часовъ утра; (мнѣ приказано спѣшить) в самое водополье, въ коляскѣ с Васинкой, с нянкою ево девкою Настасьею двумя человѣками людьми Финогеномъ и поваромъ Дмитріемъ, заложеной 6-ю лошадми до Белева. Наняты были песковатскія извозчики по верхней дороге.

Все лощинки все ручейки были страшны и представляли опасность снѣгъ грязь и вода, мы должны были то выходить и итить пѣшія по колено въ водѣ то садится въ коляску и переезжать быстроту воды съ шумомъ пробуя передовыми либо садится при переправахъ на тележки боясь обрыва мостиковъ отъ тяжести коляски залитыхъ водою. Въ 11 часовъ вечера насилу могли добратся до Белева гдѣ должны были простоять два дни отъ залитія болшой дороги Окою, и срыва плотины на рѣчкѣ въ 3-х верстахъ на верхней ѣзжей дороге, но время было

дорого медлить невозможно. Батюшкины люди приехали въ Белевъ за бочками и вотъ къ стати я набралъ ихъ человѣкъ десять и рѣшился эхать чрезъ рѣчку положены были два бревна для прохода пешихъ мы собрали доски помостили на бревны преждѣ перевели поодиначкѣ почтовыхъ лошадей потомъ отъвинчены были сундуки отъ коляски и все чтобъ облегчить тягость привязали къ вагамъ веревки и направивъ на мостки. Люди на другой сторонѣ речки стоящія волокли ее а два человѣка по сторонамъ направляли колеса и поддерживали. Такимъ образомъ переправились благополучно.

Но не миновалась еще опасность вездѣ речки лощины и страхъ мы должны эхать толко днѣмъ и до Орла кажится эхали дни три и остановки непрерывныя вездѣ требовалась осторожность; вѣрстахъ въ 6-ти отъ Орла оборвался мостъ отъ тяжести но мы выходили при переездѣ и одно проворство ямщиковъ спасло отъ потопленія.

Изъ Орла дорога зделалась лутчѣ до Курска рѣкъ мало а по переправѣ чрезъ Сѣмь дорога здѣлалась сухая климатъ другой вѣсна въ полномъ видѣ, остановки не было.

Подъ Кременчугомъ речка Омелникъ много разлилась и версты на три переправа на паромѣ греблѣй но однако все хорошо кончилось.

Въ Кременчугъ прибыли 7-го апреля остановились на Сенной площади Херсонской улицы въ домѣ Татарулевой вдовы.

Погода весеннѣя была прекрасная до сего времени я не былъ въ Кременчуге съ 1810-го года когда отъправился въ Смоленскъ.

Тотчасъ съ приезда я началъ производить следствие бумага за бумагой вопросы за вопросами и личныя ставки часто бывалъ въ Крюковѣ гдѣ и коммисіи и чиновники. Много было беспокойства, и донощикъ Алмазовъ находился тутъ же а прикосновенностей много.

Следствие сіе представлено по командѣ, отъпускъ есть въ дѣлахъ одно донесеніе отъ меня на 24-х листахъ.

Я поспѣшилъ окончаніемъ следствія и 10-го числа маія изъ Кременчуга выехали з женою и сыномъ Васею.

Мнѣ было предъписано по окончаніи следствія представить лично къ генералъ кригсъ комиссару Татищеву, и я обязанъ былъ эхать въ С: Петербургъ.

17 маія приехали мы въ Курьяново. 20-го въ Раздолъ.

24-го въ Москву оставивъ жену и сына въ Москвѣ в своемъ домѣ 26 выехалъ одинъ съ человекомъ Финогеномъ въ бричкѣ полской.

30-го маія прибылъ въ С: Петербургъ во всю дорогу шли проливныя и дѣнь и ночь дожди.

Я пробылъ въ Петербургѣ по 23-е число іюня все произведенное следствие представилъ лично Татищеву а отъ него къ военному министру Г. Коновницину.

Мнѣ однако немало стоило содержаніе изъ департамента даны были два писаря къ перепискѣ и я ихъ кормилъ на свой щѣтъ а стоялъ на квартирѣ въ гостинице Делмона на Мойкѣ, но кстати в сіе время я получилъ чинъ 6-го класса.

27-го іюня я возвратился въ Москву, где приказано было дожидатся прибытія Татищева.

Чѣмъ либо занятъ въ сіе время я здѣлалъ фундамѣнтъ изъ белаго камня подъ домомъ въ Москвѣ и другія постройки.

Лѣто было холодное часто шли дожди.

Августа 20, 21 и 22-го были въ Воскресенскѣ что Новой Иерусалимъ.

24-го въ Екатерининской пустынѣ и въ Царицынѣ.

Въ сентябрѣ Татищевъ прибылъ въ Москву онъ стоялъ въ домѣ Юшкова противъ Почтъ-амта.

Опять курьеръ возвѣстилъ позывъ, послѣдовало объявленіе назначеніе меня управляющимъ въ Кременчугскую комисію.

5-го октября получено предписаніе о семъ назначеніи и о следованіи въ Кременчугъ, на мѣсто Корженевского которой предавался суду за неудовлетвореніе своевременно вещми гусарскаго полка.

Вотъ я и началъ збиратся эхать домъ свой отъдалъ въ наймы Давыдову за 1500 ру. въ годъ.

Между тѣмъ получивъ отъ Татищева разныя предписаніи наставленіи по части управленія и распорядивъ въ Москвѣ пріемъ вещей для чево оставленъ былъ комисіонеръ Чечѣль.

26 октября изъ Москвы выехалъ я недолго медлилъ ни въ Раздолѣ ни въ Курьяновѣ. Старая карета и бричка были взяты.

19-го ноября прибыли въ Кременчугъ. 21 въ Крюковъ чрезъ Днѣпръ.

26 вступилъ въ управленіе Коммисіи.

Квартира наша была въ каменномъ домѣ крюковской купчихи вдовы Евгеніи Тихоновны Руденковой.

1822-й годъ.

Приѣмъ Коммисіи по правиламъ продолжался, такъ же довольствіе войскъ вещми происходило. Коммисія отъ непорядочнаго управленія была растроена чиновники перебалованы, много стоило труда поправлять запущенное к тому въкорененное ябедничество злостъ другъ противъ друга во всѣмъ не было соблюдено правилъ кажится они занимались однимъ набѣгомъ на интерѣсъ о прочемъ не думали. Я поступилъ по своему смотрѣли косо и мнѣ старались поставлять препятствіи и неудовольствіи.

15-го февраля пополудни въ 7 часу мнѣ даровалъ Богъ второго сына Николая которой крещенъ въ субботу 18 числа крюковской Покровской церкви свя-

щенникомъ Анисимомъ восприемниками были сынъ мой Василей и вдова генераль маіорша Марья Михайловна Холодова.

10-го маія привита оспа Николиныкѣ.

Въ июнѣ потребованъ я въ Москву для личнаго объясненія и совещанія по дѣламъ службы.

29-го іюня выехали изъ Крюкова со всѣмъ семействомъ въ Москву.

Мимоездомъ мы пробыли въ Курьяновѣ и въ Раздолѣ гдѣ заготовили несколько лѣсу для постройки которой еще съ 1819 года понемногу приготавлился.

15-го іюля прибыли въ Москву стояли въ своемъ домѣ.

Въ Москвѣ пробыли по дѣламъ службы (ездивъ каждый дѣнь къ Татищеву) до 27-го сентября.

Во все время въ Москвѣ была ненастная погода продолжались непрерывныя дожди, отъ чево Москва рѣка поднялась въ верхъ слишкомъ на три аршина, и снесло Крымской и Краснохолмской мосты. Около Москвы хлебъ оставался за непогодой долго на корнѣ не убранъ. 17 сентября былъ порядочной морозъ.

При домѣ въ Москвѣ разведенъ садикъ и посажены яблони и груши.

Заезжали въ Раздолъ и Курьяново и прибыли обратно въ Крюковъ 4-го октября въ среду пополудни въ 4 часу.

Въ Москвѣ были со мной коммисіонеры Чечель и Виноградовъ которыя и остались въ Москвѣ для приѣма вещей.

31-го октября морозъ 6 градусовъ въ Крюковѣ и снѣжокъ.

Холодъ продолжался въ ноябрѣ и декабре 7-го числа рѣка Днѣпръ покрылась льдомъ при 12-ти град: мороза съ снегомъ которой доходилъ до 26 градусовъ.

Приѣмъ Коммисіи продолжался но за недостатками и непополненіемъ нѣ могло кончиться, занимались довольствіемъ войскъ 3-го кавалерійскаго корпуса 3-й поселенной кирасирской и уланской дивизіи драгунскихъ и конноегерскихъ полковъ равно и пѣхотныхъ полковъ и баталіоновъ.

1823-й годъ.

Въ сѣмъ году злонамеренные люди изъ зависти и интѣресу дѣлали разные доносы не собственно на меня чего опасались оболгать но под разными видами къ другимъ какъ ни есть придратся, и особенно Корженевской бывшей управляющей искалъ случая всячески вредить, онъ былъ ненавидимъ Г. Татищевымъ и никѣмъ чловѣкъ яхидной и вздорной доносилъ несколько разъ къ военному министру даже до самого Татищева.

Въ последствіи отъ неудачи Корженевской кончилъ жизнь ударомъ въ следъ за нимъ жена и за нею ее сестра въ короткое время остались малыя несчастные

дѣти им же отцомъ избранъ опѣкунъ некто Лукичъ и ево родня Эзучевскія совсѣмъ разорили.

Еще донощикъ членъ, изъ французовъ Петрѣ.

Тутъ же пособляли приятѣль Корженевскому бывшей смотритѣль Езучевской дѣлали сплетни и поджигали члены Брокѣръ Волковъ секретарь Виноградской повѣтчикъ Галченко.

По доносу Корженевского присланъ къ изслѣдованію чиновникъ 8-го класа Поляковъ которой подговоренъ ими на свою сторону и дѣлалъ разныя подысканіи.

Въ то жъ время производила следствие военная коммисія прибывшая изъ Полтавы въ которой преизусомъ былъ маіоръ гарнизонной Кабановъ дослѣдовать или придираться по части прикосновенности Корженевского Брокѣра Виноградскаго и Галченка да Тищенко по доносу Алмазова въ держаніи салдатъ въ услуженіи и о прочемъ которой также приговоренъ былъ Езучевскимъ и прочими и тревожили вопросами невинныхъ.

Какъ ни старались сіи донощики и подлоискатѣли придираться по правду Богъ видитъ все это обратилось на ихъ головы. Въ послѣдствіи разсмотрѣніи военнымъ министромъ судомъ присуждены и оштрафованы.

Между тѣмъ Татищевъ назначенъ къ управленію военнымъ министерствомъ, а управляющей московскою коммисіею на мѣсто ево генералъ крѣгсъ коммисаромъ 4-го класса Путята.

Въ 1810, 1811 и 1812-м годахъ Путята былъ члѣномъ въ Смоленской Коммисіи я же въ сіе время управлялъ оною и былъ въ 7 классѣ.

Ихъ следствіе Полякова и Кабанова почти все лѣто до іюля продолжалось и кончилось разѣездомъ Поляковъ получилъ выговоръ и Петрѣ удаленъ отъ членства за несправедливое донесеніе, Корженевской и прочіе остались попрежнему злились и никто не обращалъ на нихъ вниманія.

13, 14 и 15-го іюля я представлялся Главноуправляющему графу Сакѣну, которой смотрѣлъ войски около Кременчуга расположенныя.

Въ іюлѣ дни были жаркія до 37 град.

25-го іюля Николинка устороненъ отъ кормилицы молокомъ, она была наемная взятая изъ деревенскихъ салдатка малоросіянка она с наградой отошла и вышла замужъ въ Кишеневѣ. 15-го іюля Ник: ходитъ началъ.

Засуха продолжалась хлебы худы травы выгорѣли въ Крыму также въ Феодосіи чума, саранча въ Елисаветъ градскомъ уѣздѣ.

Семенская ярмонка въ Кременчуге хорошая съезда было много.

14 сентября подана въ Покровскую церковь въ Крюковѣ патрахиль шитая по канве шолкомъ обложенная позумѣнтомъ.

17-го сентября на построеніе той же каменной церкви ассіг: двестѣ рублей.

22-го сентября на срединѣ Днѣпра загорелся байдакъ и шель къ мосту которой разведенъ и спасенъ.

29-го сентября переехали изъ дома Руденковой въ домъ Брокѣра.

Государь Императоръ изволилъ дѣлать смотръ войскамъ въ Елисаветъ градѣ, въ сентябрѣ м.

19-го октября представлялся я графу Аракчѣеву при проездѣ ево чрезъ Кременчугъ изъ Елисаветъ града.

15 ноября происходило глухое удареніе грома съ молніей одно за другимъ раза четыре с порывомъ вѣтра и дождемъ и въ четверть часа кончилось.

23-го декабря къ празднику Рождества Христова подано въ церковь Покрова Богородицы въ Крюковѣ воздуховъ три на малиновомъ бархатѣ шитыя золотомъ, на болшомъ съ сіяніемъ и каймами въ срединѣ, Богоматери Почепскія образъ, на сосудныхъ двухъ святыхъ Василия Блажен., Наталіи и Николая чудотворца и царицы Александры, на обоихъ шитые золотомъ рисованные лица съ разделеніемъ на четыре части обложенные по краямъ золотою бахрамою стоящей въ двестѣ рублей.

В сіе лѣто я испросилъ дозволеніе на отъстройку главнаго корпуса коммисіи еще съ 1822 года которая и продолжалась.

Въ Семенскую ярмонку въ Кременчугѣ столовыя часы бронзовыя французской работы куплены у белоцерковскихъ евреевъ за 750 ру. привезенныя изъ заграницы.

1824-й годъ.

Нынѣшнею зиму река Днѣпръ покрыта была льдомъ толко 25 дней санной езды совсѣмъ не было вѣсна открылась 1-го апреля ударами грома.

Войски довольствіемъ въ срокъ окончены.

Получены сведеніи отъ генераль кригсъ комиссара 28 апреля о пожалованіи меня въ 5-й классъ по состоявшемуся Высочайшему повеленію 3-го марта и по таковому жъ повеленію 29-го апреля Инвалидъ № 101-й о пожалованіи мнѣ ордѣна С-я Анны 2-й степени следовательно вѣсна ныняшняго года и лѣто встречены въ радости.

11-го маія принималъ я присягу на 5-й классъ въ присутствіи Коммисіи со мной былъ сынъ Василей.

19-го маія при предъписаніи полученъ ордѣнъ С-я Анны 21-го возложенъ съ молебствіемъ.

25-го маія по случаю таковыхъ наградъ полученныхъ почти въ одно время данъ былъ обѣдъ и балъ въ Крюковѣ въ домѣ купчихи Руденковой, на которой были приглашены кременчугскія и крюковскія гости и все сослуживцы мои подчиненныя чиновники. Въ обѣдѣ при питіи за здоровье палба была изъ пушекъ

въ вечеру созженъ былъ фейерверкъ приготовленный знакомыми артилерискими командирами на берегу Днѣпра зажены были смоляныя бочки фейерверкъ устроенъ былъ на лугу за Коммисією и видъ сей со всѣхъ сторонъ города привлечь множество зрителей. Погода была прекрасная, балъ продолжался всю ночь за радостью разъѣхались уже на другой дѣнь поутру.

Съ сего времени малинкой сынъ Николинка говорить началъ.

Къ Ивановской въ Кременчуге ярмонке мостъ на Днѣпрѣ былъ навѣденъ но отъ умноженія воды ево разорвало и при семъ случае погибло овѣць съ 350 при прогонѣ чрезъ оной.

Отъ засухи сѣно было дорого.

Въ исходѣ іюля дожди отъ чего вода въ рекѣ сравнялась съ весеннѣю.

10-го іюля были въ Крыловѣ для любопытства оной отъ Крюкова въ 30-ти вѣрстахъ. Жаръ 35 градусовъ.

Отъ сильныхъ жаровъ 21-го іюля показалась саранча въ Крюковѣ ужасными тучами затмившими солнце пополудни въ 5 часовъ пролетала чрезъ Днѣпръ съ правой на левую сторону держась на востокъ отъ Херсонской въ Полтавскую губернію. 22-го іюля пополудни въ 10 часовъ опять появилась въ великомъ множествѣ останавливалась и кружилась въ самомъ Крюковѣ. Всѣ сей дѣнь затмила воздухъ подобно сумѣрокъ вѣреть на 50-ть кружась наводила какой то страхъ и ужасъ въ колокола и тазы звонили народъ бѣгалъ защищая свои сады и огороды покрывая собою на домахъ крыши вершка на два, в лету своемъ испускающая изъ себя подобно граду калъ пожирала огородную зелѣнь и садовыя деревья пожирала и ломала тягостію наваленія другъ на другую.

Замечено что на домахъ крышъ покрытыхъ масляною краскою саранча мало садилась, утки с жадностію ее пожирали, она длиною въ вершокъ крылья прозрачныя голова четырехугольная на крыльяхъ похоже знаки надписи.

31-го іюля генераль кригсъ коммисаръ 4-го класса Василей Ивановичъ Путята приѣхалъ поутру въ 8 часовъ въ Крюковъ остановился въ домѣ купчихи Руденковой онъ ѣзжалъ все коммисіи и пріѣхалъ сюда отъ Екатеринославля.

Того жъ дня осматривалъ Коммисію и все магазины съ вещми.

За устройство и исправность отдана благодарность.

1-го августа пополудни въ 7 часовъ выѣхалъ въ Балту.

Онъ былъ въ Крюковѣ встреченъ у заставы и провоженъ за Турунжевку гдѣ была поставлена близъ дороги въ поле палатка гдѣ былъ изготвленъ полдникъ или ужинъ. Удовольствія съ ево стороны чрезмерны за пріемъ и проводы.

Жары и засуха продолжались 6-го августа пополудни въ 5 часовъ опять явилась саранча миліонами затмѣвала солнце и последнюю зелень пожирала. Ночевавши около Днѣпра вѣреть на 30 возвратилась въ Херсонскія стѣпи.

Генераль крингсъ комиссаромъ я уволенъ былъ въ отпускъ на двѣ недели въ Кіевъ куда и выѣхалъ 17-го августа со всѣмъ семействомъ с нами была казначейша Баукѣва. Тамъ пробыли мы и были въ обоихъ пѣщерахъ осматривали все редкости. Квартиру имѣли противъ крепости и воротъ что отъ Николаевского монастыря одново купца, также были и въ прочихъ церквахъ города.

Возвратились въ Крюковъ 5-го сентября а 6-го вступилъ я попрежнему въ управление Коммисіи.

Въ Кіевъ мы ѣхали чрезъ Лубны гдѣ были въ монастырѣ и прикладывались къ святымъ мощамъ сидящимъ въ ракъ.

Не доезжая 30-ти вѣрстъ до Переяславля видѣли бывшей гетманской замокъ Кашанъ прекрасныя ево видъ и почти развалины принадлежать тепѣрь графу Румянцову, но в нѣмъ жилъ Задунайской.

Постороннія.

16 сентября въ Париже король Франціи Людовикъ 18-й умѣръ, престолъ заступилъ братъ ево графъ д'Артуа съ именѣмъ Карла 10-го.

1825-й годъ.

Зима въ Кременчугѣ установилась постоянными морозами до 20 градусовъ что рѣдко бываить въ здѣшнемъ краю. Съ 5-го на 6 число генваря лѣдъ остановился на Днепрѣ а съ 20-го санныя езда началась.

6-го февраля кончина генерала Афанасья Леонтьевича Тихановскаго, по завещанію самого ево похоронное распоряженіе возложено было на насъ съ женою. 8-го числа с болшою процесією похороненъ онъ на общемъ кременчугскомъ кладбище въ склепѣ, подлѣ супруги ево; оставшееся же имѣніе здано в целости брату ево Степану Тихановскому.

Лѣдъ на Днепрѣ прошелъ 31-го марта. 14-го апреля первый весенній прекрасный дѣнь.

По окончаніи отъ вверенной мнѣ Коммисіи довольствія вещами войскъ, мнѣ позволено было по дѣламъ службы прибыть въ Москву поручивъ заведываніе Коммисіи старшему члену 6-го к: Кулбергу.

Мы выѣхали изъ Крюкова со всѣмъ семействомъ 2-го маія проливныя дожди во всю дорогу препядствовали скорой ездѣ к тому дѣти были не очень здоровы и нянка ихъ Настасья, такъ что мы прибыли въ Курьяново 14-го числа и въ Раздолъ 18-го числа.

23-го маія началась стройка въ Раздоле на новомъ местѣ, какъ то перенесены съ стараго и поставлены 1 конная изба съ сенми 2 флигѣль с мезониномъ 3 старая кладовая 4 флигѣль о двухъ срубахъ съ сенми 5 вновь срублены каретной сарай и конюшня 6 хлебныя анбары, все оное на каменныхъ фондумѣнтахъ крытыя тѣсомъ.

Съ 14-го по 28-е іюня пробыли въ Москвѣ съ проездомъ.

По окончаніи стройки 23-го іюля выехали изъ Раздола а 28-го изъ Курьянова обратно въ Кременчугъ.

Куда и прибыли 3-го августа. 2-го числа мои именины былъ я у ранней обедни въ городкѣ Валкахъ.

4-го числа вступилъ въ присудствіе.

27-го августа переехали мы вторично въ домъ Руденковой изъ дома Брокѣра.

27-го сентября въ воскресенье пополуночи въ 6 часовъ 45 минутъ Богъ даровалъ намъ третьяго сына нареченнаго Александръ. Во вторникъ 29 числа крещенъ той же церкви и тѣм же священникомъ Анисимомъ которой былъ при крещеніи Николинки. Восприемниками были братъ новорожденнаго старшій Василей по 7-му году и дочь кременчугскаго полицеймѣйстера Киселева девица Ефросинья Федоровна.

Въ послѣдствіи она замужемъ за подъполковникомъ Халтуринымъ.

Нечаянная гостыя корпусная генералша Рудзевичева со всѣми детьми 29, 30 ноября 1, 2, 3 и 4 декабря проводили у насъ время за трудною переправою чрезъ Днѣпръ ожидая отъ мужа сведенія.

26 ноября получено изъ Таганрога горестное извѣстіе о кончинѣ 19-го ноября Благословеннаго Императора Александра 1-го.

О печальномъ таковомъ событіи въ декабре месяцѣ получено формальное сведеніе.

11-го декабря я со всѣю вѣверенною мнѣ командою въ соборной Покровской деревянной еще церкви принималъ присягу на вѣрность Императору Константину со мною также былъ у присяги и сынъ мой Васинка.

9-го декабря вынось тѣла Императора Александра, изъ занимаемаго дома въ монастырь Иерусалимской въ Таганроге.

23-го декабря сведеніи о вступленіи на Всероссійскій престолъ Императора Николая 1-го но формальнаго извещенія по команде еще не было но того числа 3-я кирасирская дивизія приняла присягу.

Въ то жъ время носился слухъ о злоумышленіи Черниговскаго полка въ Бѣлой Церкви и въ исходѣ месяца о произшествіи 14-го декабря въ С: Петербургѣ.

1826-й годъ.

3-го генваря принимали присягу на вѣрность Императору Николаю 1-му въ той же крюковской Покровской церкви со всею командою со мной также былъ сынъ Василей.

Еще 1-го числа народъ принималъ присягу.

26 генваря во вторникъ привита оспа малинкому Александру сыну моему отъ рожденія 4-х месяцевъ.

28 февраля тѣло Императора Александра 1-го привезено въ Царское село при процессіи въ пути находился графъ Орловъ генералъ адъютантъ.

13-го февраля скончался въ Митавѣ бывшій въ 1800-х годахъ въ С: Петербургѣ военнымъ губернаторомъ графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ дер Паленъ начальникъ мой по службѣ и благодетѣль.

6 марта тѣло Императора Александра 1-го въвезено въ С: Петербургъ, оно следовало изъ Таганрога чрезъ города Харьковъ Курскъ Орѣлъ и Москву.

13-го марта погребеніе тѣла въ Петропавловскомъ соборе въ С: Петербургѣ с великимъ церемоніаломъ.

30-го марта взяты сироты сынъ и дочь, оставшіяся безъ приюта послѣ покойныхъ Филиповыхъ, малчика въ последствіи взять к себѣ смотритѣль Чечель но онъ в скорости умѣръ, а девочка Ольга жила у насъ до 1833 года которая предоставлена брату ее Г. Трухачеву въ Вилнѣ.

22-го, 23, 24, 25 по 26-е апреля ездили мы чрезъ Александрію въ Херсонскую губернію къ генералъ штабъ доктору Яворскому для ползованія отъ болезни Натальи Сергѣевны.

Маія 4-го Императрица Елисаветъ Алексѣевна супруга Императора Александра 1-го скончалась при проследованіи изъ Таганрога, въ Белеве.

15 маія были мы въ Мавродіевкѣ и Лазоваткѣ у Гусева и Турунжи.

Засуха продолжалась вода въ Днепре чрезвычайно омѣлела подѣлались многія песчанья косы.

Въ іюнѣ плохая Ивановская ярморка въ Кременчуге.

14-го іюня тѣло Императрицы Елисаветы привезено въ С: Петербургъ.

21-го похороны въ Петропавловскомъ соборѣ.

13-го іюля выехали мы въ Чигиринъ ночевали въ Крыловѣ.

14-го по выездѣ изъ Крылова за Андрусовкой последовало несчастное произшествіе (оно записано особо) и очѣнь памятно отъ полученныхъ контузій при разбитіи лошадей и карѣты.

Въ августѣ месяцѣ пребываніе высочайшаго двора было въ Москвѣ по случаю коронаціи Николая 1-го. По сему случаю были созваны со всѣхъ губерній депутаты, губернскія предводитѣли и отъ купечества. И присудетвовали послы отъ всѣхъ иностранныхъ дворовъ.

Я уволенъ былъ въ отпускъ на двѣ недѣли въ Кіевъ по выездѣ 2-го сентября изъ Крюкова, возвратились обратно 20 числа. 9-го числа въ Кіевѣ были въ пещерахъ съ сыновьями Васинкой Николинкой и Александромъ которыя в сей же дѣнь въ лаврѣ приобщались Святыхъ Таинъ. 10-го въ девичьемъ монастырѣ на Подоле 11-го были мы с Васинкой въ Выдубинскомъ монастыре въ 4-х

верстахъ пѣшіе по горамъ обратно взошли къ лаврѣ. 12-го были все въ Софійскомъ монастырѣ и таковомъ же Спасо Златоверхо Михайловскомъ гдѣ происходила архиерейская служба. Отъправленъ былъ молебѣнъ с-мъ мощамъ Варвары мученицы. Пополудни былъ я с Васей въ церкви Андрея Первозваннаго, и на местѣ десятинной древней церкви осматривали найденный фундамѣнтъ и разныя рѣдкости (взяты отъ сюда три или четыре камня или массы древняго матеріала). 13 числа поутру на Подоле пополудни на Асколдовой могиле, въ вечеру у всеночной Преображенія древней церкви въ крепости. 14-го въ лавре молебѣнъ у обедни въ Николскомъ монастыре еще на Асколдовой могиле 15 въ лавре акаѣистъ Богоматери, и пополудни выехали.

Государь Императоръ изъ Москвы отбылъ 30-го сентября прибылъ 6-го въ Царское село и 7-го въ С: Петербургъ.

26-го сентября осматривали Коммисію при проездѣ изъ Москвы послѣ коронаціи свита французскаго посольства, генераль лѣйтенантъ маркизъ Деказь, гвардіи ротмистръ маркизъ де Бюрси, порутчикъ гвардіи Бролье, с ними былъ начальникъ поселенныхъ нашихъ войскъ генераль отъ кавалеріи графъ Виттъ,—съ высочайшаго соизволенія. Они удивлялись огромному запасу хранящемуся въ депо для войскъ вещей и благодарили меня за исправность и порядокъ.

Послѣ осмотра все они приглашены были въ мою квартиру и угощены обильнымъ завтракомъ, въ коемъ между прочимъ были стерледи, осетрина, редкость въ Париже, и шампанское.

Они отъправились въ Елисаветъ градъ и смотрѣли тамошнія поселенныя войска.

Изъ Парижа писали они къ Государю Императору, относясь о исправности и порядкѣ при осмотре коммисіи и о приемѣ ихъ мною съ похвалою попечительности назвавъ меня директоромъ депо.

Писмо сіе на французскомъ языкѣ предоставлено генераль кригсъ комиссару Путятѣ при лестномъ отзывѣ Государя Императора.

Въ ноябрѣ народъ говорилъ о кометѣ на северѣ.

Въ декабрѣ появленіе на Днепрѣ во множествѣ дикихъ утокъ что в здешнихъ мѣстахъ бываить рѣдко.

1827-й годъ.

Оставаясь попрежнему въ Крюкове, части города Днѣпромъ отъ Кременчуга разделяемой, здѣлали уже привычку къ изобилной Малороссіи но однако часто вспоминали и о Великороссіи.

Съ 14 на 15 генваря рѣка Днепръ покрылась лдомъ но 20-го опять дождь и грязь погода непостоянная и редко одинокая продолжительна.

27-го генваря малинкой Александра чрезъ годъ и 4 месяца отънять отъ кормилицы, она была волная кременчугская мещанка женщина очѣнь хорошая которая и отъпущѣна съ наградою.

30-го генваря, послѣ 25 град. морозовъ дождь и тепло.

Маслиница провожена въ удовольствіи.

2-го феврала Стародубовскаго кирасирскаго полка полковой командиръ Левченко проезжающей изъ Кременчуга чрезъ лѣдъ Днѣпра въ коляскѣ заложеной рядомъ въ 4-ре прекрасныя лошади, на самомъ стремѣ коляска обрушилась, самъ онъ Левченко и человѣкъ назади скочили кучеръ збросился на лѣдъ и коляска с лошадми въ одну секунду скрылась под лѣдъ, береговые переправщики успѣли схватить саженьхъ въ 10 внизъ баграми коляску с лошадми и прорубивъ ледъ вытащили мѣртвое на берегъ.

10-го феврала балъ вся знатъ кременчугская у насъ въ домѣ. Было очѣнь весело в сію зиму все по порядку тожъ дѣлали.

8-го марта войски все удовлетворены были вещми окончательно.

Ныняшняя вѣсна въ Кременчуге оказала себя послѣдствіемъ нат детьми повалною болѣзнію кори въ Малороссіи и Новороссіи.

Къ намъ въ домъ вступила она съ Фоминой недели.

Вопервыхъ по порядку на старшаго сына Василья бывшаго по 9-му году. Потомъ на втораго сына Николая бывшаго по 5-му году, и сироту жившую у насъ Олгу Филипову 8 лѣтъ въ силномъ умноженіи по выздоровленіи съ 3-го маія. На третьяго сына Александру одного году семи месяцевъ и ровестницу ево человѣка Дмитрія дочь Парасковью.

Но благодаря Бога прошла и кончилась благополучно.

По окончатѣльномъ довольствіи войскъ я представлялъ генералъ кригсъ комисару Путятѣ о надобности по дѣламъ службы быть въ Москвѣ.

И получилъ 20-го апреля ево на то позволеніе.

Предоставивъ Коммисію въ управленіе Г. Кулбергу.

15-го маія мы со всѣмъ семействомъ выехали изъ Крюкова въ Кременчугъ.

Экипажъ с людьми при служителѣ Кузминѣ отъправленъ въ деревню еще 6-го маія.

16-го маія изъ Кременчуга.

20, 21, 22 пробыли въ Курскѣ по болѣзни Александра которой послѣдствіе отъ бывшей кори.

По выездѣ 23-го 26 числа прибыли въ Курьяново, а 31-го въ Раздолъ.

Началась постройка дома въ с: Раздоле іюня съ 1-го 1827-го года измереніе и рытье земли выходовъ. 7-го іюня здѣлана закладка пот домъ каменнаго фундамѣнта. Отъправленъ молебѣнъ с водоосвященіемъ. Причѣмъ во всѣхъ четьрѣхъ углахъ дома при закладкѣ положено.

Въ 1-мъ на востокъ лицомъ к дому съ правой стороны, въ трубку свернутомъ свинцовомъ листѣ серебряной полтинникъ хлѣбъ и соль на листѣ выбиты слова, Богъ, В: Н: А: Покровъ з: (заложенъ) домъ 7-го іюня 1827-го Василія и Наталіи Алтуфьевыхъ съ детьми Василій Николай и Александромъ.

Противъ того угла по фасаду съ задней стороны серебряной пятнадцати копѣйшникъ завернутой въ свинцовую обѣртку, также хлѣбъ и соль.

Въ третьемъ фасадномъ переднемъ угле с левой стороны на полдѣнь двугривенной серебряной, въ свинцовой же оберткѣ и хлѣбъ съ солью.

Съ задней же стороны противъ ево на западъ серебряной гривенникъ пятачокъ и медная денга, и хлѣбъ и соль.

Все оное положено самимъ мною при мастѣрахъ, съ священникомъ и діаконѣмъ.

Послѣ зделано было угощеніе мастѣровымъ и всему народу.

Примечаніе. Послѣ водоосвященія и богослуженія прошелъ с минуту или двѣ небольшой дождикъ.

25-го іюня по окончаніи каменной стройки началась плотничная обѣкладка нижняго вѣнца дубомъ.

Нарочной изъ Крюкова вахтѣръ Емельяновъ наканунѣ приѣхалъ с бумагами ко мнѣ о томъ что по высочайшему повеленію назначена ревизія всѣхъ коммисій военными чинами и къ обревизованію кременчугской откомандированъ дивизіонной командиръ генералъ лѣйтенантъ Ушаковъ.

Такое извѣстіе надѣлало много мнѣ разстройства по части стройки, плотники гуртомъ были подряжены и забрали уже въ передъ много денегъ изъ числа 1300 рублей, первой вѣнецъ положенъ какъ быть что дѣлать не эхать или эхать. Я посылалъ нарочнаго въ Москву совѣтывали поехать при себѣ лутче ревизія а безъ себя можить что отъ недоброжелателей и случится.

Итакъ поручивъ стройку женѣ моей которая хотя не знатокъ в сѣмъ какъ и все женщины но по крайней мерѣ присмотрить, просилъ также и тестя своею иногда навещать и присматривать хотя зреніе ево начинало уже портится. Но такъ и быть, Богъ не оставитъ.

30-го іюня въ четвергъ я выѣхалъ изъ Раздола поутру въ 9 часовъ въ Кременчугъ спѣша чтобъ поспѣть к ревизіи налегкѣ въ жолтинкой брычкѣ с вахтѣромъ Емельяновымъ и человѣкомъ Дмитріемъ.

4-го іюля на четвертыя сутки по выездѣ поутру въ 8-мъ часовъ проскакавъ на почтовыхъ 800 верстъ въ тройи сутки съ половиною я приѣхалъ въ Крюковъ.

Но ревизіи уже не засталъ она дни за три до меня окончилась но слава Богу благополучно и даже объявлена благодарность за исправность и цѣлость всего имущества казеннаго это вѣсма хорошо для меня и для всякаго начальника когда і в нѣбытность ево состояніе находится въ исправности.

Я однако благодарилъ генерала Ушакова и онъ лично благодарилъ меня объявляя что онъ донѣсь о исправномъ состояніи по командѣ.

Пробывъ еще 5-е число въ Крюковѣ 6-го числа я выѣхалъ обратно и приѣхалъ въ Раздоль 10-го іюля въ воскресенье.

Во время отбытія моего первыя венцы дома разделеніе комнатъ на передней линіи зделали было неровно 6-ю вершками но однако вновь разобрали и уравнили.

Не знаю отъ чѣво либо отъ скорой езды или захватилъ въ Крюковѣ но чрезъ три или четыре дни по возврате я здѣлался боленъ лихорадкою подъ названіемъ крымскою съ горячкою и ужасныя пароксизмы меня изнурили, лѣчить въ деревнѣ нѣкому, но мнѣ должно было по службѣ побывать еще въ Москвѣ.

21-го іюля мы выѣхали въ Москву при проездѣ въ Калугѣ знакомой докторъ съ 1812 года изъ евреевъ полской надворной совѣтникъ далъ мнѣ такихъ смешеній что я всю дорогу спалъ.

23 іюля въ Москву приѣхали остановились въ домѣ Кологривовой на набережной, къ намъ же приѣхалъ изъ деревни и тѣсть мой Сергей Петровичъ съ супругою лѣчится отъ глазъ.

Меня ползовалъ докторъ Лике горбатинкой жилъ на Остоженкѣ мнѣ зделалось лутчѣ, исправивъ нѣкоторыя дѣла 4-го августа выѣхали обратно и 7-го приѣхали въ Раздоль.

Во время бытности въ Москвѣ я получилъ предписаніе 26 іюля отъ генералъ кригсъ комиссара которымъ повелѣвалось ожидать въ Москвѣ его прибытія. Но какъ по сведеніямъ чрезъ жену ево Катерину Ивановну что онъ не скоро еще будетъ то и я отъправился въ Раздоль с тѣмъ чтобъ по прибытіи ево въ Москву тогда приѣхать.

4-го сентября мы отъправились во второй разъ въ Москву и не дождавшись генералъ кригсъ комиссара возвратились обратно 26-го числа затѣмъ что стройка дома приводилась къ окончанію а безъ себя здѣлалась бы остановка присмотрѣть было нѣкому.

Получа изъ Москвы сведеніе о разныхъ случаяхъ начетъ смѣны Путяты и неудовольствія начальства на московскую комиссію по коей уже было производимо изъследование Храповицкимъ, генералъ адъютантомъ.

8-го октября мы выѣхали изъ Раздоль въ Москву въ третій разъ и 10-го числа туда приѣхали.

Въ сей разъ слухи оказались справедливы Василей Ивановичъ Путята смѣненъ и прибылъ въ Москву для зделанія отъчета учрежденной въ Москвѣ особенной Коммисіи.

Онъ объявилъ мнѣ что отъездъ мой въ Кременчугъ удерживалъ вышеозначеннымъ предъписаніемъ с тѣмъ чтобъ по прибытіи ево въ Москву назначить

меня (но с воли моей естлибъ я пожелалъ) управляющимъ Московскою Комми-саріатскою Коммисіей но смѣною ево все кончилось и признаюсь я сожалѣлъ о ево сменѣ потому что онъ былъ старинной мой истинной другъ, но о томъ что избавился тѣмъ отъ московской видимо запутанной Коммисіи, радовался.

На мѣсто Г. Путяты назначенъ генералъ крѣгсъ комиссаромъ генералнаго штаба генералъ маіоръ Линденъ 1, онъ уже вступилъ въ должность и находился въ С: Петербургѣ.

Коммисія особенная при московской учреждена въ то жъ время члѣны ея генералъ маіоры Стрекаловъ и Сталь.

Я взялъ бумагу отъ Путяты для оправданія в случае что я былъ продер-жанъ въ Москвѣ не по своей волѣ.

И 15-го октября изъ Москвы выѣхалъ 17 въ Раздолъ приѣхалъ.

Постройка дома вчернѣ оканчивалась онъ былъ уже покрытъ железомъ лут-чимъ яковлевскимъ купленнымъ мною въ первой приездъ мой въ Москвѣ.

Оставалось дослатъ полы и поставить колонны заколотивъ окошки ставнями сіе окончаніе я надеялся на плотничнаго мастѣра Василья и возложилъ на прикащика Финогѣна, и спѣшилъ выѣхать въ Кременчугъ къ своей должности 22-го ок-тября въ субботу выѣхалъ изъ Раздола 23-го въ Курьяновѣ и Белевѣ а 31-го числа поутру явились въ Крюковѣ.

И съ 1-го ноября вступилъ въ присудствіе.

Около Полтавы встретился со мной нарочною отъ Коммисіи ко мнѣ отъправ-ленной с бумагами и въ оригиналѣ предписаніемъ отъ 13 октября отъ новаго начальника Линдѣна, о назначеніи по Высочайшему повеленію ревизіи всѣхъ Ком-мисій чтобъ я представилъ ко оной свою. А 3-го ноября получилъ я отъ нево жъ предписаніе отъ 18 октября чтобъ я следовалъ изъ Москвы въ Кременчугъ но я уже доносилъ что приѣхалъ.

Коммисія была изготовлена к ревизіи ко оной вскоре назначены бригадный командиръ генералъ маіоръ Ляховичъ.

Полковья командиры Муромскаго полковникъ Ширманъ.

Нижегородскаго подъполковникъ —

Ревизія производилась съ 8-го ноября по 3-е декабря и окончилась исправно.

1828-й годъ.

Зима въ Кременчугѣ нынѣшняго года продолжалась постоянно холодная.

Были сватьбы и балы у житѣлей время проводили вѣсело.

Въ февралѣ месяцѣ открылись болѣзни у взрослыхъ тягость в груди у детѣй жаръ и кашель.

24-го марта громъ и молнія при стужѣ съ слякотью.

25-го праздникъ С-го Воскресенія, морозъ.

Начали говорить о войнѣ с турками.

Войска стоящія около Кременчуга пѣшія 7-я дивизія выступали на границу.

Въ апрелѣ и маіе удовлетворено 40 баталіоновъ аммуничными вещами.

Въ июнѣ я просилъ генераль кригесъ коммисара о сменѣ меня отъ должности за болѣзнію, но получилъ отъказъ что по военнымъ обстоятельствамъ уволить не можетъ.

Съ 10-го іюля по 22-е я былъ болѣнъ крымскою лихорадкою съ жаромъ, горячки приводившей въ беспамятство.

28 были въ Демидовкѣ и въ Крынкахъ.

Отъ жаровъ саранча въ степяхъ Херсонскихъ дѣлала великой вредъ.

Съ 4-го часа пополудни 11-го сентября до 7-го часа полудня 12-го числа проездъ въ Верхнеднепровскъ, у Высоцкаго.

Осенью сего года дворныя собаки бѣсились и дѣлали много бѣдъ кусая людей в числѣ томъ полковника Сутковского которой бедствѣнно и умѣръ в скорости.

24-го ноября возвращался изъ подъ Анапы ранѣный князь Меншиковъ.

6 декабря въ день угодника Николая переносимъ былъ въ Крюковѣ алтарь изъ прежней деревянной церкви во вновь воздвигнутую каменную для поставленія попрежнему въ приделѣ во имя сего угодника а 9-го числа последовало его освященіе.

1829-й годъ.

Война с турками продолжалась съ отъкрытіемъ вѣсны въ минувшемъ году взяты крепости Анапа Браиловъ и крепчайшая Варна. Дворъ былъ въ Одессе Императоръ находился при всѣхъ крепостяхъ лично (кромѣ Анапы). На морѣ и сухомъ пути все прошедшѣе лѣто Силистрія и Шумля были обложены войсками. Императоръ въ позднюю уже осень прибылъ въ С: Петербургъ по взятіи Варны.

Главнокомандующій графъ Витгенштейнъ уволѣнъ и мѣсто его заступилъ графъ Дибичъ.

Коммисія управляемая мною по случаю войны сей въ безпрерывномъ была действіи, к тому заботливость и строгость генерала Линдѣна предупреждала всѣхъ его подчиненныхъ къ неумѣренному беспокойству котораго горячность характера циркулярная почти брань и угрозы могли привести въ страданіе невинныхъ. Что на самомъ дѣлѣ было видно безъпрерывное преданіе военному суду и несчастіе послѣдствіемъ.

Бога благодаря я выдержалъ всю двухлѣтнюю войну с турками и не слышалъ выговора исполняя с поспѣшностію безъ всякаго пристрастія свою обязанность.

Вѣсною сего года пробылъ въ Кременчугѣ генералъ адъютантъ Клейнмихель осматривалъ Коммисію и нашелъ все исправно.

Въ февралѣ отъ Г. Линдѣна возложена была на меня покупка лошадей для подвижныхъ гошпиталей въ армію которыхъ куплено слишкомъ 100 и отправлено въ Кіевъ.

Запасныя парки съ сухарями въ армію въ апрелѣ чрезъ Днѣпръ переправлялись съ Полтавской Харьковской и Черниговской губерній.

Съ Оренбургской линіи верблюдовъ табуны прогоняли въ армію.

Разливъ Днѣпра сію вѣсну былъ необыкновенной по 22 апреля Крюковъ весь окруженъ былъ водою вѣрстъ восемь ходили паромы по улицамъ много разнесло лѣсу и заборовъ.

Въ июле учреждены карантинныя по Днѣстру и Бугу болѣзни и смѣртность въ арміи и прочихъ. И въ военномъ поселеніи близъ Крюкова заставы.

7-го августа близъ Крюкова застава въ осторожность отъ заразы, болѣзни на людей лихорадки съ горячкой. У насъ изъ 9 че. дворовыхъ людей болныхъ 6 чел. но выздоровѣли.

5 сентября переяславской архиерей посѣтилъ Кременчугъ.

29-го поѣздка въ Анофріевку компанією.

Въ іюнѣ месяцѣ я еще просился о увольненіи отъ должности за болѣзнію но получилъ въ іюлѣ вторично отъказъ.

14 сентября на имя Коммисіи отъ 28 августа № 11044 получено предписаніе изъявляющѣе благодарность (что за редкость тогда счѣсть должно) генерала Линдѣна, за то что попеченіемъ управляющаго Коммисією (мною) вѣсма мало остается въ недопускѣ вещей войскамъ по сроку 1829-го года, недостатки отъ коихъ следовало истребованы и пополнены, и что самое имѣеть уже болшую повѣрхность надъ Балтскою и Московскою Коммисіями, не упоминая уже о Кіевской которая ниже всякаго подѣтвержденія.

Г: К: К:

Г: М: Линденъ 1-й.

Вотъ какъ политически были Г. Линденымъ охлестываемы управляющіе таковыя и болѣе были часты, но ко мнѣ онъ особенное имѣлъ снисхожденіе и уваженіе.

13 и 14 октября были у Турунжи и въ Троицкомъ.

Подъ Шумлей оставался генералъ Красовской, послѣ даннаго сраженія с визиремъ и по взятіи Силистріи войска наши въ половинѣ лѣта перешли за Балканъ и вступили въ Адрианополь.

Приняли мы въ домъ для детей учитѣля изъ французовъ абатта Колиньи 26 октября которой пробылъ слишкомъ 4 месяца.

Говорили о мирѣ съ турками.

13-го ноября погода была тихая снѣжокъ покрылъ землю и в ночь на 14 число пополудни въ 4 часа 15 минутъ чувствуемо было въ Крюковѣ легкое землетресеніе с колебаніемъ и подземнымъ гуломъ продолжавшимся минуты двѣ.

Лѣдъ на Днепрѣ остановился отъ сильныхъ морозовъ съ 15 на 16 число ноября в ночь старожилы не запомнятъ столь ранняго холода снѣгу нѣ было земля трѣскалась.

Въ декабрѣ ожидали пословъ турецкихъ.

1830-й годъ.

2-го генваря прибыло въ Кременчугъ Турецкое посольство следующѣе изъ Константинополя чрезъ Одѣсу въ С: Петербургъ, какъ то военной сановникъ Галиль паша, министръ Неджибъ Ефендій со многою свитою.

На другой дѣнь 3-го числа поутру въ 10 часовъ осматривали они Коммисію мою съ начальникомъ поселенныхъ войскъ генералъ отъ кавалеріи графомъ Витомъ со множествомъ турецкихъ въ свитѣ чиновниковъ и російскими четырью генералами, осматривая все тридцать магазиновъ наполненныхъ вещами удивляясь множеству и порядку содержанія смотръ окончился въ 12 часу. Я получилъ благодарность.

Было приготовлено къ принятію ихъ въ моей квартирѣ, но они спѣшили къ смотру кирасирской дивизіи дожидавшейся уже въ Кременчуге.

Разныя неудовольствія влекушія послѣдствіемъ въ отвѣтственность и слабость здоровья побудили меня взять медицинское свидетельство и представить по командѣ съ прозбою о сменѣ меня отъ должности за болѣзнію. Я далъ предложеніе въ Коммисію 9-го генваря и не присутствовалъ съ того числа такъ какъ на многіе мои прозбы мнѣ было отъказываемо и я решительно хотѣлъ оставить службу по опасности своей не довольно меня продолжая еѣ надалѣе но и дѣтѣй моихъ привязывали отъчетностію ни за что ни про что было на опытѣ видно.

Генералъ Линдѣнъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Екатеринославъ 7-го февраля женился на дочери тамошняго помѣщика Синелникова. Онъ возвращался с женою обратно 14 числа чрезъ Кременчугъ но только на станціи перемѣнилъ лошадей.

В сіе время находился въ Крюковѣ братъ жены моей 8-го класса Александръ Сергѣевичъ Ртищевъ онъ былъ командированъ отъ Линдѣна для наблюденія за отдачею Шенхелидзевымъ вещей въ Коммисію и прожилъ с полгода.

Малчикъ сирота Евграфъ умѣръ 21-го февраля (что братъ девочки Ольги жившей у насъ) дѣтѣй Филиповыхъ, бывшей на содержаніи с: Чечеля, и учившейся у священника Никона въ Крюковѣ.

28 февраля я доносилъ Коммисаріатскому департаменту по предписанію ево

на рапортъ мой съ свидѣтельствомъ о болѣзни о невозможности вступленія въ управленіе Коммисіи за болѣзнію и просилъ увольненія.

27-го февраля нанята квартира въ Кременчугѣ домъ генеральши Панцын-битѣровой, 18-го марта переехали во оной изъ Крюкова въ Кременчугъ потому что я решился оставить службу по коммисіи и потому писалъ несколько писемъ и рапортовъ къ Линдену; онъ не выпускалъ меня подъ разными предлогами прежде за войною с турками потомъ за отчетами то за ревизією и прочѣе и проч: На послѣдокъ съ милостивымъ обещаніемъ что онъ уволить меня когда будетъ возможно съ полнымъ содержаніемъ, и благодеяніе ево ко мнѣ действительно оказано на самомъ деле я представленъ былъ Государю Императору какъ отличной чиновникъ и 24-го марта произведѣнъ въ 4-й классъ, неожиданно переходъ сей на высоту генерала убѣдилъ меня къ безусловному повиновенію. Я хотя жилъ въ Кременчуге но наблюдалъ за коммисією въ дѣйствіяхъ ея члѣнъ Г. Петровъ былъ старшей и завѣдывалъ ею.

Но послѣ всего сего и по случаю назначенія по Высочайшему повеленію опять ревизіи коммисіевъ я вступилъ въ управленіе Коммисіи 31-го маія.

27-го маія пополудни въ 10-мъ часу (уже было тѣмно) Государь Императоръ изволилъ прослѣдовать по переменѣ у Крюковской заставы лошадей чрезъ Крюковъ и Кременчугъ причѣмъ городъ былъ отлично иллюминированъ онъ слѣдовалъ изъ Елисаветъ града где осматривалъ возвращающіеся изъ Турціи и поселенныя войска, въ Козелецъ для такового жъ смотра.

Въ началѣ сего маія месяца приѣхалъ къ намъ изъ Стараго Оскола братъ мой Алексей Ивановичъ и пробылъ у насъ съ мѣсяцъ выѣхалъ 31-го маія обратно.

24-го іюня принималъ я присягу на чинъ 4-го класса въ присутствіи Коммисіи со мною были дети наши Вася и Николинка.

10-го, 11, 12 и 13 іюля проездили мы въ Екатеринославль чрезъ Троицкое для осведомленія о пансіонѣ въ разсужденіи ученія дѣтѣй.

Въ Екатеринославлѣ были мы с Васинкой на мѣстѣ заложеннаго въ присутствіи Екатерины 2-й и Римскаго Императора Іосифа и прочихъ княземъ Потемкинымъ собора и на семъ мѣстѣ съ умиленіемъ вновь строящагося, а также и во дворцѣ на сей случай тогда построеннаго но ево остаются развалины, а садъ на горѣ Днѣпра по сіе время поддерживается.

9-го августа послѣ сильныхъ жаровъ громъ ударилъ в зданіе Коммисіи въ корпусъ магазиновъ и отбилъ карнизъ въ 4-х мѣстахъ.

24-го августа въ воскресенье переехали мы попрежнему въ Крюковъ въ домъ Г: Корженевскаго.

16 и 17 и 22 іюля происшествіе или бунтъ въ Париже король выѣхалъ въ Рамбулетъ 31-го числа.

Ревизія Кременчугской Коммисіи началась 12-го августа и продолжалась до

16-го сентября ревизоръ былъ бригадный генералъ майоръ Мелгуновъ съ двумя штабъ афицерами. И окончилась исправно.

Болѣзнъ холера показалась и Крюковъ оцеплѣнъ заставами 14-го сентября въ сильномъ действованіи началась она отъ Грузіи въ Астрахани и на Дону.

18-го сентября Васинька отъданъ былъ въ пансіонъ за 5 вѣрстъ отъ Крюкова въ Турунжевкѣ, но скоро взятъ отъ туда 2-го ноября по случаю учрежденнаго карантина между симъ мѣстомъ и Крюкова.

Патѣнтъ на чинъ 4-го класса полученъ 20-го сентября онъ поднесенъ къ Высочайшему собственноручному подписанію въ Александріи близъ Петергофа 25-го іюля патѣнтъ сей вложенъ въ раму 23-го октября.

Въ октябрѣ опасеніе отъ холеры умножилось оказалось въ Харьковѣ гдѣ в теченіи трехъ недѣль умѣрло 1360 чел. обнародовано Г. Закревскаго наставленіе о предъосторожности онъ командированъ былъ въ восточныя губерніи склоняющіяся къ югу.

12-го октября холера показалась въ Москве.

17 ноября сведеніи о возстаніи поляковъ въ Варшавѣ изъ которой принуждѣнъ выступить Цесаревичъ Константинъ Павловичъ съ супругою княгинѣю Ловичъ и некоторыми другими, оставивъ большую часть своего экипажа.

Войски военного поселенія въ Херсонской губерніи 3-я кирасирская и уланская дивизія выступили въ походъ на полескую границу.

Ноября с 1-го охраненіе цепи около города продолжавшейся съ мѣсяць усилено 14-ти днѣвнымъ карантиномъ.

Мы были также, живя въ Крюковѣ и почти близъ карантина, въ большой опасности. Куреніе хлорою комнатъ уксусомъ производимо было непрерывно дѣготъ и хлоръ въ водѣ стояли на люстрахъ. На дверяхъ комнатъ прибиты были записки, сочиненныя избавившимися или неизвѣстнымъ архиереемъ.

Христось съ нами уставися

Вчера, днѣсь, тоижде и вовѣки.

Въ октябрѣ съ проездомъ обратно 18-го числа я писалъ къ Линдену и напоминать прозбу о увольненіи меня на сей разъ онъ принялъ ее и меня уволилъ предъписавъ здать Коммисію члѣну 6-го класса Петрову.

5-го декабря Г. Петровъ вступилъ въ управленіе и къ приему отъ меня Коммисіи.

Холера открылась въ Кременчуге изъ 117 заболевшихъ умѣрло 65. Но въ Крюковѣ у насъ благополучно.

Карантинъ крюковской наполнялся по 1000 че.

Князь Репнинъ приехалъ учреждены по частямъ комиссары городъ разделенъ на кварталы.

Въ Москвѣ снято оцепленіе отъ холеры съ 5-го на 6-е число декабря и въ прочихъ городахъ около Москвы кордонъ оставленъ только въ Коломнѣ.

1831-й годъ.

Болѣзнь холера въ Кременчуге умалѣлась тамъ умѣрло 183 че. много изъ числа больныхъ выздоравливало у насъ въ домѣ Корженевскаго было больныхъ нашихъ людей Козма Амосъ кормилица Улита кучеръ Симіонъ отыѣрты въ болнице, и ключница волная, но все выздоровели.

15-го генваря по прекращеніи холеры карантинъ въ Крюковѣ снятъ.

Еще на 3-е число генваря рѣка Днѣпръ покрылась льдомъ 6 числа укрепились и мы 20-го генваря изъ дома Корженевскаго въ Крюковѣ переехали въ домъ Г: Фоминой въ Кременчуге.

30-го князь Репнинъ приѣхалъ.

1-го февраля было молебствіе о прекращеніи холеры въ сей дѣнь былъ обѣдъ у полицеймейстера Киселева где былъ и князь Репнинъ а въ вечеру балъ отъ дворянства и купечества въ благородномъ собраніи.

2-го числа завтракъ у князя Репнина всѣму обществу и отъездъ ево.

14 февраля с вечера затменіе луны при полной свѣтлости половина ее снизу къ левой сторонѣ въ 8 часу, видѣли лично при проездѣ изъ Мавродіевки.

26 тѣпло скучная масленица отытепель.

1-го марта именинной обѣдъ и маслиничной ужинъ въ деревнѣ Турунжевкѣ.

20-го марта лѣдъ на Днепрѣ прошелъ онъ былъ покрытъ имъ нынѣшнюю зиму два месяца и семнадцать дней.

Въ исходе сего месяца пахать земли и сеять начали, погода тѣплая и сухая.

1-го апреля трава зеленелась.

30-го числа люди наши изъ Раздоло за экипажемъ приѣхали.

8 маія былъ я с Васинкой въ ярмонкѣ въ Градижскѣ. 17-го въ Демидовкѣ и Крынкахъ.

20-го маія люди съ обозомъ отыправлены въ Раздолъ.

Я здать Коммисію и получилъ чистую квитанцію еще 14-го апреля но ожидалъ повеленія о выездѣ своемъ изъ Кременчуга въ деревню котораго однако дождаться нѣ могъ.

Въ июнѣ болѣзни въ Кременчуге опять показались.

7-го іюня по приказу отъ 21 маія Линдѣнъ уволенъ за болѣзнію въ отпускъ на 6 месяцевъ или до излеченія въ мѣсто ево и департамѣнтомъ управлялъ генералъ маіоръ Храпачевъ.

Сведеніи. 29-го маія графъ Дибичъ Забалканской въ арміи умѣръ холерою 4-го іюня вмѣсто ево Главнокомандующимъ назначенъ графъ Паскевичъ Эриванской. Получено здѣсь 15-го іюня.

Наборъ казаковъ съ Полтавской и Черниговской губерніи съ 75 душъ 1 че. а с помещичьихъ съ 65 д. одна лошадь съ приборомъ, для составленія осми конныхъ полковъ.

27 іюня Линденъ въ Екатеринославль приѣхалъ чрезъ Щекутьево я получилъ словесное позволеніе что могу отъправится изъ Кременчуга въ деревню.

Сведеніи. 29-го іюня о кончинѣ въ Витебскѣ 15 числа Цесаревича Константина Павловича холерой манифѣстъ о семъ отъ 17 іюня.

Іюня 18-го отъкрылась холера въ С: Петербургѣ.

Карета и коляска были для насъ изъ экипажа моего оставлены. Я взялъ подорожную и свидетельство отъ кременчугскаго холернаго комитета что все семейство наше осмотрѣно и знаковъ болѣзни той не имѣемъ. (Сіе было нужно во время пути ибо многіе города какъ то Курскъ и Орѣлъ были оцеплены чтобъ нѣ было задержки и придирки.)

16-го іюля пополудни выѣхалъ изъ Кременчуга въ Калужскую губернію.

21-го ночевали въ Белевѣ. 22-го поутру въ Курьяново. 24-го въ Раздолъ.

Поляки упорствовали борба продолжалась даже наши войска при некоторыхъ мѣстахъ отъступали отъ отчаянной ихъ пылкости, особенно помещики польскіе старались возжечь въ Литвѣ и Бѣлоруссіи въражду противъ Россіи всѣми мѣрами возжигали прочихъ корпусы ихъ явились въ Волини и близъ Вилнѣ разстроили Ковну, диктаторы ихъ въ Варшавѣ часто перемѣнялись Черторижскій Хлопицкій и Скржинецкій генералы Дембицкій подъ Вилной.

Съ принятіемъ командованія графа Паскѣвича армією положеніи ихъ делались труднѣе они прогнаны были до Вислы.

По приѣздѣ нашемъ въ Раздолъ 24-го іюля началась отдѣлка дома, какъ то дверей оконъ сколачиваніе половъ и потолоковъ мазаніе ихъ, потомъ устроеніе печей и прочаго, столярною плотничною и печною работою матеріалы брали изъ Калуги.

22-го августа по отделкѣ одной половины дома, въ субботу, перешли во оную.

25-го были въ Калугѣ и возвратились 26-го.

По отделкѣ прочихъ комнатъ въ домѣ 17-го сентября въ четвергъ было ево освященіе изъ приходской Гремячевской церкви во имя Успѣнія Богоматери и великомученика Георгія подняты с-я иконы и принесены въ новый домъ гдѣ отъслужена была всенощная, и потомъ молебѣнъ Спасителю с водосвятиемъ и коленопреклоненіемъ окроплены святою водою все комнаты дома съ обходомъ округъ онаго со всѣю святостію и кругомъ всей деревни.

Лѣто было дождливое. 6-го сентября первой морозецъ.

Сведеніе изъ арміи 26 и 27 августа сильное сраженіе подъ Варшавой с поляками, Варшава занята рускими войска полскіе отъступили и остановились въ крепостяхъ Замостье и въ воеводствѣ Сандомирскомъ прочіе корпуса къ Австрійской и Прусской границамъ въ волную Прагу но они тамъ хотя приняты но обезоружены.

Симъ сраженіемъ война съ поляками окончилась.

Въ последствіи хотя обнародовано прощеніе всѣмъ нижнимъ чинамъ однако многіе не возвратились а чиновные остались заграницей и все пожелали поселиться въ Амѣрикахъ.

14-го октября получено извѣстіе изъ Старого Оскола о кончинѣ сестры моей Марьи Ивановны бывшей въ замужствѣ за Глаголевымъ последовавшей 19-го іюля въ Раненбургѣ.

Принять въ домъ для дѣтей учитѣль изъ Комерческаго въ Москвѣ училища кандидатъ Александръ Сорокинъ въ исходѣ сентября.

Также садъ новой разбить на дорожки и деревья съ стараго мѣста противъ дома пересажены.

7-го паводокъ на Окѣ изъ Орла барки шли.

Въ декабрѣ зима установилась.

19-го декабря соскучивъ въ деревнѣ выехали со всѣмъ семействомъ въ Калугу гдѣ провели праздникъ Рождества съ 26 по 29-е ездили въ Грибово къ Г. Груздеву. Въ Калугѣ квартиру имѣли на Терентиной улице въ доме Теренина.

24 былъ у насъ на возвратномъ пути Дмитрей Сергѣевичъ Ртищевъ.

30-го декабря приговорѣнъ танцъ мѣйстеръ Игнатій Николаевичъ Дебиль для дѣтѣй.

1832-й годъ.

Мы жили въ Калугѣ и ничево не воображали въ разсужденіи службы моей въ которой я состоялъ, но по сведеніямъ въ минувшемъ декабрѣ месяцѣ, что генеральтъ кригсъ комиссаръ Линдѣнъ возвратился изъ отъпуска въ С: Петербургъ еще въ ноябрѣ месяце и я ис Калуги тогда жъ писалъ к нѣму партикулярное письмо и просилъ о исходатайствованіи мнѣ формалнаго отъпуска по болезни на четыре мѣсяца, ожидалъ какого ни есть на то отвѣта.

Какъ въдругъ 13-го генваря нарочной изъ С: Петербурга комисіонеръ Долбинъ явился ко мнѣ съ предъписаніемъ адресованное на имя мое. Я распѣчаталъ и чтожъ нашелъ: Высочайшее повеленіе о назначеніи меня управляющимъ Виленскою Коммисаріатскою Коммисіею с жалованьемъ и сверхъ того столовыми по три тысячи рублей въ годъ, с тѣмъ чтобъ я какъ наискорѣя отъправился въ Вилну и вступилъ въ управленіе.

Что мнѣ оставалось дѣлать мы с женою думали судили это назначеніе меня разстроивало совершенно, я нѣ могъ ничѣмъ отъговорится, тогда когда потребна служба моя начальству доведенная до Высочайшаго сведенія и мы решились эхать въ Вилно. Я донѣсъ рапортомъ с тѣмъ же нарочнымъ что в скорости отъправляюсь.

Надобно собратся и бросить прочь все помыслы другія.

16 числа мы отъправились въ Раздолъ и Курьяново чтобъ простится съ стариками тестѣмъ и тещею которыя нѣсколько на насъ погнѣвывались за недачу въ долгъ сыну ихъ Николаю денегъ, которыхъ и взять некова. 17, 18, 19, 20 тамъ и въ Раздолѣ собрали что взять и оставить спѣшили .возвратились въ Калугу 21-го числа. И 26-го числа генваря изъ Калуги выехали въ Вилно с тѣмъ чтобъ заехать в Медынской уѣздъ къ Груздеву потомъ въ Гжати къ Петру Ртищеву которой съехался съ нами на полотняномъ заводе, на своихъ лошадяхъ въ четверомѣстномъ воскѣ и двухъ повоскахъ.

27 у Груздева. 29 у Ртищева. 30 въ Гжати на почтовомъ тракту.

4-го феврала пополудни въ 11-мъ часу прибыли въ Вильно, остановились въ гостиннице Шульца.

Въ Вилно войскъ стоящихъ и проходящихъ, и народу множество одного поселенія гражданъ 60 т. че. Дороговизна во всѣмъ ужасная каждая сутки стоили намъ на одно содержаніе с квартирою 30 ру. На сіе и на прочѣе жалованья и столовыхъ недостаточно.

Я вступилъ въ управленіе Коммисіи 11-го феврала найдя великое разстройство по оной. Во время полской революціи и послѣ оной производство безъ всякаго порядка и отчетности въ запущеніи, управлялъ оною или самъ назвался таковымъ 7-го класса Толубѣевъ и кромѣ интереса своего ни о чѣмъ не помышлялъ. Я доносилъ Храпачеву но по устроеніи помышлялъ какъ ни есть удалится.

Коммисія расположена за рѣкою Вилейкою въ абатствѣ купленномъ у монаховъ Пиарскаго ордена, магазиновъ мало, а вещей навезено много они сложены были на дворѣ. Я испросилъ и мнѣ позволено было занять самую цѣрковь Рафаила кивѣрами. Все бывшія войски въ сраженіи съ поляками въ Литвѣ и Варшавскомъ царствѣ состояли подъ довольствіемъ Виленской Коммисіи хаосъ ужасной непрерывное собраніе полковыхъ приемщиковъ отъправленіе транспортовъ во все мѣста гошпиталей множество до двухъ сотъ чиновниковъ едва было достаточно къ обязанности службы канцелярія плохая. Я мучился и действовалъ всѣми силами.

11-го феврала отъ Шульца переехали мы въ домъ Шабаковскаго построенной на манѣръ парижскаго съ каминами. Но и тому ради, квартиры были все заняты притомъ же по здешнему заведенію на перемѣну ихъ уставлены изъстари сроки въ мартѣ и сентябрѣ. Наталья Сергѣевна долго была нездорова.

Въ исходѣ феврала приняты учигѣли къ детямъ; Рупенгеймъ немецъ по немецки и французски, чиновникъ Княжнинъ математикѣ.

7-го марта возвратился изъ С: Петербурга виленскій военный губернаторъ генераль адъютантъ князь Долгоруковъ. Я былъ имъ обласканъ.

10-го марта назначенъ новый генераль крингсъ комисаръ генераль адъютантъ Шиповъ Сергей Павлычъ.

9-го марта кончина Сергея Петровича Ртищева тестя моего на дороге при проезде изъ Москвы въ Черной Грязи. Сведеніе получено 6-го апреля.

23-го марта нанятъ домъ Исафиты Маіеровичевой на Доминиканской улице въ которой изъ дома Шабаковскаго и переехали 27-го числа въ воскресенье.

Люди съ экипажемъ изъ Раздоло приехали 31 марта они пробыли въ дороге 27 дней.

Говорили о комѣтахъ *Энке* и *Біелы* въ семь году 3-го маія, 24 іюня изъ опасенія склоненія ихъ съ землею.

Въ Вилнѣ военный губернаторъ дѣлалъ частыя обѣды и вечеринки. Былъ тѣатръ. Сводили новое знакомство и время проводили иногда весело поляки переставали дичиться русскихъ последнихъ насъ очень было мало одни служащіе.

Вилна городъ, древняя, Литовскихъ князей столица, послѣ Трокъ застроенная Ягелломъ, во время язычества, съ принятіемъ христианства по женитбѣ его на польской принцессѣ, городъ увеличивался по смѣжности Ливонскихъ рыцарей и границы торговлею процвѣталъ и увеличивался въ нѣмъ по сіе время остались многія древности какъ то замокъ или Замковая гора на коей стоялъ онъ есть еще развалины, ворота замковыя еще цѣлы, тѣперь внутри того двора стоитъ католическій главный кафедральный соборъ, по преданію на томъ месте гдѣ стоялъ храмъ язычества, а подъ горою устроенной арсеналь обнесенной во время послѣдняго возмущенія въ 1831 году рвомъ и палисадомъ съ бастіонами пушекъ обращеннаго въ крепость по обоимъ сторонамъ р: Вилии и Малой Вилейки. Въ городѣ многія древнія монастыри какъ то Францисканской Доминиканской Піарской Бернардинской Базилианской Бассаковъ или Босоногихъ и прочихъ и прочихъ мужскихъ и женскихъ разныхъ орденовъ и кромѣ того приходскихъ церквей созданныхъ великолѣпно. На воротахъ Остробрамскихъ въ великолѣпно созданной часовнѣ находится образъ чудотворной Богоматѣри Остробрамскія, русской одинъ монастырь С-го Духа заведывается архимандритомъ, и на томъ же дворѣ приходская церковь бѣлаго духовенства. Однако подъ рускій соборъ нынѣ приуготовлена изъ числа іезуитскихъ прекрасной архитектуры церковь, что противъ ратуши но еще не отделана, при насъ занимала ее полковая церковь; есть еще полковая церковь въ бывшей почтамской, и во дворцѣ недавно отстроеномъ гдѣ тепѣрь помещаются военный губернаторъ близъ дворца, зданіе находится огромнѣйшаго, уничтоженнаго нынѣ, университета со многими дворами заведенной з давнихъ лѣтъ, в нѣмъ еще оставались все рѣдкости кабинѣтовъ и обсерваторія; оставлена одна медицинская академія, но она помещается въ другомъ зданіи близъ монастыря Сестръ Милосердія, и гимназія, также есть многія заведенія какъ то, подъ названіемъ *Благочинность*, гдѣ принима-

ются все сироты и дети бѣдныхъ родителей, и учатся рукоделіямъ, разныя больницы, где принимаются безъ платы; древнѣе заведеніе, на благочинность бываить зборъ на содержаніе; избираются изъ знатныхъ фамилій дамы молодыя собою прекрасныя, или девушки они въ провожаніи мушины ходять вездѣ по всѣмъ домамъ и даже по улицамъ съ серебряною тарелочкою и просятъ у каждаго подаванія, они принимаютъ на себя сей трудъ изъ усердія и это болѣе дѣлаить въ публике уваженіе. Главныя улицы въ городѣ Замковая, Доминиканская и Немецкая прочихъ множество есть чрезвычайно узки такъ что экипажъ при встрѣчѣ не можетъ разъѣхаться и кривы; дома все каменные въ два три и четыре этажа кроются болѣе черепицей, экипажи и народъ кипить по улицамъ, множество жидовъ имѣютъ свои дома по закоулкамъ с лавками имъ однако запрещено имѣть дома и торговать на главныхъ улицахъ, какъ толко по привилегіи отъ королей польскихъ, у нихъ есть своя древняя синагога закрытая домами, и кагалъ управленія. Окружности Вилны также прелестны, рѣка Вилія извивается и украшаетъ горами Панарскими и сосновыми рощами.

8-го маія осматривали мы въ обсерваторіи университетъ заведеніи также и кабинетъ редкостей.

9-го приобрѣтены оставшіяся послѣ одного бискупа мѣдали въ рамкахъ за стекломъ, римскихъ императоровъ и философовъ греческихъ двѣ, за 100 ру., также фрукты подъ натуру и 4 бронзовыя медали первыя чрезъ Шульца а послѣднія Сомина, въ подарокъ.

15 были в мѣстѣ называемомъ Закретъ близъ города на Виліи гдѣ домъ Г. Зубова потомъ Г. Бенингсена а теперь казенной, тутъ построена была подлѣ сего дома деревянная зала въ 1812 году по повеленію Императора Александра для назначеннаго бала предъ входомъ французовъ но зала оборвалась и архитекторъ Шульцъ скрылся будто утонуть.

Получены сведенія изъ Раздола что 12 маія былъ градъ по ореху которымъ покрыло землю.

24-го маія были мы на горѣ Замковой и осматривали развалины замка Ягеллы.

30 маія были въ Веркахъ принадлежащихъ прежде Бископу Масалскому въ 5 верстахъ отъ города гдѣ въ домѣ редкія дорогія живописныя картины с нами былъ генералъ Бушуевъ начальникъ арсенала, и калварію гдѣ построены въ лѣсу съ 30 часовѣнъ для усердныхъ молелщиковъ которыя все ихъ с пеніемъ обходятъ пешіе.

6-го іюня были въ Тиволіи предмѣстіи.

8 Грибишки и Бетлиеве 9 Маркуцы и Боретенбургъ 10-го Погулянки также предмѣстіи города где бываить множество всякаго народа.

11-го маія былъ я с Васинкой и проводникомъ Шульцомъ на горахъ Панарскихъ за 7 верстъ отъ города где было сраженіе 7-го іюня 1831 года русскихъ

с корпусомъ Дембицкаго и куда бѣжали къ нему изъ Вилны множество студентовъ, тутъ стоитъ часовня и близъ оной кладбище на которомъ похороненъ между прочими убитый в семъ сраженіи молодой гвардейской адъютантъ графъ Толстой.

29 іюня вмѣсто Рупенгейма принять къ детямъ учителемъ нѣмецъ Брюнь да фортопіанистъ Дашкевичъ принять Васинку учить на фортопіанѣ.

По чрезвычайной дороговизнѣ припасовъ на содержаніе по званію моему и мѣсту требовалось много издержекъ не доставало ни жалованья ни столовыхъ за одну квартиру 450 ру. серебромъ въ годъ платить должно, я такъ сказать крехтѣлъ и надалѣе совершенно бы прожился и искалъ случая удалиться изъ Вилны, хотя в нѣй и весело: изъ отношенія князя Долгорукова которымъ я былъ всегда принять и обласканъ дружески словомъ онъ любилъ меня, зналъ я что генералъ Шиповъ мой начальникъ ему приятѣль, то и просилъ я князя написать обо мнѣ чтобъ перемѣстить меня изъ Вилны или поколь уволить въ предъ до отъкрытія должности, но Шиповъ на письмо таковымъ же отвѣчалъ ему ни то ни сію и что тепѣрь числится при департамѣнте безъ занятія нелзя, а мѣстъ нѣтъ в мѣстахъ Россіи но когда угодно къ геролдіи причислится свободно выпускаются изъ комиссаріата. Видя что ничево здѣлать неможно къ перемещенію я послалъ къ Шипову отъ себя рапортъ и письмо прося его о увольненіи и о назначеніи въ Вилно на мѣсто мое другаго такъ какъ я за болезнію продолжать не могу. Дмитрей Сергѣевичъ Ртищевъ былъ у него лично онъ только сказалъ ему что на смѣну мою теперь послать некого.

Іюля 18-го смотрѣлъ я анатомической кабинетъ въ Вилно со мною были сынъ мой Васинка и проводникъ Шульцъ молодой человекъ афицеръ полякъ изъ немцовъ съ состояніемъ.

По назначеніи Шипова Линденъ уѣхалъ изъ Россіи за границу къ водамъ. Молодая жена ево Синелникова и дочь младенецъ помѣрли въ Петербургѣ а осенью и самъ онъ умѣръ за границей.

Во время лѣта проходили чрезъ Вилно многія войски изъ царства Полскаго въ числѣ томъ гренадерскій корпусъ и легкая кавалерія. Я въ непрерывномъ находился занятіи по должности пробывалъ въ Коммисіи съ утра до вечера. Красовскій Набоковъ Капцевичъ Тимирязевъ и многіе другіе генералы требовали къ себѣ ревизоры разные по всѣмъ частямъ были непрерывно, я возложилъ поверять вещи по приему Коммисіи на старшаго члена 6 класса Шенхелидзева но онъ оказался человѣкъ фалшивой Толубѣевъ человѣкъ вздорной и опасной просилъ квитанціи даже жаловался, Шиповъ согласился избрать посредника жандармскаго полковника Рутковскаго но онъ ничево не зделалъ. Таковое небывалое распоряженіе удивило но я нѣ могъ выдать квитанціи за всѣмъ тѣмъ потому что по запутанности дѣлъ нѣ было возможности узнать остатокъ наличныхъ вещей оста-

вавшихся къ 11-му числу февраля да и потому что и самъ я не желалъ принимать сей обузы и послѣ здавать ее другому такъ какъ я не хотѣлъ оставаться.

Въ разныхъ хлопотахъ проведено все лѣто между тѣмъ знакомство умножилось дѣлали обѣды и вечеринки и иногда было весѣло.

2-го августа и 26-го числа были именинные обѣды и вечеринки у насъ. Генералы Бушуевъ Степанъ Михайлычъ и бригадный Щербицкій также часто у насъ бывали: Яковъ Захарычъ Жуковъ командиръ баталіона часто делалъ пирушки и прочіе рускіе и поляки еще члѣнъ Брозинской езжали за городъ.

4-го сентября съ детми Васинкой и Николинкой ездилъ я въ городокъ Троки въ 30-ти вѣрстахъ отъстоящей с нами былъ и проводникъ Шульцъ. Городокъ сей до построения Вилны былъ столица княжеская а по построении в нѣмъ оставался дядя Ягеллы. Онъ окруженъ глубокими озерами развалины замковъ двухъ одного въ городкѣ а другаго на островѣ окруженномъ водою по сіе время существуютъ. Мы осматривали обои переправившись въ лодкѣ с перевозчиками караимами поселенной слободы прежними польскими королями.

Князь Долгоруковъ приказалъ отвѣсть мнѣ обывательскую безденежную квартиру и мы переехали во оную изъ дома Маіоровичей 4-го октября въ домъ Гута на Замковой улице.

19-го октября получилъ я изъ С: Петербурга отъ капитула знакъ отъличія безпорочной службы моей за XXX лѣтъ.

Продолжались увеселеніи по случаю рожденія Его И. В: великаго князя Михайлы Николаевича 23-го обѣдъ 27 октября балъ у военного губернатора.

29-го балъ корпуса жандармовъ у полковника Языкова 30-го октября народное угощеніе на площади дворцовой театр безденежной а въ вечеру иллюминація. 20 ноября балъ отъ дворянъ въ ресурсе.

Съ 1-го декабря я смѣнился на мѣсто мое назначѣнъ 6-го класса Бѣкъ которой и вступилъ въ управленіе.

7-го декабря люди кучеръ Симіонъ и поваръ Климъ отъправлены въ Раздолье с каретой, а преждѣ еще 28 сентября люди Федотъ и Марфа отъправлены съ дрожками с верхомъ, поваръ былъ купленъ с женою полякъ но оказался пьяница и опять проданъ.

21-го для французскаго языка принять къ детямъ новой учитѣль, московской отъ Языкова. А прежней Брюнъ училъ по немецки, математической учитѣль Княжнинъ откомандированъ по службѣ и вмѣсто ево 12 декабря приговорѣнъ учитель отъ Языкова полковой священникъ Староингерманландскаго полка съ 15 декабря училъ катихизисъ и Закону Божію.

Въ декабрѣ окончены портреты съ детѣй Васинки Николинки и Александра, виленскимъ живописцемъ Францискевичемъ.

1833-й годъ.

Постороннія известіи.

Во Франціи Герцогиня Берійская заключена въ цытадѣль Лабле.

Король Греціи Оттонъ торжественно вступилъ въ столицу Навплію 7-го февраля.

Болезни въ Вилнѣ головныя въ февралѣ.

Къ празднику Пасхи устроены въ Вилнѣ рускія качели и летнія горы на площадки противъ церкви Петра въ Тиволи въ первый разъ по зависимости отъ Россіи.

12-го апреля въ среду осматривали катакомбы подъ сводами бывшаго Піарскаго абатства за зеленымъ мостомъ обитѣль сія основана въ древности иезуитами.

По сведеніямъ тѣща моя Елисаветъ Гавриловна Ртищева урожденная Юшкова окончила жизнь 7-го апреля въ с: своемъ Курьяновѣ Лихвинскаго уѣзда.

21-го маія шелъ градъ въ окружности Вилны съ обыкновенной орѣхъ.

19 маія Государь Императоръ былъ въ Динабургѣ смотръ войскъ 1-го пѣх: корпуса отъ туда отъправился въ Ригу и Ревѣль и моремъ въ Або 29-го числа.

Приемъ отъ меня Коммисіи продолжался до 15-го іюня мнѣ выдана квитанція.

20-го іюня во вторникъ пополудни въ 7-мъ часу мы выехали со всѣмъ семействомъ изъ Вилны чрезъ Калугу въ Раздолъ. Во всю дорогу жаръ былъ до 30-ти градусовъ. Мы приехали въ Калугу 26 числа въ 11-мъ часу вѣчера въ польской коляскѣ и брычкѣ а 27 числа въ Раздолъ.

1-го іюля въ Лихвинѣ обедня и панихида на гробѣ покойныхъ Ртищевыхъ.

Покойная мать жены моей при кончинѣ своей назначила ей дворовыхъ людей пять душъ съ семействами о чѣмъ была подана прозба въ опѣку.

29 іюля выехали въ Калугу и пробыли тамъ до 9-го августа.

Въ сіе время подряжены плотники на обшивку тѣсомъ дома въ Раздолѣ и куплѣнъ тѣсъ чтобъ начать стройку.

9-го августа выехалъ я съ сыномъ Васинкой въ С: Петербургъ, чрезъ Гжать, Наталья Сергѣевна въ Раздолъ с детми Николинкой и Александромъ обратно.

Въ С: Петербургъ следовали мы чрезъ Гжать Ржевъ Старицу на Торжокъ на почтовыхъ и прибыли туда 16-го августа поутру въ 6 часовъ, остановился въ квартире бау адъютанта Ртищева Дмитрія Сергѣевича въ ордонансъ гаузе въ Садовой улице.

На другой дѣнь былъ я у Шипова.

21 августа были мы въ Зимнемъ дворцѣ и въ Эрмитажѣ въ вечеру въ Преображенскомъ соборѣ и въ саду.

22 смотрѣли домикъ Петра 1-го гдѣ образъ Спаситѣля Нерукотвореннаго, и в саду.

23-го представлена прозба къ Шипову при рапортѣ о увольненіи.

Простудная болѣзнь продержала меня въ квартирѣ дней пять. 28-го были мы въ арсенале а ввечеру на бирже, 29 въ Невскомъ, 30-го смотрѣли процессію хода и следованіе Императрицы съ Княжнами въ парадныхъ экипажахъ, въ вечеру на Елагиномъ островѣ были где сожженъ фѣерверкъ раза четыре были также въ театрѣ.

Я разведывалъ объ учебныхъ мѣстахъ и былъ въ корпусахъ путей сообщенія инженерномъ и дворянскомъ полку.

Въ Петербургѣ жить весело, но я не затѣмъ приѣхалъ.

1-го сентября я получилъ отъпускъ отъ Шипова на 28 дней въ Калугу и 2-го сентября пополудни въ 6 часу выѣхалъ отъ туда до средней рогатки провожалъ меня Г. Ртищевъ.

Въ Москву пріѣхалъ я поутру 6-го числа и исправивъ кое какіе надобности въ вечеру выѣхалъ а 7-го приѣхалъ въ Калугу въ 8-м часу вечера где нашелъ жену свою въ Москву эхать навстрѣчу мнѣ собирающуюся.

Мы вместе выѣхали въ Раздоль 8-го числа где производилась обшивка дома и другія постройки какъ то шатѣръ на колодѣзъ и каменная стѣнка для сарая такъ равно и баня, да земляная работа сажалка рѣчка и канавы. Все это окончилось въ началѣ октября месяца.

Между тѣмъ мы были нѣсколько разъ въ Калуге да и въ Одоевъ ѣздили и Малихино.

Осень стояла сухая мы заботились о детяхъ къ ученію прежде хотѣли зимовать въ Калуге но послѣ передумали и решились отъправится въ Москву.

26 октября мы выѣхали изъ Раздоль и 28-го изъ Калуги здѣлалась грязь и морозъ и въ Москву приѣхали 31-го числа въ вечеру остановились въ Гагаринскомъ подворье. 8-го ноября переехали было на Екиманку въ домъ Кандуриной но изъ онаго по неспособности къ размещенію выѣхали 11-го числа въ домъ Прянишниковой на средней Донской.

23-го ноября въ четвѣргъ Васинка отъданъ въ пансіонъ Г. Чермака въ Басманной 28-го денги въ передъ отданы за полгода.

30-го приговорена мамзель Хитрова въ домъ учить Николинку и Александра пофранцуски и поруски.

Съ 22 по 30-е Государь Императоръ посещать извоилъ Москву.

5-го декабря начало ученья сына Александра.

Съ 12-го по 21-е декабря проездилъ я въ Болховъ.

Постороннія замечанія.

Въ Бленскомъ замкѣ Герцогиня Бериская разрешилась дочерью которая скончалась признаніе что отѣцъ ее Графъ Лукіезій Пили с коимъ Герцогиня тайно сочеталась.

1834-й годъ.

Всю зиму пробыли въ Москвѣ въ домѣ Г. Прянишниковой. Зима была порядочная морозы до 27 град. до Масленицы здѣлалась отътепѣль и на Москвѣ рекѣ построенныя домики для комедіевъ повалило водою и перепортило горы комедіи играли на берегу въ мучныхъ лабазахъ. Плохая Масленица скука купцамъ ни женъ ни лошадей показать не удалось.

Въ генваре приезжала славная певица Генріэта Карлъ изъ Рима давала концерты съ 21-го числа въ собраніи подобно Каталани, Зонтагъ, Карри Дори-Алланъ, была принята московскою публикою.

Былъ я званъ въ посаженные отъцы къ дочери Елисаветѣ Петровнѣ помещика Груздева (двоюроднаго брата жены моей). Она выходила въ замужество за Г. Сомова въ Мядинской уѣздъ. Но какъ изъ Москвы отъѣхать мнѣ было нельзя куда я ожидалъ со дня на дѣнь Г. Юшкова для окончанія начатаго дѣла по деревнѣ, которой въ последствіи не устоялъ въ честномъ словѣ провѣлъ и обманулъ въ последствіи условіе не состоялось; но чтобъ со стороны Груздева не помыслили сего препятствія въ другомъ смыслѣ, я хотѣлъ невѣсту благословить образомъ въ Москвѣ где она была съ родитѣлями для закупки приданаго; а потому и вымѣненъ образъ Спасителя, благословляющаго, въ серебряной ризѣ и резной кивотѣ вызолоченныхъ, но Г. Груздевъ изъ вежливости отказался и образъ сей остался при домѣ нашемъ.

Во время Масленицы отъ скуки мы часто бывали въ театрѣ то есть въ денномъ и ночномъ.

Послѣ отътепѣли въ постъ зима опять устоялась.

За разъездами и за разстройкою чрезъ то лошадей у насъ было мало. 20-го марта куплены три лошади двѣ гнѣдыхъ Максимъ и Кожевникъ; и второй Цыганъ, за 675 ру.

5-го апреля тѣпло и лѣдъ на рекѣ тронулся и до 17 числа вода была въ прибыли водополья 5¹/₂ футовъ отъ холода долго стояла въ одинакомъ положеніи.

22-го праздникъ Пасхи нѣ было похоже на весну сивѣрь продолжался. Но гулянье подъ Новинскимъ противъ прежнихъ было многолюднѣе то есть не чернію а приездомъ экипажей одинъ другаго лутчѣ. С Новинской вѣревка доходила до Арбата Пречистенки и Никитской. Комедіевъ разныхъ лутчихъ виртуозовъ съ 20-ть было построенныхъ по рисункамъ въ прекрасномъ видѣ въ кои не пренебрѣгали входить лутчія особы, зато и представленія были редкія. Я съ дѣтми былъ во многихъ, качелей разнаго рода также было много, а посрединѣ сего временнаго города стояла прекрасная гостинница съ турецкими палатками. 1-го маія мы были въ Сокольникахъ, и на семъ гулянье было множество экипажей, палатокъ купцовъ и народа, бродили по рощамъ.

2-го маія еще куплены двѣ вороныя лошади, Кремѣнь и Голубокъ за 400 руб. Съ 2-го на 3-е число въ полночь первый громъ и дождь.

Чрезвычайная дороговизна на все жизненныя припасы доводила до беспокойства вѣсь народъ оржаная мука продавалась пудъ 3 ру. 50 к. и 45 ко. говядина до 30 ко. фунтъ овесъ 14 и 13 ру. четверть дрова швырковыя по 18 ру. сажень. Фабриканты съсылали рабочихъ и из Москвы вышло множество черни, нищихъ было великое множество.

Мы насилу дождались вѣсны и 3-го маія въ четвѣргъ выѣхали изъ Москвы и 6-го числа въ воскресенье приѣхали въ Раздолъ. Тутъ начали отъдыхать отъ издержекъ.

Сынъ Васинка оставленъ въ пансіонѣ Чормака.

12-го да съ 20-го и 26 маія пробыли въ Калуге для ползованія детѣй отъ эпидемическаго кашля.

Отъ дождей ржи и яровыя хлѣбы поправились.

22-го іюля выѣхали изъ Раздола къ брату Алексею Ивановичу въ Старой Осколь съ детми и мамзелью, въ каретѣ и коляскѣ, чрезъ города Одоевъ, Чернь, Новосиль и Ливны, приѣхали въ Колпино 18-го числа.

Пробывъ у брата 26-го числа выѣхали въ Воронежъ чрезъ Нижнедевицкѣ 28 были у обѣдни въ Воронеже въ соборе гдѣ и мощи святителя Митрофана коимъ поклонились, въ вечернюю служили молебнѣ гдѣ вымѣненъ образъ сего угодника Божія шапочку и елей. 30-го числа выѣхали чрезъ Землянскъ на Ливны и 4-го возвратились въ Раздолъ.

Ужасная засуха продолжалась чрезъ два месяца хлѣбъ и сѣно вздорожало.

По давнему намеренію и привычкѣ къ пребыванію лѣтъ десять въ одномъ мѣстѣ обнадеженные чрезъ переписку требовавшую личнаго нахожденія 24-го августа мы с Натальею Сергѣевною выѣхали изъ Раздола въ Кременчугъ оставивъ детѣй кромѣ Васи которой находился въ пансіоне въ Москвѣ, а Николинку и Александра при мамзеле и афицерше изъ Лихвина Марье Тимофѣевнѣ въ Раздоле, отъ Белева где взята подорожная на почтовыхъ въ коляске куда 31-го числа и прибыли остановились въ домѣ Г-жи Фоминой, не бывъ тамъ почти три года имѣли прекрасный пріемъ отъ знакомыхъ.

По обстоятельствамъ непредвиденнымъ, по случаю кончины приятельницы и кумы Г-жи Маламиной и обращеній на другой предмѣтъ мы должны были побывать въ Акмечеткѣ селеніи въ Олвиополскомъ округѣ далѣе за 250 верстъ куда и выѣхали на почтовыхъ же сентября 6-го числа чрезъ Александрію и Елисаветъ градъ 8-го числа въ Акмечетку прибыли къ Г-мъ Мартыновскимъ. Положась на слово въ разсужденіи деревни Андрусовки, 10-го числа в ночь возвратились въ Кременчугъ а 12-го числа отъ туда выѣхали обратно и 18-го числа сентября прибыли въ Раздолъ.

17 и 18-го сентября Государь Императоръ посещалъ Калугу проездомъ въ Орелъ.

25-го были въ Калуге где получено въ первый разъ пансіонное жалованье, въ годъ по 1500 ру.

Октября 11-го числа выехали въ Москву со всёмъ семействомъ чтобъ видѣть Васинку и по надобности о деревнѣ Яковлевской. Пробывъ тамъ до 24-го числа выехали и возвратились въ Раздоль 28-го октября.

Государь и наслѣдникъ 23 октября отбыли изъ Москвы гдѣ пробыли съ 14 числа.

5 декабря въ Калуге мы были.

18 числа туда жъ выехали со всёмъ семействомъ чтобъ проводить всю зиму стояли въ домѣ купца Бѣлова. 19-го числа одинъ я ездилъ въ Москву и возвратился отъ туда въ Калугу съ Васинькой, 23 декабря.

Замечаніе. Хотя мать жены моей и назначила предъ кончиною своей въ общей раздельной записи собственно женѣ моей или сыну нашему Василью дворовыхъ людей мужеска пола пять душъ с женами ихъ и детми, о чѣмъ и подана была прозба отъ насъ въ Лихвинскую дворянскую опѣку, что выше видно въ 1833-мъ году однако опѣка отъказала потому что братья Николай Петръ и Дмитрій Ртищевы не уваживъ родительскаго завещанія, подписавши сами при жизни матери своей раздельную послѣ кончины отъдать тѣхъ людей не захотѣли и уничтоживъ чрезъ то раздельную здѣлали между собою другую чѣмъ и обидили сестру свою и ее сына, не исполнивъ завещанія посрамили себя предъ свѣтомъ причиною сего болѣе всѣхъ старшій изъ братьевъ Николай который всячески старался въ отъказѣ опѣкою.

Ниски тѣ дѣти кои не исполняютъ завещанія своихъ родителей, ниски они и предъ своими собственными детми которыя можетъ, родясь с чувствомъ, будутъ осуждать поступки своихъ родителей.

Неурожайныя годы 1833 въ Малороссіи продолжались и въ 1834 году дороговизна хлѣба цѣны были рожь четвѣрть 22 ру. овесъ 12 ру. сѣно 1 ру. пудъ.

1835-й годъ.

Съ 18-го декабря минувшаго года по 19-е апреля сего тѣкущаго, всю зиму мы пробыли въ Калуге, и послѣ праздника Пасхи возвратились въ Раздоль.

Въ Калуге провѣли время довольно приятно въ обществѣ первыхъ чиновъ города часто посѣщали тамошней тѣатръ и собраніи, а дѣти Николинка и Саша учились танцовать у Шульца; въ особенности мы обласканы были въ доме Г-на председатѣля Івана Васильича Капорскаго.

Нынѣшнею весною ржи и всходы овса хороши; 31-го маія и 1-го іюня сильныя утреннія морозы поврѣдили цвѣтъ на деревьяхъ всходы огурцовъ и прочаго

въ огородахъ, но что неслыханное во многихъ мѣстахъ, частію повредило орже-
ной колосъ, при ево нѣжномъ образованіи.

Дни Троицы проводили время въ Калуге. Васинка приѣхалъ изъ Москвы
25 маія, онъ совсѣмъ взять изъ пансіона Чомрака, для определенія на службу
въ Орденской кирасирской полкъ ему было шеснадцатой годъ слѣдовательно насту-
пало время на службу. Съ женою мы долго о семъ думали располагали какъ
лучче способнѣе въ Петербургъ ли эхать для детѣй но проживіюся, напослѣ-
докъ согласились лутчѣ отъправится въ Малороссію въ Кременчугъ тамъ много
войскъ и есть старыя знакомыя и приятѣли. Здѣлали переписку и получивъ
удовлетворительной отвѣтъ по кавалериской службѣ решились ево приготовить.

21-го іюня я выѣхалъ с нимъ въ Москву гдѣ съ 25 іюня по 13-е іюля бралъ
онъ уроки верховой ездѣ въ Бронной у берейтора—а послѣ полудня фектованью
для чево ездилъ въ квартиру нашу изъ кадецкаго корпуса учитѣль каждаднѣвно.

1-го, 2, 3 были въ Калуге 9-го взято свидетельство о состояніи содержанія
въ кавалериской службѣ, отъ губернскаго предводитѣля Чаплина. Собирались
къ выѣзду въ дорогу на 700 вѣрстъ оставляя Раздолъ принять прикащикъ вмѣ-
сто прежняго Батова, волноотъпущенной Николай Авиловъ 5-го числа.

22-го августа 1835 года выѣхали изъ Раздоло въ двухъ коляскахъ и двухъ
повоскахъ на 13-ти лошадахъ. Время стояло сухое. И 5-го сентября прибыли въ
Кременчугъ, с недѣлю пробыли въ Кременчуге въ доме Эка а съ 12 числа на-
няли домъ Волкова въ Крюкове.

Съ 19 по 29 сентебря для надобностей пробылъ я с детми Васинкой и Ни-
колинкой въ Екатеринославле где 27-го найденъ мой бѣглой крестьянинъ Семѣнъ
Івановъ года за два назадъ ушедшій изъ Раздоло.

Въ октябре комѣта была видна на западе. 12 и 13 былъ я въ Александріи.

17-го Государь Императоръ прослѣдовать изволилъ чрезъ Кременчугъ послѣ
смотра Калишскаго при проезде изъ Новой Праги въ С: Петербургъ.

19, 20 и 21 были мы с женою въ м: Лиховке.

30 лѣдъ на Днепре остановился при 12 гр. мороза.

5, 6 и 7 ноября были з детми въ Крылове у Федора Ивановича Антонова
гдѣ 7-го числа пошла въ ходъ прозба отъ Васинки объ определеніи въ Орден-
ской кирасирской полкъ.

16-го ноября жъ мамзель Заверняева принята для ученья Николинки и
Александра.

3, 4 и 5 декабря былъ я с Васинкой въ Новой Праге отъ туда чрезъ Абра-
мовку въ Татаровке.

12-го декабря представлялъ я Васинку къ дивизіонному командиру Яхонтову
въ Новой Праге где и обѣдалъ с нимъ.

13-го въ Елисаветъградѣ къ корпусному командиру Сакѣну.

Къ ночи у Павла Ивановича Чечеля при проезде обратно 15 ночевалъ въ Петриковке отъ куда въ дороге былъ въ опасности отъ большой вьюги съ морозомъ до Александріи гдѣ перестоявъ возвратился 16 числа.

23-го декабря были въ Крылове.

15 декабря послѣдовалъ приказъ по корпусу объ определеніи Васинки въ Орденской к: полкъ.

27-го декабря Наталья Сергѣевна по обыкновенію собралась поутру въ 11 часовъ ѣхать съ визитами, и по сходе съ крыльца стала садится въ поданной экипажъ осколзнулась и при паденіи свихнула въ сторону кисть левой руки по приведеніи обратно въ комнату кисть мною была на мѣсто поставлена, но отъ натяженія жилъ здѣлалось воспаленіе, скоро призванъ докторъ однако мало помощи хотя боль утихала, чрезъ пиявки и примочки, однако она страдала съ полгода.

31-го Васинка въ первый разъ явился въ кирасирскомъ колетѣ.

Месяцъ сей былъ холодной метѣль и вьюга часты морозы доходили до 30 град.

1836-й годъ.

15-го генваря были въ Крылове с Васей. Еще 10-го числа на вѣрховую лошадь денги 750 ру. ассиг. отъправлены при писмѣ полковаго командира Энгелгарда изъ Кременчуга въ Щигры къ ремонтѣру Дицу.

21-го, 22 и 23 въ Крылове гдѣ Васинка въ первый разъ оставленъ на службу.

5 и 6-го февраля былъ в Крылове 22-го там же.

2 февраля сгорѣлъ балаганъ Лемана въ Петербургѣ на Маслинницѣ гдѣ изъ 400 зрителей много погибло.

Съ 29 по 12-е марта и я былъ болѣнъ левой же рукой докторъ ползовалъ но вылечился горчицей.

Скончалась въ Римѣ мать Наполеона Марія Летиція ¹⁸/₂ февраля она родилась 24 августа 1750 года.

19 февраля въ Парижѣ казнѣ Фіески Морси и Пепенъ за адскую машину на жизнь короля.

29 февраля скончался Федоръ Василь: Киселевъ.

5 и 6 маія были въ Девичьѣ, у Фраловой.

10-го у Пареной и Курлова за Троицкимъ.

14-го въ Крылове. 23, 24, 25 въ Гановкѣ.

4, 5 и 6 іюня осматривали селцо Девичьѣ.

8 были въ Александріи.

9 въ Александріи зделано условіе съ Фраловыми на покупку нами селца Девичья.

Решась прожить для сына въ Кременчугѣ несколько времени здѣлалось трудно отъ непрерывныхъ расходовъ на содержаніе, мы приискивали какой либо хуторъ въ поупку. Случай отъкрылъ продавцовъ хуторъ показался Фраловыхъ земли 312 десятинъ особо обмежеванной которой и купили со всѣмъ строеніемъ господскимъ и крестьянскимъ хлѣбомъ стоячимъ и в землѣ посеяннымъ и прочимъ за 12000 ру. ассіг.

24 іюня въ Кременчуге зделано писмѣнное условіе на поупку с: Девичья.

26-го крестины въ Каменкѣ у аѳицера.

2-го іюля чрезъ Девичье отъправился я ис Крюкова въ Херсонъ, для совершенія купчей крепости со мной былъ сынъ Николинка. По 9-е въ дороге 9, 10, 11, 12, 13, 14 и 15 пребылъ въ Херсоне 18-го назадъ возвратился по совершеніи купчей крепости 14-го іюля.

23 въ Александрію для въвода во владеніе.

24 въ Галикоковку къ Васи гдѣ стоялъ ихъ полкъ въ компантѣ в ночь на хуторъ Девичье.

23 іюля въ Москве поднять колоколъ которой былъ въ земле.

24-го въводной листъ выданъ на Девичье.

3-го іюля въ Париже преступники Алибо Менъе за Фіеской на жизнь короля стреляли изъ пистолетовъ.

4, 5 и 6 августа въ Девичье были.

28-го августа Вася изъ Златополя возвратился.

Семѣнская ярмонка въ Кременчуге на коей искуплены вола для хутора.

26 августа опрокинулась коляска съ Государемъ Императоромъ, отъ чево повреждена въ плече близъ груди ключевая кость, близъ города Чембаръ.

6, 7 и 8 сентября были въ Девичье.

12 перешли изъ дома Волкова въ домъ купца Фирсова.

Съ 18 по 30-е на хуторе пребыли.

2-го октября Крюковъ посещалъ архиепископъ Гавриилъ Екатеринос: по 4-е число куда и я былъ пригл. Съ 4 по 16-е на хуторе.

30 явился на сцѣну въ Стразбургѣ Наполеонъ 2-й сынъ Людовика Бонапарте, салдаты провозглашали ево импер: но скоро онъ арестованъ и посланъ въ Америку.

1837-й годъ.

Всю зиму проводили мы въ Крюкове выезжали въ собраніе кременчугское и по знакомымъ; Васинка нередко приезжалъ изъ Крылова и проживалъ недели по двѣ а въ праздники и болѣе. Николинка и Александръ учились у мамзели Заверняевой она говорила пофранцуски и понемецки но была беспѣчна мы держали ее поневолѣ что взять негдѣ лутче. Съ отъкрытіемъ вѣсны располагали

мы съездить въ Россію (такъ въ тамошнѣмъ краю Москву или старыя рускія города называютъ) чтобъ отыскать къ детямъ учитѣля и кстати побывать въ пошехонской нашей деревне Яковлевской которую у насъ торговали и мы желали продать ее отъ того что за отдаленностію мало вѣсма приносила прибыли и часто по году и болѣе мужики не платили положеннаго на нихъ оброка.

Зима простояла умеренная на хуторе толко два раза были на одинъ дѣнь, домъ не топили. Съ наступленіемъ великаго поста на третѣй недѣли мы все говѣли и приобщались С-х Таинъ у Покровской церкви духовникъ нашъ былъ прежней лѣтъ за пятнадцать назадъ онъ даже крестилъ Николинку и Александру, отѣцъ Анисимъ.

Съ 27 марта по 10-е апреля пробыли мы все на хуторе Девичье, гдѣ съ 30-го марта начался посѣвъ хлѣба.

8 апреля затмѣніе луны въ 10 часу вечера при тихомъ небѣ.

23 февраля кончина кіевскаго митрополита Евгенія; сей пастырь бывши въ Калуге въ 1816 году благословилъ бракъ нашъ, во время посещенія дома Тимирязева.

25, 26, 27, 28 и 29 апреля на хуторѣ были дѣла тамъ много садъ и прочѣе приводили въ исправность.

Между прочими дѣлами мы собирались въ далней путь въ Россію, искуплены лошади недостающіе и исправлены экипажи время было хорошѣе весеннѣе.

Итакъ 19-го маія поутру мы выехали изъ Крюкова въ одной коляске и фургонѣ на 7 лошадяхъ переправаясь чрезъ Днѣпръ въ Кременчугъ, при входе во оной первая встреча намъ Орденскаго полка афицеръ Безродецкой останавливаясь говоритъ что отъ полка потребованы въ корпусную квартиру нѣкоторые юнкера въ томъ числѣ Васинка нашъ и братъ ево къ смотру, и какъ извѣстно для представленія ихъ въ афицеры. По сему извѣстію мы не знали что дѣлать, оставить Васю безъ настоящаго окончанія смотра невозможно, мы стали на квартире, лошади переправлѣны чрезъ Днѣпръ. 21-го послали нарочнаго въ Крыловъ но Вася еще не возвратился Антоновы подтверждали уведомленіе Безродецкаго. Слава Богу мы радовались что такъ скоро будетъ афицѣръ сынъ нашъ онъ толко юнкеромъ полтора года, решились дождаться 22-го опять возвратились въ Крюковъ оставивъ экипажъ и лошадей въ Кременчугѣ у приятѣля Кулберга.

27 маія Васинка возвратившись 24-го еще изъ Елисаветграда, приѣхалъ въ Крюковъ изъ Крылова. Онъ представленъ вмстѣ съ прочими въ афицеры на вакансіи въ Украинской уланской полкъ состоящей въ томъ же корпусѣ. По заверенію знающихъ что представленіе непременно скоро выдѣтъ къ исполненію къ тому чтобъ не задерживать нашего отъезда, мы решились окопировать ево

въ уланское одеяніе что продолжалось до 5-го іюня на что употреблено пять сотъ рублей, и двѣ лошади дано с тележкой для упряжечной езды, кромѣ вѣрховой которая еще находилась въ ученѣе въ Петриковке у дивизионнаго берейтора.

5-го іюля Васинка отъправился въ Крыловъ а мы 6-го числа поутру переправясь чрезъ Днѣпръ въ Кременчугъ, гдѣ въ праздникъ Троицы отъслушавъ обѣдню и отобѣдавъ у Кулберга въ 5 часу выехали въ Россію, оставивъ квартиру въ Крюкове со всѣмъ имуществомъ за собою, подъ смотреніемъ людей и под наблюденіемъ Баукѣвыхъ.

Ночлѣгъ того числа въ Амелникѣ, 9-го іюня были въ Зинковѣ 10 въ Сумахъ 11 въ Сутже 13 въ Курске 14 въ Коренной ярмонке где куплены двѣ гнедые битюгскія лошади 17 въ Орле 18 въ Болховѣ 19 чрезъ Белевъ и Лихвинъ въ вѣчеру прибыли въ Раздолъ тутъ пробыли до 1-го іюля и отъправились далѣе.

Іюля 1 и 2 въ Калуге 5 и 6 въ Москвѣ 7 и 8 въ Троицкой лаврѣ, 9 въ Переславлѣ Залескомъ, 10 въ Ростове, 11 въ Ярославлѣ 12 въ Романоборисоглебске, чрезъ Волгу 13-го въ деревню Яковлевскую 14, 15, 16 и 17-го в нѣй пробыли 18-го въ вечеру обратно выехали 19 въ Романове и въ деревне Филисовой Баукѣва 20-го къ ночи въ Ярославлѣ 21, 22 и 23 тут же гдѣ подана прозба о перечисленіи душъ, 24 въ Ростове и Петровскѣ 25 въ Переславлѣ 26 въ Троицкой лаврѣ Вифаніи и Хатковѣ 27 къ вѣчеру въ Москву 28, 29, 30 и 31 тутъ же, выехали 2-го августа къ вѣчеру въ Калугу а 3-го августа возвратились въ Раздолъ.

Во время переезда нашего въ Яковлевскомъ осмотрѣли мы деревню и землю въ коей никогда мы нѣ были, крестьянами были приняты съ усердіемъ которыя провожали насъ все и малые и старые до большой Пошехонской дороги, по прозбѣ ихъ мы предоставили имъ право выкупится съ землею, отъ чего приостановились продажей ее назначивъ нѣсколько душъ къ переводу 12 душъ мужеска; староста с двумя мужиками явился къ намъ въ Ярославлѣ для испрошенія согласія на увольненіе.

Въ 12 вѣрстахъ отъ Яковлевскаго обласканы мы были живущимъ тамъ помѣщикомъ Иваномъ Васильевичемъ Лихачевымъ отъставнымъ полковникомъ богатымъ которой і у насъ часто бывалъ.

Въ Ярославлѣ много древнихъ церквей и в нихъ с-я мощи благовер: князей. Городъ прекрасной на Волгѣ чрезъ которую мы переезжали ночью при возвратѣ.

Въ Ростове служили молебнъ С-му Димитрію и выменяли ево образъ монастырь богатой. Въ Переславлѣ также очѣнь много церквей и монастырей. Въ Троицкой лаврѣ служили молебнъ С-му Сергію были въ Іфаніи и Хатковѣ при обратномъ пути.

При обратномъ пути въ Москвѣ 30-го іюля приговорѣнъ въ домъ нашъ изъ комерческаго училища учитѣль къ детямъ Николинки и Александра, Василей Андрѣевичъ Лукутинъ цѣною по тысячи рублей въ годъ ассигнаціями срокъ съ

1-го августа которой согласился эхать с нами въ Кременчугъ, куда завтра 14-го августа намѣрены мы выехать изъ Раздола.

Въ Москвѣ жъ получили мы первое извѣстіе 28 іюля о производствѣ Васинки въ афицѣры, по Высочайшему приказу отъ 24 іюля отъданному въ Петергофѣ 18 іюля. Онъ произведенъ въ корнѣты въ Украинской уланской полкъ.

Продолженіе въ другой таковой же книги въ синѣй бумаге переплетенной.

Правая грамота царя Михаила Федоровича Суздальскому Покровскому дѣвичьему монастырю, 1629 года.

Божіею милостію мы великіи государь царь і великіи князь Михайло Федорович всеа Русіи и отецъ нашъ великіи господинъ и государь святѣйшіи Филаретъ Никитич патриархъ московскіи і всеа Русіи судного вотчинного дѣла слушали что в прошлом во ~~рле~~-м (135 г.) году били челом намъ князь Федор да князь Иванъ Татевы а в челобитной ихъ написано вотчина де их родовая прародителская дѣда их князя Федора Ивановича Татева въ Юрьевском уѣздѣ Полскаго селцо Новоселки а после де дѣда их была та их родовая вотчина за бабкою их за князь Федоровою женою Татева за старицею за княинею Марѳою да за дочерью за князь Федоровою ж за старицею за княинею Олександрою Нохтевою и какъ де бабки их старицы княини Марѳы Татевы и дочери еѣ тетки их старицы княини Олксандры Нохтевы не стало и тоѣ де их родовую вотчину бабка их княиня Марѳа и тетка их княиня Олксандра отдали после своего живота за вклад в Суздаль в Покровской монастырь и нам бы их пожаловати велѣти им тое родовую вотчину дѣда их князя Федора Татева селцо Новоселки дати из монастыря на выкупъ а на челобитной их помѣта думного дьяка Івана Грамотина написано государь пожаловал велѣл их роспросити скол блиско онѣ к тѣмъ старицам которые тѣ вотчины в монастырь дали и скол давно дали і в каком закладе і выписати ис прежнихъ государевых указов и из государева царева і великого князя Михайла Федоровича всеа Русіи указу и уложенъа что о такихъ вотчинахъ указ велено ль их давать на выкупъ і доложить о томъ государя и против помѣты думного діака Івана Грамотина князь Федор да князь Иванъ Татевы допрашиваны скол онѣ блиско к бабке своей старице княине Марѳе князь Федорове княине Татева да к тетке своей ко князь Федорове дочери Татева князь Данилове княине Нохтева к старице Олксандре і князь Федор да князь Иванъ Татевы в роспросе сказали что де дѣды их князь Петръ да князь Федоръ Татевы были родные братья и какъ де дѣда их князя Федора не стало и он отходя сего свѣта пожаловал тою своею вотчиною и ихъ родственою селцомъ Новоселками княиню свою а их тетку княиню старицу Олксандру Нохтеву и какъ де бабки их старицы Марѳы Татевы и дочери еѣ а их тетки старицы княини Олксандры Нохтевы

не стало и онѣ де тое вотчину после своего живота отдали по своим душам за вклад в Суздали в Покровской дѣвичь монастырь в прошлом во **ркк**-м (122 г.) і во **ркг**-м (123 г.) году а с ыгуменьею Покровского дѣвича монастыря княз Ѳедор и княз Иван Татевы про тое вотчину с очей на очи не ставлены и не роспрашиваны а в помѣсной приказ послана была память велено о родовых вотчинах хто отдасть в монастырь за вклад выписати ис прежних государевых указов из государева царева і великого князя Ивана Васильевича всеа Руси і из государева царева і великого князя Михайла Федоровича всеа Руси і указу и уложения і та челобитная княз Ивана да княз Ѳедора Татевых подписана не гораздо Иванъ Грамотин подписал ту челобитную дружка Татевым потому что николи того не ведетца в вотчинном дѣле одних исцов роспрашивати не поставя отвѣтчика с очей на очи а что в помѣсной приказ послана память от боярина от князя Володимера Тимоѣевича Долгоруково с товарищи в помѣсной приказ к боярину ко князю Ондрѣю Васильевичю Ситцкому с товарищи а велено выписати из уложения государя царя і великого князя Ивана Васильевича всеа Руси о родовых вотчинах и память ис помѣсного приказу прислана і та память вклеена в подлинном дѣле за дьячими руками і **рлз**-го (137 г.) сентября въ **д** (9) день великий государь святѣйшиі Ѳиларет Никитич патриархъ московскіі і всеа Руси указал своему государеву боярину Ивану Олександровичю Колтовскому да дьяком Ѳедору Рагозину да Гаврилу Левонтьеву поставя перед собою из Суздаля Покровского дѣвича монастыря стряпчево спросить какие у них на тое вотчину крѣпости есть и сколи давно в монастырь та вотчина дана и Суздальского Покровского дѣвича монастыря стряпчей Ѳедор Кляпиковъ сказал что прислали к нему из Суздаля Покровского дѣвича монастыря игуменья Олена с сестрами на тоѣ вотчину крѣпости с служкою съ Юшкою Харлуковым да подал на ту вотчину отказную государеву грамоту за приписью дьяка Богдана Кашкина а дана им та государева грамота въ **рки**-м (128 г.) году какъ былъ у них тою вотчиною завладѣлъ боярин княз Иван княз Васильев сынъ Голицынъ і по той государеве грамоте та вотчина у боярина у князя Ивана Голицына взята и отдана в Суздальской в Покровской дѣвичь монастырь да на ту ж вотчину подал рядную запись князя Ѳедора Татева княгини Марьи какъ она зговорила дочерью княжною Анною замуж за князя Данила Нохтева а та вотчина писана была за нею в приданье въ **пд**-м (84 г.) году да на ту ж вотчину даную ему ж князю Данилу Нохтеву того ж **пд**-го (84 г.) году да на ту ж вотчину купчую какъ ту вотчину княз Ѳедор Татевъ Ряполовского купилъ у Ондрѣя да у Настасьи Ондрѣевых детей Сипова да у Петра Ондрѣева сына Безстужево въ **он**-м (78 г.) году и с той государевы грамоты и с рядные и з данные списки в судномъ в подлинном дѣле за дьячими приписми а в списке с купчей написано Ондрѣй да Настасья Ондрѣевы дѣти Есипова да Петръ Ондрѣевъ сынъ Безстужева с своею женою Се-

местиною дочерью Есипова продали свою вотчину князю Федору Ивановичю Татеву Ряполовского Ондрѣй да Настасья продали отца своего вотчину в Юрьевском уѣзде Полском в Заполском стану на рѣчкѣ на Дубенке половину села Новоселокъ а Петрѣ Ондрѣевѣ сынѣ Безстужевѣ с своею женою Василисою продали свою вотчину приданую тово ж селца Новоселокъ другую половину что взял онѣ Петрѣ за женою своею за Василисою отца еѣ вотчину Семенки Ондрѣева сына Есипова а продали ту свою вотчину село Новоселки князю Федору Ивановичю Татеву Ряполовского и ево женѣ и ево дѣтем в прокъ без выкупу с крестьяны и со всѣмъ вотчинным строенѣмъ а взяли онѣ на той своей вотчине селѣ Новоселках на обѣих половинах у князя Федора Ивановича Татева Ряполовского шестьсот рублевѣ денегѣ и с той купчей списокѣ в подлинномѣ в судномѣ дѣлѣ а подлинная купчая за продавцовыми и за послуховыми руками отдана в Покровской дѣвичь монастырь і великии государь святѣйшии Филарет Никитичъ патриархъ московскии і всеа Руси указал дворецкому своему Олексѣю Игнатьевичю Зубову да розряду своего дьяком Федору Рагозину да Гаврилу Левонтьеву поставя перед собою роспросит княз Федора да княз Ивана Татевых называют онѣ родовою своею вотчиною что дана в Суздальской Покровской дѣвичь монастырь и та вотчина почему их родовая и у Есиповых да у Безстужих тоѣ вотчину дѣд их купил ли и дворецкому и дьяком княз Федор да княз Иванѣ Татевы в допросѣ сказали та де вотчина дѣда их князя Федора Ивановича Татева старинная родовая а почему та вотчина старинная или родовая того онѣ не упомянут потому что застарѣла а про куплю что дѣдѣ их княз Федор тоѣ вотчину купилѣ у Есиповых да у Безстужевых того онѣ не вѣдают и у родителей своих не слыхали и купчие де у бабки и у тетки своей не видали а в приданных де та вотчина за княз Данилом Ондрѣевичем Нохтевым была и рядная де и даная на ту вотчину дана ему была а давал ту вотчину в приданные дѣдѣ их княз Федор Иванович за дочерью своею а за их теткою за княжною Анною и княз Данило де Нохтев был без дѣтех а после де княз Даниловы смерти тою вотчиною владѣла бабка их старица княиня Марѣа Татева да доч еѣ старица княиня Олександра Нохтева по свой живот а после своего живота бабка их старица княиня Марѣа да тетка их старица княиня Олександра тоѣ вотчину дали вкладу по своих душахѣ в Суздальской Покровской дѣвичь монастырь и 113-го (137 г.) ноября въ кї (12) день государь царь і великии княз Михайло Федоровичъ всеа Руси и отецъ ево государевъ великии господинѣ и государь святѣйшии Филарет Никитичъ патриархъ московскии і всеа Руси сего дѣла слушали и указали Покровского дѣвича монастыря игуменью Олену с сестрами в той вотчине оправит потому что им в монастырь та вотчина дана купленная а не родовая и купчую онѣ на ту вотчину в судѣ положили а купил княз Федор Татев тоѣ вотчину у Есиповых да у Безстужих себѣ и женѣ своей и дѣтемъ а жена ево и дочь отдали по себѣ вкладу тоѣ вотчину

в Покровской дѣвичь монастырь а княз Ѳедора и княз Івана Татевыхъ указали обинит і в той вотчине велѣли имъ отказат потому били онѣ челом государю царю і великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русіі і великому государю святѣйшему Ѳиларету Никитичю патриарху московскому і всеа Русіі о той вотчине и называли еѣ родовою а та вотчина купленая а не родовая и на выкуп та вотчина по уложенью из монастыря дати не ведетца да и потому им отказат что наперед сего дѣд ихъ княз Петръ и отецъ ихъ княз Борис и онѣ о той вотчине не бивали челом и какъ владѣл тою вотчиною боярин княз Іван княж Васильев сынъ Голицын і онѣ княз Ѳедор да княз Іван государю и святѣйшему государю патриарху не бивали ж челом а били челом государю и святѣйшему государю патриарху о той вотчине Покровского дѣвича монастыря игуменья Ульянѣя с сестрами и государева имъ грамота на ту вотчину дана да и сами онѣ княз Ѳедор да княз Іван Татевы в челобитной своей написали что бабка их и тетка тое вотчину дали после своего живота по своих душах вкладу в Покровской дѣвичь монастырь а крепостей на тоѣ вотчину никаких не положили а про дѣда своего про княж Ѳедорову купчюю сказали ничево не вѣдают а купчие не лживили і потому государь царь і великиі княз Михайло Федорович всеа Русіі і отецъ ево государевъ великиі господинъ і государь святѣйшіі Ѳиларетъ Никитичъ патриархъ московскіі і всеа Русіі на ту вотчину на село Новоселки Суздальского Покровского дѣвича монастыря игуменье Олене да келарю старице Еупраксѣе с сестрами указали дати свою государеву правую грамоту и с сего вотчинного дѣла имъ правая грамота дана а князю Ѳедору и князю Івану Татевым и роду их и иному никому ныне і вперед до тоѣ вотчины дѣла нѣтъ. К сей правой грамоте государь царь і великиі княз Михайло Федоровичъ всеа Русіі и отецъ ево государевъ великиі господинъ и государь святѣйшіі Ѳиларет Никитичъ патриархъ московскіі і всеа Русіі велѣли печати свои приложить лѣта 7137-го (7137 г.).

На оборотѣ грамоты:

Діакъ Федор Рагозинъ діакъ Гаврило Левонтьевъ.

Лѣта 7192-го (7192 г.) мая въ кд. (29) день Божиею милостию мы великие государи цари і великие князи Иоаннъ Алексѣевичъ Петръ Алексѣевичъ всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі самодержцы сеѣ грамоты слушав пожаловали из Суздаля Покровъского дѣвича монастыря игуменью Марѳу с сестрами и хто впред в томъ монастырѣ иные игуменьи и сестры будут велѣли сеѣ правую грамоту подписать на наше великихъ государей царей і великихъ князей Иоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі самодержцевъ имя и быть потому какъ в сей правой грамоте писано

Діакъ Тимофей Литвиновъ
Справиль Якушко Незамовъ.

Жалованная грамота царя Петра I казакамъ Изюмскаго Черкаскаго полка,
28 февраля 1700 года.

Божиею поспешествующею милостию мы пресветлѣйшій и державнейшій великій государь царь і великій князь Петръ Алексѣевичъ всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ московскій киевскій владимерскій новгородцкій царь казанскій царь астраханскій царь сибирскій государь псковскій и великій князь смоленскій тверскій югорскій пермскій вятцкій болгарскій и иныхъ государь и великій князь Нова города низовскіе земли черниговскій рязанскій ростовскій ярославскій бѣло-озерскій удорскій обдорскій кондинскій и всеа сѣверныя страны повелитель и государь иверскіе земли карталинскихъ и грузинскихъ царей и кабардинскіе земли черкасскихъ и горскихъ князей и иныхъ многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и государь и обладатель наше царское величество указали бѣлогородцкаго розряду изюмскаго черкаскаго полку быть в конной службѣ казакомъ указному числу двумъ стамъ пятидесять человѣкомъ которые выбраны и написаны ис казаковъ и изъ мещанъ в книгахъ каковы прислалъ в розрядъ из Бѣла города бояринъ нашъ и воевода князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукой с товарищи генваря к-го (20) числа нынѣшняго 1700-го (1700 г.) году. А досталнымъ казакомъ на которыхъ были положены денги и тѣмъ казакомъ помогать в службѣ тѣмъ коннымъ выборнымъ казакомъ а положить на нихъ подмоги изверстая и смотря по человѣку по ихъ черкаскому обыкновенію самимъ чтобъ тѣмъ выборные казаки тою ихъ подмогою были конны и оружны и в походѣхъ запасами удовлетворены и скудости б имъ никакой не было а денегъ на нихъ что было положено въ 1705-м (205 г.) году по рублю на человѣка не имать и кромѣ той воловой полковой конной службы никуда на годовую службу не посылать и иныхъ тягостей и подвод у нихъ без нашего великаго государя нашего царскаго величества указу и без грамотъ из розряду никому не имать и у того полку быть у нихъ прежнему полковнику попрежнему. Да противъ ихъ челобитья мы ж великій государь наше царское величество пожаловали того полку столника нашего и полковника Ѳедора Володимировича Шилова і ево полку старшину и казаковъ велѣли имъ противъ ихъ челобитья промыслами своими какие у нихъ есть в городѣхъ мельницами и рыбными ловлями и всякими угодыями владѣть и всякими промыслами промыслять и шинки держать безоборочно и беспошлинно по ихъ черкаскому обыкновенію по прежнимъ нашимъ великаго государя нашего царскаго величества указомъ и жалованнымъ грамотамъ каковы имъ даны из розряду и ис приказу великия Росіи напередъ сего. А в которыхъ городѣхъ построены кабаки и таможни и мосты и перевозки на оброке и отданы имъ на откупъ бес перекупки и отосланы ис приказу великия Росіи в ратушу также и что въ 1703-м (203 г.) году по нашему великаго государя

нашего царского величества указу и по грамоте ис приказу ж великия Росіи велено в Ызюмскомъ полку в городѣхъ построить вновь таможенные и кабацкіе зборы и отосланы в ратушу ж и что велено того ж полку старшинѣ и казакомъ противъ челобитья ихъ збирать на Изюмѣ пошлину с приѣзжихъ торговыхъ всякихъ чиновъ русскихъ людей противъ харковской таможи и тѣмъ зборомъ и откупомъ быть в ратуше по прежнему нашему царского величества указу и о томъ ему столнику и полковнику и старшинѣ и казакомъ дать нашу великого государя нашего царского величества сію милостивую жалованную грамоту. І будучи ему столнику и полковнику в томъ полку и полку ево всей старшинѣ и посполству которые нынѣ и впредь в томъ полку будутъ видя к себѣ нашу великого государя нашего царского величества премногую и превысокую милость и жалованье намъ великому государю нашему царскому величеству служили вѣрно и о всемъ чинили какъ в сей нашей царского величества жалованной грамотѣ писано выше сего и над неприятелскими людьми промыслы и поиски чинили со всякимъ усердствомъ и радѣніемъ і в полки и в города к боярамъ нашимъ и воеводамъ про неприятелские замыслы и приходы розвѣдавъ подлинно всякие вѣдомости чинили ж и во всемъ намъ великому государю нашему царскому величеству искали лутчево и службу свою совершали паче прежняго а служба ихъ у насъ великого государя у нашего царского величества забвенна не будетъ. Писанъ в нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта отъ создания мира 3311-го (7208 г.) а отъ Рождества Христова 1111-го (1700 г.) мѣсяца еевраля 11-го (28) дня государствованія нашего 11-го (18) году.

По указу великого государя в печатномъ приказе печатныхъ пошли д (4) рубли 11 (16) алтын д (4) де взято и в книгу записано марта вѣ... 1111-го (1700 г.) лѣта. Подписал того приказу дьякъ Петръ Швартовъ.

На оборотѣ:

Великіи государь царь і великіи князь Петръ Алексѣевичъ всеа великия і малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ

Подписалъ діакъ Ѳеодоръ Замятнинъ

Смотрилъ Аристаршко Кузминъ.

(Грамота на пергаментѣ; вокругъ текста орнаментальная рамка, писанная золотомъ, серебромъ и разноцвѣтными красками; переложена шелковой китайской камкой желтаго цвѣта. Къ грамотѣ прикрѣплена трехъугольная парчевая вырѣзка, а къ ней на золотыхъ шнурахъ привязана красная восковая печать. На одной сторонѣ печати изображеніе Георгія Побѣдоносца и надпись: „Божією милостію пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь и великій князь Петръ Алексѣевичъ“. На другой сторонѣ изображеніе двуглаваго орла и надпись: „всея великия и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель.“)

Грамота, подписанная царемъ Петромъ I, 8 мая 1711 года.

Божіею милостию мы Петръ Первый царь и самодержецъ всеросійскій и прочая и прочая и прочая объявляем сею нашею грамотою мултянские і воло-
ские земли государям гетманом и бояром и прочимъ земель тѣхъ благородной
шляхте і всѣмъ обывателем також и иныхъ христіанскихъ народов якоже гре-
ковъ сербовъ болгаровъ славянъ албанезов и прочихъ князьямъ воеводам и на-
чальником полковником шляхте воином і всякого чину людемъ мнимъ что уже
вашимъ милостямъ извѣстно какъ ис турецкой земли також и із нашихъ выдан-
ныхъ объявительныхъ грамотъ или манифестовъ что салтанъ турецкой Ахметъ яко
церкви христіанской православной і всего рода христіанского наслѣдственный
врагъ и гонитель недовольствуяе многими завоеванными христіанскими провин-
ціи и народы которые под его бусурманскимъ несноснымъ игомъ страждутъ (яко
сами ваши милости с прискорбиемъ тому свидѣтели) учиня союзъ съ еретикомъ
королемъ швецкимъ постановленной с нами от брата его салтана Мустафы тридѣ-
сятилѣтней миръ которой от него самого в прошломъ году клятвою пред Богомъ и
грамотою к намъ писанною подтвержденъ розорвавъ несправедливо без жадныхъ от насъ
данныхъ ему причины войну намъ не токмо объявилъ и посла нашего в Костянти-
нополе пребывающаго в темницу эдикулъ засадилъ но и дѣйствительно оную войну
чрезъ впадѣніе разбойниковъ татар і бунтовщиковъ нашихъ подданныхъ земли наши
началъ в такомъ намѣреніи дабы і достальное стадо Христова под иго свое приве-
сти и насъ яко единого ис православныхъ восточныхъ церкви исповѣданія монар-
ховъ оставшагося искорѣнить дабы православные христіане болѣе себѣ никакого
помощника и оборонителя не имѣли того ради мы призвавъ Бога на помощь и
уповая на правость свою и принявъ сие за званіе Божіе для освобожденія ис
под ига варварского христіанъ страдающихъ смотреніемъ его всевышшаго сочи-
ненное вознамѣрились со всѣми нашими войсками нѣ токмо для отпора неприятелю
наступающему но и наступательно на того самого вѣроломного христіанского имени
супостата и искорѣнителя воевать і для того войскомъ нашимъ в турецкую область
і провинціи несправедливо от христіанъ пред многими лѣты отторгнутыя вступили
і будемъ противъ оныхъ враговъ елико всевышшій поможетъ всѣми силами дѣй-
ствовать і понеже должно есть каждому доброму христіанину презрѣвъ страхъ
і трудности хотя б какіе ни были за церковь святую і православную христіан-
скую вѣру за отечество свое і за возвращение правъ і волностей своихъ и послѣд-
нюю каплю крови пролить того ради предлагаемъ и желаемъ от вышепомянутыхъ
христіанскихъ народовъ высокаго и низкаго чина яко единовѣрной нашей бра-
тиі дабы оныя в сие от Бога определенное время избавленія своего (которого
предки и отцы ихъ ожидали и не сподобились видѣть а ежели оное ныне про-
пустятъ то можетъ быть і потомки ихъ не возмогутъ такового вперед полу-

чити) при сем вступленіи войска нашего в границы турецкіе всѣ совокуплялисѣ і приходили к войскам нашим и совокупно на непріятеля креста Господня воевали за отечество за честь и за привращение древнихъ свобод и волностей своихъ и наслѣдниковъ вашихъ іс под ярма поганскаго а наипаче всего за освобожденіе церкви і вѣры святыя православныя от гоненія бусурманскаго и прочихъ гонителей в чем мы ім не токмо войски своими но и собственною нашею особою за стадо Христово оную всякому опасенію подлагая споборати всѣми силами подшимся і еще кто в сей святой войнѣ потрудитца тотъ первой от Бога получитъ воздаяніе и наслѣдникомъ будетъ царствія небеснаго а от насъ воспріиметъ милость и награжденіе притомъ же і то обѣщаемъ что на тѣ войска іхъ к намъ пришедшіе даны будутъ кому потребно оружіе и денги такожъ і в томъ христіанскимъ нашимъ царскимъ словомъ і обѣщаніемъ іхъ обнадѣживаемъ что ежели і всевышшій намъ да поможетъ вышепомянутые и іныя христіанскіе народы от ига бусурманскаго освободить то якоже мы в сей войнѣ никакого властолюбія и распространенія областей своихъ і какого либо обогащенія не желаемъ ібо и своихъ древнихъ і от непріятелей своихъ завоеванныхъ земель и городовъ и сокровищъ по Божіей милости предовольно імѣемъ но токмо по вышеобъявленному званію Божию за честь и славу імени Христова и ради освобожденія церкви святыя и христіанскихъ народовъ от неволи и порабощенія воевати намѣрены тако не будемъ от тѣхъ земель и народовъ себѣ никакой корысти и над оными самовластиа требовать но оставимъ каждую изъ нихъ страну подъ обыкновенными і прежними іхъ принцы и начальники а у которыхъ оныхъ за неволею турецкою не было позволимъ подъ нашею протекціею избрать себѣ начальниковъ отъ народа своего і возвратимъ и подтвердимъ ихъ права і привиліи древніе не желая себѣ отъ нихъ никакой прибыли но содержимъ ихъ яко подъ протекціею нашею волныя и союзныя народы и утвердимъ то имъ трактатами и грамотами нашими за собственною нашею рукою и государственною печатію в вѣчныя роды і потомство неподвижно і тако не сумнѣваемся в томъ отъ нихъ скорого по сему нашему желанію исполненія буде же б кто паче чаянія либо страха ради или суетной славы и богатства или лежкомыслія и неразсужденія или чего не чаемъ по склонности к невернымъ того учинитъ і к войскамъ нашимъ присоединится не похотѣлъ или инымъ образомъ въ сей войнѣ противъ непріятелей не помогалъ или і весьма предателски противъ нашего христіанскаго воинства оружіе поднять іли тайно или явно непріятелю помогать восхотѣлъ тѣ сами своему бѣдству и разоренію и послѣдней и конечной гибели и пораженія от меча нашего виновны будутъ к чему ж і отъ церкви святой яко враги христіанства проклятію предадутъ отъ чего нѣ токмо тѣломъ но и душою вѣчно погибнуть могутъ в чемъ всѣхъ христіан христіанскимъ сердцемъ прещерегаемъ і пребываемъ милостию и пріязнію нашею склонныи данъ въ Яворове мая въ 8 день 1711 году. *Петръ.*

Описаніе дома кн. Александра Даниловича Меншикова, въ С. Петербургѣ, 1732 года.

Его Превосходителству от фортификаціи Генералу Маэору Господину Барону фонъ Люберасу.

Покорнѣйшій репортъ

о покоях, сараях, конюшнях, кухнях и погребах, которые и сколько оных на Преображенском островѣ в домѣ бывшаго Меншикова имѣется, и сколько занято, и за чѣими печатми

а имянно

в каменном домѣ гдѣ он Меншиковъ жилъ

въ 1 апартаментѣ

1 конюшня в ней 42 стойла в ней стоят кирасирскіе лошади.

1 сарай на карѣты. 2 ледника. 1 палата шорная.

3 палаты, в которых конюхи и сапожники жили, с 1 сенми.

1 палата, за печатью Данилы Матвѣева ученика городской канцеляріи.

1 большая палата, в которой квас за печатью маэора Колударова и кислые шти дѣлають.

Сѣни с чуланомъ.

1 большая палата, в ней караул за печатью Данилы Матвѣева стоял.

1 палата, в ней очагъ с котлом. 1 палата, в ней печь от воды сломана.

4 погреба фряцкіе за печатью маэора Колударова.

1 погреб винный, в нем 10 палатъ. Из сих заняты 4 палаты от маэора Колударова, а от садовника Эга 6.

Пред погребом сѣни с лѣсницею. Еще сѣни. 2 погреба под овощные сѣни.

5 палатъ, в них жили повары и хлебники.

В линейной к саду малому на рѣку.

Сѣни с чуланомъ.

1 палата, гдѣ писарь жил, съ чуланом.

1 палата хлебная и портомойня в ней 6 печей.

1 палата хлебная с чуланом. 1 палата хлебная ж с чуланомъ.

1 палата гдѣ гребцы жили.

2 погреба болшіе под палатами, гдѣ нынѣ церков имѣется. За замком Струнина.

1 погреб. 1 конюшня на 8 лошадей. 1 конюшня на 4 лошади.

1 сарай с двумя двѣрми за печатью маэора Колударова.

От первых воротъ до Варварина двора всѣ анбары за печатью провіантской Канцеляріи.

1 пивоварня за Струниной печатью.

1 кухня вчернѣ гонтом накрыта, еще недостроена.

Деревянные строенія.

1 баня с передбанником и с чуланом.

1 кузница за печатью артилерійскаго офицѣра.

1 свѣтлица с каморкою в ней салдаты караулные живут, 5 человѣкъ от анбаров провіантских, да 3 слесаря от фейерверка.

1 сарай, в нем уголья за печатью артилернаго офицера.

За каналом.

2 свѣтлицы с двумя сѣнами в них живут каменщики от команды полковника Трезіна и караулные салдаты гарнизонные, команды капитана Княжнина, из дворцовой канцеляріи у пожитков Меншиковых.

На берегу болшой Невы рѣки у перевозу.

2 свѣтлицы да 1 сѣни отданы для питейной продажи от городской канцеляріи из найму.

Въ 2 апартamentѣ.

3 казенные с рѣшетками за печатью дворцоваго канцеляриста Филипа Іванова сына Себелева.

2 сѣни во оных ходъ в погреб.

2 кладовые
4 палаты жилые } за печатью дворцоваго канцеляриста.

Сѣни загороженные за печатью ученика от строенія канцеляріи.

2 столярни.

1 покой за печатью ученика от городской канцеляріи.

Сѣни с чуланом и очагом.

1 палата. 2 палаты малые во оных кухмейстер.

1 палата во оной Михайла Машаров.

1 болшой сарай над конюшнею занять сѣномъ кирассирским.

2 сарая поменше над конюшнею ж заняты сѣном и соломой от кирассирских.

1 сарай болшой перегородженной над погребами в нем положен овесъ кадетскаго корпуса.

4 покоя в них живу я. 1 баня.

2 анбара в них положены всякіе припасы кадетскаго корпуса.

1 поварня в ней кушеніе моим домашним варять.

При ней

1 палата вмѣсто черной избы в ней мои люди живутъ.

1 поварня болшая в ней будутъ кушеніе на кадетов варить.

При ней

1 покой, в котором 1 хлѣбная да 1 пирожная печи. В оном живут минеры.

1 покой без печи за печатью кирассирскаго офицѣра.

Болшіе сѣни.

1 палата в ней караулъ от пожитков княжих, 32 с 1 капралом да 1 караульным офицѣром.

2 палаты за печатью дворца бывшей коммисіи и князя Меншикова.

А сколько подлинно, вѣдать нельзя, понеже за печатми.

К каналу под церковью.

4 палаты напротив оных 4 ж палаты.

В линей к саду на рѣку.

1 поварня с очагом и печью.

1 палата за печатью камор коллегіи сержанта Курбатова.

1 палата болшая в ней кирассирскіе живут.

1 палата перегорожена—оружіе кирассирское.

К каналу.

От церкви до первых ворот.

1 покой съ 1 печью и 1 комельком.

1 покой пустой. 1 покой с 1 комелком.

1 покой с 1 печью, без окончинъ. В нем часы церковные.

Сѣни болшіе.

От первых воротъ до Варвариных палатъ всѣ анбары за печатью провіантской канцеляріи а имянно.

Нум: 8 да 9 . . . . 5 сараев о 2 жильях.

Нум: 7 . . . . . 2 сарая о 1 жильѣ.

Нум: 6 . . . . . 3 сарая о 2 жильях.

Нум: 5 . . . . . 3 сарая о 2 жильях.

Нум: 4 . . . . . 3 сарая о 2 жильях.

Въ 3 апартаментѣ.

От болшаго сала к бывшей церкви.

С крыльца сѣни в покои во оных 1 канторка с комелком гдѣ походная канцелярія была.

1 плитковая палата. 1 орѣховая.

1 спальня княжая плитками убрана.

1 прихожая пред спальнею.

1 передняя пред плитковою и спальною.

1 кабинетъ из прихожей. 1 покой Варваринъ.

1 спальня Варварина плитками убрана.

По другую сторону Варвариной спальни.

1 палата плитками убрана. 1 кухня плитками убрана.

При кухнѣ сѣни на галерію и лѣсница вверхъ.

4 дѣтскіе покои плитками убраны. 1 дѣтская палата без плиток выбѣлена.

Сѣнцы в салъ и длинной переход в дѣтскіе ж покои.

1 салъ за печатью дворцоваго канцеляриста Филипа Іванова сына Себелева.

2 дѣтскіе покоя. 1 покой дѣтскій за печатью онаго ж.

Из помянутых сѣнецъ дѣтскіе ж покои.

1 прихожая палата выбѣлена. 2 плитковые. 3 выбѣленные покои.

От конюшни крыльцо в дѣтскіе покои.

Сѣни. 1 палата пред салом дѣтским за печатью Колударова.

1 покой прихожей из сѣней. 3 палаты.

С правой стороны болшаго сала.

1 передняя. 1 малая палата при передней с чуланом. 1 палата. 1 палата.

1 палата, из оной на болшую галерію к рекѣ ходять. 1 боковая из оной ходять в . . . . 1 болшой салъ.

Из боковой.

1 палата	}	в них живутъ от кадетскаго корпуса капитанъ господинъ Дебодинъ, да поручикъ господинъ фонъ Бонъ.
1 палата от мыльнаго крыльца		
1 спальня		

1 казенная Варвариной бабушки	}	в них лежитъ оружіе кадетскаго корпуса и мундир.
1 болшая казенная		

1 казенная поменьше за печатью Филипа Себелева дворцоваго канцеляриста.

У мыльнаго крыльца.

2 палаты. 1 мыльня. 1 палата перед нею. 1 такая ж. Сѣни. 1 палата бѣлая.

1 палата с каморкою. 1 палата с каморкою ж.

Из сѣней 1 палата. Другіе сѣни. 1 палата. Сѣни. Другіе сѣни.

4 палаты с каморками. 2 палаты без каморокъ. Сѣни с комелком.

1 палата с каморкою. 2 палаты за замком Струнина.

Гдѣ нынѣ церков.

1 салъ. 2 палаты.

Напротив оных 4 палаты 1 кухня с печью и очагом.

1 покой за печатью дворцовой канцеляріи.

9 покоев пустых которые нестроены.

Въ 4 апартаментѣ.

Под башнею 3 палаты.

От болшого сала малые сѣни.

2 палаты нестроенные гдѣ убор лошадины висѣлъ. Сѣни перегороженные.

1 палата в ней портные мундир кадетской дѣлають.

Сѣни в них лѣстница въ верхъ.

1 покой с комелком	}	в них живутъ кадеты с унтер офицѣрами сержантомъ Нідерштетером и фуріеромъ Матвѣемъ Алексѣевымъ.
1 покой с печью		

4 покоя.

К церквѣ сѣни, лѣсница вниз, да 1 чулан. 5 покоев. Сѣни с чуланом. 2 покоя за печатью дворцоваго канцеляриста.

Сѣни с чуланомъ. 3 покоя за печатью того ж канцеляриста.

Сѣни проходные, лѣсница вверхъ с чуланом. 1 покой за тою ж печатью.

Сѣни проходные в них чулан. 1 покой за тою ж печатью.

Сѣни. 1 покой без печи. 1 покой за тою ж печатью.

К тому двору принадлежат еще конюшня и сарай каменные между коллегіями и садомъ Меншиковым недостроенные да старой деревянной дворъ о четырех покаях в нем живут каменщики.

1 скотный двор близ чухонской деревни.

Варвары Арсеновой палаты отданы на аптеку.

Садъ отданъ в вѣдомство інтендента Кормидона.

Дворъ деревянной в нем дѣлает подполковникъ Фуксъ фейерверкъ.

Чухонская деревня.

Мартынъ Шваншицъ.

Марта 24 дня

1732 году.

Счетъ графу Пл. Ал. Зубову на искусственный носъ.

Щетъ

его свѣтлости и разныхъ орденовъ кавалеру Платону Александровичу Зубову.

По приказанію вашей свѣтлости зделанъ мною находящемуся при свите персидскаго хана чиновнику искусственной носъ изъ серебра въ нутри вызолоченой съ пружиной биндажемъ, съ наружи подъ натуру крашеной . . . . 200 ру.

Но какъ одинъ искусственной носъ, нося безъ переменно подверженъ всякому непредвидимому случаю быть поврежденному, того для персидской ханъ просить зделать другой съ принадлежащими къ оному потребностями, какъ то штампъ изъ котораго выколачивается носъ, тафты приправленной гуміями и красочки дабы онъ могъ и будучи въ своемъ отечествѣ удобно во время надобности ихъ дѣлать.

Другой носъ	100 ру.
Два штампа медныхъ для выколачиванія носа	100 ру.
5 аршинъ тафты приправленной гуміями	50 ру.
Итого	450

Императорской академіи художествъ механикъ и титулярной совѣтникъ Осипъ Шишоринъ.

О театральныхъ издержкахъ въ С. Петербургѣ, 1796 года.

Выписка изъ документовъ театральной дирекціи, о денежныхъ издержкахъ, кои произошли для прибытія въ Санктпетербургъ знаменитыхъ путешественниковъ графа Гаги и графа Вазы, по 22-е число сентября 1796-го года.

Для оперъ, Ивана Царевича, Олѣга, Италіанской серіозной Пальмиры, Буффъ, Похищенная крестьянка, Мѣльничиха; Французскихъ: трагедіи Магометъ; комедіе въ Баярдъ, Охота Гендриха Четвертаго, и Три султанши. Да балѣтовъ большихъ: Медея и Язонъ, Пирамъ и Тизбѣ, Прекрасная Арсена, Александръ Компасъ и Армиды съ другими разными Спектакелями.

На покупку шелковыхъ матеріевъ, флеру, шелковыхъ чулокъ, атласныхъ и сафьяныхъ туфель, лентъ и другихъ потребныхъ вѣщей . . . . . 12464 руб. 96³/₄ ко.

За разныя мишурныя матеріи, гасъ, канитель и бахраму 1105 „ 42¹/₂. „

Вольнымъ портнымъ, кои наняты были для шитья новаго и переправки стараго платья . . . . . 576 „ 37¹/₂. „

За чищеніе и крашеніе шелковыхъ матеріевъ, плюмажей, на сдѣланіе головныхъ уборовъ, цвѣтовъ, гирляндъ и исправленіе бутафорскихъ вѣщей въ театрахъ . . . . . 2191 „ 49¹/₂. „

Итого шеснатцать тысячъ триста тритцать восемь рублей дватцать шесть копѣекъ съ четвертью. . . . . 16338 „ 26¹/₄. „

2 октября 1796 Князь Николай Юсуповъ.

Письмо М. Каченовскаго С. С. Уварову, письмо Уварова Каченовскому, 1814 г., и письмо гр. Разумовскаго С. С. Уварову, 1815 года.

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь!

Осмѣливаюсь утруждать ваше Превосходительство моею всепокорнѣйшею прозъбою.

По газетнымъ часто повторяемымъ объявленіямъ видно, что съ начала 1815 года выходитъ будетъ новое ежемѣсячное изданіе *Духъ Журналовъ*. Неизвѣстные господа Редакторы удостовѣряютъ публику, что они постараются наполнять книжки своего изданія статьями, которыя находятъ будутъ въ другихъ журналахъ. Я не знаю, простираются ли намѣренія Господъ Редакторовъ и на Вѣстникъ Европы, который съ 1815 года Типографіею Московскаго Университета будетъ издаваться подъ моимъ распоряженіемъ; однакожъ не почитаю излишнимъ предварительно вашему Превосходительству донести, что я отнюдь не желаю, чтобы *цѣлыя* статьи изъ Вѣстника Европы были перепечатываемы въ *Духъ Журналовъ*. Хотя на подобные случаи нѣтъ особенныхъ постановленій, но суще-

ствують узаконенія общія, коими запрещается присвоивать себѣ чужую собствен-
ность. Я всепокорнѣйше прошу ваше Превосходительство сіе мое нежеланіе до-
вести до свѣдѣнія С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета при начальническомъ
вашемъ предписаніи о недозволеніи Господамъ Редакторамъ *Духа Журналовъ*
располагать статьями *Вѣстника Европы*.

Имѣю честь быть съ отличнѣйшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію
Его Превосходит. С. С.

Уварову.
Декабря 28 дня
1814 года.

Милостивый Государь
вашего Превосходительства
всепокорнѣйшимъ слугою
Михаилъ Каченовскій.

Москва.

Г. Каченовскому Профессору Им. Моск. Университета.

Милостивый Государь мой Михайло Трофимовичъ!

По письму вашему отъ 28 Декабря истекшаго 1814 года о непечата-
ваніи въ періодическомъ сочиненіи *Духъ Журналовъ* цѣлыхъ статей изъ изда-
ваемаго подъ распоряженіемъ вашимъ *Вѣстника Европы*, и вмѣстѣ по подоб-
ной же просьбѣ отъ Издателя Сына Отечества, входилъ я съ представленіемъ къ
Г. Министру Нар. Просв., который отвѣтилъ мнѣ, что „онъ находитъ справед-
„ливымъ, чтобы въ Духѣ журналовъ не были помѣщаемы статьи изъ Вѣстника
„Европы и Сына Отечества, согласно требованіямъ издателей сихъ журналовъ“.
Я давъ надлежащее предписаніе С. П. Б. Ценз. Комитету, считаю для себя удо-
вольствіемъ извѣстить васъ, что ходъ дѣла соотвѣтствовалъ вашему желанію.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть

Мил. Государь мой!

вашимъ покорнымъ слугою

25 Генв. 1814.

С. Уваровъ.

Милостивый Государь мой Сергѣй Семеновичъ!

По отношенію Вашего Превосходительства № 7, находя справедливымъ,
чтобы въ періодическомъ сочиненіи: *Духъ журналовъ* не были помѣщаемы
статьи изъ Вѣстника Европы и Сына Отечества, согласно требованію издателей
сихъ журналовъ, предоставляю вамъ объявить о томъ издателямъ помянутаго со-
чиненія чрезъ Цензурный Комитетъ, который впрочемъ, по Уставу о Цензурѣ,
не обязанъ наблюдать, чтобы не перепечатывались таковыя статьи, коихъ сочи-
нители, въ случаѣ нарушенія сего правила, должны искать удовлетворенія въ
Гражданскихъ судахъ.

№ 64.

Генваря 12-го 1815.

Его Пре-ву С. С. Уварову.

Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства

Покорнымъ слугою

Г: Алексѣй Разумовскій.

Прошеніе Н. И. Греча на имя импер. Александра I, 1815 года.

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій Государь Императоръ Александръ Павловичъ, Самодержецъ всероссійскій, Государь всемилостивѣйшій.

Просить Секретарь Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета Титулярный Совѣтникъ и Кавалеръ Николай Ивановъ сынъ Гречъ о нижеслѣдующемъ:

Въ службу вашего Императорскаго величества вступилъ я въ Юнкерскую школу (что была потомъ Юнкерскимъ Институтомъ) 1801 года Мая 20 дня, произведенъ въ Коллегіи Юнкеры 1804 Ноября 17, уволенъ изъ Института съ аттестатомъ объ окончаніи преподаваемыхъ въ ономъ наукъ 1804 Декабря 23 дня; опредѣленъ въ Санктпетербургскій Цензурный Комитетъ въ число канцелярскихъ служителей 1806 Юня 26, въ настоящій чинъ по Высочайшему повелѣнію произведенъ 1806 Декабря 31; вступилъ въ должность старшаго Учителя Россійскаго языка въ главномъ Нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра 1809 Апрѣля 25; всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Князя Владиміра 4-й степени 1811 Юля 7; опредѣленъ Смотрителемъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ въ Санктпетербургѣ 1811 Декабря 24; опредѣленъ Секретаремъ Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета 1813 Апрѣля 1; уволенъ отъ должности учителя въ Главномъ Нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра 1813 Апрѣля 5; уволенъ отъ должности Смотрителя Санктпетербургскихъ училищъ и опредѣленъ Старшимъ Учителемъ Россійской Словесности въ Санктпетербургской Губернской Гимназіи 1814 Января; нынѣ же не въ состояніи будучи продолжать, по слабому здоровью своему, службы въ двухъ мѣстахъ всеподданнѣйше прошу, дабы высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе куда слѣдуетъ принять, и меня вышепомянутаго уволить отъ должности Секретаря Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета съ надлежащимъ аттестатомъ.

Всемилоствѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Октября дня 1815 года. Къ поданію надлежитъ въ Санктпетербургскій Цензурный Комитетъ. Сіе прошеніе сочинилъ, переписалъ и руку къ оному приложилъ я же Титулярный Совѣтникъ и Кавалеръ Николай Ивановъ сынъ Гречъ.

Аттестатъ.

Объявитель сего Титулярный Совѣтникъ Николай Гречъ, обучавшійся въ Юнкерскомъ Институтѣ, 1804 года Ноября 17-го дня произведенъ въ Коллегіи Юнкеры, а въ Декабрѣ мѣсяцѣ того жъ года уволенъ изъ онаго Института; 1806-го года Юня 26-го дня опредѣленъ въ С. Петербургскій Цензурный Комитетъ къ письменнымъ дѣламъ, и въ семъ же году по высочайшему повелѣнію, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, пожалованъ въ настоящій чинъ; сверхъ службы при Комитетѣ, находился съ 1809-го по 18-й годъ Учителемъ Россійскаго языка въ С. Петер-

бургскомъ Главномъ Нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра; 1811-го года Іюля 7-го дня всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Владимира 4-й степени; того жъ года Декабря 24-го дня опредѣленъ Смотрителемъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ въ С. Петербургѣ; 1813-го года Марта 30-го дня опредѣленъ въ Секретари С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета; а 1814-го года Генваря 9-го дня, по увольненіи отъ смотрительской должности училищъ, опредѣленъ въ Старшіе Учители Россійской словесности въ С. Петербургской Губернской Гимназіи. Въ продолженіе службы при Цензурномъ Комитетѣ, исправлялъ должность свою съ отличными раченіемъ и ревностію, при похвальномъ и приличномъ поведеніи. Нынѣ же по прошенію его, отъ Секретарской должности помянутаго Комитета, уволенъ. Въ засвидѣтельствованіе чего и данъ ему сей за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ герба моего печати. С. Петербургъ. Ноября 4 дня 1815 года.

Его Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго Госу- (Красная
даря моего Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Попечитель сургучная
С. П. бургскаго учебнаго округа *Сергій Уваровъ*. печать.)

Очеркъ дѣятельности великаго князя Константина Николаевича по морскому вѣдомству.

Краткій очеркъ

дѣйствій Великаго Князя Константина Николаевича по Морскому Вѣдомству со
времени вступленія въ управленіе онымъ по Январь 1858 г.

Великій Князь Генераль-Адмиралъ былъ приготовленъ къ управленію Морскимъ вѣдомствомъ близкимъ знакомствомъ съ флотомъ, которое онъ приобрѣлъ ежегодными морскими кампаніями, повторявшимися съ самаго ранняго возраста и трехлѣтними постоянными работами въ Комитетѣ, который составлялъ Морской Уставъ. Во время ежегоднаго плаванія то въ Финскомъ заливѣ, то въ моряхъ болѣе отдаленныхъ, Онъ ознакомился не только собственно съ морскою военною службою, но изъ ежедневныхъ разговоровъ съ офицерами узнавалъ также требованія флота отъ Морскаго Министерства и вообще отъ береговыхъ учреждений Морскаго вѣдомства; узнавалъ неудовольствія флота на сіи послѣднія; слышалъ упреки морскихъ офицеровъ береговымъ администраторамъ и привыкъ смотрѣть на флотъ, т. е. на военные суда, какъ на цѣль Морскаго вѣдомства, а на Морское Министерство и на разныя береговыя управленія какъ на учрежденія второстепенныя, которыя существуютъ *для флота*, а *не* флотъ для нихъ существуетъ. Это убѣжденіе Генераль-Адмиралъ перенесъ потомъ въ управленіе Министерствомъ и оно объясняетъ множество Его распоряженій.

Во время составленія Морскаго устава Генераль-Адмиралъ познакомился съ

большимъ числомъ личностей и узналъ на опытѣ всю трудность начертанія законовъ основательныхъ, которые удовлетворяли бы дѣйствительнымъ потребностямъ тѣхъ, для кого они пишутся и разрѣшали бы впередъ могущіе встрѣтиться вопросы и недоумѣнія. Проекты Морскаго Устава, составленные адмиралами и капитанами весьма образованными и опытными, были сообщаемы Генералъ-Адмираломъ на весь флотъ для разсмотрѣнія. Замѣчанія на нихъ получались въ числѣ многихъ тысячъ и эти замѣчанія весьма часто заставляли совершенно измѣнять предполагавшіяся постановленія; споры и разсужденія въ засѣданіяхъ Комитета еще болѣе разъясняли предметъ и Генералъ-Адмиралъ видѣлъ, что дабы законъ былъ хорошъ, необходимо подвергнуть предварительно проектъ онаго многостороннему обсужденію; что необходимо для законодательныхъ работъ создать такъ сказать *искусственную гласность* и усиленно вызывать полемику и борьбу разныхъ мнѣній всего сословія, для котораго законъ пишется, не довольствуясь преніями въ тѣсномъ кругѣ членовъ Комитета. Весь флотъ былъ призванъ къ участию въ составленіи Морскаго Устава; весь флотъ три года до утвержденія онаго разсуждалъ о немъ, критиковалъ разныя мысли своихъ сочленовъ, составилъ себѣ ясныя понятія и усвоилъ разныя убѣжденія. Образовалось по этому предмету *общественное мнѣніе* во флотѣ, и когда появился Морской Уставъ, то оказалось, что онъ есть только *выраженіе* или изложеніе этого *общественнаго мнѣнія*. Вотъ въ чемъ заключается главное достоинство этого законодательнаго труда. Такой порядокъ имѣлъ еще ту большую выгоду, что критиковался *не* законъ утвержденный Верховною властью, какъ часто бываетъ въ другихъ случаяхъ, но проектъ составленный частными лицами, а что законъ удостоенный Высочайшаго утвержденія былъ принятъ съ благодарностью и уваженіемъ. Въ то время когда происходили письменныя и словесныя разсужденія и пренія Генералъ-Адмиралъ имѣлъ случай замѣтить много способныхъ офицеровъ, которые отличались свѣтлымъ взглядомъ на дѣло, страстью къ своему ремеслу и такое знакомство съ личностями дополнило тѣ свѣдѣнія, которыя онъ пріобрѣлъ во время ежегодныхъ морскихъ кампаній.

Вступивъ въ управленіе всѣмъ Морскимъ вѣдомствомъ съ этимъ запасомъ свѣдѣній, Генералъ-Адмиралъ увидѣлъ, что Ему предстоитъ изучить другую часть этого вѣдомства, а именно береговыя портовые управленія и особенно Министерство, которое почитало себя издавно не сотрудникомъ, а начальникомъ флота, учрежденіемъ какъ бы высшимъ, которому подобаетъ приказывать, а флоту слѣдуетъ исполнять эти приказанія.

Въ первый годъ Своего управленія Генералъ-Адмиралъ не сдѣлалъ въ Министерствѣ никакихъ перемѣнъ и только присматривался къ заведенному порядку вещей, слѣдовалъ этому порядку въ точности и старался узнавать личности и дѣла. Вскорѣ Онъ пришелъ къ убѣжденію, что дабы основательно узнать состо-

яніе разныхъ частей управленія недостаточно читать подлинныя дѣла и выслушивать доклады, но что необходимы другія мѣры и что найденныя Имъ большею частью престарѣлыя личности не могутъ и не захотятъ оказать Ему дѣятельную помощь въ изученіи порядка управленія и особенно при введеніи тѣхъ улучшеній, которыя окажутся необходимыми.

Вслѣдствіе этого Онъ сталъ искать людей въ другихъ вѣдомствахъ, которые уже составили себѣ тамъ извѣстность своими способностями и благонамѣренностью, выбралъ также нѣсколько личностей въ самомъ Морскомъ Министерствѣ и приступилъ къ цѣлому ряду ревизій и изслѣдованій подвѣдомственныхъ Ему управленій. *Перемѣны личностей и ревизіи* имѣли слѣдствіемъ *раскрытіе* цѣлаго ряда *несовершенствъ*, неустройствъ, безпорядковъ и отчасти злоупотребленій въ разныхъ частяхъ управленія и вызвали цѣлый *рядъ мѣръ для необходимыхъ улучшеній*, а наконецъ привели къ необходимости *полнаго органическаго преобразованія всего управленія*. Въ то же время военныя событія и переворотъ совершившійся во флотахъ всѣхъ націй введеніемъ винтоваго двигателя требовали отъ Морскаго вѣдомства необыкновенныхъ усилій, а по заключеніи мира привели высшее Морское начальство къ необходимости *создавать флотъ* вовсе новый, ибо прежній парусный флотъ: Черноморскій—погибъ защищая Севастополь, а Балтійскій—силою вещей обратился въ рядъ блокшифовъ, которые оставалось разобрать на дрова. Одновременно съ *созданіемъ* новыхъ *кораблей* предстояло *готовить и офицеровъ, капитановъ, машинистовъ, матросовъ*,—и въ грустный для моряковъ моментъ исчезанія прежняго флота и весьма медленнаго возрожденія флота новаго слѣдовало ободрять ихъ къ полезной дѣятельности, поддерживать въ нихъ любовь къ морской службѣ, возбуждать энтузіазмъ, безъ котораго всякое дѣло не имѣетъ настоящей жизни и значенія. Изъ этого видно, что задача предстоявшая Генераль-Адмиралу была не легкая, и что дѣятельность Его распадается на двѣ главныя части: 1, по Морскому Министерству и 2, собственно по флоту. Какъ въ той, такъ и въ другой надлежало *бороться съ разными предразсудками*, предубѣжденіями и сверхъ того съ *затрудненіями финансовыми*.

І. Распоряженія по Министерству.

Выше уже было сказано, что распоряженія сіи касались: а., избранія новыхъ дѣятелей, б., изученія существующаго порядка, в., введенія разныхъ улучшеній и г., составленія проекта полнаго преобразованія.

а., избраніе новыхъ дѣятелей.

Генераль-Адмиралъ, одушевленный пламеннымъ желаніемъ улучшеній и одаренный энергіею и дѣятельностью, вскорѣ увидѣлъ, что весьма многіе сотрудники, которыхъ Онъ засталъ въ Министерствѣ не соотвѣтствуютъ Его требованіямъ. Старость, ослабѣвшія физическія силы, привычка къ прежней системѣ, въ которой

они провели большое число лѣтъ, содѣлывали многихъ неспособными исполнять Его требованія. Но Онъ также замѣтилъ, что назначеніемъ двухъ или трехъ новыхъ дѣятелей цѣль не будетъ достигнута, ибо эти лица не въ состояніи будутъ бороться съ цѣлымъ рядомъ представителей прежняго направленія и что дабы достигнуть полезныхъ результатовъ и оживить все управленіе новымъ духомъ, придать ему новую жизнь, необходимо ввести большое число новыхъ людей, которые понимали бы одинъ другаго и помогали другъ другу. Слѣдствіемъ этой системы было послѣдовательно назначеніе изъ другихъ вѣдомствъ нѣсколькихъ новыхъ Директоровъ, чиновниковъ особыхъ порученій, членовъ Общихъ Присутствій и пр. *) Сверхъ того Великій Князь искалъ въ самомъ Морскомъ вѣдомствѣ способныхъ лицъ, которые понимали бы Его виды и намѣренія и были бы готовы помогать Ему. Подобныя лица получили также различныя назначенія. **)

Слѣдствія подобнаго измѣненія личнаго состава оказались въ скоромъ времени. Мѣсто прежняго застоя—заступила кипучая дѣятельность; вмѣсто системы скрывать всѣ правительственныя дѣйствія—явилась полезная гласность. Стремленіе къ улучшеніямъ, къ искорененію безпорядковъ и къ упрощенію дѣлопроизводства доказало вскорѣ, что новые частные начальники были оживлены тѣмъ же духомъ какъ и главный начальникъ ихъ. Они принялись за работу дружно и добросовѣстно и если случались, ошибки, то онѣ происходили не отъ злонамѣренности, а единственно отъ неопытности и вообще отъ несовершенства природы человѣческой. Конечно случалось, что и высшій начальникъ ошибался въ выборѣ подчиненныхъ лицъ, но случаи эти были только исключеніями, а вообще система оказалась вѣрна и оправдалось изреченіе, что для новаго вина нужны мѣхи новые.

б., изученіе существующаго порядка.

Съ назначеніемъ новыхъ дѣятелей изученіе прежняго порядка пошло уже весьма успѣшно. Главнымъ средствомъ къ тому, кромѣ собственныхъ усилій

---

*) Къ этимъ лицамъ принадлежитъ: Князь Оболенскій, Графъ Толстой, Князь Голицынъ, Князь Львовъ, Д. С. С. Рейтернъ, Розенбергеръ, Набоковъ, Мансуровъ, Барановскій, Глѣбовъ, Варрандъ, Генераль-Маіоръ Роде и весьма многіе другіе, которыхъ уже эти лица вслѣдъ за собою ввели въ Министерство на второстепенныя должности и которые составили второй рядъ дѣятелей.

**) Такъ напримѣръ: Вице-Адмиралъ Мѣтлинъ, извѣстный своими способностями по хозяйственной части, былъ назначенъ Управляющимъ Морскимъ Министерствомъ. Великій Князь давно желалъ имѣть его по дѣламъ хозяйственнымъ и просилъ Князя Меншикова о назначеніи его сначала Директоромъ Кораблестроительнаго Департамента, а потомъ Генераль-Интендантомъ, но Князь Меншиковъ отказывалъ, ибо въ то время адмиралъ Мѣтлинъ былъ нуженъ въ Черномъ морѣ. Контръ-Адмиралъ Краббе, извѣстный своею дѣятельностью, добросовѣстностью и знаніемъ требованій Великаго Князя по инспекторской части, былъ назначенъ Директоромъ Инспекторскаго Департамента; извѣстный Гидрографическими работами В. А. Рейнеке—Директоромъ Гидрографическаго Департамента; Ген. Маіоръ Терентьевъ Артиллерійскаго Департамента; Д. С. С. Гауровицъ—Генераль-Штабъ-Докторомъ и многіе другіе, которые замѣнили прежнихъ престарѣлыхъ начальниковъ. Сверхъ того для исполненія особыхъ важныхъ порученій Великій Князь употреблялъ Кап. 1-го р. Шестакова и Лисянскаго и Кол. Сов. Путилова.

каждаго отдѣльнаго начальника, послужили разныя ревизіи. Такъ напримѣръ: Статсъ Секретарь Камовскій обревизовалъ два раза Коммисаріатскій Департаментъ, одинъ разъ Канцелярію, Департаментъ Артиллерійскій и Кораблестроительный, Графъ Толстой ревизовалъ Инспекторскій Департаментъ, Дѣйствительный Статскій совѣтникъ Рейтернъ—Строительный Департаментъ и мѣстныя учрежденія морской строительной части въ Архангельскѣ и Астрахани. Цѣлая Коммисія отъ Государственнаго Контроля нарочно назначенная по просьбѣ Великаго Князя обревизовала весьма строго всѣ хозяйственные Департаменты Морскаго Министерства, весьма часто повторялись внезапныя свидѣтельства суммъ; цѣлая Коммисія въ продолженіе трехъ лѣтъ произвела подробное изслѣдованіе смѣтъ всего Морскаго Министерства; Коллежскій Совѣтникъ Князь Львовъ произвелъ подробное изслѣдованіе жилищъ нижнихъ чиновъ и всего быта кантонистовъ; Коммисіи отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и отъ Главнаго Управленія Военно-учебными заведеніями произвели подробныя ревизіи морскихъ учебныхъ заведеній. Статскій Совѣтникъ Мансуровъ произвелъ подробное историческое и статистическое изслѣдованіе Охтенскихъ Адмиралтейскихъ селеній, и обревизовалъ Кораблестроительный Департаментъ. Всѣ эти ревизіи и изслѣдованія принесли большую пользу, раскрывъ множество несовершенствъ и безпорядковъ, изъ коихъ нѣкоторыя были слѣдствіемъ несовершенства законовъ, а причиною другихъ были исполнители законовъ. Отчеты по большей части этихъ работъ были напечатаны или налитографированы и получили собственно въ морскомъ вѣдомствѣ и между высшими лицами государственнаго управленія нѣкоторую гласность. Вслѣдствіе ихъ приняты были разныя мѣры и сдѣланъ цѣлый рядъ разныхъ распоряженій.

Сверхъ того, чтобъ облегчить знаніе разныхъ частей управленія, приняты были разныя другія мѣры, такъ напримѣръ: приступлено къ печатанію описей дѣлъ хранящихся въ архивахъ, на которые Генераль-Адмиралъ смотрѣлъ какъ бы на бібліотеки книгъ не печатныхъ, а писанныхъ, и которыя должны имѣть свои печатные каталоги, доступные всѣмъ чинамъ Министерства; печатались въ Морскомъ Сборникѣ разныя свѣдѣнія, напр., описаніе заводовъ, адмиралтействъ и т. п.; списки по старшинству морскихъ чиновъ, которые почитались прежде большою тайною (и вслѣдствіе этого служили средствомъ къ разнымъ злоупотребленіямъ), получили полную гласность и были обращены въ продажу. Всѣ эти мѣры, все это раскрытіе того, что долго хранилось подъ спудомъ, многимъ весьма не нравилось и возбуждало разные толки и порицанія, но Генераль-Адмиралъ шелъ твердо къ своей цѣли и былъ ободряемъ благосклонностью Государя. Сверхъ того Ему много помогло вышеуказанное обстоятельство, что перемѣнивъ систему онъ почти одновременно перемѣнилъ всѣхъ главныхъ сотрудниковъ и что новые помощники Его были лица связанные между собою взаимнымъ довѣріемъ и уваженіемъ.

в., введеніе разныхъ улучшеній.

Слѣдствіемъ ближайшаго изученія управленія и дѣлопроизводства въ Морскомъ вѣдомствѣ было раскрытіе разныхъ неустройствъ и безпорядковъ, для устраненія коихъ приняты были Генераль-Адмираломъ разныя мѣры.

Главныя несовершенства въ устройствѣ управленія Морскимъ вѣдомствомъ, въ которыхъ Генераль-Адмиралъ убѣдился, были слѣдующія:

1., Въ Морскомъ вѣдомствѣ находились управленія постороннія, которыя по свойству своему должны бы состоять въ вѣдѣніи другихъ Министерствъ и которыя только затрудняли и обременяли Морское начальство, напр. Управление корабельными лѣсами, для котораго существовалъ въ Морскомъ Министерствѣ особый Департаментъ, тогда какъ многіе изъ этихъ лѣсовъ заключались въ разныхъ участкахъ среди казенныхъ дачъ, которыя имѣли свое управленіе въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, гдѣ существовалъ также Лѣсной Департаментъ. Сверхъ того Морское Министерство распоряжалось строеніемъ и ремонтомъ приморскихъ крѣпостей, тогда какъ это есть прямое дѣло сухопутнаго инженернаго вѣдомства. Морское Министерство управляло Охтенскими селеніями, которыя прямо подлежали вѣдѣнію или Министерства Государственныхъ Имуществъ какъ селенія, или Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, если считать ихъ подгородными частями Петербурга. Къ числу учреждений, которыя не должны бы принадлежать Морскому вѣдомству, относились также особые морскія арестантскія роты.

2., Кромѣ этихъ управленій совершенно постороннихъ существовало въ Министерствѣ для дѣлъ собственно морскихъ много совершенно лишнихъ учреждений, которыя стоили казнѣ дорого, а пользы или вовсе не приносили, или приносили вредъ какъ совершенно лишнія инстанціи, которыя только замедляли правильное и скорое теченіе дѣлъ. Къ этимъ учрежденіямъ относились: должность Генераль-Интенданта, который въ послѣднее время не имѣлъ никакихъ самостоятельныхъ правъ, а былъ только передаточною инстанціею для хозяйственныхъ дѣлъ, общее Присутствіе Морскаго Интендантства, Учетный Комитетъ, Военно-Пехотная по флоту Канцелярія, Канцелярія по Своду Морскихъ Постановленій, цѣлая треть Канцеляріи Морскаго Министерства, должности: Дежурнаго Генерала, Инспекторовъ Корпусовъ: Флотскихъ Штурмановъ, Морской Артиллеріи, Корабельныхъ Инженеровъ, Инженеровъ-Механиковъ, Ластовыхъ командъ и Рабочихъ экипажей; Штабы этихъ Корпусовъ, Бригадные Штабы и пр.

3., Во многихъ учрежденіяхъ Морскаго вѣдомства были соединены обязанности разнородныя, которыя по тому самому не могли исполняться удовлетворительно, напримѣръ: Кораблестроительный Департаментъ, будучи въ отношеніи къ другимъ портамъ высшимъ административнымъ учрежденіемъ, собственно въ Петербургскомъ портѣ исполнялъ мелочныя обязанности Конторы надъ портомъ. Отъ этого происходило, что онъ былъ заваленъ дѣлами второстепенными

и не былъ въ состояніи заниматься своими прямыми высшими обязанностями. Въ томъ же Департаментѣ были соединены дѣла хозяйственныя и дѣла техническія, тогда какъ тѣ и другія требуютъ разнаго рода познаній и способностей.

4., Во всѣхъ учрежденіяхъ Морскаго вѣдомства порядокъ канцелярскаго дѣлопроизводства былъ найденъ самый многосложный и затѣйливый, который требовалъ много работы и большаго числа чиновниковъ не только безъ всякой пользы для дѣла, но съ большимъ вредомъ для него, потому что производилъ вездѣ крайнюю медленность и увеличивалъ расходы казны.

5., Медленность эта еще болѣе увеличивалась оттого, что какъ главные, такъ и второстепенные начальники имѣли весьма ограниченныя права. Всѣ дѣла восходили чрезъ множество коллегіальныхъ инстанцій до высшаго начальника, который не въ состояніи былъ ни разсмотрѣть оныхъ, ни обсудить основательно, а принужденъ былъ на все соглашаться. Посему согласіе его было только формальностью, которая безъ пользы для дѣла слагала всякую отвѣтственность съ частныхъ начальниковъ и возлагала оную на высшаго начальника. Между тѣмъ подъ защитой его имени происходили разные безпорядки и злоупотребленія.

6., Эти безпорядки и злоупотребленія происходили отчасти въ пользу корыстныхъ видовъ частныхъ начальниковъ, но иногда къ нимъ прибѣгали для пользы самой казны. Такъ напр. въ смѣтахъ Министерства, дабы получить изъ Государственнаго Казначейства сумму на расходъ необходимый для пользы флота, но такой, который Министерство не надѣялось отстоять въ виду противодѣйствія другихъ вѣдомствъ, Морское Министерство умышленно преувеличивало требованія по другимъ статьямъ смѣты съ цѣлію употребить потомъ остатки на необходимыя издержки.

7., Вообще много путаницы, безпорядковъ и неясности найдено было въ смѣтахъ Морскаго вѣдомства. Государственному Совѣту представлялось смѣтное требованіе весьма небольшое, а на главныя кораблестроительныя работы испрашивались постоянно особыя суммы займами, о которыхъ Государственный Совѣтъ ничего не зналъ и потому никогда не могъ правильно судить, сколько именно флотъ нашъ стѣбитъ казнѣ.

8., Еще болѣе безпорядковъ открыто во всей матеріальной отчетности и Министерство рѣшительно не знало, сколько и на какую сумму оно имѣетъ разнаго матеріальнаго имущества. Запасовъ не существовало и все вообще хозяйство находилось въ самомъ жалкомъ положеніи. Заводы получали наряды на такія вещи, которыя находились въ ихъ магазинахъ, но магазины были такъ безпорядочно завалены, что заводъ предпочиталъ сдѣлать новую вещь вмѣсто того чтобъ отыскать въ магазинѣ вещь уже готовую. Покупали предметы, которые находились въ Экипажескихъ магазинахъ. При покупкахъ и подрядахъ встрѣчалось тѣмъ большее затрудненіе, что главные извѣстные подрядчики не хотѣли имѣть дѣла

съ Министерствомъ вслѣдствіе дурной славы его. Законы о святости торговъ не исполнялись вслѣдствіе ложнаго пониманія выгодъ казны и оттого кредитъ уменьшался со дня на день.

9., При всемъ этомъ въ Министерствѣ производилась огромная работа. Бумаги писались десятками тысячъ во всѣхъ Департаментахъ и Канцеляріяхъ, деньги расходовались, сотня курьерскихъ лошадей развозила тысячи пакетовъ и много было тружениковъ, которые въ этомъ бесплодномъ и вредномъ для государства трудѣ теряли время, силы и здоровье и не получая ни достаточныхъ средствъ къ жизни, ни поощреній, теряли всякое желаніе улучшеній, и роптали на свою участь.

Изъ всего вышеизложеннаго видно уже какія преобразованія и улучшенія оказывались необходимыми. Генералъ-Адмиралъ приступилъ къ нимъ постепенно и послѣдовательно, но часто случалось, что близкая связь разныхъ частей и дѣлъ вынуждала Его принимать разныя мѣры болѣе поспѣшно нежели Онъ предполагалъ въ началѣ.

Главнѣйшія изъ этихъ мѣръ были слѣдующія:

1., Департаментъ Корабельныхъ Лѣсовъ былъ переданъ въ Министерство Государственныхъ Имуществъ.

2., Управление приморскими крѣпостями и сооруженіе оныхъ переданы сухопутному инженерному вѣдомству.

3., Морскія арестантскія роты упразднены и бывшіе въ нихъ арестанты переданы въ арестанскія роты сухопутнаго и гражданскаго вѣдомствъ.

Такимъ образомъ Морское Министерство было избавлено отъ многихъ занятій, которыя были для него предметомъ постороннимъ и несвойственнымъ. Сверхъ того нѣкоторые второстепенные морскіе начальники были также освобождены отъ дѣлъ имъ подлежащихъ по настоящему смыслу ихъ морскаго назначенія, а именно: Главные командиры портовъ Архангельскаго и Астраханскаго управляли также губерніями. По представленію Великаго Князя Генералъ-Адмирала управление губерніями передано было гражданскимъ губернаторамъ и главные командиры остались только начальниками порта и военныхъ судовъ.

4., Внесено въ Государственный Совѣтъ представленіе о передачѣ Министерству Внутреннихъ дѣлъ завѣдыванія Охтенскими поселянами.

5., Упразднены вовсе: должности Генералъ-Интенданта, Дежурнаго Генерала, Инспекторовъ разныхъ Корпусовъ, Общее Присутствіе Интендантства; Канцеляріи: Военно-Походная и по Своду морскихъ постановленій; цѣлая треть Канцеляріи Морскаго Министерства, Учетный Комитетъ; Штабы Корпусовъ, Бригадные Штабы и разныя должности по Министерству.

6., Учреждены: С. Петербургская Контора надъ портомъ и Техническій Кораблестроительный Комитетъ и въ эти установленія переданы изъ Кораблестроительнаго Департамента несвойственныя ему обязанности.

7., Во всемъ Министерствѣ упрощенъ и сокращенъ порядокъ канцелярскаго дѣлопроизводства.

8., Значительно увеличены права частныхъ начальниковъ и рѣшеніе многихъ дѣлъ возложено на нихъ подъ ихъ отвѣтственностью.

9., Введена полная откровенность и правдивость во всѣ дѣйствія Министерства и особенно во всѣ смѣтные расчеты и требованія.

10., Въслѣдствіе подробнаго осмотра Морскихъ госпиталей въ Россіи и заграницей, новымъ Генералъ Штабъ Докторомъ, Великій Князь призналъ нужнымъ совершенно преобразовать все госпитальное управленіе въ Морскомъ вѣдомствѣ. Для составленія Устава о морскихъ военныхъ госпиталяхъ учрежденъ былъ особый Комитетъ. Трудъ этого Комитета былъ напечатанъ и разосланъ знаменитѣйшимъ врачамъ морскаго, военно-сухопутнаго и гражданскаго вѣдомства и въ медицинскіе факультеты университетовъ: Московскаго, Дерптскаго, Казанскаго, Кіевскаго и Харьковскаго и разнымъ лицамъ не врачебнаго сословія, но извѣстнымъ своими познаніями по части госпитальнаго управленія. На основаніи полученныхъ замѣчаній проектъ Устава былъ передѣланъ и въ настоящее время разсматривается въ Военно-Медицинскомъ Ученомъ Комитетѣ.

11., Для изученія матеріальной отчетности командированы способные чиновники за границу и разрѣшено Управляющему Морскимъ Министерствомъ приступить къ составленію необходимыхъ запасовъ.

12., Предписано строго исполнять контракты съ частными лицами, хотя бы иногда казна терпѣла оттого убытки и тѣмъ самымъ возвышенъ кредитъ Министерства. Впрочемъ болѣе всего содѣйствовала въ этомъ отношеніи личность главныхъ начальниковъ хозяйственныхъ частей.

13., Для открытія злоупотребленій и обмановъ производились слѣдствія, виновные отдавались подъ судъ и карались по законамъ.

14., Служащіе награждались весьма щедро, хотя весьма часто главный начальникъ и сознавалъ, что часть труда ихъ есть трудъ бесполезный.

Наконецъ къ распоряженіямъ послѣдняго времени относятся:

15., Введеніе въ Коммисаріатскомъ Департаментѣ двойной итальянской бухгалтеріи. Мѣра эта составляетъ безспорно важный шагъ къ улучшенію счетоводства Департамента,

и 16., Начало работъ для усовершенствованія морскаго законодательства. Съ сею цѣлію учрежденъ особый Комитетъ, которому поручено начертаніе проекта судопроизводства сообразнаго современнымъ требованіямъ науки и не стѣсняясь устарѣлыми формами и постановленіями. Дабы постепенно приготовить умы къ предстоящимъ перемѣнамъ, приступлено къ помѣщенію въ Морскомъ Сборникѣ статей по сему предмету. Первая статья этого рода была статья „объ устности и гласности судопроизводства“. При этой статьѣ напечатано по волѣ Его Высо-

чества приглашеніе читателямъ Сборника доставлять подобныя статьи. Другая статья касается юридическихъ лекцій Профессора Кавелина въ Петербургскомъ Университетѣ и приглашеніе Г. г. морскимъ офицерамъ посѣщать ихъ.

Для уменьшенія бесполезной работы, для водворенія стройности въ управленіи морскимъ вѣдомствомъ и предупрежденія злоупотребленій требовалось сверхъ поименованныхъ мѣръ и распоряженій общее преобразование управленія. Вышепомянутыя ревизіи и результаты частныхъ мѣръ доставили необходимые матеріалы для начертанія общаго проекта, который одинъ только можетъ служить существеннымъ и кореннымъ средствомъ для достиженія желаемого результата. Съ сею цѣлію были составлены нѣсколько проектовъ Учрежденія Морскаго Министерства и Портоваго Управленія, рассылались на разсмотрѣніе большому числу лицъ морскаго и другихъ вѣдомствъ и по собраніи большаго числа разнообразныхъ мнѣній и замѣчаній въ настоящее время окончательно обрабатываются. Однимъ изъ главныхъ слѣдствій предполагаемаго преобразования будетъ значительное увеличеніе содержанія служащимъ и значительное уменьшеніе числа ихъ. Посему, въ виду этого надобно было заблаговременно озаботиться устройствомъ участи того многочисленнаго класса бесполезныхъ, но невиновныхъ чиновъ, которые съ введеніемъ въ Морскомъ Министерствѣ порядка и благоустройства останутся безъ мѣстъ и слѣдовательно безъ содержанія. Пенсіи, на которыя эти лица могли рассчитывать изъ Государственного Казначейства, слишкомъ незначительны, чтобъ эти лица могли существовать съ оными, и потому весьма естественно родилась мысль объ увеличеніи пенсій посредствомъ учрежденія въ Морскомъ вѣдомствѣ по примѣру многихъ заграничныхъ пенсіонныхъ кассъ, особой *Пенсіонной Эмеритальной Кассы*, которая посредствомъ ежегоднаго вычета изъ содержанія служащихъ, получила бы возможность производить пенсіи отставнымъ, съ тѣмъ, чтобъ дѣйствія кассы начались одновременно съ введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ учреждений Морскаго Министерства и Портовыхъ Управленій. Мысль объ учрежденіи кассы родилась въ 1854 году и тогда же было приступлено къ собиранію многочисленныхъ и разнообразныхъ статистическихъ свѣдѣній, которыя должны были служить для ея многосложныхъ расчетовъ. На основаніи этихъ свѣдѣній составленъ былъ въ 1857 году проектъ положенія для кассы и разосланъ на разсмотрѣніе всѣмъ офицерамъ и чиновникамъ Морскаго вѣдомства, для которыхъ касса составляется, и еще многимъ извѣстнымъ ученымъ по части статистики и математики. Замѣчанія, полученные на этотъ проектъ, были разсмотрѣны въ особомъ Комитетѣ изъ морскихъ офицеровъ и чиновниковъ при содѣйствіи Г.г. академиковъ Веселовскаго, Буняковского и Остроградскаго, и въ настоящее время окончательно обрабатывается новый проектъ учрежденія кассы одновременно съ проектами учреждений Министерства и образованія портовыхъ управленій. Впрочемъ должно сказать, что

несмотря на всѣ принятыя такимъ образомъ мѣры и сдѣланныя распоряженія Морское вѣдомство еще далеко не достигло желаемой степени благоустройства и что оно только едва начинаетъ понемногу выходить изъ прежняго состоянія. Еще много производится работы вовсе лишней, централизація еще слишкомъ велика, права и обязанности отдѣльныхъ начальниковъ еще весьма неясно разграничены и нѣтъ ручательства, что выгоды казны соблюдаются. Все сие еще болѣе доказываетъ необходимость вышеозначеннаго полнаго и кореннаго преобразованія всего управленія. Великій Князь Генералъ-Адмиралъ ожидаетъ въ этомъ случаѣ отъ Управляющаго Морскимъ Министерствомъ Вице-Адмирала Мѣтлина водворенія должнаго порядка и благоустройства собственно въ Министерствѣ и вообще во всей хозяйственной части Морскаго вѣдомства, а Себѣ предоставляет распоряженія по флоту и по части строевой, ученой и технической.

II. Распоряженія собственно по флоту.

Несмотря на все усердіе, съ которымъ Великій Князь занимался Морскимъ Министерствомъ и береговыми учрежденіями морскаго вѣдомства, любимымъ предметомъ его оставался флотъ и занятія собственно *флотомъ*, т. е. *военно-морскою* и *техническою* частью составляли для Него наслажденіе и отдыхъ отъ тягостныхъ работъ административныхъ.

Собственные многократныя морскія путешествія и разговоры съ опытнѣйшими адмиралами и капитанами привели давно уже Великаго Князя къ убѣжденію, что дабы имѣть хорошій флотъ болѣе всего необходимо сколь возможно чаще посылать его въ море и сколь возможно долѣе держать въ морѣ, стараясь доставлять офицерамъ разнообразныя морскія кампаніи въ хорошемъ климатѣ, гдѣ наши суда встрѣчались бы съ иностранными флотами. Слѣдствіемъ подобныхъ кампаній будетъ неминуемо, что суда наши будутъ строиться лучше, что на флотъ невольно введутся разныя улучшенія и что офицеры и матросы пристрастятся къ службѣ и получаютъ необходимыя познанія и опытность. Всѣ другія распоряженія и усовершенствованія никогда не принесутъ той пользы, какую получить флотъ отъ продолжительныхъ и частныхъ кампаній. Какъ хорошо не будетъ устроено Министерство, адмиралтейства, элинги, заводы, но никогда благоустройство ихъ не принесетъ флоту той прямой пользы, какую онъ непременно получитъ отъ дальнихъ и продолжительныхъ морскихъ кампаній. Съ этимъ убѣжденіемъ Генералъ-Адмиралъ вступилъ въ управленіе флотомъ и потому первымъ дѣйствіемъ его была посылка въ дальнія плаванія нѣсколькихъ лучшихъ судовъ Балтійскаго флота*). Многія изъ этихъ первыхъ экспедицій имѣли весьма неудачный исходъ вслѣдствіе дурныхъ качествъ помянутыхъ лучшихъ судовъ и неопытности команди-

---

*) Такимъ образомъ были посланы фрегаты: Паллада, Аврора, Діана, корветъ Наваринъ, транспорты: Двина и Нѣманъ.

ровъ. Затѣмъ война пріостановила на нѣсколько лѣтъ подобныя экспедиціи, но немедленно по заключеніи мира Великій Князь опять сталъ посылать въ дальнія плаванія и въ Средиземное море не только отдѣльныя суда, но уже цѣлыя эскадры*), и посылки эти обратились въ ежегодныя срочныя экспедиціи. Флотъ нашъ ожилъ новою жизнью. Уже во время войны, когда въ иностранныхъ флотахъ винтовыя суда быстро замѣняли прежнія парусныя, Великій Князь началъ у насъ усиленное кораблестроеніе. Для Балтійскаго моря было построено 75 винтовыхъ канонерскихъ лодокъ и 18 винтовыхъ корветовъ и клиперовъ. Суда эти, построенныя съ большою поспѣшностью, конечно не могли имѣть большихъ достоинствъ, и заключеніе мира содѣлало ихъ ненужными для той цѣли, съ которою они строились, но они принесли другую пользу, ибо часть корветовъ и клиперовъ была немедленно отправлена въ Черное море, а другая часть въ Восточный Океанъ, и притомъ они послужили опытомъ для нашихъ частныхъ заводовъ, которые создавались во время войны. Въ то же время приступлено было къ постройкѣ нѣсколькихъ винтовыхъ кораблей и фрегатъ и заказаны были разныя суда и механизмы въ Англіи, Франціи и Америкѣ. Для наблюденія за ихъ постройкой было послано большое число офицеровъ, которые получили возможность видѣть иностранныя флоты, порты, заводы и адмиралтейства и пріобрѣсти много полезныхъ свѣдѣній.

Другимъ весьма сильнымъ средствомъ для образованія офицеровъ въ самой Россіи послужилъ Морской Сборникъ, который по мысли Великаго Князя сталъ издаваться по новой обширной программѣ и сообщалъ всему флоту, при обязательной подпискѣ, множество полезныхъ современныхъ свѣдѣній о состояніи морскаго дѣла во всѣхъ государствахъ. Свѣдѣнія помѣщаемыя въ Сборникѣ столь разнообразны и обильны, что ни одинъ офицеръ не былъ бы въ состояніи своими средствами пріобрѣсти ихъ, тогда какъ чрезъ этотъ журналъ каждый пріобрѣталъ ихъ за 3 р. въ годъ. Въ этомъ отношеніи Морской Сборникъ какъ бы замѣнилъ Морскую Академію. Кромѣ того онъ приносилъ еще другую пользу, ибо щедро вознаграждая авторовъ статей, вызывалъ морскихъ офицеровъ къ полезному труду.

Къ числу распоряженій по флоту должно отнести расформированіе признанныхъ бесполезными учебныхъ экипажей и учрежденіе вмѣсто нихъ Инженернаго и Артиллерійскаго училищъ и разныя мѣры къ улучшенію морской артиллеріи, изъ коихъ главная есть учрежденіе учебнаго артиллерійскаго корабля, на которомъ образуются для всего флота искусные комендоры.

Такимъ образомъ непрерывныя морскія экспедиціи, посылка большого числа офицеровъ за границу, на иностранныя заводы и адмиралтейства, усиленное ко-

---

*) Сюда относится посылка трехъ отрядовъ винтовыхъ корветовъ и клиперовъ: въ Черное море и въ Восточный Океанъ, эскадра отправленная въ Средиземное море и состоявшая изъ корабля Виборгъ, фрегатъ: Касторъ, Палканъ, Олафъ, брига Филоктетъ и проч.

раблестроеніе въ Россіи и многочисленные заказы за границей, собраніе редакціей Сборника и обнародованіе разныхъ свѣдѣній о современномъ состояніи науки мореплаванія и искусства кораблестроенія имѣли слѣдствіемъ образованіе офицеровъ, строителей, механиковъ и созданіе опытныхъ командъ. Съ другой стороны для улучшенія состава командъ приняты были Великимъ Княземъ еще другія мѣры, а именно: исходатайствовано Высочайшее разрѣшеніе предоставить для флота нѣсколько губерній, изъ коихъ рекруты будутъ поступать только во флотъ, тогда какъ по прежнему порядку лучшіе люди отбирались въ гвардію, кирасиры, саперы и пр., а флотъ получалъ только самыхъ послѣднихъ; прекращено назначеніе во флотъ Поляковъ и Евреевъ, которые оказывались почти всегда неспособными къ морской службѣ. Для улучшенія быта и здоровья нижнихъ чиновъ приняты были различныя мѣры въ С. Петербургѣ, улучшено квартирное размѣщеніе женатыхъ нижнихъ чиновъ *), розданы были на Балтійскій флотъ шерстяныя фуфайки, бруслаты, теплая одежда для зимнихъ работъ, отмѣнены прежніе мундиры и введены зипуны, весь флотъ снабженъ штуцерами и абордажными палашами литой стали новаго образца, сравнены въ денежномъ довольствіи нестроевые чины съ строевыми, вообще увеличено денежное довольствіе нижнихъ чиновъ назначеніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ суточныхъ денегъ, уменьшенъ на 3 года самый срокъ службы матросовъ, улучшена пища ихъ, введены новыя правила хозяйства въ экипажахъ и пр. Слѣдствіемъ всего этого было между прочимъ уменьшеніе болѣзненности и смертности. Въ послѣднее время введено преподаваніе гимнастики въ большомъ размѣрѣ, какъ приготовленіе матроса къ службѣ требующей физической ловкости и силы. Не менѣе благотѣльна была попечительность Великаго Князя и объ участи морскихъ офицеровъ и семействъ ихъ. Обративъ вниманіе на ограниченность получаемаго ими содержанія, онъ исходатайствовалъ значительное увеличеніе онаго за время бытности въ морѣ, и пособія на воспитаніе дѣтей, въ которомъ морскіе офицеры крайне нуждались, особенно при кочевой жизни, къ которой они обречены родомъ своей службы **). Сверхъ того многимъ изъ нихъ были розданы суммы, которыя подъ разными предлогами удерживались у нихъ. Особая сумма въ 67 т. р. въ годъ ***) была назначена въ распоряженіе Адмиралтействъ-Совѣта для раздачи

*) Съ цѣлію улучшенія жилищъ нижнихъ чиновъ объявлена отъ Морскаго Ученаго Комитета премія за лучшій проектъ казармы для матросовъ, устройство которой соотвѣтствовало бы въ особенности гигиеническимъ условіямъ. Получены были разные проекты отъ архитекторовъ и инженеровъ и одному изъ нихъ присуждена полная премія. Генераль-Адмиралъ имѣетъ въ виду поручить постройку казармы по этому проекту обществу частныхъ лицъ, съ тѣмъ, что Морское Министерство, будетъ нанимать оную. Въ такомъ случаѣ Министерство, не затрачивая капитала и не занимаясь само ремонтомъ, получитъ хорошее помѣщеніе для своихъ командъ.

**) Въ 1857 г. на 1200 женатыхъ офицеровъ болѣе 1500 дѣтей получили разными способами пособіе на воспитаніе, или размѣщены были въ учебныя заведенія.

***) Сумма эта не составила новаго расхода для Государственнаго Казначейства, ибо она отпу-

ежегодно въ пособіе нуждающимся по разнымъ случаямъ, разрѣшена выдача офицерамъ на честное слово заслуженнаго ими содержанія, не дожидаясь собранія всѣхъ необходимыхъ справокъ. Сверхъ денежныхъ пособій Великій Князь старался щедрыми наградами и повышеніями доказать чинамъ морскаго вѣдомства, что служба ихъ цѣнится Правительствомъ и что для нихъ наравнѣ съ служащими въ другихъ вѣдомствахъ возможно достиженіе высшихъ должностей. Такимъ образомъ три адмирала назначены были членами Государственнаго Совѣта, 4 лица получили званіе Сенаторовъ изъ гражданскихъ чиновниковъ, двое получили званіе Статсъ-Секретарей, одинъ адмиралъ возведенъ въ Графское достоинство и пр.

Для облегченія морскимъ офицерамъ возможности заниматься морскимъ дѣломъ въ то время, когда флотъ нашъ едва начиналъ возрождаться и когда нельзя было употребить ихъ всѣхъ на службу на военныхъ судахъ, разрѣшено было увольненіе ихъ для службы на частныхъ пароходахъ и судахъ съ сохраненіемъ нѣкоторой части жалованья. Та же цѣль имѣлась въ виду отчасти при учрежденіи по мысли Генералъ-Адмирала въ Черномъ морѣ Русскаго Общества Пароходства и Торговли.

Особенное вниманіе обращалъ Великій Князь на техническую кораблестроительную часть и разсматриваніе чертежей и плановъ было его любимымъ занятіемъ. Всѣ доклады Кораблестроительнаго Техническаго Комитета представлялись Ему, и Онъ часто посѣщалъ верфи и мастерскія. Также журналы Морскаго Ученаго Комитета постоянно Имъ разсматривались и Ему обязанъ флотъ введеніемъ въ Кронштатъ публичныхъ лекцій по разнымъ отраслямъ мореплаванія. Донесенія нашихъ офицеровъ посланныхъ въ большомъ числѣ за границу, читались Имъ съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ. Наконецъ частыя поѣздки Его въ Кронштатъ и посѣщенія судовъ оживляли морскихъ офицеровъ, убѣждая ихъ въ томъ, что главный начальникъ обращаетъ постоянно вниманіе на ихъ службу.

Вслѣдствіе настояній Великаго Князя отъ этой службы отстранены были занятія ей несвойственныя и лишнія, напр. излишнее занятіе фронтомъ и введены занятія дѣйствительно полезныя, напр. стрѣльба въ цѣль.

Несмотря однако на усиленную и разнообразную дѣятельность, Великій Князь не имѣлъ возможности и времени заняться нѣкоторыми частями управленія, которыя требуютъ еще ближайшаго изученія и преобразованія. Къ подобнымъ учрежденіямъ принадлежатъ въ особенности морскія учебныя заведенія, заводы морскаго вѣдомства и адмиралтейства. Впрочемъ заняться этими учрежденіями, также составленіемъ необходимыхъ для правильнаго хозяйства запасовъ, невоз-

---

скалась и прежде на прибавку жалованья командировъ за сбереженіе судовъ. На сей предметъ обращены были проценты особаго капитала, который составилъ въ Морскомъ Министерствѣ.

можно было прежде разрѣшенія главнаго существеннаго вопроса, а именно: въ чемъ состоитъ вообще цѣль и назначеніе флота въ Россіи и какая должна быть вслѣдствіе этого величина или составъ онаго. Великій князь, желая разрѣшить этотъ вопросъ вполне основательно, собиралъ мнѣнія нашихъ адмираловъ и многихъ высшихъ государственныхъ сановниковъ и пришелъ къ заключенію, что несмотря на всевозможныя финансовыя усилія мы не въ состояніи имѣть флотъ равносильный флоту англійскому или французскому уже по тому обстоятельству, что наши морскія силы должны быть разсѣяны въ нѣсколькихъ моряхъ: Балтійскомъ, Бѣломъ, Черномъ, Каспійскомъ и Восточномъ океанѣ и что нѣтъ возможности соединить ихъ въ одномъ пунктѣ, тогда какъ помянутыя двѣ націи легко могутъ направить большія морскія силы въ одинъ пунктъ и на этомъ пунктѣ каждая изъ нихъ будетъ значительно сильнѣе насъ. Сверхъ того мы не имѣемъ большой морской торговли, которая требовала бы покровительства сильнаго флота. Изъ всего этого слѣдуетъ, что нашъ флотъ долженъ былъ таковъ, чтобъ мы всегда были сильнѣе слабыхъ сосѣдей нашихъ, чтобъ первостепенныя морскія державы вслучаѣ борьбы между собой дорожили нашимъ союзомъ или нейтралитетомъ и чтобъ наши берега были безопасны отъ внезапнаго нападенія нѣсколькими судами, которыя непріятель легко можетъ послать, тогда какъ снаряженіе сильныхъ эскадръ требуетъ большихъ приготовленій и усилій и не можетъ дѣлаться скрытно. Эти соображенія Великій Князь представлялъ Государю Императору и они были удостоены одобренія Его Императорскаго Величества. Вслѣдствіе этихъ соображеній изготвленъ былъ проектъ штатнаго состава флота во всѣхъ моряхъ и утвержденъ Его Величествомъ.

Такимъ образомъ ясно опредѣлилась будущая дѣятельность морскаго вѣдомства нашего. Надлежало привести флотъ въ указанный составъ, выстроивъ суда, которыя ни въ чемъ не уступали бы лучшимъ иностраннымъ и укомплектовать ихъ командами изъ опытныхъ, образованныхъ, страстныхъ къ морскому дѣлу офицеровъ и искусныхъ мастеровъ. Здѣсь представились два важныя затрудненія: 1., затрудненіе финансовое, ибо вслѣдствіе огромныхъ расходовъ вынужденныхъ послѣднею войною Россія еще много лѣтъ не въ состояніи будетъ удѣлять значительныхъ суммъ на флотъ, тогда какъ вслѣдствіе новѣйшихъ усовершенствованій нынѣшній паровой флотъ обходится вдвое дороже противъ парусныхъ судовъ прежняго времени, и 2., образованіе опытныхъ офицеровъ и командъ требуетъ продолжительныхъ морскихъ кампаній и слѣдовательно много времени. Посему покоряясь необходимости и подчиняя преуспѣяніе вверенной ему части управленія благу всего государства, Генералъ-Адмиралъ разсрочилъ на 20 лѣтъ достиженіе указанной Ему Государемъ Императоромъ цѣли и тѣмъ самымъ получилъ возможность требовать изъ Государственнаго Казначейства ежегодно для созданія флота весьма небольшіе денежные способы. 1858 г. есть первый этого 20-ти лѣтняго періода.

Въ настоящее время морскому вѣдомству предстоитъ:

1., составлять сколь возможно болѣе выгоднымъ для казны способомъ, пользуясь для этого каждымъ представляющимся случаемъ, кораблестроительные запасы, въ лѣсахъ, краскахъ, металлахъ, маслѣ, такелажѣ и проч.

2., строить ежегодно опредѣленное число судовъ избирая для этого лучшіе, извѣстные уже чертежи и притомъ строить не торопливо, но тщательно и со всевозможною старательностію, дабы суда наши не уступали лучшимъ иностраннымъ и чтобъ не повторялись болѣе постыдные случаи, что новое судно едва вышедшее изъ Кронштата принуждено входить во французскіе доки для исправленія непростительныхъ ошибокъ русскихъ строителей.

3., посылать ежегодно въ море сколь возможно большее число судовъ и на сколь возможно болѣе продолжительное время, снабжая ихъ все́мъ нужнымъ по примѣру иностранныхъ судовъ и стараясь, чтобъ они сколь можно чаще встрѣчались съ иностранными флотами.

4., сообразно утвержденному Государемъ Императоромъ составу флота устроить наши адмиралтейства, верфи, доки, магазины и вообще портовые учрежденія по образцу лучшихъ иностранныхъ учреждений.

5., сообразно потребности флота въ офицерахъ устроить наши морскія учебныя заведенія.

6., для высшаго образованія морскихъ офицеровъ продолжать по нынѣшнему плану изданіе Морскаго Сборника.

7., Для уменьшенія болѣзней и смертности между нижними чинами на флотѣ принять всевозможныя мѣры по указанію самыхъ опытныхъ врачей.

и 8., сообразно небольшому составу самага флота, который есть *цѣль* всего морскаго вѣдомства, устроить береговыя учрежденія онаго, т. е. Министерство и портовые управленія въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, дабы изъ денежныхъ способовъ отпускаемыхъ на все морское вѣдомство сколь возможно *болѣе* расходовалось на *цѣль* онаго и сколь возможно *менѣе* собственно на *средства*.

Изъ всего вышеизложеннаго видна весьма ясно вся нынѣшняя система дѣйствій высшаго морскаго начальства и становится очевиднымъ, что разныя частныя распоряженія онаго и принимаемыя мѣры суть только слѣдствіе этой общей системы, общаго, обдуманнаго плана управленія.

Въ настоящее время высшее управленіе морскимъ вѣдомствомъ сосредоточивается въ лицѣ Генералъ-Адмирала, который имѣетъ главнымъ помощникомъ собственно по Морскому Министерству Управляющаго онымъ. Приказанія Генералъ-Адмирала, касающіяся личнаго состава флота, движеній судовъ и части строевой передаются Генералъ-Адмираломъ непосредственно Директору Инспекторскаго Департамента и въ Инспекторскомъ Департаментѣ дѣлаются распоряженія къ объявленію оныхъ по флоту.

Генераль-Адмираль назначаетъ какія суда должно строить, гдѣ именно, по какимъ чертежамъ, избираетъ строителей и назначаетъ къ какому времени они должны быть готовы, а затѣмъ всѣ хозяйственныя распоряженія по заготовкѣ запасовъ, кораблестроенію, изготовленію механизмовъ и пр. производятся Управляющимъ Министерствомъ совершенно самостоятельно. Техническою частью занимается особый Комитетъ, журналы коего представляются Генераль-Адмиралу съ мнѣніемъ Управляющаго Министерствомъ и Генераль-Адмираль рѣшаетъ дѣло.

Генераль-Адмираль назначаетъ какія суда, когда и на сколько времени слѣдуетъ послать въ море и выбираетъ адмираловъ и капитановъ, а Управляющій Морскимъ Министерствомъ совершенно самостоятельно дѣлаетъ всѣ нужныя распоряженія къ снабженію ихъ всѣмъ необходимымъ. Тотъ же порядокъ соблюдается въ отношеніи къ гидрографическимъ работамъ.

Донесеніе (черновое) нижегородскаго губернатора министру внутр. дѣлъ, о пребываніи имп. Николая I въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Его Высокопревосходительству Господину министру внутреннихъ дѣлъ.

Неожиданно былъ ошастливленъ Нижній-Новгородъ Высочайшимъ посѣщеніемъ Его Императорскаго Величества. По предварительному увѣдомленію предположено было ожидать Его Величество 16 числа. Государь изволилъ пріѣхать къ неописанной всѣхъ радости и ко всеобщему восторгу народа, ранѣе чѣмъ ожидали. Лишь только успѣлъ прискакать казачій офицеръ отъ шлагбаума и сказать, что Государь изволилъ уже выѣхать, какъ громогласное ура! возвѣстило, что Государь уже здесь.

Государь изволилъ выдти изъ коляски на площади и идти пѣшкомъ тихо къ караулу приготовленному изъ безсрочно отпускныхъ Гвардейскихъ салдатъ и осмотревши оный сквозь тѣснившейся огромной массы до милліона (?) людей, при безпрестанномъ крикѣ ура, изволилъ войти во Дворецъ. Я имѣлъ щастіе сопровождать его. Свита же Его Величества постепенно пріѣзжала.

На другой день послѣ утренняго рапорта въ—часовъ утра Государь изволилъ отправиться въ ярмарочный соборъ; гдѣ Е. В. встрѣченъ былъ преосвященнымъ нижегородскимъ съ духовенствомъ, и изволилъ въ соборѣ слушать Божественную литургію, которую совершалъ оный преосвященный; послѣ литургіи назначенъ былъ смотръ безсрочно-отпускнымъ, но за ненастною погодою отложенъ до другаго дня. Государь изволилъ возвратиться во дворецъ и въ 12 часовъ я имѣлъ счастье представлять Его Величеству чиновниковъ Губернскаго управленія, засимъ купечество нижегородское и ярмарочное. Послѣ представленія, какъ погода была ненастная и обозрѣвать работы земляныя казалось въ такое время и

по великой грязи неудобно, то Его Величеству угодно было въ экипажѣ нѣкоторыя изъ оныхъ до назначеннаго къ тремъ часамъ обѣда взглянуть, для чего и изволилъ отправиться съ Графомъ Толемъ и со мною; но по мѣрѣ обозрѣнія Государь всемилостивѣйше находя угоднымъ произведенныя работы видѣть, на многія изволилъ выходить изъ коляски, и постепенно продолжая смотръ отъ одной работы къ другой Государь изволилъ обозрѣть во всей подробности всѣ, а имянно, набѣрежную Оки, Зеленскій сѣздъ, площадь Ивановскую, мѣсто для казармъ въ Живоносной улицѣ, мѣсто для дома Военнаго Губернатора. Здѣсь Государь изволилъ долго *любоваться красотою* мѣстоположенія, и изволилъ отдать новыя на счетъ постройки сего дома приказанія, каковую постройку высочайше повелѣно начать съ будущаго года, и на оную отпущено кромѣ прежде ассигнованныхъ суммъ еще 200 т. рублей. Изъ Кремля Государь изволилъ смотреть вновь выпланированную и вымощенную у Дмитріевскихъ воротъ и противъ семинаріи площадь и бульваръ; потомъ огромные земляныя работы волжскаго откоса, которые всѣ Государь изволилъ пройти пѣшкомъ, потомъ чрезъ весь городъ проѣхавъ къ верховью Похвалинскаго оврага вышедъ снова изъ экипажа спустившись пѣшкомъ по всему вновь устроиваемому здѣсь сѣзду: то по скользкимъ отъ мокроты доскамъ, то по глубоко вязкому грунту. Государь изволилъ такимъ образомъ выйти къ плашкоутному мосту, откуда въ коляскѣ Его Величество возвратился во дворецъ; при семъ обозрѣніи въ концѣ онаго и потомъ въ послѣдующіе дни Государь Императоръ неоднократно изволилъ всемилостивѣйшими выраженіями изъявлять Монаршее удовольствіе мнѣ и Директору работъ инженеръ полковнику Готмачу. Въ четыре часа былъ у Его Величества обѣденный столъ, къ которому приглашены были кромѣ свиты, всѣ генералы, губернский предводитель дворянства, сенаторъ князь Гагаринъ, который того утра представлялъ въ числѣ нижегородскаго дворянства, изъ числа отставныхъ дворянъ генераль-лейтенантъ Котлубицкій, генераль-маіоры: Григорьевъ, Шереметевъ, Мастеровъ, и дѣйст. статскіе совѣтники Улыбышевъ и Ребиндеръ, изъ коихъ послѣдній за болѣзнію не могъ имѣть щастія быть у стола. Въ вечеру послѣ вечерняго рапорта Государь удостоить меня изволилъ работать со мною болѣе часа.

17-го числа въ 10 часовъ утра, послѣ рапорта по волѣ Государя я имѣлъ щастіе представлять Его Величеству находящихся здѣсь разноплеменныхъ купцовъ и людей, а имянно Армянъ, Астраханскихъ, Тифлисскихъ и Кизлярскихъ, Татаръ Казанскихъ и Касимовскихъ, Закавказскихъ жителей, Дагестанскихъ и Ширванскихъ, Бухарцевъ; наконецъ Мордву, Черемисовъ и Чувашей, со всѣми Государь изволилъ долго говорить. Вмѣстѣ съ симъ, въ той же залѣ собраны были всѣ пришедшіе сюда, изъ коихъ многіе собственно для того, чтобы видѣть Государя, отставные салдаты. Его Величество съ особенною милостію привѣтствовалъ ихъ говорить изволилъ со многими и всѣмъ приказалъ выдать награжденіе.

Послѣ сего Государь ошастлививъ меня повѣленіемъ ѣхать съ Его Величествомъ въ коляскѣ, изволилъ отправиться къ Московской заставѣ, гдѣ при собраніи всѣхъ жителей города выстроены были безсрочно-отпускные нижніе чины Нижегородской и Владимирской губерніи; 86 мундировъ были въ строю семъ, радость видѣть еще Государя живо выражалась на лицѣ каждого изъ заслуженныхъ солдатъ сихъ; по первому призыву далеко до назначеннаго срока прибывшіе старики съ неизъяснимымъ усердіемъ брались снова и въ послѣдній можетъ быть разъ въ жизни за оружіе, естественное весьма чувство при неожиданномъ возвратѣ того что было предмѣтомъ цѣлой жизни и восхищавшая ихъ мысль угодить Государю придавая преклоннымъ лѣтамъ новые силы и видя ихъ строй нельзя было повѣрить, чтобъ эти люди болѣе двухъ лѣтъ пахали землю, занимались ремеслами, торговлею, работами. Государь изволилъ быть весьма доволенъ окруживъ себя ими, благодарилъ за прежнюю службу, говорилъ съ ними долго и приказалъ распустить. Въ 12 часовъ Его Величество въ Кремлѣ изволилъ смотрѣть баталіонъ 4 Учебнаго карабинернаго полка, казармы онаго какъ прежніе такъ вновь построенные и строящіеся; пожарную команду; вездѣ Государь изволилъ быть доволенъ. Послѣ пожарной команды Государь взшелъ на городовую стѣну, гдѣ долго опять любовался видами, приказалъ здѣлать проѣктъ, отдѣлать двѣ крѣпостныя башни для покоевъ одну Государя, а другую ближнюю для Государыни Императрицы и высочайше повелѣтъ изволилъ наименовать башни сіи Николаевскою и Александровскою. Послѣ сего Его Величество снова изволилъ отправиться на мѣсто для губернаторскаго дома назначенное, показывалъ оное и прелестныя окрестности Графу Канкрину, и дать изволилъ на постройку дома повеленіе; потомъ возвратясь во дворецъ и мало погодя Государь съ Графомъ Канкринымъ изволилъ объѣхать всю ярмарку и прилегающій къ оной Кунавинскій кварталъ, останавливаясь у каждого ряда. Государю угодно было входить во всѣ подробности, которыя я имѣлъ щастіе Его Величеству докладывать; при семъ случаѣ Государь изволилъ удостоить посѣщеніемъ лавку Московскаго Головы Колесова; долго былъ опять въ соборѣ, гдѣ лично дать изволилъ приказаніе Губ. Архитектору, сдѣлать проѣктъ новаго иконостаса и какъ оному быть руководство, показывалъ Графу Канкрину вновь отдѣланную прошлаго году въ семъ соборѣ бывшую на выставкѣ въ Москвѣ великолѣпную серебряную кованую одѣжду *престола*; потомъ продолжая обзрѣвать всѣ ряды, Его Величество посѣтитъ изволилъ мечеть, гдѣ магометанское духовенство совершило въ присутствіи Государя многолѣтіе и по окончаніи обзора Гостиного двора и всѣхъ балагановъ Государь возвратился въ свои покои. Въ 3 часа былъ у Его Величества обѣденный столъ, къ которому приглашены были свита, инспекторъ резервной пѣхоты генералъ-лейтенантъ Скобелевъ и я имѣлъ щастіе быть.

18 числа въ 10 часовъ утра Государь изволилъ принять меня съ рапортомъ;

послѣ чего я имѣлъ щастіе представить Его Величеству игуменю Нижегородскаго Крестовоздвиженскаго монастыря, которая поднесла Государю Императору и Государю Наслѣднику два образа, потомъ Его Величество поѣхалъ въ Кремль, гдѣ изволилъ смотрѣть Нижегород. Внут. Гарнизонный баталіонъ, и Государь былъ доволенъ. Послѣ смотра я имѣлъ щастіе сопровождать Его Величество по всѣмъ заведеніямъ. Государь изволилъ обозрѣвать Мартыновскую больницу и вновь строящееся зданіе больницы и богадѣльни, для умалишенныхъ, Училище дѣтей канцелярскихъ служителей, арестантскую казарму и людей въ арестантскую роту назначенныхъ, гражданскую больницу, рабочій и смиренный домъ, тюремный замокъ и гимназію. Во всѣхъ ввѣреннаго мнѣ управленія заведеніяхъ Государь Императоръ изволилъ быть совершенно доволенъ, и меня ошастливитъ неоднократными всемилостивѣйшими изъявленіями удовольствія; въ больницѣ замка токмо Государь изволилъ найти несоотвѣтствующее съ тюремнымъ заведеніемъ несколько слишкомъ роскошно, Его Величество присемъ изволилъ сказать — и повелѣтъ нынѣ такъ оставить, а впредь вновь не дѣлать. Изъ Мартыновской больницы Государь еще разъ изволилъ ѣздить на Волгскій откосъ и проѣхать снова вновь отдѣланную часть онаго. По возвращеніи во дворецъ Его Величество изволилъ принять преосвященнаго нижегородскаго, потомъ Государь изволилъ работать съ Графами Толемъ и Канкринымъ. Я имѣлъ щастіе еще быть у Его Величества. Вскорѣ Государь изволилъ поѣхать къ мосту, и въ 3 часа съ четвертью Его Величество на пароходѣ изволилъ отправиться въ Казань. Я много видалъ великолѣпныхъ зрѣлищъ, но осмѣливаюсь сказать Вашему Высочайшему Превосходительству, что подобнаго той минутѣ, какъ тронулся пароходъ видѣть рѣдко можно. Живописная мѣстность городской горы, безчисленное на мосту, на бѣрегахъ, на крышахъ количество народа, до 13 тысячъ всякаго калибра на пристани судовъ покрытыхъ до верху мачтъ людьми, множество лодокъ въ слѣдъ за пороходомъ плывущихъ, и отсюду продолжительное громогласное ура, все сіе было нечто слабымъ перомъ моимъ неизобразимое; мы жалѣли, что Вернетъ не доѣхалъ до Нижняго, его таланту достойной представился бы здѣсь въ сію очаровательную минуту предмѣтъ.

Всемилоствѣйшими выраженіями простившись со мною, Его Величество ошастливитъ меня изволилъ словами: одно мнѣ еще осталось тебѣ приказать, продолжай все также, лучше нельзя, тебѣ много работы и тебѣ долго здѣсь должно оставаться.

Государь пожаловалъ мнѣ орденъ св. Анны 1-й степени съ Императорскою короною, полицмейстеру тотъ же орденъ съ короною 2-й степени, два частные пристава, не имѣвшіе еще пряжекъ пожалованы орденомъ Станислава 4-й степени и какъ симъ, такъ третьему и обоимъ слѣдственнымъ приставамъ всемилостивѣйше пожалованы годовые оклады жалованья. Генералъ Адлербергъ сказалъ

мнѣ, что начальнику и офицерамъ казачьяго отряда объявлено будетъ высочайшее благоволеніе, а нижнимъ чинамъ награда, но я приказа еще не читалъ.

Вашему Высокопревосходительству за особенный долгъ вмѣнивъ себѣ почтеннѣйше донести о всѣхъ подробностяхъ Высочайшаго смотра, всепокорнѣйше прошу извинить обширность настоящаго донесенія.

Письмо А. М. Безобразова К. И. Сукину, 16 декабря 1822 года.

Милостивый Государь
Константинъ Ивановичъ!

Великіе подвиги гражданъ во благо и славу отечества ознаменованные, достойны чести и уваженія не только среди современниковъ, но и въ позднѣйшемъ потомствѣ. Покойный Павелъ Григорьевичъ Демидовъ несомнѣнно имѣетъ право быть сопричисленнымъ къ кругу тѣхъ людей великихъ, коихъ дѣла содѣйствовали къ распространенію прямого отечественнаго блага. Среди многочисленныхъ пожертвованій къ распространенію просвѣщенія имъ сдѣланныхъ въ пользу Московскаго Университета, Кіевской и Тобольской Гимназій и Харьковскаго Института, главнѣйшее благотвореніе излито имъ на бѣдное юношество Дворянскаго достоинства Ярославской Губерніи. Въ Ярославлѣ иждивеніемъ его установлено училище Высшихъ наукъ Высочайшею волею украшенное его именемъ. Демидовскому училищу принесено имъ въ даръ 3617 душъ крестьянъ, 100,000 рублей капитала, многочисленный Кабинетъ физическій и минеральный, значительное собраніе книгъ, эстамповъ и тому подобное. На сихъ основаніяхъ заведеніе сіе процвѣло и принесло плоды, вкушаемые Дворянскимъ юношествомъ, образующимся на службы Государственныя. Съ открытія училища съ 1805-го по 1822-й годъ воспиталось и образовалось 746 студентовъ и 833 пансіонера, и всѣ поступили въ различныя службы съ правами образованнымъ Дворянамъ предоставленными. Нынѣ обучается 76 студентовъ и 45 пансіонеровъ. Въ семъ состоитъ подвигъ Русскаго Дворянина, пламенѣвшаго прямою любовію къ отечеству!

Въ прошломъ году Юля 1-го числа Демидовъ переселился въ вѣчность. Торжественная память была совершена въ заведеніи имъ установленномъ. Осиротѣвшіе юноши оплакивали своего благотворителя, отцы ихъ возсылали чистѣйшія молитвы ко Всебѣдущему, да осенитъ милосердіемъ своимъ того, котораго благодаренія основали благоденствіе въ семѣйствахъ Дворянъ бѣдныхъ не имѣвшихъ средствъ содѣлать приличнымъ образованіемъ дѣтей своихъ достойными званія, рожденіемъ имъ предоставленнаго. Среди-то сего событія наличное Дворянство Ярославской Губерніи, съ полнотою сердець благодарныхъ, учинило Актъ о сооруженіи памятника Демидову, который и позднѣйшему потомству возвѣщалъ бы великій подвигъ Русскаго Дворянина Ярославской Губерніи.

Я имѣлъ счастіе доводить до Высочайшаго Его Императорскаго Величества сведенія о семъ желаніи наличнаго Дворянства Ярославской Губерніи подписавшихъ Актъ и осчастливленъ Всемиловѣйшимъ Рескриптомъ на имя мое послѣдовавшимъ съ препровожденіемъ рисунка памятнику Высочайше утвержденнаго. Сообразно съ сею Высочайшею волею Всемиловѣйшаго Государя Императора нынѣ предположеніе такое приводится въ подлѣжащее исполненіе, и какъ до свѣденія моего доходитъ, что многія изъ почтенныхъ Дворянъ въ Губерніи пребывающія, по неприсудствованію въ бывшемъ собраніи при совѣршеніи памяти Демидову, не извѣщены со всею полнотою, въ чемъ будетъ состоять памятникъ, и какія мѣры приняты къ исполненію сего предположенія Дворянства; а потому пріятнымъ долгомъ себѣ вмѣняю исполнить сію обязанность и довѣсти до сведенія Вашего Милостивый Государь: 1-е) Памятникъ состоять будетъ изъ мѣдной колонны, которой вышина съ пѣдесталомъ 28 аршинъ. 2-е) На одной сторонѣ памятника будетъ слѣдующая Высочайше утвержденная надпись: Благодарное Дворянство Ярославской Губерніи Павлу Григорьевичу Демидову, покровителю просвѣщенія и основателю училища Высшихъ наукъ въ Ярославлѣ; съ другой гербъ Демидова и годъ сооруженія памятника; съ третьей въ кратцѣ изложено будетъ описаніе ознаменованныхъ Демидовымъ подвиговъ на пользу отечественнаго просвѣщенія; а съ четвертой на бронзовой доскѣ выгравировутся имена тѣхъ почтеннѣйшихъ Дворянъ, кои приняли участіе въ сооруженіи памятника. 3-е) Памятникъ предположено вылить мѣдной и къ славѣ Губерніи въ самомъ Губернскомъ Городѣ, Ярославскимъ литейнымъ мастеромъ Чарышниковымъ въ дѣлѣ семъ упражняющимся. Къ сему дѣлу уже все пріуготовленія учинены и самая форма устраивается.

Исполняя симъ долгъ обязанности Высочайшею волею и довѣріемъ Ярославскаго Дворянства на меня возложенной, я долгомъ себѣ вмѣняю удостовѣрить Васъ Милостивый Государь, что порученіе, каковое угодно будетъ Вамъ мнѣ сдѣлать по участію, какое принять изволите въ предположенномъ сооруженіи памятника, исполнено будетъ со всею точностію и послужитъ знакомъ довѣрія Вашего ко мнѣ, которое оправдать во всякомъ случаѣ почту пріятнѣйшею для себя обязанностію.

Съ истиннымъ почитаніемъ и таковою же преданностію имѣю честь быть

Милостивый Государь

№ 1921.

Покорнѣйшимъ слугою

16 Декабря 1822.

Александръ Безобразовъ.

Ярославль.

Его Благородію К. И.

Сукину.

Два донесенія А. Геденова В. Θ. Адлербергу, 26 іюня и 17 декабря
1846 года.

О произшествіи
по Московской
Дирекціи 19 Іюня.

*Доложено Его
Величеству
27 Іюня 1846
Генералъ Адъютантъ
Адлербергъ.*

Контора Московскихъ театровъ доноситъ мнѣ, что приставъ Тверской части увѣдомилъ Московскую Дирекцію, что 19-го числа сего Іюня во 2-мъ часу пополудни, отставной поручикъ Эрастъ Алексѣевъ Вингреневскій, пришедшую къ нему, по любовной съ нимъ связи Актрису Московскихъ театровъ Александру Алинскую застрѣлилъ изъ пистолета въ животъ пулею на вылетъ; но которая находится въ живыхъ. Въ слѣдъ за симъ изъ другаго пистолета выстрѣлилъ въ себя и вскорѣ умеръ. О каковомъ произшествіи долгомъ имѣю Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донести.

Директоръ Императорскихъ Театровъ *Геденовъ.*

№ 297.

„26“ Іюня 1846.

Министерство
Императорскаго
двора.
Дирекція
Императорскихъ
театровъ *)
въ С. Петербургѣ.
„17“ Декабря 1846.
№ 878.
*Къ свѣденію
22 декаб. 1846.*

Милостивый Государь
Владиміръ Ѳедоровичъ.

Контора Московскихъ театровъ доноситъ мнѣ что во время представленія на Большомъ Театрѣ 11-го ч. сего Декабря Бенефиса актера Бантышева, въ Интермедіи, упали изъ Литерныхъ ложъ два яблока, одно въ оркестръ подлѣ Дирижера, а другое закушенное въ третій рядъ креселъ. О произшествіи семъ вѣроятно Московская Полиція неоставитъ произвести слѣдствіе. Не имѣя причинъ думать чтобы яблоки были брошены съ какимъ либо намѣреніемъ, потому что Литерныя ложи, на которыя указывается, занимались знакомыми людьми бенефицианту Бантышеву человѣку извѣстному хорошею нравственностію, и во время паденія ихъ, пѣль находящійся нынѣ въ Москвѣ пѣвецъ Петербургской оперы Артемовскій, вообще въ Москвѣ понравившійся, то я полагаю случай этотъ скорѣе неосторожностію, нежели злоумышленіемъ, но

Его Высокопре-ву В. Θ.
Адлербергу.

*) Напечатано.

какъ вѣроятно Полиція сдѣлаетъ по оному отъ себя донесеніе, то поставляю долгомъ и съ своей стороны сообщить о томъ на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ мою отличномъ почтеніи и совершенной преданности.

А. Гедеоновъ.

Дѣло актрисъ Вольнисъ и Дю-Плесси, 1847 года.

Министерство
Императорскаго
Двора.
Дирекція
Императорскихъ
Театровъ.
С. Петербургъ.
10 Іюля 1847.
№ 463.

Высочайше повелѣно объявить актрисамъ Вольнисъ и Дю-Плесси, что позволяется привезти нужные вещи для собственнаго ихъ туалета, только при первомъ ихъ приѣздѣ и не въ болѣе больномъ количествѣ; и потому нельзя нынѣ пропустить безъ пошлины привезенные вещи особенно мебели и матеріи для комнатъ, если не хотятъ платить пошлины, то могутъ вещи отослать обратно.

11 Іюля 1847.

Господину Министру
Императорскаго Двора
Директора Императорскихъ Театровъ.
Рапортъ.

Актриса французской труппы Вольнисъ проситъ объ исходатайствованіи безпошлинаго пропуска оставленныхъ въ Таможнѣ матерій привезенныхъ ею изъ-за границы для своего гардероба и мебели потребной для домашняго употребленія. Представляя письмо Вольнисъ по сему предмету въ подлинникъ на благоусмотрѣніе Вашей свѣтлости, честь имѣю донести, что по Высочайшему повелѣнію объявленному Г-ну Министру Финансовъ въ отношеніи Г-на Генераль-Адъютанта Адлерберга отъ 22-го ч. Іюля 1845-го г. представлено вновь ангажируемымъ къ здѣшнимъ Театрамъ актрисамъ, пѣвицамъ, и танцовщицамъ, привозить съ собою безпошлинно платья, матеріи и прочіе необходимыя для сцены предметы. На основаніи чего Г-мъ Министромъ Финансовъ и дано разрѣшеніе изъ вещей Актрисы Вольнисъ пропустить безпошлинно матеріи и вообще всѣ предметы необходимыя для туалета, за исключеніемъ 5 пудовъ 9 фунтовъ шелковой одноцвѣтной матеріи фасоне, одного пуда кембрика, одного пуда 8 фунтовъ тюлю, одного пуда 14 фунтовъ лентъ шелковыхъ, одного пуда бумаги писчей, и двухъ фунтовъ нюхательнаго табака. Каковыя предметы по роду и количеству своему должны быть отнесены къ разряду товаровъ; почему Г-нъ Министръ Финансовъ и не считаетъ себя вправѣ безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія допустить сіи вещи къ безпошлинному

пропуску, равно какъ и принадлежащую Вольнисъ мебель, которая не подходитъ подъ означенное Высочайшее повелѣніе 22 Іюля 1845 г.

Актриса Вольнисъ съ своей стороны оправдываетъ привозъ всѣхъ сихъ вещей тѣмъ, что будучи ангажирована на службу къ здѣшнимъ Театрамъ на четыре года, она сочла для себя необходимостію запастись на все это время всѣми по возможности сценическими для себя потребностями въ соразмѣрномъ количествѣ, а мебель необходима ей для домашняго устройства.

Признавая вообще справедливость показанія актрисы Вольнисъ, я и съ своей стороны долгомъ поставлю присовокупить, что по занимаемому ею амплуа, для нея дѣйствительно необходимо имѣть большой запасъ гардеробныхъ матеріи и принадлежностей, при той роскоши, какая по сему предмету существуетъ на нашемъ Театрѣ. Равномѣрно нельзя отвергнуть необходимости и въ мебели для домашняго ея устройства, ибо не зная никого въ Россіи, для нее было бы гораздо затруднительнее заводить свое хозяйство здѣсь, нежели перевести то, какое уже имѣла въ своемъ отечествѣ. И какъ притомъ я твердо увѣренъ, что все привезенное актрисою Вольнисъ принадлежитъ ей, и вывезено ею единственно только для собственнаго ея употребленія;—то по уваженію сего и по бывшимъ примѣрамъ для другихъ первоклассныхъ артистовъ, имѣвшихъ при первоначальномъ пріѣздѣ своемъ въ Россію разрѣшенія на пропускъ безошлинно всѣхъ вещей своихъ, испрашиваю объ исходатайствованіи таковой же Высочайшей милости и для актрисы Вольнисъ, коей первоклассный талантъ по всей справедливости заслуживаетъ особаго вниманія. Вмѣстѣ съ симъ имѣю честь донести Вашей Свѣтлости, что находящаяся въ отпуску за границею актриса Плесси прислала сюда на паракордѣ разныя принадлежащія ей туалетныя вещи, которыя также не пропускаются безошлинно, потому, какъ увѣдомляетъ меня Г-нъ Министръ Финансовъ, что вышепомянутымъ Высочайшимъ повелѣніемъ поставлено пропускать безошлинно матеріи, платья и прочіе необходимые для сцены предметы, привозимые *вновь ангажируемыми* актрисами, а Г-жа Плесси находится въ чужихъ краяхъ въ отпуску, и притомъ ей выданы уже были безошлинно въ прошедшемъ году съ Высочайшаго разрѣшенія привезенныя изъ за границы необходимыя матеріи для платьевъ. Сей вторичный привозъ актрисою Плесси изъ за-границы туалетныхъ вещей для себя, хотя по точному значенію вышеизображеннаго Высочайшаго постановленія 22 Іюля 1845-го г. и не можетъ относиться къ тому праву какое предоставляется симъ постановленіемъ на привозъ вещей иностранными артистами, но какъ вещи присланныя нынѣ отъ Плесси принадлежатъ къ собственному ея гардеробу, который по занимаемому ею амплуа, необходимо долженъ быть въ большомъ разнородномъ количествѣ, то по уваженію сего, не признаете ли Ваша свѣтлость возможнымъ, исходатайствовать Высочайшее соизволеніе на безошлинный про-

пускъ вещей и для сей Актрисы нынѣ, привезенныхъ. Но при этомъ я полагаю что нынѣшняя присылка вещей отъ Плесси есть только часть ея гердероба, который намѣревается она искупить за-границею, и потому вѣроятно будетъ отъ нея присылка вещей еще и въ послѣдствіи, ибо отпускъ ея нескоро еще окончится. Но во всякомъ случаѣ могу завѣрить что всѣ вещи привезенныя Актрисою Вольнисъ для 4-хъ лѣтняго ангажемента, пойдутъ на собственное только сей Актрисы для себя употребленіе, а не на продажу; и по обширности репертуара Плесси и Вольнисъ необходимы имъ въ томъ количествѣ въ какомъ выписываются.

По Таможнѣ же вывѣшиваются онѣ съ ящиками и картонами въ которыхъ находятся, и какъ притомъ шелковая матерія и сама по себѣ слишкомъ вѣса, то все это вмѣстѣ и составляетъ довольно значительное количество вѣса.

Директоръ Императорскихъ Театровъ *Гедеоновъ*.

Excellence.

Pardonnez moi de venir vous importuner au sujet des objets que j'ai rapportée de France, et que la douane me retient en ce moment; vous avez daigné me dire le premier Juillet à Peterhoff, que le ministre des finances avait donné l'ordre de laisser entrer mes meubles, mes étoffes, mes toilettes, et mes objets de théâtre, pardonnez si j'insiste, mais la douane n'ai encore reçu aucun avis! la situation devient désastreuse pour moi, chaque jour de retard est pour mes intérêts une perte incalculable; en signant mon engagement en France, mon camarade Bressant, le correspondant Collignon, m'ont dit d'apporter tout ce qui me sera nécessaire pour mes quatre années, que L'Empereur, beinvaillant protecteur des artistes, leur accorde toujours cette haute faveur la première année; forte de ces paroles, j'ai signé mon engagement, payé aux français mon Dédit de 24 mille francs, et fait des achats considérables! à mon arrivée ici, ne voyant point venir mes caisses par le voilier, vous savez Excellence que je n'ai pas reculé devant les énormes dépenses pour mes toilettes, qu'il a fallu faire, quoique cependant j'aie tout cela derrière moi, vous conviendrez vous même que tout ici pour le theatre est hors de prix! moi, femme d'ordre et rangée, jugez de ma douleur en ce moment! Je suis au bout de mon courage, et de mes dépenses. Samedi et dimanche nous devons jouer des pièces qui exigent beaucoup de toilettes, je ne puis, ayant mes objets ici, recommencer ce que je fais depuis 5 semaines, et je serais désolée d'entraver vos projets de spectacles. Mes meubles aussi sont arrivés, et je ne puis les avoir! J'ai loué un appartement, et paye le double à l'hôtel.

Au nom du Ciel, Excellence, vous si bon, si bienveillant, veuillez me sortir de cette triste alternative, je vous le répète, chaque jour de retard m'est bien funeste! les caisses ont été visitées ces jours ci à la douane, elles sont mal refermées,

l'humidite peut faire des dégats irréparables, je ne suis pas riche, je suis artiste, j'ai fait de grandes dépenses pour mes toilettes de théâtre sachant qu'ici c'est un luxe auquel on tient beaucoup, un mot en ma faveur Excellence pour qu'un seul ordre me fasse rendre à la fois tout ce que j'ai cité plus haut dans ma lettre.

Je viens de parler bien longtemps, j'abuse de votre bonté, excusez je vous prie, mais par grace sortez moi au plus vite de cette pénible situation!

Veillez agréer Excellence, l'assurance de ma sincère reconnaissance et de mon profond dévouement.

Leontine Fay Volnys.

9 Juillet 1847 St Petersbourg.

Письмо актрисы Дю-Плесси Гедеонову, 10 сентября 1849 года.

10 Septembre 1849

Excellence,

Je suis revenue, comme vous le savez, mardi dernier à St. Pétersbourg. Hier vendredi je me suis présentée au comptoir pour toucher ce qui m'est dû depuis mon départ. On m'a répondu qu'il y avait ordre de ne pas payer et que mes appointements étaient supprimés pendant mon congé.

Votre Excellence me permettra de remettre sous ses yeux les termes du contrat qui me lie depuis le 27 Août 1845 avec la direction des théâtres Impériaux.

Ce contrat porte article 5:

„En consequence de ces clauses fidèlement remplies, il sera payé à M-me „Arnould-Plessy par la direction Impériale, pour chaque année de la durée du présent „engagement la somme de trente cinq mille roubles assignation payables par sixième „de deux mois en deux mois, suivant l'usage.“

Et plus loin:

„Enfin pour dernière clause du présent traité, il est accordé à la contractante „un congé de deux mois et demi qui commencera chaque année le 15 mai et finira „le 31 Juillet.“

Relativement à l'époque de mon retour cette année, votre Excellence voudra bien se rappeler que l'été dernier, sur sa demande, je suis restée à St. Petersbourg, et que mon congé de 1848 s'est ajouté à celui de 1849.

Vous voyez, Excellence, que les termes de mon contrat sont absolus et que le congé n'implique aucune retenue d'appointements puisqu'il est dit expressément dans l'article 5 que les conditions de mon engagement sont, outre les feux et une repré-

sensation à bénéfice, trente cinq mille roubles assignation d'appointements par an. Si mon congé annuel avait du entraîner la suspension d'une partie de mes appointements, cette clause aurait été assurément spécifiée en termes formels et précis à l'article, qui concerne le congé. En effet, dans tout engagement d'un artiste avec un théâtre, un congé stipulé par contrat a toujours et sera toujours, sauf réserve expresse, regardé comme un droit dont on jouit sans conditions.

Lorsque je faisais partie du théâtre français de Paris, j'avais par contrat un congé annuel à l'expiration duquel je touchais mes appointements échus pendant mon absence et je puis affirmer à votre Excellence, que jamais, et dans aucun théâtre, on n'a interprété autrement les engagements des artistes. Il y a plus, dans le cas dont il s'agit, je puis invoquer pour moi le bénéfice du passé, l'exécution de mon contrat telle qu'elle a été entendue par vous et par moi quand je me suis engagé avec la direction Impériale, et rappeler à votre Excellence que cette nouvelle mesure, que je me permets de discuter, ne saurait m'atteindre, puisque contrairement à un principe reconnu et pratiqué de tout temps et partout, elle aurait un effet rétrouctif. Votre Excellence voudra bien se souvenir que deux fois déjà j'ai pris le congé annuel stipulé dans mon contrat, et que deux fois les appointements échus pendant mon absence m'ont été payés sans difficulté, en vertu des termes de mon engagement.

Je suis persuadée qu'en présence du texte de mon contrat et de la manière dont il a été exécuté jusqu'à ce jour, votre Excellence reconnaitra la justice de ma réclamation.

Agréez l'assurance de ma haute considération
Arnould-Plessy.

Прошение Л. Асенковой на высочайшее имя, 3 марта 1850 года.

Ваше Императорское Величество!

Вамъ пишетъ дѣвушка, бѣдная, неимѣющая никакого права на высокое вниманіе Государя, но движимая надѣждою что письмо ея достигнетъ цѣли, хотя бы потому только что она сестра артистки Асенковой, которая при жизни своей неоднократно была осчастливлена милостями Вашего Величества.

Государь! у меня нѣтъ какъ у покойной сестры моей, таланта, который бы далъ мнѣ возможность пріобрѣсть имя артистки, но у меня, какъ у всякой женщины, есть сердце умѣющее любить, между тѣмъ женихъ мой Коллежскій Секретарь Ленцъ (служащій въ Горномъ Департаментѣ Министерства Финансовъ) также человѣкъ безъ всякаго состоянія и безъ всякой возможности вести жизнь женатаго человѣка.

Положеніе мое грустно, безотрадно, вся надежда моя на Васъ Государь! Имя покойной сестры моей, которое ношу я, и чувство, которымъ полно мое сердце, подали мнѣ мысль прибѣгнуть къ Вашему Величеству; дерзость моя велика, но велико и милосердіе Монарха, на которое, послѣ Бога, единственно уповаю.

Вашего Императорскаго Величества
Всеподданнѣйшая раба
Любовь Асенкова.

3-го Марта 1850-го.

Жительство имѣю: въ Колокольной улицѣ, близъ Владимірской церкви въ Домѣ Зиминной № ¹³⁵/₆.

Высочайше повелѣно напередъ узнать о поведеніи просительницы и гдѣ воспитывалась? 5 Марта 1850.

Выдано въ пособіе 150 рублей *).

Печатное объявленіе дирекціи Одесскаго театра.

Объявленіе отъ театра.

Дирекція Одесскаго театра считаетъ обязанностію своею просить посѣтителей театра, во время пребыванія Ихъ Императорскихъ Величествъ, не стучать палками въ театрѣ вмѣсто апплодированія, и воздержаться отъ слишкомъ громкихъ выраженій своего удовольствія, равнымъ образомъ не вызывать актеровъ и не заставлять ихъ повторять пропѣтыя ими пьесы, потому что имъ приказано никогда не повторять музыкальныхъ пьесъ въ операхъ.

Avis du théâtre.

La Direction du Théâtre a l'honneur de prévenir le public, que durant le séjour de LL. Majestés Impériales, on est prié de ne pas frapper avec les cannes, au lieu d'applaudir, de ne pas exprimer bruyamment sa satisfaction, de ne pas appeler les acteurs sur la scène, et de s'abstenir de leur crier *bis*, car il leur est ordonné une fois pour toutes de ne pas répéter les morceaux de musique.

Avviso del teatro.

La Direzione del Teatro, ha l'onore di prevenire il Pubblico, che durante il soggiorno delle Loro Maesta Imperiale si è pregato di non pestar con le canne, invece d'applausi, di non esprimere strepitosamente sua contentezza, di non chiamar fuori li attori in scena, e di ritenirsi di gridare *bis*, perchè li è per sempre interdetto di ripetere i pezzi di canto.

---

*) Написано карандашомъ.

Три письма М. Щербинина, 1828 года.

Odessa le 16 Juillet 1828.

Reçu le 31 Juillet pres de Choumla. *)

Cher Prince, grondez moi, appelez moi un bavard, un importun, un facheux; tout ce que Vous voulez; mais je ne saurais retenir ma plume qui brule de Vous exprimer combien j'ai été rejoui de la nouvelle que Vous avez reçu une croix.

Agréez en mes felicitations les plus sincères ainsi que les voeux que je fais que Vous receviez celle de St. Georges, et que Vous nous reveniez bientôt couvert de lauriers et de gloire. Le peu d'instant que j'ai passé ici avec Vous, me fait desirer que cette époque soit prochaine, et qu'à la fin de cette belle campagne, Vous soyez rendu à Votre famille à l'affection de la quelle Vous aurez acquis de nouveaux droits par Vos exploits. C'est la Princesse Sophie qui m'a annoncé la récompense qui Vous a été accordée et très certainement jamais meilleure nouvelle ne m'est parvenue plus agréablement. Je ne puis m'empêcher de Vous envier le bonheur de pouvoir Vous distinguer sur le champ de l'honneur. Voler au combat était ce que j'ambitionnais dès mon enfance; l'amour de la guerre s'est éveillé en moi avec plus de force à l'ouverture de cette glorieuse campagne, et lorsque je me vois croupissant sur des papiers tandis qu'un millier de braves versent noblement leur sang pour la patrie, j'en accuse le destin, ce tyran qui a été si constant à me poursuivre dès ma naissance et ne cessera de me faire gémir sous ses coups jusqu'à ma mort. Que faire, me résigner, voilà tout ce qui m'est réservé. En attendant pour faire diversion à mes chagrins et me distraire, je vais quelquefois chez l'aimable Марія Антоновна à laquelle Vous m'avez présenté. Sa société charmante assaisonnée de saillies fines et spirituelles sert à former mon jugement et mon coeur, elle me demande souvent de Vos nouvelles en ces termes: „А что Милостивый Господинъ, здоровъ ли нашъ милый и любезный адъютантъ? Скоро ли къ намъ будетъ.“ Comme Vénus n'est pas la seule deesse à qui elle aye consacré son culte, et que Bacchus a l'honneur de le partager, Марья Антоновна est souvent délicieuse et Vous auriez beaucoup de plaisir à jouir de sa conversation. Mais j'apperçois très cher Prince, que j'abuse de Votre patience, et que je puis fort bien finir par Vous ennuyer, je me tais donc en Vous suppliant dans le tourbillon de la gloire, de Vous rappeler un instant du modeste anachorète d'Odessa dont les voeux pour Votre bonheur Vous suivront dans les combats et à la victoire, et que termine par ce vers d'une romance fort connue.

„Distinguez Vous, mais ne m'oubliez pas.“

Oui, cher et bon Prince, distinguez vous, cueillez des lauriers, mais n'oubliez pas

Votre très humble et fidèle serviteur

M. Scherbininn.

P. S. Si Vous avez quelques ordres à me donner, je serai heureux de les executer.

---

*) Написано другой рукой.

Camp sous Warna le 17 Aout 1828.

Reçu le 22 Aout.*)

Cher et excellent Prince, je ne me doutais nullement lorsque j'ai eu le plaisir de fumer paisiblement avec Vous à Odessa ou de conter des amabilités à Мария Антоновна que c'est d'un camp, que je Vous adresserais ces lignes. La nomination du Comte à ce poste a été aussi précipité qu'inattendu; il a eu la bonté de me prendre avec lui et 24 heures après l'ordre reçu nous étions à bord la frégate le Standart,— 2 jours après nous nous trouvont sur une terre ennemie, et je Vous écris au bruit du canon. Je Vous ai écrit une longue lettre d'Odessa cher Prince, Vous n'y avez pas répondu; mais je ne Vous en veux pas; une petite place dans Votre amitié c'est tout ce que je demande. Depuis que je Vous ai écrit, j'ai eu le plaisir de voir votre frère Nicolas qui a passé quelques jours à Odessa. Vous savez surement l'alarme qui s'est répandue dans notre ville, mais qui bien heureusement était fausse. On a répandu le bruit Dieu sait pourquoi, que Vous aviez été blessé très grièvement, tout le monde en a été affligé, quant à moi cher et bon Prince, vous pouvez concevoir combien j'en ai été affecté et combien ma joie était vive quand j'ai su que Vous étiez bien portant; j'ai attendu en vain quelques mots de Vous en réponse à ma lettre, mais à présent que nous sommes près j'espère que Vous me donnerez de Vos nouvelles.

Je ne puis Vous dire combien j'admire mon chef. Il a quitté le bureau du general gouverneur pour tirer le glaive; son sang froid sa resignation sont étonnantes. Je ferai tout mon possible pour ne pas le quitter d'un instant, et autant que je pourrai j'irai voir les opérations militaires. C'est un spectacle tout à fait nouveau pour moi et je suis fort aise de tater de la vie de camp. Adieu cher bon excellent Prince, je me recommande à Votre amitié; la mienne Vous est vouée pour toujours

Votre fidèle serviteur

M. Scherbininn.

Reçu le 24 Sept: au camp de Choumla après mon voyage à Warna.**)

Camp sous Warna le 13 Sept 1828.

J'ai été enchanté en recevant une lettre de Schoumla, de voir que c'était de Vous, cher Prince, et que Vous ne m'aviez pas oublié comme je l'avais craint. Merci mille fois merci pour m'avoir tiré de ce doute. J'ai rempli Votre commission pour Votre frère Nicolas, qui est posté dans une redoute et que je vois presque tout les jours. Il m'a promis de Vous ecrire et il doit en outre par la premiere occasion Vous envoyer une montre, que l'Imperatrice a eu la bonté de lui donner

---

*) Написано другой рукой.

**) Написано другой рукой.

pour Vous être remise. Je crois même que c'est aujourd'hui qu'il doit remplir sa commission. Cette nuit, le Comte Diebitch vient d'arriver; nous avons des arrivants de tous cotés; si quelque bon vent Vous amenais aussi ici, combien je serais heureux!

Nos affaires ici vont très bien, la batterie de brèche joue avec succès, et il y a tout sujet d'espérer que la danse finira bientôt. Votre frère Nicolas a déjà entendu le sifflement des balles et le roulement du canon; il brule du desir de se distinguer et de cueillir des lauriers. L'occasion s'en présentera certainement bientôt.

L'Imperatrice a quitté Odessa le 9, et on dit, que la ville est devenue d'un ennui insupportable. Je continue à me plaindre extrêmement de la vie que je mène et supporte le climat parfaitement bien. Je ne cesse d'admirer mon chef, qu'ayant échangé la plume pour reprendre le glaive compagnon de ses beaux jours est revenu à son ancien métier comme s'il ne l'avait jamais quitté. Vous connaissez déjà certainement la malheureuse affaire des chasseurs de la garde; le coeur saigne en y pensant; il faut espérer, que nos troupes tireront une vengeance éclatante de cette mésaventure. Adieu cher et excellent Prince; je crains de Vous ennuyer par mon bavardage et remets ma plume en faisant des vœux pour Votre bonheur et Vos succès dans la carrière de Mars comme dans celle de l'amour, et Vous priant de Vous rappeler quelquefois de Votre plus dévoué et plus fidèle serviteur

M. Scherbininn.

Письма генерала Ө. И. Соймонова, 1853—1854 гг.

13 Октября 1853 года близъ Журжи.

С. Фратештидевале, Валахія.

Доброй другъ милой братъ Михаилъ Владиміровичъ и милая сестра Дарья Александровна,—увѣренъ что вы не сердитесь за долгое мое молчаніе и простите что по множеству хлопотъ и отдаленію отъ русской почты нѣтъ возможности писать такъ часто къ вамъ какъ бы хотѣлось. Знаю, что мои изъ Кишинева, время отъ времени извѣщаютъ васъ, и о себѣ и о насъ. Я и Николай слава Богу здоровы—ожидаемъ въ гости милыхъ нашихъ сосѣдей, Саидъ пашу и Измаиль Бея онѣ живутъ въ Рушукѣ и мы въ Журже—рѣка Дунай насъ раздѣляетъ—правовѣрныя сидятъ въ бесѣдкѣ, курятъ трубки, пьютъ кофей—и съ утра до ночи зѣваютъ на мои переднія баталіоны, распуская слухъ что самъ Омеръ по прибытіи на дняхъ въ Рушукъ пожалуетъ ко мнѣ въ гости—чтожъ милости просимъ, гостямъ рады и приличное угощеніе давно готово—и кажется на первой разъ достаточно, со мною теперь въ авангардѣ Донской № 40 полкъ,

Гусарской Наслѣдника Цесаревича, Конная № 8 батарея, 7 баталіоновъ Егерей 4 бат. Томскихъ и 3 Колыванскихъ, 2-я батарейная батарея и 2-я легкая 10 полевой Арт. бригады. Черезъ 24 часа по 1-у выстрѣлу явятся еще столько же—стало быть угощеніе готово.

Штабъ мой состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ.

Начальникъ штаба Генер. штаба Полков. Глѣбовъ.

Дежурной штабъ офи. Нассау. полка Маіоръ Афанасопуло.

Старшій Адъют. III. К. Конюшевскій.

Личныя Адъют. Тигерстенъ и Чаплинской.

Ординарцы Улан. Нассау. полка Величко и Якобсонъ.

Гусарскаго Наслѣ. полка Корнеты Собанской и Прушинскій.

Дивиз. жалонеръ Лисовской.

Дивиз. докторъ Конытовскій.

Оберъ Аудиторъ Сергѣевъ.

Оберъ провіантмейстеръ Ивашинъ.

Оберъ вагенмейстеръ Маіоръ Ятковской.

— гевальдигеръ Ракитинъ и казачій конвой подъ начальствомъ Николая состоящаго при начальникѣ штаба.

Теперь мы начали строить землянки по приказанію Князя Михайлы Дмитріевича Горчакова нашего Главнокомандующаго 4 и 5 корпусами. Попеченіемъ и заботливостію Князя такъ правильно, такъ хорошо устроилось продовольствіе Войскъ, что не токмо нѣтъ ни въ чемъ недостатка, но право и дома, при зборахъ желать лучше нельзя. Войско и все мы благодареніе Богу здоровы, солдаты и офицеры съ отличнымъ духомъ и ждутъ не дождутся схватки съ правовѣрными мѣшаными войсками Султана, есть регулярныя молодая Войска, есть редифы (безсрочныя) Арабы и Арнауты—хвастовства много, нуждъ того болѣе и по безпорядку весьма примѣтному у Турковъ не думаю, чтобы при сраженіяхъ надолго ихъ стало. Да правду сказать пора бы и порѣшить какъ говорятъ наши солдаты—и если живутъ еще Турки въ Европѣ, то конечно лишъ по милости нашего Отца Государя.

Вотъ тебѣ доброй другъ и братъ въ краткихъ словахъ настоящее положеніе чѣмъ все это кончится нельзя знать.

Мысленно крѣпко прижимаю тебя къ сердцу цѣлуя ручки твои милая сестра равно и у милой моей прекрасной племянницѣ остаюсь вашъ вѣрной другъ
Ф. Соймоновъ.

Прошу сказать анекдотъ Анятъ: какъ то, на дняхъ, налѣтело огромное стадо птицъ на зеленныя палатки Турокъ, ударились въ палатки, закричали, Турки спали, и въ испугѣ проснувшись закричали *Гяуръ* бросились бѣжать, нѣкоторыхъ только къ вечеру вернули въ лагерь.

Николай свидѣтельствуеъ свое почтеніе, цѣлуетъ ручки твои милая сестра и кузины и проситъ написать міліоны желаній всѣхъ милостей Божіихъ. Сестрѣ Елизаветѣ Владиміровнѣ Егоръ Егоровичу и его семейству кланяюсь.

25 Ноября 1853 года С. Фратешти
день Вале близъ Г. Журжи.

Почти мѣсяцъ письмо Ваше милыя друзья было въ дорогѣ, если и мое также будетъ путешествовать, то получите къ празднику Рождества Христова или Новому Году, поэтому безъ ошибки могу просить принять мое поздравленіе съ сердечнымъ желаніемъ здоровья, радостей и успѣховъ во всѣхъ Вашихъ предпріятіяхъ. Пожелайтѣ и мнѣ и молодому офицеру Николаю того же, 16 Октября Николай произвѣденъ и три раза былъ подѣ крѣпостными Турецкими 36 фунт. ядрами, гранатами, картечью и пулями, радостно мнѣ свидѣтельствовать что Николай на глазахъ моихъ велъ себя молодцомъ, прямо Русскимъ офицеромъ и эполеты свои заслужилъ дѣльно—но все еще молодъ, выпросилъ и хранить одно изъ 36 фун. ядеръ которое легло подлѣ него перелѣтевъ чрезъ голову. Подробностей писать невозможно, а скажу что изъ Рущука Турки 3 раза пытались укрѣпиться противъ меня, но всякой разъ славно были проучены и бросаясь на суда обратно спасались въ Рущукъ. Противъ меня въ Рущукѣ два паши Саидъ и Магмутъ. Войско регулярное, есть и редифы (или безсрочныя) также Албанцы и Арапы послѣднія ничто иное какъ разбойники сволочь да еще къ нимъ примкнули мятежники всѣхъ странъ, то можно представить себѣ какова толпа бродягъ. Регулярныя войска устроены кое какъ. Военныя дѣйствія начались у насъ съ половины Октября—здоровьѣ всѣхъ вообще таково, чтобъ дай Богъ чтобъ такъ и продолжалось, заботливость Князя Михаила Дмитріевича Горчакова такъ велика что мы живемъ какъ будто дома все помѣщены прекрасно, сыты, веселы и ждемъ лишь повѣленій Отца Государя. Конечно это письмо будетъ читать проколотымъ и окуренымъ но сдѣсь и помину нѣтъ о чумѣ, и даже у Турокъ—это одна лишь форма или обрядъ возстановленной по Пруту нашей карантинной линіи. Сестрѣ Елизаветѣ Владиміровнѣ передайте желаніе мое ей всѣхъ милостей Божіихъ цѣлую ея ручки, равно твои милая сестра и Анюты, тебя братъ обнимая остаюсь твой другъ и братъ Ф. Соймоновъ.

Егоръ Егоровичу и его семейству мой поклонъ и всѣхъ поздравтѣ съ наступающими праздниками.

8 Генваря 1854 г. Журжа.

Добрый другъ и братъ Михаилъ Владиміровичъ и милая сестра Дарья Александровна съ 3 Генваря по 3 Февраля я возился съ Турками, которыя непремѣнно хотѣли перейти Дунай и утвердятся на нашемъ берегу; но Господь Богъ

пособилъ разбить и опрокинуть правовѣрныхъ 3 Генваря и порядкомъ поколотить 22 числа—все эти подробности болѣе или менѣе, конечно Вамъ извѣстны или будутъ скоро извѣстны изъ газетъ; но лучшеѣ самое было дерзкое наше предпріятіе съ 28 Генваря по 3 Февраля, истребленіе парохода Турецкаго и другихъ судовъ. 3 дня сряду сперва 2 орудія а далѣе 6 батарейныхъ моихъ боролись противу 92 громаднхъ крѣпостныхъ орудій, въ это побоище Турки, меньшей мѣрою выпустили 12 т. зарядовъ ядеръ гранатъ и бомбъ. Искусное устройство Генералъ-Адъютантомъ Шильдеромъ для моихъ пушечекъ маленькихъ но грозныхъ батареекъ пособило потопить пароходъ и немало большихъ и малыхъ судовъ турецкихъ. Искусство Генерала Шильдера извѣстно Европѣ—нужно было исполненіе и Богъ пособилъ мнѣ, изъ вышедшаго бюллетеня я выписываю лишь тѣ строки которыя лично до меня касаются, зная что вамъ пріятно будетъ прочесть то, что будетъ по цѣлому свѣту извѣстнымъ. Cette entreprise d'une hardiesse sans exemple, à été exécutée par le lieutenant Général Soimonoff, sous la direction supérieure du Gen. du génie Schilder. Далѣе описывается самое дѣйствіе—и въ заключеніе прописывается что par la vigueur et l'activité du Ge. Soimonoff durant le cours de ces operations ainsi que le sang froid plein d'intrepidité.... donc firent preuve nos officiers et artilleurs contribuèrent aussi puissamment à ces brillants résultats. Князь Михаилъ Дмитриевичъ за сраженіе 22 числа въ официальномъ ко мнѣ повѣлѣніи 1 Фев. пишетъ: „Присемъ считаю за обязанность Вамъ „изъявить искреннюю мою признательность за всѣ ваши труды увѣнчанныя „прекраснымъ успѣхомъ и за послѣдній подвигъ отъ 4 Февраля. Донесеніе „В. П. отъ 3 Февр. № 117, объ удачномъ дѣйствіи нашихъ батарей и привѣденіе неприятельской Флотиліи почти въ полное уничтоженіе, я прочиталъ съ „особеннымъ удовольствіемъ и спѣшу выразить вамъ особенную мою признательность за дѣятельность и распорядительность оказанную вами въ исполненіи „этого важнаго дѣла“. Георгіевскія кресты ребятамъ я получилъ, Егеря, Артиллерія пѣшая, конная, Гусары и Донцы по молебствіи торжественно я имѣлъ радость надѣтъ на груди храбрыхъ. О штабъ и оберъ офицерахъ приказано и разрѣшено представить къ наградамъ что уже я исполнилъ и между прочими по сущей справедливости прошу Николаю Анн. саблю съ надписью за храбрость, и за сраженіе 22 числа слѣду. чинъ. Вотъ все что было въ Генварѣ—далѣе въ упованіе на милосердіе и помощь Божію и милости Государя буду трудиться во славу Вѣры святой нашей, во славу Царя и матушки Россіи—за Богомъ молитва, а за царемъ Отцомъ нашимъ служба не пропадаетъ. Прошу тебя другъ и братъ передать желаніе мое всѣхъ милостей Божіихъ сестрѣ Елисаветѣ Владиміровнѣ кланяйся Егоръ Егоровичу и его семейству, поцѣлуй тысячу разъ сестру Дашу и Анюту—а тебя обнимая остаюсь навсегда весь твой

Ф. Соймоновъ.

14 Генваря 1854. Г. Журжа.

Добрый, милой другъ и братъ Михаилъ Владиміровичъ и милая сестра Дарья Александровна. Мнѣ очень хотѣлось писать Вамъ тотчасъ послѣ Новаго Года, но 3-го числа Генваря весь день провозился съ Турками которыя вѣроятно сочли за должное переправится ко мнѣ съ поздравленіемъ Новаго Года. На разсвѣтѣ пожаловали на нѣсколькихъ судахъ противъ С. Слободзеи, куда изъ Журжи я успѣлъ доскакать одинъ (потому что вся моя свита покойно почивала) и поспѣлъ во время заставъ 1 Баталіонъ въ ружье я повелъ его съ 2 орудіями благодарить гостей за сдѣланную честь—и переправивъ 3 роты подъ сильнѣйшимъ огнемъ крѣпостныхъ орудій Рущука чрезъ Дунайскій заливъ тотчасъ проводилъ во свояси. Штуцерныя мои и застрѣльщики дѣйствовали отлично—порядочное количество правовѣрныхъ отправилось въ рай Магометовъ и немало останется калѣкъ, у меня раненъ 1 казакъ пулею въ руку и контуженъ ядромъ въ бокъ 1 егеръ да мнѣ засорило правой глазъ землею и пескомъ отъ брызгъ упавшаго подъ ноги моей лошади 48 ф. ядра. На другой день опухоль и боль глаза миновались, казакъ и егеръ слава Богу здоровы. Адьютанты мои, ординарцы и Николай похожи были на Арабовъ брызгами земли или лучше сказать грязи онѣ непохожи были на людей, и точно были въ маскахъ, равно кони ихъ и шинели—имъ всѣмъ стоило умыться тѣмъ и миновалось. На площадкѣ гдѣ я простоялъ не болѣе 20 минутъ и свита моя легло 35 ядеръ—это не болѣе какъ на пространствѣ 10 квад. сажень, послѣ дѣла 3 Генв. собрано болѣе 200 ядеръ—всѣхъ выстрѣловъ Турчешти сдѣлали по насъ 378! ружейной огонь тоже былъ недуренъ, 3 т. патроновъ мои истратили и казаки 578. Едва эта продѣлка кончилась заѣхалъ я къ полковому командиру въ Слободзею проглотить стаканъ чаю, какъ Турки вновь явились, но уже съ большими силами, вновь надо было возится, и опять тѣмъ же кончилось, Османны растеряли чалмы, фески и потерявъ убитыми до 30 человекъ вторично бѣжали сѣвъ на суда свои. Это былъ часъ уже 1-й по полудни—чрезъ полчаса я былъ уже въ Журже (4 версты отъ Слободзеи) и собирался обѣдать, какъ въ 3-й разъ Турки пожаловали, прибавивъ войски, тогда я приказалъ атаковать ихъ изъ Слободзеи и переправилъ изъ Журжи 2 роты завязалась упорная перестрѣлка. Между тѣмъ крѣпость не умолкала. Пользуясь дымомъ пушекъ я выдвинулъ 2 орудія, и хотя пришлось бить на самую дальнюю дистанцію, но однакъжъ 4 картечныя гранаты 2 батар. орудій произвели кутерьму и такимъ образомъ, въ 3-й разъ, Турки были отбиты безъ потери нашей. Видимое милосердіе и покровительство Господня—пусть такъ и далѣе будетъ. Замолкло все лишь въ 5-мъ часу вечера. Все эти дни Турки не перестаютъ стрѣлять по моему дому, немало разбили крышъ, потолковъ, переломали мебели. Но опять видимо Господь хранить и милуетъ никто не убитъ лишь контужены 2 афицера—но безопасно, скоро бу-

дуть здоровы. Вчера оставались Турки безъ обѣда—противъ Рущука на мели стоитъ давно купеческое Греческое судно, нагруженное бочечными досками и принадлежащими французскимъ негоціантамъ. Замѣтивъ что Турки на двухъ большихъ баркасахъ человѣкъ около 80, подъѣхали къ судну чтобъ воровать лѣсъ,—тотчасъ были спущены къ берегу 12 человѣкъ штуцерныхъ—и когда 1-й баркасъ хотѣлъ съ ворованнымъ лѣсомъ ѣхать къ крѣпости и едва высунулся отъ лодки, то съ 1-хъ выстрѣловъ были убиты 3 человѣка. Турки спрятались за баркасъ, пробовали уѣхать но пули лѣтали тотчасъ по водамъ и косили мусульманъ изъ крѣпости выслана была канонерская лодка которая выстрѣливъ изъ своего орудія картечью смѣло пошла на выручку; но не тутъ то было, растояніе 400 сажень было ненадежно но съ баркаса кувырнулись двое въ Дунай и 3 ранено баркасъ отѣхавъ далѣе открылъ изъ своей пушки пальбу, крѣпость тоже и все это по 12 человѣкамъ нашихъ—но какъ штуцерныя очень покойно сидѣли въ ямкахъ, то продолжали держать и баркасы съ ворами и канонерскую лодку до поздняго вечера. Ночью воры удалились—мы всѣ забавлялись этой сценой—съ тѣхъ поръ Турки ужасно боятся ѣздить по Дунаю. Наши вѣроятно пишутъ вамъ изъ Кишинева—мы получаемъ всякую недѣлю. Пожалуйста передайтѣ мой поклонъ сестрѣ Елисаветѣ Владиміровнѣ, скажитѣ что я и Николай цѣлуемъ ея ручки и желаемъ ей всѣхъ милостей Господнихъ. О дальнѣйшихъ нашихъ общихъ движеніяхъ ничего неизвѣстно—въ Малой Валахіи 3 баталіона моихъ Тобольскихъ сдѣлали чудеса отдѣлились отъ 18 т. и совершили истинно геройскій подвигъ, впрочемъ все это скажутъ вамъ и газеты, а я заключу теперь строки мои желаніемъ вамъ здоровья и во всѣхъ дѣлахъ успѣха, цѣлуя ручки твои милая сестра, равно и милой племянницы Анюты, дружески тебя доброй другъ и братъ обнимая остаюсь навсегда весь вашъ Ф. Соймоновъ.

Не сердитесь пожалуйста что не пишу часто какъ бы желалось, ей Богу нѣтъ время, впрочемъ ежели А. Алекс. пишетъ, то я спокоенъ, она уполномочена писать все что знаетъ за меня и Николая, которой теперь уѣхалъ на форпосты посланъ мною. Егоръ Егоровичу и его семейству мой поклонъ, равно и . . . . . и всѣмъ многая лѣта.

8 Марта 1854 г. Журжа.

Добрый другъ и братъ Михаилъ Владиміровичъ и милая сестра Дарья Александровна, я только что возвратился изъ Букареста и сію минуту отходить почта. Этими строками хочу увѣдомить Васъ что за пораженіе Турокъ 22 Генваря и разгромъ ихъ флотиліи Государь Императоръ Всемилоствѣйше соизволилъ пожаловать мнѣ орденъ С-го Князя Владиміра 2 степени. Милостей Царскихъ на дняхъ ожидаю и для моихъ сподвижниковъ, Георгіевскіе знаки отличія нижнимъ чинамъ давно, съ молебствіемъ розданы Егерямъ, Артиллеріи, Гусарамъ

и казакамъ. Артиллерійстамъ Батарейной роты пожаловалъ Государь по 2 р. сер. на человѣка и одному фейрверкеру у котораго оторваны обѣ ноги 200 р. с. единовременно. Николая по дѣламъ службы, хотя на самое короткое время отправляю въ Россію, но какъ путь ему на Кишиневъ, то онъ будетъ имѣть случай видится съ матерью и сестрами, и ужъ конечно благодарность Богу и радость общая будетъ неописанна потому что неожиданно.

У насъ, слава Господу Богу все здоровы весна на дворѣ, съ нею конечно, если не образумятся презрѣнныя Турки съ ихъ гнусными помощниками защитниками не церкви нашей и христіанства а мусульманства, то намъ будетъ работа,—но, съ упованіемъ на Господа Бога, мы не боимся своихъ противниковъ, и душевно желаемъ что повторился Синопъ надъ Англичанами и Французами—а наши штыки и пики будутъ теже какъ и 1812 года.

Господь да хранитъ васъ милыя друзья, мысленно васъ и Анюту обнимая остаюсь душою и сердцемъ преданный вамъ другъ и братъ

Ф. Соймоновъ.

НВ. Сестрѣ Елисаветѣ Владиміровнѣ передайтѣ дружеской и братской мой поклонъ и желаніе ей здоровья и всѣхъ милостей Божіихъ. Егоръ Егоровичу и его семейству кланяюсь.

15 Мая 1854 г. Журжа.

Любезный другъ, милый братъ Михаилъ Владиміровичъ и милая сестра и другъ Дарья Александровна. Спѣшу благодарить Васъ за письмо Ваше, которое очень долго было въ путешествіи, причиною этому Валахская почта. Что мнѣ сказать вамъ о себѣ я слава Богу здоровъ, Николай подпоручикомъ за отличие въ сраженіи съ Турками и теперь при Силистріи смотритъ и тѣшится какъ громить наши эту турецкую твердыню. Я послалъ Николая съ важными бумагами къ Его Свѣтлости Генералъ Фельдмаршалу—на дняхъ его ожидаю; съ наступающимъ днемъ твоихъ именинъ поздравляю тебя любезный другъ и милый братъ, равно и милую сестру съ прекрасною моею красавицей племянницей поздравляю съ именинникомъ и всѣмъ вамъ желаю милостей Божіихъ и здоровья. Турки мои съ своими 5 пашами и съ пребываніемъ въ Рушукъ Омеръ-паши Мушири—и *тихи* и *скромны*, какъ выражается Донскаго казачьяго № 40 полка Маіоръ Балабинъ при ежедневномъ донесеніи своемъ ко мнѣ съ форпостовъ. Въ Генварѣ мѣсяцѣ удалось дать такой урокъ *непобѣдимому* Галать-паши Арабу, что послѣ взятыхъ плѣнныхъ показываютъ что рѣшились не трогать Журжу—и нѣмцы въ Allgemeine Zeitung прославили меня тапферъ Соймоновъ. Погода сдѣсь давно жаркая абрикозы во всѣхъ садахъ поспѣли и переварены съ сахаромъ. Розы давно цвѣтутъ, виноградъ отцвѣлъ, персики, груши, сливы и яблони порядочныя, съ грѣцкой орѣхъ. Дожди перепадали хорошія и растительность сильная, — нельзя не дивится сдѣшней земли что за сила и за малые труды какъ возна-

граждаетъ—есть надежда что и сѣна будетъ достаточно, и авось все скоро подешевѣетъ, а то все очень дорого, кромѣ рыбы которую подъ надзоромъ я дозволилъ ловить жителямъ—и сила несмѣтная, прекрасная карпія и стерляди намъ уже прискучили. Подлецы Франц. и Анг. боятся показать носъ, это не Алжиръ и Индія гдѣ имъ ловко было бить сволочъ. Вотъ все наши вѣсти—остальное говорятъ вамъ журналы и газеты. Не знаю когда приказано будетъ оставить мнѣ Журжу, чтобъ идти далѣе—но тогда будетъ знать, а дотога, какъ и всегда съ чувствомъ дружбы и любви—цѣлуя ручки твои сестра и Анюта а тебя другъ и братъ обнимая остаюсь в. в. Ф. Соймоновъ.

Р. S. Сестрѣ Елизаветѣ Владиміровнѣ братски и дружески кланяюсь, да хранить ея Господь Богъ. Егоръ Егор. и его семейству бью челомъ.

1854 г. Августа 22. Г. Бырлатъ.
Молдавія.

Подходя все ближе и ближе къ своей Границы менѣе становится средствъ пересылать письма, первое потому что я иду въ Аріергардѣ; а второе и главное не застаю никакъ отдѣленіе нашей Русской почтовой Канторы и долженъ пользоваться отъѣзжающими въ Имперію чтобъ поручить отдавать письма въ русскихъ нашихъ канторахъ. Благодарю тебя другъ и братъ за письмо твое изъ Арзамаса, очень радъ что ежели колотятъ турокъ доставляю этимъ удовольствіе землякамъ нашимъ, жаль что не удалось помѣриться ни съ Франц. ни съ Англичанами. Этихъ каналій, увѣренъ, что еще бы лучше поколотили, но онѣ носа не показывали противъ меня, кромѣ нѣкоторыхъ охотниковъ, которыя до единого были убиты въ сраженіи 25 Іюня. Вотъ уже скоро 2 мѣсяца какъ я не слышу выстрѣла, и это какъ то странно послѣ оглушительныхъ канонадъ слишкомъ 10 мѣсяцевъ и почти ежедневно продолжавшихся. Турки не преслѣдуютъ и очень понятно послѣ данныхъ имъ неоднократно уроковъ.

Николай за Экспедицію въ Туртукай получилъ *Анненскую полусаблю съ надписью за храбрость.*

4 Сентября надѣюсь быть въ Мулянахъ и можетъ встрѣчу всѣхъ своихъ пустынноицъ Кишиневскихъ. Куда направлять изъ Мулянъ не знаю думаю въ Каменецъ-Подольской а можетъ быть и на Днѣпръ въ Могилевъ—во всякомъ случаѣ что будетъ вѣрно извѣстно получить наше извѣстіе. У меня была очень сильная лихорадка, теперь еще слабъ порядочно и первой день безъ лѣкарствъ.

Цѣлуя ручки милой сестры и Анюты съ чувствомъ преданности любви и дружбы остаюсь на всегда преданной слуга и братъ

Θ. Соймоновъ.

Будешъ писать сестрѣ Елиз. Влад. мой и Николаевъ поклоны прошу передать. При свиданіи кланяйся Егоръ Егоровичу.

1854 г. 14 Сентября.

Г. Бельцы.

....Мнѣ уже ничего не остается добившись какъ просить писать въ Одессу на имя мое для доставленія въ колонію Гельденбергъ или гдѣ находится—съ дороги гдѣ будетъ возможность бросить письмо на почту конечно писать буду. 2 Октября я буду въ колоніи съ Войскомъ, это 27 верстъ отъ Одессы между этимъ городомъ и Николаевымъ, что Богъ дастъ далѣе, извѣщать постараюсь. Войско все свѣжо, цѣло, здорово, сыто и все ждуть не дождутся схватится въ поле съ мерзавцами Англич. и Французами, которыя гораздо хуже Турокъ въ Журже. Анг. Фр. и Турки вмѣстѣ, разграбили нашу православную церковь и эти мнимыя христьянѣ забавлялись колоть образа и церковь разломали до основанія! Вотъ храбрость и достоинство, признаюсь, и не хочу таить, когда я увидѣлъ противъ себя Турокъ 25 Юня на Радомалѣ предводимыхъ толпами Фр. и Анг. то приказалъ перевѣшать до единого, что Егеря мои въ точности и выполнили, даже Турки были пощажены и взяты въ плѣнъ безъ оскорбленія—такъ велика моя ненависть къ подлецамъ, испортившимъ нашу Русь. Здоровье мое поправляется—а вамъ другъ и братъ и милыя сестра и племянница желаю всего лучшаго и остаюсь в. в. Ѳ. Соймоновъ.

Благодарю Васъ добрыя друзья милая сестра Дарья Александровна и братъ Михаилъ Владиміровичъ, за послѣднѣе письмо Ваше, которое я получилъ вчера. Я писалъ Вамъ недавно и извѣщалъ Васъ что послѣ сраженія 22 Генваря и разбитія флотиліи Рушукской 3 Февраля—по сей день ничего важнаго и особеннаго не случилось. Князь приказалъ дѣлать представленія къ наградамъ, что и исполнено, буду ждать милости Царя Государя моимъ храбымъ сотоварищамъ (нижніе чины получили уже Георгіевскія кресты),—и вѣрую что за Богомъ молитва а за Царемъ служба не пропадаютъ. Я лично чрезвычайно доволенъ что успѣлъ заслужить и Командующаго Войсками, и всеми чинами Главной Штабъ составляющими и похвалы и благодарности,—въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ моихъ Богъ помощникъ—зато я и благодарю отъ глубины сердца Создателя дающаго намъ силу съ малыми средствами боротся, подъ выстрѣлами крѣпости Рушука съ громадной его Артиллеріею. Журжа такъ близка, что инныя ядра почти перелѣтаютъ городъ изъ Турецкихъ батарей, и снарядовъ Турки не жалѣютъ. Ежели Господь Богъ пособитъ и далѣе дѣйствовать такъ какъ послалъ намъ силу доселѣ, то лучшаго и желать невозможно—и если средства моего отряда къ веснѣ усилятся, и подбудетъ осадная Артиллерія, то съ правовѣрными можно будетъ поспорить еще по крѣпче. Въ Рушукѣ много бродягъ цѣлой Западной Европы, эти каналы подбиваютъ правовѣрныхъ, но на это нечего смотрѣть,—все на насъ и все изъ зависти и злобы. Вотъ кстатѣ прекрасныя стихи писанныя кажется

Каратыгинымъ. Ежели вы не читали то на случай выписываю эти стихи и посылаю. Моля Бога о здоровьѣ вашемъ, и вместѣ съ Анютою обнимая остаюсь

вашъ братъ и другъ Ѳ. Соймоновъ.

Сестрѣ Елисаветѣ Влад. передайтѣ мой поклонъ и желаніе здоровья. Егоръ Егоровичу тоже кланяюсь съ его семействомъ.

Англи. и Франц.

Вотъ въ воинственномъ азартѣ,
Воевода Пальмерстонъ,
Поражаетъ Русь—на картѣ
Указательнымъ перстомъ.

Вдохновень его отвагой
И Французъ за нимъ туда жъ,
Машетъ дядюшкиной шпагой
И кричитъ Allons—courage!

Полно братцы на смѣхъ свѣту
Не оставайтесь въ дуракахъ,
Мы видали шутку эту
И не въ этакихъ рукахъ.

Если дядюшка безславно
Изъ Руси вернулся вспять
Такъ племяннику подавно
И въ дали не сдобровать.

Альбионъ статья иная
Онъ еще не раскусилъ
Что за машина такая
Наша Русь,—и въ сколько силъ.

То-то будетъ удивленье
Для практическихъ умовъ
Какъ высокое давленье
Имъ покажутъ безъ паровъ.

Знайте-жъ, машина готова,
Будетъ дѣйствовать какъ встарь
Ее двигаютъ три слова,
Родина, да Богъ и Царь.

Письмо Г. Эвеніуса, 9 ноября 1854 года.

Милостивый Государь
Михаилъ Владиміровичъ!

Роковой 131 номеръ Моск. Вѣд. принесъ намъ горестное извѣстіе о смерти глупою нами уважаемаго Федора Ивановича, который палъ геройскою смертію при вылазкѣ изъ Севастополя и я спѣшу увѣрить васъ, что мы въ этой потерѣ вашей принимаемъ самое живое участіе. Не нахожу словъ могущихъ васъ утѣшить въ эти печальныя минуты: одно время можетъ нѣсколько ослабить вашу печаль, а теперь слѣдуетъ, по христіянски, покорится волѣ Божіей. Не сомнѣваюсь, что Государь не забудетъ заслугъ покойнаго и не оставитъ его семейство. Извѣстіе о смерти Федора Ивановича не выходитъ у насъ изъ головы. Какъ видно изъ описанія вылазки, его Дивизія была впереди, а онъ, вѣроятно, по своей отвагѣ, впереди ее и такимъ образомъ принялъ на себя первые удары непріятеля. Прочитавъ извѣстіе о вылазкѣ и о многочисленныхъ жертвахъ, я предалъ проклятію Наполеона и Пальмерстона, начинщиковъ войны. Я хотѣлъ самъ къ вамъ пріѣхать, но теперь, по указу Казен. Палаты, производится у меня трехсуточное испытаніе моей вымочкѣ чиновникомъ Ардат. казначейства и потому не могу отлучиться. Анна Михайл. раздѣляетъ мои чувства и свидѣтельствуетъ свое почтеніе Милостивой Государынѣ Дарѣ Александровнѣ. Молимъ Бога, чтобы Онъ утѣшилъ васъ въ вашей невозвратимой потерѣ.

Душевно вамъ преданный
Г. Эвеніусъ.

Бѣляево.

9-го Ноября 1854.

P. S. Очень нехотѣ въ эти печальныя минуты, говорить о заводскихъ дѣлахъ, но одно обстоятельство вынуждаетъ меня нарушить приличіе. Въ 131 номерѣ Моск. Вѣд. напечатана статья о горячей вымочкѣ, изображенной Кн. Шаховскимъ, на которую онъ испрашиваетъ привилегію. Его вымочка хуже моей, но получивъ привилегію, онъ можетъ меня стеснить и потому для огражденія моего права, хочу помѣстить статью въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ отъ вашего имени, на что и испрашиваю вашего позволенія. Статью пошлю самъ: мнѣ только нужно ваше имя. Статья будетъ въ родѣ прилагаемой, которую прошу съ симъ же посланнымъ мнѣ возвратить.

Письмо В. Азарьева, 25 мая 1844 года *).

Милостивый Государь
Достопочтеннѣйшій
Михаилъ Семеновичъ.

Имевъ удовольствіе усмотреть изъ почтеннѣйшаго письма вашего, что торговые сношенія межъ нами, о покупки девки кажется въ полне закончены, въ угодность вашу, одно токмо остается со сторонѣ моей, какъ побуждаетъ влеченіе чувствъ моихъ, съ симъ пріобретеніемъ имѣть честь поздравить васъ Милостивый Государь и отъ глубины сердца пожелать вамъ чтобъ девушка сія въ рабскомъ отношеніи усердіемъ своимъ на всю жизнь свою была полезна къ вашимъ услугамъ..... при чемъ имѣю довести до сведенія вашего что деньги посланные вами чрезъ человека моего 15-ть целковыхъ и сеянного авса пять четвертей, я получилъ совершенно исправно и за оное въ полнѣ приношу мое благодареніе какъ стемъ вместе ускорю покорнѣйше просить въ разсчетъ достальнаго забору моего повелеть отпустить, полътары четверти сеянного жита и две четверти сеянного авса, одну въ щетъ цены а другую по договору, отъ изъясненнаго ко мнѣ благорасположенія вашего. И съ симъ вместе естли имѣете возможность, удостойте остальные за разчетомъ деньги, поручить человеку моему доставить ко мнѣ, чемъ исполнитъ во мнѣ ускорить за все сіе принести вамъ Милостивый Государь совершенное души моей благодареніе.... Касательно шъ требованія вашего о выдачи вамъ на девку повенечнаго письма, о семъ ясно изложено въ отпускнуомъ актѣ, что оное зависитъ отъ воли вашего соизволенія. Закого изъ крестьянъ вотчины вашей въ замужство выдать пожелаете оную на того имянно отъ себя къ приходскому священнику чинить можитъ сношеніе ваше а въ противномъ случае, извольте во сведеніе сообщить мнѣ. Я въ угодность вашу тогдашъ съ исполненнымъ удовольствіемъ вамъ доставлю таковое. Относительношъ до изъясненнаго предложенія вашего о покупки у меня другой девки Ирины Васильевой съ малолетней дочерью ея, по изложенной ценѣ вами, я въ полне согласенъ исполнить волю вашу, естли вы Милостивый Государь убедитесь не стесняя положеніе мое, дополнить къ сей ценѣ одну четверть сеянного ячменю, девка остается за вами, о чемъ на изъясненіе согласія ваше удостойте съ симъ посланнымъ, почтить меня вашимъ уведомленіемъ. Причемъ жена моя и дочь поручили мнѣ какъ вамъ Милостивый Государь и достойнейшѣй супруги вашей засвидетельствовать ихъ глубочайшѣе предъпочитаніе, съ каковыми чувствами безъпредельнаго уваженія моего и совершенной преданности къ имени высокихъ достоинствъ вашихъ и я имѣю честь назваться и быть

25 Маія
1844 года.
С. Колюхово.

вашимъ Милостиваго Государя
Препокорнѣйшимъ. Слугою
Василій Азаревъ.

*) Письмо подарено Сергѣемъ Ильичемъ Суевымъ. П. Ш.

Письмо М. Хмырова К. К. Случевскому, 29 марта 1872 года.

Среда. 29 Мрт. 72 г.

Многоуважаемый

Константинъ Константиновичъ.

Въ окончательное дополненіе нашей послѣдней бесѣды, между прочимъ, о „Лѣтописи“ къ предположенному Вами „Альбому Петровскому“, спѣшу сообщить Вамъ *заблаговременно*—слѣдующее:

По обзору предварительному, хотя поверхностному, но близкому къ истинѣ, оказывается, что „Лѣтопись“, о к-ой рѣчь, должна занять отъ 6 до 8 листовъ печатныхъ самага убористаго шрифта, даже въ 2 столбца и *больше*, если шрифтъ будетъ крупнѣе самага убористаго.

Не знаю, входитъ ли въ Ваши предположенія, во 1-хъ—дать „Лѣтописи“ такое мѣсто въ „Альбомѣ“, во 2-хъ—заплатить за нее мнѣ по 50 руб. печатный листъ.

И если не входитъ, можете не читать этой записки дальше.

Въ противномъ случаѣ, считаю себя обязаннымъ предъявить Вамъ мои условія—тѣмъ больше, что мнѣ представляются, съ 1 Мая, еще *два* работы, и разумѣется, я остановлюсь на выгоднѣйшей для меня.

По „Лѣтописи“ для „Альбома Петровскаго“—вотъ мои условія *sine qua non*:

1) Я не допускаю никакого *выбора* фактовъ, потому что въ „Лѣтописи“ какой бы то ни было, а тѣмъ больше Петровской (к-ой *не существуетъ*), никакой эклектизмъ неумѣстенъ, разрушаетъ задачу и вредить дѣлу.

2) При необходимости *выбирать* факты,—отъ работы уклоняюсь положительно.

3) *Начавъ* работу съ 1 Мая, буду сдавать ее, для выигрыша времени *по частямъ*, въ неопредѣленные сроки, но *кончу* все между 20—25 Мая (иначе невозможно, и 5 лишнихъ дней съ 5-ю къ нимъ ночами—весьма для меня важны).

4) Корректуру—разумѣется, чистую—долженъ держать *я самъ*; иначе—это и немыслимо.

5) При 50-ти рублевой цѣнѣ за каждый печатный листъ, я требую непременно (и получаю всегда) 50 экземпляровъ моего труда, въ отдѣльныхъ оттискахъ или наборныхъ листахъ—это все равно. Въ противномъ случаѣ, цѣна моего печатнаго листа должна быть увеличена ровно на столько, чтобъ я могъ приобрести 50 экземпляровъ изданія.

6) Второе изданіе моего труда, въ какомъ бы то ни было видѣ, требуетъ новаго со мной соглашенія.

7) Если всѣ вышеписанные пункты къ принятію удобны, я долженъ *сегодня же, до 7 часовъ вечера*, получить въ задатокъ *сто* рублей, подъ мою росписку. Безъ этого,—считаю себя отъ всякаго ожиданія, тѣмъ паче обязательствъ, свободнымъ, тѣмъ больше, что *завтра же* долженъ остановиться на одной изъ двухъ другихъ работъ. А самое главное—время.

Само собой разумѣется, что, при несогласіи Вашемъ на к-ое нибудь изъ предлагаемыхъ мною условій, Вы свободны отъ *всякаго* мнѣ отвѣта,—неполученіе к-аго, до 7-ми часовъ нынѣшняго вечера (съ сотней рублей), и будетъ само отвѣтомъ хотя нѣмымъ, но вполнѣ краснорѣчивымъ.

Не подумайте однако, чтобы мной, въ настоящемъ случаѣ, руководило недо-вѣріе или что нибудь подобное, нехорошее. Я слышу чужакомъ, имѣю свои пра-вила—и не отступаю отъ нихъ никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ.

При пожеланіи Вамъ добраго здоровья, есмь

всегда готовый къ услугамъ

Мхл. Хмрвѣ.

Р. С. Я только сію минуту возвратился изъ подмосковнаго монастыря Но-вый Іерусалимъ, куда приглашался по дѣлу также литературному, и сегодня, до 8 ч. вечера безвыходно дома.

Адресъ мой: По Фонтанкѣ, у Свмеоновскаго Моста, домъ Полетики, № 26, кв. № 29.

О юбилейномъ альбомѣ Петра I.

Альбомъ этотъ, какъ изданіе à propos, долженъ удовлетворять *исключи-тельно*—слѣдующимъ условіямъ:

- 1) Содержаніемъ—отвѣчать вполнѣ своему титулу;
- 2) Быть замѣтнымъ въ ряду другихъ изданій à propos, к-хъ ожидать можно;
- 3) Интересовать читателей всякаго образованія,—отъ полуграмотныхъ до специалистовъ;
- 4) Оставаться—и послѣ à propos—книгой *требуемой*.

Такая программа широка, но выполнима.

Лучшимъ средствомъ для этого представляется расположеніе всего мате-ріала—въ формѣ, болѣе наглядной.

То есть, весь матеріалъ надо разбить на *группы*, соотвѣтственно самому су-ществу фактовъ, разнообразіемъ которыхъ такъ ярко отмѣчено знаменательное цар-ствованіе Петра.

И въ самомъ дѣлѣ: что скажутъ читателю нѣсколько *десятковъ* мелкотрав-чатыхъ статей *принаровленныхъ* къ картинкамъ, въ свою очередь пригнан-нымъ à propos?

Будетъ гораздо цѣлесообразнѣе, не говоря уже, что достойнѣе предмета:

Разгруппировать самыя картинки (какъ главное въ *альбомѣ* по *харак-теру* содержанія, даже добыть тѣ, какія окажутся необходимыми, и къ *каждой* *группѣ* дать статью.

Желательно было бы видѣть въ затѣваемомъ альбомѣ, примѣрно, такія *груп-пы картинъ*, и при нихъ *статьи*:

- 1) *Лѣтопись жизни Петровой*—подробный числовой перечень, по годамъ,

мѣсяцамъ и, если можно, днямъ, событій всякаго рода, когда либо происходившихъ съ Петромъ (для справокъ).

- 2) *Личность Петра, какъ человека, государя и преобразователя.*
- 3) *Семья Петра.*
- 4) *Россія и Русскіе при Петрѣ, ихъ нравы, бытъ, интеллигенція.*
- 5) *Внѣшнія отношенія Россіи при Петрѣ и ихъ значеніе.*
- 6) *Военное дѣло при Петрѣ.*
- 7) *Морское дѣло при Петрѣ.*
- 8) *Духовенство при Петрѣ.*
- 9) *Наука, литература и искусства при Петрѣ.*
- 10) *Петербургъ при Петрѣ.*
- 11) *Москва, внутренняя Россія и русскія окраины при Петрѣ.*
- 12) *Иноземцы на Руси Петровой.*

Само собой разумѣется, что большая или меньшая *дробимость* этихъ группъ зависитъ отъ *объема*, к-ый дадутъ изданію. При объемѣ слишкомъ ограниченномъ, можно двѣ группы сбивать въ одну, напр.: военное и морское дѣло при Петрѣ и т. п. Но *рельефность* будетъ уже потеряна; и формы каждой группы обозначатся менѣе ясно.

Надо класть не меньше *двухъ* листовъ печатныхъ на каждую группу; можно даже такимъ именно размѣромъ опредѣлить каждую группу, *по отношенію къ тексту собственно*. Волюминозность—сравнительно съ той, какая, быть можетъ, уже предположена—не должна останавливать. Она, конечно, будетъ стоить дороже и издателямъ, и читателямъ. Но послѣдніе, нѣтъ никакого сомнѣнія, заплатятъ охотнѣе—и теперь, и послѣ—большую цѣну за книгу хорошую и добросовѣстную, нежели меньшую, за изданіище чисто спекулативное.

Издатели поступятъ *практичнѣе*, если каждый изъ предлагаемыхъ отдѣловъ будутъ набирать такъ, чтобы онъ, не сливаясь съ сосѣдними ни концомъ ни началомъ, могъ *вырываться* отдѣльно. Должно считать, кромѣ читателей вообще, на *спеціалистовъ* извѣстныхъ частей. Господа эти спрашиваютъ часто отдѣльныя *статьи*, к-ыя и могутъ продаваться имъ за извѣстную цѣну.

Въ заключеніе должно замѣтить, что каковъ бы ни былъ наличный *живописный* матеріалъ, заготовленный уже для альбома, онъ легко можетъ быть распредѣленъ въ указанные *группы*. И если въ которой нибудь группѣ будетъ картинъ больше, нежели въ другой или другихъ, это не бѣда. Портреты, чьи бы то ни было, разсѣются въ группѣ, соотвѣтственныя роду дѣятельности оригиналовъ.

Планъ этотъ вообще можетъ быть видоизмѣненъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что сущность его—выдержать всякую критику, а добросовѣстное выполненіе замѣтится публикой и, слѣдовательно, не оставитъ издателей въ накладе.

Хмыровъ.

Письмо А. Ашинова К. К. Случевскому.

Ваше Превосходительство

Многоуважаемый

Константинъ Константиновичъ!

Съ Божью помощью вернулся въ Питеръ къ Царю Батюшкѣ, Богъ помогъ обыграть за сію зиму нашихъ враговъ Англичанъ и Итальянцевъ и всю ихъ К°, облюбовали портъ на Индѣйскомъ морѣ наискось Адена и захватили его съ дружками нашими Абисинцами и сколько силъ нашихъ хватить будемъ держать тамъ нашъ русскій флагъ, разбили свои курени, зарыли икону, помолились Богу, присигнули еще разъ этимъ мѣстамъ нашему Царю и Россіи и назвали станицей Москвою. На третій день явились Англійской корветъ, помазался около насъ да и ушелъ, потому что ничего они намъ не могутъ сдѣлать, мѣста горныя и лѣсистыя, а портъ сей нуженъ для Россіи, и изъ него всегда можно Англійскую торговлю уважать, ибо вся жизнь Англій въ ея всемірной торговлѣ, они какъ жида, жидъ безъ торговли здохнетъ, такъ и Англичане. Султаны мѣстные денкельскаго племени прислали со мною нашему Царю-Батюшкѣ письмо, гдѣ отдаются во всемъ намъ, и сіе письмо я только и могу передать, если Богъ помогъ увидать самого Царя, или Царева Брата. Съ собою еще привезъ Абиссинскую депутацію и письмо отъ туда на имя нашего Царя, они очень желаютъ поклониться нашему Великому Бѣлому Царю надъ царями, такъ они Его величаютъ, а тутъ до сихъ поръ и не допускаютъ, да и на крестъ посмотришь, отъ Царя Іоанна присланный, гдѣ же правда? И выходитъ, что до солнца высоко, а до царя далеко, а креста до сихъ поръ нѣтъ. Вѣдь мы всегда и вездѣ служили, гдѣ бы мы не были, Царю и Россіи, чтоже развѣ намъ лично нуженъ сей портъ, нѣтъ, сей портъ нуженъ Россіи и Царь долженъ, какъ великій Царь принять сей портъ, не обращая никакого вниманія ни на кого, а намъ бы только приказъ, держись больше ничего. Вѣдь Абиссинцы съ покоренными племенами до 30 милліоновъ жителей и народъ одной вѣры съ нами, и они всегда могутъ выставить милліонную армію, и если Богъ поможетъ, достать оружья, мы ихъ поведемъ въ Египетъ сію зиму, и посмотримъ, что намъ сдѣлаетъ Ваша Европа, если мы приведемъ въ Египетъ тысячъ двѣсти или триста. Еще будемъ Васъ просить нельзя ли какъ нибудь съ Божью помощью увидать Царева Брата Владиміра Александровича и бить ему челомъ про наши дѣла; а то больно обидно насъ русскихъ и не допускаютъ своего Царя и Царя любимаго видѣть и служить. Просимъ Васъ объ этомъ. Нижайшій поклонъ Русскому человѣку Его Превосходительству Николаю Ивановичу Бобрикову, передайте имъ, мы ихъ очень глубоко чтемъ. Остаюсь глубокоуважающій Васъ, желаемъ Вамъ здравія и благъ міра сего.

Атаманъ А. Ашиновъ.

Копіи съ писемъ Н. С. Лѣскова М. И. Пыляеву.

30 Ав. 880.

Уважаемый Михаилъ Ивановичъ!

Сынъ мой имѣетъ оч. большія и серьезно угрожающія непріятности. Это можетъ ему стоить *жизни*... Я вчера отвезъ Веніамину Ивановичу рекомендацію полковаго командира и нѣчто въ родѣ памятной записки отъ меня. Не знаю пригодится ли это къ дѣлу, или такъ износится, какъ и старое. Рекомендація, конечно, — наилучшая и съ нею можно говорить не краснѣя за того о комъ говоришь. Перемѣщаться изъ арміи въ армію стоитъ *только* въ Новочеркасскій полкъ, стоящій въ П-бургѣ на Охтѣ, п. п. при этомъ можно *жить вмѣстѣ* и ему можно ходить въ Воен. Юрид. Академію (что дозволено). Все другое — *не стоитъ*. Если уже такова здѣсь задача, то лучше возвратиться опять въ Кіевъ, куда *его зовутъ* въ саперы и *жить съ дядею*. Я это совершенно раздѣляю и теперь объ одномъ прошу: если можно прикомандировать къ 145-му Новочеркасскому полку — то пусть это сдѣлаютъ, а если этого нельзя, — то пусть мальчикъ возвращается въ Кіевъ и служить въ саперахъ. Помогите только выяснитъ это скоро и по чистотѣ что за пустяки тутъ съ нами за церемонія! Я давно ко всему привыкъ и онъ пусть привыкаетъ, и если ему откажутъ это мож. б. даже лучше. Пусть воспитывается въ его душѣ чувство крѣпкое, съ которымъ надо жить не теряя себя передъ собою. По справкѣ въ Новочеркасскомъ полку (въ Петрб.) сверхкомплектъ 2 офиц. Въ Самарскомъ (Ораніенбаумъ) — 3 оф. и въ Каспійскомъ (Кронштадтъ) — 1 оф. Слѣдовательно если есть сверхкомпл. по 3 оф. то можно это сдѣлать и въ Новочерк. полку. Да и Вы знаете, что когда захотятъ — все можно, — не захотятъ — тогда ничего нельзя. Я это и знаю, и ни въ малѣйшей претензіи не буду. Пусть приучается „не надѣяться на князи и на сыны человѣческіе“. Я прошу объ одномъ: добейтесь пожалуйста хоть отказа но прямого и скорого, что бы Андрею не о чемъ было жалѣть, и что бы мы съ братомъ не упустили Кіева, подвергая здѣсь мальчика оч. большой опасности. Пожалуйста помогите это разсѣчь такъ или иначе, но сразу.

Вы стали оч. небрежно читать свои статьи.

Діапазонъ.

*) Всей Москвѣ извѣстенъ былъ обтянутый свѣтлой бѣлизны покрываломъ передокъ саней его, заложенныхъ парю красивыхъ *коней*, за *которыми* стоялъ высокій гайдукъ. Всякому москвичу знакома была большая мѣховая муфта графа, которую онъ ловко и даже граціозно

т. е. *за конями!*.... Какъ это такъ? Ниже еще чуднѣе. Развѣ масонство расходится съ христіанствомъ, а не ревно-

*) Наклеена вырѣзка изъ газеты.

бросалъ въ передней, входя въ комнаты. Разумовскаго въ обществѣ тогда называли „Le comte Léon“. Разумовскій былъ близокъ съ Карамзинымъ и въ тѣсной связи съ масонами. Онъ былъ масонъ по убѣжденію, *что не мѣшало ему, впрочемъ, быть глубоко вѣрующимъ и ревностнымъ христіаниномъ*. Какъ уже было сказано выше.

стно заботится о проведеніи его духа въ жизнь человѣческую?

Вашъ Н. Лѣсковъ.

9 Августа 884 С. п. б.

Уважаемый Михаилъ Ивановичъ!

Во мнѣ всегда была—не знаю счастливая или несчастная,—слабость увлекаться тѣмъ или другимъ родомъ искусства. Такъ я пристращался къ иконописи, къ народному пѣснотворчеству, къ врачеванію, къ реставраторству, и пр. Думалось мнѣ, что это уже и прошло, но я ошибся: разговоры съ Вами и Ваша книга о „драгоценныхъ камняхъ“ потянули меня на новыя увлеченія, и какъ изъ всякаго такого увлеченія я всегда страшился создать нѣчто „обратное“, то и теперь со мною случилось тоже самое.

Мнѣ неотразимо хочется написать суевѣрно-фантастическій рассказъ, который бы держался на страсти къ драгоценнымъ камнямъ и на соединеніи съ этою страстью вѣры въ ихъ таинственное вліяніе. Я это и началъ, и озаглавилъ повѣсть „*Огненный гранатъ*“ и эпиграфомъ взялъ пять строчекъ изъ Вашей книги, а характеръ лица заимствовалъ изъ чертъ, какія видѣлъ и наблюдалъ лѣтомъ въ Прагѣ между семействами гранатныхъ торговцевъ. Но чувствую, что мнѣ недостаетъ знакомства съ старинными суевѣрными взглядами на камни и хотѣлъ бы знать какія нибудь *исторіи* изъ каменной торговли. На этомъ останавливаюсь и съ этимъ къ Вамъ прибѣгаю, какъ къ доброму товарищу и не только дорогому литературному другу, но и къ такому рѣдкому человѣку, который по-мимо своихъ спеціальныхъ знаній понимаетъ, что именно нужно мнѣ для затѣвшаго мною баснословія въ родѣ „Запечатлѣннаго ангела“.—Укажите мнѣ (и поскорѣе—пока горитъ охота)—гдѣ и что именно я могу прочесть полезное въ моихъ *беллетристическихъ* цѣляхъ, о камняхъ вообще и о пиронахъ въ особенности. Пироновъ я посмотрѣлся вволю и красоту ихъ понялъ, усвоилъ и возлюбилъ, такъ что мнѣ писать хочется, но надо бы не наврать вздоръ. Вы много знаете, очень живо и образно говорите объ этихъ вещахъ и очень можете меня наставить. Пожалуста не откажите мнѣ въ совѣтѣ, если не личномъ, то письменномъ,—чего я буду ждать отъ Васъ съ увѣренностію въ Вашу милую мнѣ пріязнь и съ упованіемъ, что она остается для меня неизмѣнною.

Искренно Васъ любящій и уважающій

Н. Лѣсковъ.

Дома я всегда отъ 6 до 9 час. вечера. Въ Прагѣ вспоминаемъ Васъ часто.

Милый Михаилъ Ивановичъ!

Сынъ мой Андрей теперь здѣсь. Онъ боленъ былъ воспаленіемъ легкихъ и ѣдетъ на излѣченіе. Я ему сказалъ, что Вы мнѣ передавали отъ Скалона и онъ ходилъ вчера къ Скалону. Ни чего изъ этого не вышло. Скалонъ по-видимому и позабылъ, что онъ говорилъ Вамъ.... Не знаю, любезный другъ,—стоитъ ли еще ихъ беспокоить? Подумайте: не напрасны ли все это хлопоты и не умнѣе ли будетъ это оставить?... Я думаю, что всѣ знаки расположенности къ намъ, скромнымъ людямъ, дальше разговоровъ не пойдутъ и парню лучше помириться съ своимъ безпомощнымъ положеніемъ и не ожидать ни чего, а учиться скромности и терпѣнію это тоже большое пріобрѣтеніе. Попробуйте выяснитъ дѣло и затѣмъ „отложить попеченіе“.

Слышалъ о Вашемъ гонорарѣ въ 180 р. за недол: с. „Сергій злочинецъ“ оч. милъ. Впрочемъ во мнѣ имѣете товарища: мнѣ онъ устроилъ еще худшую гадость и прислалъ ее какъ разъ подъ праздникъ.

Вашъ Н. Лѣсковъ.

23 Апр. 88.

Не откажите сказать мое поздравленіе Веніамину Ивановичу и Ваганову.

14 Сентября 88 г.

С. п. б. Фуршт. 50.

Возлюбленный Михаилъ Ивановичъ!

Всякой вещи,—а найпаче глупой, должно быть закончаніе. Мнѣ очень не хочется надоѣдать съ тѣмъ о чемъ прошу, но я долженъ добиться конца,—хотя прибавляю искренно и откровенно, что мнѣ теперь—все равно—каковъ будетъ этотъ конецъ. Женщины-матери часто не любятъ во всю жизнь тѣхъ дѣтей, рожденіемъ которыхъ онѣ очень *долго* мучились.... Наша просьба такъ ничтожна и такъ долго и глупо движется, что—ну ее къ черту! Парню мѣсто есть въ Кіевѣ, а я останусь одинъ какъ жоп.. что дѣлать!—но только дайте же пожалуйста отвѣтъ: не чего ждать, или еще чего-то надо ждать? Пожалуйста отвѣйте. Я самъ больше не пойду просить *ни кого*, и ни за что на свѣтѣ; но начатое надо закончить, что бы не вывести какой нибудь сутолки. Пожалуйста черкните мнѣ строчку. Я знаю, что Вы мнѣ желали сдѣлать помощь.

Преданный Вамъ Н. Лѣсковъ.

19 Нояб. 88 г.

Рукопись отдать переписывать. Заглавіе надписалъ: „*Старчики и юродцы*“—что бы отбивало отъ настоящихъ, будто бы уважаемыхъ „старцевъ и х. р. юродивыхъ“. Будетъ готово дней черезъ 10. Редакторъ „Русск. Мысли“ теперь

здѣсь и я съ нимъ буду говорить объ этой статьѣ.—Въ „Нов. Вр“.—„Старую Москву“ отложили „въ долготу днѣй“, до весны... Такъ уже это положено и надо выждать время, что бы пробовать измѣнить это настроеніе, навѣянное кажется тѣмъ же самымъ опахальщикомъ, который во всемъ каверзитъ. Надо имѣть терпѣніе.

Вашъ Н. Лѣсковъ.

12. Воскр.

Статью Вашу отдалъ переписывать, и съ нею—запасъ бумаги на будущее время. Заглавіе измѣнилъ такъ:

Петербургская сторона.

Дома именитыхъ людей по р. Мойкѣ.

Дальше велѣлъ оставить 10 строкъ чистыхъ гдѣ по прочтеніи впишу подзаглавіе (реестрики) что именно есть въ статьѣ. Это заинтересовываетъ читателя и совершенно необходимо.

Во вторникъ къ 4 час. буду въ магазинѣ „Нов. Времени“ и ждите меня, или я Васъ подожду.

Усердно прошу о другѣ моемъ Зинаидѣ Петровнѣ Ахочинской. Поддержите ея куражъ сколько позволитъ правда и Ваша ко мнѣ пріязнь. Она по отзывамъ Репина и Боткина „оч. талантлива; хорошо училась и съ большимъ вкусомъ пишетъ“. На выставкѣ есть ея слѣдующія работы: портретъ франц. актрисы *Рэнэ*, портретъ Татьяны Петр. *Пассекъ* (больной, въ краватѣ), Мастерская Боголюбова и „цвѣты“. Пожалуйста дойдите до нихъ и не пройдите вниманіемъ.

Мы всѣ семейно любимъ эту дѣвушку сердечно и дорожимъ ея успѣхомъ, крайне ей необходимымъ въ ея трудномъ положеніи. Я надѣюсь на Вашу пріязнь и прошу только *вниманія*.

Вашъ Н. Лѣсковъ.

27. Суббота.

Не позабудьте, Михаилъ Ивановичъ, что *сегодня* я Васъ жду вечеромъ, въ 7 часовъ, и стенографистка будетъ.

Рукописи Вашей приготовилъ къ печати 38 листовъ. До сихъ поръ надѣлилъ XIV главъ. Это немножко оживляетъ теченіе матеріи. Ошибки и поспѣшность изложенія вездѣ поправлялъ. Есть періоды съ двумя дѣепричастіями и причастіемъ прошедшимъ, это оставить не возможно. Есть такое: „*Идя* къ нему, *проходя* черезъ дворъ, надо было *идти*“. Въ разсказѣ о Корейшѣ есть масса повтореній и возвращеній на тожде. Этого я уже не сталъ трогать, но это необходимо исправить, ибо это утомительно и непріятно дѣйствуетъ. Есть мѣста по недосмотру совсѣмъ непонятныя: является сказуемое, а подлежащее вѣроятно

только подумано, а ненаписано. Но такихъ мало. Въ субботу Лаврову не отдадимъ, а въ воскресенье посмотримъ съ Вами вмѣстѣ, и все пересмотрѣвши пошлемъ во вторникъ по почтѣ. Это будетъ умнѣе. Надо бояться перваго невыгоднаго впечатлѣнія, которое дастъ не хорошо досмотрѣнная рукопись. Н. Л—въ.

Письма разныхъ лицъ И. С. Тургеневу.

Парижъ. Апрѣля 15 ч.

Сто разъ прошу у Васъ извиненія, любезнѣйшій Тургеневъ, что я такъ долго медлилъ отвѣчать на письмо ваше; виною тому не столько самъ я сколько Матисенъ и Тритенъ, которые долго не могли изготавить своихъ писемъ. Очень радъ, что вы счастливо доѣхали до Петербурга и хорошо раздѣлались опять съ бурей, которая, какъ кажется, особенно расположена удивлять васъ своею нечаянностію; еще болѣе радъ тому что вы держите экзаменъ на магистра, желаю вамъ полного успѣха въ этомъ. Что сказать вамъ о Берлинѣ? позвольте начать съ самаго себя; въ ноябрѣ мѣсяцѣ я сильно и тяжело заболѣлъ и по сіе время не успѣлъ еще совсѣмъ оправиться; въ чемъ заключалась болѣзнь моя трудно сказать вамъ; гиморой, unterleib и хандра все это соединилось вмѣстѣ, чтобъ довести бременное существо мое до послѣдней степени изнеможенія; частою ходьбою и холодною водою мнѣ удалось однакоже кое какъ поставить себя опять на ноги. Самымъ непріятнымъ слѣдствіемъ болѣзни моей было то, что я не могъ такъ продолжать своихъ занятій какъ бы хотѣлъ и долженъ былъ ограничить себя одними лекціями Савиньи (потому что не былъ въ состояніи сидѣть болѣе двухъ часовъ на скамьѣ), пожертвовавъ Куперомъ, слушать котораго я такъ прежде готовился; потому не могу сообщить вамъ подробно всѣхъ новостей университетскихъ; впрочемъ сколько я знаю, то особеннаго ничего нѣтъ;—съ каждымъ днемъ здѣсь болѣе и болѣе замѣтною становится потеря Ганса, который живостью своею наэлектризовывалъ холодныхъ и иногда педантическихъ другихъ профессоровъ;—они покойно теперь возвратились въ свой прежній Laufbahn, гдѣ они часто довольно неповоротливо двигаются; между прочимъ ранѣе читалъ очень интересно новую исторію до 1815 г. взглядъ его совершенно другой нежели Ганса. Литература нѣмецкая болѣе и болѣе сосредоточивается въ журналы и небольшія брошюрки; изъ послѣднихъ особенно замѣчательна извѣстная вамъ вѣроятно: Европейская Пентарнія, сочиненіе неизвѣстнаго автора, которая во всей Германіи надѣлала много шуму. Изъ журналовъ кромѣ прежнихъ замѣчательныхъ: *pilot* издаваемый редакціею Treihafera; одно время говорили, что будто бы прекратится изданіе Jahrbücher für Wissenschaftliche....., однако къ счастію этотъ слухъ

оказался ложнымъ; любимый нашъ латинскій писатель..... появится въ трехъ переводахъ, которые, какъ говорятъ, одинъ лучше другаго, на дняхъ издаются также сочиненія Ганса.

Жизнь общественная въ Берлинѣ слишкомъ вамъ извѣстна, чтобы объ ней можно было сказать вамъ чегонибудь новаго. Балы, маскарады слѣдовали одинъ за другимъ, какъ обыкновенно; въ ноябрѣ здѣсь было очень интересное празднество введенія реформаціи, студентскій Fackelzug съ музыкою и пѣснями былъ самымъ лучшимъ въ немъ эпизодомъ. Въ театрахъ дали нынѣшнюю зиму нѣсколько оперъ новыхъ, комедій и драммъ; Раунахъ оканчиваетъ драматическое свое поприще тѣмъ, что хочетъ написать цѣлый рядъ русскихъ драммъ, началомъ къ этому былъ: Борисъ Годуновъ, который впрочемъ былъ чрезвычайно неудачное начало; забылъ еще сказать вамъ объ самой интересной Берлинской новости, прекрасной статуи Касса: Амазонки, которая будетъ поставлена на площади предъ музеемъ; это одно изъ самыхъ лучшихъ произведеній новаго ваянія, по мнѣнію знатоковъ, которые теперь только существуютъ. Вы желаете знать что дѣлается съ нашимъ русскимъ обществомъ; къ сожалѣнію его совсѣмъ почти теперь нѣтъ, на зимній семестръ пріѣхали еще нѣсколько студентовъ изъ Петербурскаго университета, но народъ совсѣмъ неинтересный, такъ что право не съ кѣмъ сказать, какъ говорится, порядочнаго слова; вы не повѣрите, любезный Тургеневъ, какъ это непріятно; между новопрішельцами особеннаго заслуживаетъ замѣчанія нѣкто Снасковъ, кандидатъ коммерціи и будущій книгопродавецъ, который удивляется между прочимъ геніальности Матиссена, и не можетъ понять отъ чего ему такъ мало отдають за то уваженія; Матиссенъ обрадованный этимъ начинаетъ дѣлать большія глупости, выдаетъ себя за ученаго, философа, поэта и пр. Избалованный прошлымъ годомъ, я смотря на русскую нашу компанію, не могу еще до сихъ поръ повѣрить тому, что предъ собою вижу. Триттенъ съ которымъ я чаще всего вижусь, уѣзжаетъ скоро въ Лондонъ, я также думаю ѣхать въ южную Германію; очень сожалѣю, что не увижусь можетъ быть съ вами опять въ Берлинѣ. О Станкевичѣ я слышалъ что онъ живетъ вмѣстѣ съ Фроловымъ въ Неаполѣ; Невѣровъ писалъ, что получилъ въ Ригѣ еще одно мѣсто ценсора и массу дѣлъ. Еще разъ прошу васъ извинить меня за долгое молчаніе; Триттенъ по своей вѣтренности до сихъ поръ не написалъ ничего, а потому я наконецъ посылаю только письмо Матиссена, хотя оно было давно изготовлено. Очень бы желалъ еще увидѣть васъ гдѣнибудь за границей, или по крайней мѣрѣ получить отъ васъ какіянибудь извѣстія.

Вашъ

Ф. Бѣляевъ.

Если не застану васъ въ Берлинѣ то буду писать..... въ надеждѣ получить и отъ васъ отвѣтъ.

Высокоуважаемый
Иванъ Сергѣевичъ!

Не удивляйтесь, что къ Вамъ обращается человѣкъ, совершенно Вамъ неизвѣстный. При обыкновенныхъ условіяхъ я, конечно, не позволилъ бы себѣ подобной безтактности; но теперь моментъ—чрезвычайно важный, слишкомъ исключительный, чтобы стѣсняться извѣстными житейскими правилами и не вызывать Васъ, высокоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, на моральную помощь къ погибающему народу-мученику.

Мнѣ пришла въ голову счастливая мысль воспользоваться Вашимъ пребываніемъ здѣсь для одного добраго, исполнѣ Васъ достойнаго дѣла.

Дѣло не шуточное.... десятки, сотни тысячъ евреевъ югозападнаго края Россіи буквально гибнуть въ настоящее время, нравственно и физически, подъ ударами разбушевавшейся буйной черни, разжигаемой съ одной стороны, видимымъ сочувствіемъ многихъ интеллигентныхъ гражданъ и значительной части нашей періодической прессы,—а съ другой—непонятнымъ отсутствіемъ быстрой, энергической помощи со стороны мѣстныхъ властей. Цѣлый край, густо населенный евреями, охваченъ этимъ страшнымъ потокомъ стихійной разрушительной силы, истребляющей и расхищающей съ дикой яростію все достояніе десятковъ тысячъ семействъ, остающихся безъ одежды, безъ крова, безъ пищи, безъ малѣйшаго проблеска надежды на какую либо возможность дальнѣйшаго существованія. Прибавьте къ этому гнетущее чувство страха за самую жизнь, ничѣмъ не обезпеченную противъ варварскаго насилія отъ дикой орды негодаевъ-грабителей.

Какъ ни позорна для нашего вѣка самая возможность появленія такой кровавой расправы надъ цѣлымъ народомъ, въ странѣ европейской, имѣющей для всѣхъ другихъ своихъ гражданъ прочные охранительные законы,—какъ ни гнусна сама по себѣ картина избіенія евреевъ среди бѣлаго дня и отвратительный грабежъ на глазахъ многочисленной „почтенной“ публики на улицахъ и площадяхъ большихъ русскихъ городовъ, охраняемыхъ значительнымъ запасомъ разныхъ войскъ,—какъ ни отвратительно все это, говорю я, но еще несравненно болѣе позорно то равнодушіе, то худо скрываемое іезуитское злорадство, которымъ эти событія были встрѣчены большинствомъ нашей періодической печати, непрестававшимъ бросать грязью въ несчастныхъ жертвъ дневнаго грабежа и насилія! Трудно повѣрить даже, до какой степени безстыдства доходятъ иные органы печати, какъ напримѣръ „Новое Время“, „Минута“ и другіе! Такого безсердечія, такого издѣвательства надъ страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ, такой гнусности едва ли можно найти даже среди самыхъ варварскихъ, дикихъ народовъ. Отрадное исключеніе среди этихъ журналистовъ-дикарей составляютъ только: „Порядокъ“, „Голосъ“, „Страна“.

Вотъ почему я рѣшился обратить Ваше просвѣщенное вниманіе на эти невѣроятные, но вполнѣ вѣрные факты, зная, что Вы, своимъ вѣщимъ словомъ, можете помочь, хотя нравственно тому страшному горю, которое такъ неожиданно разразилось надъ бѣдной головой цѣлаго народа-страдальца.

Россія Васъ любитъ Иванъ Сергѣевичъ, и глубоко уважаетъ. Цѣлыя два поколѣнія воспитывались на Вашихъ превосходныхъ произведеніяхъ, и нѣтъ почти ни одного грамотнаго человѣка въ Россіи, которому не было бы извѣстно Ваше знаменитое имя. Вотъ почему я увѣренъ, что одно слово ваше,—одна маленькая статья, сочувственно относящаяся къ безвыходному положенію ограбленныхъ и избитыхъ евреевъ—произведетъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе и заставитъ многихъ призадуматься. Ваше слово будетъ имѣть отрезвляющее значеніе для многихъ фарисеевъ и мрачныхъ фанатиковъ изъ такъ называемой нашей интеллигенціи, точно также оно заставитъ умолкнуть многихъ литературныхъ сыщиковъ и гнусныхъ писакъ-разжигателей народныхъ страстей, которые, какъ гады при видѣ свѣта, запрячутся въ свои темныя подземныя норы.

Позволяю себѣ высказать свое глубокое убѣжденіе, что страшная судьба русскихъ евреевъ найдетъ въ Вашемъ честномъ сердцѣ нѣкоторое сочувствіе, и Вы не откажетесь имъ помочь своимъ могучимъ словомъ. Неужели, высокоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, въ жизни 3-хъ милліоновъ русскихъ евреевъ не найдете ни одной хорошей черты, кромѣ тѣхъ, которыя служили Вамъ канвой къ воспроизведенію художественнаго, но глубоко оскорбительнаго для евреевъ разсказа „Жидъ“??

Васъ по справедливости называютъ „лучшимъ изъ русскихъ людей“—и поэтому было бы грѣшно лучшему русскому человѣку не возвысить хотя одинъ разъ своего голоса въ пользу униженныхъ и оскорбленныхъ евреевъ, и—во имя права и безусловной справедливости!

Покорнѣйше Васъ прошу принять увѣреніе въ искренней, безграничной преданности и глубокомъ уваженіи, съ которымъ

Имѣю честь быть

Вашимъ покорнымъ слугою

І. Соркинъ.

Р. S. Считаю нужнымъ оговориться, что будучи по вѣрѣ христіаниномъ, я ни кѣмъ изъ евреевъ не уполномоченъ просить Васъ о чемъ бы то ни было. Мысль эта принадлежитъ одному мнѣ.

Le même.

Мая 6 дня 1881 г.

С. Петербургъ.

Лештуковъ переулокъ

собст. д. № 11, кв. № 6.

Высокоуважаемый
Иванъ Сергѣевичъ!

Если я навязчиво продолжаю адресоваться къ Вамъ вновь,—то въ этомъ отчасти виноваты Вы сами, обѣщавъ увѣдомить меня о результатѣ по извѣстному вопросу, затронутому въ моемъ первомъ письмѣ къ Вамъ, и въ личной нашей бесѣдѣ. Я съ понятнымъ нетерпѣніемъ слѣдилъ какъ за появленіемъ статьи г. Кавелина, о которой Вы меня предупредили, такъ равно и обнародованіемъ Высочайшаго разрѣшенія на открытіе подписки въ пользу пострадавшихъ евреевъ, какъ результата аудіенціи у Государя еврейской депутаціи. Первое осуществилось скоро, а втораго до сихъ поръ еще нѣтъ, да вѣроятно и не будетъ. Представители еврейскихъ интересовъ оказались ниже своей задачи. Русскіе евреи, къ сожалѣнію, не имѣютъ еще своихъ Крѣмье. Рѣчи представителей евреевъ, если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, отличались своей безсодержательностію, совершеннымъ отсутствіемъ сознательной мысли и энергіи въ изложеніи предъ Монархомъ истиннаго положенія дѣлъ. При важности мотивовъ, заставившихъ евреевъ обратиться прямо къ Монаршему милосердію и справедливости, было слишкомъ наивно и неумѣстно даже ограничиться извѣстной фразою, что евреи молъ приносятъ Вашему Величеству глубокую признательность за принятыя мѣры и пр. Какъ! Евреевъ вездѣ бьютъ, раззоряютъ, грабятъ среди бѣлаго дня, на нихъ охотятся въ своемъ же отечествѣ какъ на дикихъ звѣрей,—на всемъ югѣ и югозападѣ Россіи совершаются надъ ними такія страшныя насилія и злодѣянія, которыя могли бы сдѣлать безчестіе любой Бухаріи или другой дикой странѣ, и при всемъ томъ депутація ограничивается одной кислосладкой, ничего незначащей фразою, умалчивая о настоящемъ истинномъ положеніи дѣлъ, требующихъ не однѣхъ только временныхъ мѣръ къ прекращенію безпорядковъ, а немедленнаго, безотлагательнаго и полнаго уравниенія правъ евреевъ съ остальнымъ населеніемъ Имперіи; тогда никакихъ мѣръ не потребовалось бы. Тогда русскій народъ и самъ понялъ бы, что евреи такіе же люди какъ и другіе, и что ихъ нельзя трактовать какъ животныхъ. Вотъ чего еврейская депутація должна была бы вымалывать у подножія Престола. Точно такъ нужно было прежде всего исходатайствовать, согласно Вашему совѣту, Высочайшее разрѣшеніе на открытіе подписки. Къ несчастію ничего этого не было и нѣтъ, а евреевъ между тѣмъ продолжаютъ бить и грабить еще съ большею жестокостію. Этого еще мало! Въ газетахъ рассказывается, что одинъ еврей умеръ въ больницѣ отъ побоевъ, полученныхъ имъ при Одесскомъ „Погромѣ“. Собрались все родные, близкіе знакомые хоронить этого мученика, и только что успѣли вынести его со двора больницы, какъ вдругъ налетаетъ отрядъ казаковъ, предводительствуемыхъ какимъ-то капитаномъ Генеральнаго Штаба, которые, не предупредивъ ни кого, набросились на толпу, нанося удары нагайками направо и налево. При этомъ начальникъ отряда захлебывался отъ

хохота при видѣ какъ евреи и еврейки, избиваемые нагайками, кричали и разбѣжались въ разныя стороны. Покойника же внесли обратно въ больницу и похоронили ночью тайкомъ. Какъ Вамъ нравится эта картинка, живьемъ выхвачена изъ быта евреевъ? А вѣдь здѣсь не пьяная толпа негодяевъ-оборванцовъ, предводительствуемыхъ какимъ-нибудь пьянымъ же солдатомъ. Во главѣ казаковъ стоялъ офицеръ Генеральнаго Штаба, значить человѣкъ образованный. Можетъ ли быть что нибудь гнуснѣе и отвратительнѣе этого? Право, стыдно становится за русское общество! Вѣдь это просто звѣри, а не люди.....

Глубоко разочарованный въ надеждахъ, возложенныхъ евреями на своихъ неумѣлыхъ представителей, я, послѣ появленія въ „Порядкѣ“ извѣстной статьи г. Кавелина, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ сталъ слѣдить и искать въ газетахъ и журналахъ: не появится ли наконецъ обѣщанная *Ваша* статья какъ единственный въ данномъ случаѣ якорь спасенія среди бури и страшныхъ невзгодъ, какъ лучъ свѣта въ царствѣ тьмы, окружающей насъ со всѣхъ сторонъ. Увы! Вашей статьи нѣтъ и нѣтъ!

Знаю, къ моему глѣбокому прискорбію, что мои навязчивыя желанія вызовутъ въ Васъ чувство неудовольствія, чего, конечно, менѣе всего желаю. Вы пожалуй скажете: „какое право имѣютъ евреи предъявлять ко мнѣ какія либо требованія?“ На это я Вамъ почтительнѣйше отвѣчу слѣдующее: кому много дано, отъ того многого и требуется. Вы пользуетесь громкою славою, общимъ уваженіемъ во всѣхъ слояхъ общества какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ. Вы всѣмъ этимъ пользуетесь, конечно, совершенно заслуженно, въ чемъ согласны даже самые ярые славянофилы. Но именно эта заслуженная слава, эти пріятныя и исключительныя права Ваши на славу—налагаютъ на Васъ и исключительныя обязанности. Вы не можете сказать, подобно тому, какъ года два тому назадъ заявила редакція либеральныхъ „Отеч. Записокъ“: „какое намъ дѣло до евреевъ, они намъ совершенно чужды“..... Нѣтъ! Вы этого не скажете, во 1-хъ потому, что защищая евреевъ Вы защищаете дѣло простой справедливости,—вѣдь ничего нѣтъ справедливѣе какъ стать на сторонѣ обиженныхъ, и, замѣтьте, *незаслуженно* обиженныхъ. Во 2-хъ, защищая евреевъ въ данномъ случаѣ, Вы этимъ защищаете имя русскаго человѣка, иначе—право стыдно будетъ честному человѣку назваться русскимъ. Стыдно потому что не одно только активное насиліе надъ ближнимъ позорно; и пассивное къ нему отношеніе считается тоже дѣломъ далеко некрасивымъ. Такъ же, я полагаю, Вы не станете обвинять „огуломъ“ всѣхъ евреевъ за нѣкоторыя дѣйствительныя несимпатичныя черты ихъ характера. По крайней мѣрѣ мнѣ хочется вѣрить, что Вы къ нимъ отнесетесь безъ предубѣжденій и предвзятыхъ идей, не такъ какъ къ нимъ постоянно относился покойный Достоевскій, названный почему-то „великимъ учителемъ“ чуть ли не всего человѣчества, и создавшій своего характернаго „русскаго всечеловѣка“, что, впрочемъ, не мѣ-

шало ему въ своей знаменитой рѣчи, на торжественномъ актѣ въ Москвѣ по случаю открытія памятника Пушкину,—рѣчи, замѣчу мимоходомъ, названной Аксаковымъ вѣроятно въ шутку—цѣлымъ событіемъ,—бросить публично комомъ грязи въ лицо цѣлой еврейской народности. Повторяю: мнѣ хочется вѣрить, что Вы далеко не раздѣляете въ этомъ отношеніи взгляда Достоевскаго. Если бы я имѣлъ поводъ думать противное—вѣрьте мнѣ, какъ честному человѣку—я бы никогда не позволилъ себѣ просить о заступничествѣ. Это вѣдь значило бы, что евреи просятъ о какой-то милости. Но нѣтъ! евреи не милости просятъ,—они *требуютъ должнаго, слѣдуемаго имъ по праву*. Ничего нѣтъ оскорбительнѣе покровительственнаго тона нѣкоторыхъ лже-либераловъ, бросающихъ въ видѣ жалкой милостыни нѣсколько гуманно-утѣшительныхъ словъ по адресу къ евреямъ, въ родѣ того, что мы де, съ одной стороны, всегда порицаемъ насиліе надъ кѣмъ бы то ни было, хотя, съ другой—не можемъ не высказаться противъ еврейской эксплуатаціи и т. д. т. д. Такая защита, конечно, хуже всякаго оскорбленія. Отъ Васъ же, высокоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, евреи могли ожидать совершенно другаго. Я увѣренъ,—по крайней мѣрѣ хочу вѣрить,—что Вы искренно сочувствуете этому несчастному народу. Его страданія (нравственныя въ особенности) уже слишкомъ необыкновенны, чтобы не могли вызвать къ себѣ искренняго сочувствія со стороны истинно-достойныхъ русскихъ людей, которые въ каждомъ человѣкѣ, даже еврей, видятъ прежде всего—человѣка,—которые, не задаваясь болѣзненно-настроенной фантазіею къ созданію русскаго „всечеловѣка“ и не усматривая въ каждой народной стихійной „вспышкѣ“—особаго „подъема русскаго духа“—въ то же время не попираютъ ногами и другихъ народностей; не бросаютъ грязью во все то, что не „Русью пахнетъ“.

Я готовъ признать, что въ національномъ характерѣ евреевъ есть нѣкоторыя не симпатичныя черты; но нельзя не сознаться, что эти черты вполне естественны и понятны для лицъ, умѣющихъ трезво и критически относиться къ жизненнымъ явленіямъ. И въ самомъ дѣлѣ, справедливо ли требовать отъ человѣка, со связанными ногами, чтобы онъ свободно выдѣлывалъ разныя трудныя „па“ по всѣмъ правиламъ хореографическаго искусства? Кто въ правѣ требовать рыцарской честности отъ человѣка, брошеннаго на всю жизнь въ мрачную, холодную тюрьму, гдѣ онъ ничего не видитъ кромѣ кулака и зуботычинъ? Какое право имѣетъ русское общество требовать особой непогрѣшимости отъ еврея, надъ которымъ всякій считаетъ за долгъ глумиться,—котораго всякій безнаказанно оскорбляетъ на каждомъ шагу: въ школѣ, на судѣ, въ храмѣ науки и искусства, на помосткахъ театра, въ произведеніяхъ писателей, въ періодической прессѣ, словомъ: вездѣ, всюду и всегда при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ? Откуда же, спрашивается, набраться имъ, русскимъ евреямъ, духа, стойкости характера, храбрости и вообще благородныхъ качествъ? Гдѣ имъ учиться всему этому, и

у кого позаимствовать высокія правила чести? Не у русскихъ ли? Не у разныхъ ли журналистовъ, представителей прессы, вродѣ Пихно, Сувориныхъ, Баталиныхъ и имъ подобныхъ? Не у нѣкоторыхъ ли профессоровъ-сыщиковъ (Васильевъ, Кояловичъ, О. Миллеръ), науськивающихъ на евреевъ въ самую тревожную минуту общей смуты и сильнаго напряженія общественнаго вниманія, указывающихъ на нихъ пальцами, какъ на главныхъ виновниковъ крамолы? Не у „Великаго“ ли учителя „всечеловѣка“, который проповѣдуя постоянно евангельскія истины о „всепрощеніи“ и „христіанской любви“, то и дѣло называетъ въ своихъ произведеніяхъ цѣлый народъ „жидами“, и, подобно мрачнымъ средневѣковымъ фанатикамъ, не перестаетъ ихъ громить всѣми карами небесными и земными? Не у нѣкоторыхъ ли педагоговъ мужескихъ и женскихъ училищъ и гимназій, имѣющихъ похвальные привычки въ классахъ, во время уроковъ, самымъ грубѣйшимъ образомъ издѣваться надъ „жидами“ и „жидовками“, на потѣху и назиданіе юнымъ питомцамъ и питомицамъ? Наконецъ, не у офицера ли главнаго штаба, захлебывающагося отъ хохота при видѣ разбѣгающихся подъ ударами нагаекъ евреевъ и евреекъ, плачущихъ надъ трупомъ своего варварски-замученнаго родственника? Неужели евреямъ слѣдуетъ у нихъ учиться правиламъ чести и порядочности? Да избави ихъ, великій Боже, отъ такого посрамленія!...

Прошу у Васъ, глубокоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, тысячу извиненій за эту длинную тираду. Она продиктована чувствомъ глубокой сердечной боли, чувствомъ величайшаго горя и отчаянія. Сердце болѣзненно сжимается при видѣ такой людской несправедливости, при видѣ тѣхъ кровныхъ обидъ и оскорбленій, которымъ мои бывшіе единовѣрцы подвергаются въ Россіи со стороны не одной только „безсмысленной толпы“, но и—лицъ, считающихся „интеллигенціею“.

Заканчиваю настоящее письмо тѣми же словами, которыми было заключено первое мое письмо. Право грѣшно будетъ *лучшему русскому человеку* не возвысить, хотя одинъ разъ, своего могучаго голоса въ пользу униженныхъ и оскорбленныхъ евреевъ,—во имя права и справедливости.

Прошу принять увѣреніе въ моемъ безграничномъ, глубокомъ къ Вамъ уваженіи и преданности.

І. Соркинъ.

29 Мая 1881 г.

С. Петербургъ.

Лештуковъ переулокъ

соб. домъ, № 11.

Надеждинская д. 42.

Многоуважаемый
Иванъ Сергѣевичъ

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи, еще разъ поблагодарить васъ за тотъ любезный пріемъ, которымъ вы удостоили меня, и который останется однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній въ моей жизни. Много часовъ высокаго наслажденія пережила я перечитывая ваши чудесныя произведенія, полныя такой чистой поэзіи и такой художественной правды; радуясь и страдая съ вашими героями, не вымученными, не притянутыми насильно, а встававшими во всей Святой правдѣ, какъ тѣ благоуханныя ночи и ликующіе дни, что вы рисовали намъ своимъ геніальнымъ перомъ. Вы намъ показали вполне, на сколько проза можетъ возвыситься до поэзіи, и когда, прошлую зиму, на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ, вы читали вашихъ „Пѣвцовъ“—Боже мой, какъ къ вамъ то относились именно эти слова: „онъ пѣлъ и отъ cadaго звука его голоса вѣяло чѣмъ то роднымъ и необозримо широкимъ!“ Помню, послѣ окончанія словъ: „онъ оглянулся и увидѣлъ, что побѣда была его“—вы тоже взглянули на толпу, жадно внимавшую вамъ и вы должны были почувать чуткой душой, что, что бы не говорили ваши враги,—побѣда все же *ваша!* Слишкомъ вы намъ дороги, чтобы мы могли не любить васъ; такъ вотъ и я привыкла любить васъ съ юности и все мечтала о счастіи, хоть на короткое время приблизиться къ вамъ, какъ къ источнику теплоты, свѣжести и силы. И вотъ нынче, не дождавшись удобнаго случая, взяла свою смѣлость въ обѣ руки, и явилась, какъ вы видѣли, незваная, непрощеная: простите великодушно и не поминайте лихомъ! Вотъ что хотѣла я высказать вамъ на прощанье, нашъ дорогой и родной поэтъ-художникъ,—а затѣмъ, да сохранить васъ Богъ на долгіе годы и радость, чего отъ всей души желаетъ вамъ, глубоко и благоговѣйно, уважающая васъ

18 Мая

С. Лаврентьева.

1881.

С. Петербургъ 29 Іюня 1881.

Многоуважаемый
Иванъ Сергѣевичъ

Принявъ, съ большимъ удовольствіемъ, предложеніе Татьяны Петровны заняться для „Игрушки“ извлеченіями изъ нѣкоторыхъ вашихъ сочиненій, я написала, притомъ, краткую характеристику вашей литературной дѣятельности и кое что изъ вашего воспитанія. По выходѣ номера, въ которомъ помѣщена какъ эта характеристика, такъ и два первыхъ рассказика изъ „Записокъ охотника“—считаю своею пріятною обязанностью переслать его вамъ, чтобы дать понятіе о моемъ скромномъ трудѣ. Вы увидите, что въ вашихъ рассказахъ я

только дѣлала пропуски всего лишняго для дѣтей, не измѣняя и даже не переставляя *ни единого слова*, что, при моемъ благоговѣйномъ поклоненіи вашему таланту, почла бы святотатствомъ. Передъ акrostихомъ, — который Татьяна Петровна упросила меня напечатать у нея, — она непремѣнно хотѣла помѣстить вашъ портретъ, но нигдѣ не могла найти порядочнаго клише. Единственное, мало мальски лучшее, бывшее на оберткѣ „Записокъ охотника“ контора Стасюлевича не хотѣла отпустить ей на-прокатъ; и она упросила опять меня же награвировать портретъ. Но трудъ мой, — вышедшій изъ подъ моего рѣзца весьма порядочнымъ, — какъ вы видите, такъ отвратительно напечатали, что всѣ видѣвшіе мою тонкую работу въ моемъ ручномъ оттискѣ, были поражены увидя его такъ обезображеннаго типографіей! Наша милѣйшая старушка очень страдаетъ не имѣя дѣятельныхъ помощниковъ, могущихъ постоянно слѣдить за дѣломъ, и вотъ грустные результаты падающіе на главу и сотрудниковъ, отъ души желающихъ ей успѣха и поставленныхъ въ грустную необходимость получать щелчки ихъ артистическому самолюбію! Если позволите, я современемъ пришлю вамъ оттискъ этого портрета, отдавъ его сдѣлать въ другую болѣе умѣлую типографію, чтобы вы видѣли его въ его настоящемъ видѣ. Въ слѣдующемъ номерѣ „Игрушечки“ будутъ помѣщены рассказы изъ „Бѣжина луга“ и „Пѣвцовъ“ — а затѣмъ, дальше „Муму“. Въ заключеніи моего письма, могу сообщить вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія о юномъ поэтѣ Васильевѣ, приносившемъ вамъ стихи. Онъ очень порядочный мальчикъ, толковый въ своемъ дѣлѣ; по вечерамъ ходитъ заниматься къ одному старому учителю, гдѣ занимается вмѣстѣ съ его сыномъ, приготавливающимся поступить въ учительскую семинарію. Въ той конторѣ, гдѣ онъ разсылнымъ, служить одна моя хорошая пріятельница и большая ваша поклонница, которая очень слѣдитъ за нимъ и мы съ ней такъ рады, что можемъ вашимъ именемъ направлять его на хорошее, такъ какъ вы служите теперь для него святыней, о которой онъ говоритъ со слезами на глазахъ. Я ему взялась доставлять какія ему нужны для ученія книги, и теперь мы остановились на грамматикѣ Греча (!), которую непремѣнно требуетъ его учитель, находя, что безъ нея нѣтъ спасенія! Простите, что затрудняю васъ чтеніемъ такого длиннаго посланія: но такъ пріятно поговорить съ вами хотя письменно! Если будетъ ваша милость на то, чтобы порадовать меня вѣсточкой о себѣ, о вашемъ взглядѣ на мой трудъ и о томъ, когда думаете опять заглянуть въ Петербургъ, то потрудитесь адресовать: Софіи Ивановнѣ Лаврентьевой, Надеждинская, д. 42, к. 5. Если отвѣтъ вашъ можетъ придти ко мнѣ до 9-го іюля, то очень осчастливитъ меня передъ отъѣздомъ. Въ противномъ случаѣ мнѣ его перешлютъ.

Будьте здоровы и благополучны. Да сохранить васъ Богъ на все хорошее. Душевно и глубоко уважающая васъ

С. Лаврентьева.

Autriche-Riva.

lac de Garde.

$\frac{23}{4}$ J. 1881.
A.

Многоуважаемый
Иванъ Сергѣевичъ

Я получила ваше дорогое письмо наканунѣ моего отъѣзда изъ Петербурга и не могла тотчасъ же исполнить своего желанія, какъ благодарить васъ за него, такъ и высказаться противъ вашего замѣчанія „о преувеличенности значенія вашихъ работъ“, подмѣченной вами въ моей статейкѣ для журнала „Игрушечки“. Не одна горячая симпатія и глубокое уваженіе, которое я питаю къ вашему высокому таланту и свѣтлой личности,—водила въ ней моимъ перомъ; имъ водила правда, хотѣвшая познакомить русскихъ дѣтей съ тѣмъ *учителемъ* и *усладителемъ*, на сочиненіяхъ котораго они будутъ учиться красотѣ слога нашего богатаго языка, подъ перомъ талантливаго и образованнаго человѣка; поэтическимъ описаніямъ, часто, самой скромной природы; наблюдательности тѣхъ мелочей, которыми такъ рѣзко, иногда, обрисовывается личность и любви, или, по крайней мѣрѣ, снисходительности къ этимъ, часто весьма не симпатичнымъ, но все же требующимъ снисхожденія, личностямъ. А эта снисходительность, эта теплота повсюду разлита въ вашихъ произведеніяхъ: человѣчности въ нихъ много и потому надъ ними часто скорбишь, но не презираешь, не погружаешься въ злобный кошмаръ или омерзѣніе! Ваши сочиненія должны служить оплотомъ для нашей молодежи противу всей той пошлости или мрачнаго озлобленія, съ пѣной у рта и безплоднаго завыванія, которыя такъ обильно уснащаютъ теперь современную литературу, подъ перомъ мелкоты, ей же имя легіонъ! О вашемъ значеніи, какъ *усладителя*, передъ произведеніями котораго забываешь много горькаго и пошлаго,—встрѣчаемаго не рѣдко—нечего и говорить; также какъ о значеніи вашего слова въ пользу крестьянскаго вопроса, повліявшаго не на одну голову, заставивъ ее призадуматься! Вотъ, нисколько не преувеличенное значеніе вашихъ работъ, и вотъ почему ваши сочиненія, чуждые всякой мелочности и грязи, но полныя житейской правды и художественной красоты, должны войти въ бібліотеку подростающаго поколѣнія; почему я съ такой радостью принесла мой скромный трудъ *въ даръ* маленькихъ читателей „Игрушечки“ и ихъ родителей, нѣкоторые изъ которыхъ (я уже знаю), тотчасъ задались мыслью, понемногу, знакомить своихъ дѣтокъ съ вашими сочиненіями, могущими развить ихъ вкусъ на столько, чтобы предохранить отъ склонности въ сторону того чтенія, которое можетъ только опошлить, или привить ту безплодную, глупую хандру, съ которой у насъ такъ любятъ нянчиться, замѣняя ею всякое другое дѣло. Вотъ что хотѣлось мнѣ высказать вамъ, многоуважаемый, дорогой Иванъ

Сергѣевичъ,—рискую, быть можетъ, показаться вамъ докучливой; вотъ что шлю я вамъ изъ—*не своего* прекраснаго далека, съ береговъ ярко-бирюзоваго Гардскаго озера, куда залетѣли мы вмѣсто нашего имѣнія на южномъ берегу Крыма, заманиваемые двумя итальянскими выставками: въ Миланѣ и Венеціи,—куда затѣмъ отправимся; да и желая немножко освѣжиться подъ чужимъ небомъ. А затѣмъ, пожелавъ вамъ всего свѣтлаго и радостнаго, съ глубокимъ чувствомъ преданности и благоговѣнія, остаюсь неизмѣнно поклоняющаяся вамъ

С. Лаврентьева.

Великому
Поэту-художнику.
(Экспронтъ-Акростихъ.)

Таинственный шопоть родимыхъ лѣсовъ,—
Уютную прелесть зеленыхъ луговъ,—
Румянецъ востока, полуденный зной,—
Гимнъ радостный утра и ночи покой:
Едва прикасаясь чудеснымъ перомъ
Намъ Русь онъ рисуетъ широкимъ штрихомъ;
Едва лишь набросить—и образъ нѣмой
Въ штрихѣ геніальномъ стоитъ, какъ живой.

С. Лаврентьева.

Paris 18^{VI}/₈81.

Многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ!

Обстоятельства мои сложились такимъ образомъ, что я вмѣсто того чтобы ѣхать въ іюнѣ въ Москву, какъ я рассчитывала, должна была остаться въ Парижѣ и, Богъ вѣсть, когда мнѣ удастся отсюда выбраться—раньше конца іюля врядъ ли. Вообще, всѣ мои планы потерпѣли такое печальное крушеніе, что я совсѣмъ приуныла и смирилась духомъ. Если Вы помните, добрѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, я Вамъ говорила о главной цѣли моей поѣздки: мнѣ хотѣлось примирить отца съ сестрой; я попыталась сдѣлать это посредствомъ писемъ, т. к. ѣхать самой мнѣ было невозможно; но что же изъ всего этого вышло! Отецъ послушался меня и рѣшился повидаться съ ней; свиданіе это было очень тяжелое; папа настаивалъ, чтобы она взялась серьезно за ученіе и не губила своей молодости и способностей на безсмысленное гувернантство у Шереметевыхъ, предлагалъ ей средства. Она съ нимъ вполнѣ согласилась и общалась пріѣхать черезъ нѣсколько дней домой, но вмѣсто того, чтобы исполнить это обѣщаніе—прислала отцу письмо, въ кот. пишетъ, что по основательномъ размышленіи

о его предложеніи, она нашла, что папа „требуется ея отреченія отъ христіанства“, что для нея вишь такъ же невозможно, какъ покинуть „родную семью Шереметевыхъ“, а потому она и на дальнѣйшее время отказываетъ себѣ въ „счастіи“ видѣться съ нимъ и съ семьей. На мои письма она совсѣмъ ничего не отвѣтила. Папа ужасно разсердился и больше всего, разумѣется, на меня. Вся эта исторія дотога меня измучила, что я захворала. Простите, Иванъ Сергѣевичъ, что я утомляю Васъ такимъ неинтереснымъ разсказомъ; но изъ всѣхъ русскихъ съ кот. мнѣ приходилось сталкиваться, я встрѣтила лишь немногихъ, кот. не на словахъ только, а на дѣлѣ не питаютъ никакихъ предубѣжденій противъ нашего несчастнаго, избиваемаго и со всѣхъ сторонъ оплевываемаго народа—Вы одинъ изъ этихъ немногихъ; въ Васъ также я не замѣтила и тѣни тѣхъ прозелитнческихъ наклонностей, которыя составляютъ отличительную черту нашего православнаго интеллигентнаго общества; къ тому же мнѣ запалъ въ голову Вашъ разговоръ о религіи съ тѣми двумя господами, кот. я у Васъ разъ видѣла—и вотъ причина моей откровенности. А тяжелое время переживаемъ теперь мы, евреи; для насъ, видно, средніе вѣка еще не скоро кончатся. И главное, больше всѣхъ пострадали бѣдняки, голъ перекатная; они и безъ этой варварской кулачной расправы жили еле перебиваясь со дня на день чѣмъ Богъ пошлетъ. Должно быть такъ и надо.....

Долго ли Вы намѣрены пробыть еще въ Россіи, Иванъ Сергѣевичъ? Я спрашиваю объ этомъ п. ч. скоро кончу второй свой очеркъ и желала бы воспользоваться Вашимъ обѣщаніемъ прочесть его и вообще выслушать Ваше мнѣніе и совѣты. Кстати, напишите мнѣ, если найдете время, какая судьба постигла мою первую вещицу? чувствуетъ мое сердце, что не приняли! Ну и Богъ съ ней. Есть у меня къ Вамъ еще просьба, Иванъ Сергѣевичъ, только я даже не знаю, какъ ее высказать; если выйдетъ неловко, Вы, пожалуйста, не взыщите. Дѣло въ томъ, что у меня теперь въ Москвѣ, кромѣ кн. Горчаковой, которая все больна, нѣтъ ни одного знакомаго, кот. могъ бы мнѣ доставить какое-ниб. занятіе; а безъ занятій мнѣ.... очень трудно будетъ существовать. Я надѣялась, что мнѣ удастся получить мѣсто учительницы при гимназіи или хоть частномъ пансіонѣ, но теперь объ этомъ и думать нечего—одного того что я еврейка достаточно, чтобы получить вездѣ отказъ. Вотъ я и хочу попросить Васъ, Иванъ Сергѣевичъ,—не можете ли Вы помочь мнѣ рекомендаціей—у Васъ вѣдь такое обширное знакомство. Простите меня, Бога ради, за эту безцеремонность! Мнѣ тѣмъ болѣе неловко Васъ просить, что Вы такъ мало меня знаете и, слѣдовательно, имѣете полное право питать ко мнѣ лишь очень слабое довѣріе. Какъ же тутъ быть! Во всякомъ случаѣ, если это Васъ хоть сколько-ниб. затрудняетъ, то Вы не беспокойтесь: я въ претензіи не буду.

Изъ газетъ я знаю, что Вы пріѣхали въ Петербургъ здоровымъ, но о томъ,

какое впечатлѣніе произвела на Васъ родина—газеты молчатъ. Конечно, тяжелое, кому теперь легко....

Въ „Revue littéraire“ теперь печатается Вашъ рассказъ—„Vieux portraits“, я никогда этого не читала по русски, хотя у меня есть полное и послѣднее изданіе Вашихъ сочиненій.

До свиданья, Иванъ Сергѣевичъ, желаю Вамъ всего, всего лучшаго и еще разъ прошу простить великодушно эту безсвязную и скучную болтовню.

Преданная Вамъ

Р. Ф.....

Адресъ—Paris-Auteuil, rue Lafontaine, 104.

С. Новое Зыково 18^{VII}/₇81.

Многоуважаемый
Иванъ Сергѣевичъ,

Ваше письмо мнѣ переслали изъ Парижа въ Россію, куда я возвратилась лишь вчера. Еще задолго до полученія отъ Васъ отвѣта, я ужасно бранила себя за то, что такъ не кстати вздумала „распространяться“ въ своемъ послѣднемъ письмѣ. Но Вамъ, Иванъ Сергѣевичъ, такъ хорошо знающему человѣческую душу, должно быть понятно, что бываютъ такіе моменты, когда, помимо воли, сорвется вдругъ съ языка что-ниб. такое, за что, опомнившись, со злостью самъ бы себя за ухо выдралъ; такой именно моментъ переживала я, когда колотили наше, какъ Вы выражаетесь, „племя“ (даже и народомъ то Вы не благоволите насъ считать). Я, однако, надѣюсь, многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, что Вы великодушно забыли *все* содержаніе моего послѣдняго глупаго письма. Тысячу разъ спасибо за Ваши хлопоты о моей скромной литературной попыткѣ и еще больше благодарю Васъ за Вашу любезную готовность просмотрѣть мою вторую работу. Но дѣло въ томъ, что М-те Луканина такъ напугала меня „границей“, что я не рѣшилась везти рукописи съ собой, а послала ее въ заказномъ пакетѣ, кот. до сихъ поръ еще не прибылъ. Авось, мнѣ удастся повидаться съ Вами въ Москвѣ и тогда я отдамъ на Вашъ судъ свое „дѣтище“. Не хочу Васъ больше утомлять. Сердечно желаю Вамъ всего хорошаго, а главное, здоровья.

Уважающая Васъ

Р. Ф.....

Адресъ: Москва, Новое Зыково, бл. Петровскаго Парка, дача Кадушкиной, кв. Хинъ для Р. М. Ф.

Н. Зыково 13 Августа 81 г.

Многоуважаемый

Иванъ Сергѣевичъ!

Вчера я получила отъ г. Пыпина обратно свою рукопись. Вы, конечно, сами поймете, какъ опечалила меня моя неудача; все это время я думала, не отказаться ли мнѣ совсѣмъ отъ дальнѣйшихъ поползновеній. Что за радость вѣчно испытывать „охоту смертную да участь горькую“.

Какъ я Вамъ благодарна, добрыйшій Иванъ Сергѣевичъ, за Ваше обѣщаніе извѣстить меня о днѣ Вашего пребыванія въ Москвѣ—по крайней мѣрѣ удастся еще разъ съ Вами побесѣдовать, а ради этого можно примириться со многими неудачами. Надѣюсь, Вы не заподозрите искренности того, что я говорю. Если это Васъ не затруднитъ, Иванъ Сергѣевичъ, то извѣстите меня изъ деревни, когда Вы думаете быть здѣсь, п. ч. пока до нашего благословеннаго Зыкова дойдетъ письмо, Вы ужь успѣете уѣхать за границу, а мнѣ было бы слишкомъ жаль упустить возможность съ Вами повидаться.

Душевно Вамъ преданная

Р. Ф....

Адр. Новое Зыково, что за Петровскимъ Паркомъ, д. Кадушкиной, кв. Хинъ.

26 Мая 1881 г.

Многоуважаемый

Иванъ Сергѣевичъ,

Очень тяжело и непріятно мнѣ надоѣдать Вамъ моими дѣлами, но я надѣюсь, что Вы, по добротѣ своей, простите меня. Вотъ почти уже мѣсяць прошелъ съ Вашего отъѣзда и я до сихъ поръ не получила никакого извѣстія ни отъ Васъ ни изъ редакціи. Я очень хорошо знаю и отдаю себѣ полный отчетъ въ томъ, что и Вы и редакція и заняты и заинтересованы такими вопросами и дѣлами, по сравненію съ которыми мои „дѣлишки“ ничто—поэтому мнѣ и самой даже чуть не до слезъ досадно, что *необходимость*, не смотря ни на что, заставляетъ таки лѣзть на глаза людямъ, которымъ вовсе не до меня и до моихъ нуждъ,—и что я лѣзу и надоѣдаю, потому что иначе не могу. Деньги, которыя Вы дали мнѣ—вышли; уроки, или лучше сказать—урочишки прекращаются за лѣтнимъ временемъ; урокъ черезъ Г-жу Фельдштейнъ смутно предвидится въ Сентябрѣ; занять не у кого, да и тяжело было бы въ виду неопредѣленности отдачи занятаго. Однимъ словомъ свѣтъ опять клиномъ сошелся—только и есть одна надежда на помѣщеніе статьи въ В. Ев. при помощи Вашей рекомендаціи. О такихъ вопросахъ какъ высылка мнѣ журнала я и заикаться не смѣю—у меня просто дѣло идетъ теперь о насущномъ хлѣбѣ. Къ тому же еще простудилась

сильно, прохворала двѣ недѣли и даже свои несчастные уроки проманкировала отчасти. Еслибы не Антокольскій досталъ немного работы, то не знаю что дѣлала бы, да и это всего еще на три-четыре недѣли, а тамъ уже и совсѣмъ плохо будетъ. Пишу сердясь на себя за то *что* и за то *какъ* пишу; за то что вѣчно приходится ныть, просить, надоѣдать. Еслибы редакція прямо ужъ хоть отказала, такъ я бы въ кухарки или няньки куда нибудь пошла въ виду невозможности найти никакого другого дѣла, а тутъ все еще чего-то ждешь, на что-то надѣешься. Ужасно надоѣло мнѣ все, да и я всему свѣту надоѣла.

Перечитала свое письмо, нашла его вполне безтактнымъ и хуже того совсѣмъ глупымъ, хотѣла написать другое, подумала и затѣмъ оказалось, что какъ бы ни писала—выйдетъ все то-же самое нытье, все тѣ-же просьбы и вся та-же досада на то, что это все приходится излагать и посылать Вамъ. Итакъ простите меня великодушно и напишите мнѣ два слова. Я даже въ сущности удивляюсь, какъ рѣшаюсь вообще писать Вамъ. Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь и въ ничтожествѣ и въ дрянности своей и спрашиваю себя очень часто какая собственно нужда въ томъ, чтобы я окончательно не была стусевана, устранена, уничтожена. Я спрашиваю себя на что я собственно существую и почему не было бы въ тысячу разъ лучше, еслибы я не отнимала своимъ существованіемъ долю хлѣба, воздуха и свѣта у другихъ, лучшихъ. Простите меня за надоѣдливость.

А. Луканина.

Многоуважаемый
Иванъ Сергѣевичъ,

Какъ Васъ благодарить ужъ и не знаю—я получила оба Ваши письма и деньги—200 фр.—отъ Г. Віардо и теперь на время спокойна. Я не могу Вамъ выразить какъ я рада, что статья моя принята; если она дѣйствительно начнетъ печататься съ Іюня, какъ Вамъ говорили, то мои бѣдствія на время прекращаются—если же нѣтъ, то мое положеніе будетъ очень некрасно въ Іюлѣ и Августѣ, ну да до тѣхъ поръ еще далеко, а я такъ привыкла жить со дня на день, что едва думаю о томъ что будетъ черезъ мѣсяцъ или два. Я Вамъ такъ много задолжала деньгами, что боюсь не потеряла ли счетъ. Сначала Вы мнѣ дали 200 фр., о которыхъ я писала Г. Стасюлевичу; потомъ еще 150, потомъ 100, теперь еще 200—это вмѣстѣ составляетъ 650. Я записывала, но боюсь не пропустила ли чего по своей беспорядочности. Какъ и когда отдать ихъ Вамъ?—Если Г. Пыпинъ вышлетъ мнѣ деньги за напечатанное, не вычитая ничего, то я отошлю Вамъ часть или можетъ быть редакція сама вычтетъ? Я не знаю какъ сдѣлать и была бы Вамъ несказанно благодарна, еслибы Вы меня извѣстили; во всякомъ случаѣ врядъ-ли за Іюньскій № я получу достаточно, чтобы отослать Вамъ

все сполна, т. к. я боюсь что за Американскую статью мнѣ заплатятъ меньше, нежели за повѣсти. Мнѣ такъ совѣстно, что я такъ постоянно утруждаю Васъ, не только всякими хлопотами, но еще и постоянно получаю деньги отъ Васъ. Я думаю, что гораздо лучше было бы еслибы редакція прямо вычла изъ будущаго гонорара то, или хоть часть того, что Вы мнѣ дали и переслала бы Вамъ, но я не смѣю ничего писать туда объ этомъ, потому что не знаю какъ рѣшите Вы. До сихъ поръ я ни извѣщенія, ни журнала, ни денегъ оттуда не получала. Писать ли мнѣ Г. Пыпину до появленія Юньской книжки? Если у Васъ, многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, найдется минута свободная напишите мнѣ. Г. Віардо сказалъ мнѣ, что Вамъ лучше, чему я отъ души порадовалась—желаю Вамъ всего что можно желать лучшаго и въ смыслѣ здоровья и въ смыслѣ спокойствія. Здѣсь опять настоятельно пишутъ въ газетахъ о сзывѣ представителей Земства. Неужели это опять ложь?

Съ самую искреннюю благодарностью и глубокимъ уваженіемъ остаюсь

А. Луканина.

СПБбургъ.

Сергіевская, 2.

8 Юня 1881.

Понедѣльникъ.

Сегодня получилъ письмо Ваше отъ 2 Юня, дорогой Иванъ Сергѣевичъ, и сего же дня былъ у К. И. Одынецъ, передалъ ей Ваше письмо и 25 рублей. Она перемѣнила квартиру, изъ 2-й линіи переѣхала въ Кадетскую домъ № 31. Потомъ былъ у Чагашена и узналъ отъ него, что квитанція послана Вамъ 30 Мая, вѣроятно Вы теперь ее получили. На Новое Время я подписался 25 Мая, на семь мѣсяцевъ т. е. по 1 Января 1882 года. Надѣюсь, что оно Вамъ доставляется, 2 Юня Вы еще не могли его получить, такъ какъ 1 Юня былъ Духовъ День и газеты не выходили, по случаю праздника.

Стасюлевичу я писалъ, что Вы желаете получать Порядокъ, вѣроятно онъ будетъ высылаться Вамъ тоже съ 1-го Юня.

У Квернера ничего нѣтъ, кромѣ двухъ писемъ, которыя отправлены въ Спасское.

Прошу Васъ передать мой поклонъ Жозефинѣ Антоновнѣ.

Желаю Вамъ благоденственнаго и мирнаго житія, здравія и спасенія и во всемъ благаго поспѣшенія.

Вашъ

покорный слуга

. . . . .

Двѣ булавки я нашолъ у Васъ за зеркаломъ и передалъ Я. П. Полонскому, для доставленія по принадлежности.

СПБургъ.

Сергіевская, 2.

21 Іюня 1881 год.

Воскресенье.

Письмо Ваше, дорогой Иванъ Сергѣевичъ, отъ 15 Іюня я получилъ, радуюсь благополучному прибытію Вашему въ родное гнѣздо, желаю Вамъ благоденствовать и быть бодрымъ и здоровымъ. Меня удивляетъ только то, что Вы не дождались въ Москвѣ бенефиса М. Г. Савиной,—будетъ ли она у Васъ въ Спасскомъ,—удачны ли были въ Москвѣ ея дебюты? Напишите пожалуйста, меня все это очень интересуетъ. Получаете ли Вы Нов. Вр. и От. Записки? Прошу Васъ передать мой усердный поклонъ Я. П. Полонскому и супругѣ его и дѣткамъ.

Вашъ пок. слуга

. . . . .

Завтра ѣду въ городъ Гдовъ, гдѣ намѣренъ пробыть около недѣли, если не соскучусь.

Милостивый Государь

Иванъ Сергѣевичъ.

Позвольте мнѣ выразить Вамъ отъ имени Комитета по сооруженію памятника Гоголю въ Нѣжинѣ искреннѣйшую благодарность за сообщенное Вами мнѣніе, касательно того, что приличнѣе изобразить на доскахъ украшающихъ пьедесталь памятника. Безъ сомнѣнія, мнѣніе Ваше будетъ вполнѣ оцѣнено и принято къ руководству Гг. исполнителями.

Пользуясь этимъ случаемъ покорнѣйше прошу Васъ принять увѣреніе глубокаго уваженія и совершенной преданности

8-го Мая

1881.

Вашего

покорнаго слуги

Петръ Кочубей.

Новгородъ, 22 Іюля 1881.

Нашъ Новгородскій Акцизный Чиновникъ Бунинъ, страстный охотникъ и искусный стрѣлокъ, по временамъ помѣщающій свои рассказы въ охотничьемъ журналѣ Сабанѣева, и въ то же время благоговѣющій передъ Вами, просилъ меня убѣдительно передать Вамъ, дорогой Иванъ Сергѣевичъ, прилагаемую книжечку, въ чемъ я не смѣлъ ему отказать, зная Вашу доброту и увѣренный, что Вы, избравъ когда нибудь свободный часъ, прочтете и напишете мнѣ короткое письмо о впечатлѣніи, произведенномъ на Васъ рассказомъ Бунина. Ободрить человѣка—

Ваша специальность. Вотъ почему я и рѣшился побеспокоить Васъ этой просьбой въ надеждѣ, что Вы не посердитесь зато на меня.

Примите увѣреніе въ чувствахъ глубочайшаго уваженія и искренней преданности.

М. Языковъ.

Р. S. Если это письмо застанетъ Васъ въ Спасскомъ, гдѣ вѣроятно находится и Я. П. Полонскій, то прошу Васъ передать ему отъ меня дружескій поклонъ.

4 Мая 1881.

Любезнѣйшій и дражайшій

Иванъ Сергѣевичъ,

Эту записку передастъ Вамъ Иванъ Александровичъ Астафьевъ художникъ, нарисовавшій самый похожій портретъ Бѣлинскаго. Будьте добры, взгляните на него и скажите художнику, правъ я или нѣтъ, находя портретъ очень похожимъ, насколько возможно, работая 33 года послѣ смерти оригинала.

Если Вы похвалите, надо Вашу и мою подпись, чтобъ рекомендовать портретъ и потомъ надо помочь художнику, который очень нуждается, продать его. Во всемъ этомъ Вы можете ему помочь и я прошу Васъ не отказать въ Вашей сильной поддержкѣ, разумѣется если Вы сходство одобрите.

Весь Вашъ

. . . . .

Глубоко-чтимый

Иванъ Сергѣевичъ.

Я получила Вашъ портретъ и благодарю Васъ за него.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы выразить Вамъ мою благодарность и за все остальное, за Ваши поистинѣ дорогіе и незамѣнимые совѣты и указанія. Чѣмъ глубже я вдумываюсь въ нихъ тѣмъ болѣе узнаю имъ цѣну. Если не сумѣю ими воспользоваться, то потому что не хватитъ таланта; но „сіе не отъ насъ—Божій даръ“.

Доставите ли Вы мнѣ опять радость видѣть Васъ? Такъ многое еще хотѣлось у Васъ спросить, столько взглядовъ провѣрить. Не сказала я и десятой доли того, что хотѣлось сказать. Впрочемъ, если опять увижу Васъ, то вѣроятно опять забуду многое. Вы вѣдь это знаете не правда ли?

Удивительную прелесть придаетъ вашей бесѣдѣ это сознаніе, что Вы все такъ хорошо понимаете, что не нужно много словъ; кажется будто Вы въ душѣ читаете, и открыта она передъ Вами,—и это странное какое-то и радостное чувство.

Изъ общенія съ людьми выносишь большею частію совершенно обратное впечатлѣніе.

И какъ бы я Вамъ выразила чувства мои? Какъ сумѣла бы благодарить за всѣ чистыя радости, и блаженныя слезы, и сладостную грусть, и за все, все чѣмъ дарили Вы меня съ отроческихъ лѣтъ моихъ—за тоску по идеалу, томительную, безысходную, еще не понятую но дорогую какъ счастье молодой души.

Сказать ли Вамъ, Учитель, какъ невѣроятно и странно мнѣ то, что узнала я объ Васъ въ послѣднее наше свиданіе? Не могу даже никакъ остановиться на этой мысли. Не укладывается она что-ли въ головѣ моей?—или тонетъ въ лучахъ Вашего ореола?... Грустно мнѣ думать, что мои убѣжденія лишаютъ меня, можетъ быть, возможности рассчитывать на Вашу симпатію.

Однако письмо мое, кажется, дѣлается слишкомъ длинно—простите, Учитель дорогой; такъ весело говорить съ Вами. До свиданья, не правда ли? Да хранить Васъ Господь.

С. Петербургъ.
27-ое мая 1881 г.

Преданная Вамъ и благодарная
Гр. Е. Ефимовская.

Не нахожу словъ, многоуважаемый Иванъ Сергѣевичъ, благодарить Васъ за Ваше письмо. Какъ только найду когонибудь переписать свой рассказъ, то тотчасъ же воспользуюсь Вашимъ позволеніемъ перешлю его Вамъ.

Не браните меня, что я не умѣю писать по русски, несмотря на то, что я часто пересыпаю свой разговоръ французскими словами, я все же не получила никакого образованія. Почему же и вышедши замужъ, и проживши до 38-и лѣтняго возраста я всетаки не научилась писать правильно, право на это есть много причинъ. Написала я свой рассказъ, какъ умѣла и очень бы желала его отдать комунибудь. Цѣль моего рассказа принести хоть малейшую пользу Институту Слѣпыхъ. Можетъ быть, ктонибудь съумѣетъ съютить этотъ рассказъ и выпустить его въ пѣчать, то не найдутся ли люди, которые прочтя этотъ рассказъ обратятъ вниманіе на уставъ Института Слѣпыхъ и разберутъ съ кою цѣлью онъ устроенъ. А я знаю, что всякій даже пустяшный намекъ на Институтъ Слѣпыхъ, въ пѣчати заставляетъ на некоторое время начальство Институтское дѣлать жизнь слѣпыхъ гораздо сноснѣе.

Видѣвши меня на какихъ-нибудь полъ-часа Вы бы поняли и цѣль моего рассказа да и всю жизнь мою. Если Вы читали Живую Душу Марко Вовчокъ, это описана вся наша семья и дѣвочка Катя описанная тамъ, это я, Маша двоюродная моя сестра, но я ее въ эти двадцать пять лѣтъ видѣла два раза мелькомъ.

Простите меня, что я Васъ утруждаю своими письмами вѣроятно и нескладными, да я и читала то на своемъ вѣку очень мало.

Постараюсь выслать свой рассказъ не знаю долго ли Вы пробудете въ деревнѣ. Крѣпко отъ души жму Вашу руку.

27-го Іюля
1881 года.

Уважающая Васъ
. . . . .

Золотарево.

Я узнала, что вы въ деревнѣ, милѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, и такъ какъ случай привелъ меня въ ваше сосѣдство, то я хотѣла бы имъ воспользоваться чтобъ повидать васъ. Я пробуду еще два дня, т: е. Воскресенье и Понедѣльн: у своей пріятельницы Елиз: Петр: Кислаковской, въ имѣніи, принадлежавшемъ когда-то Шереметеву (Ал: Вас:) и еслибъ вы посѣтили меня, то доставили бы величайшее удовольствіе не только мнѣ но и хозяйкѣ дома, съ которой, если вы помните, вамъ случилось разъ обѣдать у насъ въ Петерб. Если же, по чему нибудь, вы пріѣхать не можете, то назначьте мнѣ день и часъ когда я могла бы навѣстить васъ въ Спасскомъ. Я такъ безцеремонно навязываю вамъ свое посѣщеніе, рассчитывая на деревенскую скуку, которая дѣлаетъ людей снисходительными.

Насъ вы можете застать дома съ 9 час: утра до 12-и ночи. Всего лучше было бы вамъ пріѣхать къ завтраку, остаться обѣдать, чтобъ имѣть время отдохнуть. Увѣдомьте только, когда васъ ожидать, въ Воскресенье или Понедѣльникъ?

До скорого свиданія, не правда ли?

6-ое Іюня.

Искренно васъ уважающая

Субота.

Ел: Шеншина.

С: Покровское.

Четвергъ.

Гагар. наб. 20.

Напоминаю дорогому Ивану Сергѣевичу любезное обѣщаніе обѣдать у меня сегодня въ 6 часовъ въ сертукѣ. Обѣщали быть Титовъ, бар. Николаи, Набоковъ, морск. м-ръ Пещуровъ, Фришъ, Перетцъ.

Пред.

Головнинъ.

Paris 23 Mars 1881.

Cher monsieur Tourguéneff.

La traduction des Vieux Portraits est révisée et prête à être envoyée.

Désirez-vous la présenter vous-même à Mr Jung, ou préférez-vous que je la lui apporte? La démarche n'aurait pour moi rien de désagréable, mais si vous aimez mieux voir m-r Jung vous-même, je vous enverrai le manuscrit.

La tache blanche sur le front du cheval s'appelle une étoile. Les pigeons typ-маны sont des pigeons culbuteurs.

Quant au грибъ дождевикъ, c'est ce qu'on nomme en France pet-de-loup ou vesse-de-loup de la famille des lycoperdacées. Il m'a semblé plus *convenable*, dans les deux sens de cet adjectif, de traduire la phrase ainsi: „tu éclateras comme une

grenade“. L'or de la correction des épreuves, vous trouverez peut-être quelque chose de mieux.

Inutile d'ajouter que je suis à votre pleine et entière disposition pour le conte, quand vous l'aurez terminé.

Compliments cordialement empressés de nous deux.

Eduard Gréville.

Paris le 17 Avril 1881.

Monsieur,

Je desire vous voir pour vous remettre un papier que j'ai à Monsieur Nicolas de Khanikoff. Je ne sais pas comment cela c'est fait, je l'ai trouvé dans des papiers à moi, je ne sais pas l'adresse des parant de Monsieur N. de Khanikoff.

Je voudrai le remêtré à vous même si cela ne vous derange pas de me faire savoir par un petit mot le jour et l'heure que vous voudraiez bien me recevoir.

Recevez Monsieur l'assurance du profond respect avec lequel j'ai l'honneur d'être votre très humble.

Hortense Rousselle.

Voici mon adresse, rue du Mont parnasse 47.

Ce 23 Juin 1881.

Cher Ivan Sergievitch,

Sainte Anne est enfin arrivée! Une Sainte Anne de troisième classe avec tous ses insignes. Tout vient à point à qui sait attendre. Ce qui me charme surtout dans cette distinction ce sont les souvenirs auxquels elle se rattache, les sympathies dont j'ai été l'objet à Moscou, votre précieuse amitié que je vous prie de conserver
на многая лѣта

A votre très affectionné serviteur

L. Leger

5 rue de Laval.

Messine, (Italie) $\frac{3}{7}$ 1881.

Illustre Monsieur Tourgenieff!

J'ose avec la presente m'adresser à un homme que l'Europe admire à l'envi: et je me flatte que sa courtoisie et son indulgence ne voudront pas réjeter mes prières.

Ce qui vous conseillera peut-être a me pardonner l'hardiesse de m'être adressé à vous, illustre Monsieur, c'est que mon but est celui de faire éclater davantage votre gloire en Italie, et d'y rendre votre nom plus populaire. Ce n'est pas, illustre Monsieur, que l'une n'y soit déjà établie, et l'autre connu: les savants et les gens de lettres s'empressent tous de rendre hommage à votre génie: mais aucun de vos

romans n'a été jusqu'à present traduit en italien, et c'est pour cela que votre nom n'a encore acquis ici le sceau de la popularité. Je vous demande pourtant la permission de traduire quelques uns de vos romans en italien: mais, ne connaissant pas assez le russe, vous permettrez que moi, allemand, je les traduise de l'allemand de M. Lange! J'aurais l'intention de traduire: Die neue Generation, Dunst, Väter und Söhne; mais néanmoins vous m'obligeriez infiniment si vous vouliez m'accorder la licence de traduire tous vos romans. Outre cela je vous prie de me vouloir envoyer l'autorisation de les imprimer, pour l'imprimeur M. Edoardo Fonzogno Milano. Il va sans dire que je vous enverrai les premières copies de la traduction. Mon humble travail, c'est le seul hommage que ma petitesse puisse rendre à l'un des hommes les plus illustres de l'Europe. Agréez, illustre Monsieur, mes salutations les plus empressées.

I. Edouard Boner.

Adresse: M. Edouard Boner,
(Strada Fabbriche, № 19)
Messine, (Italie).

Mon bien cher et bien grand ami,

J'aime trop, quand j'aime, pour me donner le chagrin de faire une reserve. Je prefere vous dire mille fois merci—pour ce que vous m'envoyez et pour ce que vous me promettez. C'est parfait et définitif comme notice sur le C-te Tolstoi. Il n'y a pas une virgule à changer.

Vous êtes la coquetterie en personne quand il s'agit „du français“. Il est vrai que les françaises, qui vous adorent, vous le rendent bien.

Votre plus vraie admiratrice et amie

24 Juillet 1881.

J-tte Adam.

Автобіографія Николая Ивановича Иваницкаго.

Начато въ 1843 году, въ Майѣ мѣсяцѣ въ Вологдѣ.

115 листовъ.

Минувшихъ лѣтъ угасшее веселье

Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье;

Но, какъ вино, печаль минувшихъ дней

Въ душѣ моей чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.

А. Пушкинъ.

Дѣтство и жизнь въ Вологдѣ.

Давно хотѣлось мнѣ описать всю прошедшую жизнь мою; но до сихъ поръ не могъ собраться: то недосуги, то лѣнь мѣшали этому благову намѣренію.

А жаль, что я доживъ до 27 лѣтъ, не записалъ ни одного случая изъ моей жизни, хотя многіе стоятъ того, чтобы хранить ихъ въ памяти до могилы. Теперь я читаю статью Гете: *Wahrheit und Dichtung*; она то и подстрекнула меня привести въ исполненіе давнишнее мое намѣреніе. Начинаю писать; но не для читателей, какъ Гете, а для самого себя, и потому мое описаніе будетъ самое искреннее, а слѣд. и справедливое.

Родители мои говорили, что я родился въ Широгорьѣ, въ 25-ти верстахъ отъ Вологды. Это случилось 2 Генваря 1816 года, въ одиннадцатомъ часу вечера. Крестною матерью моею была ближняя помѣщица Генеральша Шушукowa, а крестнымъ отцемъ дядя мой Н. Ѳ. Андреевъ. Я былъ очень здоровой и красивой ребенокъ. Черезъ годъ отецъ мой перешолъ въ управители на Сереговской саловаренной заводъ. Онъ уѣхалъ туда лѣтомъ; а маменька отправилась къ нему по первому зимнему пути, съ старшимъ братомъ моимъ, которому было тогда 2½ года, и со мною. Мы ѣхали въ своей повозкѣ на почтовыхъ. Провожалъ насъ присланный отъ папеньки человекъ, по имени Никола. Говорятъ, онъ былъ большой хитрецъ и шутникъ. Мнѣ все хотѣлось сидѣть вмѣстѣ съ нимъ и съ кучеромъ на облучкѣ,—и я безпрестанно тянулся туда изъ кибитки. Никола бралъ меня на руки, и когда морозъ убѣлялъ мой носъ и окоченялъ руки, тогда снова укладывали меня въ кибитку. Когда лошади шли тихо, и ямщикъ скупился погонять ихъ, Никола свисталъ самымъ пронзительнымъ свистомъ въ нарочно сдѣланную имъ трубочку, и лошади, принимая это за свистъ медвѣдя, неслись во весь духъ. Ямщикъ сердился, а Никола говорилъ, что онъ свищетъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы пугать лошадей, а только, чтобы потѣшить дитя, т. е. меня. Въ Сереговскомъ заводѣ прожилъ я четыре года съ половиною, и началъ немного понимать себя. Вотъ два случая, которые запомнилъ я, и которые можно назвать самыми первыми, принятыми и сохраненными памятью. Однажды лѣтомъ, вѣроятно въ 1821 году, день былъ прекрасный; я сидѣлъ передъ домомъ на скамейкѣ и смотрѣлъ на рѣку, на которой въ это время несло плотъ, а на плоту сидѣла женщина..... Этотъ ничтожный случай сильно врѣзался въ моей памяти, и самъ не знаю по какой причинѣ; онъ былъ самый первый, гдѣ начала дѣйствовать моя память. Другой, также маловажный: я шелъ съ маменькой въ церковь, и нашелъ на дорогѣ пятакъ. Разумѣется, я тотчасъ отдалъ его, а попадья, которая не знаю какъ тутъ случилась, очень хвалила меня, что я не воспользовался находкою. Странно! Прочіе случаи изъ жизни моей въ Сереговѣ представляются теперь, какъ несвязный и самый темный сонъ: мелькаютъ въ памяти какія-то безъимянные лица, какія-то неопредѣленные мѣстоположенія.... По рассказамъ знаю теперь, что я во все время тамъ былъ здоровъ, любилъ безпрестанно бѣгать по двору, играть и пр. Природа надѣлила меня крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и красивою наружностію. Что еслибы дары ея я успѣлъ сохра-

нить донинѣ? Но прошедшаго не воротить; по крайней мѣрѣ я долженъ благодарить Природу за то, что она нескучно наградила меня, и если я не нахожу теперь въ себѣ и десятой доли этихъ даровъ, то виновать самъ.... Нянькой моей была старуха, которую называли Горошиной. Говорятъ, она очень любила меня, и часто говаривала мнѣ: „югушондышъ (красное солнышко) ты мой! у самого ты Царя приказнымъ будешь!“ Но въ памяти моей не сохранилось образа этой доброй старушки.... Странно! что мы часто видимъ въ дѣтствѣ, того не помнимъ, а иногда хранимъ въ памяти случаи самые ничтожные, какъ напр. тѣ, которые записалъ я выше, или вотъ эти: мы ѣхали на рѣкѣ въ карбасѣ, не знаю куда. Съ нами былъ и самоваръ. Я игралъ шишечкой, отвернутой отъ крышки самовара и уронилъ ее въ воду. Несмотря на то, что дно въ этомъ мѣстѣ было глубоко, мѣдная блестящая шишечка видна была на чистомъ пескѣ Выми. Другой случай: это было уже въ домѣ Нѣмчинова, куда перешли мы, когда отецъ мой сдавалъ управленіе завода другому управителю. Мы помѣщались во второмъ этажѣ. Однажды въ зимнее воскресное утро встали мы съ братомъ на разсвѣтѣ и подошли къ окну, въ однѣхъ рубашкахъ: передъ окнами была ярмарка, которая обыкновенно производилась каждое воскресенье.... Еще помню,—это было тоже зимой—какую-то сильную драку между мужиками, которыхъ не знаю, по какому случаю, собралось очень много: они пили, гуляли и наконецъ дрались. Одного изъ нихъ, избитаго уже до крови, спрятали священникъ у себя въ хлѣвѣ. Я стоялъ на крыльцѣ; два мужика шли мимо меня и весело разговаривали; но вдругъ остановились и начали усердно колотить другъ друга.... Вотъ все, что еще сколько нибудь въ ясномъ видѣ сохранила моя память; а прочее сливается въ одну нестройную, неясную картину. Вѣроятно, дикая природа сѣвера, постоянный и суровый климатъ, и жизнь не комнатная, а всегда открытая благотворно дѣйствовали на развитіе моихъ физическихъ и нравственныхъ силъ: не отъ чего было мнѣ ни сохнуть, ни блѣднѣть, и приучаться къ хитрости, лукавству, обманамъ, однимъ словомъ, ко всѣмъ подлостямъ, которыя господствуютъ въ обществѣ. Отецъ мой перешелъ служить въ Вологду; и маменька со всѣми дѣтьми (кромѣ старшаго брата и меня тогда были уже двѣ сестры и еще больной братъ одного году) отправилась къ нему весною на каюкѣ (такъ называются суда). Помню, что когда каюкѣ отчаливалъ отъ берегу,—это было вечеромъ на закатѣ солнца,—то на берегу стоялъ священникъ съ семействомъ и съ нимъ много народу: всѣ они кланялись намъ и желали счастливаго пути.... Мы ѣхали въ самую большую воду, но всетаки тихо; потому что каюкѣ тянули лошадьми; на обѣдъ останавливались часа на четыре; на ужинъ часа на два, а ночь всю стояли на мѣстѣ. Изъ всей нашей пятинедѣльной поѣздки я помню только, и то чуть-чуть, какъ останавливались мы въ Устюгѣ и жили у священника Аралова, и какъ провожали насъ берегомъ какіе-то мужчины и женщины.

Опока яснѣе врѣзалась въ памяти. Какъ теперь вижу эту ужасную скалу, почти нависшую надъ водою; рѣка дѣлаетъ крутой поворотъ кругомъ этой скалы, и между каменистыми порогами образуетъ опасные водовороты. Мы въѣхали въ это мѣсто въ ясный воскресный день, кажется, около вечеренъ,—и вдругъ лошади, которыя шли въ лямкахъ по узкой дорожкѣ, подъ навѣсомъ скалы, упали на колѣни; потому что судно силою водоворота потянуло назадъ; работники едва могли ладить съ рулемъ; хозяинъ молодой человекъ и какъ видно довольно малодушный, совершенно растерялся; онъ всталъ на колѣни на палубѣ и молилъ о помощи. Маменька моя, какъ женщина, также очень струсила. Она держала на рукахъ меньшаго моего брата и горько плакала. Женщина, которая была съ нами, держала меньшую мою сестру, а старшій братъ, я и покойная сестра стояли кругомъ ихъ, и съ любопытствомъ смотрѣли на эту суматоху. Впрочемъ тутъ шутки плохія: мы дѣйствительно были въ большой опасности. Къ счастью въ деревнѣ находящейся на противоположномъ берегу рѣки, было гулянье. Много мужиковъ приѣхало оттуда въ лодкахъ; они пристегнулись къ бичевѣ, и судно благополучно вышло изъ опасности. Помню также, что одинъ мужикъ былъ очень пьянъ: онъ безпрестанно падалъ, и шумѣлъ, какъ будто отъ него зависѣло наше спасеніе.

Вотъ все, что я помню изъ первыхъ годовъ моего дѣтства. Приѣздъ мой въ Вологду (кажется въ 1823 году) не врѣзался въ памяти: можетъ быть это потому, что Вологда въ тогдашнее время не представляла предметовъ занимательныхъ, или—что вѣроятнѣе—я былъ развлеченъ разнообразіемъ жизни и не могъ ни на чемъ остановить вниманія. Первая наша квартира была на Соборной горѣ, гдѣ нынѣ разведенъ садъ. Тогда на этомъ мѣстѣ было нѣсколько старыхъ домовъ, и въ одномъ изъ нихъ—въ домѣ Семерикова прожили мы нѣсколько мѣсяцовъ. Потомъ мы переѣхали за рѣку, въ Калашную улицу, въ домъ Волкова, недалеко отъ церкви Св. Георгія. Здѣсь я продолжалъ учиться читать; но больше—игралъ. Зимой слѣдующаго года отецъ мой купилъ домъ въ дворянской улицѣ. Здѣсь начали уже меня учить серьезнѣе. Наняли семинариста, и засадили за книгу вмѣстѣ съ старшимъ братомъ. Я проходилъ начала ариѣтики и грамматики, кое-что изъ исторіи и занимался чистописаніемъ, а старшій братъ, кромѣ этого, читалъ и писалъ по-латынѣ. Объ новыхъ языкахъ и слова не было: тогда они не считались еще необходимыми для образованія дѣтей; на нихъ смотрѣли, какъ на роскошь, и даже видѣли въ нихъ что-то противное православной нравственности. Разумѣется отецъ не виноватъ въ этомъ упущеніи: онъ платилъ дань понятіямъ своего вѣка, да—главное—и не имѣлъ средствъ нанять Француза или Нѣмца, а семинаристъ-учитель въ зубъ ткнуть не зналъ ни на какомъ новомъ языкѣ. Онъ обыкновенно приходилъ на урокъ ежедневно въ вечерни и сидѣлъ до 6 часовъ; за это отецъ мой платилъ ему 2 цѣлковыхъ

въ мѣсяцъ. Ученіе производилось разумѣется по старой методѣ, т. е. учитель дастъ намъ выучить наизусть параграфъ изъ исторіи, или грамматики и послѣ прослушивается. Вотъ и все! О развитіи же способностей тогда никто и не думалъ, по крайнѣй мѣрѣ въ Вологдѣ: все предоставляли природѣ.... Хорошо что еще она была ко мнѣ довольно милостива, и я не остался навсегда дуракомъ! Утромъ мы съ братомъ учили уроки, а день весь играли—зимой въ комнатѣ, а лѣтомъ или на дворѣ, или всего чаще въ саду. Эти занятія были конечно полезнѣе уроковъ учителя; потому что развивали наши физическія силы. Я отъ природы былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ правильныя черты и прекрасный цвѣтъ лица; а жизнь на открытомъ воздухѣ еще болѣе укрѣпила мои силы. Словоохотныя старушки называли меня *дѣвичьей заразой*, а молодыя барыни безпрестанно старались цѣловать меня. Не понимая еще настоящаго значенія и прелести поцѣлуя, я бѣгалъ отъ нихъ, а иногда даже плакалъ, когда какая нибудь Армида успѣвала въ распахъ поцѣловать меня.

Съ братомъ я жилъ довольно дружно, хотя, разумѣется, нерѣдко случалось, что игры наши оканчивались дракой. Онъ былъ старше меня почти двумя годами, и гораздо скрытнѣе и хитрѣе. Я былъ очень живъ, горячъ, легковѣренъ и откровененъ. Меня стоило только подстрекнуть къ чему нибудь, и я, не разсуждая о препятствіяхъ и послѣдствіяхъ, тотчасъ бросался на все. Братъ вѣроятно понималъ мой характеръ, и потому научалъ иногда сдѣлать такое дѣло, за которое виновный подвергался отвѣтственности: онъ оставался въ сторонѣ, а меня наказывали. Я никогда не помнилъ обидъ, и ежели братъ дѣлалъ иногда что нибудь худое, я никогда не жаловался на него, хотя самъ нерѣдко терпѣлъ отъ его жалобъ. За одно ласковое слово я готовъ былъ открыть всю мою душу и простить какую угодно обиду. Грустно вспомнить теперь, что всѣ эти лучшія свойства моего сердца не получили надлежащаго образованія, и должны были развиваться сами собою, иногда подъ вліяніемъ обстоятельствъ самыхъ неблагопріятныхъ. Одна только религія, или лучше сказать, разные религіозные обряды благотворно питали мое дѣтское сердце. Родители мои строго держались устава церковнаго, и потому съ дѣтства внушили намъ благоговѣніе и страхъ ко всему священному. Каждое воскресенье, несмотря ни на какую погоду, мы должны были идти съ маменькой въ церковь, и соблюдать, несмотря ни на какія обстоятельства, всѣ посты, т. е. великій постъ, Филипповъ, Петровъ, Успенскій, и кромѣ того круглый годъ поститься каждую среду и пятницу. Это очень хорошо для дѣтей не въ физическомъ, а въ нравственномъ отношеніи.

Въ 1824 году, по 9-му году отъ роду, я отданъ былъ вмѣстѣ съ братомъ въ Гимназію, которая тогда еще жила патріархальный вѣкъ, и чаяла движенія. Меня приняли во второй классъ, а брата въ 3-й. Учители мои были народъ самый жалкій: всѣ почти выпущенные изъ Семинаріи, неряхи, невѣжды и—мно-

гіе—пьяницы. Среди учениковъ, изъ которыхъ большая часть были дѣти мѣщанъ и солдатъ, они деспотствовали по-султански. Порядка и методы въ преподаваніи не было никакихъ: кто что зналъ, то и проходилъ, кто гдѣ хотѣлъ, тамъ и оканчивалъ предметъ. Надзору ни за учителями, ни за учениками не было никакого. Учители приходили и уходили когда кто хотѣлъ и въ какомъ видѣ было ему угодно. Нерѣдко являлись и пьяные. Ученики собирались въ классѣ рано, и до прихода учителя, или въ небытность его, что случалось очень часто, шалили какъ только было возможно. Я разумѣется скоро привыкъ къ этому новому образу жизни, и не уступалъ другимъ въ шалостяхъ. Помѣщеніе классовъ было самое дурное: три низшихъ класса заперты были въ низу, а 4 старшихъ помѣщались вверху. Однакожъ это продолжалось недолго. Въ октябрѣ мѣсяцѣ и насъ перевели вверхъ,—именно вотъ по какому случаю. Еще за годъ до этого времени вся Вологда говорила уже, что скоро приѣдетъ Государь: улицы и мостовыя исправлялись и устраивались вновь; вдоль по дворянской Обуховской улицѣ, начиная отъ Винтеровскаго моста, и мимо Владимірской церкви, въ поворотъ до улицы, идущей отъ рынка къ Спасу на болото, сдѣланъ былъ буливаръ; вездѣ подѣланы тротуары. Наконецъ получено было извѣстіе, что Государь будетъ въ Октябрѣ. Передъ каждымъ домомъ устроены были деревянные гирлянды для иллюминаціи; въ разныхъ частяхъ города и на рѣкѣ сдѣланы 6 щитовъ съ вензелевыми изображеніями Императора. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія Монарха, тѣмъ болѣе, что въ Вологдѣ со временъ Петра Великаго не бывалъ никто изъ Царской Фамиліи. Мы, Гимназисты, были распущены до повѣстки, чтобы не затоптать вымытыхъ половъ, и только каждый день собирались на нѣсколько минутъ въ одинъ изъ нижнихъ классовъ, гдѣ насъ учили кланяться. Наконецъ насталъ день (числа не помню). Около вечеренъ полиціймейстеръ и множество лицъ разныхъ сословій выѣхали къ Московской заставѣ. Родители мои со мною и съ старшимъ братомъ отправились въ удѣльную деревню Кобылино, гдѣ приготовленъ былъ домикъ для переодѣванья Государя. Крестьяне окружили этотъ домикъ еще съ ранняго обѣда. Мы помѣстились подлѣ въ домѣ мельника. Въ это время была оттепель, и накрапывалъ дождикъ. Часу въ 8 вечера приѣхалъ адъютантъ съ мундиромъ Государя; а въ 9-мъ прибылъ и самъ Императоръ въ открытой коляскѣ, въ которой онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ Дибичемъ. Несмотря на то, что вся деревня ярко освѣщена была плошками и зажженными смоляными бочками, я не могъ однакожъ разсмотрѣть лица Монарха; потому что онъ проѣхалъ очень скоро. Мужики изо всѣхъ силъ кричали: ура! Императоръ остановился у приготовленнаго домика, съ крыльца раскланялся со всѣмъ народомъ, и пошелъ переодѣваться. Шинель его взялъ на руки частный приставъ, и, неосторожно держа ее надъ зажженными на крыльцѣ стаканчиками, прожегъ на ней порядочную дыру. Въ ту же ночь, разумѣется, ее зашили,

и Государь не зналъ объ этомъ. Переодѣвшись, Императоръ сѣлъ опять въ коляску, и отправился въ городъ. Впереди ѣхали сани съ зажженными факелами для освѣщенія дороги. Народъ бѣжалъ за коляской и кричалъ: ура! Императоръ отправился сначала къ Спасу приложиться къ нерукотворенному образу, и потомъ проѣхалъ въ Соборъ, гдѣ ожидалъ его Архіерей и все дворянство. На рынкѣ невозможно бы было проѣхать, если бы шесть жандармовъ, которые скакали впереди Императора, не расчистили дороги. Такъ тѣснился народъ, чтобы только хоть разъ взглянуть на своего Монарха. Изъ Собора, отслушавъ тамъ молебенъ, Императоръ отправился въ отведенную для него квартиру, въ домъ купца Витушечникова. Народъ окружилъ домъ и безпрестанно кричалъ: ура! Говорятъ, Государь долженъ былъ нѣсколько разъ выходить на балконъ и раскланиваться на всѣ стороны. На другой день мы собрались въ Гимназіи въ 4 часа утра, и разумѣется до прихода учителей дурачились. Въ 8 часовъ начали сходить учителя, напудренные, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. А мы одѣты были по маскараднему: кто во фракъ, кто въ курточкѣ, кто въ сюртукѣ. Не позволялось только быть въ шинеляхъ, подпоясанныхъ кушаками. Часу въ 12 вся площадь передъ домомъ Гимназіи и всѣ сосѣднія улицы были наводнены народомъ; при появленіи Государя всѣ кидали шапки вверхъ, и кричали: ура: Въ 12 часовъ Государь прибылъ въ Гимназію, въ сопровожденіи Дибича, полковника Соломки, Волхонскаго и еще какихъ-то лицъ. Директоръ Шипиловъ шелъ подлѣ Императора и показывать классы. Когда онъ сказалъ—первый классъ! мы поклонились въ поясъ. Государь отвѣчалъ легкимъ склоненіемъ головы, и пошелъ далѣе. Только я его и видѣлъ. Говорятъ, въ залѣ, гдѣ собраны были четыре верхніе класса, Императоръ останавливался на нѣсколько минутъ и говорилъ съ Директоромъ. Для этой-то короткой встрѣчи готовились мы такъ много и долго! Послѣ обѣда Государь ѣздилъ въ коляскѣ по городу, но я не видалъ его. Вечеромъ снова весь городъ былъ иллюминированъ. Государь былъ на батѣ въ Дворянскомъ собраніи. На другой день утромъ Онъ осматривалъ гарнизонъ, и послѣ обѣда уѣхалъ въ Череповецъ.

Начальное ученіе мое въ Гимназіи было очень не завидно; учили кое-кто и кое-чему, а потому и мы учились кое-какъ. Большую часть времени проводили въ шалостяхъ. Во время отсутствія учителя происходили драки классъ на классъ, и разумѣется не всегда безвредныя. Чудно еще, какъ хранилъ насъ Господь Богъ! Директоръ ѣздилъ въ Гимназію въ недѣлю разъ, и потому учителя рѣдко являлись въ классы, а если и приходили, то часто въ нетрезвомъ видѣ. Я ничему почти не учился, и несмотря на это, былъ изъ числа хорошихъ учениковъ. Въ 3-мъ классѣ оставили меня на другой годъ по молодости лѣтъ. Съ товарищами я жилъ дружно, и они очень любили меня. По праздникамъ многіе изъ нихъ собирались ко мнѣ играть. Зимой мы устраивали въ саду изъ

снѣгу крѣпость, и разыгрывали военные приступы, а лѣтомъ или играли въ городки и бабки, или уходили въ поле на рѣчку Содимгу. Тамъ играли въ лапту и купались. Иногда же ѣздили по Вологдѣ въ лодкѣ, только по секрету; потому что родители боялись, чтобы я не потонулъ, и не пускали меня на рѣку. Впрочемъ эти шалости занимали меня потому только, что не было ни какихъ другихъ. Если бы изъ среды моихъ товарищей нашлось хоть нѣсколько человѣкъ, съ такимъ же живымъ, изобрѣтательнымъ, чисто-поэтическимъ духомъ, какой имѣлъ я, то самыя игры наши получили бы болѣе благородный и оживленный характеръ. Я бредилъ не бабками и не лаптой, а военными эволюціями: Норманнской духъ мучилъ меня! Это не было слѣдствіемъ какихъ нибудь постороннихъ вліяній, а врожденное чувство, обличавшее во мнѣ болѣе возвышенныя понятія и мечты, нежели какія занимали моихъ сверстниковъ. Я былъ кротокъ и снисходителенъ, даже слишкомъ мягокъ характеромъ, и любовь къ войнѣ происходила во мнѣ не изъ буйства, а изъ какого-то темнаго понятія о славѣ, о любви къ отечеству.....

Въ 1827 году я перешелъ въ четвертый классъ, или въ собственно, такъ называемую, Гимназію; потому что, до введенія новаго устава, первый классъ назывался приходскимъ училищемъ, второй и третій уѣзднымъ, а четыре послѣднихъ Гимназією. Переходъ этотъ въ тогдашнее время для насъ былъ очень важенъ; во первыхъ потому, что на экзаменѣ присутствовали все новые учителя, которыхъ мы знали мало, и—неизвѣстно почему—боялись; во вторыхъ потому, что съ четвертаго—или съ тогдашняго перваго,—класса Гимназіи начинались нѣкоторые новые для насъ предметы. Но всякая новостъ занимаетъ насъ только до тѣхъ поръ, пока не привыкнемъ къ ней. Такъ точно и мы, поучившись въ четвертомъ классѣ мѣсяца два, увидѣли ясно, что *ничто не ново подъ луною*. Предметы были такъ же безтолковы, какъ и прежде; учителя также смѣшны и мало-свѣдущи, какъ и первые. Одинъ изъ нихъ—учитель словесности Дружининъ—былъ во мнѣніи нашемъ самымъ ученѣйшимъ человѣкомъ. И дѣйствительно, по схоластическимъ понятіямъ XVIII вѣка, который тогда еще благополучно катился въ Вологдѣ, Дружининъ имѣлъ полное классическое образованіе, т. е. былъ ученая голова, но безъ сердца и безъ чувства. Логики, которую онъ преподавалъ намъ въ этомъ классѣ, мы рѣшительно не понимали; а онъ и не спрашивалъ насъ: понимаемъ ли мы ее или нѣтъ? потому что преподавалъ совершенно не по-дѣтски. Также вопросъ: къ чему ведетъ такое ученіе? не могъ имѣть мѣста ни въ головахъ учениковъ, ни въ головахъ учителей: Природа дѣйствовала отдѣльно отъ ученья, которое, разумѣется, не могло поладить съ ней.... О прочихъ учителяхъ и говорить нечего: всѣ они были семинаристы, не имѣющіе ни о чемъ понятія,—а впрочемъ добрые люди. Нѣкоторые изъ нихъ крѣпко придерживались чарочки, и ежели учителя нѣтъ въ классѣ, то это считалось

дѣломъ обыкновеннымъ. Не могу до сихъ поръ надивиться головѣ своей, какъ она изъ этого хаоса не вышла совершенной растрепой, и какъ въ ней не потухла совершенно эта искра любви къ наукамъ, которая развилась теперь въ ней такимъ прекраснымъ пламенемъ!

Нельзя не сказать здѣсь нѣсколько словъ о внѣшнихъ характерахъ моихъ наставниковъ. *Веденскій*, учитель исторіи, художавой и довольно крѣпкій старичекъ, не зналъ ничего, кромѣ курса Кайданова. Онъ былъ добръ и невзыскателенъ. Самымъ лучшимъ ученикомъ у него считался тотъ, который отвѣчалъ заданную страничку не запинаясь, мѣрно останавливаясь на точкахъ и запятыхъ. Лѣтомъ онъ ходилъ въ темномъ фракѣ, въ нанковыхъ панталонахъ бланжеваго цвѣта, въ шляпѣ и съ палкою; а зимой въ валеникахъ и въ бекешѣ съ мерлужчатымъ воротникомъ. Когда читалъ изъ исторіи что-нибудь впередъ, то надѣвалъ очки. Но чрезъ каждыя десять минутъ останавливался: клалъ книгу на столъ, снималъ очки и уставлялъ ихъ въ видѣ рогатки на книгѣ; потомъ вынималъ изъ кармана клѣтчатый бумажный платокъ, аккуратно сложенный, развѣтывалъ его очень мѣрно и медленно, и изъ послѣдняго сгиба вынималъ круглую табакерку, гладилъ ее пальцами правой руки, осторожно снималъ крышку, подкладывалъ ее подъ дно табакерки, потомъ указательнымъ пальцемъ соскабливалъ табакъ съ краевъ на средину, потомъ бралъ щепотку и медленно несъ къ носу, потомъ вдругъ съ какимъ-то одушевленіемъ сильно тянулъ носомъ, такъ что по всему классу раздавался храпъ; потомъ обтиралъ пальцы о края табакерки, и потомъ опять въ обратномъ порядкѣ совершалъ все прежнія дѣйствія. Это всегда продолжалось по крайней мѣрѣ пять минутъ. Говорилъ онъ то басомъ, то дискантомъ. Ежели въ другомъ классѣ, во время отсутствія учителя, случался шумъ, то онъ отворялъ туда двери, и грозя двумя пальцами, говорилъ медленно и басомъ: „тише бездѣльники, тише!“ потомъ вдругъ оканчивалъ эту фразу отрывисто и дискантомъ: „чтобы тихо было!“ Когда онъ въ церкви молился Богу, то обыкновенно, сотворивъ большой крестъ, начиналъ всѣмъ корпусомъ наклоняться къ землѣ и правою рукою доставать до полу; при этомъ случаѣ отъ натуги онъ крехтѣлъ самымъ непріятнымъ образомъ. *Добряковъ*, учитель Греческаго и Латинскаго языковъ, былъ ужасно толстъ, такъ что насилу ходилъ. Онъ обыкновенно носилъ зеленый фракъ, штаны гороховаго цвѣта и ботфорты съ кисточками у колѣнъ. Училъ онъ плохо, а ежели въ сосѣднемъ классѣ былъ Дружининъ, тогда весь урокъ мы не дѣлали ничего; потому что Дружининъ, услышавъ голосъ Добрякова, обыкновенно отворялъ къ нему въ классъ двери, и скрестивши на груди руки, безмолвно смотрѣлъ на него. Добряковъ поднимался съ креселъ и катился какъ шаръ къ своему пріятелю. Потомъ начинался разговоръ и продолжался до конца класса. Можно судить, каковы должны быть наши успѣхи въ древнихъ языкахъ подъ руководствомъ такого наставника.

Фортунаатовъ, учитель математики, зналъ свой предметъ очень плохо, и рѣшительно ничего не могъ объяснить. Обыкновенно онъ приходилъ въ классъ и спрашивалъ, шепелявя: „сто вы сегодня учили?“ Мы очень откровенно отвѣчали всегда, что не учили ничего... „Да сто зо это такое?“ говорилъ Фортунаатовъ съ недовольной миной. Мы, въ утѣшеніе ему, отвѣчали, что сейчасъ выучимъ. Онъ успокоивался и начиналъ прохаживаться по классу. Минуть черезъ 5 первый изъ насъ поднимался и говорилъ, что онъ выучилъ первый пунктъ. Фортунаатовъ прослушивалъ его, потомъ тоже самое спрашивалъ другаго, потомъ третьяго и т. д., а первые между тѣмъ учили слѣдующій пунктъ. Вотъ въ какомъ жалкомъ видѣ была у насъ математика. *Дружининъ*, какъ я сказалъ уже, былъ ученый въ духѣ XVIII столѣтія. Онъ отличался пьянствомъ и неряшествомъ. Ходилъ онъ обыкновенно въ широкомъ и длинномъ коричневомъ фракѣ, нижнюю петлю одной полы застегивалъ на третью пуговицу другой, и такимъ образомъ пазуха представляла у него видъ пестерки; изъ нея выглядывала огромная табакерка. Волосы у него всегда были растрепаны и часто запачканы въ пуху. Приходя въ классъ, онъ обыкновенно никому не кланялся, клалъ фуражку на столъ, показывалъ на когонибудь изъ учениковъ пальцемъ, и начиналъ, потупивъ голову въ землю и безпрестанно перебирая пальцами табакъ въ табакеркѣ, прогуливаться по классу. Тотъ, на кого обращенъ былъ перстъ его, вставалъ и отвѣчалъ урокъ; но Дружининъ не слушалъ и спокойно думалъ о своемъ. Когда ученикъ оканчивалъ, тогда садился на мѣсто,—и каждый могъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ; потому что Дружининъ не обращалъ никакого вниманія. Только при окончаніи класса, онъ бралъ книгу или тетрадь, и отмѣчалъ ногтемъ—сколько выучить къ слѣдующему классу. Рѣдко, рѣдко, въ годъ два или три, случалось, что онъ разговорится и чтонибудь объяснить. Но зато, когда былъ пьянъ, тогда все передъ нимъ трепетало. Тогда онъ обыкновенно, спросивъ когонибудь, становился передъ нимъ, расшарашивъ ноги, опершись кулаками объ столъ и выпучивъ глаза. Если отвѣтъ былъ удовлетворителенъ, тогда онъ былъ спокоенъ; но если ученикъ заминался, тогда ругательства сыпались градомъ. Чертова заслонка, филинъ запечной, кобылья рожа и тому подобныя фразы были дѣломъ обыкновеннымъ. Дуракомъ и канальей называлъ онъ въ похвалу. Вотъ какіе оригиналы были мои наставники. И теперь даже самъ едва могу вѣрить, въ какомъ жалкомъ положеніи была у насъ ученая часть, назадъ тому лѣтъ 12-ть,—чтожъ если подобные анекдоты какойнибудь запоздалый житель XIX столѣтія расскажетъ человѣку XX вѣка!!! Другіе учителя, хотя не отличались такими оригинальными характерами, но сходились съ первыми тѣмъ, что ничего не знали, и вовсе не умѣли учить.

Въ 4-мъ классѣ по молодости лѣтъ я остался на второй годъ. Въ это время пѣвчіе, подъ особеннымъ покровительствомъ Директора Шипилова, обра-

зовались прекрасно. Обѣдни они пѣли въ церкви І. Предтечи, а всеношные въ Гимназіи въ VII классѣ, который занималъ тогда довольно большую залу. Меня также выбрали въ пѣвчіе, и всѣ ахнули отъ удивленія, когда я запѣлъ такимъ дискантомъ, какого никто еще не слыхалъ въ Вологдѣ. Шипиловъ самъ наблюдалъ надъ моимъ ученіемъ, и на четвертой недѣлѣ поста я уже пѣлъ одинъ перваго дисканта—„свѣте тихій!“ Дѣйствительно, у меня голосъ былъ рѣдкій, несмотря на то, что человѣка три или четыре изъ нашего хора годились бы въ солисты для придворной церкви. Только пѣлъ я довольно трусливо: это безъ сомнѣнія происходило отъ неувѣренности въ знаніи нотъ; потому что когда я зналъ какую нибудь пьесу наизусть, тогда пѣлъ свободно. Многіе съѣзжались въ церковь нарочно затѣмъ, чтобы послушать насъ.

Я много имѣлъ въ запасѣ силъ физическихъ и нравственныхъ, былъ хорошъ собой и далеко превосходилъ другихъ умственными способностями. Во мнѣ была поэзія, т. е. такое свойство души, о которомъ хотя всѣ толкуютъ и пишутъ очень много, однакожъ понимаютъ его только тѣ, которые сами надѣлены имъ. Поэзія первоначально обнаруживалась во мнѣ въ живости, прямотѣ и открытости характера, въ горячей любви къ предметамъ занимавшимъ меня, въ непритворности дружбы, даже въ самоотверженіи для тѣхъ, которые были для меня милы и дороги. Въ 5-мъ классѣ я весь жилъ товариществомъ и дружествомъ, и товарищи любили меня. Это чувство внушило мнѣ и первые стихи, которые написалъ я, не имѣя еще понятія о механизмѣ звуковъ, но уже страстно любя ихъ по какому-то тайному инстинкту. Вотъ начальные стихи посланія, написаннаго къ одному изъ моихъ товарищей, на 14-мъ году моей жизни:

Тамъ, гдѣ Чернавка протекаетъ
Среди цвѣтущихъ береговъ,
Гдѣ тихій Куня обитаетъ
Въ тѣни развѣсистыхъ деревъ....

Дальше не помню ни одного стиха. Этотъ воспѣтый Куня былъ Яковъ Метелевъ, одинъ изъ лучшихъ товарищей, очень добрый и скромный мальчикъ, къ которому лѣтомъ мы часто собирались играть въ лапту, спускать змѣйки и пр. Посланіе къ нему я вздумалъ писать потому, что въ это время у многихъ изъ насъ была страсть къ чтенію стиховъ. Но не имѣя средствъ достать ни одного порядочнаго автора вполнѣ, мы обыкновенно доставали рукописныя тетради одъ Ломоносова, Державина, нѣкоторыхъ поэмъ Пушкина, сказокъ Дмитріева, балладъ Жуковскаго и т. п.; все это прилежно списывали и большую часть выучивали наизусть. Опять не могу не надивиться, какимъ образомъ, при тогдашнемъ преподаваніи, могли рождаться и образовываться такія страсти! Нынче ученики снабжены уже, кажется, всѣмъ, предметы преподаются имъ въ возможной полнотѣ и удобопонятливости, и несмотря на все это въ нихъ нѣтъ и десятой доли

той любви къ знаніямъ, какая во время оно одушевляла меня! Вѣроятно, это происходитъ отъ того, что настоящее поколѣніе дѣтей слабѣе предшествующаго, или отъ того, что въ наше время не предупреждали природы, которая въ тишинѣ совершала великое дѣло образованія.... Нынѣ во всѣхъ юношахъ замѣтенъ недостатокъ полноты и плодovitости мысли, и, какъ мнѣ кажется, отъ того, что слишкомъ торопятъ дѣтей жить.... Вообще этотъ фактъ достоинъ самаго основательнаго и прилежнаго размышленія педагоговъ!

При переходѣ въ VI, —или по тогдашнему въ III-й, —классъ, къ намъ приѣхалъ изъ Петербурга новый учитель естественной исторіи—Назарьевъ. Это былъ первый человѣкъ, заговорившій съ нами по человѣчески, и внушившій намъ лучшія понятія о наукѣ. Самая наружность его рѣзко противорѣчила со всѣми другими. До приѣзда его съ именемъ учителя мы привыкли соединять понятіе о старикѣ, человѣкѣ неопрятномъ, попивахѣ, строгомъ и т. п. А теперь мы увидѣли молодаго человѣка, чисто одѣтаго, очень вѣжливаго и ласковаго, и въ заключеніе всего умнѣе нашихъ старыхъ учителей. Назарьевъ началъ проходить ботанику, и предметъ этотъ очень занялъ насъ. вмѣсто того, чтобы предаваться шалостямъ, какъ дѣлаютъ это нынѣшніе ученики, мы ходили по полямъ и собирали растенія; а послѣ, когда начали проходить зоологію и минералогію, составляли маленькіе кабинеты насѣкомыхъ и камней. Между тѣмъ, въ Сентябрѣ или въ Октябрѣ этого—1830—года началась холера. Первое впечатлѣніе, произведенное ею на жителей, было сильно. Всѣ трусили этой заразы, какъ бича небснаго. Учрежденіе карантинѡвъ усилило всеобщее уныніе; улицы опустѣли, торговые дни прекратились; молва объ ужасахъ болѣзни волновала суевѣрный народъ; классы у насъ были закрыты на неопредѣленное время. Мы гуляли, а между тѣмъ каждый день слышали о какомъ нибудь новомъ покойникѣ. Впрочемъ на этотъ разъ холера была довольно милостива къ Вологдѣ: въ продолженіи 6 или 7 недѣль умерло не болѣе 40 или 50 человѣкъ этою болѣзнію. Холодная осень прекратила язву; городъ снова ожилъ. Святки прошли весело. Я съ нѣсколькими товарищами маскировался, и это очень занимало меня. Костюмы устраивались по моему плану и большею частію моими средствами. Съ Февраля опять началась холера и довольно сильная: бывали такіе дни, что умирало человѣкъ по 10 и по 15. Карантины возобновились; присланы были изъ разныхъ мѣстъ лѣкаря; по домамъ каждое утро ходили разсылные отъ Думы и справлялись о здоровьѣ. Насъ опять распустили; а въ Майѣ мы снова собрались; потому что холера прекратилась. Но въ началѣ Іюня язва снова началась и еще съ большею силою. Насъ опять распустили. Каникулы прошли помнится не очень весело, потому что нельзя было гулять за городомъ: вездѣ были карантинны. Изъ нашихъ учителей этою болѣзнію умерло двое: учитель математики—Фортунатовъ и учитель Латинскаго языка—Остроумовъ, который было поступилъ

на мѣсто покойнаго Добрякова. Онъ былъ очень умный человѣкъ, только неспособный для учительскаго званія и притомъ—крѣпко придерживающійся чарочки. Въ этомъ же году, кажется весной, мнѣ пришла въ голову довольно глупая мысль выйти въ гражданскую службу. Соблазнилъ меня къ этому Михайловъ, бывшій губернскимъ контролеромъ. Онъ очень любилъ меня; потому что я былъ друженъ съ его сыномъ. Но такая любовь чуть было не повредила мнѣ: онъ хотѣлъ непременно имѣть меня у себя въ отдѣленіи, и такими прекрасными чертами изобразилъ мнѣ прелесть моего новаго положенія, что я было написалъ уже прозбу. Однакожъ чувство, вложенное въ меня Природою, взяло наконецъ верхъ, и я отказался отъ этихъ сумасбродныхъ плановъ.... И прекрасно сдѣлалъ! какъ бы послѣ долженъ былъ жалѣть объ этомъ поступкѣ! Михайловъ не могъ мнѣ составить большой протекціи; притомъ же года черезъ три послѣ этого онъ умеръ, и я бы остался безъ всякой помощи. Да главное—я вовсе не созданъ для гражданской службы: я рожденъ и долженъ жить только для науки. Поступя на 16 году въ кругъ подъячихъ, я бы остался рѣшительно безъ всякаго образованія: способности мои, при ихъ живой приемлемости и подвижности, можетъ быть приняты бы вредныя для меня направленія: я бы скоро пустился въ пьянство и наконецъ кончилъ бы свой карьеръ—женитьбой!.... Вотъ какъ иногда близокъ бываетъ человѣкъ къ гибели. Одно только какое-то неясное пророческое чувство спасло меня, и именно въ ту минуту, когда уже я стоялъ надъ этою бездною: прозба была уже написана, оставалось только подать....

Въ 7 классѣ я перешелъ съ такими разрозненными свѣденіями, что стыдно въ люди сказать. По Латынѣ не зналъ почти ничего, по Гречески столько же; по Нѣмецки и по Французски кое-что, т. е. словъ сотни двѣ-три, да кое-что изъ грамматики, а переводить рѣшительно не умѣлъ. Изъ исторіи въ 4-мъ классѣ мы прошли по Кайданову два первыхъ періода древней исторіи: въ пятомъ—второй періодъ средней; а въ шестомъ—первый періодъ новой. Можно судить, что же было у насъ въ головѣ! Объ математикѣ не имѣлъ и понятія, хотя могъ рѣшать практическимъ образомъ кое-какія задачи, и доказывать нѣкоторыя теоремы. Изъ Закона Божію по крайней мѣрѣ зналъ наизусть Богословію Платона, которую прежде проходили вмѣсто Катихизиса. Одна словесность была въ головѣ хотя сколько нибудь въ систематическомъ видѣ; но зато схоластическій духъ ея не питалъ души и не грѣлъ сердца: правила ея оставались безъ примѣненій. Хотя Дружининъ строго взыскивалъ за сочиненія, и требовалъ, чтобы они писались по образцамъ блаженной древности; но природа брала свое, и сколько ни старались мы приблизиться къ великимъ учителямъ Греціи и Рима, современность все-таки брала верхъ надъ бездушнымъ классицизмомъ. Мы стали впадать наконецъ въ безнадежное отчаяніе и думали, что современному человечеству и не суждено стать на такую высоту, на которой были Греція и Римъ.... Что

касается до самаго чтенія, то оно было очень ограничено. Первыя книги, которыя начали читать мы еще съ 4-го класса, были романы Радклифъ и Дюкре-ди-Мениля. Мечтательный тонъ ихъ развивалъ только наше воображеніе, и нисколько не дѣйствовалъ на умъ и сердце. Въ головахъ нашихъ возникла вѣра въ какой-то фантастическій міръ, гдѣ все идеально—и природа и люди.... Опыты жизни нисколько не занимали насъ: на все дѣйствительное мы смотрѣли, какъ на сонъ, а въ призраки, толпящіеся въ молодомъ воображеніи, вѣровали безусловно: тамъ находили мы и другіе характеры, и другой образъ мыслей, и другія чувства, и другія мечты. Такое чтеніе особенно было вредно для меня; я имѣлъ горячія чувства и живое воображеніе: вѣра въ дѣйствительность призраковъ такъ утвердилась во мнѣ, что разныя впечатлѣнія жизни никогда не производили на меня такого сильнаго вліянія и не раздражали такъ нервовъ, какъ картины жизни мечтательной. Кромѣ Радклифъ и Дюкре-ди-Мениля намъ мало книгъ попадалось въ руки. О Ломоносовѣ, Державинѣ, Жуковскомъ, Дмитріевѣ и отчасти Пушкинѣ мы имѣли понятіе только по тѣмъ рукописнымъ тетрадямъ, о которыхъ я говорю выше. Отъ этого самый слогъ сочиненій нашихъ отзывался ХVІІІ столѣтіемъ; а объ мысляхъ и говорить нечего. Темы, на которыя писали мы сочиненія, были самыя общія, нисколько не занимавшія насъ, а формы были чисто реторическія. Стало быть, чтожь въ нихъ было хорошаго? Хриіи и ораторскія рѣчи нисколько не были сообразны ни съ нашимъ образомъ представленій, ни съ нашими мыслями: мы писали ихъ потому только, что такъ было велѣно... Между тѣмъ природа требовала своего,—и потому у насъ существовала другая секретная литература. Мы писали другъ къ другу письма, въ которыхъ, уже не боясь цензуры учителя, свободно высказывали то, что занимало насъ, о чемъ мы думали и что чувствовали. Часто между немногими избранными товарищами заключались такъ называемые *союзы дружбы*. Обыкновенно на разрисованномъ листѣ писалось клятвенное обязательство любить друга нелицемѣрно, помогать во всемъ другъ другу и пр. и пр. и пр.,—и подъ этимъ листомъ избранные друзья подписывались собственноручно. Я участвовалъ почти во всѣхъ такого рода союзахъ, которые, разумѣется соблюдались свято до первой ссоры. Въ письмахъ къ друзьямъ, съ которыми конечно видѣлись каждый день, мы больше мечтали, нежели говорили правду. Да и можно ли было клясться въ вѣчной дружбѣ, не зная не только характера того, кому клянемся, но даже и своего собственнаго? Все это доказываетъ только, что мы были мальчики съ горячими чувствами; но жили больше въ мірѣ мечтательномъ, нежели въ дѣйствительномъ. У меня хранятся почти всѣ такого рода письма, и нельзя теперь не улыбаться, смотря на нихъ. Въ этихъ письмахъ говорилось много и о любви къ прекрасному полу, хотя любовь эта, какъ и всѣ другія наши страсти, была только мечтательная. Не могу теперь припомнить, какъ рано начало развиваться во

мнѣ это чувство, или по крайней мѣрѣ желаніе чувствовать. Помню только, что первый предметъ, занявшій мое воображеніе, кажется, году на 13-мъ, была наша горничная Авдотья, дѣвушка лѣтъ 18 или 19, красавица собой. Я любилъ ее чисто платоническою любовію, и понималъ уже нѣсколько ревность; потому что у Авдотьи былъ любовникъ, и я зналъ объ этомъ. Впрочемъ воображеніе мое было въ то время такъ настроено, что я готовъ былъ влюбиться даже въ козу, если бы только она могла нравиться. Въ 6-мъ классѣ, сдружась съ Михайловымъ, я познакомился въ его домѣ съ Н. П. С., и разумѣется, тотчасъ же влюбился: началъ преслѣдовать ее вездѣ,—и для чего? для того только, чтобы посмотреть на нее; потому что, по понятіямъ нашимъ того времени, любовь должна быть безмолвна, и могла выражаться только во взглядахъ, во вздохахъ, въ слезахъ. Надинька дѣйствительно была хороша собой; но больше я уже рѣшительно ничего не могу сказать объ ней; потому что говорилъ съ нею рѣдко, и то по нѣскольку только словъ, да притомъ смотрѣлъ на нее влюбленными глазами, слѣд. все въ ней казалось мнѣ ангельскимъ. Ей было лѣтъ 18, а мнѣ 15, и несмотря на такую разницу въ лѣтахъ и положеніяхъ, я все таки мечталъ соединиться съ нею когда нибудь вѣчными узами. Прежде всего я открылся въ этой страсти Михайлову, и онъ всегда извѣщалъ меня, когда Н. приходила къ его сестрамъ. Я разумѣется тотчасъ являлся на зовъ,—и былъ очень счастливъ, если Н. о чемъ нибудь спрашивала меня, или дарила конфетной билетикъ. По праздникамъ я всегда видалъ ее въ церкви, и одинъ взглядъ дѣлалъ меня блаженнымъ. Михайловъ черезъ сестру извѣстилъ и Н. о моей страсти къ ней. Не знаю, что она думала объ этомъ; но вѣроятно ей, какъ женщинѣ, пріятенъ былъ лишній обожатель, хотя это былъ 15-лѣтній мальчикъ. При томъ же она не имѣла причинъ чувствовать ко мнѣ антипатію; потому что я былъ очень хорошъ собой. Только конечно въ ней не было и той любви, которую питалъ я къ ней: она очень благоразумно дѣлала, что считала это ребячествомъ, и изъ великодушія награждала меня милымъ взглядомъ или нѣжною улыбкою... Однакожъ я не былъ доволенъ этимъ, по самой простой причинѣ: вся цѣль моя была та, чтобы завести переписку съ избраннымъ предметомъ. Это, по понятіямъ всѣхъ насъ, было самымъ величайшимъ блаженствомъ въ дѣлахъ любовныхъ. Михайловъ приготовилъ черновое письмо, списавъ его изъ письмовника Курганова; потому что, по тогдашнимъ понятіямъ нашимъ, вся сила краснорѣчія заключалась въ хитро-сплетенныхъ образахъ, а не въ теплотѣ мысли и чувства. Помнится, оно начиналось этими словами: „Очаровательница сердець! Судьба моя рѣшилась—и я долженъ любить Васъ“.... Я переписалъ это посланіе, и съ помощію старшей сестры Мих-ва передалъ Н. С. Черезъ недѣлю она написала мнѣ въ отвѣтъ маленькую записочку, которая не сохранилась у меня, но которой содержаніе, сколько помню, совершенно не согласовалось съ моими высpren-

ними мечтами. Н. С., какъ поступила бы на ея мѣстѣ и всякая опытная дѣвушка, написала только, что ей не хотѣлось отвѣчать на мое письмо, но что наконецъ она принуждена къ этому; потомъ слѣдовало еще нѣсколько подобныхъ фразъ,—и наконецъ подпись—Н. С-ва. Я однакожъ не слишкомъ былъ огорченъ такимъ отвѣтомъ: мнѣ пріятно было уже и то, что я имѣлъ письмо отъ дѣвушки.... Какая глупость! И вотъ такія-то интриги составляли иногда содержаніе нашихъ дружескихъ писемъ. Вообще, мы тогда, кажется, больше писали, нежели говорили и думали. Кромѣ писемъ, у насъ были еще другія занятія. Мы составили изъ среды себя родъ судилища, и занимались составленіемъ разныхъ дѣловыхъ бумагъ. Каждый имѣлъ свою должность, и носилъ особенное названіе: одинъ назывался диктаторомъ, другой трибуномъ и т. д. Предметы дѣловыхъ бумагъ были вымышленные: мы сами выдумывали какое нибудь дѣло, и производили судъ по всѣмъ правиламъ. Вотъ какого рода литература занимала насъ болѣе всего; потому что сообразна была съ нашими требованіями,—и на ее то должно бы было обратить тогда вниманіе учителя; потому что здѣсь мы свободно высказывали свои мысли и впечатлѣнія. Но схоластика, стоя на классическихъ ходуляхъ, не замѣчала того, что дѣлалось у ней подъ ногами. Итакъ образованіе наше совершалось безъ всякаго руководства: оно отдано было на произволъ природы.

Въ 7-мъ классѣ дѣла пошли лучше. Въмѣсто покойнаго Фортунатова математикъ началъ учить Назарьевъ, котораго очень любили мы, и который былъ дѣйствительно умный человѣкъ и знатокъ своего дѣла. Конечно онъ не могъ уже вознаградить того, что было упущено, по крайнѣй мѣрѣ умѣлъ приохотить насъ къ наукѣ, и заставилъ заниматься серьезно. На мѣсто покойнаго Остроумова приѣхалъ изъ Петербурга новый учитель Латынскаго языка—Поздняковъ. Онъ былъ строгъ, и умѣлъ заставить насъ учиться: мѣсяца черезъ два мы уже знали болѣе, нежели сколько успѣвали прежде выучивать въ нѣсколько лѣтъ. Прочіе учителя оставались попрежнему. Директоромъ былъ Соколовъ, двоюродный братъ Шипилова, переведеннаго во вторую С. Петербургскую Гимназію. Насъ сдѣлали дежурными, т. е. до прихода учителей каждый изъ насъ поочередно долженъ былъ ходить по классамъ и смотрѣть за порядкомъ. Такъ протянулось время до Святой недѣли; а на Ѳоминой вышелъ новый, т. е. нынѣшній штатъ Гимназіи. Введеніе его совершено было торжественно. Послѣ обѣдни въ церкви Іоанна Предтечи, всѣ ученики и учителя, предводимые крестнымъ ходомъ, прибыли въ Гимназію. Здѣсь, въ присутствіи множества посѣтителей, открытъ былъ торжественный актъ, на которомъ между прочимъ и я читалъ свое сочиненіе—какую-то басню: *Голубь и Муравей*. Рукописи у меня не сохранилось. Въмѣстѣ съ новымъ уставомъ начало понемногу вводиться и новое устройство въ управленіи и преподаваніи. Разумѣется, все это было къ лучшему, и нынѣшніе ученики не могутъ уже питать такихъ справедливыхъ жалобъ, какія питали мы.

Между тѣмъ случилось одно очень важное произшествіе, сдѣлавшееся предметомъ толковъ цѣлаго города. Наканунѣ праздника Преполовенія я былъ дежурнымъ и по обыкновенію оставался съ обѣдомъ въ Гимназіи. Уроки послѣобѣденные тогда начинались съ 3-хъ часовъ. Какъ теперь помню, я долбилъ таблицу Нѣмецкихъ неправильныхъ глаголовъ, и углубясь въ тетрадь ходилъ по классамъ для порядка. Была уже половина третьяго. Я шелъ черезъ 4-й классъ и замѣтилъ, что ученики смѣялись; но не обращая на это большаго вниманія, прошелъ дальше, а потомъ тотчасъ же опять вернулся назадъ, чтобы пройти въ первый классъ, гдѣ необходимость заставляла бывать чаще, нежели въ другихъ мѣстахъ. Въ четвертомъ классѣ была мертвая тишина. Одинъ изъ учениковъ—Николаевскій, довольно высокій и стройный мальчикъ, лѣтъ 15—поднимается съ мѣста и проситъ позволенія выйти. Я взглянулъ на него; онъ былъ очень блѣденъ; но полагая, что это происходитъ отъ круженія головы, я безъ всякихъ распросовъ отпустилъ его, и самъ пошелъ въ первый классъ. Между тѣмъ въ слѣдъ за Николаевскимъ тихонько ушли изъ 4-го класса еще двое—Иконниковъ и Двиницкій. Я съ товарищемъ моимъ Зосимскимъ сидѣлъ на окнѣ въ первомъ классѣ. Не прошло 10 минутъ, какъ вдругъ прибѣгаетъ Двиницкій весь блѣдный отъ испугу, и говоритъ: „Ник. Ив-чъ! идите скорѣе на дворъ: Николаевскій умираетъ!“ Мы съ Зосимскимъ тотчасъ поставили у дверей солдата и не велѣли никого выпускать изъ классовъ, а сами побѣжали на дворъ. Иконниковъ стоялъ на старой галлерей и держалъ за плечи Николаевского, который сидѣлъ, опустивъ голову на грудь и былъ блѣденъ, какъ полотно. „Что съ тобой, Ник-ій?“ спросилъ я; но Ник-ій не отвѣчалъ ни слова; глаза у него закатились.... Тотчасъ мы послали одного солдата за Директоромъ, другаго за докторомъ. Директоромъ, а вмѣстѣ и Инспекторомъ былъ тогда Веденскій, бывший нашъ учитель исторіи. Онъ жилъ у Влася въ своемъ собственномъ домѣ; потому что уставъ Гимназіи былъ еще вновь: Директоръ не имѣлъ еще мѣста для квартиры въ домѣ Гимназіи, а Инспекторъ не былъ еще опредѣленъ; слѣд. вся Гимназія, въ небытность учителей, была подъ вѣдѣніемъ одного только дежурнаго ученика. Между тѣмъ Николаевского положили, и дыханіе его начало затихать. Черезъ полчаса начали собираться учителя; пришолъ и Директоръ, но онъ не повстрѣчался съ посланнымъ за нимъ солдатомъ, и потому ничего не зналъ. Я нашелъ его въ классахъ, и подойдя къ нему, сказалъ: „Николаевскій на дворѣ“....—Какой Николаевскій? спросилъ Веденскій. „Ученикъ, о которомъ послали извѣстить васъ: онъ умираетъ!“.... отвѣчалъ я....—Какъ? гдѣ? вскрикнулъ Веденскій, и побѣжалъ на дворъ вмѣстѣ со мною. Увидя на галлерей умирающаго, онъ наклонился къ нему, и спрашивалъ: „Николаевскій! что съ тобой?“ Но Николаевскій былъ уже мертвъ. Между тѣмъ Дозе, для утѣшенія Веденскаго, принесъ зеркало, приложилъ его ко рту покойника, и потомъ, мазнувъ по стеклу пальцемъ, сказалъ:

„онъ дышитъ!“ Но мы ясно видѣли, что это одно только пустое утѣшеніе... Послали Двиницкаго на квартиру къ Николаевскому узнать: не бывало ли съ нимъ прежде какихъ нибудь припадковъ? Квартира была почти противъ Гимназіи, въ Петровкѣ. Двиницкій, отворивъ двери въ комнату и увидя тамъ нѣсколько незнакомыхъ женщинъ, спросилъ отрывисто: „не бывало ли прежде съ Николаевскимъ какихъ нибудь припадковъ?“ — „Нѣтъ! отвѣчали многія изъ женщинъ въ одинъ голосъ: а что такое?“ Двиницкій, не говоря болѣе ни слова, захлопнулъ дверь и убѣжалъ. Тѣ, не понимая что это значитъ, побѣжали въ Гимназію. Многіе изъ встрѣчныхъ, глядя на нихъ, также захотѣли полюбопытствовать—что такое случилось,—и дворъ Гимназіи черезъ нѣсколько минутъ началъ наполняться народомъ. Приѣхалъ докторъ. Мертваго начали раздѣвать, и увидѣли на рубашкѣ противъ самага сердца маленькое пятнышко крови. Это удивило всѣхъ: начали спрашивать, и тогда только объяснилось все дѣло. Николаевскій и Иконниковъ сидѣли въ классѣ рядомъ. Первый былъ веселый малый, а второй—удивительный флегматикъ, и потому между ними часто происходили довольно смѣшныя сцены. Въ этотъ день, когда они пришли послѣ обѣда въ классъ, Николаевскій набилъ табакомъ пустой орѣхъ и далъ его Иконникову раскусить. Тотъ взбѣсился, а товарищи засмѣялись. Вотъ въ это-то время я и проходилъ первый разъ черезъ ихъ классъ. Иконниковъ схватилъ перочинный ножикъ,—очень коротенькій, но сточенный въ видѣ шила,—и грозился кольнуть. Николаевскій шутя подставилъ ему лѣвый бокъ, а тотъ, разумѣется думая только пострадать, кольнулъ его, но такъ несчастно, что попалъ прямо въ сердце.... Николаевскій вдругъ началъ блѣднѣть; всѣ испугались; въ это время я обратно проходилъ черезъ ихъ классъ, и Ник-ій, какъ я говорилъ уже, попросился выйти. Иконниковъ и еще нѣкоторые, не говоря мнѣ ни слова, вышли также за нимъ. На лѣстницѣ Ник-ій зашатался; они взяли его подъ руки, и свели на галлерею; тамъ минутъ черезъ пять онъ уже пересталъ говорить,—и тогда только Двиницкій прибѣжалъ сказать мнѣ, что Николаевскій умираетъ; но все-таки не сказывая отъ чего. Докторъ велѣлъ дать знать полиціи. Явился частный приставъ, и началось слѣдствіе. Классовъ, разумѣется, уже не было; потому что всѣ учителя заняты были разговорами объ этомъ происшествіи. Только одинъ Дружининъ былъ ко всему невнимателенъ и хладнокровенъ. Когда онъ проходилъ черезъ нашъ классъ, товарищъ мой Зосимскій, желая скорѣе сообщить эту новость, подошелъ къ нему и сказалъ: „Петръ Ивановичъ! Николаевскій умеръ“..... Дружининъ разсѣяннo взглянулъ на Зосимскаго, и отвѣчалъ: „неважной и человѣкъ-то былъ!“ Слѣдствіе по этому дѣлу тянулось недѣли двѣ: покойника на 3-й день анатомировали въ Гимназической банѣ; насъ безпрестанно допрашивали, и кончилось все тѣмъ, что Иконникова исключили изъ Гимназіи и послали на 6 мѣсяцовъ въ монастырь. Теперь онъ уже женатъ и живетъ въ Тотъмѣ.

Вскорѣ приѣхалъ къ намъ изъ Петербурга новый учитель исторіи и статистики—М. Ѳ. Бѣляевъ. Этому человѣку всѣ мы обязаны полною благодарностію. Онъ былъ очень добрѣ и ласковѣ съ нами: мы отъ него ничего не скрывали, даже самыя сокровенныя мысли и чувства. Въ обществѣ часто смѣялись надъ нимъ; потому что онъ любилъ педантствовать, хвастать и вообще былъ большою говорунѣ. Но намъ до этихъ недостатковъ не было никакого дѣла: мы отъ души любили его, какъ добраго учителя, и часто ходили къ нему на квартиру, что, по тогдашнимъ понятіямъ, было новостію. Бѣляевъ, замѣтивъ въ насъ желаніе учиться и вмѣстѣ съ тѣмъ неполноту нашихъ свѣденій, уговорилъ всѣхъ насъ (а всѣхъ-то насъ было четверо: Зосимскій, Студитскій, Богословскій и я) остаться еще на годъ въ 7-мъ классѣ, и потомъ ѣхать въ Университетъ. Вотъ истинная польза, которую онъ принесъ намъ; потому что въ тогдашнее время никто почти въ Вологдѣ и не думалъ объ Университетѣ. Съ самаго перваго времени существованія Гимназіи и до того году только двое уѣхали въ Университетъ: Фортунатовъ, сынъ нашего покойнаго учителя математики (въ 1830 г.) и братъ мой (въ 1831 году). Прочіе же, кончавшіе курсъ, выходили большею частію въ приказные, рѣдкіе въ военную службу, и очень, очень рѣдкіе въ Демидовскій лицей. Слѣд. нашъ курсъ былъ первый, который весь рѣшился ѣхать въ Университетъ. Итакъ экзаменовъ въ этотъ годъ мы не держали; а только на актѣ я читалъ разсужденіе *о вліяніи Монголо-Татарскаго владычества на Россію*. Это сочиненіе, мною первоначально написанное, все отъ начала до конца было написано вновь самимъ Дружининымъ; потому что я трактовалъ этотъ предметъ, какъ должно, и никакъ не могъ втиснуть его въ схоластическія рамки. На актѣ были и дамы,—это также вещь дотолѣ неслыханная. Я прочиталъ превосходно, и когда кончилъ, всѣ слушатели начали аплодировать. Я переконфузился, и поскорѣй спрятался.

Во время каникулъ ѣздилъ въ Тотьму—къ двоюродному дѣдушкѣ, Савинову, и къ теткѣ, покойной Марѣ Максимовнѣ, которая была замужемъ. Всѣ они жили въ одномъ большомъ домѣ, на берегу Сухоны, подлѣ церкви, кажется, Андреевской. Не помню уже, какъ я проводилъ тамъ время; помню только, что двѣ какія-то барышни влюбились въ меня, и безпрестанно строили мнѣ глазки. Изъ Тотьмы ѣздилъ на нѣсколько дней на Леденскій заводъ, гдѣ жилъ родной мой дядя Николай Ѳедоровичъ Андреевъ. Впрочемъ эта поѣздка въ Тотьму была уже не первая: при переходѣ изъ третьяго класса въ четвертый я ѣздилъ въ Тотьму съ братомъ и съ дядей; а при переходѣ изъ пятаго въ шестой съ маменькой, съ старшимъ братомъ, съ сестрой и съ теткой Анной Ивановной Савиновой. Но сила въ томъ, что изъ всѣхъ этихъ поѣздокъ я ничего не помню; стало быть онѣ не произвели на меня никакого особеннаго впечатлѣнія.

Наступилъ послѣдній годъ гимназическаго курса. Всѣ мы бредили Петер-

бургомъ, не размышляя, разумѣтся, о средствахъ необходимыхъ для такой поѣздки. Положеніе мое было незавидное. Отецъ получалъ жалованья 800 руб. въ годъ; семейство и отправка брата вовлекли его въ долги, которые для его состоянія были очень велики,—а теперь предстояли еще новыя издержки—отправлять меня. Другой на мѣстѣ отца ни за что бы не рѣшился на это, тѣмъ больше, что въ тогдашнее время, какъ я говорилъ уже, никто почти и не предчувствовалъ пользы отъ образованія. Но отецъ мой, въ этомъ отношеніи, превосходилъ другихъ своими понятіями, а въ отношеніи къ издержкамъ полагался на *авось*.... Итакъ поѣздка моя въ Петербургъ была рѣшена, на основаніи самыхъ шаткихъ предположеній: авось достанемъ денегъ, авось примутъ меня на казенный коштъ, авось я кончу курсъ хорошо, авось въ послѣдствіи опредѣленъ буду старшимъ учителемъ въ Вологду и пр. и пр. и пр. Хорошо, что всѣ эти авось сбылись,—а не то плохія бы были обстоятельства! Разумѣтся, въ тогдашнее время я не понималъ настоящаго моего положенія; но вѣроятно логика отца дѣйствовала уже на меня невидимо; потому что есть теперь въ характерѣ моемъ черта—не унывать ни въ какихъ обстоятельствахъ и дѣйствовать на авось!

Ученье мое въ этотъ годъ шло хорошо. Математикѣ у Назарьева мы выучились столько, сколько было можно; начала конечно знали худо, но этого и воротить было уже невозможно; по крайней мѣрѣ прошли основательно то, что положено проходить въ седьмомъ классѣ, и кое-что повторили. Физику знали хорошо. Исторію всеобщую, сколько могли, повторили сами, но знали довольно плохо; потому что руководство Кайданова немногому научить. Зато Русскую исторію и статистику у Бѣляева знали прекрасно. Словесность шла постарому: теорія основывалась на схоластикѣ, а въ практикѣ—сдѣлали успѣхи. Стихи, какъ сказано выше, я началъ писать еще въ 4-мъ классѣ; но съ тѣхъ поръ оставилъ ихъ; а теперь снова принялся. Первое стихотвореніе, написанное въ 7-мъ классѣ, было переложеніе изъ прозаическаго перевода въ стихи Геснеровой Идилліи—*Миртиллг.* Дружининъ очень хвалилъ его. Потомъ написано было еще нѣсколько стихотвореній; но они теперь уже потеряны. Наконецъ я написалъ повѣсть въ стихахъ, подъ названіемъ — *Хижина*. Здѣсь я высказывалъ лучшія мои убѣжденія и мечты; потому что былъ влюбленъ.... Эта повѣсть сохранилась у меня въ бумагахъ. По-Латынѣ Поздняковъ училъ очень хорошо; потому что строго взыскивалъ; Нѣмецкій языкъ шелъ худо: Дозе вовсе не умѣлъ учить, и — главное — самъ былъ такой подлый и низкій человѣкъ, какого я еще не видывалъ. Онъ особенно ненавидѣлъ меня, хотя я учился у него изъ послѣднихъ силъ. Всякое терпѣніе должно было лопнуть, однакожъ я все-таки терпѣлъ. Не хочу да и не стоить припоминать всѣхъ гадостей, какія дѣлалъ онъ со мной: такихъ людей надобно награждать полнымъ и глубокимъ презрѣніемъ.... Чертъ съ нимъ! Я все-таки счастливъ, а онъ и до сихъ поръ живетъ, какъ мерзавецъ: подличаетъ, увивается

какъ червякъ у ногъ всякаго дурака, самъ дѣлаетъ глупости и пр. и пр. Французскій языкъ шелъ также худо; потому что учителя часто мѣнялись, а послѣдній изъ нихъ—Эверсъ—былъ совершенно сумасшедшій: дѣлалъ безпрестанныя глупости, смѣшилъ насъ и ничему не училъ. При такихъ недостаткахъ въ преподаваніи собственная наша ревность къ занятіямъ была велика: мы читали и писали столько, сколько было возможно по нашимъ силамъ и средствамъ. И на все доставало времени: и на занятія и на шалости и на волокитства. Между собою мы жили очень дружно. Первый годъ насъ было въ 7 классѣ четверо: Зосимскій, Студитскій, Богословскій и я; а на второй годъ къ намъ перешли изъ шестаго класса: Михайловъ, Дубравинъ, Пчелинъ и Титовъ. Всѣ они были хорошіе ребята. Студитскій жилъ у насъ въ домѣ. По праздникамъ мы обыкновенно собирались у когонибудь изъ товарищей,—всего чаще у меня или у Пчелина или у Титова или у Михайлова. Шалости, разумѣется, были самыя невинныя; больше занимались разговорами, а лѣтомъ ходили гулять въ поле, и купались на Содимгѣ. Больше всего употреблялось времени на сочиненія и на письма другъ къ другу. Мы издавали журналъ, подъ названіемъ *Василекъ*,—гдѣ помѣщали разныя статьи въ прозѣ и въ стихахъ. Каждый мѣсяць выпускали мы по тетрадкѣ, и отсылали въ 6-й классъ, а оттуда получали тоже тетрадку, подъ названіемъ *Муравей*.... Всѣ мы трудились и писали: намъ хотѣлось жить, только средствъ было мало, а въ учителяхъ видѣли мало примѣровъ... Нынѣшніе ученики не могутъ сказать этого, и всетаки они гораздо лѣнливѣе, нежели были мы въ тогдашнее время.... Ахъ, время, время! все это какъ будто вижу теперь во снѣ; а давно ли это минувшее такъ полно было жизни и событій? Любовныя интриги кипѣли между нами въ полной силѣ. Я снова былъ влюбленъ. Волокитство за Н. П. С., не помню уже какимъ образомъ, прекратилось: вѣроятно мнѣ наскучило вздыхать безнадежно.... Теперь я влюбился въ другую, или по крайней мѣрѣ вообразилъ, что я влюбленъ. Это сдѣлалось очень просто. Въ Декабрѣ 1832 года, не помню котораго числа, я былъ на именинахъ у А. Э. Тамъ было еще нѣсколько товарищей; мы играли въ лото, въ гусекъ и пр.,—а кто умѣлъ танцевать, тѣ танцевали съ барышнями. Я былъ очень застѣнчивъ,—и потому не рѣшался близко подходить къ танцующимъ.... Но онѣ, т. е. барышни вѣроятно обращали на меня больше вниманія, нежели я на нихъ; потому что лицомъ я былъ гораздо лучше ихъ; и ежели бы тогда одѣтъ меня въ женское платье, то многіе бы мужчины влюбились въ меня по-уши. Какъ бы то ни было, только черезъ недѣлю А. Э. даетъ мнѣ замѣтить, что одна барышня ко мнѣ очень равнодушна. Это была М. Л. З.—двоюродная сестра Дубравина; она вмѣстѣ съ родной сестрой Дубравина училась у Энгельмейерской гувернантки. Мнѣ, разумѣется, пріятно было слышать это,—и я тотчасъ вообразилъ, что и самъ влюбленъ въ нее, хотя и не видалъ ее порядочно. Настали святки. Мы опять маскировались,—и я

нѣсколько разъ имѣлъ случай видѣть М. З. Она, разумѣется, узнавала меня, и всегда приступала, чтобы я снялъ маску. Я очень хорошо понималъ, чтò все это значить,—и рѣшился написать письмо—только не къ ней, а къ Дубравину. Письмо, разумѣется, было на цѣломъ листѣ, и въ самомъ сентиментальномъ родѣ. Жаль только, что теперь не припомню его содержанія; но главная мысль была та, что я просилъ Дубравина помочь мнѣ.... Это конечно довольно образцовая глупость; а Дубравинъ тоже по глупости рѣшился исполнить мое порученіе,—и черезъ два дня я уже получилъ отвѣтъ, что она также любитъ меня, и готова даже соединиться со мною на вѣки.... Ей было 15 лѣтъ, а мнѣ 17; просто слѣдовало бы высѣчь насъ!... Свиданія наши сдѣлались чаще,—и скорѣй завелась переписка.... Боже мой! сколько было клятвъ и увѣреній и въ прозѣ и въ стихахъ!... Такимъ образомъ, начавъ съ глупости, я подобными же глупостями такъ пристрастился къ М. З., что только и бредилъ ею. Впрочемъ она была дѣйствительно хороша, брюнетка—въ полной формѣ. Объ умѣ же и сердцѣ я не зналъ, да мнѣ это и въ голову не приходило; потому что любовь моя въ эту эпоху была черезчуръ отвлеченна: я любилъ не М. З., а идеализированный образъ ея, начертанный въ моемъ воображеніи.... Сколько было чувствъ, то веселыхъ, то грустныхъ, то бурныхъ, то нѣжныхъ!... Но замѣчательно то, что къ М. З. я не написалъ ни однихъ стиховъ; только въ повѣсти *Хижина*, о которой я упомянулъ выше, было нѣсколько тирадъ, внушенныхъ ею... Причиной этого безъ сомнѣнія было вліяніе схоластики, которая не позволяла выражать въ словѣ самыя лучшія движенія сердца....

Всѣ, или почти всѣ, мои товарищи вели также свои любовныя интриги. Когда мы сходились вмѣстѣ, то повѣряли другъ другу свои тайны, и были совершенно счастливы. Жаль, что все это почти изгладилось уже изъ памяти,—а то сколько любопытныхъ вещей можно бы было описать!

Между тѣмъ время уходило: прошла Масляная, прошелъ постъ, прошла Святая недѣля, наступили каникулы. Надобно было думать объ экзаменѣ и готовиться ѣхать въ Петербургъ. М. З. безпрестанно писала, чтобы я оставался въ Вологдѣ, что она умретъ съ тоски и пр. и пр. Но на этотъ разъ я ее не послушался, а утѣшалъ только, что на каникулы буду приѣзжать въ Вологду, что черезъ три года кончу курсъ въ Университетѣ, и тогда женюсь на ней.... И изъ всего этого въ послѣдствіи вышла чепуха, гиль, просто ничего.... Экзамены кончились благополучно въ концѣ Августа. Медлить было нечего. 28 Августа я пришелъ къ Ангельмейеру, простился со всѣми, въ томъ числѣ и съ М. З.,*) а 29, въ день Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, въ 12 часу утра отправился въ Петербургъ на почтовыхъ, вмѣстѣ съ Михайловымъ, Зосимскимъ и Студит-

---

*) Я съ нею увидѣлся черезъ 7 лѣтъ.

скимъ. Богословскій поѣхалъ въ Московскій Университетъ; Титовъ и Пчелинъ вышли въ уѣздные учителя, а Дубравинъ остался еще на годъ въ 7-мъ классѣ.

Такимъ образомъ первый періодъ моей жизни кончился! Я развернулся, какъ цвѣтокъ, и физически и нравственно,—развернулся на лонѣ родины, въ нѣдрахъ семейства, среди заботъ и попеченій родныхъ: это былъ цѣлый міръ, только неокрашенный яркими и блистательными красками: все было тихо, скромно, но зато полно такихъ чистыхъ радостей и такихъ искреннихъ печалей, что, кажется, воротилъ бы это блаженное время. Какъ жаль, что я не записывалъ своей жизни съ тѣхъ поръ, какъ началъ понимать себя! Сколько поступковъ, мыслей, чувствъ, желаній, надеждъ,—перебывали въ головѣ и въ сердцѣ въ продолженіи этихъ 17-ти лѣтъ! Откуда они приходили, и куда исчезло все это?... Кажется, я видѣлъ одинъ только сонъ. Я былъ, въ полномъ смыслѣ, прекрасный юноша: цвѣту и милому выраженію лица моего всѣ завидывали; голова моя была сформирована счастливо, лобъ широкій и полный, носъ прямой и довольно длинный; брови и волосы темные; грудь широкая и сильная; шея жилистая и крѣпкая; голосъ звучный и пріятный; ростомъ былъ немногимъ ниже теперешняго; а теперь ростъ мой 2 арш. 8 вер. Въ нравственномъ отношеніи я также имѣлъ довольно счастливую организацію: я могъ скоро усвоивать все, и примѣнять каждую мысль къ жизни; память имѣлъ хорошую, воображеніе живое; былъ чувствителенъ и добръ даже до самоотверженія; только мечтательность развита была въ высшей степени. Однимъ словомъ я имѣлъ самое счастливое сложеніе тѣла и души.... Теперь, разлучаясь съ родиною, я долженъ былъ начать новую жизнь: образовать дары Природы, пополнить недостатки, истреблять мало-по-малу пороки,—однимъ словомъ,—изъ юноши переобразовываться въ человѣка.... Разумѣется, если бы тогда я понималъ это дѣло такъ, какъ теперь, то былъ бы очень порядочнымъ человѣкомъ. Впрочемъ, я и не потерялся, и не слился съ толпой безсмысленныхъ педантовъ, которые могутъ доказать умъ свой развѣ только тѣмъ, что покажутъ свой кандидатскій дипломъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Вологды я написалъ стихотвореніе, подъ названіемъ *прости*, въ которомъ прощался съ родиною, и болѣе всего съ М. З. Оно сохранилось у меня въ бумагахъ. Зналъ ли я тогда, что родину увижу черезъ 10 мѣсяцевъ, а М. З. черезъ 7 лѣтъ, и при какихъ обстоятельствахъ!

Мы отправились въ двухъ кибиткахъ, и ѣхали безъ отдыха 160 верстъ, до станціи *Давыдово*; потому что старались скорѣе догнать нашего учителя Бѣляева, который отправился тоже въ Петербургъ, наканунѣ вечеромъ. На него сдѣланъ былъ какой-то доносъ, и по именному повелѣнію онъ долженъ былъ ѣхать для личныхъ объясненій съ тайной полиціей. Догнавъ его въ Давыдовѣ, мы поѣхали всѣ вмѣстѣ. Сначала поѣздка на почтовыхъ занимала меня, потому что была еще первая; но послѣ усталость и бессонница такъ измучили меня,

что не радъ уже быть и скорой ѣздѣ. Дорогой особенныхъ приключеній не было, кромѣ обыкновенныхъ ссоръ Бѣляева съ ямщиками и со станціонными смотрителями. Приближеніе къ Петербургу очень занимало меня, и заставляло забывать всю усталость. Велико слово—Петербургъ—для провинціала, не выдавшаго ничего лучшаго, кромѣ своего губернскаго города! Первое совершенно новое впечатлѣніе произвело на меня широкое устье Волхова и видъ Ладожскаго озера: я никогда не видалъ еще такой огромной массы водъ. Суда особенной конструкціи я принялъ сначала за корабли. Чѣмъ дальше, тѣмъ предметы были любопытнѣе. Шлюзъ въ Шлиссельбургъ, истокъ Невы, множество плывущихъ судовъ, крѣпость—совершенно поглотили мое вниманіе. На послѣдней станціи, въ Мурзинкѣ, Бѣляевъ взялъ Петербургскаго извозчика на маленькихъ дрожкахъ, и уѣхалъ впередъ. Мы отправились одни. Цѣлую станцію я зѣвалъ по сторонамъ—на громадныя и великолѣпныя зданія фабрикъ и заводовъ, на толпы пѣшеходовъ, на кавалькады ѣдущихъ верхами дамъ и кавалеровъ, на множество встрѣчныхъ экипажей. Города все еще не было видно; наконецъ вдругъ—застава, и у ней Преображенскіе усачи. Это было такъ ново для меня, что я не зналъ куда глядѣть. Мы отдали подорожныя и вѣхали въ городъ. Это было 2 Сентября, въ 8-мъ часу вечера. Экипажей, народу—тьма; шумъ, гамъ, движеніе—совершенная ярмарка. Мы остановились въ Ямской улицѣ, въ гостинницѣ Завитаева.

II.

Петербургъ и жизнь въ Университетѣ.

Переодѣвшись наскоро, я съ Михайловымъ отправился въ Университетъ, который помѣщался тогда противъ Семеновскихъ казармъ, въ домѣ, принадлежащемъ нынѣ Кіевскому митрополиту. Хозяинъ гостинницы указалъ намъ дорогу. Въ Университетѣ мы встрѣтили только новенькихъ студентовъ, большею частію изъ Поляковъ, а брата не нашли. Возвратясь домой, поужинали, и я съ устатку заснулъ мертвымъ сномъ. Просыпаюсь утромъ: шумъ и громъ; народъ кипитъ на улицѣ. Напившись чаю, отправился опять въ Университетъ. Студенты умывались. Я поздоровался съ братомъ; поговорилъ съ нимъ недолго, и отправился къ Шипилову—бывшему своему директору, который тогда былъ директоромъ второй Гимназіи. Разумѣется, дорогу нашелъ съ помощію извозчика. Шипиловъ принялъ меня ласково. Оттуда заѣхалъ домой, взялъ Михайлова,—и поѣхалъ съ нимъ къ Ректору Дегурову; но, не найдя квартиры его, долженъ былъ возвратиться назадъ. Вечеромъ пришелъ опять къ брату, и вмѣстѣ съ нимъ отправился къ Лисину—бывшему вологодскому откупщику, который жилъ у пяти угловъ, въ домѣ Аферовскаго. Лисинъ взялъ меня къ себѣ на квартиру, и я въ тотъ же вечеръ переѣхалъ къ нему. На слѣдующее утро, по разсказу брата, я уже нашелъ квартиру Ректора, подалъ прозбу, и онъ очень вѣжливо пригласилъ

меня вечеромъ на экзаменъ. Признаюсь, этого я никакъ не ожидалъ! Нечего дѣлать: день мы прогуляли, а въ 6 часовъ вечера собрались въ Правленіе; тамъ было еще нѣсколько молодыхъ людей, пришедшихъ затѣмъ же, затѣмъ и мы. Экзаменъ начался. Намъ не очень посчастливилось: въ этотъ вечеръ мы экзаменовались изъ исторіи, и получили довольно плохія отмѣтки; потому что руководство Кайданова оказалось недостаточно, и притомъ Веденскій проходилъ его, какъ говорится, черезъ два въ третій. Вѣрно придти на другой день на слѣдующіе экзамены. Мы разошлись по квартирамъ, и опять ни о чемъ не думали. Такимъ образомъ прошла цѣлая недѣля. Каждый день мы экзаменовались изъ нѣсколькихъ предметовъ,—и наконецъ на повѣрку оказалось, что получили очень плохія отмѣтки, особливо изъ математики. Только Студитскій былъ счастливѣе насъ: его скоро приняли на казенный счетъ. Михайловъ, хотя имѣлъ такія же отмѣтки, какъ и мы; однакожъ его приняли также; потому что онъ просился на свой коштъ. Нечего дѣлать; мы съ Засимскимъ отправились къ Ректору; онъ отказалъ; пришли на другой день; онъ обѣщалъ принять,—и такимъ образомъ проводилъ насъ 6 недѣль. Все это время мы гуляли по Петербургу, и осматривали все любопытное и новое для насъ. Наконецъ, соскучившись бездѣйствіемъ, отправились къ А. Н. Очкину—секретарю Университетскаго Правленія, попросили его, и въ тотъ же день приняты были на казенный коштъ. Такимъ образомъ дѣло кончилось благополучно.

Жизнь моя въ Университетѣ имѣла нѣсколько періодовъ, непохожихъ одинъ на другой. Первый годъ я мало еще сблизился со студентами: жилъ большею частію воспоминаніями о прошедшемъ и мечтами о будущемъ. Не имѣя ни гроша денегъ, я не могъ пользоваться и веселостями; даже рѣдко пилъ чай. Все это было довольно скучно. Развлекался только тѣмъ, что ходилъ раза два въ недѣлю къ Михайлову, и съ нимъ вмѣстѣ предавался любимымъ мечтамъ. Исключая земляковъ, я съ однимъ только Навашинымъ сблизился короче. Онъ былъ родомъ изъ Саратова, учился въ Новгородской Гимназіи, и поступилъ въ Университетъ вмѣстѣ со мной. Характеры наши, сердца, мысли, способности и мечты были сходны. Часто мы проводили вмѣстѣ вечера, и совершенно понимали другъ друга. Лекціями я не манкировалъ, хотя и худо еще понималъ ихъ. Древними языками занимался прилежно; а новые, по легкомыслію и увлеченный примѣромъ другихъ, почти совсѣмъ оставилъ. Это потеря невозвратная! Въ свободное время писалъ стихи; но самъ чувствовалъ, какъ далеко отсталъ въ этомъ отношеніи отъ другихъ: схоластика налагала на меня тяжкія оковы: у меня не было современности ни въ мысляхъ, ни въ языкѣ. Съ новаго году поступилъ къ намъ новый Инспекторъ—Ник. Павловичъ Филипповъ—прекрасный, добрый и благородный человѣкъ. Онъ далъ студентамъ совершенную свободу, каждый могъ уходить когда ему угодно, и возвращаться также когда угодно. Такимъ обра-

зомъ, безъ особенныхъ приключеній, кончился этотъ первый годъ. Только зимой, не помню когда именно, получилъ изъ дому довольно непріятное письмо, именно вотъ по какому случаю: я написалъ письмо къ родителямъ, для передачи Ан. Энгельмейеръ, а его просилъ передать М. З. Родители мои, не посмотрѣвъ на адресъ, распечатали это письмо, и узнали все мои шашни. Отецъ тотчасъ написалъ мнѣ строгій выговоръ; но спасибо, братъ заступился за меня, и дѣло кончилось ничѣмъ. Только уже нельзя было переписываться съ М. З. и я не получалъ объ ней никакихъ свѣденій до лѣта. Экзамены кончились благополучно, и я отправился вмѣстѣ съ братомъ и Михайловымъ въ Вологду. Мы ѣхали на долгихъ; вмѣстѣ съ нами, только въ другой кибиткѣ, ѣхалъ нашъ сумасшедшій землякъ, сынъ какого-то священника, служившій въ Сенатѣ. Онъ возвращался въ домъ родителей для излѣченія; но съ дороги безпрестанно бѣгалъ и кралъ по деревнямъ у бабъ пироги. Смѣху и горя было довольно! Ёхали ровно 12 дней. Впрочемъ не могу жаловаться, чтобы было очень скучно. Приѣздъ домой, разумѣется, очень обрадовалъ и насъ и родителей. Время летѣло весело: или у насъ были часто, или мы были въ гостяхъ. М. З. я не нашелъ уже въ Вологдѣ: она уѣхала въ деревню, въ Любимскій уѣздъ; потому что кончила свой курсъ ученья, или по крайней мѣрѣ такъ воображала.... Старые Гимназическіе товарищи часто посѣщали меня, и съ жадностію слушали рассказы мои о Петербургѣ. Все это тогда очень занимало меня. Такимъ образомъ время прошло незамѣтно. Назадъ мы уѣхали на почтовыхъ.

По приѣздѣ въ Петербургъ, я началъ ходить во второй курсъ; а Михайловъ остался въ первомъ курсѣ. Это очень повредило ему, потому что заставило его лгать передъ отцемъ. Потомъ онъ пустился въ пьянство, и началъ манкировать лекціями. Я тоже велъ себя худо. Приѣхалъ изъ Москвы Черняевъ, который вышелъ изъ нашей Гимназіи изъ 6-го класса, и поступилъ въ Московскій Университетъ; но, пробывъ тамъ годъ, перешелъ въ Петербургскій Унив-тъ. Онъ подружился со мной, и безпрестанно уводилъ къ себѣ. Такимъ образомъ я началъ пропускать лекціи, и, что мнѣ повредило всего больше, вовсе пересталъ заниматься древними языками. Годъ шолъ быстро и весело. Хотя денжонки водились рѣдко, однакожъ я бывалъ иногда и въ театрѣ. Уроковъ частныхъ почти не имѣлъ; только Михайловъ досталъ мнѣ одинъ урокъ у Брянчанинова, но и тотъ скоро кончился; потому что Брянчаниновъ скупъ былъ на плату денегъ. Учился я хорошо у одного только Никитенки, который уже началъ меня отличать отъ другихъ. Среднюю исторію читалъ Гоголь. Первая его лекція, напечатанная послѣ въ Арабескахъ, была превосходна; но чѣмъ дальше, тѣмъ хуже: онъ рѣдко ѣздилъ на лекціи, и ничего почти не читалъ. Слѣд. этотъ предметъ я зналъ плохо. Другими хотя и занимался, но не такъ, какъ бы должно было; потому что предавался развлеченіямъ. Братъ, который въ это время былъ въ 3-мъ курсѣ,

познакомилъ меня съ семействомъ Эвальда. Эвальдъ былъ его товарищъ, прекрасный студентъ во всѣхъ отношеніяхъ. Старшій братъ его служилъ берейторомъ при Михайловскомъ манежѣ. Съ нимъ жили: мать, тетка, двѣ сестры и шесть братьевъ, а отецъ былъ гдѣ-то управителемъ, и потому рѣдко ѣздилъ въ Петербургъ. Это было самое благословенное семейство. Каждое воскресенье къ нимъ собиралось нѣсколько студентовъ и нѣсколько знакомыхъ дѣвицъ, и мы танцевали подъ форте-пьяно такъ весело, какъ мнѣ послѣ не случалось уже танцевать ни на одномъ провинціальномъ балѣ. Я такъ пристрастился къ этому семейству, что въ продолженіи трехъ съ половиною лѣтъ, которыя еще суждено мнѣ было прожить въ Университетѣ, ходилъ туда постоянно въ недѣлю разъ, а иногда и два. Здѣсь я больше всего сблизился съ нѣкоторыми студентами, а именно съ Шакѣевымъ и Григорьевымъ. Они были прекрасные и добрые ребята. Сестры Эвальда были очень хорошенькія: старшей Аннѣ было лѣтъ 16, а меньшей Натальѣ лѣтъ 13. Сначала я было занимался старшей; но какъ-то нерѣшительно... помечталъ, да и пересталъ. Послѣ уже года черезъ полтора узналъ, что ею занятъ Шакѣевъ, а сестрой Шакѣева, которая также часто бывала у Эвальда, занимался Григорьевъ; слѣд. одинъ только я былъ безъ дѣла. Кромѣ этого развлеченія у меня было еще другое, которое отнимало времени гораздо болѣе. Мы издавали журналъ, т. е. кто хотѣлъ, переписывалъ свое сочиненіе,—и послѣ всѣ они сшивались въ одну тетрадь. Я по обыкновенію былъ самымъ ревностнымъ сотрудникомъ: писалъ много, но для того только, чтобы написать, а объ усовершенствованіи и не думалъ. Слѣд. эти сочиненія мало приносили пользы, а вреда очень много: они еще болѣе развивали мою мечтательность, и отнимали драгоцѣнное время. Наконецъ кромѣ всѣхъ этихъ развлеченій самый быть студентскій больше занималъ меня: я сблизился со студентами, былъ любимъ ими и цѣлые вечера проводилъ въ пріятельскихъ бесѣдахъ. Конечно это время потеряно безъ вреда; потому что во мнѣ развилось въ высшей степени чувство дружбы и товарищества; но все-таки для занятій оно потеряно. Такимъ образомъ прошелъ цѣлый годъ. Наступили экзамены. Изъ наукъ я получилъ хорошія отмѣтки; только изъ средней исторіи единицу. Конечно, въ этомъ больше всего виноватъ Гоголь; но неправъ и я; потому что хорошіе студенты приготовились по запискамъ Шульгина, а я пренебрегъ этимъ. Кромѣ того изъ древнихъ языковъ я получилъ по единицѣ. Съ тремя единицами нельзя было думать о переводѣ; однакожъ я надѣялся, и не унывалъ. Опять видна отцовская философія!

Въ это время случились въ Университетѣ два происшествія, одно до начала экзаменовъ, а другое во время экзаменовъ. Въ одномъ со мной курсѣ былъ студентъ Десницкій, поступившій изъ Новгородской Семинаріи. Онъ учился хорошо, но былъ порядочной пьяница. Инспекторъ давно уже грызъ на него зубы; потому что онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, особенно съ Тарховымъ, Зосимскимъ,

Островскимъ и Шведтомъ, старался всегда надоѣдать Инспектору и спорить съ нимъ. Это, разумѣется, было глупо! Инспекторъ, несмотря на нѣкоторые свои недостатки, былъ очень добрый человѣкъ и дѣлалъ для насъ все, что только могъ. Но эта шайка не любила его. Такъ напр. однажды Тарховъ не пришелъ на лекцію къ Грефе, профессору Греческаго языка. Грефе сказалъ въ тотъ же день попечителю; а попечитель сдѣлалъ выговоръ Инспектору. Инспекторъ взбѣсился, и приказалъ перенести кровать Тархова въ карцеръ. Тарховъ тотчасъ собралъ всю свою шайку, а къ ней, разумѣется, изъ одного только довольно глупаго удачества присоединились и многіе другіе студенты, въ числѣ которыхъ былъ и я. Входитъ Инспекторъ и зоветъ Тархова идти за собой. Т. говоритъ: нейдю! Инспекторъ началъ было горячиться; но мы всѣ въ одинъ голосъ крикнули: „вонъ! вонъ!“ и онъ убѣжалъ домой. Послѣ такихъ исторій, разумѣется, Инспекторъ искалъ уже случая, чтобы поддѣть кого-нибудь изъ этихъ молодцовъ. Случай скоро представился. На одной недѣлѣ Десницкаго приводили въ Университетъ нѣсколько разъ, какъ говорится, еле-еле душа въ тѣлѣ. Инспекторъ зналъ, но не могъ привязаться; потому что самъ не видалъ. Наконецъ однажды въ Майѣ мѣсяцѣ, вечеромъ часовъ въ 9 Десницкаго привезли почти безъ чувствъ, и только что притащили въ комнату, какъ вдругъ входитъ Инспекторъ.... Тотчасъ же пьянаго перенесли въ карцеръ, а Инспекторъ донесъ Попечителю.... Дѣло тянулось недѣли 2, и кончилось тѣмъ, что Десницкаго отправили въ Аракчеевскія казармы, и одѣли въ солдатскій мундиръ. Онъ поступилъ въ артиллерійскую роту, стоявшую около Старой Русы. Нынѣ онъ уже офицеромъ. Странно только, что онъ очень хладнокровно перенесъ свое несчастье.... Вотъ что значитъ семинарское воспитаніе!

Другой случай былъ во время экзаменовъ. Мы приготовлялись изъ метафизики. Чертковъ, студентъ одного со мною курса, безпрестанно подходилъ къ кому нибудь изъ товарищей, и пускался въ метафизическія объясненія.... Мы отгоняли его, но онъ не унимался: то говорилъ дѣльно, то хохоталъ безъ толку. Нѣкоторые начали даже подозрѣвать—не сошелъ ли онъ съума. Экзаменъ изъ философіи кончился,—и мы начали готовиться изъ Р. исторіи. Чертковъ не спалъ ночь, и писалъ какое-то сочиненіе. На другой день онъ отнесъ это сочиненіе къ Никитенко, и тотъ, разумѣется, не сказалъ ничего; потому что сочиненіе было довольно плохое, какъ и обыкновенно писалъ Чертковъ. Въ полдень Чертковъ отправился на дачу къ Министру. У Министра въ это время былъ Попечитель. Когда человѣкъ пришелъ доложить о Чертковѣ, Попечителю странно показалось, что казенный студентъ является безъ вѣдома его прямо къ Министру, и потому вышелъ къ нему самъ. Чертковъ подалъ прозбу, написанную на Фр-мъ языкѣ; въ ней объяснялъ онъ, что желаетъ держать экзаменъ прямо на степень доктора. Попечитель отвѣчалъ, что этого сдѣлать нельзя; но впрочемъ онъ доложить Министру.

Чертковъ отправился обратно въ Университетъ, и заговорилъ съ нами уже съ такою увѣренностію о своемъ докторскомъ званіи, что мы ясно увидѣли, что онъ сошелъ съума. Вечеромъ пришли на экзаменъ. Чертковъ сѣлъ развалившись на первую скамейку, и все обмахивался бѣлымъ платкомъ. Посидѣвъ съ часъ, онъ всталъ съ мѣста, подошелъ къ Ректору и просилъ, чтобы его спросили скорѣе. Ректоръ (И. П. Шульгинъ, профессоръ Новой исторіи), предупрежденный уже Инспекторомъ, отвѣчалъ Черткову, чтобы лучше онъ шолъ теперь гулять, и что ему поставятъ хорошую отмѣтку безъ экзамена. Чертковъ былъ доволенъ; пошелъ на дворъ, взялъ подъ руку Инспектора и началъ ходить съ нимъ очень скоро... Не знаю уже, о чемъ говорили они. На слѣдующій день рано утромъ Чертковъ надѣлъ калоши, подштаники, мундиръ, на голову зеленый зонтикъ, и обратился къ намъ съ рѣчью: „вставайте, господа! у васъ новый начальник“.... Мы проснулись; Чертковъ рекомендуетъ, что онъ сдѣланъ нашимъ инспекторомъ, и что черезъ полчаса приѣдетъ Государь.... Мы разумѣется, смѣялись, и, какъ умѣли, отвѣчали. Чрезъ четверть часа Чертковъ забылъ уже свое инспекторство и сдѣлался Государемъ; а минутъ черезъ 10 и Богомъ. Тогда его посадили въ темную комнату, и онъ три дня и три ночи бредилъ безъ умолку; наконецъ его отправили въ сумасшедшій домъ.

По окончаніи экзаменовъ я собрался опять въ Вологду. Коншинъ и Дубравинъ отправились впередъ; а я, Черняевъ и Зосимскій, дня черезъ два послѣ ихъ. Передъ отъѣздомъ Зосимскій далъ мнѣ 6 цѣлковыхъ на прогоны, и сказалъ, что ассигнаціи размѣняетъ послѣ. До Шлюссельбурга мы доѣхали водой,—а отъ Шлюссельбурга отправились на почтовыхъ. Не доѣзжая одной станціи до Соминъ, я отдалъ уже изъ кошелька послѣднія деньги, и сказалъ Зосимскому, что теперь очередь доходить до его ассигнацій.... Зосимскій отвѣчалъ, что онѣ у него въ чемоданѣ, и что въ Соминахъ онъ вынетъ. Приѣзжаемъ въ Сомины, раскрыли чемоданъ,—и ассигнацій не оказалось.... Тогда ясно обнаружился обманъ. Но дѣлать нечего: надобно было принимать какія нибудь мѣры. Придумали—солгать: сказать, что дорогой потеряли деньги. Станціонный смотритель сказалъ, чтобы мы обратились къ смотрителю за шлюзами, что у него водятся деньги, и онъ можетъ дать намъ въ долгъ. Приходимъ къ смотрителю, объясняемъ ему дѣло, и просимъ денегъ. Къ счастью, у него случился на эту пору одинъ приѣхавшій изъ Петербурга мѣщанинъ, который служилъ прежде повѣреннымъ у Лисина, и зналъ меня. Онъ, разумѣется, шепнулъ смотрителю, что мы обмануть не можемъ, что съ насъ можно будетъ современемъ взыскать. Смотритель однакожъ былъ остороженъ: цѣлый вечеръ онъ гулялъ съ нами по шлюзу и отпустилъ только съ надеждами. Весь слѣдующій день прошелъ также ни въ чемъ, и только къ вечеру онъ далъ намъ на вексель 30 рублей. Такъ какъ этихъ денегъ было недостаточно, то онъ заставилъ одного лодочника взять насъ всѣхъ троихъ за

одинъ цѣлковый на легкую лодку, и довести до станціи Глинъ, сто верстъ. Мы поблагодарили зрителя, и отправились въ путь утромъ на слѣдующій день. Сто верстъ проѣхали въ сутки; а въ Глинахъ взяли почтовыхъ лошадей, и благополучно прибыли въ Вологду.

Каникулы прошли по обыкновенію очень скоро: веселились каждый день, иногда танцевали, ѣздили въ деревню къ Дубравину. Любовныхъ интригъ, сверхъ обыкновенія моего, не было никакихъ: вѣроятно потому, что я не зналъ кому отдать преимущество. Отъ брата, который въ этотъ годъ кончилъ курсъ и остался на каникулы въ Университетѣ, получили письмо, что онъ не получилъ степени кандидата; это огорчило родителей; но дѣлать было нечего: онъ самъ былъ виноватъ, что занимаясь прилежно естественными науками, мало обращалъ вниманія на математику.... Въ это время приѣхали въ Вологду два мои дяди: одинъ родной, Н. Θ. Андреевъ, изъ Леденска; а другой двоюродный, М. И. Савиновъ, изъ Охотска, гдѣ онъ по собственному вызову служилъ три года управителемъ соляныхъ заводовъ. Разказовъ о Сибири была куча. Онъ вмѣстѣ съ нами поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы поступить тамъ на службу. Такимъ образомъ мы отправились въ 3-хъ кибиткахъ; а отъ Тихвина поѣхали водой. Время дорогой провели превесело. Но, по приѣздѣ въ Университетъ, я былъ пораженъ громовымъ извѣстіемъ: меня не перевели, и назначили учителемъ уѣзднаго училища въ Архангельскъ... Что тутъ дѣлать? Спасибо, Инспекторъ и Никитенко заступились за меня. Они написали письма къ Попечителю, который въ это время уѣзжалъ въ Крымъ... Но, пока письма шли туда, Министръ прислалъ бумагу, чтобы я и еще нѣкоторые, подвергнувшіеся такой же участи, отправлялись къ мѣстамъ имъ назначеннымъ. Я сказался больнымъ, и пролежалъ въ лазаретѣ до тѣхъ поръ, пока Попечитель не написалъ Инспектору, чтобы оставить меня до его возвращенія. Тогда я выздоровѣлъ и снова ожилъ. Дядя мой отправился служить въ Акерманъ. Брутъ, читавшій у насъ еще по старому положенію физическую географію, доставилъ мнѣ прекрасные уроки, у Ульянина: я долженъ былъ учить сына лѣтъ 18, четыре раза въ недѣлю. Ученикъ мой былъ прекрасный и добрый малой. Все его семейство—также прекрасные люди: я былъ принятъ въ ихъ домѣ, какъ родной. Теперь я имѣлъ возможность получать всѣ удовольствія: посѣщать театры, кондитерскія и пр. и пр.

Между тѣмъ приѣхалъ Попечитель, и объявилъ мнѣ, что онъ оставляетъ меня въ Университетѣ; а прочихъ—отправили. Я, разумѣется, былъ очень доволенъ—вопервыхъ потому, что могъ продолжать учиться, а вовторыхъ потому, что свыкся уже съ Петербургскою жизнію, и предвидѣлъ теперь новыя переменны къ лучшему. Во внѣшнемъ отношеніи я былъ совершенно обезпеченъ; денегъ имѣлъ много; знакомые любили меня; студенты ласкали, какъ хорошаго товарища. Въ свободное отъ занятій время я ходилъ или на уроки къ Ульянину,

или къ Эвальду, или къ какому нибудь изъ своекоштныхъ студентовъ. Съ зимы этого года самый составъ Университета измѣнился къ лучшему. Вышелъ новый штатъ: профессорамъ болѣе нежели удвоено жалованье; но—что было всего лучше—многіе изъ нихъ смѣнены и каѳедры ихъ замѣщены новыми, а многія каѳедры открыты вновь. Надобно признаться, что въ прежнемъ своемъ составѣ Университетъ не представлялъ почти ничего утѣшительнаго. Факультеты были неполные; профессоры большею частію или дрянъ, или лѣнтяи. Такъ напр. въ Филологическомъ факультетѣ, въ которомъ былъ я, читались только: философія, исторія, древняя и физическая географія и словесность,—да 4 языка. Юридическій факультетъ былъ еще бѣднѣе; а въ Математическомъ и математическія и естественныя науки скомканы въ одну кучу. Многіе изъ профессоровъ были недостойны своего званія: напр, въ нашемъ факультетѣ Крыловъ, профессоръ статистики, только что могъ быть порядочнымъ учителемъ въ какой нибудь гимназіи; Брутъ, профессоръ географіи, хотя и былъ человѣкъ со свѣденіями, но вовсе не съ профессорскими, и притомъ заикался; Поповъ, профессоръ Греческаго языка, бралъ взятки.... Въ другихъ факультетахъ было тоже самое. Теперь все измѣнилось: изъ заграницы возвратилось вдругъ человѣкъ до сорока молодыхъ людей, посланныхъ туда для образованія; всѣ они держали въ Петербургскомъ Университетѣ экзамены на степени докторовъ, и потомъ разосланы были профессорами по разнымъ округамъ... Вмѣсто Крылова къ намъ поступилъ Порошинъ, человѣкъ съ очень замѣчательнымъ талантомъ и прекрасными свѣденіями. Положено было, чтобы онъ читалъ у насъ политическую экономію и статистику; а прежде первая изъ этихъ наукъ читалась въ одномъ только Юридическомъ факультетѣ. Каѳедра географіи была вовсе упразднена. Вмѣсто Гоголя, который еще лѣтомъ оставилъ Университетъ, поступилъ М. Куторга. Конечно, Гоголь имѣлъ прекрасный талантъ, только не профессорскій. Постигнувъ совершенно способы изложенія исторіи, онъ не могъ однакожь самъ приводить плановъ своихъ въ исполненіе; потому что для этого нужны были—огромная ученость и долготѣнная опытность. А Гоголь къ тому же былъ лѣнивъ, какъ и всѣ поэты; только и прочиталъ онъ хорошо первую лекцію, да еще объ Аравитянахъ, которую посѣтили Пушкинъ и Жуковскій. Куторга имѣлъ гораздо болѣе свѣденій, и тоже былъ не безъ таланта; но—главное—онъ уже давно готовился къ званію профессорскому—и потому для насъ былъ полезнѣе Гоголя. Поповъ былъ отставленъ. Вмѣстѣ съ юристами мы должны были слушать еще два новые предмета у Ивановскаго—народное право и дипломатію,—предметы очень любопытные и преподаватель ихъ человѣкъ очень даровитый. Наконецъ Рождественскій назначенъ былъ читать у насъ—Русскія государственныя учрежденія и права сословій. Всѣ эти перемѣны были очень полезны для насъ: студенты начали болѣе разнообразить свои свѣденія и учиться основательнѣе. Я въ этотъ годъ, несмотря на то, что

много гулялъ, много и занимался: всѣ лекціи посѣщалъ постоянно, кромѣ древнихъ языковъ, которыхъ я и прежде не любилъ, и которые мнѣ особенно сдѣлались противны съ прошлагодняго неудачнаго экзамена. И дѣйствительно, сколько ни толковали и ни писали о пользѣ изученія древнихъ языковъ, но никто однакожъ не могъ доказать необходимость знанія ихъ....

Этотъ годъ провелъ я въ Университетѣ весело. Жизнь студентская чрезвычайно нравилась мнѣ. И въ самомъ дѣлѣ—какое общество можетъ быть пріятнѣе для молодаго 20-ти лѣтняго человѣка, какъ не общество 400 или 500 сверстниковъ? Здѣсь вы найдете и умныхъ и дураковъ, и серьезныхъ и веселыхъ, и любезныхъ и смѣшныхъ, и красавцевъ и уродовъ,—однимъ словомъ,—тѣмъ оригиналовъ. Чувство дружбы и товарищества развивается здѣсь въ высшей степени: здѣсь нѣтъ никакихъ интересовъ, все общее—и горе и радость. Сходство характеровъ, одинаковыя занятія, одинаковыя нужды и намѣренія, одинаковая мѣра ума и образованія, одинаковыя чувства и мечты—сближаютъ людей и связываютъ ихъ такими узами, которыхъ не могутъ уже разорвать ни время ни жизнь.... Какъ жаль, что нельзя перечислить всего того, что тогда занимало насъ! По крайней мѣрѣ припомню, что можно. Первый предметъ, общій для всѣхъ, былъ суб-инспекторъ Вакаръ. Онъ былъ изъ военныхъ,—и потому человѣкъ очень мелочной. Мы, разумѣется, тотчасъ смекнули—что это за птица, и начали тѣшиться надъ нимъ. Онъ считалъ свою должность очень важною и любилъ вмѣшиваться во все; а мы обыкновенно называли его гувернеромъ, и обращались съ своими нуждами прямо къ инспектору. Это всегда очень бѣсило Вакара,—и онъ слегка, съ большими вѣжливостями и комплиментами, давалъ замѣтить иногда о своемъ неудовольствіи; но этимъ только подстрекалъ насъ къ новымъ насмѣшкамъ. Ходилъ онъ всегда нѣсколько сгорбившись, въ лѣвой рукѣ держалъ шляпу, прижимая ее больше къ задницѣ; а правою потиралъ безпрестанно верхнюю губу, какъ будто разглаживая усы, которые онъ прежде вѣроятно носилъ; говорилъ всегда самыми отборными фразами; такъ напр. самыя обыкновенныя вещи онъ называлъ необыкновенными словами: промежутки между столами—интервалами, суповую чашку—вазою, перешницу—урною и пр. и пр. и пр. Какъ только явится бывало Вакаръ къ столу, мы тотчасъ начинаемъ кричать: „что это какіе сегодня большіе интервалы!“ „Солдаты! подай сюда урну съ перцомъ!“ „Солдаты! подай сюда вазу съ супомъ!“ и т. п. Жилъ онъ внизу,—и изъ сѣней на дверяхъ своей квартиры приклеилъ гравированную карточку съ надписью: „суб-инспекторъ Вакаръ“. Въ первую же ночь карточка была сорвана; онъ приклеилъ другую, но и другую постигла та же участь. Увидя студента Эвальда, Вакаръ горько жаловался ему на такіе—выражаясь его языкомъ—непріятные пассажи. Эвальдъ научилъ его приклеить карточку изънутри комнаты на круглое стекло, которое было въ дверяхъ. Вакаръ исполнилъ этотъ совѣтъ;

поутру видитъ, что стекло замазано грязью, а съ улицы надъ окнами его квартиры огромными буквами написано дегтемъ: „здѣсь живетъ Вакаръ“. Такъ и кончилось дѣло съ карточкою. Вакаръ былъ страстный охотникъ говорить студентамъ рѣчи, въ которыхъ увѣрялъ насъ въ искренности своихъ намѣреній, въ правотѣ своихъ поступковъ и пр. и пр. Разумѣется, намъ скоро надоѣли такія высокопарныя проповѣди, и мы перестали слушать ихъ. Но Вакаръ не унимался. Вотъ однажды приходитъ онъ къ ужину, и проситъ, чтобы мы послѣ стола собрались въ большой комнатѣ, что онъ имѣетъ нѣчто сказать намъ. Какъ только кончился столъ, мы поскорѣе убѣжали наверхъ, потушили все свѣчи, разставили по всей большой комнатѣ табуреты въ разныхъ направленіяхъ, а сами спрятались въ спальню, которая отдѣлялась отъ большой комнаты только перегородкою, и легли на кровати. Черезъ четверть часа является Вакаръ. Отворивъ двери изъ передней и видя, что въ большой комнатѣ темно, онъ подумалъ, что мы ожидаемъ его въ другихъ комнатахъ, и потому пошелъ далѣе. Наткнувшись на первую табуретку, онъ однакожъ устоялъ еще на ногахъ; но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ еще, съ громомъ растянулся на полу.... Мы засмѣялись довольно громко, и онъ, догадавшись, что это насмѣшка, поскорѣй убрался домой. Послѣ этого рѣчи Вакара прекратились; спустя много времени, онъ дѣлалъ было еще двѣ попытки—объясниться съ нами, но онѣ были также неудачны. Въ первый разъ за насъ всехъ говорилъ съ нимъ Тарховъ, который тоже охотникъ былъ пошарлатанствовать и поговорить высокимъ слогомъ. Мы только стояли, слушали и смѣялись. Дѣло дошло дотого, что Тарховъ, объясняя Вакару, какъ различно можетъ быть значеніе одного и того же слова, ударилъ слегка по щекѣ Григорьева, и сказалъ: „вотъ напр. одна и та же оплеуха можетъ быть такого рода,— и можетъ быть вотъ такого“.... При этихъ послѣднихъ словахъ онъ размахнулся и подошелъ къ Вакару. Вакаръ, смекнувъ важность этого довода, отодвинулся назадъ, и сказавъ съ уклонкою: „я не могу съ вами спорить въ краснорѣчіи“,— удалился.... Въ другой разъ онъ пришелъ къ намъ въ комнаты и неожиданно началъ говорить рѣчь.... Не знаю, о чемъ говорилъ онъ; потому что мы поочередно приходили и уходили слушать его; а нѣкоторые въ сосѣдней комнатѣ играли на флейтахъ и на скрипкахъ, подъ тактъ его рѣчи.... Съ тѣхъ поръ Вакаръ не объяснялся уже болѣе съ нами, даже рѣдко и ходилъ къ намъ; но мы всетаки не любили его, и на каждомъ шагу старались дѣлать ему непріятности; однажды даже хотѣли разбить въ его квартирѣ стекла, но не удалось. Вотъ какъ это было: насъ человекъ 10 спало въ особенной спальнѣ, которая окнами выходила на улицу и была подъ самою квартирою Вакара. Ночью часу во второмъ мы взяли полѣно, привязали его на полотенца и начали размахивать, чтобы попасть въ стекло къ Вакару; но полѣно ударялось всегда плашмя,— и потому все труды наши были напрасны.... Много было еще и другихъ штукъ,

но теперь не могу припомнить,—однимъ словомъ,—не проходило дня безъ какой-нибудь исторіи съ Вакаромъ.

Быть нашъ былъ самый веселый, какъ всегда бываетъ въ обществѣ 20-ти лѣтней молодежи. Утромъ обыкновенно вставали кто какъ захочетъ, и отправлялись въ столовую пить чай. Казеннаго чаю тогда еще не было, а потому мы дѣлали складчину, раздѣлясь на партіи, человѣка по три или по четыре. За кружками чаю шли толки о разныхъ предметахъ, а чаще всего острились и хохотали. Между студентами было множество оригиналовъ, и потому предметы для остротъ не истощались. Разумѣется, вся поэзія этой бесѣды заключалась въ ея—можно сказать—животрепещущемъ интересѣ,—и теперь она уже исчезла навсегда.... можно припомнить только отрывки; но они безъ связи съ общимъ характеромъ жизни, съ характерами и фізіогноміями дѣйствующихъ лицъ, съ обстоятельствами ихъ окружающими,—не имѣютъ почти ничего занимательнаго.... Большая часть студентовъ имѣли особенныя прозвища; такъ напр. Перелогова называли барономъ; потому что онъ имѣлъ очень важную фізіономію; Шведта—жидомъ; потому что волосы его похожи были на жидовскіе пейсики; Дорогаго—Круазетъ съ цѣпочкой; потому что онъ былъ такъ же тонокъ, какъ танцовщица Круазетъ, и изъ подъ мундира выставялъ всегда золотую цѣпочку; Копосова—барбосомъ; потому что разговоръ его похожъ былъ на собачій лай; всѣхъ нѣмцовъ—однимъ именемъ: нѣмецъ или колбасникъ; меня называли сначала Рюрикомъ; потому что у меня было чисто Русское лицо; а послѣ—Гете; потому что нѣсколько времени я постоянно переводилъ Германа и Доротею; Навашина—Трухменцомъ; потому что у него было смуглое лицо.

Послѣ чаю уходили навѣрхъ, и кому нужно было, тотъ шелъ на лекцію, а кому ненужно, или просто не хотѣлось, тотъ оставался въ комнатахъ или куда нибудь уходилъ. Обѣдали въ три часа, и послѣ надѣвали халаты и занимались каждый своимъ дѣломъ: иные уходили въ столовую пить кофе, иные ложились на столы отдыхать; иные играли на какихъ нибудь инструментахъ, иные садились въ кружокъ и разговаривали, иные пѣли пѣсни, иные уходили на частные уроки или просто гулять и т. д. Я обыкновенно пилъ кофе, потомъ отдыхалъ на столѣ, и наконецъ уходилъ къ Ульянину. Въ 8 часу пили чай, и опять начинались старыя исторіи: остроты, каламбуры, пѣсни и пр.; а послѣ всѣ почти расходились по гостямъ, если только не было какихъ нибудь особенныхъ занятій. Возвращались, кто въ 10, кто въ 12, а кто и передъ утромъ; потому что Инспекторъ давалъ намъ совершенную свободу. Дѣйствительно, нельзя не вспомнить съ благодарностію о добротѣ этого человѣка: онъ большею частію обращался съ нами, какъ съ товарищами, и обращался истинно порусски.

Если въ комнатахъ слишкомъ ужъ густо накурено табакомъ, Филипповъ обыкновенно кивалъ головой и приговаривалъ: „ну вотъ вѣдь ужъ такъ наку-

рили, что хоть топоръ повѣсь!“ Кстати о табакѣ. Формально курить намъ не было позволено; однакожъ начальство смотрѣло на это сквозь пальцы. Мы всѣ почти курили, и уходили для этого въ коридорчикъ, который велъ изъ комнатъ im Abtritt. (Я началъ курить только во второй годъ Университетской жизни.) Вечеромъ же курили просто въ комнатахъ, каждый за своимъ столомъ. Если Филипповъ былъ не въ духѣ, и заставлялъ кого нибудь съ трубкою, тогда обыкновенно ломалъ чубукъ черезъ колѣно и выбрасывалъ въ окошко. Впрочемъ это случилось рѣдко. Около полуночи, или и позже, когда уже всѣ почти студенты собирались домой, мы садились партіями въ кружки, и рассказывали другъ другу о приключеніяхъ дня. Сколько тутъ было остроумъ, шутокъ и смѣху! Каждый кружокъ составлялся обыкновенно изъ людей болѣе близкихъ другъ другу: сидѣли обыкновенно вокругъ стола на табуреткахъ, кто въ халатѣ, кто въ шинели, кто въ одной рубашкѣ, и круговая трубка переходила изъ рукъ въ руки. Наговорившись досыта, уходили одинъ за другимъ въ спальню. Здѣсь начиналась новая потѣха. Между студентами было много поляковъ; они обыкновенно ложились рано, а мы находили удовольствіе будить ихъ. Копосовъ, мой однокурсный товарищъ, математикъ, отличался въ этомъ случаѣ. Онъ ложился на кровать, и такъ ужасно храпѣлъ, что могъ разбудить всякаго. Спящіе поляки невольно вздрагивали, и говорили въ просонкахъ: „цо то есть? нѣхъ его дьябли возьми!“ Мы хохотали.

Въ числѣ предметовъ, доставлявшихъ намъ тогда удовольствіе, надобно упомянуть еще о двухъ солдатахъ—о Балясниковѣ и о Московскомъ. Первый былъ уже старичекъ, но очень веселаго характера, и говорилъ очень часто рюмованною прозою. Бывало, когда онъ ходитъ по комнатамъ съ курильницею, скажешь ему: „Балясниковъ! скажи стихи!“ Онъ отвѣчаетъ: „гдѣ тутъ стихи говорить, когда надобно курить!“ Или когда пьемъ чай, и кто нибудь велитъ ему принести чайникъ, онъ отвѣчаетъ: „вы наши начальники, а мы вамъ должны подавать чайники“.... Можно бы было еще привести подобныхъ анекдотовъ, но теперь не припомню. Московскій былъ ученый солдатъ: онъ любилъ читать книги историческія и философскія и разсуждать о предметахъ важныхъ. Во время лекцій онъ иногда стоялъ у дверей аудиторіи, и подслушивалъ чтеніе профессора. Въ концѣ курса выпрашивалъ у кончившихъ студентовъ старыя тетради и читалъ ихъ, не разбирая того, что иногда въ одной и той же тетради были лекціи совершенно о разныхъ предметахъ. Но всего смѣшнѣе были его ученныя разсужденія, съ которыми онъ любилъ обращаться къ студентамъ въ то время, когда мелъ комнаты. Однажды онъ началъ отвергать бытіе Бога, и привелъ вотъ какое доказательство: „ассигнація не деньги, хотя мы и называемъ ее деньгами; точно также и то, что мы называемъ Богомъ, не Богъ!“ Не помню кто-то изъ студентовъ, желая испытать твердость этого убѣжде-

ніа, сказалъ Московскому: „пойдемъ-ка къ эконому; увижу я, какъ ты тамъ будешь отвергать бытіе Божіе“. Московскій перепугался, началъ кланяться въ ноги и просить о помилованіи. Разумѣется, все кончилось смѣхомъ.

Въ этотъ годъ я имѣлъ еще уроки у Щулепниковой. Старшій сынъ ея былъ со мною въ одномъ курсѣ, а я училъ меньшаго. Она сама—прекрасная женщина.... Кромѣ того мѣсяца два я училъ еще барона Шеппинга, который готовился къ поступленію въ Университетъ. Вообще въ этотъ годъ денегъ было у меня много, и я имѣлъ возможность разгуливать по Петербургу: посѣщалъ кондитерскія, театры, иногда игралъ въ карты.....

По воскресеньямъ я постоянно ходилъ къ обѣднѣ въ нашу Университетскую церковь. Пѣли мы сами, и довольно порядочно: у многихъ студентовъ были хорошіе голоса. Я пѣлъ басомъ. Народу ходило много, и разумѣется, нѣкоторые студенты вели любовныя волокитства. Постоянныя посѣтительницы нашей церкви были—Генеральша Подобѣдова и двѣ ея дочери, за которыми волочились больше всѣхъ. Гувернантка ихъ также не была забыта. Приѣзжали еще двѣ Эллинскія. Къ старшей изъ нихъ я былъ равнодушенъ; но все мое волокитство ограничивалось только взглядами. Вообще въ Петербургѣ я оставилъ старую привычку—страдать платоническою любовію; вѣроятно потому, что жизнь университетская поглотила все мое вниманіе. Хорошее товарищество развернуло мою душу, дало ей много новой пищи, и отвлекло отъ бесплодныхъ мечтаній. Было въ Петербургѣ много такихъ женщинъ, о которыхъ думалъ я иногда, и на которыхъ засматривался; но ни одна изъ нихъ не овладѣла совершенно душою моею..... Священникомъ при нашей церкви и вмѣстѣ законоучителемъ былъ Вас. Борис. Бажановъ—умница изъ всѣхъ священниковъ, какихъ только мнѣ случалось видать. Никогда я не исповѣдывался съ такимъ чувствомъ, какъ у него. Наши священники превратили невѣжествомъ своимъ исповѣдь въ пустой обрядъ: переберутъ по требнику всѣ грѣхи,—и только.... Бажановъ былъ не таковъ: онъ обыкновенно мало спрашивалъ о грѣхахъ; но самъ говорилъ наставленія, и словами своими вызывалъ на отвѣты. Передъ Пасхой Бажановъ переведенъ былъ во дворецъ—учить Наслѣдника, именно вотъ по какому случаю. Прежній законоучитель Наслѣдника, Протоіерей Павскій, умнѣйшій человѣкъ, былъ, какъ это обыкновенно водится, въ постоянной враждѣ съ Митрополитомъ. Въ этотъ годъ онъ напечаталъ программу всего пройденнаго. Одинъ экземпляръ отосланъ былъ къ Филарету Московскому, который въ это время жилъ въ Петербургѣ; Филаретъ написалъ на ней карандашемъ много замѣчаній, упрекая (разумѣется несправедливо) Павскаго въ ереси, и представилъ этотъ экземпляръ Государю. Государь передалъ замѣчанія Павскому, какъ будто они сдѣланы неизвѣстнымъ лицомъ. Но Павскій понималъ дѣло очень хорошо. Онъ написалъ отвѣты, въ которыхъ обличилъ неизвѣстнаго замѣчателя во лжи, въ зависти, въ низости.... и кончилъ

все это словами: „стыдно неизвѣстному замѣчателью дѣлать такія несправедливыя замѣчанія и чернить брата не чернаго“. Государь передалъ отвѣты Филарету, и тотъ отъ злости предложилъ въ Синодѣ формальнымъ образомъ послать къ Государю бумагу, въ которой заключалось прошеніе—уволить Павскаго отъ законоучительства, какъ еретика и раскольника. Государь поставленъ былъ въ затруднительное положеніе. Шпіоны монашескіе давно уже успѣли внушить народу ложныя мысли о Павскомъ, и народъ говорилъ объ этомъ довольно громко. Дѣлать нечего. Государь уволилъ Павскаго, давъ ему огромную пенсію и квартиру въ Таврическомъ дворцѣ. Синодъ предложилъ Государю вмѣсто Павскаго четырехъ кандидатовъ, разумѣется, монаховъ; но Государь спросилъ совѣта у Павскаго. Павскій указалъ на друга своего Бажанова, и Государь собственно ручно зачеркнулъ имена 4-хъ кандидатовъ, и написалъ Бажанова. Так. обр. Бажановъ разстался съ нами. Мѣсто его въ Университетѣ заступилъ Райковскій, человѣкъ очень ученый, но безъ всякаго таланта. Онъ началъ читать Церковную Исторію всплошъ по Филарету, и ужасно надоѣлъ всѣмъ, такъ что мало по малу къ нему перестали и ходить.

Въ театрѣ я бывалъ довольно часто.... Да, вотъ еще забылъ сказать о первомъ моемъ посѣщеніи театра. Это было черезъ нѣсколько дней послѣ перваго моего приѣзда въ Петербургъ. Мы отправились въ такъ называемый большой театръ въ Коломну, вчетверомъ—я, Зосимскій, Студитскій и Михайловъ—на извошикахъ. Разумѣется первое впечатлѣніе было совершенно новое и пріятное. Въ Вологдѣ мы почти не имѣли понятія не только о драматическомъ искусствѣ, но даже объ устройствѣ театра. Тамъ хотя и дѣланы были представленія разныхъ драммъ чиновниками палатъ; но это была карриатура на искусство. Самый театръ не имѣлъ надлежащаго устройства. Это былъ старый полуразвалившійся домъ, въ переулкѣ противъ Резановскаго саду; перегородки въ немъ были выломаны, и т. об. составила довольно пространныя зала. Разумѣется все это было неопратно и грязно. Нѣкоторые изъ чиновниковъ играли порядочно; но большая часть была просто дрянъ. Выборъ самыхъ піесъ былъ очень неудаченъ. Слѣд. послѣ такого театра Петербургскій могъ показаться волшебнымъ замкомъ. Въ этотъ разъ играли драмму—*Поединокъ при Кардиналѣ де Ришелье* и еще не помню какіе-то водевили. Игра актеровъ не могла не показаться восхитительною; я не говорю уже о декораціяхъ и вообще о всемъ великолѣпіи и освѣщеніи театра. Послѣ представленія мы пробрались къ подъѣзду, и, воображая, что запомнили хорошо дорогу, пустились пѣшкомъ. Но театръ имѣетъ четыре подъѣзда, всѣ совершенно одинаковаго устройства,—и потому мы ошиблись и вышли не туда, откуда пришли. Ночь темная; это было въ половинѣ Сентября. Идемъ, идемъ—все дико и незнакомо.... Наконецъ фонари стали рѣже, рѣже—и совсѣмъ прекратились.... Въ потьмахъ мы выбрались на какую-то пустую дорогу.... Вдругъ вдали чей-то

голосъ окликаетъ насъ. Мы спрашиваемъ—что тутъ такое.... Намъ отвѣчаютъ, что мы идемъ въ городъ черезъ Нарвскую заставу.... Вотъ тебѣ разъ! Поскорѣ взяли извозчиковъ, и отправились на квартиру. Вотъ мое первое посѣщеніе театра! Послѣ того, въ первой и второй годъ Университетской жизни, я рѣдко бывалъ въ театрѣ; потому что не имѣлъ денегъ; но въ этотъ третій годъ часто посѣщалъ особенно представленія драммъ. Игра Каратыгина старшаго, жены его, Брянскаго и жены его не могла не очаровывать самаго строгаго цѣнителя театральнаго искусства. Изъ комическихъ актеровъ восхищался неподражаемымъ Сосницкимъ; а изъ водевильныхъ—Дюромъ, Максимовымъ, Мартыновымъ, Каратыгинымъ меньшимъ, Шелиховой, Асенковой, Сосницкой и др. Случались во время театровъ со мной и кое-какія приключенія. Вотъ все, что только помню: однажды,—кажется еще въ 1834 году,—я былъ боленъ; у меня начиналась желудочная лихорадка; мнѣ бы слѣдовало идти въ лазаретъ; но я вмѣсто того отправился въ театръ: потому что назначено было играть *Разбойниковъ—Шиллера*, которыхъ мнѣ давно уже хотѣлось видѣть. Тогда существовалъ еще деревянный Симіоновскій театръ; рублевая мѣста тамъ были внизу подлѣ креселъ; смотрѣть прекрасно, только все представленіе надобно простоять на ногахъ. Я забрался пораньше, чтобъ занять лучшее мѣсто. Сначала стоять было хорошо; но когда весь народъ собрался, сдѣлалось невыносимо жарко; у меня начала кружиться голова; но я пренебрегъ этимъ.... голова кружилась болѣе и болѣе: наконецъ—я лишился чувствъ.... Вѣроятно безпамятство мое продолжалось не болѣе 5 минутъ.... Очнулся, и не могу понять—гдѣ я. Чей-то голосъ говоритъ: „ахъ, Боже мой! человекъ упалъ“... Какіе-то незнакомые мужчины подняли меня, вывели на галерею, дали воды и я ожилъ..... Музыка уже перестала играть—знакъ, что поднимается занавѣсъ, и я опять пошелъ въ театръ; но голова опять начала кружиться и я вышелъ вонъ. На галлерей встрѣтился съ Навашинымъ, отдалъ ему свой билетъ, и самъ отправился домой. Въ другой разъ я былъ на представленіи какой-то оперы. Степанова пѣла арію; въ театрѣ тишина мертвая; вдругъ въ райкѣ раздался чей-то грубой голосъ: „я тебя сукина сына за воротъ выведу!“ Всѣ невольно подняли головы къ верху.... Какой-то купецъ въ лисьей шубѣ бранился съ мужикомъ.... А между тѣмъ въ двери райка выставился уже красный обшлагъ квартальнаго, чтобы взять самаго крикуна за воротъ... Бывало много и другихъ подобныхъ случаевъ; но теперь не припомню.

Въ этомъ же году, въ первое воскресенье Масляной недѣли сгорѣлъ балаганъ Лемана. Это былъ самый большой изъ 10 балагановъ, выстроенныхъ на Исакиевской площади. Въ немъ разыгрывались прекрасныя кукольныя комедіи. Пожаръ случился въ 3 часу дня. Народу на площади было набито биткомъ. Во всѣхъ балаганахъ на балконахъ играла музыка, и кривлялись паяцы. У Лемана отъ представленія какого-то волшебнаго огня пыхнулъ занавѣсъ. Онъ закричалъ:

„пожаръ!“ Народъ изъ креселъ, которыя были внизу, бросился въ двери, и успѣлъ выбраться; но изъ верхнихъ ярусовъ спаслись только тѣ, которые имѣли смѣлость соскочить внизъ; а прочіе стиснувшись приперли двери, которыя отворялись внутрь балагана, и дымомъ задушило всѣхъ ихъ. Между тѣмъ на площади не скоро еще и узнали, что горитъ; потому что при громѣ музыки и при шумѣ народу нельзя было слышать вопля отчаянія погибавшихъ. Когда пламя показалось на крышѣ, тогда прискакали пожарные и растащили балаганъ по частямъ. Я узналъ объ этомъ событіи въ Университетѣ часа въ 4,—и тотчасъ же отправился на площадь. Вся Гороховая улица была наводнена народомъ, такъ что я едва могъ протискаться до конца ея. Смеркалось; народъ валилъ стѣнами къ площади, и полиція должна была дѣйствовать на толпу изъ трубъ. Съ пепелища ѣхало нѣсколько розвальней съ тѣлами задохшихся и обгорѣвшихъ.... Картина ужасная! Вечеромъ я былъ въ Александринскомъ театрѣ; тамъ всѣ говорили объ этомъ несчастномъ событіи: множество рассказано было анекдотовъ; но, разумѣется, нельзя было всему вѣрить.

Въ Майѣ начались экзамены; я получилъ изъ всѣхъ предметовъ полныя отмѣтки, только изъ древнихъ языковъ по 1¹/₂. На каникулы домой не поѣхалъ; потому что было совѣстно, просидѣвъ въ одномъ курсѣ два года, и потому, что Ульянинскіе уроки доставляли мнѣ большіе доходы. Я ѣздилъ къ нимъ почти каждое утро на дачу на Каменный Островъ, и проводилъ тамъ время до самаго обѣда. Разумѣется, занимались мало, а больше прогуливались. Въ это время я въ первый разъ познакомился съ окрестностями Петербурга, и не могъ не полюбить ихъ. Каменный, Элагинъ и Крестовскій острова теперь узналъ я очень хорошо; кромѣ того былъ на многихъ мѣстахъ по Черной рѣчкѣ. Денегъ было довольно. Послѣобѣденное время проводилъ я или въ театрѣ, или въ кондитерской, или у Эвальда, или у когонибудь изъ студентовъ. Братъ въ это время жилъ въ Гатчинѣ, куда онъ опредѣленъ былъ еще въ прошедшемъ году, тотчасъ послѣ выпуска. Я былъ у него во время каникулъ раза два или три; познакомился очень коротко съ его сослуживцемъ, тоже старымъ студентомъ, Ильинымъ, и былъ неравнодушенъ къ его женѣ. Но по обыкновенію все мое волокитство ограничивалось одними только взглядами и мечтами. Каждый вечеръ гуляли въ Гатчинскомъ саду. Это—прелесть! Онъ въ окружности нѣсколько верстъ; а какіе есть въ немъ ландшафты! Ѣздилъ съ однимъ студентомъ—Смольяномъ—въ Таицы, верстъ за 20 отъ Петербурга. Сестра Смольяна живетъ тамъ замужемъ за докторомъ Бокомъ; мы у нихъ и гостили сутки. Отсюда ѣздили кавалькадой на Дудоровскую гору.... Что за мѣстоположеніе! Вся гора превращена въ дикій садъ.... какія тутъ ущелья, мостики, гроты—прелесть! На горѣ выстроена изъ дубу крестьянская изба, гдѣ иногда бываетъ во время прогулокъ царская фамилія. Я вошелъ туда со Смольяномъ, а всѣ спутники наши остались внизу. Народу

въ избѣ было много; Смольянъ показываетъ мнѣ на столѣ большую развернутую книгу, и говоритъ: „не хочешь ли что нибудь написать?“ Я взялъ перо и хотѣлъ черкнуть какой-нибудь стихокъ злодѣйской; но лакей пришолъ къ намъ и объявилъ, чтобы мы скорѣе шли; потому что наши уже уѣзжаютъ. Я поскорѣе и махнулъ: „развѣнчанный любовникъ и поэтъ Н. Иваницкій!“ Изъ этого и вышла штука. Дня черезъ 3, Ректоръ нашъ И. П. Шульгинъ пригласилъ къ себѣ четырехъ студентовъ на вечеръ—потанцевать, по случаю именинъ жены его. Я былъ въ томъ числѣ. Ив. Петровичъ принялъ насъ въ кабинетѣ, и между прочимъ спросилъ меня: „вы были недавно на Дудоровской горѣ?“—Былъ. „А видѣли ли вы, гдѣ подписались?“—Видѣлъ, тамъ все подписывались.—„Да вы то подписались подлѣ Государя, Государыни, великаго князя и двухъ княженъ, которые въ тотъ самый день были въ этомъ домѣ за $\frac{1}{4}$ часа до васъ.... Я тоже приѣзжалъ туда вскорѣ послѣ васъ, и знакомые мои, увидя вашу подпись, сказали мнѣ: „посмотрите-ка какъ подмахиваютъ ваши студенты“.... Я, разумѣется, отвѣчалъ, что не замѣтилъ этого, и Шульгинъ смѣялся отъ чистаго сердца.

Въ эти же каникулы была свадьба Тархова, который только что кончилъ курсъ. Онъ женился на гувернанткѣ Подобѣдовыхъ, въ которую давно уже былъ влюбленъ. Я былъ шаферомъ со стороны невѣсты; а Никитенко посаженнымъ отцемъ. Свадьба была въ Рыбацкой, на берегу Невы, въ 10-ти верстахъ отъ Петербурга. Туда и обратно я ѣхалъ въ каретѣ вмѣстѣ съ Никитенкой; но въ шаферы уже не поспѣлъ; потому что въ церковь мы опоздали. Свадьба кончилась безъ особенныхъ приключеній. Во время дороги я о многомъ очень откровенно говорилъ съ Никитенкой, и онъ, зная меня и прежде, какъ ревностнаго студента, приглашалъ на будущій годъ посѣщать его литературные вечера по пятницамъ.

Въ первыхъ числахъ Августа я расстался со многими моими добрыми, милыми и умными товарищами: они кончили курсъ и разѣхались къ мѣстамъ своего назначенія: Перелоговъ, котораго мы называли Барономъ, уѣхалъ въ Винницы—старшимъ учителемъ математики; Навашинъ—въ Вологду старшимъ учителемъ словесности; Григорьевъ хлопоталъ о поступленіи въ Лѣсной Институтъ. Братъ изъ Гатчины переведенъ былъ уч. математики въ Вологду.

Между тѣмъ начались пріемные экзамены: Ульянинъ, мой ученикъ, держалъ экзаменъ плохо; но я попросилъ нѣкоторыхъ профессоровъ, написалъ ему сочиненіе, и онъ былъ принятъ. Въ благодарность онъ подарилъ мнѣ брегетовскіе часы.

Начались лекціи. Дѣла мои шли хорошо: я занимался прилежно; вскорѣ профессеры начали отличать меня, а товарищи уважать. Больше всего я занимался исторіей Русской литературы, которую читалъ Плетневъ и политической экономіей, которую читалъ Порошинъ; потому что оба эти профессеры—люди съ душою и говорили всегда съ истиннымъ убѣжденіемъ въ правотѣ своихъ

мыслей. Изъ казенныхъ однокурсныхъ моихъ товарищей не было людей хорошихъ: все почти воспитанники 3-й Гимназіи, бездарные и бездушные, носящіе на себѣ отпечатки гувернерскаго обращенія. Одинъ только Коншинъ, мой землякъ и товарищъ по Гимназіи, да Шведтъ, родомъ Бѣлоруссъ, составляли исключеніе: первый былъ человѣкъ съ душою и хорошо занимался; второй тоже умный и добрый малой, только лѣнтяй. Казенные математики были лучше: Кеслеръ, Ленчевскій и Копосовъ постоянно были моими добрыми товарищами. Со многими изъ своекоштныхъ студентовъ я сблизился и подружился: П. Зубовъ, мой землякъ и товарищъ по Гимназіи, Любоцинскій, Червинскій, Граве, Щулепниковъ, Крамеръ, Менцовъ, Масагинъ, Щеткинъ и многіе другіе были хорошими и дѣльными товарищами. Зубовъ былъ у насъ издателемъ Университетскаго журнала; я принялъ въ немъ дѣятельное участіе. Первая статья моя была переводъ съ Польскаго въ стихахъ небольшой поэмы Славацкаго—Исповѣдь монаха. Эта статья заслужила общую похвалу всѣхъ студентовъ, и именно съ этого времени товарищи начали смотрѣть на меня съ бѣльшимъ уваженіемъ. Время я проводилъ не скучно: бывалъ у Ульянина, который теперь самъ уже сдѣлался студентомъ; родители его жили богато въ собственномъ прекрасномъ домѣ, и очень ласкали меня; у Эвальда; у Шакѣва, который служилъ вмѣстѣ съ Ѳ. Эвальдомъ, стар. учит. во 2-й Гимназіи, и былъ женатъ на сестрѣ его; у Любоцинскаго и Червинскаго, кот-е жили вмѣстѣ; у Граве, который жилъ съ старшимъ братомъ своимъ инженеромъ; тамъ я познакомился съ Губеромъ, переводчикомъ Фауста; у Зубова, у Щулепникова; у профессоровъ—Плетнева и Никитенки и изрѣдка у Порошина. Къ Эвальду я ходилъ, какъ къ роднымъ; у Шакѣва собирались всегда старые студенты, отъ которыхъ я отсталъ курсомъ; у Любоцинскаго и Червинскаго играли въ вистъ; у Соловьева—тоже: здѣсь была цѣлая партія старыхъ студентовъ. Впрочемъ я игралъ рѣдко, потому что дорожилъ деньгами для другихъ удовольствій; у Щулепникова собиралось насъ однокурсныхъ студентовъ человѣкъ 12 къ обѣду каждый понедѣльникъ. Тутъ всегда бывала славная попойка: шутили, дурачились, остряли; а вечеромъ отправлялись толпой на Невской проспектъ искать приключеній. У Никитенки я былъ постоянно каждую пятницу на мужскомъ вечерѣ: здѣсь я видалъ нѣсколько разъ, и даже очень часто—Бенедиктова, Якубовича, Кольцова, Вронченку, Базили и другихъ пишущихъ. Кромѣ того здѣсь постоянно встрѣчался со многими профессорами и короче сблизился съ ними. Вечеръ проходилъ всегда въ разговорахъ, которые разумѣется относились всегда или къ литературѣ, или къ наукѣ, или къ путешествіямъ. Иногда кто нибудь изъ присутствующихъ читалъ свои стихи. Это было для меня сколько интересно, столько же и полезно. Самъ Никитенко человѣкъ очень умный и добрый. Жена его хорошенькая и милая женщина часто сиживала вмѣстѣ съ нами; я отчасти даже былъ влюбленъ въ нее.... какая

смѣшная привычка! Съ Плетневымъ я познакомился случайно. Фамилію мою онъ зналъ еще прежде, когда я не слушалъ у него лекцій; потому что Никитенко говаривалъ ему обо мнѣ. Потомъ на экзаменѣ изъ словесности при переходѣ изъ 2-го курса въ 3-й я немного поспорилъ съ нимъ, и онъ, замѣтивъ, что я знаю свое дѣло, поставилъ мнѣ 5. Перейдя въ 3-й курсъ я прилежно занимался его предметомъ. Однажды я былъ у него на лекціи очень скученъ; выходя изъ аудиторіи, я подошелъ къ Плетневу и сталъ просить у него сочиненій Фонъ-Визина. Онъ съ улыбкою спросилъ у меня: „отъ чего вы сегодня такъ скучны?“ Я отвѣчалъ: „нѣтъ, Петръ Алек-чъ, кажется я нескученъ“.... Плетневъ съ улыбкою опять сказалъ: „нѣтъ, я по глазамъ вижу, что у васъ есть что-то тяжелое на душѣ.... Приходите сегодня ко мнѣ вечеромъ: я вамъ дамъ книги“. Вечеромъ—это было въ среду—я отправился къ Плетневу вмѣстѣ съ Зубовымъ. Онъ принялъ насъ очень привѣтливо, и мы просидѣли у него часовъ до 12-ти. Въ этотъ день у него каждую недѣлю бывають мужскіе вечера. При прощаніи онъ просилъ меня ходить къ нему каждую среду. Разумѣется, я былъ очень радъ такому приглашенію; во первыхъ потому, что любилъ и люблю Петра Александровича отъ всего сердца; во вторыхъ потому, что находилъ здѣсь всегда общество людей избранныхъ. Трудно представить себѣ человѣка лучше Петра Александровича: милое, доброе и умное лицо, которое съ перваго уже взгляда располагаетъ всякаго въ свою пользу; душа—чисто поэтическая; вкусъ—образцовый.... Самое убранство въ комнатахъ его даетъ уже понятіе о хозяинѣ: въ нихъ нѣтъ ничего излишняго, поставленнаго для эффекта; все просто, хорошо и мило. На вечерахъ я встрѣчалъ здѣсь кромѣ лицъ, которые бывали и у Никитенки, Губера, Кони, Краевского и другихъ. Но самыхъ искреннихъ друзей Плетнева—Жуковского, Пушкина, Баратынскаго—не видалъ; потому что Пушкинъ и Жуковский всегда бывали у него утромъ по воскресеньямъ, чтобы поговорить одинъ на одинъ; а Баратынскій проживалъ все въ Москвѣ. Плетневъ былъ прежде любимцемъ Карамзина, который и далъ ему ходъ, опредѣливъ его учителемъ Маріи и Ольги Николаевнѣ. Поставленный такимъ образомъ въ отношенія съ людьми значительными, онъ скоро приобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе: сблизился съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Дмитриевымъ, Баратынскимъ, Дельвигомъ и другими лицами нашей знаменитой литературной школы, и снискалъ ихъ любовь.... Даже Пушкинъ никогда не издавалъ своихъ сочиненій, не посоветовавшись прежде съ Плетневымъ. Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ видно, что П. А. Плетневъ человѣкъ съ большимъ талантомъ, и имѣлъ случай въ кругу такихъ лицъ приобрѣсть превосходное литературное образованіе. Всѣ его сужденія всегда дышутъ поэзіей. На лекціяхъ онъ по большей части скученъ; потому что не любитъ строгихъ системъ и довольно лѣнивъ къ занятіямъ; но зато когда начнетъ разбирать какого-нибудь писателя или сочиненіе какого-ни-

будь студента, то врядъ ли гдѣ можно найти другаго подобнаго ему цѣнителя. Я очень скоро могъ понять его, да и онъ, кажется, понимаетъ меня хорошо.... Вечера, проведенные въ домѣ П. А-ча, принесли мнѣ кажется больше пользы, нежели всѣ университетскія лекціи: здѣсь-то именно я и образовалъ свой вкусъ, который теперь мнѣ прямо указываетъ, что хорошо и что худо.... Тамъ, гдѣ иной бьется и соображаетъ часа два, тамъ я въ одну минуту отдѣлю золото отъ грязи.

Въ этотъ годъ я постоянныхъ уроковъ не имѣлъ: нѣсколько мѣсяцовъ училъ двухъ дочекъ и сына у Д. М. Княжевича, который тогда былъ директоромъ какого-то департамента, а теперь Попечителемъ Одесскаго Учебнаго Округа. Эти уроки доставилъ мнѣ Никитенко, который по женѣ приходится какъ-то въ родствѣ Княжевичу. Нѣсколько мѣсяцовъ училъ еще у какого-то помѣщика сына, котораго фамилію забылъ. Нѣсколько уроковъ далъ какому-то инженерному полковнику, котораго фамилію тоже забылъ. Онъ былъ Нѣмецъ, но ему надобно было непременно выучиться хорошо писать по-русски. Послѣ нѣсколько мѣсяцовъ училъ купца Брюхова, который готовился въ Университетъ. Такимъ образомъ хотя денегъ у меня было немного, однакожъ я жилъ нескучно; потому что имѣлъ возможность каждый вечеръ куда-нибудь уходить изъ Университета. 6 Декабря я былъ приглашенъ на обѣдъ къ Попечителю вмѣстѣ съ другимъ студентомъ Леонтьевымъ. Обыкновенно каждый праздникъ у Попечителя обѣдали двое изъ студентовъ. Между тѣмъ я успѣлъ уже пообѣдать и порядочно выпить у Эвальда. Слѣд. мнѣ ѣсть не хотѣлось; но идти надобно было. Передъ обѣдомъ Попечитель завелъ со мною рѣчь о философской темѣ, которая намъ дана была для полученія медали. Это еще сдѣлано было въ первый разъ, а тема была—*о предплахъ человѣческаго познанія*. Я очень бойко говорилъ съ Княземъ; потому что и онъ и всѣ присутствовавшіе въ это время въ залѣ были въ философіи профаны. Князю очень понравилась моя бойкость, за столомъ онъ посадилъ меня противъ себя, и продолжалъ прежній разговоръ. Всѣ сидѣвшіе за обѣдомъ безмолвствовали; а мнѣ говорить было свободно; потому что я былъ сытъ. Попечитель остался мною очень доволенъ, и при прощаніи сказалъ, что я непременно долженъ писать на эту тему. Раскланявшись съ Княземъ, я отправился по приглашенію на вечеръ къ Инспектору. Тамъ было много гостей; въ томъ числѣ много студентовъ и институтокъ; танцовали до утра; но я ушелъ спать въ 12 часовъ. Здѣсь къ стати сказать, что инспекторъ Филипповъ съ этого году сдѣлался ко мнѣ еще ласковѣе, и именно вотъ по какому обстоятельству. Въ Генварѣ или въ Февралѣ 1836-го года онъ получилъ отъ Князя нѣсколько выговоровъ за то, что многіе студенты часто не ночуютъ въ Университетѣ. Желая прекратить эти безпорядки, Инспекторъ приказалъ, что студенты могутъ ходить безъ спросу только до 12 часовъ вечера, а кто хочетъ опоздать, тотъ долженъ

спроситься у него, или по крайнѣй мѣрѣ оставить записку. Разумѣется, многіе не умѣли оцѣнить этой кроткой и необходимой мѣры, и часто безъ позволенія прогуливали цѣлыя ночи. Я съ своей стороны предупредилъ инспектора, объяснивъ ему, что каждую среду и пятницу я бываю у Профессоровъ Плетнева и Никитенки, и потому въ эти дни можетъ быть буду приходить поздно. Случилось, что въ одну пятницу я пробылъ у Никитенки до 2-хъ часовъ, и возвратился отъ него въ Университетъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ инспектора—Михайловымъ, который жилъ вмѣстѣ съ Филипповымъ. Между тѣмъ въ ту же ночь многіе изъ студентовъ не ночевали дома, а многіе поздно возвратились, не имѣя на то позволенія. Все это было передано инспектору; а въ томъ числѣ сказано и обо мнѣ, что я поздно возвратился. Мы сидѣли за обѣдомъ; не дождавшись конца стола, я ушелъ наверхъ; а инспекторъ между тѣмъ пришелъ въ столовую, и, разгорячившись, очень шумѣлъ на тѣхъ, которые былиinovаты. При этомъ случаѣ онъ вспомнилъ и обо мнѣ и послалъ за мной солдата. Я прихожу въ столовую; вдругъ инспекторъ началъ горячиться и кричать на меня; между тѣмъ какъ прежде онъ никогда не говаривалъ даже грубаго слова. Я стоялъ, слушалъ брань и не понималъ—за что все это. Наконецъ Филипповъ сказалъ, чтобы я остался на 2 недѣли подъ арестомъ. Я, не сказавъ ни слова, ушелъ наверхъ. Прочіе студенты, возвратясь изъ столовой, объяснили мнѣ въ чемъ дѣло. Я тотчасъ отправился къ инспектору, и очень вѣжливо спросилъ у него о причинѣ его гнѣва. Онъ объяснилъ мнѣ; а я сослался на Михайлова, и напомнилъ ему, что еще въ началѣ года получилъ позволеніе опаздывать по средамъ и по пятницамъ. Филипповъ расплакался, сталъ меня обнимать и просить прощенія. Я успокоилъ его, и ушелъ въ свою комнату. Не прошло 5 минутъ, какъ Инспекторъ снова явился къ намъ, собралъ всѣхъ студентовъ, и торжественно началъ просить у меня прощенія. Опять пошли объятія и поцѣлуи; тѣмъ дѣло и кончилось.

Новый годъ встрѣчали мы у Шулепникова; насъ было человѣкъ 12. Пили, пили шампанское и кончили тѣмъ, что въ первомъ часу пошли гулять по городу. На Фонтанкѣ встрѣтился намъ какой-то мужчина, который ѣхалъ на своей лошади. Мы остановили лошадь и начали поздравлять его съ новымъ годомъ; онъ снялъ шляпу, раскланивался съ нами, благодарилъ, и наконецъ, когда мы отпустили его, поѣхалъ далѣе. Подобныхъ шалостей было много, но всѣ онѣ кончились благополучно.

25 Генваря умеръ одинъ изъ лучшихъ нашихъ товарищей Гречъ, сынъ Н. И. Греча; 28 числа всѣ мы собрались въ Аннинскую кирху на его погребеніе; передъ началомъ службы Зубовъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „знаешь ли, братъ? Пушкинъ умираетъ: вчера онъ былъ на дуэли и смертельно раненъ!“ Я остолбенѣлъ. Зубовъ сказалъ мнѣ, что былъ вчера у Плетнева, который въ 9 часу

возвратился отъ Пушкина и рассказывалъ о несчастномъ событіи. При этомъ случаѣ я очень жалѣлъ, что не былъ у Плетнева въ прошедшую среду, т. е. ровно за недѣлю до этой дуэли,—потому что Пушкинъ былъ тамъ, и говорятъ, очень много и весело говорилъ.... О причинахъ дуэли и тогда и послѣ толковали различно; но я имѣлъ случай узнать это дѣло довольно вѣрно. Жена Пушкина была красавица, и слѣд. немудрено, что многіе занимались ею. Въ числѣ ея поклонниковъ самый неутомимый былъ Дантесъ, одинъ кавалергардскій офицеръ, побочный сынъ Голландскаго посланника Гекерна. Жена Пушкина, говорятъ, нѣсколько разъ жаловалась мужу на этого волокиту, и Пушкинъ нѣсколько разъ дѣлалъ ему замѣчанія; но тотъ не отставалъ. Впрочемъ объ этомъ я навѣрно не знаю; по крайнѣй мѣрѣ толки согласны. На одномъ балѣ поклонниковъ у Пушкиной было болѣе обыкновеннаго; Пушкинъ видѣлъ это и хмурился. Жена подходитъ къ нему и говоритъ: „что ты такъ задумчивъ, мой поэтъ?“ А онъ отвѣчалъ:

„Мой другъ! для твоего поэта
Уже насталъ великій постъ;
Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю твой длинный хвостъ!“

Это мнѣ рассказалъ Крамеръ, который самъ былъ при этомъ. Между тѣмъ аристократическая партія ненавидѣла Пушкина за разныя остроты и сатиры. Въ *Московскомъ Наблюдателѣ* онъ напечаталъ стихотвореніе подъ названіемъ *На выздоровленіе Лукулла*, съ примѣчаніемъ—переводъ съ Латинскаго; между тѣмъ какъ всѣ очень хорошо знали, что ни у одного Римскаго писателя нѣтъ такого стихотворенія, и что это есть ничто иное, какъ ѣдкая сатира на Министра Уварова, который во время болѣзни своего родственника Шереметьева мечталъ уже воспользоваться его имѣніемъ, и вдругъ ошибся въ расчетахъ; потому что Шереметьевъ выздоровѣлъ. Даже и средній классъ неблагопріятно уже отзывался о Пушкинѣ: говорили обыкновенно, что Пушкинъ исписался и т. п. Онъ началъ даже получать безымянныя письма, въ которыхъ поздравляли его съ рогами и пр. Это окончательно взорвало Пушкина, и онъ вызвалъ Дантеса на дуэль, въ среду 27 Генваря.... Якубовичъ рассказывалъ послѣ при мнѣ у Никитенки, что онъ въ этотъ самый день былъ у Пушкина съ Сахаровымъ часу во 2-мъ. Пушкинъ былъ очень сердитъ, и безпрестанно бранилъ Полеваго за его Исторію: ходилъ скоро взадъ и впередъ по кабинету, хваталъ съ полки какой-нибудь томъ Исторіи Полеваго, и читалъ для выдержки.... Якубовичъ и Сахаровъ ушли отъ него въ 3-мъ часу, а въ 4-мъ онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ секундantomъ, старымъ своимъ лицейскимъ товарищемъ, инженернымъ маіоромъ, Данзасомъ—стрѣляться.... Болѣзнь его и послѣднія минуты жизни описаны Жуковскимъ. Въ пятницу 29 числа въ 3 часа и 45 минутъ Пушкина не стало. Журналисты

соребновали въ краснорѣчїи, извѣщая о смерти поэта; но самое лучшее объявленіе напечатано было въ Литтературной Газетѣ; вотъ оно отъ слова до слова: „Солнце нашей поэзіи закатилось: Пушкинъ умеръ.... Пушкинъ! нашъ поэтъ! наша радость! наша народная слава! неужели у насъ нѣтъ болѣе Пушкина? къ этой мысли нельзя еще привыкнуть“.... Всякой, кто знаетъ Плетнева, безъ сомнѣнія тотчасъ узналъ, чьи это слова. Весь Петербургъ заговорилъ о смерти Пушкина, и невыгодное мнѣніе о немъ тотчасъ замѣнилось самымъ искреннимъ энтузіазмомъ: всѣ обратились въ книжныя лавки—покупать только что вышедшее новое миниатюрное изданіе Онѣгина; болѣе 2000 экз. было раскуплено въ 3 дня. Между тѣмъ въ кабинетѣ Пушкина найдены были безъимянные письма и началось слѣдствіе. Тайная полиція часто обращалась съ этими письмами къ нашему отставному Профессору Бутырскому—не можетъ ли онъ узнать по почерку этихъ писемъ; потому что подъ его руководствомъ воспитывалось много молодыхъ людей, и слѣд. онъ могъ примѣниться къ разнымъ почеркамъ. Но Бутырской, разумѣется, не могъ узнать. Я слышалъ это отъ Бутырскаго. Слѣдствіе тянулось долго; но такъ какъ въ этомъ дѣлѣ запутано было много аристократовъ, то оно и кончилось ничѣмъ. Секундантъ Пушкина, Данзасъ, былъ прощенъ; а Дантесъ, какъ не Русскій подданный, высланъ за границу.

Пасху встрѣтилъ я очень весело. Обыкновенно въ Страстную субботу часовъ въ 10 вечера мы всѣ уже собирались въ Университетъ, и чтобы не спать до 12 часовъ, то принимали самыя простыя мѣры—пили, пѣли и веселились. Въ этотъ годъ къ намъ пришло нѣсколько педагоговъ—пѣть вмѣстѣ съ нами заутреню и обѣдню. Они приучены къ гувернерскому обращенію и къ разнымъ строгостямъ, и потому очень были удивлены и даже испугались, когда мы начали пить и послѣ кричать.... Смѣху было довольно.... Заутреня обыкновенно начиналась ровно въ 12 часовъ, послѣ нее тотчасъ же и обѣдня и все оканчивалось въ 3-мъ часу. Семейство Попечителя и нѣкоторые профессеры слушали въ этотъ день въ У-тѣ и заутреню и обѣдню; а самъ Попечитель приѣзжалъ всегда въ срединѣ обѣдни, отстоявъ всю службу во Дворцѣ (онъ былъ камеръ-герръ) и похристосовавшись съ Государемъ. Послѣ обѣдни мы собирались обыкновенно въ сборную залу, гдѣ приготовлена была закуска, и поставлены вина. Все это дѣлалось на счетъ Попечителя. Попечитель приходилъ и христосовался со всѣми нами. Въ этотъ годъ онъ замѣтилъ, что отъ насъ пахнетъ виномъ, и потому обращаясь къ Полякамъ сказалъ: „я думаю, господа, вамъ скучно было пережидать нашу службу; вотъ Русскіе такъ приняли свои мѣры!“ Закуска обыкновенно бывала самая шумная: пили за здоровье Попечителя, профессоровъ, и ревѣли—ура! Послѣ всѣ ложились спать. Въ этотъ годъ къ Пасхѣ намъ разрѣшено было носить шпаги и шляпы. Прежде форма соблюдалась нестрога: кто придетъ въ мундирѣ, кто во фракѣ, кто въ мундирѣ, а сверху бекешъ и круглая

шляпа. Теперь же строго велѣно было всеѣмъ ходить непремѣнно въ формѣ. Мундиръ у насъ былъ довольно хорошій: темнозеленаго сукна, съ голубымъ воротникомъ и съ золотыми петлицами. На шестой недѣлѣ поста мы получили первое извѣстіе о шляпахъ и шпагахъ. Какъ теперь помню: это было въ среду; мы сидѣли на лекціи у Плетнева; приходитъ Инспекторъ и объявляетъ намъ; по этому случаю начались кой-какіе разговоры. Инспекторъ, обращаясь къ намъ, говорилъ: „вотъ прежде многіе изъ васъ ходили въ цвѣтныхъ брюкахъ; теперь этого уже нельзя будетъ дѣлать; вотъ напр., Г. Блудовъ, я васъ очень часто видалъ не въ формѣ“. Блудовъ поднялся съ своего мѣста и, показывая на брюки, отвѣчалъ: „нѣтъ, Ник. Пав-чъ, я въ форменныхъ брюкахъ!“ Разумѣется, и Инспекторъ и все мы захохотали.... Когда Инспекторъ ушелъ, Плетневъ началъ продолжать лекцію такими словами: „въ этой новой формѣ начали появляться сонеты“.... Всеобщій хохотъ. Здѣсь кстати припомню другой анекдотъ о Плетневѣ. Однажды на репетиціи онъ спросилъ князя Щербатова; тотъ отвѣчалъ, что не приготовился; Плетневъ обратился къ другому студенту; но и отъ того получилъ такой же отвѣтъ. Тогда Плетневъ покачалъ головою и съ улыбкою сказалъ: „не надѣйтесь ни на князи, ни на сыны человѣческіе!“ Подобные анекдоты случались и съ другими профессорами. Шульгинъ, избранный въ ректоры, рекомендуясь намъ, сказалъ: „нынче Крестопоклонная недѣля (это было на 4 недѣлѣ поста): не знаю, будетъ ли моя новая должность крестомъ тяжелымъ, или иго мое будетъ благо и бремя мое легко!“ Тоже случилось, что Крамеръ не явился на экзаменъ къ Шульгину и черезъ нѣсколько дней началъ просить, чтобъ его проэкзаменовали. Шульгинъ сказалъ, что надобно представить лѣкарское свидѣтельство. Крамеръ отвѣчалъ: „я не хочу обманывать васъ; потому что не былъ на экзаменѣ не по болѣзни, а по домашнимъ обстоятельствамъ“. Шульгинъ на это сказалъ: „я вполнѣ вѣрю вамъ, Г. Крамеръ, но всетаки для формы надобно какое нибудь свидѣтельство; вотъ вѣдь намъ многіе представляли свидѣтельства и отъ такихъ докторовъ, которыхъ знаетъ вся Европа, и отъ такихъ, которыхъ знаетъ одинъ только Богъ, да и тотъ потому, что всевѣдущъ!“

Экзаменъ приближался, а вмѣстѣ съ тѣмъ приближался и срокъ, когда надобно было подавать сочиненіе для полученія медали; а между тѣмъ мое сочиненіе было написано только вполовину: надобно было и писать и готовиться къ экзаменамъ. Нечего дѣлать! За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь: я рѣшился не искать уже медали, и бросилъ свое сочиненіе. Оно было довольно хорошо, и я увѣренъ, что получилъ бы медаль. Изъ нашихъ студентовъ подали сочиненія трое; но все, какъ и ожидать надобно было, остались съ носомъ.... Экзаменъ кончился счастливо: изъ всеѣхъ предметовъ я получилъ полныя отмѣтки; только изъ Лат. я пол. 3, да изъ Гр. 2. Между тѣмъ получилъ отъ Навашина письмо: онъ звалъ на каникулы въ Вологду, и при-

ложилъ даже 25 р. денегъ.... Добрая душа! Я пособиравъ кое-какіе остатки съ уроковъ, и отправился въ дорогу. Встрѣчи родныхъ и знакомыхъ были очень пріятны. Вообще время я проводилъ весело: то самъ былъ въ гостяхъ, то у насъ были гости. Но самые лучшіе дни проведены были у Навашина, въ холостой бесѣдѣ съ пріятелями и въ волокитствѣ. У Навашина я не былъ рѣдкій день и часто даже ночевалъ. Волочился за Лидіей Энгельмейеръ. Дѣло это началось очень просто. Я увидѣлъ ее въ первый разъ у всеношной: взглянулъ на нее, она посмотрѣла на меня, и этого было довольно: за взглядами пошли разговоры и т. д. Горновской, двоюродный братъ Дубравина, узналъ отъ сестры своей Аннушки Дубравиной, что Лидія влюблена въ меня, и тотчасъ же передалъ эту новость мнѣ. Я написалъ стихи, означенные въ книгѣ моей 1 №; стихи эти черезъ Гор-го и черезъ Ан. Дуб-ну переданы были Лидіи; потомъ написалъ въ альбомъ Ан. Дуб-ной, что означено въ книгѣ № 2,—и въ этихъ стихахъ все мечты о Лидіи; потомъ Лидія дала мнѣ свой альбомъ, я и ей написалъ стихи и т. д. На клинкѣ моей шпаги вырѣзалъ надпись: „Лидинька—душа моя и радость!“ Объ этой надписи зналъ одинъ только Навашинъ. Однимъ словомъ дѣла шли прекрасно. Вдругъ ничтожный случай разрушилъ всѣ мои радости. Это было 31 Іюля, наканунѣ Спасова дня. Мы сидѣли у Дубравина; тутъ была Лидія, гувернантка ея сестеръ и Навашинъ. Я разговаривалъ не помню о чемъ-то съ гувернанткой; а Навашинъ въ это время вертѣлъ въ рукахъ мою шпагу. Вдругъ вижу онъ вынулъ ее изъ ноженъ и показываетъ Лидіи; Лидія вся вспыхнула; я поблѣднѣлъ отъ досады и смекнулъ въ чемъ дѣло. Черезъ нѣсколько минутъ подхожу къ Лидіи, стараюсь заговорить съ нею; но слова какъ-то не клеятся, и она не смотритъ на меня. Я не могъ вынести досады, и ушелъ. Послѣ всеношной опять увидѣлся съ Лидіей, и опять та же исторія. Тоска мучила меня нестерпимо. Почти всю ночь я проплакалъ, и не могъ сомкнуть глазъ. На другой день у насъ сдѣлано было условіе отправиться въ Прилуки. Лидія поѣхала туда же. И въ Прилукахъ—та же исторія: Лидія не хотѣла даже смотреть на меня. Она не знала отношеній моихъ къ Навашину, и думала, что я всѣмъ расхвасталъ о своихъ интригахъ. Возвратясь домой, я не могъ найти себѣ покою. Послѣ обѣда ушелъ въ садъ, и тамъ написавъ къ Нав-ну записку съ благороднымъ вызовомъ на дуэль, отправилъ ее къ Навашину. Какое безуміе! Могъ ли такъ низко цѣнить добраго Навашина! Вотъ до чего доводитъ человѣка одна страсть, неруководимая разсудкомъ! Между тѣмъ самъ ушелъ въ садъ и тамъ написалъ стихи, означенные въ моей книгѣ № 4. Ясно, что они надиктованы были глубокимъ чувствомъ.... Около вечеренъ приходитъ Навашинъ, и со слезами проситъ у меня прощенія... Разумѣется я самъ зарыдалъ горько и вмѣсто ссоры обнялся съ нимъ. Онъ утѣшалъ меня, и увѣрилъ, что все кончится счастливо. Въ самомъ дѣлѣ обстоятельства скоро перемѣнились: Лидія попрежнему

стала весела и привѣтлива со мной. Отецъ ея поѣхалъ въ Петербургъ—опредѣлять въ У-тъ старшаго сына Аполлона, который только что кончилъ курсъ въ Вол-ой Гимназіи; а онѣ, всѣ барышни съ гувернанткой, отправились въ Логиново—въ усадьбу за 12 в. отъ города по Петерб-ой дорогѣ. Я уговорилъ Дубравиныхъ ѣхать къ Семистрѣльной, и на пути переночевать въ Логиновѣ. Все устроилось, какъ нельзя лучше. Мы приѣхали въ Логиново въ вечерни; вечеръ провели весело и улеглись спать уже поздно. Лидія съ Дубравиной легла въ гостинную, а я съ Навашинымъ и Дубравинымъ въ сосѣдней комнатѣ. Всю ночь почти мы не спали; переговаривались съ сосѣдками, и дурачились. Я былъ въ полномъ восторгѣ. Утро провели всѣ вмѣстѣ за чаемъ и кофеемъ; потомъ я съ Лидіей, Дубравинымъ и гувернанткой въ одной коляскѣ ѣздили къ Семистрѣльной; потомъ завтракали; потомъ ходили гулять въ рощу. Гувернантка, разумѣется, смотрѣла уже на меня въ оба глаза, однакожъ просмотрѣла. Лишь только мы пришли въ рощу, тотчасъ же разбѣжались въ разныя стороны. Я замѣтилъ, куда побѣжала Лидія, и тотчасъ пустился въ слѣдъ за ней. Она, мелькая между деревьями, останавливалась и плутовски поджидала меня; наконецъ я нашелъ ее... Встрѣча была самая поэтическая, но продолжалась только нѣсколько минутъ; потому что насъ уже кликали нѣсколько голосовъ; Лидія пошла на зовъ, а я обѣжалъ кругомъ, и явился съ другой стороны. Не знаю, какъ толковали объ этомъ гувернантка и старуха Дубравина, но я мало заботился объ ихъ сплетняхъ. Постѣ обѣда мы отправились домой; Лидія провожала насъ съ версту, и взяла съ меня слово—заѣхать въ Логиново, когда отправлюсь въ Петербургъ. Я такъ и сдѣлалъ: поѣхалъ опять вмѣстѣ съ Дубравинымъ, и заѣхали въ Логиново... Два часа проведено было превосходно... На крыльцѣ въ послѣдній разъ поцѣловать руку Лидіи,—и полетѣлъ.... вотъ гдѣ поэзія! Теперь я припоминаю одни только происшествія, но тогда эти происшествія такъ полны были жизни, что кажется никогда бы не разстался съ ними. Съ первой станціи послалъ въ Вологду стихи, которые внесены въ мою книгу подъ № 5. Въ Петербургъ приѣхали мы безъ особенныхъ приключеній.

Теперь я опять долженъ обратиться назадъ: забылъ сказать объ открытіи Александровской колонны. Это было въ 1834 году, 30 Августа, на третій день по возвращеніи нашемъ изъ Вологды. Мы пришли на площадь въ 9 часовъ. Для народу подѣланы были мѣста амфитеатромъ до самыхъ крышъ домовъ; кромѣ того на крышахъ всѣхъ окрестныхъ зданій были посѣтители. Многіе изъ черни, чтобы не прозѣвать мѣста, забрались на крыши еще съ вечера. Мы, студенты, забрались на манежъ. Площадь въ это время была еще пуста; колонна закрыта была тафтой, раскинутой въ видѣ шатра. Вся царская фамилія была у обѣдни. Въ одиннадцать часовъ выѣхала на площадь пушка и сдѣлано было 3 выстрѣла. Въ ту же минуту во всѣхъ улицахъ, которыя выходятъ на площадь, раздалась

музыка и показались колонны пѣхоты и кавалеріи: не мѣшая другъ другу, стройно проходили онѣ мимо колонны и становились на назначенныхъ мѣстахъ. Что за картина! Тутъ былъ весь гвардейской и весь гранадерскій корпусъ; кромѣ того изъ всѣхъ полковъ Р. арміи по одной ротѣ; всего кавалеріи и пѣхоты 160 тысячъ. Когда войска стали на свои мѣста, на балконѣ Зимняго Дворца показался Митрополитъ и вся Царская фамилія; къ балкону съ площади сдѣлана была великолѣпная лѣстница и съ обѣихъ сторонъ ея на каждой ступенькѣ стоялъ солдатъ образцовой роты, въ бѣлыхъ штанахъ, въ высокой медвѣжьей шапкѣ съ золотыми кистями, и въ темнозеленомъ мундирѣ съ густыми мишурными эполетами. Начался молебенъ. Когда протодьяконъ провозгласилъ Императору Александру Первому вѣчную память, все войско грянуло: ура; тафта съ колонны упала, и поднялся ужасный громъ орудій. На набережной Невы поставлено было 540 орудій; на Неву выведено нѣсколько фрегатовъ, да еще крѣпостная артиллерія—все это подняло такой гамъ, что кажется весь Петербургъ дрожалъ... Ура и пушечные выстрѣлы не умолкали $\frac{1}{2}$ часа. Потомъ Государь сошелъ на площадь, окруженный блестящею свитою посланниковъ и придворныхъ. Полки проходили мимо него колоннами. Парадъ кончился въ вечерни. Подробное описаніе его было напечатано въ Сѣверной Пчелѣ. (Все это было отступление.)

Когда мы возвратились въ Петербургъ, то нашли уже весь Университетъ готовый къ переѣзду на Васильевскій островъ въ домъ 12-ти коллегій, который нарочно отстроенъ былъ для Унив-та. Въ этомъ домѣ со временъ Петра 1-го помѣщались Сенатъ и Синодъ; а теперь онъ отданъ былъ подъ Университетъ. Что зданіе прекрасное, объ этомъ нечего и говорить: галлерей, въ которой помѣщается библіотека, по величинѣ своей первая въ Европѣ: она въ длину 183 сажени; въ ней паркетный полъ и по концамъ зеркальныя двери. Зала, въ которой при Петрѣ была конференція, осталась въ прежнемъ своемъ убранствѣ. Публичная зала въ длину около 30 сажень, въ два этажа, съ хорами и мраморными колоннами; полъ паркетной. Авдиторіи многія сдѣланы амфитеатромъ; мебель вездѣ новая. Мы помѣстились въ 3 этажѣ; во второмъ авдиторіи, библіотека и залы, а въ третьемъ столовая, буфетъ, кухни, правленіе, цензурный комитетъ и квартира нѣкоторыхъ чиновниковъ. Лекціи начались съ сентября. Я, разумѣется, сначала очень много мечталъ о Лидіи; братъ ея Аполлонъ поступилъ въ У-тъ, и я былъ съ нимъ очень друженъ. Лекціи очень занимали меня: Плетневъ читалъ ист. Рус. лит-ры со временъ Екатерины; цѣлыхъ 4 мѣсяца онъ разбиралъ Державина; разборы эти были образцовые, ничто столько не дѣйствовало на образованіе моего вкуса, какъ эти бесѣды. Жаль только, что немногіе изъ студентовъ могли цѣнить ихъ; бисеръ по большей части падалъ предъ свиньями.... Порошинъ читалъ статистику превосходно: удивительный талантъ—сдѣлать живымъ и занимательнымъ такой сухой предметъ. Ивановскій читалъ народное право; статья о

посольствѣ была чрезвычайно интересна; Шульгинъ читалъ новую исторію своимъ въ высокой степени оригинальнымъ языкомъ. Я занимался очень хорошо, и все профессоры любили меня. Развлеченій могъ имѣть также довольно. Попечитель доставилъ мнѣ уроки у Графа Левашова: я училъ тамъ маленькую дочку лѣтъ 12 и сына лѣтъ 10; ходилъ 4 раза въ недѣлю; кромѣ того Ульянинъ доставилъ мнѣ уроки у Гурьева—учить тоже сына и дочь дважды въ недѣлю. Стало быть у меня денегъ было достаточно на чай, кофей, табакъ, на извожиковъ, на театръ и пр. и пр. Товарищи уважали и любили меня; биржа была теперь подлѣ У-та, и потому мы часто навѣщали ее. При добромъ нашемъ Инспекторѣ можно было гулять сколько угодно. Желая сколько нибудь взять насъ въ руки, онъ завелъ, что двери наши отперты были только до 12 часовъ; кто хотѣлъ придти позже, тотъ долженъ былъ идти на крыльцо къ Инспектору, пройти черезъ его спальню и кабинетъ прямо въ свою спальню; пот. что спальня наша была подлѣ Инспекторскаго кабинета. Изъ за этого было много смѣху. Въ первую ночь Инспекторъ заперъ двери кабинета и ключъ положилъ къ себѣ подъ подушку; так. обр. всякой, кто приходилъ поздно, долженъ былъ будить инспектора. Какъ только настать первый часъ ночи, начали собираться наши гуляки одинъ за другимъ; инспекторъ долженъ былъ не спать всю ночь, безпрестанно отпирая и запирая двери. На другую ночь онъ уже оставилъ ключъ въ дверяхъ. Иногда случалось, что возвращаешься часу во 2-мъ, а Инспекторъ еще не спитъ; надобно проходить черезъ кабинетъ такъ, чтобы онъ не видалъ изъ за ширмъ,—тогда снимешь бывало въ передней сапоги и на четверенькахъ (чтобы черезъ ширмы не видно было головы), держа сапоги и шпагу въ зубахъ, пробираешься къ своимъ дверямъ. Однажды ползло так. обр. вдругъ человекъ пять студентовъ: передній намѣренно или ненамѣренно разсмѣялся; все прочіе расхохотались и бросились опрометью въ двери, растерявъ сапоги и шпаги. Филипповъ вскочилъ съ кровати и подобралъ добычу. Иные по утрамъ спали очень долго—часовъ до 9 и даже до 10; инспекторъ отворялъ двери изъ кабинета и почти сквозь слезы говорилъ: „господа! пора вставать: вѣдь ужъ скоро обѣдъ!“ Если же на зовъ его спящіе не откликались, онъ подходилъ къ кроватямъ и дергалъ за ноги лежавшихъ: иной завернется въ одѣяло, и будто въ просонкахъ начнетъ лягать ногами.... Смѣху бывало довольно.

По субботамъ у Плетнева на лекціяхъ мы обыкновенно читали сочиненія. Я въ свою очередь прочелъ въ прозѣ о Бенедиктовѣ и два стихотворенія, написанныя въ каникулы: № 1 и № 2. Плетневъ взялъ эти стихотворенія къ себѣ. Постъ Никитенко говорилъ мнѣ, что Плетневъ хочетъ эти стихотворенія напечатать въ *Современникѣ*; однакожъ, не знаю почему, они не были напечатаны. Около этого же времени я узналъ отъ Никитенки, что обо мнѣ было говорено въ Совѣтѣ: меня, по окончаніи курса, назначали отправить за границу; однакожъ,

тоже не знаю почему, Попечитель не согласился; а назначенъ былъ Прейсъ, учитель Дерптской Гимназіи; онъ теперь уже возвратился изъ путешествія и читаетъ лекціи въ Пет-мъ У-тѣ. Впрочемъ студенты не хвалятъ его: говорятъ, что безжизненный нѣмецъ!

Осенью, когда на Невѣ шелъ ледъ и были разведены мосты, намъ запрещено было переѣзжать на ту сторону; потому что, случалось, лодки затирало льдомъ и уносило. Однакожъ мы не слушались. Лекцій въ это время не было; потому что всѣ почти профессора и большая часть студентовъ жили за рѣкой, и потому мы гуляли славно. Однажды утромъ я переѣхалъ за рѣку; но возвращаясь назадъ, увидѣлъ, что перевозу нѣтъ уже; потому что ледъ сильно сдвинуло. Дѣлать нечего, надобно было переночевать на той сторонѣ. Утромъ возвратился въ У-тѣ и сѣлъ читать Державина. Въ комнатѣ никого не было. Вдругъ приходитъ Инспекторъ, я раскланялся. Онъ закачалъ головой, и началъ тихо говорить, такъ чтобы не слышали студенты, сидѣвшіе въ сосѣдней комнатѣ: „вотъ вы не ночевали сегодня!... чтожъ, если ужъ мнѣ и васъ-то садить подъ арестъ, такъ чтожъ тогда будетъ?... Я право не знаю.... Дайте вашу шпагу!“ Однакожъ на другой день утромъ возвратилъ. Так. об. въ 5 лѣтъ я былъ одинъ день подъ арестомъ. Около этого же времени Шакѣевъ, по протекціи Шульгина, опредѣленъ былъ Адъюнктъ-Профессоромъ въ У-тѣ—читать въ 1, 2 и 3 курсахъ нашего факультета исторію. Но между студентами была мысль, пущенная партіей Куторги, что Шакѣевъ ничего не знаетъ. На первую лекцію собралось къ нему человѣкъ 300. Онъ читалъ довольно хорошо; однакожъ его никто не слушалъ, а всѣ только ждали окончанія лекціи. Когда онъ началъ сходить съ кафедры, всѣ засвистали, зашикали.... Разумѣется, тотчасъ объ этомъ дано было знать Князю. Князь на другой день дѣлалъ намъ выговоръ, бросилъ свою перчатку, и сказалъ: кому угодно поднимать? Разумѣется перчатки никто не поднималъ; тѣмъ дѣло и кончилось. Черезъ нѣсколько недѣль Шакѣевъ былъ отставленъ. Вскорѣ случилось другое обстоятельство. Князь Вяземскій, студентъ 1-го курса, пришелъ пьяный на лекцію къ Фишеру. Фишеръ побранилъ его; Вяземскій этимъ обидѣлся. Тотчасъ вся университетская аристократія заступилась за Вяземскаго, и увлекла за собой всѣхъ другихъ студентовъ одного курса. Написали прошеніе къ Князю, и подать эту жалобу взялись два студента Графъ Васильчиковъ и Сверчковъ. Попечитель прочиталъ прошеніе и сказалъ подателямъ: „извольте отправиться къ Инспектору и отдать ему ваши шпаги!“ Дѣлать нечего: Инспекторъ посадилъ Васильчикова и Сверчкова въ карцеръ. Но они не унывали: въ продолженіе 3 дней они выпили 18 бутылокъ шампанскаго, и порожнія бутылки выбрасывали въ окно на улицу. Инспекторъ узналъ объ этомъ: солдата Московскаго, который носилъ арестантамъ вино, высѣкли; а они дали ему 300 р. и Московскій былъ въ восхищеніи: „пожалуй, говорилъ онъ, пусть высѣкутъ и въ другой разъ!“

Въ эту же осень былъ интересный случай съ студентомъ Новицкимъ. Онъ былъ чрезвычайно, даже почти до невѣроятности близорукъ. Однажды шелъ онъ по Англійской набережной. Навстрѣчу ему попадаетъ Государь съ Государыней. Новицкій прошелъ между ними, толкнувъ и того и другую. Государь разсердился; началъ бранить Новицкаго, и Новицкій тогда только узналъ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Въ досадѣ Государь не пошелъ далѣе: тотчасъ сѣлъ въ коляску и уѣхалъ. Къ счастію нашъ субъ-инспекторъ Грейсонъ видѣлъ все это; онъ спросилъ Новицкаго и тотчасъ донесъ Инспектору; Инспекторъ въ ту же минуту отправился къ Князю; а Князь къ Министру. Министръ въ этотъ день долженъ былъ гдѣ-то обѣдать вмѣстѣ съ Государемъ; потому то и поспѣшили скорѣе предупредить его. Государь, какъ только увидѣлся съ Министромъ, тотчасъ сказалъ ему: „какіе у тебя невѣжи студенты: сегодня одинъ студентъ чуть не толкнулъ меня съ тротуаровъ!“ Министръ отвѣчалъ: „это Новицкій; онъ, В. И. В., уже посаженъ подъ арестъ: онъ чрезвычайно близорукъ, такъ что узнаетъ людей только по голосу!“ „Ну, такъ оставить это!“ сказ. Государь. Новицкій просидѣлъ 3 дня въ карцерѣ, — тѣмъ дѣло и кончилось.

Въ началѣ зимы этого года сгорѣлъ Зимній Дворецъ. Я былъ въ это время въ У-тѣ. Часу въ 9 вечера мы увидѣли зарево, которое то мелькало, то опять исчезало; намъ показалось, что пожаръ гдѣ-нибудь слишкомъ далеко; но вдругъ возвращается одинъ студентъ, и говоритъ, что пожаръ во Дворцѣ. Мы тотчасъ побѣжали было изъ У-та; но не могли уже пробраться на ту сторону; потому что вся площадь и набережная была оцѣплена солдатами. Государь и Государыня были въ театрѣ; а многіе изъ придворныхъ на балѣ въ Мильенной. Узнавъ о пожарѣ, всѣ переполошились: Государь тотчасъ приѣхалъ и началъ распоряжаться; Государыню съ жандармскимъ конвоемъ отправили въ Аничкинъ Дворецъ; придворные съ балу поѣхали кто куда зналъ. Пожарные всѣ уже были въ дѣлѣ; но вдругъ на Васильевскомъ острову, не помню въ которой линіи, сдѣлался другой пожаръ; Наслѣдникъ и половина пожарныхъ трубъ поскакали туда. Между тѣмъ Дворецъ разгорался болѣе и болѣе: часу въ 12 уже вся линія на Неву была въ пламени. Мы ушли домой; но въ спальняхъ у насъ было свѣтло, какъ днемъ. Государь былъ на пожарѣ до 6 часовъ утра; а все было затушено только къ вечеру другого дня. Слуховъ о пожарѣ, по обыкновенію, было множество; но нельзя знать, что тутъ истинное и что вздоръ; слѣд. нечего и писать.

Приближались святки, и мы узнали еще новость: бывшій студентъ Александровъ посаженъ въ крѣпость. Жизнь этого человѣка была очень интересна. Онъ былъ побочный сынъ какого-то помѣщика изъ подъ-московныхъ губерній. Въ малолѣтствѣ онъ отличался всевозможными шалостями, и наконецъ бѣжалъ отъ отца въ Петербургъ. Не знаю уже какимъ образомъ, но только онъ нашелъ случай поступить въ У-тѣ; а содержалъ себя частными уроками. Въ одно время не

случилось у него денегъ; а хозяинъ безъ денегъ не хотѣлъ держать на квартирѣ. Александровъ поздно вечеромъ забралъ всѣ свои вещи и переѣхалъ на Семеновскій плацъ, кот-й былъ прямо противъ стараго У-та. Тамъ онъ переночевалъ. Утромъ будочникъ, увидя такого необыкновеннаго постояльца, подошелъ и спрашиваетъ: кто онъ такой и зачѣмъ здѣсь? Александровъ отвѣчаетъ, что онъ студентъ, и что поселился здѣсь жить; потому что не имѣетъ другой квартиры. Съ тѣмъ и ушелъ будочникъ. Въ 9-мъ часу Александровъ положилъ на комодъ свой записку, въ кот-й увѣдомляетъ всѣхъ и каждого, что тутъ квартира такого-то студента; а самъ ушелъ на лекцію. Возвратившись изъ У-та, онъ видитъ, что къ квартирѣ его подступила полиція, и кругомъ собралось множество народу. Пробравшись сквозь толпу, Александровъ спрашиваетъ у частнаго пристава: что ему угодно? Частный приставъ отвѣчаетъ, что оберъ-полиціймейстеръ приказалъ забрать и это имущество и хозяина. Отправились къ о. пол-ру. Александровъ объяснилъ, что крайность заставила его искать жительство на Сем. плацѣ. Поѣхали къ Министру Внутреннихъ дѣлъ. И тотъ получилъ такое же объясненіе; онъ сказ. Александрову, чтобы тотъ покамѣстъ пожилъ у частнаго пристава, и что завтра же будетъ доложено объ этомъ дѣлѣ Государю. Съ тѣмъ Алек. и былъ отпущенъ. Но когда онъ сходилъ съ лѣстницы, Адъютантъ Министра подалъ ему нѣсколько бѣленькихъ бумажекъ. Алек. обидѣлся и бросилъ бумажки, сказавъ грозно Адъютанту, что онъ не нищій. Между тѣмъ на другой день Государь приказалъ, чтобы Александрова приняли въ У-тъ на казенное содержаніе. Но Александровъ отъ этого отказался; тогда Государь приказалъ ему идти въ полкъ. Александровъ пожелалъ поступить въ Гусарскій полкъ, который тогда стоялъ въ Финляндіи. Разумѣется, на другой же день дано было объ этомъ знать въ полкъ, а Александрову приказано снаряжаться въ дорогу. Но Александровъ исчезъ: онъ ходилъ все по знакомымъ, и полиція не могла найти его. Тогда приказано было, какъ только найдутъ Александрова, тотчасъ же отправить съ казаками на мѣсто службы, и тамъ посадить подъ арестъ. Такъ и сдѣлали. Александрова нашли, отправили въ полкъ и посадили на гауптъ-вахту. Просидѣвъ подъ арестомъ недѣли 2, онъ однажды уторѣлъ; прибилъ унтеръ-офицера, который топилъ комнату, вышелъ на плацъ-форму, легъ и притворился умирающимъ. Его отнесли въ лазаретъ. Тамъ онъ пролежалъ недѣли 3, и наконецъ обругалъ доктора. За эту грубость его опять посадили на гауптъ-вахту. Пробывъ тутъ недѣли двѣ, онъ подалъ въ отставку. Разумѣется, его съ радостію уволили, и Александровъ опять приѣхалъ въ Петербургъ, и поступилъ въ У-тъ въ Математическій факультетъ. Это было въ 1833 году, когда и я приѣхалъ въ У-тъ. Учасъ въ У-тѣ, онъ дѣлалъ много штукъ; но не очень важныхъ. Разъ только, при переходѣ изъ 2-го курса въ 3-й, на Лат-мъ экзаменѣ, онъ порядочно раземѣшилъ насъ. Раскрывъ какую-то главу изъ Саллюстія, которая начинается рѣчью, онъ началъ читать: „Patres conscripti“...

и пр. Шульгинъ, который тогда председательствовалъ на экзаменѣ, спросилъ: „что значить *patres conscripti*?“ Александровъ, не запинаясь, отвѣчалъ: „отцы вписанные!“ Шульгинъ улыбнулся и спросилъ: „что же значить это—отцы вписанные?“ Александровъ махнулъ рукою и отвѣчалъ: „а Богъ ихъ знаетъ: Римляне народъ очень мудреный!“ Всѣ захохотали. Не знаю, въ которомъ году, но только еще во время студентства Александровъ началъ было дѣлать фальшивыя ассигнаціи; но полиція захватила его; Бенкендорфъ призвалъ Александра къ себѣ, и взялъ съ него честное слово, что онъ впредь такихъ глупостей дѣлать не будетъ. Тѣмъ это дѣло и кончилось; и мы тогда не знали объ этомъ ни слова. Въ 1836 году Александровъ кончилъ курсъ и поступилъ учителемъ въ Технологическій Институтъ. Я часто видался съ нимъ у Эвальда и у Шакѣва. Жизнь, какъ слышно было тогда, велъ онъ самую распутную. Въ разговорахъ только и бредилъ тѣмъ, чтобы идти въ разбойники. Мы такъ уже привыкли къ этому, что не обращали даже и вниманія на его восторженные мечты. Въ 38 году онъ задумалъ наконецъ осуществить свои желанія. Планъ его былъ такой: выбрать изъ старыхъ студентовъ надежнаго товарища; одѣться одному жандармомъ, а другому жандармскимъ офицеромъ, приѣхать въ домъ къ Яковлеву ночью, показать старику отцу указъ, написанный отъ имени Государя, которымъ повелѣвается взять молодаго сына Яковлева и отвезти въ Сибирь; и тутъ же предложить, что ежели отецъ хочетъ спасти сына, то чтобы далъ имъ 2 миліона, и они обѣщаются увезти его за границу; взявши же деньги убить арестанта на дорогѣ, а самимъ бѣжать за границу. Ясно, что такія нелѣпости могли придти только въ голову Александрова. Въ товарищи себѣ онъ назначилъ Борисова—прекраснаго молодаго человѣка, который вышелъ изъ У-та вмѣстѣ съ Александровымъ, и служилъ учителемъ математики во 2-й Пет-ой Гимназіи. Борисовъ, выслушавъ этотъ планъ, счелъ его обыкновеннымъ бредомъ, и сказ. Александрову, что онъ согласенъ; при этомъ случаѣ мечталъ вмѣстѣ съ Александровымъ, разумѣется шутя, о томъ, какъ славно они заживутъ за границей.... Тѣмъ разговоръ ихъ и кончился. Борисовъ счелъ это за бредъ; но Александровъ не остановился. На другой день онъ послалъ къ Борисову записку, которою звалъ его къ себѣ. Борисову было нельзя и онъ не пошелъ. Черезъ день Александровъ присылаетъ другую записку, въ которой уже ясно пишетъ, что онъ имѣетъ надобность посоветоваться о томъ, о чемъ они говорили лично. Борисовъ, видя, что Александровъ не въ шутку уже что-то затѣваетъ, отказался отъ приглашенія. Александровъ приѣзжаетъ къ нему самъ, и, не заставъ Борисова дома, оставилъ ему ругательную записку. Съ тѣхъ поръ Борисовъ уже и не видался съ нимъ. А Александровъ обратился къ Галлеру—съ приглашеніемъ къ себѣ въ товарищи; въ случаѣ же отказу грозился убить Галлера. Галлеръ былъ студентъ Юридическаго факультета, кончившій курсъ вмѣстѣ съ Александровымъ, и человѣкъ очень

богатый. Онъ согласился на предложеніе Александрова и въ тотъ же вечеръ разсказалъ все отцу; а отецъ Бенкендорфу. Бенкендорфъ сказалъ Галлеру, чтобы сынъ его дѣйствовалъ такъ, какъ велить ему Александровъ, и чтобы доносилъ о всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ. Такъ дѣло и пошло. Александровъ написалъ уже указъ, и прекрасно поддѣлалъ подпись Государя; нужно только было на что-то 5 тысячъ денегъ. Александровъ сдѣлалъ фальшивый вексель отъ имени какого-то купца, и переодѣвшись вмѣстѣ съ Галлеромъ, отправился къ маклеру.... Полиція уже знала объ этомъ, и какъ только вошли они къ маклеру, тотчасъ арестовала ихъ, и представила Дуппелъту—жандармскому полковнику. Дуппелтъ обратился къ Александрову съ вопросомъ; а Александровъ всю вину началъ сваливать на Галлера. Тогда Дуппелтъ сказалъ: „оставьте Галлера въ покоѣ: онъ дѣйствовалъ такъ, какъ ему было приказано; я васъ спрашиваю“... Тутъ Александровъ смѣшался. Началось слѣдствіе; Александровъ запуталъ и Борисова. Послѣдняго обвинили въ томъ, что онъ зналъ весь планъ и не донесъ. Кончилось тѣмъ, что Галлера перевели въ собственную канцелярію Государя. Яковлевъ давалъ ему въ знакъ благодарности 10 тысячъ, но онъ отказался. Борисова послали въ Архангельскъ подъ надзоръ полиціи; а Александрова въ каторжную работу. Въ Указѣ о ссылкѣ прописаны были всѣ дѣла Александрова, и тогда только мы узнали, что онъ, еще бывши студентомъ, дѣлалъ фальшивыя ассигнаціи. Но вотъ что странно: въ прошедшемъ, 1842 году, я случайно увидѣлся съ однимъ проѣзжавшимъ изъ Вятки въ П-гъ чиновникомъ, и узналъ отъ него, что Александровъ возвращень уже изъ каторжной работы и живетъ въ Вяткѣ подъ надзоромъ полиціи.

Зима, сколько помню, прошла очень весело. Наша студентская жизнь была самая завидная. Хорошіе товарищи любили меня, а сволочь, порожденіе 3-й Гимназіи, завидывала успѣхамъ моимъ и молчала.... Жалкія существа! Кеслеръ, Копосовъ, Коншинъ и Шведовъ—были моими друзьями, а прочіе—Дубравинъ, Дорогой, Бушмакинъ и др. безсильными соперниками. Я не ссорился съ ними, жилъ всегда мирно; но въ душѣ презиралъ ихъ. Два оригинала были у насъ въ одномъ со мной курсѣ: Ревкуцъ и Леонтьевъ. Ревкуцъ былъ маленькой ростомъ и очень толстъ, совершенно кубической формы. Мы прозвали его полковникомъ. Когда онъ идетъ бывало по комнатамъ, мы всѣ зашепчемся: самъ идетъ, самъ идетъ, и вытянемся передъ нимъ. Если онъ веселъ, то улыбнется, а ежели не въ духѣ, то обругаетъ насъ.... Онъ часто пьянствовалъ, и потому передъ концемъ курса мы разжаловали его изъ полковниковъ: схватили его, переломили надъ нимъ вмѣсто шпаги лучину, и такъ отпустили. Онъ мастеръ былъ танцовать мазурку: однажды въ клубѣ нѣмцы аплодировали ему, когда онъ, выпивъ 3 пунша, шелъ мазурку, и кричали: „фора, студентъ!“ Леонтьевъ былъ тоже маленькаго роста и въ противоположность Ревкуцу—тоненькой. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ

ни слова, и всегда сердился, когда съ нимъ начнетъ ктонибудь говорить; только со мной онъ жилъ мирно. Въ воскресенье, когда весь У-тъ опустѣетъ, я оставался обыкновенно часовъ до 7 дома; потому что въ это время всего лучше заниматься; а Леонтьевъ обыкновенно не ходилъ никуда; стало быть въ воскресенье мы обыкновенно оставались съ нимъ вдвоемъ. Бывало, я сижу и читаю чтонибудь; Леонтьевъ ходитъ по комнатѣ, подойдетъ ко мнѣ, хлопнетъ по плечу, и скажетъ: „ну, что?“ Это значить я могу съ нимъ говорить. Впрочемъ всѣ наши разговоры ограничивались всегда какиминибудь шуточными фразами; потому что Леонтьевъ былъ человѣкъ очень посредственнаго ума.

Отношенія къ Лидіи измѣнились. Какъ то случилось, что Аполлонъ, братъ ея, заболѣлъ, и лежалъ въ лазаретѣ. Онъ написалъ письмо къ отцу и другое къ Лидіи, и отдалъ ихъ мнѣ, чтобы запечатать и отправить; потому что у него не случилось ни сургуча, ни денегъ. Притомъ же онъ не секретничалъ со мной; потому что зналъ всѣ отношенія мои къ сестрѣ. Я, разумѣется, прочиталъ письмо къ Лидіи, и приписалъ ей поклонъ. Лидія съ первой же почтой отвѣчала брату, и написала между прочимъ, что она очень удивляется, какъ я *осмѣлился* собственноручно писать къ ней поклоны, что я могъ бы объ этомъ попросить ея брата и пр. и пр. Надобно замѣтить, что въ это время за ней волочился ссыльный полякъ Ремеръ, и стало быть она писала эти строки подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній.... Аполлонъ опять написалъ къ ней, и я опять приписалъ поклонъ... Лидія разсердилась и написала: „скажи Ив-му, что ежели и было между нами чтонибудь, то я уже давно забыла все, и говорю ему adieuх. Это письмо принесли въ У-тъ, когда уже Аполлонъ уѣхалъ домой на каникулы; я распечаталъ письмо и, приписавъ подъ словомъ adieuх—прощай, отправилъ его обратно на имя Лидіи. Тѣмъ все и кончилось.

Экзамены мои шли хорошо: изъ всѣхъ предметовъ я получилъ полныя отмѣтки, кромѣ, разумѣется, языковъ; впрочемъ и изъ тѣхъ дѣло кончилось какъ нельзя лучше: изъ Нѣм-го 4, изъ Латынскаго 4; и изъ Греческаго 2. Я не только не отягощался экзаменами, но даже шелъ на нихъ съ наслажденіемъ, потому что былъ увѣренъ самъ въ себѣ. Истинное мое торжество было на экзаменѣ изъ Русской словесности. Какъ теперь помню, день былъ ясной. Утромъ мы узнали, что на экзаменъ къ намъ будетъ Московскій профессоръ Шевыревъ, который въ это время приѣхалъ въ Петербургъ. Часовъ въ 9 я съ Коншинымъ и еще съ кѣмъ-то вышелъ на крыльцо—дождаться Плетнева. Въ 10-мъ часу Плетневъ пришелъ пѣшкомъ, и мы поздоровавшись объявили ему, что будетъ Шевыревъ. Начался экзаменъ. Грефе предсѣдательствовалъ на немъ въ качествѣ декана. Вдругъ входитъ Шульгинъ и за нимъ идетъ маленькой человѣкъ, съ черными волосами, въ черномъ шалевомъ галстукѣ, съ очень пріятнымъ, нѣсколько смуглымъ лицомъ. Это былъ Шевыревъ. Тотчасъ вызвали меня. Я взялъ билетъ

о Жуковскомъ. Въ эту минуту приѣзжаетъ Князь. Только я началъ отвѣчать, Шевыревъ ввязался въ мой отвѣтъ, и у насъ одинъ на одинъ пошла самая одушевленная бесѣда. Разговоръ нечувствительно перешелъ на Державина; а Державина я зналъ почти всего наизусть.... Много декламировалъ стиховъ; наконецъ началъ читать: *Властителямъ и судьямъ*. Шевыревъ сказалъ: „вы прекрасно читаете стихи“... А Плетневъ тихо замѣтилъ ему: „онъ и самъ прекрасно пишетъ“.... Князь и Шульгинъ изрѣдка только вступались въ нашу бесѣду.... Наконецъ Шульгинъ напомнилъ, что пора и кончить. Я раскланялся; Шевыревъ всталъ съ мѣста, взялъ меня за руку, и просилъ побывать у него. Князь тоже всталъ, очень довольный и уходя на экзаменъ къ юристамъ, сказалъ: „пойду тамъ похвастаюсь!“ Я былъ въ полномъ восторгѣ; всѣ студенты поздравляли меня... Дня черезъ 2 я пришелъ къ Шевыреву; онъ принялъ меня ласково, говорилъ очень много о современномъ состояніи нашей литературы, о моихъ будущихъ занятіяхъ, давалъ совѣты, и отпустилъ, изъявивъ желаніе и послѣ быть со мной знакомымъ.

На другой день по окончаніи всѣхъ экзаменовъ, я отправился къ Попечителю узнать о моемъ назначеніи. Онъ сказалъ, что уже назначилъ меня во Псковъ. Этотъ звукъ былъ совершенно новый для меня, и я никакъ не могъ представить себѣ—что это за городъ Псковъ. Впрочемъ лучшаго мѣста нельзя было и желать; потому что въ Петербургѣ не было свободныхъ ваканцій, а ѣхать въ Вологду—учить исторіи я не хотѣлъ: мой предметъ была—словесность. Начались каникулы. Я остался въ Петербургѣ и получилъ два частныхъ мѣста: у Викулина и у Мартынова; у Викулина каждую недѣлю 5 разъ, а у Мартынова трижды въ недѣлю. Стало быть деньги были, а съ деньгами нескучно. Я часто ѣздилъ на дачи: къ Плетневу и Шакѣеву. Плетневъ жилъ въ Кушилевой деревнѣ; а Шакѣевъ у Григорьева, который женатъ на сестрѣ Шакѣева, и жилъ подлѣ Лѣснаго Института. Время шло весело. Въ Университетѣ остались почти всѣ, кончившіе курсъ, и мы жили весело. Однажды случилось вотъ какое происшествіе. Мы были уже въ спальнѣ; это былъ часъ 12-й; вдругъ возвращаются человѣкъ 5 студентовъ и говорятъ: „господа! пойдѣте браниться съ Филипповымъ“. Мы тотчасъ накинули сверхъ халатовъ шинели, надѣли фуражки и отправились въ походъ. Филипповъ этотъ былъ офицеръ 1-го кадетскаго корпуса, и стало быть жилъ подлѣ У-та; у него были 2 сестры, довольно вольныя, и студенты волочились за ними, а онѣ перемигивались съ ними, бросали изъ окна разные сюрпризы и пр. и пр. Братъ зналъ это, и жестоко злился на студентовъ; къ тому же онъ былъ почти помѣшанной и не зналъ какъ вымѣстить свою злобу: часто при встрѣчѣ вовсе съ незнакомымъ ему студентомъ онъ начиналъ браниться, и тотъ, не понимая отношеній его къ студентамъ, не зналъ—что это значить. Въ этотъ вечеръ, о которомъ я упомянулъ теперь, Филипповъ сдѣлалъ подобную же глу-

постъ. Студенты шли мимо и разговаривали между собою. Филипповъ вдругъ размахнулъ окно, и началъ ругаться съ ними. Они, разумѣется, отвѣчали ему, и пришли позвать всѣхъ насъ, чтобы гуртомъ веселѣе было браниться. Лишь только мы поравнялись съ окнами Филиппова, вдругъ онъ растворилъ опять окно и пошла потѣха: мы приударили самую отчаянною бранью... Мать и сестры Филиппова, почти полураздѣтыя, высунулись въ окно и стали упрашивать насъ: „господа! сдѣлайте милость, оставьте: видите, что онъ сумасшедшій“. Побранившись съ $\frac{1}{4}$ часа, мы наконецъ удалились.

Такимъ образомъ, живя очень весело, я и не замѣтилъ, какъ приближалось время—отправляться къ мѣсту назначенія. Я не вѣрилъ даже, что приближается наконецъ часъ, когда надобно разстаться навсегда съ студентствомъ. Мечты о Псковѣ были довольно неопредѣленные. Я зналъ только, что встрѣчу тамъ старыхъ студентовъ, бывшихъ нѣкогда со мной въ одномъ курсѣ: земляка моего Студитскаго, Барановскаго и Котовича. Но больше занимало меня то, что я теперь кандидатъ философскаго факультета 1-го отдѣленія, что приѣду въ новый городъ, что всѣ будутъ смотрѣть на меня, какъ на лицо новое и пр. и пр. Передъ отъѣздомъ дня за 4 былъ на дачѣ у Плетнева, онъ, взявъ меня подъ руку, долго ходилъ со мной по саду и весело разговаривалъ; совѣтовалъ между прочимъ не жениться; потому что это отвлечетъ меня отъ занятій и остановить ходъ мой по службѣ и пр. и пр. Однимъ словомъ мы вдвоемъ провели съ нимъ вечеръ, какъ нельзя лучше. Ночевать я уѣхалъ къ Григорьеву: тамъ нашелъ Эвальда. Ужъ мы пили, пили.... Григорьевъ даже свалился съ ногъ; а я съ Эвальдомъ улегся уже утромъ. Возвратясь въ Петербургъ, началъ собираться въ дорогу: мнѣ дали подорожную, прогоны и 625 р. не въ зачетъ жалованья. Это всегда ужъ такъ водится. Часу въ 5-мъ заѣхалъ къ Эвальду; со слезами простился съ этимъ добрымъ семействомъ, и поѣхалъ къ Сѣверову. Сѣверовъ жилъ въ Петербургѣ по дѣламъ. Я познакомился съ нимъ недѣли за двѣ передъ этимъ; потому что у него остановился Горковскій, мой старый повѣренный по дѣламъ съ Лидією, и приѣхавшій теперь для поступленія въ Университетъ. У Сѣверова—7 дочерей и три сына; старшая—Катерина была тогда красавица; впрочемъ я не былъ, противъ моего обыкновенія, влюбленъ въ нее, хотя и бывалъ у нихъ почти каждый день. Тутъ собиралось всегда много молодыхъ людей, и время мы проводили весело. Отъ Сѣверова, осыпанный желаніями счастливаго пути, я поѣхалъ ночевать къ Шакѣеву, который въ это время былъ уже въ городѣ. А отъ туда утромъ къ Лебедеву, одному чиновнику, старому моему гимназическому товарищу,—куда перевезены уже были всѣ мои вещи. Проводить меня пришли нѣсколько студентовъ,—выпили и простились. Почтовыхъ лошадей не было, и потому я нанялъ до Царскаго села фаетонъ тройкой. Лебедевъ поѣхалъ провожать меня. Это было 1 Августа. Итакъ—я простился съ Петербургомъ.... Въ

Царскомъ селѣ сѣлъ на почтовую телѣжку и приѣхалъ къ вечернему чаю въ Гатчину. У Ильина провелъ вечеръ, ночевалъ и на другой день утромъ поѣхалъ далѣе. Наконецъ 3 Августа увидѣлъ Псковъ. Когда въѣхалъ въ заставу, было уже темно. Не зная квартиры Студитскаго, я подѣхалъ прямо къ Гимназіи. Тутъ встрѣтился мнѣ какой-то человѣкъ небольшого росту. Я спросилъ его: „позвольте узнать—гдѣ живетъ Студитскій?“—„Знаю, отв. маленькой человѣчекъ самымъ тонкимъ дискантомъ; но только забылъ фамилію хозяина дома; а вы, вѣроятно, тотъ чиновникъ, котораго мы ожидаемъ изъ Петербурга?“—Точно такъ.—„Честъ имѣю рекомендоваться: я служу письмоводителемъ при здѣшней Гимназіи. Если вамъ угодно остановиться, то вотъ здѣсь недалеко живетъ учитель Котовичъ!“ Онъ указалъ мнѣ домъ. Я отправился къ Котовичу. Въ передней сидѣлъ человѣкъ. Я спрашиваю: „дома Котовичъ?“—Дома. И я отворилъ двери. Въ залѣ сидитъ нѣсколько дамъ и съ ними Котовичъ. А я былъ въ шинели, съ трубкою въ рукахъ, и съ фуражкой на головѣ. Я тотчасъ назадъ. Человѣкъ вызвалъ Котовича, и я вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ къ Студитскому и Барановскому. Дамы эти были Диденевы, у которыхъ Котовичъ жилъ на квартирѣ. Такимъ образомъ я достигъ мѣста своего назначенія.

III.

Дополненіе къ предыдущимъ главамъ.

Въ предыдущихъ главахъ я забылъ упомянуть еще о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ моей жизни; потому что писалъ безъ опредѣленнаго плана, по однимъ только воспоминаніямъ.

Изъ гимназическихъ моихъ товарищей былъ одинъ очень курьезной человѣкъ—Иванъ Титовъ. Онъ всегда смѣшилъ насъ въ классѣ. Вотъ нѣкоторые изъ его штукъ. Мы были въ Гимназіи у всеношной и стояли рядомъ четверо: Титовъ, Пчелинъ, я и Студитскій, а недалеко отъ насъ стоялъ Веденскій, который тогда былъ уже директоромъ. Веденскій, какъ я говорилъ уже, молился очень смѣшно. Титовъ вздумалъ передразнивать его: перекрестится большимъ крестомъ, и крехтя начнетъ доставать рукою до земли. Мы хохотали. На другой день Веденскій приходитъ въ классъ и говоритъ протяжнымъ басомъ: „вы вчера смѣялись за всеношной; вотъ я замѣтилъ—Титовъ, Пчелинъ, Иваницкій.... потомъ вдругъ скороговоркой дискантомъ—бездѣльникъ Студитскій!“ Мы еще больше захохотали. Въ другой разъ мы сидѣли въ классѣ у учителя рисованія Катина. Катинъ былъ маленькаго роста, чрезвычайно глухъ и ходя по классу часто задумывался: тогда онъ обыкновенно шагнетъ и стоя на одной ногѣ, другую держитъ на воздухѣ иногда довольно долго. Титовъ хохоталъ надъ нимъ и бранилъ его громко. Катинъ замѣтилъ это, подошелъ къ Титову и сказалъ: „ты ученикъ, я учитель; возьми рисунокъ, тебя выгоню вонъ,—потомъ продолжалъ

октавой и протяжно—ск-а-ти-на!“ Надъ Эверсомъ было всего болѣе смѣху. Онъ обыкновенно кланялся съ прискачкой. Когда онъ идетъ мимо нашего класса, мы поклонимся ему, а онъ подскочить и идетъ далѣе. Титовъ въ ту же минуту передразнить его; мы захохочемъ; Эверсъ остановится, и сейчасъ начнетъ допрашивать, нѣтъ ли у насъ какого заговора. На этомъ онъ былъ уже помѣшанъ: ему только и грезились разговоры. Однажды онъ, разсердившись на Зосимскаго и Студитскаго, закричалъ: „обѣ вонъ, обѣ вонъ!“ На шумъ этотъ приходитъ Бѣляевъ; Эверсъ тотчасъ подскочилъ къ нему съ жалобой; а Бѣляевъ говоритъ: „помилуйте, вы такой подняли здѣсь шумъ, что у меня ученики все хохочутъ!“ Эверсъ взбѣсился, ушелъ изъ класса, и не ходилъ недѣли двѣ. Вскорѣ его перевели въ Новгородъ, но и тамъ онъ не ужился, и мѣсяца черезъ два былъ отставленъ. Объ Дружининѣ я уже говорилъ много; но вотъ еще два анекдота о немъ. Однажды онъ задалъ намъ урокъ очень большой къ слѣдующему дню; намъ некогда даже было и списать, и потому на другой день мы пришли въ классъ пораньше, и все вмѣстѣ учили по одной тетради. Между тѣмъ пробило уже 9 часовъ, а Дружинина все еще нѣтъ. Полагая, что онъ уже не будетъ, мы перестали заниматься. Вдругъ въ половинѣ 10 катитъ нашъ Дружининъ пьяной, и тотчасъ спросилъ меня урокъ. Сначала я отвѣчалъ хорошо, но чѣмъ дальше, тѣмъ чаще началъ заглядывать въ тетрадь. Дружининъ замѣтилъ, и сталъ прямо напротивъ меня, разшерашившись и облокотясь на столъ. Я разумѣется не могъ болѣе отвѣчать. Дружининъ обратился къ другому, и тотъ тоже, потомъ къ третьему и т. д. Ни одинъ не зналъ. Дружининъ заходилъ по классу большими шагами, переваливаясь съ боку на бокъ. Это уже предвѣщало бурю. И въ самомъ дѣлѣ, не прошло 5 минутъ, какъ вдругъ Дружининъ остановился и съ какимъ-то остервененіемъ закричалъ: „а дайте-ка я васъ пощупаю изъ Греческаго!“ Мы просили его, чтобы онъ училъ насъ и по Гречески, потому что для этого языка тогда не было еще особеннаго учителя, а между тѣмъ намъ хотѣлось получить чины. Дружининъ схватилъ Демосѣена и заставилъ переводить. Мы переводили худо; онъ сыпалъ всевозможными ругательствами. Наконецъ классъ кончился. Дружининъ раскрылъ журналъ и, взявъ перо въ руки, обратился къ намъ: „а что тово—не прописать ли вамъ сегодня эпитафіи?“ Мы наклонили головы въ столы.—„И, ерши-каналы, зашныряли теперь!“ сказ. Дружининъ, и не записавъ ничего въ журналъ, ушелъ. Другой анекдотъ былъ съ нимъ дома о Пасхѣ. Домашніе караулили уже, чтобы онъ не напился; но Дружининъ обманулъ ихъ, сходилъ тихонько изъ дому, купилъ вина, заперся въ кухнѣ и кутнулъ. Наконецъ ему захотѣлось ѣсть; онъ вытащилъ изъ печки жаркое, досталъ кринку молока, и—неизвѣстно нарочно или ненарочно—вылилъ молоко въ жаркое. Передъ вечеромъ уже домашніе хватились его, отворили кое-какъ кухню и нашли Дружинина уже спящимъ.....

Въ тогдашнее время существовали еще въ Вологдѣ кулачные бои. Этотъ обычай—нѣкогда общій во всѣхъ мѣстахъ Россіи—вѣроятно велъ свое начало еще изъ древности. По преданіямъ извѣстно намъ, какъ бивались бойцы при дворахъ великокняжескихъ; а о бояхъ въ царствованіе Екатерины можно еще слышать отъ очевидцевъ. При мнѣ въ Вологдѣ бывали бои каждый вечеръ зимой. Дрались всегда семинаристы со всѣми прочими сословіями. Главныя мѣста побоищъ были: у Благовѣщенья, на рѣкѣ, и Архангельской улицы и др. а время—послѣ вечеренъ, когда семинаристы выходили изъ классовъ, и когда всѣмъ мастеровымъ свободно; потому что въ сумерки они не работаютъ. Начиналось всегда съ маленькихъ, а потомъ вступались и большіе. Съ обѣихъ сторонъ были нѣкоторые извѣстные бойцы. Вообще семинаристы отличались трусостію, и на каждомъ бою ихъ жестоко били. Я всегда любилъ смотрѣть на эти драки. Однажды случилось, что рекрутамъ кто-то внушилъ мысль подраться съ семинаристами. Передъ вечернями они собрались у обоихъ воротъ Семинаріи и до 8 часовъ вечера не выпустили ни одного семинариста. Въ воротахъ производились единоборства и свалки.

Изъ университетскихъ воспоминаній я пропустилъ еще вотъ что. Былъ у насъ одинъ студентъ—Базилевскій. Онъ кончилъ курсъ въ Вологодской семинаріи и поступилъ въ Духовную Академію; но не доучившись тамъ, опредѣлился въ Синодъ; получилъ чинъ и поступилъ въ Университетъ. Здѣсь онъ мало занимался, но ужасно много ѣлъ. Къ тому же клеймо Семинаріи еще ярко означалось на немъ и дѣлало его посмѣшищемъ студентовъ. Однажды онъ легъ спать въ 7 часовъ и просилъ, чтобы къ ужину его разбудили. Мы, разумѣется, разбудили его тогда уже, какъ столовая была заперта. „Ахъ, чертъ возьми!“ сказалъ Базилевскій и началъ охатъ. Противъ обыкновенія не шелъ уже и спать. Между тѣмъ кровать его поставили на другую кровать; наверхъ положили куклу; по сторонамъ поставили на табуретку 4 свѣчки. Базилевскій былъ очень мнителенъ: онъ никакъ не хотѣлъ лечь на кровать, на которой лежала кукла въ видѣ покойника,—и не спалъ всю ночь, да не далъ и намъ спать. А на другой день заболѣлъ и ушелъ въ лазаретъ. На лекціи, внимательно слушая профессора, онъ подпиралъ голову обѣими руками и такъ скверно вытягивалъ рожу, что нельзя было смотрѣть на него безъ смѣху. Проучившись въ У-тѣ годъ, онъ задумалъ опять выйти на службу,—и чтобы освободиться отъ обязанности служить казнѣ, притворился больнымъ глазами и ушелъ въ лазаретъ. Тамъ онъ пролежалъ мѣсяца 3; славно ѣлъ и пилъ и растолстѣлъ ужасно. Однажды лѣкарь прописывалъ въ лазаретѣ кому-то рецептъ. Базилевскій подошелъ къ нему и глубоко вздохнулъ. Лѣкарь спросилъ: „что съ вами?“ Базилевскій отвѣчалъ: „да что-то скучно!“—„Чтожъ вамъ надобно?“—„Да хоть бы чайку прописали!“ И лѣкарь прописалъ ему чаю. Такимъ образомъ, прочислившись больнымъ нѣсколько мѣсяцевъ, Базилевскій былъ наконецъ уволенъ, и поступилъ на службу въ Сенатъ.

Пробывъ тамъ съ годъ, опять поступилъ въ своекоштные студенты. Шагу себѣ купилъ на толкучкѣ какую-то старинную въ родѣ палаша и завелъ преогромные карманные часы. Мы безпрестанно спрашивали у него: который часъ? Базилевскій уйдетъ всегда въ уголъ, посмотреть на часы, и скажетъ. Ему было уже за 30 лѣтъ, а онъ учился танцовать. Смѣху было довольно. Сначала онъ подниметъ ногу и раскачаетъ, а потомъ уже пойдетъ танцовать; и когда въ срединѣ фигуры остановится, приложить палецъ къ носу, и думать—въ которую ему сторону надобно двигаться. Надъ Лѣсневскимъ, студентомъ Математическаго факультета одного со мною курса, тоже смѣялись часто. Онъ былъ страстный охотникъ играть на флейтѣ и на скрипкѣ. Какъ только отобѣдаемъ мы, Лѣсневскій беретъ за смычекъ и начинаетъ пилить.... Невозможно слушать! Тогда Копосовъ ляжетъ на табуретки и начинаетъ храпѣть такъ ужасно, что надобно уши заткнуть.... Этимъ только и можно было выгнать Лѣсневскаго. Мнѣ какъ-то вздумалось написать стихи, въ которыхъ выставлены были характеристическія черты многихъ студентовъ. Жаль, что эти стихи теперь не сохранились, а на память я худо помню. Вотъ какъ они начинались:

Друзья! есть у меня прекрасное созданье
Хотите посмотрѣть? извольте: вотъ Чертковъ
Въ мундирѣ глупое созданье;
Вотъ и Дубравинъ—черный жукъ,
Блоха Арабская, паукъ;
Вотъ Коншинъ—плутъ подъ сѣдиною,
Вотъ Шведтъ—въ израильскихъ кудряхъ,
Бушмакинъ—съ мѣдной головою;
Баршевскій—съ трубкою, въ очкахъ;
Леонтьевъ—мокрая улитка;
Вотъ Дорогой—живая нитка,
Точъ въ точъ съ цѣпочкой Круазетъ;
Вотъ и Полизо—нашъ поэтъ;
Идеи бѣшенный любовникъ;
Вотъ Ревкуцъ—самъ толстякъ полковникъ;
А вотъ и Копосовъ—барбось;
Вотъ Кеслеръ—страшный математикъ;
Лѣсневскій—формульной лунатикъ;
Вотъ и Ленчевскій—длинный носъ.

И пр. и пр. и пр.

Эти стихи по секрету разошлись между всѣми студентами, и послѣ уже кто-то написалъ къ нимъ прибавленія, впрочемъ довольно глупыя. Къ стати

объ стихахъ. Григорьевъ написалъ пѣсню, которая тоже разошлась по всему У-ту, и мы пѣли ее на всѣхъ сходкахъ. Вотъ она:

Наливайте, наливайте,
Други! пѣннаго вина;
Выпивайте, выпивайте
Чаши полныя до дна.

То-ли дѣло жизнь студента!
Всякой день онъ сытъ и пьянъ,
Безъ бумажнаго патента
Онъ въ попойкѣ капитанъ.

Что чины, богатство, слава,
Пряжки, ленты и кресты?
Это дѣтская забава,
Это дѣтскія мечты.

Звонъ бутылочекъ прелестныхъ,
Полуштофиковъ трезвонъ,
Словно звуки арфъ небесныхъ
Тянетъ душеньку всю вонъ.

Дайте жъ, други, штофъ и рюмку,
Карты, щетки и мѣлокъ,
Да раскуренную трубку
И я—маленькой царекъ.

Ну, послѣднее желанье:
Пусть придетъ къ намъ иногда
Это милое созданье,
Черноокая моя!

Башмачекъ ея красивый
Смѣло приступомъ возьмемъ,
Поцѣлуемъ ножку милой,
И кипучаго нальемъ.

Я скажу вамъ—выпивайте
Въ честь красавицы моей,
Да порою вспоминайте
Дивный блескъ ея очей.

Голосъ этой пѣсни тотъ же самый, какъ и Карамзинской: Братья! рюмки наливайте!

Григорьевъ былъ маленькаго роста, ходилъ всегда согнувшись, а голову вытягивалъ впередъ, и любилъ подъ часъ выпить съ пріятелями. Съ нимъ случалось много анекдотовъ, вотъ одинъ изъ нихъ; это было еще въ старомъ У-тѣ. Мы стояли въ церкви за всеношной и пѣли на крылосѣ. Вдругъ въ половинѣ всеношной является Григорьевъ пьяной. Не видя ничего, онъ идетъ по церкви, и вмѣсто того, чтобы идти на крылосѣ, поворотилъ въ народъ, и воображая, что онъ уже на крылосѣ между студентами, запѣлъ: „Господи помилуй!“ Вотъ анекдотъ о другомъ студентѣ—Страшинскомъ. Онъ получилъ единицу на экзаменѣ у Крылова. Крыловъ въ то время читалъ статистику, и любилъ брать взятки. Страшинскій, взявъ съ собою свой серебрянный сервизъ, отправился къ Крылову, и дожидается его въ залѣ. Какъ только Крыловъ показался изъ дверей кабинета, Страшинскій, поставивъ сервизъ на окошко, подходитъ къ Крылову и проситъ перемѣнить отмѣтку. Крыловъ сначала отказывался, но взглянувъ на сервизъ, согласился и тутъ же изъ единицы сдѣлалъ четыре. Страшинскій благодаритъ его, беретъ съ окошка сервизъ, и уходитъ. Т. обр. Крыловъ и остался въ дуракахъ: отмѣтки перемѣнить было нельзя; потому что вѣдомость была бѣловая, да притомъ этимъ ясно надобно было показать, что онъ надѣялся получить сервизъ.

1838 года 25 Марта въ У-тѣ былъ актъ, первый еще по переводѣ У-та на Васильевскій островъ. Посѣтителей—мужчинъ и дамъ—было тысячъ до трехъ. Билеты были трехъ разборовъ: благороднымъ—розовые, высокоблагороднымъ—голубые, а превосходительнымъ и сіятельнымъ—бѣлые. На актѣ Никитенко читалъ о нынѣшнемъ состояніи теоріи словесности, а Шульгинъ—исторію университета. Послѣ акта всѣ посѣтители вышли въ библіотеку, которая представляла тогда видъ бульвара. Прогулка эта продолжалась около часа. Вскорѣ, не помню только въ какой день, приѣзжалъ Государь, а недѣли черезъ двѣ послѣ него Наслѣдникъ. Государь на лекціи не заходилъ, а Наслѣдникъ зашелъ только минутъ на 10 въ аудиторію къ Устрялову. Довольно было и смѣху по случаю этихъ посѣщеній. Государя ожидали недѣли двѣ. Въ одинъ день онъ ѣхалъ по Исакиевскому мосту и поворотилъ къ У-ту. Часовой тотчасъ далъ знать. Въ У-тѣ поднялась страшная тревога. Мы въ это время сидѣли на лекціи у Порошина. Это былъ третій часъ въ исходѣ. Солдатъ Московскій, который въ это время

былъ въ сборныхъ залахъ и держалъ въ рукѣ звонокъ, съ испугу зазвонилъ. Мы думали, что уже 3 часа и пошли съ лекціи, но намъ закричали: Государь приѣхалъ! и мы вернулись. Рождественскій, профессоръ правъ, сочинитель глупой логики, читалъ въ это время у юристовъ 2-го курса. Онъ дотога перепугался, что вскочилъ съ креселъ, и началъ свою лекцію снова словами: милостивые государи! въ прошедшій разъ мы говорили.... и пр. Экономъ въ это время побѣждалъ зачѣмъ-то наверхъ, но добѣжавъ до середины лѣстницы, присѣлъ и съ глубокимъ вздохомъ сказалъ: „ой, не могу больше“.... Между тѣмъ оказалось, что Государя нѣтъ: онъ проѣхалъ мимо У-та въ Маріинскую больницу. Провѣдавъ это, студенты начали пугать Рождественскаго: вдругъ зашумятъ—идеть, идетъ! и Рождественскій поблѣднѣетъ и вскочитъ съ мѣста. Государь былъ послѣ этого еще чрезъ нѣсколько дней. Кромѣ актовъ, были въ У-тѣ часто собранія по случаю защищенія докторскихъ и магистерскихъ диссертаций; при мнѣ было такихъ защищеній до 30. Всего больше отличился Неволинъ, а Устрялова нашего Плетневъ просто зарѣзалъ.

Когда мы кончили курсъ, студенты трехъ первыхъ курсовъ сдѣлали для насъ праздникъ. Всѣ они сложились по 10 рублей, выбрали мѣсто на берегу озера въ Парголовѣ, накупили вина и приготовили кутежъ. Каждый долженъ былъ приѣзжать туда въ сюртукѣ, въ фуражкѣ, со своей трубкой и табакомъ. Кто имѣлъ свой экипажъ, тотъ ѣхалъ, разумѣется, на своихъ; но большая часть взяли omnibuses. Собралось вдругъ omnibusовъ до 10; на крышѣ передняго стоялъ студентъ Воротниковъ, высокой ростомъ, съ волторной въ рукахъ. Подъѣзжая къ заставѣ, онъ заигралъ. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на эту процессію. На праздникъ было всего человѣкъ до 400: пили, ѣли, дурачились и пр. почти до утра. Съ тѣхъ поръ этотъ праздникъ дѣлается ежегодно.

Ульянинъ рассказывалъ мнѣ, что Крыловъ (баснописецъ) былъ у нихъ на вечерѣ. Это было въ 1836 году. Въ залѣ танцовали. Крыловъ сидѣлъ на стулѣ и смотрѣлъ на танцующихъ; но только задремалъ, повалился на бокъ, подломилъ стулъ, и грянулся на полъ. Плетневъ рассказывалъ, что Карамзинъ, занимаясь исторіею, вставалъ всегда утромъ въ 9 часовъ, и тотчасъ же отправлялся съ женою гулять; въ 10 часовъ пилъ чай и садился заниматься до обѣда. Въ это время онъ уже не принималъ никого. Въ 5 часовъ обѣдалъ и отдыхалъ до 7; съ 7 до 8 занимался; а потомъ выходилъ въ гостинную къ семейству. Въ это время дверь была отворена для всѣхъ. Въ 11-ть часовъ опять уходилъ въ кабинетъ и занимался до 1-часу. Такъ жилъ онъ все время, когда писалъ исторію.

IV.

Псковъ и Лифляндія.

Жизнь во Псковѣ мнѣ сначала очень нравилась. Климатъ прекрасный и очень благоустроенный; при каждомъ почти домѣ садъ, гдѣ на открытомъ воздухѣ растутъ разныхъ сортовъ яблоки, вишни, сливы, крыжевникъ и пр. Городъ древній; кругомъ его стѣны съ башнями; много старинныхъ домовъ, самыя названія улицъ и кварталовъ напоминаютъ о временахъ республиканскихъ. Рѣка быстрая и широкая. Въ городѣ находится дивизионный штабъ и постоянно стоитъ Екатеринославскій гренадерскій полкъ. Гимназія тоже понравилась съ перваго разу. Директоръ показался человѣкомъ очень добрымъ, Инспекторъ—тоже. Оба они приѣхали во Псковъ за нѣсколько дней до меня: одинъ переведенъ былъ изъ Архангельска, а другой изъ Новгорода. Жилъ я вмѣстѣ со Студитскимъ и Барановскимъ. Перваго зналъ уже и прежде, учившись съ нимъ вмѣстѣ съ самаго дѣтства, а втораго зналъ въ У-тѣ: онъ былъ малороссъ, прекраснѣйшій, благороднѣйшій и умный человѣкъ. Прочіе учителя тоже хорошіе люди. Жили мы на Завеличье, т. е. за рѣкой Великой, сперва во флигилѣ, а потомъ въ домѣ Петергофскаго священника. Домъ былъ большой, и потому мы взяли еще къ себѣ Котовича и Молоховца, учителя правовѣденія, только что приѣхавшаго изъ Петербурга. Стало быть всѣ мы были студенты одного У-та, и жили дружно. Знакомыхъ сначала я не имѣлъ никого. Единственное мое развлеченіе составляла бесѣда съ товарищами и Гимназія. Ученики, можно сказать, боготворили меня. Директоръ очень любилъ меня, но Инспектора мы скоро узнали хорошо: это былъ въ превосходной степени дуракъ, подлецъ, и шарлатанъ; однимъ словомъ, нельзя ничего представить себѣ отвратительнѣе этого человѣка. Фамилія его Баронъ Мену.... Гадко даже вспоминать объ этомъ человѣкѣ; лучше плюнуть, и не говорить ни слова. Жаль только было того, что онъ забралъ къ себѣ въ руки директора и игралъ имъ, какъ куклой. Такимъ образомъ вся осень прошла у меня въ томъ, что я ходилъ въ классы и сидѣлъ дома: здѣсь мы разговаривали безпрестанно о подлостяхъ инспектора, и иногда ходили гулять. А наединѣ я занимался Нѣмецкимъ языкомъ. Приблизились святки. Одинъ изъ учениковъ Менгденъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ въ *Гомгофское*—мызу, гдѣ жили его родители, и находящуюся въ 180 верстахъ отъ Пскова. Я разумѣется охотно согласился; потому что по недостатку въ деньгахъ въ П-гъ ѣхать не могъ, а во Псковѣ ничего не ожидалъ кромѣ скуки. За нами присланы были лошади и мы поѣхали въ бричкѣ, потому что снѣгу не было еще ни одной снѣжинки, несмотря на то, что было уже 22 Декабря. Поѣздка была чрезвычайно интересна для меня; потому что я видѣлъ новыя мѣста, новый бытъ и слышалъ новый языкъ Латышей. Жаль только, что время было очень неблагоприятно для прогулокъ; потому что въ первую же ночь выпалъ снѣгъ и покрылъ всѣ картины

однимъ покрываломъ. 24 числа мы приѣхали въ Голгофское. Баронъ и Баронша приняли меня очень радушно, и я зажилъ весело. Баронъ худо говорилъ по русски, а Баронша—прекрасно. Съ перваго дня Рождества начались балы. Къ Менгдену наѣхало множество гостей, и гостили у нихъ два дня. Каждый день мы танцевали. Здѣсь я очень коротко сблизился съ синолинскимъ Барономъ Менгденомъ, двоюроднымъ братомъ того, у котораго гостилъ я, съ отставнымъ кавалергардскимъ генераломъ Каленомъ и съ братомъ его отставнымъ кавалергардскимъ полковникомъ Каленомъ. Они полюбили меня, какъ роднаго. Изъ барышень были: двѣ сестры Левизъ—очень хорошенькія, Тизингаузенъ, и меньшая дочь полковника Калена. Черезъ 2 дня мы всё вмѣстѣ поѣхали въ Синолино, къ двоюродному брату Менгдена, тоже Менгдену. Эта мыза была въ 9 верстахъ отъ Голгофскаго. На дорогѣ случилось очень интересное происшествіе. Впереди всѣхъ на тройкѣ ѣхалъ генералъ Каленъ. За нимъ на парѣ я съ Левизомъ, который самъ и правилъ. За нами на парѣ рысаковъ какая-то старая барышня M-lle Coline. Она хотѣла насъ обогнать и потому приказала гнать во весь духъ. Только сани ея начали равняться съ нашими, какъ передняя лошадь бухнула въ канаву, закрытую снѣгомъ: кучеръ черезъ облучекъ, а барышня головою въ снѣгъ и ноги къверху. Мы тотчасъ остановились и начали вытаскивать ее. Между тѣмъ на сцену эту безпрестанно наѣзжали сзади сани за санями. Хохоту было довольно. Въ Синолинѣ послѣ обѣда начали танцевать. Полковникъ Каленъ заставилъ меня вальсировать съ старшею дочерью; я сначала отказывался; потому что у меня голова кружится; но наконецъ долженъ былъ вальсировать. Все кончилось благополучно. Каленъ подвелъ другую дочь; у меня голова кружилась уже порядочно; но долженъ былъ уступить настоятельной прозбѣ—и вальсировать. И этотъ вальсъ кончился благополучно. Вдругъ генералъ Каленъ подводитъ Тизингаузенъ, тетку хорошенькой Тизингаузенъ; нечего дѣлать; прошелъ и съ ней туръ; голова кружилась страшно; только мы останавливаемся, какъ вдругъ толстой синолинской Баронъ, вальсируя не помню съ кѣмъ-то, хватилъ меня въ спину своей задницей, такъ что я повалился со своей дамой. Разумѣется, все кончилось смѣхомъ,—и Калены безпрестанно твердили мнѣ объ старушкѣ. Изъ Синолина ѣздили мы на мызу къ Цейману, а послѣ къ Тизингаузену. Все время проводили весело; танцевали, катались, пили и ѣли. Возвратясь во Псковъ, я жилъ попрежнему, довольно скучно.

Между тѣмъ я получилъ уроки: у дивизіоннаго генерала Розена—училъ сына, и еще ссыльнаго поляка Адама Гуровскаго, лицо замѣчательное во время Польской Революціи. Уроки эти получилъ вотъ по какому случаю. Передъ Рождествомъ былъ у насъ актъ. Я читалъ сочиненіе—о состояніи Русской литературы во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. Сочиненіе это произвело сильное впечатлѣніе на слушателей. Тотчасъ же старый вице-губернаторъ Деде-

невъ подошелъ ко мнѣ и просилъ быть съ нимъ знакомымъ. Розенъ и Гуровскій просили давать уроки: первый—сыну, а второй себѣ. У Розена старшая дочь Ольга—была очень хорошенькая; впрочемъ я не имѣлъ на нее никакихъ видовъ. Квартира моя въ это время была уже около Покровской башни, недалеко отъ Баторіева пролома, на берегу Великой. У насъ былъ прекрасный садъ.

Кончились экзамены; за мной и за Менгденомъ присланы были лошади—цѣлая четверня съ бричкой. Я былъ въ восторгѣ. Лифляндія чрезвычайно нравилась мнѣ. Поѣздка эта у меня описана; я выбираю изъ прежняго описанія только то, что больше интересно.

Мы отправились 21 Іюня, въ четвергъ, въ 9-мъ часу вечера. Надобно признаться, что я отправлялся въ Лифляндію съ такими же чувствами, съ какими, бывало, отправлялся домой изъ Петербурга. Разнообразіе впечатлѣній,—другая природа, другія лица, другіе обычаи, радушный приѣмъ въ семействѣ, которое считало меня почти своимъ родственникомъ,—вотъ что ожидало меня впереди. Менгденъ, когда мы усѣлись, сказалъ: *браутсѣ*, т. е. поѣзжай,—и мы выѣхали со двора. Съ громомъ катились мы по Псковской мостовой. Студитскій и Барановскій галопировали верхами. (Студитскій держалъ въ это время пару лошадей: одну изъ нихъ онъ купилъ у меня; потому что не задолго до этого я выигралъ лошадь въ лотереѣ; но какъ самъ былъ не охотникъ до лошадей, то и продалъ ему.) Когда выѣхали за городъ, солнце закатилось; воздухъ сдѣлался свѣжѣе: мы остановились у Печерской часовни, въ полторѣ верстѣ отъ заставы. Часовня эта древняя. На стѣнѣ виситъ картина, аршина 2½ въ длину, изображающая осаду Пскова Баторіемъ. Работа лубошная. Больше нѣтъ здѣсь никакихъ украшеній. Мы надѣли шинели, простились со Студ-мъ и Бар-мъ и пустились далѣе. Сумерки располагаютъ всегда къ мечтамъ и откровеннымъ разговорамъ. Каждый изъ насъ началъ припоминать и рассказывать бывшее. Наконецъ Менгденъ—удивительный соня, человѣкъ безъ царя въ головѣ—скоро задремалъ. Тогда я могъ свободно сосредоточиться въ самомъ себѣ. Золотой рогъ луны прорѣзался на горизонтѣ, и навелъ фантастическій свѣтъ на безмолвную окрестность. Впрочемъ равнины Псковскія очень и даже очень не живописны. Дорога прямолинейно тянется по необозримой степи, упираясь концемъ своимъ въ горизонтъ: ѣдешь версту, ѣдешь другую—одна и та же картина, ѣдешь десять верстъ—и нѣтъ никакой перемѣны ни въ очеркахъ, ни въ краскахъ. Рѣдко покажется какойнибудь лѣсокъ, и еще рѣже какаянибудь деревенька. Слухъ идетъ, что на этихъ равнинахъ было множество деревень, да жители ихъ разбѣжались; а отъ чего? неизвѣстно.

Передъ разсвѣтомъ показалась Изборская крѣпость. Она построена на высокой горѣ; архитектура ея такая же, какъ и архитектура стѣнъ и башенъ Пскова. Вся она выстроена изъ известковаго плитняка; стѣны безъ зубцовъ; нѣкоторыя башни

полуразвалились. Мы въѣхали въ деревеньку, состоящую изъ длиннаго ряда плохихъ домишковъ, и расположенную вокругъ подошвы горы, на которой стоитъ крѣпость. Эта-то деревенька и называется заштатнымъ городомъ Изборскомъ. Остановились у дьякона. Покамѣстъ грѣли самоваръ, я выпался въ бричкѣ. Послѣ чаю пошелъ на курганъ, находящійся въ полѣ позади дьяконскаго дома; и срисовалъ отсюда видъ Изборской крѣпости. Осматривать крѣпость было некогда. Впрочемъ дьяконъ разсказалъ, что всѣ лѣстницы въ стѣнахъ развалились, своды подземныхъ ходовъ обрушились,—и слѣд. нечего было и любопытствовать. Кромѣ того, дьяконъ разсказалъ еще, что Ст. Баторій стоялъ подъ Изборскою крѣпостію 7 лѣтъ, что осажденные вынесли наконецъ на башню образъ Божіей Матери, что Она осѣнила Короля и навела на него такой страхъ, что онъ бѣжалъ безъ оглядки, что воеводы Русскіе напали на бѣгущія толпы непріятелей и совершенно разбили ихъ. Бѣдный Баторій! подумалъ я,—глупой дьяконъ такъ бессмысленно пятнаетъ славную память твою!

Выкормивъ лошадей, мы отправились въ путь. Миновавъ заставу или—вѣрнѣе сказать—последній огородъ, мы очутились въ чистомъ полѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги лежитъ множество камней, одинъ подлѣ другаго. На нѣкоторыхъ изъ нихъ укрѣплены небольшіе кресты изъ гранита. Вѣроятно, во время оно тутъ было кладбище. Посрединѣ возвышается бѣлая каменная часовня, съ рѣзными дверьми и съ двумя окошками. Преданіе говоритъ, что она выстроена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ Труворъ. Разумѣется, это вздоръ!

Въ Изборскомъ природа видимо перемѣняется. Свѣжая зелень лѣсовъ пріятно поражаетъ взоръ, утомленный однообразною желтизною песковъ Псковскихъ. Кое-гдѣ вьются рѣчки, и черезъ нихъ живописно переброшены мостики. Погода была прекрасная, лошади бѣжали дружно,—и мы весело доѣхали до *Нейгаузена*.

Нейгаузенъ теперь ничто иное какъ почтовая станція; только характеръ ея совершенно нѣмецкій. Это прежде всего можно замѣтить по столбу, на которомъ написано: von Pskow 75; von Riga 244. Потомъ вы подъѣдете къ большому деревянному дому, выкрашенному синесѣрою краскою. Передъ окнами разсажены цвѣты съ нѣмецкою аккуратностію. По широкой лѣстницѣ, усыпанной бѣлымъ пескомъ, вы войдете въ свѣтлыя сѣни. Здѣсь двѣ двери: въ право или въ лѣво пойдете вы—все равно; потому что весь домъ дѣлится на двѣ совершенно одинаковыя половины. Мы вошли въ правую половину. Кучеръ внесъ за нами корзину съ съѣстными припасами. Обѣдъ кончился живо: дичина и пироги исчезали какъ на огнѣ. Я закурилъ трубку и отправился гулять. Сойдя съ крыльца и миновавъ палисадникъ, я забылъ, что нахожусь на почтовой станціи, и перенесся мысленно въ Швейцарію. Въ самомъ дѣлѣ мѣстоположеніе здѣсь обворожительно. Маленькая рѣчка, раздѣляясь на множество рукавовъ, гремитъ между живописными горами. Орѣшникъ и липы зеленѣютъ по крутымъ берегамъ ея. На одной горѣ,

очень крутой и высокой, торчат развалины замка. Придерживаясь за кусты, я вмѣстѣ съ Менгденомъ взобрался наверхъ. Съ этой стороны, т. е. съ западной, стѣна и обѣ башни сохранились еще довольно хорошо. Во внутренности стѣны сохранились еще остатки узенькихъ лѣстницъ. Внутренность же башенъ не представляетъ ничего замѣчательнаго: все обрушилось, или уже готово обрушиться. Подъ башнями есть какіе-то погреба, но спуститься въ нихъ нельзя. Мысленно только бродилъ я по этимъ темнымъ ямамъ, видѣть и слышать тамъ кое-что, но ... не ручаюсь за истину! Говорятъ, нѣсколько латышей спустились однажды въ одинъ подвалъ по веревочной лѣстницѣ, нашли тамъ много серебряной посуды и другихъ вещей; но правительство запретило дѣлать подобные поиски: потому что искатели этихъ, такъ называемыхъ, кладовъ, роясь подъ стѣнами, разрушаютъ мало по малу древность. Съ сѣверной стороны торчитъ только половина башни, а стѣны нѣтъ и въ поминѣ. На восточной и южной сторонѣ вмѣсто стѣнъ и башенъ лежитъ только огромная куча камней. Мальчишки для забавы скатываютъ ихъ въ низъ. Съ полчаса бродили мы по развалинамъ. Скажутъ: „вотъ прекрасный случай помечтать и написать нѣсколько Байроновскихъ куплетовъ!“ Правда, но здѣсь не было ни луны, ни звѣздъ, а солнце жгло такъ сильно, что у меня разболѣлась голова.... Вотъ и поэзія!

По южному склону горы мы сошли внизъ. Здѣсь рукава рѣчки, переплетаясь между собою, образовали множество острововъ. Липгардтъ—владѣлецъ Нейгаузена—развелъ здѣсь садъ. Утомленные и дорогою, и жаромъ, мы легли подъ тѣнью липы и заснули подъ шумъ рѣчки. Блеяніе овецъ и барановъ разбудило меня. Смотрю, цѣлое стадо этихъ невинныхъ созданій лежитъ крутомъ меня. Вотъ прекрасная картина! Для полноты ея недоставало только пастушки. Я взглянулъ на часы: ровно шесть. Мы поспѣшили на станцію. Лошади давно уже были запряжены, и кучеръ ожидать насъ.

До корчмы Земерстофъ, гдѣ мы располагали ночевать, считается отсюда 22 версты. Мы думали приѣхать туда къ закату солнца. Ыдемъ; лошади бѣгутъ довольно скоро; кучеръ безпрестанно хлопаетъ бичемъ. Погода прекрасная: жаръ опалъ значительно; прохладный вѣтерокъ повѣять съ полуночи. Мы углублялись болѣе и болѣе въ средину Лифляндіи и почти ежеминутно встрѣчали новыя картины. Большія, красивыя горы и густые липовыя лѣса услаждали зрѣніе. Мы часто выходили изъ брички: множество земляники, разсыпанной по пригоркамъ, соблазнить хотъ кого. Наконецъ солнце опустилось уже довольно низко. Вечеръ дохнулъ свѣжо и благовонно. Кучеръ нашъ съ своимъ маленькимъ товарищемъ, мальчишкой лѣтъ 10, который исправлять должность лакея, пѣтъ по-латышски священныя лютеранскія пѣсни. Долго прислушивался я къ этимъ заунывнымъ звукамъ и рѣшилъ, что наши православные гимны гораздо музыкальнѣе. Навстрѣчу попадалось намъ множество Латышей. Лошади ихъ были наряжены въ

рогатые вѣнчики, сплетенные изъ березовыхъ и липовыхъ прутьевъ. Это было для меня ново и смѣшно. Мнѣ объяснили, что Латыши всегда наряжаютъ такъ лошадей своихъ въ канунъ Иванова дня—самого большаго ихъ праздника.

Но вотъ и Земерсгофъ. Мы остановились. Кучеръ вошелъ на крыльцо корчмы, переговорилъ съ какимъ-то высокимъ, усатымъ Латышемъ, покачалъ головой, развелъ руками, и подойдя къ бричкѣ объяснилъ М-ну, что надобно ѣхать еще 15 верстъ до Маріенбурга; потому что здѣсь нѣтъ ни сѣна, ни овса. Мнѣ очень не понравилось такое извѣстіе: я хотѣлъ быть въ Маріенбургѣ не иначе какъ утромъ, чтобы осмотрѣть развалины. Но дѣлать нечего: завернулся въ плащъ и задремалъ.... Просыпаюсь—свѣтло; смотрю на часы: ровно пять. Съ нами крестная сила! неужели все еще не проѣхали этихъ 15 верстъ.—„Куръ верстъ Маріенбургъ?“ спросилъ я кучера. Онъ усмѣхнулся только, и хлопнулъ бичемъ.... Я думалъ, что онъ не понялъ моего Латышскаго языка, и потому разбудилъ М. Но и М-ну кучеръ далъ тотъ же отвѣтъ. Между тѣмъ, покамѣстъ мы соображали и догадывались—что бы это такое значило, передъ глазами нашими развернулась знакомая картина. На правой сторонѣ дороги стояла большая корчма, налѣво вверхъ по склону горы тянулась липовая аллея и на концѣ ея двухъ-этажный каменный домъ. Я тотчасъ узналъ *Зельтингофъ*, мызу генер. Калена, но все еще не хотѣлъ вѣрить глазамъ. Отъ Нейгаузена до Зельтингофа ровно 70 верстъ, и мы проѣхали это пространство не кормя; потому что въ Маріенбургѣ также не нашли сѣна. Я былъ радъ и не радъ такому—можно сказать—Парнасскому иноходству нашихъ лошадей. Радъ потому, что теперь оставалось только 20 верстъ до Голгофски, а не радъ потому, что не видалъ Маріенбурга. На возвратномъ пути я былъ счастливѣе: покамѣстъ перепрягали лошадей, я успѣлъ срисовать видъ Маріенбургской крѣпости. Она расположена на островѣ не широкаго, но длиннаго озера. Стѣны и башни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже повреждены; видъ ихъ такой же, какъ и Псковскихъ. На противоположномъ берегу видна красивая мыза Барона Фитингофа. Но это было отступленіе.—Мы подъѣхали къ корчмѣ Зельтингофской и расположились отдыхать. Теперь можно поговорить на досугѣ о Лифляндскихъ корчмахъ. Это просто длинный одноэтажный домъ, сдѣланный изъ прутьевъ и глины, покрытый или черепицею или соломой. Стѣны снаружи ноздреваты какъ губка. Съ наружной стороны придѣлано нѣчто вродѣ галлерей на столбахъ, съ деревянною крышей: это такъ, для прохлады въ жаркіе дни. Крыльцо придѣлано также снаружи между вторымъ и третьимъ окномъ. Вы войдете прямо въ большую комнату, выстланную известковымъ плитнякомъ и усыпанную пескомъ. Подлѣ передней стѣны, черезъ всю комнату тянется столъ, и по обѣимъ его сторонамъ скамейки. Здѣсь обѣдаютъ проѣзжіе крестьяне. Для нашего брата есть особенная комната, налѣво. Тамъ есть и кровать, и постель: все опрятно и чисто. Семейство корчмара живетъ въ задней половинѣ дома. Въ

задней стѣнѣ большой комнаты вы увидите не дверь, а половину двери,—т. е. одна только нижняя часть ихъ отворяется, а верхней вовсе нѣтъ. Эта половина дверей служить стойкою, за которою сидитъ хозяинъ. Если вамъ хочется пить, подойдите къ стойкѣ и скажите: „доть манъ бутель алёсъ?“ (Дай мнѣ бутылку пива.) Корчмарь скажетъ: „я, я,“—и тотчасъ принесетъ изъ погреба бутылку (такую точно, въ какихъ продается у насъ малага), оботретъ ее фартукомъ, потянетъ за паклю, свернутую веревочкой и вбитую въ горлышко вмѣстѣ съ пробкою, пробка хлопнетъ, и довольный хозяинъ, проговоривъ громко: „лябе алёсъ“, (хорошее пиво) нальетъ стаканъ. Вы выпьете его съ большимъ удовольствіемъ; потому что Лифляндское пиво имѣетъ хорошій вкусъ. Бутылка стоитъ 10 копѣекъ. Крестьянское пиво продается не бутылками, а кружками: оно нѣсколько похуже. Вотъ маленькое понятіе о Лифляндской корчмѣ. Всѣ онѣ строятся на одинъ образецъ. Стало быть это не то, что наши постоянные дворы, гдѣ все гадко и нечисто, а деньги берутъ славно. Между тѣмъ въ корчмѣ за хорошую постель берутъ только 20 коп., за самоваръ тоже 20 к.

Итакъ я сказалъ, что мы приѣхали въ корчму Зельтингофскую. Знакомый Латышъ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ. Мы узнали отъ него, что Калена нѣтъ дома: онъ уѣхалъ въ Синолино. Мы вошли въ комнату, хотѣли было пить чай, но не нашли ни самовара, ни чашекъ. Нечего дѣлать! Я сѣлъ подъ окно. Сегодня Ивановъ день. Передъ окнами корчмы стоитъ кирха. Къ ней толпами собирался народъ: мужчины и женщины садились на лужокъ, въ ожиданіи пастора; а дѣти играли вокругъ нихъ. На головахъ у мужчинъ были маленькія шляпы съ широкими полями; коротенькій камзолъ покрывалъ станъ; изъ подъ него видны были штаны до колѣна, а далѣе чулки, переплетенные тесемками, прикрѣпленными къ башмакамъ. Длинные волосы локонами опущены до плечъ. На шеѣ выпущенъ воротничекъ рубашки. Галстуковъ и бородъ нѣтъ. Головы женщинъ закутаны въ платки, подвязанные у подбородка, а сверху надѣты высокія мужскія шляпы. На плечахъ шерстяная шаль голубаго или бѣлаго цвѣту. Потомъ что-то вродѣ шугая съ пуговицами напередѣ и съ карманами на бокахъ. Нѣкоторые, усѣвшись въ кружокъ, пѣли духовныя пѣсни. Надобно знать, что въ Лифляндіи при каждой кирхѣ есть училище: кистеръ учитъ Латышей Закону Божію и пѣнію.—Покамѣстъ лошади отдыхали, мы долго гуляли по окрестностямъ Зельтингофа. Садъ былъ запертъ, а ключъ не знали у кого спросить. Впрочемъ въ это время (въ послѣднихъ числахъ Іюня) садъ еще не очень интересенъ; потому что фрукты не созрѣли.

Въ 10 часовъ выѣхали мы изъ Зельтингофа. Здѣсь дорога идетъ по горамъ, и потому ѣзда очень затруднительна: надобно безпрестанно выходить изъ экипажа. Зато весело для глазъ! Вотъ наконецъ, поднявшись на одну гору, мы увидѣли вдали широкой садъ и при немъ знакомый домъ; голубой флагъ по-

лоскался въ воздухѣ.... Вотъ и Голгофское! Черезъ полчаса мы были у крыльца. Латыши и Латышки начали сбѣгаться со всѣхъ угловъ мызы, чтобы поздороваться съ своимъ *кунзинзомъ* (молодой баринъ). Они цѣловали руку сперва М., а потомъ мою, и мы говорили каждому: *лябе діенъ* (добрый день). На крыльцѣ встрѣтило насъ очень толстое существо, съ ключами въ рукахъ и въ огромномъ чепцѣ. Послѣ длиннаго нѣмецкаго привѣтствія и тяжелаго книксена, она отрекомендовала себя эконолкою, сказала, что оставлена здѣсь только до нашего приѣзда, и что вмѣстѣ съ нами должна ѣхать къ морю. Мы попросили приготовить обѣдъ. Итакъ надежды мои лопнули! Кучеръ дорогою говорилъ намъ, что новая эконолка—очень миленькая французенка.... а теперь я увидѣлъ, что это просто толстая нѣмка.

Въ ожиданіи обѣда мы жестоко поѣдали въ саду ягоды, а послѣ обѣда гуляли въ лѣсу и катались въ лодчкѣ по маленькой рѣчкѣ, которая протекаетъ здѣсь. Часу въ 6-мъ переодѣлись и поѣхали въ Синолино, въ 9 в. отъ Голгофски, къ Эрнесту Менгдену, двоюродному брату Бориса Менгдена, голгофскаго Барона. Передъ корчмой въ 2 вер. отъ мызы мы встрѣтили всѣхъ синолинскихъ дамъ, съ ними былъ и самъ Баронъ—мужчина вершковъ 10 ростомъ, въ бѣломъ сюртукѣ, съ черными усами, въ огромной шляпѣ,—и генер. Каленъ—также въ бѣломъ сюртукѣ, съ маленькими усами и съ сигарою въ зубахъ. Всѣ они встрѣтили меня очень радостно. Каленъ тотчасъ спросилъ: „ну что, Ник. Ив-чъ, а вальсъ махнете? Я опять подведу къ вамъ старуху: хватайте ее о печку, пусть же помнитъ, старая вѣдьма!“ Цѣлую дорогу, пока шли къ дому, хохотали вспоминая бывшее. Самоваръ уже кипѣлъ на столѣ, когда мы вошли въ столовую. На диванѣ сидѣлъ слѣдой слѣпецъ, въ коричневомъ сюртукѣ, и разговаривалъ съ какой-то старушкой. Синолинскій баронъ отрекомендовалъ ему меня. Слепецъ всталъ съ мѣста, обнялъ меня и поцѣловалъ. Это былъ родной дядя по отцу Бориса Менгдена. Онъ служилъ въ кирасирахъ подъ начальствомъ Потемкина и Суворова, былъ подъ Очаковымъ и Измаиломъ, ослѣпъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, и съ тѣхъ поръ живетъ въ своей мызѣ, недалеко отъ Валька. Вечеръ провелъ я весело. Каленъ по обыкновенію шутилъ безпрестанно. Передъ закатомъ солнца, Баронъ далъ мнѣ прекрасную кобылку, и я прокатился на ней до корчмы и назадъ. Послѣ ужина, часу въ 12, мы возвратились въ Голгофское.

На другой день, уже поздно утромъ, мы снарядились въ дорогу. Я съ М. сѣлъ въ задокъ брички; эконолка помѣстилась впереди, а ея огромная желтая шляпка качалась на шнуркѣ въ срединѣ брички. Прикащикъ поцѣловалъ у насъ руки, сказалъ: „ардіево“, (съ Богомъ)—и мы поѣхали. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на окрестности. Садъ, корчма, латышскія избы пробѣжали мимо брички; передъ глазами открылась равнина и по ней въ отдаленіи тянулась цѣль горъ, увѣнчанныхъ лѣсомъ. Впереди на самомъ краю горизонта сіялъ золотой пѣтухъ

нѣмецкой кирхи. Лѣвѣе вилась черная черта деревъ, оканчивающаяся домомъ. Это *Адлейнгъ*,—мыза Тизингаузенъ. Кое-что шевельнулось въ сердцѣ, кое-что мелькнуло въ головѣ; но мы повернули направо, и картина перемѣнилась. Мы опять должны были подниматься съ горы на гору; то въѣзжать въ орѣховый лѣсокъ, то въѣзжать на берегъ какого-нибудь озера, которыхъ здѣсь очень много. Живописныя мызы (нѣкъ-я изъ нихъ принад. Шереметьеву) развертывались здѣсь и тамъ. Солнце горѣло высоко. Вѣтеръ чуть-чуть вѣялъ съ долины; только одинокій жалкій крикъ, не знаю какой-то птицы, раздавался съ сосѣдняго озера. Латыши говорятъ, что нѣкогда въ этомъ озерѣ потонулъ ямщикъ, заѣхавъ въ потемкахъ въ воду. Душа его превратилась въ птицу, которая съ тѣхъ поръ всегда, завидя проѣзжаго, летитъ за экипажемъ и кричитъ на птичьемъ языкѣ: держи правѣе, чтобы предостеречь неосторожнаго отъ подобной участи. Въ самомъ дѣлѣ, эти птицы летѣли всегда параллельно съ экипажемъ и кричали очень жалобно. Между тѣмъ толстая экономка болтала безъ умолку: пересказала, кажется, все, что случилось съ ней и съ ея родными въ жизни, и все это сопровождала жестами. Я, разумѣется, не слушалъ: потому что худо понималъ по-нѣмецки; а товарищъ мой безъ церемоніи спалъ. Въ 2 часа мы остановились у корчмы *Дегли*. Я закурилъ трубку и пошелъ гулять; но окрестность здѣсь самая прозаическая: плетеный огородъ, два-три крестьянскихъ домика, и за ними небольшой перелѣсокъ. Кругомъ равнина. Я ходилъ взадъ и впередъ по дорогѣ до тѣхъ поръ, пока старая экономка показалась на крыльцѣ и пригласила къ обѣду. Послѣ обѣда сидѣлъ на крыльцѣ и курилъ трубку, наблюдая проѣзжихъ и прохожихъ. Они быстро неслись въ каретахъ: лошади въ пѣнѣ, кучера и лакеи въ пыли; изъ окна выглянетъ какая-нибудь черноглазая головка, моргнетъ раза два и улетитъ.... Другіе тащились съ котомками за спинами, съ палками въ рукахъ. Они подходили къ корчмѣ и ложились въ тѣни на лужокъ. Какая-то слѣпая старуха сидѣла на нижней ступенькѣ крыльца и что-то самымъ жалостнымъ голосомъ распѣвала по-латышски. Меня даже въ тоску бросило.

Въ 5 часовъ мы снова пустились въ путь. Толстая экономка, къ счастію, на этотъ разъ была не такъ говорлива: вѣроятно ее укачало, такъ что цѣлую станцію она дремала, стучая головой о бричку. Дорога шла по горамъ, въ темномъ лѣсу. При каждомъ подъемѣ на гору я выходилъ изъ кареты и отъ нечего дѣлать разговаривалъ съ кучеромъ, который понималъ немного по-русски (изъ Г. насъ везъ другой кучеръ), потому что бывалъ нѣсколько разъ во Псковѣ. Отъ него узналъ я, что лошади наши назывались всѣ русскими именами: Принцесса, Дашка, Ванька и Мишка. Солнце сѣло; кое-гдѣ показались звѣзды; лѣсъ часъ отъ часу рѣдѣлъ и рѣдѣлъ. Въ половинѣ 10 мы подъѣхали къ корчмѣ *Дростенгофъ*. Она стоитъ на высокомъ холмѣ. Передъ ней разстилается маленькое озерко, или—вѣрнѣе сказать—огромный прудъ; на противоположномъ берегу роща; а

изъ-за роши показывается большой домъ. Это мыза Барона Вольфа. Я вышелъ изъ брички. Нѣсколько Латышей, стоявшихъ на крыльцѣ, почтительно сняли шляпы, подошли и поцѣловали у меня руку. Я не зналъ, что это значить: но М., поговоривъ съ ними, объяснилъ мнѣ, что они приняли меня за пастора, потому что я былъ въ длинномъ бекешѣ и съ длинными волосами. Мы вошли въ корчму. Множество Латышей ужинало за длиннымъ столомъ, и передъ каждымъ стояло по кружкѣ пива. Корчмарь встрѣтилъ насъ привѣтствіемъ: *лябъ вакаръ* (добрый вечеръ) и ввелъ въ особенную комнату. Послѣ легкаго ужина, мы улеглись спать; а экономку отправили въ бричку. Но Барону моему не спалось: вечеромъ онъ видѣлъ у одного Латыша пару пистолетовъ и ножъ—несомнѣнные признаки, что это разбойникъ, что ночью перерѣжетъ насъ и пр. и пр. Я долго смѣялся надъ малодушнымъ страхомъ моего ученика, и насилу могъ уговорить его спать.

Утромъ мы встали вмѣстѣ съ солнцемъ, напились кофе и отправились далѣе. Ученикъ мой сообщилъ свои вчерашнія опасенія толстой экономкѣ. Та обрадовалась новому предмету разговора, и рассказала столько ужасовъ, сколько не знала и сама Мадамъ Радклифъ. Отѣхавъ 15 верстъ, мы остановились подлѣ одной небольшой деревеньки, чтобы дать время лошадямъ перевести духъ; потому что теперь до самаго Ронебурга, на разстояніи 3 верстъ, дорога идетъ въ гору по песку. Желая поскорѣе увидѣть развалины Ронебургскаго замка, я закурилъ трубку и пошелъ впередъ пѣшкомъ.

Было 7 часовъ утра. Солнце грѣло порядочно. Самымъ скорымъ шагомъ поднимался я на гору; по обѣимъ сторонамъ дороги тянулся густой лѣсъ. Наконецъ онъ кончился. Я очутился на вершинѣ высокой горы; саженьхъ въ 150 отъ меня, направо отъ дороги, торчали развалины замка, на крутомъ утесѣ. Густой зеленой кустарникъ прикрывалъ основаніе ихъ. Замокъ выстроенъ въ видѣ параллелограмма, съ окнами въ два ряда; крыши, потолковъ, половъ и рамъ нѣтъ; но стѣны цѣлы. Щекатурка уже обвалилась, и потому онѣ кажутся теперь темно-красными; въ пустыхъ окнахъ растетъ высокая трава и маленькія деревья. Весь домъ обнесенъ былъ нѣкогда стѣною съ башнями; теперь же все это развалилось. Въ долину противъ замка стоитъ красиво выстроенная кирха; а недалеко отъ ней корчма, обнесенная липами. Противъ нее 5 или 6 шатровъ и нѣсколько балагановъ. Народу множество; всѣ въ праздничныхъ костюмахъ; говоръ, пѣсни, пляска, музыка.... Это латышская ярмарка. По узенькой тропинкѣ я спустился внизъ. Въ шатрахъ сидятъ мелочные торгаши; въ балаганахъ торгуютъ сукномъ, ситцами, бумажными матеріями. Жидъ играетъ на гусяхъ; маленькой жиденокъ бьетъ въ бубенъ, а сестра его—въ трехъугольникъ. Нѣсколько Латышей и Латышекъ танцуютъ кадрили, нѣсколько похожую на Русскую; старики сидятъ на лугу, любясь на молодежь. Въ сторонѣ Латышки, стоя въ кружкѣ, поютъ однозвучныя свои

пѣсни. Скучны ихъ пѣсни: ни разгулья удалаго, ни сердечныя тоски. Я обошелъ ярмарку, и потомъ по усыпанной пескомъ дорожкѣ поднялся на гору, которая возвышается за корчмой. Эта гора называется Горою Іоанна Грознаго. Она насыпанная. Иванъ Васильевичъ устраивалъ на ней батареи, чтобы стрѣлять по замку. Теперь на ней разведенъ садъ, и сдѣланъ павильонъ. Отсюда я снялъ видъ замка. Между тѣмъ спутники мои подѣхали, и мы расположились завтракать. Послѣ завтрака я осмотрѣлъ гору. Она сзади образуетъ высокую скалу. У подошвы шумитъ маленькая рѣчка. Внизъ можно спускаться по деревяннымъ ступенямъ. Тамъ надъ самою водою есть много пещеръ въ твердомъ песчаномъ грунтѣ скалы. Неизвѣстно, вода рѣчная или рука человѣческая образовала ихъ. Нѣкоторыя пещеры очень живописны. Владѣтель замка и его окрестностей—Баронъ Вольфъ—мало заботится объ отдѣлкѣ своего имѣнія. А между тѣмъ такое мѣстоположеніе, при небольшой помощи со стороны человѣка, могло бы представить удивительные предметы для кисти живописца.

Отъ Ронебурга 20 верстъ до Вендена. Мы ѣхали скорою рысью, и во 2-мъ часу въѣхали въ городъ. Съ перваго взгляда можно уже узнать, что это Нѣмецкій городъ: во всемъ размѣренность, аккуратность, чистота. Небольшіе, но красивенькіе домики держатся въ возможной опрятности. Мы остановились въ трактирѣ. Намъ отвели очень чистенькую комнатку. Пообѣдавъ я отправился осматривать замокъ. Надобно только выйти на крыльцо трактира, пройти черезъ дворъ, и вы очутитесь на дворѣ Графа Сиверса. Отсюда рѣшетчатые ворота проведутъ васъ въ садъ,—и замокъ, какъ баснословный великанъ, предстанетъ предъ вами во всей своей страшной наготѣ. Миленькая, какъ слетѣвшій съ неба херувимъ, лѣтъ 10 дѣвочка сидѣла у дверей одной башни, которой гигантская тѣнь давала ей прохладу, и плела вѣнокъ. Я спросилъ ее: гдѣ смотритель замка? Серебряный голосокъ дѣвочки зазвучалъ по саду и изъ сосѣдней сплетенной изъ прутьевъ будки вылѣзъ старикъ бѣлый, какъ лунь, въ сѣромъ камзолѣ, въ короткихъ штанахъ, чулкахъ и башмакахъ. Я попросилъ его отпереть замокъ. Старикъ вынулъ изъ кармана связку ключей и сказалъ, чтобы мы шли одни; потому что ему трудно таскаться по крутымъ лѣстницамъ. Я поблагодарилъ старика двугривеннымъ и отправился одинъ. Венденскій замокъ менѣе другихъ разрушенъ: лѣстницы и комнаты сохранились, многія даже нисколько не повреждены. Простѣнки въ окнахъ загнуты такъ, что свѣтъ въ комнату входитъ не прямо, а отраженный, и потому во всемъ замкѣ очень мрачно. Зала, гдѣ бывали главныя собранія рыцарей, сохранилась менѣе другихъ; потолокъ цѣлъ, онъ выкрашенъ пунцовой краской и перечерченъ узенькими бѣлыми полосками; полколонны торчатъ изъ одной стѣны. Въ полуразвалившихся простѣнкахъ видны потаенныя лѣстницы. Полы сдѣланы уже недавно новые. Оконъ нѣтъ; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть желѣзныя рѣшетки. Весь домъ представляетъ видъ креста.

Со средней башни видѣнъ весь городъ и въ полуверстѣ отъ него живописная развалина Екатерининской церкви. Стѣна кругомъ замка почти уже развалилась. Дворъ поросъ березникомъ; въ окнахъ трава; а по стѣнамъ мохъ. Кругомъ всего замка садъ Сиверса. Замокъ на горѣ, и обведенъ рвомъ. На возвратномъ пути во Псковъ я видѣлъ Венденскій замокъ въ ясную ночь, при свѣтѣ луны и звѣздъ.

Дорога за Венденомъ очень живописна: она идетъ между горами, изрѣдка перегородить вамъ путь гремучая рѣчка съ красивымъ мостикомъ; или развернется въ сторонѣ густой садъ съ бесѣдками и изъ за него поднимется высокій домъ съ флагомъ и гербомъ. Къ закату солнца мы подѣхали къ корчмѣ *Ореллѣ*, которая стоитъ почти у подошвы очень живописной горы *Германс-Бергъ*; саженяхъ въ 50 отъ ней разстилается озеро. У крыльца прибита доска, съ надписью на Латышскомъ языкѣ: „Корчмаръ Крауль—закадышный другъ всякаго, кто заѣзжаетъ къ нему“. Миленькая Латышка, какихъ не встрѣчалъ я во всю дорогу, встрѣтила насъ на крыльцѣ. Это была жена корчмаря. Пока готовили ужинъ, я сидѣлъ на крыльцѣ и курилъ трубку. Солнце закатилось. Воздухъ былъ прохладенъ и благовоненъ. Озеро курилось прозрачнымъ туманомъ. На небѣ кое-гдѣ мелькнули звѣзды. Корчмаръ, въ короткомъ камзолѣ, босикомъ, пришелъ съ озера съ цѣлою корзиною рыбы. Хорошенькая жена его выбѣжала навстрѣчу, приняла ношу и подлѣ крыльца начала чистить рыбу. Я могъ свободно любоваться ею....

Рано утромъ поднялись мы съ ночлега, и къ позднему обѣду приѣхали въ Паббашъ. Здѣсь ожидало насъ семейство Барона: они живутъ въ Паббашѣ только нѣсколько дней, проѣздомъ къ морю. Баронъ и Баронша приняли насъ съ восторгомъ; цѣлый день поили и кормили на убой. Передъ вечернимъ чаемъ ѣздили въ лодкѣ черезъ озеро, кот-е разстилается за домомъ. Тамъ есть прекрасныя мѣста для купанья. Вечеръ провели въ бесѣдкѣ на берегу озера. Слѣдующій день прошелъ въ прогулкахъ и приготовленіяхъ къ отъѣзду. До моря отсюда 7 верстъ; но на вечерней зарѣ, при сильномъ вѣтрѣ, мы долго слушали громовой шумъ его. На слѣдующій день Баронъ уѣхалъ впередъ, чтобы приготовить все къ нашему приѣзду. Мы отправились послѣ обѣда. Я съ Бароншей помѣстился въ коляску, въ ногахъ у насъ сѣла горничная; а ученикъ мой поѣхалъ верхомъ. Скоро я услышалъ шумъ, похожій на отдаленное паденіе водопада, и чѣмъ дальше ѣхали мы, тѣмъ шумъ этотъ становился яснѣе. Наконецъ явственно уже началъ я различать плескъ волнъ. Дорога повернула влѣво, съ правой стороны тянулись невысокія обнаженные горы, и слышно было, что въ нихъ-то и плещетъ море. Я часто приподнимался, но не могъ ничего видѣть. Вотъ мы вѣхали наконецъ въ лѣсъ; черезъ $\frac{1}{4}$ часа онъ кончился; передъ глазами раскрылся садъ и въ концѣ его красивый деревянный домъ. Три дамы—мачиха Баронши (Гагельстремъ) и двѣ сестры барона—встрѣтили насъ на крыльцѣ. Баронъ, отрекомендовавъ меня своимъ родственникамъ, свелъ меня въ назначенную мнѣ комнату. Я только оки-

нулъ ее глазами и бросился къ морю. Поднялся на гору, которая возвышается за домомъ, и передъ глазами развернулась безграничная серебряная равнина; съ нее вѣяло чѣмъ-то чистымъ, но чрезвычайно питательнымъ. Я раскрылъ ротъ и полною грудью старался дышать этимъ воздухомъ. Ухъ, какое раздолье! Послѣ чаю я сѣлъ съ М. въ лодку къ двумъ рыбакамъ и поѣхалъ въ море. Отѣхавъ отъ берегу версты полторы, рыбаки начали выбрасывать сѣтъ. Сперва отпустили вѣху, а потомъ начали выпускать сѣтъ саженой въ 200 для камбалы. Кончивъ это, мы возвратились къ берегу, а сѣтъ осталась въ морѣ до утра. Весь вечеръ прошелъ въ осмотрѣ окрестностей и въ знакомствѣ съ новыми лицами.

Мѣстоположеніе представляло всѣ удобства для жизни свободной. Морской берегъ имѣетъ сначала видъ отмели, саженой въ 15 или 20; а потомъ поднимается круто горою, саженой на 20; на вершинѣ этой горы, или—лучше сказать—валу (потому что онъ растягивается почти на версту, а въ ширину саженой 5, не болѣе) растетъ сосновый лѣсъ; съ противоположной стороны этотъ валъ довольно отлогъ и вышиною не болѣе 5 или 6 сажень; отъ него саженьяхъ въ 10 стоитъ домъ; въ промежуткѣ же между домомъ и валомъ находится кухня и еще кой-какія маленькія постройки. Съ противоположной стороны дома находится цвѣтникъ и садъ, который по обѣ стороны граничитъ съ лѣсомъ. Лѣсомъ мимо саду идетъ дорога; подъѣздъ къ дому черезъ садъ; на дорогѣ саженьяхъ въ 25 отъ дому—корчма; при ней и баронская конюшня; налѣво отъ главнаго дома, на площадкахъ лѣса, довольно рѣдкаго и очень чистаго, находится нѣсколько маленькихъ домиковъ, занятыхъ разными семействами, съѣхавшимися къ морю. Въ одномъ изъ нихъ жила Гегельштремъ, мачиха Баронши, а въ другомъ сестры барона. Комната у меня была совершенно отдѣльная, лицомъ къ валу; черезъ сѣни отъ нея другая, такая же, которую послѣ заняли Каленъ и Э. Менгденъ, синолинскій Баронъ. Они приѣхали черезъ недѣлю послѣ насъ. Послѣ еще приѣхали Остафъ Бергъ и Робертъ Менгденъ, тоже родственникъ Барона, старые холостяки.

Жизнь моя была однообразная, но очень веселая, однимъ словомъ, въ моемъ духѣ. Утромъ, иногда часу въ 3-мъ, рыбакъ Янъ будилъ меня, и мы отправлялись съ нимъ къ морю, гдѣ ожидалъ насъ другой рыбакъ въ лодкѣ. Мы отправлялись доставать сѣти, закидываемыя съ вечера для камбалъ. Отѣдешь версты полторы отъ берега. Море какъ зеркало. Изъ за лѣса показывается солнце; тишина мертвая: съ берегу не долетаетъ ни одинъ звукъ. Сѣть вытягиваютъ довольно долго: камбалы запутываются въ ней какъ птички. Ихъ всегда считаютъ канами. Въ канѣ 30 штукъ. На эту ловлю я ѣздилъ только въ самую тихую погоду. Въ 7 часовъ весь домъ просыпался; дамы отправлялись по звонку купаться. Въ 8 часовъ другой звонокъ. Мы, набросивъ только на плечи халаты, отправлялись къ морю. На отмели была выстроена будка, тамъ мы сбрасывали халаты и

рубашки и отправлялись въ воду. Раздолье! отъ берега можно было отходить шаговъ на 400. Дно и береговая отмель состоятъ изъ самага мелкаго песку—точно толченой сахаръ—только желтой. На купанье выходило насъ всегда почти чело-вѣкъ 15. Крикъ, шумъ, смѣхъ. Флегма Робертъ Менгденъ, котораго всѣ назы-вали Der Alter, смѣшилъ насъ часто до слезъ. Чистота воды морской удиви-тельна: съ лодки на глубинѣ 2 сажень можно сосчитать каждую песчинку; у берега ходятъ милліонами какія-то маленькія рыбки, которыхъ здѣсь называютъ иголками. Ихъ ловятъ иногда мелкою сѣтью, а иногда маленькія дѣти рубахами. Всѣ камешки и на днѣ и на берегу имѣютъ округленную форму; потому что качка моря тихонько перекачиваетъ ихъ по дну. Послѣ купанья мы возвращались въ комнаты и отдыхали нѣсколько минутъ, потому что чувствуешь всегда большую усталость. Послѣ легко одѣвались и гуляли по саду въ тѣни аллеи. Я иногда садился въ уединенной бесѣдкѣ и читалъ Шиллера. Часу въ 11-мъ мы завтра-кали; а въ 12 часовъ отправлялись купаться. Послѣ купанья зарывались въ песокъ и лежали так. обр. нѣсколько минутъ. Иногда же ѣздили купаться на двухъ-парусномъ яликѣ. Обѣдали часа въ два, иногда въ комнатѣ, а иногда въ сплетенной изъ хмѣлю галлерей, которая примыкала къ столовой. Послѣ обѣда я ложился спать; а часу въ 5-мъ опять купались. Чай пили часу въ 7, и послѣ иногда гуляли по саду и по лѣсу, а иногда съ М. я ѣздилъ кататься верхомъ. Въ 2-хъ верстахъ отъ насъ на берегу стояли лагеремъ Рижскіе кантонисты; въ 1½ верстѣ отъ нихъ была мыза Neubadt, куда съѣзжалось множество нѣмцовъ и поляковъ. Тамъ былъ хорошій трактиръ, гдѣ всѣ и мужчины и дамы обѣдали. Оркестръ музыки каждый вечеръ игралъ въ рощѣ. Молодежь на лугу играла въ воланъ. Было много хорошихъ. Послѣ заката солнца я любилъ гулять по берегу и слушать шумъ моря.

Но самыя лучшія купанья въ сильный вѣтеръ, когда волны гонятъ на берегъ. Ежели море расшумится съ вечера, то ночью трудно заснуть: точно пушечная пальба на берегу. Подойдешь къ берегу: море представляется снѣжною равниною, немного приподнявшеюся отъ земли; потому что видны однѣ только вершины валовъ. Но нельзя вѣрить этой обманчивой бѣлизнѣ и глади: подъ нею скрыты милліоны челюстей, и каждая реветъ какъ голодный тигръ. Стоишь отъ воды аршина на 3; раздается громъ, и бѣлый разливъ волны съ шипѣніемъ змѣинымъ подбѣгаетъ къ ногамъ. Невольно отскочишь назадъ. Но нечего долго думать: надобно идти въ воду. Отважнѣйшіе бросаются впередъ на битву съ волнами. Когда пройдешь шаговъ 30, тогда только поймешь немного—что такое взволно-ванное море? Теперь стоишь уже не въ золотистой, холодной и прозрачной влагѣ; но въ какой-то жидкой и зеленоватой грязи. Глубина до колѣна; но это на одно только мгновеніе.... Надъ головою повисла водная скала, обрушилась, оглушила страшнымъ громомъ, отбросила назадъ шаговъ на 5, и снова стоишь въ водѣ по

колѣни. А между тѣмъ съ обѣихъ сторонъ ревутъ и валятся водопады, разверзаются хляби, и видишь, какъ товарищи то исчезаютъ, то снова показываются. Иной, глядя съ горы, подумаетъ, что тутъ тонуть. Нѣмцы обыкновенно встрѣчаютъ волны спиной: упрутся ногами въ землю, закроютъ уши и носъ руками; волна затопитъ ихъ, они стоятъ; волна убѣжитъ, они повертываются, сдѣлаютъ шагъ впередъ, и снова въ прежнемъ видѣ сунутся подъ другую волну. Но я дѣлалъ не такъ. Я стану къ волнамъ лицомъ, сложу руки крестомъ на груди, понурю немного голову, и крѣпко упрусь правою ногою; волна обрушится, зареветъ какъ звѣрь и шатнетъ немного назадъ; но я опять впередъ и опять также встрѣчаю слѣдующую волну. Въ этой непрерывной борьбѣ съ волнами и состоитъ все купанье. Минутъ черезъ 15 устанешь, будешь задыхаться. Но назадъ выйти легко: стоитъ только повернуться лицомъ къ берегу, и волны погонятъ тебя рысью. Послѣ такого бѣшенаго купанья за завтракомъ съѣшь столько же, сколько и за обѣдомъ. Въ такую погоду, когда волны гонятъ на берегъ, рыбаки обыкновенно ловятъ лососей. Человѣкъ 12 гребцовъ садутъ въ большую лодку, отправляются навстрѣчу гребцамъ и начинаютъ выпускать веревку, конецъ которой на берегу привязанъ къ столбу. Веревка тянется саженой 50, потомъ начинается сѣть, длиною саженой въ 300. Когда выпустятъ половину сѣти, тогда поворачиваютъ къ берегу. На берегу стоитъ человѣкъ 15 народу. Они берутся за оба конца веревки и вмѣстѣ съ рыбаками тянутъ сѣть. Это продолжается часа два. Латышки поютъ пѣсни. Когда всю сѣть вытянутъ и вынутъ рыбу, тогда дѣвки схватятъ когонибудь изъ молодыхъ ребятъ и бросаютъ его въ воду. Если парень довольно силенъ, то дѣвки цѣлыми кучами сыплются въ море. Крикъ, визгъ и хохотъ.

Иногда, въ тихіе вечера, мы ѣздили съ дамами кататься въ яликъ и наслаждались великолѣпнымъ зрѣлищемъ заката солнечнаго. Нельзя было не вспомнить Бенедиктова:

Изъ за облачнаго края
Солнце, будто покидая
Пелены и колыбель,
Къ морю сладостно склонилось
И младенцемъ погрузилось
Въ необъятную купель.

Въ ту самую минуту какъ солнце юркнетъ въ море, съ крѣпости Динаминда, которая находилась отсюда верстахъ въ 20, раздавался пушечный выстрѣлъ и гудѣлъ по морю. Чудесно!

Надобно упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ. Въ первый вечеръ приѣзда къ морю я подмѣтилъ одну горнишную Б. Гагельстремъ. Она была Латышка, но хорошо говорила по-нѣмецки и была очень хороша собой. Я объяснился съ

нею. Она была добра ко мнѣ, и мы проводили вечера, а часто и ночи весело. Она была строга ко всѣмъ, кромѣ меня. Ее звали Ленорхенъ. Денегъ она не брала, и я никакъ не могъ ничего подарить ей. Она любила меня очень. Самъ же Б. Менгденъ, Каленъ и Бергъ старались какъ-нибудь поймать меня съ нею; потому что сами искали ея благосклонности. Много бывало очень забавныхъ сценъ. Ленорхенъ любила меня и провожая даже плакала.

Вообще Лифляндія произвела на меня такое впечатлѣніе, какого я никогда не испытывалъ еще. Природа очаровательная. Люди ласковы до *non plus ultra*. Одинъ только недостатокъ довольно рѣзокъ въ нихъ: страсть говорить о своихъ предкахъ. Положимъ, что предки ихъ были великіе люди—да они-то сами гуси, и больше ничего. Напр. родъ Менгденовъ получилъ баронство отъ Христины, дочери Густава Адольфа, и былъ одинъ изъ доблестныхъ родовъ въ Лифляндіи; но нынѣшній М. нигдѣ не служивалъ, ничего не дѣлалъ.

Во Псковъ возвратился я безъ особенныхъ приключеній, по знакомой уже дорогѣ. Жилъ попрежнему, у Покровской башни вмѣстѣ съ Б. С. и М-мъ. Директоръ попрежнему глупилъ, а инспекторъ подличалъ. Чаше всего я ходилъ къ Девеле и къ Ф. Познакомился также съ Черепниной и съ Залѣскимъ. Черепнина жила во флигелѣ; а домъ ея занималъ Ген. Беклешовъ. У него воспитывалась вмѣсто дочери Ушкова, кот-я волочилась за мной. Когда придешь къ Черепниной, Ушкова всегда ужъ прибѣжитъ туда. Но я не волочился за ней, а просто иногда дурачился. Разъ она гадала обо мнѣ и записывала по фр. всѣ отвѣты, какіе выходили обо мнѣ. Послѣ она подарила мнѣ эту бумажку, кот-я хранится у меня и теперь.

У Ф. я познакомился съ К. Я. Она была полька, только что выпущенная изъ Павловскаго Института. Личико недурное, сама довольно ловкая,—и этого уже довольно было, для того чтобы въ сердцѣ моемъ расшевелить неутомоннаго бѣса. Я былъ тогда похожъ на голодную собаку, которая бросается на все.... Странное чувство! Безъ любви у меня нѣтъ и жизни: мнѣ непременно надобно думать о комънибудь; за недостаткомъ чегонибудь хорошаго, я готовъ находить прелестныя черты въ какой угодно нищей старухѣ.... Положимъ, что эта неутомонная жажда любви есть признакъ поэтическаго настроенія души; но всетаки она во мнѣ, кажется, ужъ чересчуръ велика.....

Итакъ дѣло скоро сладилося. Мы вполнѣ уже понимали другъ друга, хотя ни слова еще не говорили о любви. Только Б-ій зналъ о моихъ чувствахъ и, разумѣется, смотрѣлъ на нихъ, какъ на простое волокитство. Наступили святки. Я бывалъ у Ф. почти каждый день. Однажды мы вздумали маскироваться: Ф. съ женой и К. Я., Маньковскій съ женой и своячиной и я. Костюмы готовились у Ф. Вечеромъ я, не помню, что-то помогалъ шить К. Я. и сидѣлъ противъ нея. Мадамъ Ф. вышла готовить чай, Ф. тоже вывернулся. Я взялъ руку К. Я. и

поцѣловаль. Она нѣжно посмотрѣла на меня. Съ тѣхъ поръ рукопожатіе и поцѣлуи руки были дѣломъ обыкновеннымъ вездѣ, гдѣ только встрѣчались мы наединѣ. Маскированные мы провели весь вечеръ у Девеле. Я танцоваль съ К. Я. цѣлый вечеръ, цѣловаль ее въ плеча, которыя были роскошно обнажены. Ф. жестоко надулись на меня. Вскорѣ Ф. пришелъ къ намъ вечеромъ, тонко намекалъ о К. Я.; а я будто не понималъ. Часу въ 10 я пошелъ его провожать. Дорогой онъ объяснился со мною откровенно. Я, разумѣется оправдался, и тѣмъ дѣло кончилось. На другой день я былъ у Маньковскихъ, К. Я. была тамъ одна. Танцовали до глубокой ночи. Часу въ первомъ К. Я. отправилась домой съ провожатой. Я за ней. Провожатую мы отправили домой, а сами пошли одни. Дорогой К. Я. рассказала мнѣ, какъ Ф. сердятся на нее и бранять меня. Дойдя до крыльца, мы остановились и долго еще разговаривали. Наконецъ надобно было проститься. Я крѣпко поцѣловаль у ней руку; а она, поцѣловавъ меня въ щеку, сказала: „прощай, душа!“ Послѣ этого я уже смѣло поцѣловаль ее въ губы разъ, два, три и т. д. Это были первые поцѣлуи. Ф. на другой же день и узнали, что я провожалъ К. Я. Но я мало заботился объ нихъ... Она дала мнѣ разныя бездѣлушки и между прочимъ записку, въ которой назначила свиданіе въ костелѣ. Чертъ меня прорвалъ написать ей отвѣтъ. А она какъ-то неосторожно подала подозрѣнія Ф., и Мадамъ Ф. прочитала мою записку. Вдругъ вечеромъ Ф. приѣзжаетъ за мной и увозитъ къ себѣ. Вхожу въ гостинную; Ф. вышелъ, и входитъ его жена.—„Милостивый государь! такъ-то вы платите за наше къ вамъ расположеніе“, и пр. и пр. и пр. Однимъ словомъ наговорила мнѣ все то, что можетъ насказать взбѣсившаяся баба. Я былъ довольно глупъ, и—главное—нисколько не приготовленъ къ подобному объясненію: отговаривался, сколько могъ; но дѣло было ясно—собственноручная записка.... Чертъ побери всѣ записки! Въ жару нашего объясненія двери отворяются, и К. Я.—блѣдная, заплаканная—входитъ въ комнату и начинаетъ упрашивать Мадамъ Ф. Разумѣется, ее сейчасъ же вывели. Все объясненіе кончилось тѣмъ, что мы примирились, по крайней мѣрѣ на словахъ. На другой день я пришелъ. К. Я. проситъ настоятельно возвратить всѣ ея вещи. Это взбѣсило меня. Я возвратилъ. К. Я. опять начала ухаживать за мной: опять клятвы, опять поцѣлуи въ темномъ корридорѣ.... Чудное созданіе! Однажды—это было уже въ Майѣ—мы вышли съ ней вмѣстѣ изъ костела. Долго говорили о старомъ. Она сказала: „ахъ, Н. И., зачѣмъ я узнала васъ?“ Я отвѣчалъ: „вы сами разсердили меня. Я васъ любилъ, а вы подчинились Мадамъ Ф.“ Разумѣется, это сказано было глупо: изъ нашей любви не могло быть ничего хорошаго. Я никогда бы не женился на ней.

Передъ Пасхой еще я получилъ письмо отъ Дея. Онъ извѣщалъ меня, что попечитель получилъ письмо отъ моего папеньки, который проситъ перевести меня въ Вологду; но Князь не имѣетъ въ виду моего согласія, и потому оста-

навливается переводомъ. Я тотчасъ отвѣчалъ, что согласенъ. Черезъ недѣлю пришла бумага о моемъ переводѣ, съ тѣмъ чтобы я отправился не прежде окончанія экзаменовъ. Я переводился на мѣсто Навашина. Н. съ конца 37 года началъ впадать въ меланхолію, а наконецъ въ 39-мъ году ясно уже увидѣли, что онъ сошелъ съ ума. Его взяли въ гимназическій лазаретъ; но толку было мало. Наконецъ въ началѣ 40 года надобно было донести начальству, что Н. боленъ неизлѣчимо. Ему выдали не въ зачетъ годовой окладъ; братъ изъ Саратова прислалъ за нимъ человѣка; Н. уѣхалъ къ роднымъ, и вскорѣ въ припадкѣ сумасшествія потонулъ въ колодезь. Причины его болѣзни неизвѣстны. Я одинъ больше всѣхъ понимаю ихъ. Меланхлическое расположеніе у него было врожденное: отецъ его до сихъ поръ почти сумасшедшій. Изъ отрывковъ дневника Н., который здѣсь уже попался мнѣ, видно, что онъ страдалъ о..... Эта болѣзнь при меланхлическомъ характерѣ—самый сильный ядъ. Кромѣ того, онъ не нашелъ въ В. ни одной души, способной понять его. Все это свело его въ могилу.... Прекрасный былъ человѣкъ! не для Вологды создаются такіа души.....

Послѣднее время я провелъ не скучно: часто бывалъ у знакомыхъ и гулялъ по городу. Псковъ стоитъ того, чтобы помечтать на развалинахъ его. Подъ всѣмъ городомъ подземелья. Что шагъ, то и памятникъ.. Евгеній, покойный митрополитъ Кіевскій, бывши архіепископомъ П-мъ, написалъ въ 4-хъ томахъ Исторію Княж. Псковскаго. Изъ этой Исторіи самый лучшій эпизодъ осада Баторія. Я написалъ его въ прозѣ для одного ученика къ акту, и напечаталъ въ П-ой газетѣ. Есть еще Исторія Ильина, ее очень хвалятъ; но мнѣ не случалось читать. Мощи Гавріила Псковскаго лежатъ въ соборѣ; подъ ними виситъ мечъ его, преогромный, съ надписью: *honorem meum nemini dato*. Подлѣ собору стоялъ домъ, принадлежавшій нѣкогда Тиунамъ; но онъ лѣтомъ, въ 1839 году, упалъ. Вѣчевая церковь, теперь Никольская, до сихъ поръ цѣла, только передѣлана; въ ней служатъ. На возвышеніи, гдѣ былъ домъ посадниковъ, теперь домъ губернатора; а вѣчевая площадь занята губернаторскимъ садомъ. Во Псковѣ живетъ жена партизана Фигнера, урожденная Бибикова. Она лѣтъ 50; недурна собой, и очень веселая; но мнѣ не случалось отъ ней ничего слышать объ ея мужѣ. Недалеко отъ Гимназіи, на такъ называемой *большой* улицѣ, стоитъ часовня *Красный крестъ*. Преданіе говоритъ, что когда поляки С. Баторія ворвались въ проломъ, то на этомъ самомъ мѣстѣ они были отражены и погнаны назадъ. Тутъ, говорятъ, нашли церковный окровавленный крестъ. Вѣроятно какой-нибудь священникъ выходилъ съ нимъ; но былъ убитъ. Два квартала, отъ этой часовни до пролома, и до сихъ поръ называются *Полонищемъ*. Проломъ начинается отъ самой Свинусской башни и продолжается саженой на 30, къ Покровской башнѣ. Онъ былъ заложенъ кирпичемъ, но наскоро, и потому теперь кирпичъ развалился, такъ что зимой тутъ ѣздятъ. Недалеко отъ пролома находится церковь во

имя Рождества Богородицы, сооруженная въ память отраженія приступа (8 Сен. 1592). Покровская башня самая большая, находится на берегу Великой. У ней оканчивается городской ровъ. Весною снѣгъ, растаявъ во рву, стремится съ крупнаго берегу въ рѣку водопадомъ. Жители говорятъ, что *Покровскій быкъ заревѣлъ*, и замѣчаютъ, что рѣка вскрывается послѣ этого черезъ 12 дней. Замѣчательно еще ежегодное наводненіе р. Псковы. Она впадаетъ въ Великую въ самомъ городѣ. Оба берега ея саженой на 20 отлоги, а потомъ круто поднимаются высокими скалами. На отлогости стоятъ дома въ одинъ рядъ. Когда Великая вскрывается, жители этихъ домовъ начинаютъ перебираться въ верхніе этажи; потому что вода въ Псковѣ вдругъ, въ продолженіи двухъ или 3 часовъ, поднимается сажени на 3 и на 4,—и потомъ опять также скоро упадаетъ. Церквей во Псковѣ около 70, и всѣ онѣ, за исключеніемъ очень немногихъ новыхъ, чрезвычайно малы; вмѣсто колоколенъ надъ папертями выстроены низенькія стѣнки съ двумя или тремя окнами, гдѣ висятъ колокола; звонятъ съ земли.

Въ концѣ 39 и въ началѣ 40 года около Пскова развелась огромная шайка разбойниковъ подъ начальствомъ какого-то Авдоша. По дорогамъ былъ грабежъ страшный; даже въ самомъ городѣ небезопасно было ходить по вечерамъ. Разбойники среди бѣлаго дня напали на село Окунево, въ 10 в. отъ города; схватили прикащика и жгли его, допытываясь, чтобы онъ сказалъ, гдѣ у господъ деньги. Дня черезъ 3 они напали тоже днемъ на село Ген. Кульнева (роднаго брата знаменитаго Кульнева) и произвели тѣ же злодѣйства. Наконецъ въ Майѣ и Іюнѣ они были всѣ переловлены, и даже самъ атаманъ. Въ городъ безпрестанно привозили ихъ по нѣскольку человѣкъ, въ цѣпяхъ.

Экзамены по обыкновенію кончились рано, кажется около 18 Іюня. Я попросилъ, чтобы подорожную дали черезъ Москву, для того чтобы имѣть случай прокатиться и для того чтобы захватить за Засѣтскимъ, однимъ изъ моихъ товарищей, вологжаниномъ, который служилъ въ Новоржевѣ. Вмѣсто прогоновъ я получилъ *на подѣмъ*. Въ день отъѣзда я обѣдалъ у Черепниной вмѣстѣ съ Залѣсскими, кот-е отправлялись въ Торопецъ. До Новоржева мы условились ѣхать вмѣстѣ. Передъ вечернями мы отправились въ путь. Залѣсскіе ѣхали въ каретѣ, я въ почтовой кибиткѣ. Меня провожали Крюковичъ, Іорданъ, Газенкампъ, Барановскій. За Залѣсскими ѣхало семейство Черепниныхъ. До первой станціи 5 в., потому что шоссе изъ П. въ Варшаву идетъ въ 5 вер. отъ города. Домчались мигомъ. Первое привѣтствіе—нѣтъ лошадей. Мы отправились въ трактиръ. Покутили часа 2. Но дѣлать нечего: надобно было ѣхать одному; потому что на слѣдующихъ станціяхъ предвидѣлись тѣ же неудобства. Я взялъ лошадей; простился съ любезнымъ Б. и со всѣми другими и—маршъ. Дорогой обогналъ нѣсколькихъ гимназистовъ; поговорилъ съ ними минутъ 5. На слѣдующей станціи нашелъ своего ученика Симанскаго, который тащился въ Островъ на долгихъ. Я взялъ

его съ собой, и къ заката солнца примчалъ въ городъ. Здѣсь, у Симанскихъ, остановился ночевать. Они такіе тонны.... Скучно! На слѣдующее утро опять увидѣлся съ Залѣсскими. Они поѣхали впередъ. Я выѣхалъ въ полдень, дорогой провелъ часа 2 въ деревнѣ у Васильева и у Брынкина, и ночью приѣхалъ въ Новоржевъ. Засѣтскій былъ еще не готовъ и я ждалъ его полтора дня. Жилъ все у Берга, который былъ очень благодаренъ мнѣ за милости, нѣкогда оказанныя его сыну. Какой радушный пріемъ! Выѣхали мы въ полдень. Насъ проводили торжественно съ бутылками и пальбою. Отѣхавъ верстъ 8 остановились у Карамышева, предводителя Нов-го дворянства, въ Коньковѣ. Обѣдали, пили шампанское и отправились далѣе. На слѣдующей станціи случилось маленькое приключеніе. Ямщикъ везъ тихо; а между тѣмъ собирался дождь. Я нѣсколько разъ понукалъ ямщика, но онъ не слушался. Я не расположенъ былъ сердиться, и потому, завернувшись въ шинель, спокойно приготовился встрѣчать дождь. Темно ужасно, дождь крапаетъ. Вдругъ ямщикъ закричалъ: „стой, братъ Ванюха! давай перепрягаться!“ Смотрю, передъ нами тихо тащится карета, запряженная 6 лошадьми. Это меня взорвало. Я далъ хорошихъ раза 3 по спинѣ ямщику и закричалъ: „пошелъ“.... Изъ кареты выставился чепчикъ и вскрикнулъ: ай! Ямщикъ послушался. Я пострадалъ его, что на станціи запишу въ книгу. Отѣхавъ съ версту, онъ сошелъ съ козелъ, легъ на траву и завздыхалъ: „вы прибили меня, я не могу ѣхать“.... Этимъ маневромъ онъ хотѣлъ взбѣсить меня, чтобы я порядочно поколотилъ его, и тогда не имѣлъ бы уже права жаловаться. Но я смекнулъ—чего хочетъ онъ, и спокойно ждалъ чѣмъ кончится исторія. Видя, что хитрость не удалась, ямщикъ сѣлъ на козлы и погналъ лошадей. Приѣхали на станцію. Я взялъ листъ бумаги, написалъ письмо къ губернатору, который долженъ былъ проѣзжать здѣсь дня черезъ два, отдалъ письмо смотрителю и сказ., чтобы онъ доставилъ по адресу. Это встревожило ямщиковъ. Схожу съ крыльца, староста просить меня: „ваше высокоблагородіе! прикажите перепречься, если встрѣтится почта: ей-Богу, нѣтъ лошадей“.... Вотъ Русской народъ! Безъ палки ничего не сдѣлаешь.

До Великихъ Лукъ ѣхали безъ особенныхъ приключеній. Станціи прекрасныя: лошадей вездѣ почти по 50 троекъ; на каждой станціи трактиръ, что угодно найдешь, какъ въ городѣ. Въ В. Луки приѣхали въ позднія обѣдни, и отдыхали до вечеренъ. Въ вечерни я пошелъ къ смотрителю училища—Кузьмину, бывшему моему предшественнику въ П. Гимназіи. Онъ принялъ меня радушно. Просидѣлъ часа два. Вечеромъ выѣхали изъ В. Лукъ. На другой день приѣхали въ жидовскій городъ Велижъ: куда ни посмотришь, все жида. Это явленіе было ново для меня. И передъ городомъ и за городомъ обѣ станціи жидовскія. Въ Порѣчьѣ только перемѣнили лошадей. Городъ извѣстный мнѣ по 12 году. Въ Смоленскъ въѣхали утромъ. Погода была прекрасная. Издали весь городъ представляется

пирамидой: онъ расположенъ на горѣ, на берегу Днѣпра; зданія каменные, прекрасныя; все это перемѣшано съ густой зеленью садовъ. Городомъ надобно ѣхать все или въ гору или подъ гору. Смоленскъ обнесенъ стѣнами; но архитектура ихъ не та, что во Псковѣ. За городомъ видны историческіе курганы. Мы пробыли здѣсь не болѣе 2-хъ часовъ. По шоссе прямо къ Москвѣ. Въ Дорогобужѣ были передъ закатомъ солнца. Городъ, кажется, порядочный. Въ Вязьму приѣхали днемъ. Остановились часа на 3; купили пряниковъ—привезти домой гостинца. Черезъ Бородино проѣзжали передъ закатомъ солнца. Колонна возвышается направо, саженьхъ въ 60 отъ дороги. Далѣе виденъ монастырь Тучковой. Село отстроено прекрасно: прекрасные трехъ-этажные дома, крашенные зеленой краской. Куда ни взглянешь—вездѣ мѣста полныя воспоминаній. Въ Можайскѣ вечеромъ пили чай. Городъ прекрасный: соборъ на скалѣ—прелесть! Въ Москву приѣхали въ Петровъ день, часу въ 12-мъ. Погода была прекрасная. Издали, верстъ за 15, видъ города—прелесть. Полгоризонта занято шпицами колоколенъ, башнями, огромными зданіями, садомъ—далѣе видны живописныя окрестности; Иванъ-Великій выше всѣхъ поднялъ золотую главу.... Вспомнилъ Пушкина, какъ подѣзжали къ Москвѣ Ларины. Черезъ Дорогомиловскую заставу мы проѣхали на Тверскую, и остановились въ гостинницѣ *Европа*. Я пообедалъ и легъ спать; потому что ужасно измучился. Но заснуть не могъ; всталъ и сѣлъ къ окну. Комната наша была въ 4 этажѣ; слѣд. въ полномъ смыслѣ я сдѣлалъ только высшій взглядъ на Москву; потому что больше ничего не видалъ. Передъ закатомъ солнца мы снова пустились въ путь. Проѣхали мимо Университета, подъ Сухареву башню, и къ заставѣ. На первой станціи выспались. Утромъ опять въ путь. Въ Переяславлѣ только перемѣнили лошадей, и то поздно вечеромъ. Въ Ростовѣ были днемъ. Городъ прекрасный! Въ Ярославль приѣхали вечеромъ, и только напились чаю. Мѣстоположеніе и постройка—прелесть. Даниловъ тоже довольно красивъ. Въ Грязовцѣ переночевали и явились въ Вологдѣ....

V.

Вологда.

Опять на родинѣ! Это чувство очень сладостно, когда увидишь родныя мѣста послѣ долгой разлуки. Домашніе мои разумѣется радовались не менѣе меня. Я увидѣлся опять съ тѣми, которыхъ нѣкогда любилъ.... Много нашелъ перемѣнъ. А. П. Дубравина была замужемъ уже за Вульфомъ, отставнымъ артиллеристомъ, очень хорошимъ человѣкомъ. Дубравинъ сосватанъ на Новицкой. Отецъ ея, совѣтникъ Губ. Правленія, единственный человѣкъ. Лидія Э., предметъ моей страсти, ужасно перемѣнилась и подурнѣла; ходили объ ней скверныя слухи. Гимназія поправилась: Директоръ и Инспекторъ обласкали меня; а я и принялъ это за наличную монету. Каникулы (я приѣхалъ 3 Юня) провелъ дома. Пере-

водилъ Д. Карлоса въ прозу; но очень дурно, и потому вскорѣ бросилъ это занятіе. Изъ учениковъ было много прекрасныхъ мальчиковъ. Всѣ полюбили меня всѣмъ сердцемъ, такъ же какъ и я ихъ. Насталъ день свадьбы Д. На дѣвичникѣ мы танцевали. Не помню которую кадрили я танцевалъ съ невѣстой Д. Вдругъ входитъ Л. В. Д-на и за ней какая-то молодая дама. Д. подошла къ невѣстѣ, поздоровалась съ ней, и указывая на свою спутницу, сказала: „рекомендую тебѣ мою племянницу, дочь моего брата!“ Боже мой, это М. Л. З., за которой я волочился гимназистомъ! Теперь она за Очкасовымъ, живетъ въ Любимѣ и приѣхала сюда ненадолго только на свадьбу, безъ мужа. М. Л. не замѣтила меня; но когда кадрили кончилась, я подошелъ къ ней и пристально посмотря на нее сказалъ: „позвольте васъ попросить на слѣдующую кадрили“... Она взглянула на меня и вся перемѣнилась въ лицѣ, такъ что едва нашлась—что отвѣчать. Кадрили началась. Сколько ни старался я заговорить съ М. Л., но не могъ ничего добиться отъ ней: она краснѣла, смущалась, дрожала—и только.... Я очень доволенъ былъ этимъ. Въ день свадьбы успѣхъ былъ совершенный: она не спускала съ меня глазъ; я рѣшительно вскружилъ ей голову.... Я спросилъ: „зачѣмъ вы вышли замужъ?“ Она отвѣчала: „ахъ, не говорите ужъ лучше“.... Я жалъ ей руку и пр. Дня черезъ 2 она уѣхала, и послала мнѣ черезъ Д. тысячи поклоновъ....

Дѣла въ Гимназіи шли хорошо: самъ я очень порядочно занимался, да приучилъ и учениковъ къ занятіямъ; они полюбили словесность. Между тѣмъ сердце мое жаждало жизни: такъ ужъ видно создано оно! Я опять принялся за стихи, которыхъ не писывалъ съ 37 года. Во Псковѣ написано было только одно стихотвореніе къ К. А. Я. Оно есть въ моей книгѣ. Это довольно странно! Послѣдній годъ въ У-тѣ и 2 года во П-вѣ я рѣшительно не писалъ. Можетъ быть отъ того, что было слишкомъ большое разнообразіе въ жизни, и я не успѣвалъ сосредоточиваться въ одномъ какомъ-нибудь чувствѣ. Теперь первымъ предметомъ была Лидія. Я не любилъ ее; но память о быломъ еще слишкомъ сильно волновала сердце. Это стихотвореніе есть въ книгѣ. Другое, написанное тоже къ ней, уже не въ томъ тонѣ; потому что я началъ правильнѣе смотрѣть на нее. Два стихотворенія посвящены Лифляндіи,—именно воспоминаніе объ Элеонорѣ.... Домъ Сѣверова также занялъ меня. К. М., которую я видѣлъ въ послѣднее время въ П-гѣ, теперь явилась предо мной уже въ полной славѣ свѣтской дѣвушки. Мы сблизились съ нею коротко. Она думала, что я влюбленъ въ нее; но въ сердцѣ моемъ не было ничего похожаго на любовь. Сестра ея Софья больше нравилась; потому что проще вела себя. Вообще я провелъ въ ихъ домѣ много прекрасныхъ вечеровъ. Для акта въ этотъ годъ написалъ разсужденіе *о состояніи отечественной словесности во второй половинѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX ст.* Оно имѣло успѣхъ. Начальство тотчасъ провозгласило меня ораторомъ.

Другая статья также въ прозѣ была: *воспоминаніе о Навашиинѣ*; но она не была читана. А теперь я ее затерялъ гдѣ-то. Въ стихахъ написалъ кантъ и *воспоминаніе о Навашиинѣ*—отъ имени учениковъ. Чихачевъ написалъ прекрасное стихотвореніе: *Разрушеніе Іерихона*. Эта статья напечатана была въ Маякѣ. Между тѣмъ у Сѣверова я встрѣчался нѣсколько разъ съ М. И. Красовской, племянницей Волоцкихъ. Она была прекраснаго росту и превосходно сложена; но въ лицѣ не было ничего замѣчательнаго, а въ душѣ, кажется, еще менѣе. Однакожъ для меня важно было первое впечатлѣніе. Я мечталъ о ней и написалъ нѣсколько стихотвореній. Обаяніе было непродолжительно: масла не подливали, и потому лампада скоро потухла. Къ веснѣ я мечталъ о Р. И. Дуб-ой, и написалъ ей 2 стихотворенія, одно на тему—*Вы слѣпы*; а въ другомъ ясно объяснился въ любви. Книга, въ которой это стихотвореніе, была у ней. Она прочитала стихи и поняла къ кому они относятся. Но и Д. тоже смекнулъ..... Однажды онъ сказалъ ей: „вѣдь это къ тебѣ написано“. Она вся вспыхнула. Она любила меня; потому что видѣла, что я во всѣхъ отношеніяхъ лучше ея мужа. Но я никогда не простиралъ далеко своихъ намѣреній. Послѣ, когда начали объ насъ сплетничать уже довольно громко, я совсѣмъ отсталъ отъ ней, и так. обр. далъ ей случай—истребить прежнія чувства. Послѣ у ней пошли дѣти, и поэзія исчезла. У Сѣверовыхъ же я познакомился и съ самой В. И. Волоцкой, которая играла тогда первую роль въ городѣ. Она была очень хорошо расположена ко мнѣ. По ея желанію я написалъ стихи: *вдохновительное пиво*, потому что однажды мы цѣлой вечеръ разговаривали съ ней и пили пиво. Она называла меня: „мой поэтъ!“ Въ то же время написалъ стихи и К. М. С-ой, которая, не знаю почему, однажды написала мнѣ на книгѣ: „я заплатила вамъ тою же монетой“. Но вѣрить этимъ стихамъ нельзя: тутъ много чести. Вообще этотъ годъ я провелъ весело: былъ со многими знакомъ; всѣ любили меня. Больше всѣхъ я сблизился съ Новицкимъ; онъ человѣкъ чистосердечный и прегостепріимной; у него никогда не бываетъ скучно.

Въ каникулы поѣхалъ въ Тотму. Тамъ затѣялась свадьба моей троюродной сестры А. И. Савиновой. Но въ Тотмѣ пробылъ я только одинъ день и уѣхалъ къ дядѣ на Леденскій заводъ, въ 35 в. отъ города. А маменька и сестра остались съ невѣстой. Въ Леденскѣ жизнь раздольная. Въ одинъ день познакомился со всѣми. Управляющій Д. Т. Павлиновъ человѣкъ прелестный. У него гостила тогда замужняя дочь его, Ярославцова, очень хорошенькая. Въ Л-кѣ нашелъ я еще своего инспектора съ женой, Семенову и Монакова, студента. Каждый почти день мы танцевали или у Павлинова, или на *Мазанкѣ*—прехорошенькой дачѣ, въ 2 верстахъ отъ завода. Двѣ только и были тамъ хорошенькія: Ярославцева и Ландражини. Я ухаживалъ за обѣими; но послѣдней было только еще 14 лѣтъ, и потому больше сочувствія находилъ въ первой. Написалъ

стихотвореніе *Мазанка*, которое доставило мнѣ немалую славу въ этомъ муравейникѣ. Три недѣли веселился я въ Леденскѣ. Наконецъ надобно было ѣхать въ Т. на свадьбу. Я оставилъ Л-кѣ съ грустью: много было чувствъ и мечтаній. Въ стихотвореніи къ Л. можно видѣть эти чувства и мечты. Въ Тотѣму приѣхалъ прямо на вечеръ. У С-хъ было штукъ 15 барышенъ, а изъ кавалеровъ только я, де-Шаплетъ, тамошній окружной, лихой малой, хотя и женатый, и Кокоревъ, меньшей сынъ тамошняго заводчика. Я, разумѣется, разыгрывалъ первую роль. Танцевали и дурачились до упаду. Я ухаживалъ за Ю. Кокоревой. Ей было тогда еще 16 лѣтъ; она была очень хороша. Впрочемъ волокитство мое далеко не пошло: мнѣ мало было времени заняться ею; потому что за мной ухаживали 2 барышни, и слѣд. надобно было на нихъ удѣлить много времени. Въ день свадьбы танцевали до 12 часовъ. Къ числу кавалеровъ прибавились еще Фортунатовъ, нашъ инспекторъ, Еврейновъ изъ Леденска, да учитель Тишинъ. На другой день танцевали до 5 ч. утра. Дурачества было много. А утромъ въ 12 часовъ мы отправились въ лодку. Долго кутили на Дѣдовомъ островѣ. Проводы были торжественны: все пило и пѣло... Дорогой я только и думалъ о Кокоревой. Стихотвореніе *Мое созвѣздіе* относится къ ея глазамъ.

Въ Вологдѣ жилъ я попрежнему. Между тѣмъ братъ мой сосватался на Ш. Мать и меньшая сестра ея Юлія жили также въ Вологдѣ. Свадьба несчастная: братъ жестоко ошибся въ выборѣ. Теперь мнѣ надобно будетъ приступить къ описанію со мной несчастной исторіи. Новая сватья моя Ю. очень хороша собой, самая лучшая въ цѣлой В. Она очень часто бывала у насъ. Ш. каждый вечеръ приводила сестру свою въ мои комнаты, и мы играли въ карты. Так. обр. я сблизился съ Ю., т. е. влюбился въ нее по уши, а она въ меня. Между тѣмъ домашніе мои замѣтили въ чемъ дѣло, и подняли ужасную бурю.... Здѣсь начинается цѣлый рядъ самыхъ непріятныхъ исторій между братомъ, женой его, Ю., мной и моими домашними.... Не могу описать этого. Кромѣ того весь городъ сплетничалъ обо мнѣ.... Но чѣмъ больше препятствій, тѣмъ больше дерзости. Я завелъ съ Ю. самую страстную переписку: она хранится у меня. И наяву и во снѣ я только и думалъ объ одной Ю. Никуда почти не ходилъ; только и счастливъ былъ въ тотъ день, когда видѣлъ ее. Стихи лились..... Я не могъ ни о чемъ болѣе думать, какъ только о любви. Въ этотъ годъ только и написалъ: *Кантз*, пѣтый при встрѣчѣ въ Г. Инокентія; *Бородинское сраженіе*, кот-е читалъ на актѣ; *Приступъ Баторія ко Пскову*, кот-е читалъ одинъ ученикъ, да еще *Кіевъ*, тоже написанный для одного ученика. (Къ стати здѣсь замѣтить: Инокентій былъ въ Гимназіи вмѣстѣ съ пр. Погодинымъ, который путешествовалъ. Послѣ я самъ былъ у него. Онъ принялъ меня хорошо. Я далъ ему нѣсколько народныхъ нашихъ пѣсенъ, которыя и были напечатаны въ Москвитянинѣ вмѣстѣ съ благодарностью Погодина.) Другіе всѣ стихи относились

къ ней. Она всегда съ жаромъ писала ко мнѣ; но флегматическій ея характеръ мучилъ меня. Кромѣ того Ш. дѣлала ужасныя глупости, а она во всемъ слѣдовала ея капризамъ. Мильены упрековъ писалъ я ей въ каждомъ письмѣ; между тѣмъ всетаки любилъ ее безъ памяти. Какая буря волновала тогда мою душу! Въ Генварѣ я впервые поцѣловалъ ее, и съ тѣхъ поръ началась длинная цѣпь поцѣлуевъ и объятій.... Какъ ужасно это вредило здоровью моему! Но я знать ничего не хотѣлъ и безумно любилъ ее.... Сколько разъ со мной бывала даже рвота отъ огорченій! Чего все это стоило мнѣ! Вдругъ въ Февралѣ она уѣзжаетъ, къ Одинцовымъ. Какое горькое прощанье! Передъ отъѣздомъ она написала мнѣ письмо. Изъ деревни тотчасъ же прислала мнѣ еще письмо; но потомъ извѣстила, что она боится писать.... Я рвался и проклиналъ весь міръ. Писалъ къ ней каждый день, но отвѣта не было. Наконецъ въ именины мои получаю письмо, въ кот-мъ вмѣсто *ты* написала уже *вы*.... Съ тѣхъ поръ началось мое разочарованіе. Я написалъ ей самый холодный и вѣжливый отвѣтъ.... Чего стоило мнѣ такъ ужасно переломить себя! Я мучился ужасно; но разсудокъ началъ вступать въ свои права.... Чѣмъ больше думалъ я, тѣмъ больше всѣ поступки ея представлялись мнѣ въ иномъ свѣтѣ: я увидѣлъ, что она никогда не можетъ понять любви моей, что для женщины любовь только игрушка.... Съ тѣхъ поръ взглядъ мой на женщинъ перемѣнился и, кажется, навсегда.... Она замѣтила, что письмо написано уже не въ шутку, и послала мнѣ два письма вскорѣ одно за другимъ. Но я скрѣпился и не отвѣчалъ ни слова.... Когда она приѣзжаетъ сюда, я никогда не показываюсь ей. Кончено! я побѣдилъ себя, хоть эта побѣда и дорого стоитъ мнѣ.... Прости, моя любовь! Сильные перевероты измѣняютъ совершенно существующій порядокъ вещей: такъ случилось и съ моими чувствами. Въ книгѣ стиховъ можно видѣть, какъ постепенно разочаровывался я.... Жаль, что я сперва не велъ записокъ жизни: какой богатый матеріалъ былъ бы у меня для размышленій. Чего не писывалъ я къ ней? Кажется, не осталось уже ни одной струны въ сердцѣ, кот-й бы не коснулся я, ни одного слова въ устахъ, которое бы не высказалъ ей.... Хотѣлось бы достать отъ ней всѣ мои письма, да нельзя. Но переверотъ совершился однакожъ не вдругъ: я искалъ развлеченій, чтобы въ чемъ нибудь позабыться. Нѣжности съ Ю. кажется окончательно разстроили меня. Въ каникулы я поѣхалъ къ Чечулинымъ, въ усадьбу Борисоглѣбское, въ 100 в. отъ В-ды, въ Череповскомъ уѣздѣ, на Шекснѣ. Они претворные и прерадушные люди; сосѣди у нихъ такіе же. Мѣстоположеніе превосходное; всѣ приволья. Я какъ въ маслѣ сырѣ катался. Для услажденія связался съ очень хорошенькой горничной. Эта жизнь благотворно подѣйствовала на меня: слѣды прошедшихъ бурь исчезли совершенно. Я прожилъ въ Борисоглѣбскомъ 6 недѣль, и возвратился въ В-ду обновленнымъ. Здѣсь написалъ стихотвореніе *Борисоглѣбское*, изъ котораго видно, какъ я измѣнился въ сравне-

ній съ прежнимъ. На актъ написалъ статью *о современномъ значеніи отечественной поэзіи*. Она имѣла большой успѣхъ. Между тѣмъ стихи мои печатались мало помалу въ *Маякъ*, и одно стихотв. въ *От. Запискахъ*. Это было первое мое лит-е поприще. Я испыталъ чувство новое—что значитъ видѣть въ первый разъ въ печати свое произведеніе! Между тѣмъ приближались святки и вмѣстѣ съ ними для меня новыя наслажденія и печали. Изъ Петербурга приѣхалъ студентъ Соколовъ, который прошедшую зиму жилъ у насъ, готовясь въ У-тъ. Онъ теперь поселился у тетки и вмѣстѣ матери своей—Е. И. Бибиковой. Я разумѣется былъ всегда у нихъ какъ дома: уйду рано утромъ, а возвращусь домой поздно вечеромъ. Е. И. любила меня какъ сына. У ней жила еще внучка ея, только что выпущенная изъ института, А. И. Давыдова, прехорошенькая. Еслибы я былъ помоложе годами тремя, то непременно бы влюбился въ нее. Время мы проводили превесело. А сплетни городскія между тѣмъ кипѣли, какъ ядъ.... Меня, разумѣется, женили тотчасъ на Д. Я и Е. И. хохотали надъ этимъ. Но непріятностей было много. Ну, да теперь все уже кончилось; стало быть нечего и вспоминать. Я сказалъ только объ этомъ потому, что въ это время сблизился съ Е. И. Б. Она очень любитъ меня и можетъ быть полезна современемъ.

Весной я часто бывалъ въ деревнѣ у Е. И. А лѣтомъ поѣхалъ въ Устюгъ. Дорога была превеселая. Со мной поѣхали 3 мои ученика и Н. Засѣтскій, съ кот-мъ я ѣхалъ изъ П. и который живетъ теперь въ В-дѣ. Провожали насъ всѣ ученики, кончившіе тогда курсъ. Пили и пѣли много. Я до сихъ поръ все еще студентъ. Первую ночь комары не дали намъ глазъ сомкнуть. Въ Наремахъ мы взяли стружекъ и пустились впередъ вдвоемъ съ Засѣтскимъ. Въ Шуйскомъ перемѣнили нашу подводу. Насъ повезли мать съ дочерью. Въ продолженіи 14 часовъ мы доѣхали до устья Толшмы; взяли здѣсь лошадей и вечеромъ приѣхали въ Тотму. Лодка наша приплыла на другой день въ вечерни,—и мы отправились далѣе. Но сильный противный вѣтеръ задерживалъ насъ безпре-станно. Окрестности превосходныя: оба берега Сухоны круты и высоки; на нихъ шумить густой лѣсъ. Есть много мѣстоположеній живописныхъ.... Въ горахъ какъ-то лучше дышишь: сердце лучше понимаетъ природу. Есть много такихъ горъ, на которыхъ и сосны представляются съ рѣки кустарникомъ. Въ Опокѣ я припомнилъ старину, какъ мы тонули слишкомъ 20 л. тому назадъ. Только мѣсто это совершенно не въ такомъ видѣ осталось у меня въ памяти. Скала, саженой 15 вышины, образуетъ не выпуклую, а вогнутую дугу—здѣсь тонули мы; а подлѣ нея—такъ называемая медвѣжья гора; она образуетъ выпуклую гору; она вдвое выше скалы.

На противоположномъ берегу такая же гора, называемая Порогомъ. Въ Порогѣ мы вышли четверо и взяли лошадей; а пятого товарища оставили въ лодкѣ.

До Устюга оставалось еще 70 верстъ,—а намъ хотѣлось поспѣть туда къ завтрашнему, т. е. къ Петрову дню. Однакожь приѣхали ночью. Остановился я у А. П. Царевского, который былъ знакомъ съ моимъ отцемъ и зналъ меня 22 года тому назадъ. Онъ и жена его (родная сестра моего У-го товарища Воротникова) приняли меня радушно. Я прожилъ у нихъ день; а послѣ перебрался къ ученику моему Красильникову, у котораго давно уже была приготовлена для меня квартира. Устюгъ одинъ изъ красивыхъ городовъ по своему мѣстоположенію. Онъ стоитъ на крутомъ берегу Сухоны, которая широко раскатила здѣсь воды свои. Вся набережная обстроена каменными домами; изъ за нихъ видны церкви, всѣ почти съ вызолоченными главами, такъ что съ рѣки представляется какъ будто весь городъ каменный. Въ 2-хъ вер. отъ него, въ верхъ по Сухонѣ, на крутомъ берегу находится Яицкая пустыня—мѣсто очень живописное; видъ къ городу прекрасный. Въ живописной разсѣлинѣ, между двумя горами, находится колодезь, выкопанный монахами и осыненный старыми соснами, на которыхъ множество гнѣздъ грачей. За городомъ Сухона прорвала себѣ новое устье, называемое Полѳъ; а другой рукавъ немного подалѣе соединяется съ Югомъ. На острову, образуемомъ двумя рукавами Сухоны и Югомъ, стоитъ деревня. Далѣе разстилается Двина. На крутой горѣ Глядень, т. е. на мысу между правымъ рукавомъ Сухоны и Югомъ, стоитъ Троицкой монастырь—одинъ изъ древнѣйшихъ въ этомъ краю. Мѣсто очень живописное. Вся окрестность видна на нѣсколько верстъ. Въ 3 верстахъ за Устюгомъ—Богородское—прежняя архіерейская дача. Она устроена при Елизаветѣ Пр. Варлаамомъ. Тамъ есть кедровая аллея. Съ колокольни видны всѣ пруды, которые разрѣзываютъ садъ. Они образуютъ вензель П. В. Е. У., т. е. Пр. Варлаамъ Е. Устюжскій. Подлѣ саду мельница. Время я провелъ въ Устюгѣ весело. Прожилъ 10 дней,—а потомъ съ Засѣтскимъ отправился въ Никольскъ. Здѣсь жилъ 5 дней,—и каждый вечеръ былъ въ гостяхъ. Квартира моя была у Пр. Соколова, женатаго на сестрѣ моей Савиновой. Чаше всего былъ у окружнаго начальника Засодемскаго. Танцевалъ. Какая-то никольская красавица волочилась за мной. Всего больше нравилось мнѣ здѣсь купанье. Югъ очень быстръ, и вода хороша. Провожали меня торжественно: пили на перевозѣ изъ колокольчика, пот. что забыли взять стаканъ. Я поѣхалъ одинъ въ Леденскъ. Тамъ прожилъ 3 дня очень весело, и уѣхалъ въ Тотму. Въ Тотмѣ пробылъ только 2 дня, и опять въ Леденскъ. Веселье! Сынъ Павлинова, приѣхавшій изъ П-га, сговоренъ былъ на дочери Соважа, совѣтника Л-го правленія. Онъ объяснилъ мнѣ, что Э. Ландражини, за которою я ухаживалъ назадъ тому 2 года, теперь влюблена въ меня. Смѣху было много: и отецъ и мать ея хотѣли завлечь меня; но теперь я уже не тотъ.... Павлиновъ—острякъ. Однажды ночью онъ импровизировалъ стихи,—какъ бы я сталъ объясняться въ любви къ Эмилиі....

Большую часть времени провелъ я на Мазанкѣ. Т. обр. прожилъ 11 дней. Потомъ поѣхалъ въ Тотьму. А. С. влюблена въ меня. Бездна была глупостей. Она подарила мнѣ кольцо. Проводины были самыя веселыя. На другой день я былъ уже въ В-дѣ. Остатокъ каникулъ провелъ въ Соколовѣ.

Вотъ краткій очеркъ моей Вологодской жизни. Подробно писать—некогда, а—главное—лѣнь.... Много, разумѣется, не записано такого, что и составляло собственно самую жизнь: это только нити; но чтоже дѣлать? Надобно было бы подумать о запискахъ прежде и писать все сгоряча,—какъ говорится,—съ огня рвать....

Теперь поговоримъ о настоящемъ. Осенью нынѣшняго года я занимался окончательно обработкою реторики: надѣюсь современемъ издать что-нибудь порядочное, не то, что издавали Г. Георгъевскій, Кошанскій и т. под. Я забочусь больше всего о простотѣ и истиннѣ, а это кажется главное въ учебникѣ. Всѣ положенія беру прямо изъ жизни, а чего не знаю, такъ о томъ и не говорю. Сначала занялся было логикой; но этотъ предметъ требуетъ еще многихъ размышленій. Надѣюсь однакожь, что не безъ вниманія прочитаны были мысли мои о способѣ преподаванія логики въ гимназіяхъ и о Руководствѣ Рождественскаго. Въ Ж. М. Н. П. похвалили. Это первый печатный отзывъ обо мнѣ. Объ реторикѣ же надобно будетъ посоветоваться съ Плетневымъ, Никитенкой. Я займусь ею въ Петербургѣ. Теперь доволенъ и тѣмъ, что успѣлъ дать ученикамъ хотя нѣсколько истинныхъ понятій о словесности. Несчастный этотъ предметъ у насъ въ Россіи. Всѣ толкуютъ объ немъ, даже бабы, а никто почти не понимаетъ. Тѣ, которые понимаютъ, не пишутъ. Недавно перевелъ нѣсколько сценъ изъ Д. Карлоса стихами. Переводъ вѣренъ; а больше не могу ничего сказать объ немъ. Печатать не думаю; потому что драма эта вся уже переведена Ободовскимъ. Когда буду въ П-гѣ посмотрю его переводъ,—и если увижу, что мой вѣрнѣе, тогда напечатаю. Дай только Богъ, чтобы надежды мои сбылись,—а то мнѣ не въ мочь приходится уже жить въ В-дѣ. Не видалъ ничего гаже этого города! Такъ называемая аристократія здѣшняя—все надутыя свиньи; глупы, сроду ничему не учивались, ничего не видали, ничего не читывали,—и хотять корчить всѣ графовъ да князей. Средній классъ—хуже пней. Сплетничество ужасное. Наша ученая собратія—тоже гуси порядочные. Директоръ учился, много видалъ,—но до сихъ поръ семинаристъ.... Инспекторъ больная, хитрая и пре-самолюбивая штука.... Я прошусь въ Петербургъ, въ первую гимназію, на мѣсто учителя словесности. Не знаю, чѣмъ-то кончится. Плетневъ, Никитенко и Максимовичъ хлопочутъ обо мнѣ.

Съ этихъ поръ я начну мой дневникъ.

17 Декабря. Былъ у Жарковыхъ. Воспитанница его Баронесса Плотто, институтка, влюблена въ меня. Сегодня очень много было многозначительныхъ взглядовъ

и рѣчей.... Она еще неопытна. Кружить ей голову не стоитъ; потому что не вижу никакой цѣли.... Пылъ мой уже прошелъ; теперь надобно быть разсудительнѣе. Надобно признаться, что мнѣ счастье отъ институтокъ. Сколько ни зналъ я ихъ, всѣ онѣ были равнодушны ко мнѣ. Самъ Ж. прекрасный человѣкъ: старой служивой; былъ подъ Аустерлицомъ; до сихъ поръ еще свѣжъ и неистощимъ на анекдоты.

19 Дек. Былъ у Дивернуа. Видѣлъ въ первый разъ послѣ приѣзду изъ деревни Адель Порошину. Она немного выросла. Познакомился и съ сестрой ея Антониной, недавно выпущенной изъ Ек. Москов. Института. Обѣ онѣ двоюродныя сестры моего любимаго профессора Вик. Степ. Порошина. Мать ихъ уѣхала недавно въ Петербургъ къ сыну. Я познакомился съ этимъ семействомъ въ прошедшемъ году. Сынъ Порошиной тогда проживалъ въ В-дѣ: онъ студентъ П-го У-та, но б. боленъ аневризмой, и потому жилъ при матери. Ему кто-то сказалъ обо мнѣ и о братѣ, что мы люди ученые, дѣльные, литераторы (!!!) и онъ приѣхалъ познакомиться съ нами. Это было въ первыхъ числахъ Декабря. Съ тѣхъ поръ мы сошлись съ нимъ: онъ человѣкъ неглупой и большой охотникъ учиться. Мы часто бывали другъ у друга. 19 Декабря, въ именины Адели, танцовали у нихъ. Адель, разумѣется, какъ молоденькая институточка, остановила на мнѣ свой взглядъ: вѣдь надобно же кого нибудь любить молоденькой дѣвушкѣ, хоть для того только, чтобы поговорить по секрету съ подружками.... Мы поняли другъ друга. Но это продолжалось недолго. Мать съ сыномъ уѣхала въ П-гъ на третій день Рождества; а дочь съ бабушкой въ деревню. Потомъ другая сестра ея вышла изъ института, и теперь онѣ приѣхали сюда ненадолго,—только проводить мать.... Въ среду опять уѣзжаютъ въ деревню. Вчера я очень много куртизанилъ: обѣ сестры очень занялись мной. Онѣ сказали мнѣ, что наканунѣ у нихъ была Надинька Плотто (онѣ однокашницы), что онѣ не спали всю ночь, вспоминали старину, что Надинька кланяется мнѣ, что она вяжетъ мнѣ кошелекъ и пр. и пр. Потомъ просили у меня книгъ,—спрашивали у меня нѣсколько разъ: надолго ли я ѣду въ Петербургъ? и пр. и пр. Прощаніе было многозначительно. Сестра Мадамъ Дивернуа сказала мнѣ, что *очень многіе* жалѣютъ объ моемъ отъѣздѣ. Разумѣется, не трудно угадать—кто эти многіе.

24 Дек. Вчера утромъ я былъ ужасно разстроенъ. Какъ? Получилъ недѣлю уже тому назадъ письмо отъ Копосова, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что переводъ мой непременно состоится, и между тѣмъ не получаю ничего, и даже нѣтъ никакого извѣстія отъ Соколова. Приготовилъ было уже письмо къ Бибиковой, въ которомъ бранилъ Соколова. Но вдругъ братъ сказываетъ, что приѣзжалъ сейчасъ О. Петръ и сказалъ, что обо мнѣ получена съ этой почтой бумага. Я тотчасъ въ гимназію. Въ бумагѣ сказано: Директоръ 1-й Петербургской Гимназіи увѣдомилъ меня, что въ его Гимназіи открылось мѣсто Ст. Учителя Словесности,—и вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствуетъ о перемѣщеніи на это мѣсто изъ В. Г. кандидата Иваницкаго.

А потому предлагаю вамъ, Милостивый Государь, доставить мнѣ свѣденіе—нѣтъ ли какихъ препятствій къ перемѣщенію канд. Иваницкаго, и если нѣтъ, то выслать мнѣ формулярный списокъ о его службѣ. Я пошелъ къ директору. Онъ было сначала заговорилъ: вотъ видите, всетаки не обошлось безъ моего содѣйствія; но когда я сказалъ ему: объ этомъ-то я и пришолъ просить васъ,—тогда онъ перемѣнилъ тонъ, сказалъ, что радуется моему счастью и пр. и пр. Потомъ, чтобы не остаться безъ учителя, предложилъ мнѣ написать, чтобы оставили меня здѣсь до Майя; но въ такомъ только случаѣ, если это не повредитъ моему перемѣщенію. Я, разумѣется, охотно согласился, и дѣло кончено. Так. об. я уѣду изъ Вологды. О, сколько утѣшительнаго въ этой мысли! Еще уѣзжая изъ Петербурга, я уже думалъ о томъ—какъ бы поскорѣе опять возвратиться туда. Живя во Псковѣ, я безпрестанно писалъ къ Плетневу и Никитенкѣ объ этомъ самомъ; но мѣстъ не было. Наконецъ долженъ былъ перебраться въ Вологду. Здѣсь въ первые годы не могъ думать о переходѣ. Исторія съ Ю. Г. и слѣдствія этого—непріятности съ домашними внушили мнѣ первую мысль удалиться отъ зла. Наконецъ прошедшей зимой, послѣ того какъ всѣ подняли такую ужасную тревогу и чуть-чуть не женили меня на Давыдовой и даже на самой Бибиковой, я написалъ къ Плетневу, что желаю служить въ Польшѣ, гдѣ предлагаютъ разныя выгоды охотникамъ. Съ той же почтой написалъ и въ Варшаву къ директору второй гимназіи Филиппову, бывшему университетскому инспектору. Плетневъ отвѣчалъ съ первой же почтой, что въ В. ѣхать не зачѣмъ, что надобно подать прошеніе попечителю о перемѣщеніи въ Петербургъ. Прошеніе было написано и отправлено въ письмѣ къ Плетневу. Этого никто не зналъ здѣсь. Плетневъ самъ подалъ прошеніе мое попечителю и получилъ отвѣтъ, что при первомъ мѣстѣ я буду перемѣщенъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Наконецъ въ первыхъ числахъ Ноября я получилъ извѣстіе черезъ Максимовича, что открывается мѣсто въ первой Гимназіи. Я тотчасъ написалъ къ Плетневу и Никитенкѣ. Плетневъ попросилъ попечителя, а Никитенко Калмыкова (Дир. 1-й Г.)—и дѣло рѣшено. Перемѣщеніе это во всѣхъ отношеніяхъ должно быть выгодно для меня. Во-первыхъ, служить въ Вологдѣ нѣтъ никакой цѣли: служи хоть 20 лѣтъ, кромѣ жалованья ничего не выслужишь; заниматься нѣтъ никакихъ средствъ; посо- вѣтоваться не съ кѣмъ. Вовторыхъ, живя въ Вологдѣ, я мало полезенъ для семейства; платить отцовскіе долги не имѣю средствъ. Въ Петербургѣ же не то.

1844 годъ.

10 Генваря. Всѣ праздники провелъ весело. Я говорю это только объ внѣшней жизни, а не объ душѣ и сердцѣ. Въ первый день писалъ письма въ Петербургъ; потомъ принималъ поздравленія, большею частію отъ учениковъ. Самъ не ѣздилъ съ поклонами. Вздоръ! Только къ Дир. и Инспек. и то ex officio.

Ненавижу этихъ людей: въ высочайшей степени езуиты: плачутъ и держать камень за пазухой. Вечеромъ былъ у Новицкаго. Этотъ человѣкъ съ родни мнѣ по душѣ. Оттуда часовъ въ 8 отправился къ Жаркову и просидѣлъ тамъ за полночь. Было довольно весело. На другой день вечеромъ былъ у Новицкаго. Въ понедѣльникъ вечеромъ былъ у Дубравина. Карты.... послѣ только немножко было веселѣе. Во вторникъ у Засѣцкаго.... любезничалъ съ Семеренкиной.... Она очень мила, только вѣтрена; мной занимается; но это на нѣсколько минутъ: не будь меня здѣсь, и все къ чорту. Танцевали до упаду. Въ среду маскировался; былъ въ двухъ или трехъ домахъ; а послѣ цѣлый вечеръ дурачился у Ангельмейера. Съ Лидіей вралъ ужасно, а она все слушаетъ охотно. Ужасно опустилась! отвратительна безстыдная дѣвушка. Не то было прежде.... не такъ я смотрѣлъ на нее.... Въ четвергъ у Шарыгина: опять любезности съ С-ой и опять дурачества. Маскировался и съ З. съѣздилъ къ Жаркову. Узнали. Въ пятницу у Новицкаго. Танцевали до утра. Въ субботу на именинахъ у Вульфа. Опять до утра. Въ воскресенье въ маскарадѣ въ собраніи. Почти до утра. Въ понедѣльникъ маскировался съ Новицкимъ, а ночь до утра танцевалъ у Жолвинскихъ. Во вторникъ на именинахъ у Засѣцкой. До утра. Въ среду отдыхалъ. Въ четвергъ у Шарыгиныхъ на вечерѣ. Насилу опомнился послѣ такой гулянки. Но душа моя, какъ только погружусь самъ въ себя, не знаетъ покою....

Занимался риторикой: если Богъ велитъ, въ будущемъ году выпущу первую часть. Знаю, что она далеко не удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ; но по крайней мѣрѣ все-таки представить нѣчто живое. До сихъ поръ въ ходу Кошанскій, Плаксинъ, Георгьевской.... хоть бы искра ума и чувства была въ этихъ сборникахъ. И самъ Давыдовъ семинаристъ. Вообще эта часть у насъ въ Россіи еще и не начиналась. Смѣшно! учебники пишутъ чертъ знаетъ для кого! Нагородятъ галлиматіи цѣлую книгу, да и даютъ ученикамъ.... Помилуйте! развѣ учить вздору не значитъ развращать учениковъ? Притомъ зачѣмъ такіе огромные учебники? Учиться словесности не значитъ выдолбить ретику. Словесность такой предметъ, гдѣ надобно понять хорошо только главную, основную мысль, т. е. связь языка съ понятіями, и тогда весь учебникъ будетъ ясенъ какъ день; а безъ этой мысли—все вздоръ, хоть бы реторика ваша была въ 100 томовъ. Учить словесности надо не по книгѣ: книга для ученика служить только посохомъ за который ведетъ его учитель. Надобно развивать учениковъ многостороннѣе. До сихъ поръ я употребляю вотъ какія средства: въ IV классѣ читаю хорошія сочиненія и объясняю имъ мысли, со всѣми ихъ изворотами и приложеніями, для того чтобы пролить въ умы учениковъ сначала хоть немного свѣту; разбираю въ подробности сочиненія учениковъ. Разумѣется въ обоихъ случаяхъ обращаюсь сперва къ самимъ ученикамъ, а чего они не знаютъ, говорю самъ. Въ V классѣ по реторикѣ уже разбираю хорошія и дурныя сочиненія. По моей

реторикъ можно это дѣлать; а по реторикъ Кошанскаго нельзя. Обращаю вниманіе на красоты выраженія. Въ VI классѣ почти тѣ же занятія; даю только поправлять имъ сочиненія учениковъ IV класса. Въ VII классѣ задаю спорныя темы, и ученикъ долженъ защищать ее передъ всѣми. Какое обширное поле для діалектики! Кромѣ того въ IV классѣ ученики пишутъ еще сочиненіе на доскѣ: это для того, чтобы слѣдить за ходомъ ихъ мыслей. На бумагѣ нельзя указывать, можно только поправлять; а здѣсь есть возможность предупреждать каждое уклоненіе отъ прямой дороги. Современемъ можетъ быть придумаю еще нѣкоторыя средства—съ большею пользою занимать учениковъ. Все это теперь очень занимаетъ меня; потому что до этого я дошелъ самъ, безъ всякихъ указаній,—и планъ и изложеніе реторики принадлежитъ лично мнѣ: учителей у меня не было. Въ Университетѣ этотъ предметъ читается совершенно не такъ: тамъ легче преподавать словесность, нежели въ гимназіи. Надобно написать объ этомъ особенную статью, да не могу собраться. Впрочемъ торопиться нечего: можно еще подумать. По выходѣ изъ У-та я не имѣлъ понятія о преподаваніи словесности въ гимназіи; потомъ обдумывая болѣе и болѣе этотъ предметъ, дошелъ до настоящихъ мыслей; нельзя считать ихъ конечно окончательными, по крайней мѣрѣ основаніе вѣрно. О хорошей христоматіи, которая также необходима, какъ и реторика, надобно еще подумать. Теперь покажутся мнѣ извѣстны 3 сборника: *Собраніе образцовыхъ Русскихъ сочиненій 12 томовъ; Христоматія Пешимскаго и Христоматія Галахова*. Въ первомъ собраны всѣ сочиненія, пользующіяся классическою извѣстностію въ первой четверти 19 столѣтія. Разумѣется тутъ есть многое, чего бы не слѣдовало помѣщать въ христоматіи. При томъ для учениковъ эта книга теперь не годится; во первыхъ потому, что недоступна для нихъ по огромности, а слѣд. и по цѣнѣ; во вторыхъ потому, что въ ней нѣтъ сочиненій новѣйшихъ. Пешимскаго христоматія также пахнетъ стариною и не совсѣмъ разборчива. Галахова отзывается безвкусицей. Если буду жить въ П-гѣ, надобно объ этомъ предметѣ подумать и поговорить съ молодыми учеными. Теорія поэзіи представляетъ ужасно много затрудненій. Теперь у меня собрано все, что было можно собрать, живя въ В-дѣ; но въ П-гѣ надобно заняться этимъ предметомъ основательно. Боже мой! за что ни хватись, ничего у насъ нѣтъ! А между тѣмъ молодое поколѣніе не ждетъ и проситъ науки.

Февраля 6. Опасенія мои, къ несчастію, были справедливы: два письма изъ П-га отъ Соколова окончательно подтвердили истину, которой боялся я. Въ первой гимназіи мнѣ не бывать.... Соколовъ пишетъ, что у Калмыкова есть въ виду другой. Все таки это для меня самая горькая непріятность! Хотя Бибикова и увѣряетъ, что братъ ея—директоръ 2-го корпуса,—будетъ хлопотать обо мнѣ и искать мѣста гдѣ-нибудь въ корпусѣ; но все таки надобно ѣхать въ П-гѣ *на авось*. Плетневу написалъ письмо такого рода, что онъ, я думаю, отвѣтитъ

скоро.... Подождемъ. Сегодня послѣдній день масленицы; катанья я даже не видалъ: не то на сердцѣ. Впрочемъ всю недѣлю, каждый вечеръ былъ въ гостяхъ, хотя душевно и скучалъ.

Марта 21. Цѣлый мѣсяцъ... какое мѣсяцъ! слишкомъ 6 недѣль не могъ приняться за дневникъ. А сколько въ это время переиспыталъ, передумалъ, пере-чувствовалъ! Не бывать мнѣ вѣрно никогда аккуратнымъ! Нарочно для того и завелъ дневникъ, чтобы не пропалъ ни одинъ случай жизни изъ памяти, ни одна мысль изъ головы, ни одно чувство изъ сердца; а между тѣмъ пишу тогда только, когда уже рѣшительно нечего дѣлать, или когда хочется спать, какъ сегодня напимѣрь. Но въ томъ-то и сила, что когда *живешь*, тогда и не думаешь объ дневникѣ; а хватишься за него тогда уже, когда жизнь совершить свое дѣло. Дѣлать нечего: запишу хотъ воспоминанія. Отъ Плетнева получилъ отвѣтъ съ первой же почтой... Что это за благодѣтель! Онъ принимаетъ во мнѣ участіе, какъ въ родномъ сынѣ. Пишетъ, что все къ лучшему; не хвалитъ Калмыкова, имѣетъ для меня въ виду что-то лучшее, совѣтуетъ заняться новыми языками и пр. Все это, разумѣется, успокоило меня, хотя и не вполне. Самое лучшее то, что П. попрежнему любить меня.... Можетъ быть, мнѣ никогда не оцѣнить достойно любви его. На третьей недѣлѣ поста, въ субботу вечеромъ, приѣхалъ Максимовичъ, нашъ окружный инспекторъ. Насъ повѣстили въ воскресенье утромъ, и мы всѣ собрались въ гимназію къ обѣднѣ. Странное лицо у М. Когда онъ смотритъ серьезно, то кажется очень сердитымъ; когда же заговорить, то физіономія его дѣлается очень доброю и привѣтливою. Я успѣлъ обмѣняться съ нимъ только нѣсколькими фразами. Директоръ сказалъ ему обо мнѣ: „онъ скоро оставляетъ насъ; мы уже и не считаемъ его за своего“.... Лучше ужъ ничего не умѣлъ сказать! Максимовичъ только улыбнулся и сказалъ: „да“.... Въ понедѣльникъ онъ на минуту заходилъ ко мнѣ въ 4-й классъ. Никого не спрашивалъ; только посмотрѣлъ. Во вторникъ пришелъ въ 5 классъ и сѣлъ на скамейку къ ученикамъ. Я проходилъ впередъ. Максимовичъ остался доволенъ. Въ среду пришелъ къ нему на квартиру; но сказали, чтобы придти въ 6 часовъ вечеромъ. Вечеромъ пришелъ, а его нѣтъ дома. Я разсердился и далъ себѣ слово—не ходить больше. Я думалъ, что онъ не хочетъ принять меня. Какая ошибка! Наконецъ совершенно случайно прихожу въ пятницу вечеромъ. М. опять не было дома; но зато братъ его остановилъ меня и сказалъ, что братъ спрашивалъ уже обо мнѣ нѣсколько разъ. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа приѣхалъ и М. Я началъ благодарить его за участіе, которое онъ принималъ во мнѣ, еще не зная меня лично. М. сказалъ, что онъ очень радъ былъ хлопотать обо мнѣ; но что, къ несчастію, неудачно.... Я отв., что знаю все,—и прочиталъ ему письмо П-ва. Разговоръ былъ продолжителенъ. М. обласкалъ меня, какъ отецъ. Сказалъ, чтобы я приѣзжалъ въ П-гъ въ Іюль, что онъ достанетъ мнѣ и уроковъ, и мѣсто,

чтобы я не заботился ни объ чемъ, что обо мнѣ заботятся больше чѣмъ я самъ о себѣ забочусь, что я человѣкъ любознательный, и потому долженъ имѣть ходъ, и буду его имѣть и пр. и пр. Чего жъ мнѣ больше и ожидать. Я слушалъ М. почти со слезами. Между тѣмъ разговоръ коснулся и службы моей. М. сказалъ, что онъ всегда слышалъ обо мнѣ съ отличной стороны, только съ начальствомъ у меня всегда *какъ-то такъ*.... При этихъ словахъ онъ сдѣлалъ пальцемъ въ воздухъ виньетку и улыбнулся. Объ Калмыковѣ сказалъ: „вы разумѣется писали къ нему такъ, какъ ко мнѣ пишете и къ Петру Александровичу, и вообще къ людямъ, понимающимъ эти вещи; слѣд. еслибы вы написали къ Калмыкову хоть такъ напимѣръ—*наисултаннѣйшій паша*, то и это было бы кстати“,—и засмѣялся. Вообще видно, что онъ понимаетъ меня, что П. много ему говорилъ обо мнѣ, и что самъ онъ, какъ благородный и добрый человѣкъ, любитъ дѣлать добро другимъ.... Я былъ въ такомъ восторгѣ отъ этого разговора, что не могъ спать всю ночь. А милостивое мое начальство—одинъ семинаристъ, а другой подлець—вѣроятно уже шепнули ему обо мнѣ.... Да не на того попали! Онъ самъ хорошо понимаетъ ихъ.... Сочиненія учениковъ М. бралъ на квартиру и остался очень доволенъ.... Въ пансіонѣ онъ при всѣхъ сказалъ: „я здѣсь нашелъ такія сочиненія, которыхъ не находилъ ни въ одной гимназіи!“ Директоръ при этомъ только захлопалъ ушами, а Фортунатовъ тотчасъ сказалъ: „да, они имѣютъ такого наставника; и мы съ Ал. В-мъ каждое воскресенье читаемъ имъ проповѣди“.... *Мы!* а когда въ уѣздномъ училищѣ М. былъ недоволенъ и бранился, тогда директоръ не сказалъ *мы!* Подлецы!

22 Марта. Былъ на 5 недѣлѣ поста, въ среду, у Порошиной. Провелъ часа два препріятно. Адель и Антонина были въ восторгѣ, увидѣвъ меня. Онѣ не замолкли ни на минуту. Вѣрно не шутя я запалъ имъ въ головы.... какъ еще онѣ не подерутся за меня! Много говорили и о Баронессѣ Плотто..... Онѣ всячески даютъ замѣтить мнѣ, что Плотто влюблена въ меня; а я будто и не понимаю.... Странно это институтское воспитаніе! Дѣвушка выходитъ изъ института совершеннымъ ребенкомъ: какъ будто ихъ воспитываютъ для гаремовъ.... На повѣрку выходитъ то, что онѣ влюбляются въ перваго попавшагося мужчину, и счастливы еще тѣ, которыя, по выходѣ изъ института, имѣютъ вѣрныхъ руководителей въ родителяхъ, а не то—гибель неизбежна.... Мать просила меня повидаться еще разъ съ нею, до отъѣзда въ деревню; а дочери прямо назначили днемъ свиданія—вербное воскресенье.... Я хотѣлъ потѣшить ихъ, и вечеромъ въ назначенный день отправился къ нимъ. Мать еще одѣвалась. Адель и Антонина встрѣтили меня: онѣ такъ были довольны моимъ посѣщеніемъ, что не попросили даже садиться. Антонина тотчасъ сказала, что Адель напоминала матери уже нѣсколько разъ послать за мной; а Адель ссылалась на Антонину, и наконецъ обѣ покраснѣли.... Ясно, что имъ обѣимъ хотѣлось видѣть меня.... Сказали,

что посылали и за Баронессой; да ей нельзя.... Впрочемъ мнѣ и съ двумя-то трудно было любезничать; чтожъ если бы явилась еще третья?... Вечеръ прошелъ незамѣтно. Мнѣ было весело смотрѣть на эти миленькія созданія,—а они просто блаженствовали..... При свѣтѣ луны я видѣлъ, какъ онѣ стояли у окна и провожали меня глазами, покамѣсть я не уѣхалъ изъ виду.....

Въ это же воскресенье получилъ письмо отъ Бурачка. Добрѣйшій человѣкъ! Онѣ хлопочетъ сильно обо мнѣ! Былъ у Князя и упросилъ его, чтобы онѣ позволилъ проситься мнѣ во 2 гимназію. Съ прошедшей почтой я написалъ къ Директору. Не знаю что будетъ изъ этого пива; а кажется ничего.... Впрочемъ—все равно: теперь я уже обезпеченъ....

26 Апрѣля. Говорятъ, Державинъ не зналъ порядочно ни одного языка; но странно смотрѣть на его переводы. Псалмы Давида, которые онѣ могъ бы хорошо понимать по нашему Славянскому переводу, переданы ужасно дико; напр. что это за переводъ:

Помилуй мя, о Боже! по велицей
Мнѣ милости Твоей,
По множеству щедротъ, Твоей десницей
Сгладь грѣхъ съ души моей;
А паче тайныхъ беззаконій
Очисти; ихъ знаю я.

Между тѣмъ многія пьесы Анакреона и Горация, которыя онѣ читалъ въ плохомъ подстрочномъ переводѣ, переданы превосходно. Вотъ что значитъ чувствовать симпатію къ чему нибудь! Здѣсь онѣ по однѣмъ, можно сказать, буквамъ угадывалъ духъ поэзіи, а тамъ—все было ясно, и онѣ ничего не видѣлъ. Піеса Державина *Дѣва за арфою* есть переводъ піесы Шиллера: *Laura am Clavier*, и переводъ прелестный, только въ концѣ онѣ прибавилъ къ ней два куплета своихъ; они начинаются стихомъ: *Завѣса отъ очей упала*. Этотъ хвостъ совершенно замаскировалъ піесу, такъ что нельзя даже и думать, чтобы она была не Державинская.

Вчера получилъ письмо отъ Соколова; онѣ пишетъ, что въ Университетѣ явился новый поэтъ, и очень замѣчательный—Песьяцкій, что Никитенко въ восторгѣ отъ него. Это пріятно. Песьяцкій учился у меня въ Псковѣ, въ 5 и 6-мъ классахъ. Въ 7-мъ классѣ онѣ былъ уже безъ меня, послѣ онѣ поступилъ въ учителя какого-то уѣзднаго училища, и черезъ 2 года перешелъ въ У-тъ. Но странно то, что онѣ тогда не писалъ стиховъ, по крайней мѣрѣ не показывалъ мнѣ; да и прозой-то писалъ не совсѣмъ хорошо. Статья, которую онѣ читалъ на актѣ въ гимназіи, была написана мной.

VI.

Петербургъ.

Вотъ уже слишкомъ мѣсяцъ живу я въ Петербургѣ. Кажется, цѣлая жизнь полная и горя и радостей, пролетѣла съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ въ послѣдній разъ въ этомъ дневникѣ. Изъ Вологды выѣхалъ я 9 Юля. Послѣднее время провелъ не скучно. Каждый день бывалъ вмѣстѣ съ кѣмънибудь изъ пріятелей, съ которыми Богъ вѣсть увижусь ли когда. Меня очень любили всѣ.... Много пріятныхъ вечеровъ провелъ въ послѣднее время у Витта, у Новицкаго, у Сырнева, у Селецкаго и пр. За день до отъѣзда прощался съ тѣми, которые еще оставались въ городѣ. Съ Жарковымъ простился нѣсколько прежде. Славный старикъ! Никогда не забуду его. У Витта былъ почти всю ночь за день до отъѣзда. У Новицкаго утромъ. Ниночка—эта хорошенькая, умненькая, милая, 14-лѣтняя его дочка—грустила: она также была занята мной..... Какъ жаль, что я не записывалъ исторіи моихъ чувствъ! Ниночка года черезъ два будетъ красавицей-невѣстой.... но не для меня..... Ужасно видѣть—прекрасное и не имѣть надежды когда либо владѣть имъ! Тутъ можно написать цѣлую диссертацию,—но оставимъ пока—до времени..... Бибикова съ чувствомъ простилась со мной и провожала версты 4, разумѣется, вмѣстѣ съ Соколовымъ. Я поѣхалъ съ Засѣцкимъ и Макшеевымъ въ бричкѣ. Дорога была скучна: грязь ужасная, и потому ѣхали тихо. Въ Тихвинѣ ночевали. 14 Юля утромъ, часовъ въ 9, въѣхали въ Петербургъ. Не нужно говорить, что чувствовалъ я, въѣзжая въ столицу, гдѣ нѣкогда протекали лучшіе годы моей жизни, годы студентства.... Остановился въ домѣ Крузе, у бывшаго ученика моего Энгельмейера. Это было въ субботу. Вечеромъ пошли гулять. Зашелъ на минуту къ Монакову; потомъ къ Эвальду. Дѣти узнали меня тотчасъ. Всѣ эти крошки теперь выросли. Сама М-ме Эвальдъ бросилась мнѣ на шею.... Федора Ф. не было дома, а старика Фед. Христ-ча уже четвертый годъ нѣтъ на свѣтѣ. Условились на другой день ѣхать на дачу къ Шакѣеву; но никого не нашли дома. Гуляли въ Строгановскомъ саду; слушалъ кавалергардскую музыку.... Въ понедѣльникъ въ дилижансѣ отправился въ Кушелевку. Пришелъ къ Плетневу. Онъ встрѣтилъ меня попрежнему. Поговорили объ дѣлахъ и пошли къ Никитенкѣ; но нашли дома одну только жену его. Пошли въ садъ: гуляли долго. Плетневъ проводилъ меня до дилижанса. Черезъ недѣлю я опять былъ въ Кушелевкѣ. Никитенко обласкалъ чрезвычайно. Я пробылъ у него цѣлый день. Жена его попрежнему хороша, добра и мила. Тутъ же былъ и Любоцинскій—братъ ея, мой старый товарищъ. Съ тѣхъ поръ я постоянно ѣзжу въ Кушелевку, дня на два въ недѣлю. Ночую у Шакѣева; потомъ отправляюсь въ Лѣсной Институтъ къ Григорьеву; а наконецъ къ Никитенкѣ; отъ туда уже въ городъ въ дилижансѣ. Ахъ, какъ тамъ весело, какъ полно жизни! то ли въ Вологдѣ! Однажды я былъ съ Никитенкой въ 4 верстахъ отъ Кушелевки на

Поклонной горѣ. Тамъ гуляли въ саду и встрѣтили Остроградскаго. Онъ былъ въ бѣломъ сюртукѣ до пятъ; вокругъ шеи обернута голубая шелковая шаль; на головѣ бѣлая фуражка. Колосальный ростъ и необыкновенное выраженіе лица дѣлають его какимъ-то неземнымъ существомъ. Окруженный дѣтьми, онъ игралъ съ ними въ кегли. Съ нимъ же былъ и академикъ Буняковский. Эта встрѣча памятна мнѣ. Въ Кушелевкѣ же у Никитенки видѣлъ Павскаго, Филиппова—нашего стараго университетскаго инспектора и Струговщикова—переводчика Гете.... Переводы его удачны. Никитенко досталъ мнѣ мѣсто въ Корпусѣ Инженеровъ Путей Сообщенія, въ среднихъ классахъ. Мѣсто прекрасное. У Бурачка бываю также часто. Онъ человѣкъ хорошій; впрочемъ живетъ небогато. Изъ старыхъ товарищей видѣлъ Любощинскаго, Садовскаго, Черняева, Виноградова, Марциновскаго, Полизо, Быкова, Черткова... Всѣ они служатъ: иные хорошо, а иные худо.

6 Сент. Съ 30 Августа живу вмѣстѣ съ Н. Н. С-мъ. Устроились хорошо. Это истинно—мое счастье.... Живу ни скучно, ни весело: ни то, ни се.... Серьезныхъ занятій рѣшительно нѣтъ: то полежу, то схожу куда-нибудь за дѣломъ, а иногда и безъ дѣла, то почитаю старый журнальный сбродъ, то подумаю о предстоящей новой жизни, то—по обыкновенію—помечтаю.... да и замечтаюсь.... Несносныя мысли! откуда лѣзутъ онѣ въ голову? Я думаю, чрезъ недѣлю начнется уже моя новая служба! Что-то Богъ дастъ! неужели и здѣсь разочарованіе! Въ головѣ ужасное безмысліе.... рѣшительно ни одна мысль покамѣстъ не занимаетъ меня.... Ужасно пусто и въ головѣ, и въ сердцѣ: ни горя, ни радости.... Одна только непріятность по временамъ движетъ сердце и скопляетъ въ груди грозу, которая, какъ обыкновенно бываетъ у меня, производитъ мгновенные взрывы...

16 Сент. На прошедшей недѣлѣ въ пятницу былъ у Никитенки и видѣлъ Краевскаго. Никитенко отрекомендовалъ меня ему. Я обѣщалъ доставить нѣсколько статей для *Отеч-хъ Записокъ*. Разговоръ былъ пустой: бранили монаховъ и вообще то состояніе, до котораго доведено у насъ духовенство. При этомъ рассказано было множество смѣшныхъ анекдотовъ. Говорили о Мерзляковѣ. Краевскій хочетъ издать его жизнеописаніе. Это хорошо. Говорили о Щепкинѣ, который приѣхалъ сюда изъ Москвы. Онъ, говорятъ, человѣкъ очень свѣдущій, просто живая книга. Между прочимъ Краевскій упомянулъ, что *Старосвѣтскіе помѣщики* Гоголя написаны съ разсказа Щепкина. Въ понедѣльникъ на нынѣшней недѣлѣ былъ въ *Кунскамеръ* и въ *Кабинетъ Петра Великаго*. Предметовъ множество; но особенно замѣчательнаго мало. Только статуя Петра и лошадь его интересны. Впрочемъ первая сдѣлана невѣрно: лицо и руки дѣтскія. Портреты царей, начиная съ Алексѣя Михайловича—хороши. Портретъ Екатерины Великой превосходенъ. Что это за чудесные глаза! Немудрено, что она умѣла

побѣждать сердца. Скелетъ мамонта интересенъ. А главное меня занимало въ Кунскамерѣ личико какой-то Нѣмочки, которая ходила съ своей матерью. Очень миленькая! Она замѣтила, что я пристально слѣжу за ней глазами, и часто оглядывалась. О женское лукавство! Впрочемъ мнѣ скоро наскучило и я ушелъ. Въ четвергъ былъ у Порошина. Признаюсь, никогда не чувствовалъ я, какъ много отсталъ въ своемъ образованіи въ послѣдніе шесть лѣтъ; но въ разговорѣ съ Порошинымъ увидѣлъ всю бездну, отдѣляющую меня отъ него,—и ушелъ съ полнымъ убѣжденіемъ—приняться за ученіе. Но по пути зашелъ къ К., и кончилъ вечеръ скверно. Вотъ мой характеръ! Въ этихъ контрастахъ истинной теплоты чувства и мысли въ самыхъ глупыхъ проступкахъ заключается моя жизнь; а всему причиной первоначальное воспитаніе и бѣшенная кровь. Въ одну минуту могу оставить за собою многихъ и даже очень многихъ,—и тотчасъ же пасть ниже животнаго. Впрочемъ Порошинъ подѣйствовалъ на меня благотворно. Я рѣшительно принялся теперь за Нѣм-ій языкъ: надобно больше читать и читать и читать. Въ бесѣдѣ съ Плетневымъ, Никитенкой и Бурачкомъ я чувствую, что самъ не глупъ—потому что главное достоинство ихъ (кромѣ Бурачка) заключается въ вѣрности взгляда и чистотѣ вкуса. Они не имѣютъ такой многосторонности фактическихъ свѣдѣній, какъ Порошинъ. Съ этимъ человѣкомъ познаешь вполне все свое невѣжество. Вчера былъ у Никитенки; видѣлся тамъ съ Гребенкой и Струговщиковымъ. Гребенка человѣкъ неинтересный; но Струговщиковъ очень образованный. Разговоръ былъ многосложенъ. Много говорили о Гете. Струговщиковъ преимущественно занимается этимъ писателемъ и переводитъ его очень удачно. Мысль его,—что хотя Гете сдѣлался уже вполне нашимъ достояніемъ въ переводахъ, передѣлкахъ, покражахъ и т. п.; но что надобно изучить его непременно въ самомъ источникѣ: увидѣть всю глубину его мыслей, понять по какому поводу возникали эти мысли, какое отношеніе имѣли онѣ къ современной жизни и пр.,—эта мысль совершенно справедлива. Дай Богъ, чтобы Струговщикову удалось вполне исполнить этотъ планъ. Говорили опять о Щепкинѣ. Очень хвалили его игру въ Ревизорѣ и сравнивали съ Сосницкимъ. Разумѣется, самъ я не могу судить объ этомъ; потому что не видалъ Щепкина, по недостатку въ финансахъ. Что дѣлать? надобно покамѣсть потерпѣть: авось скоро обстоятельства измѣнятся. Говорили о книжной торговлѣ въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ у насъ втораго Новикова; все это торгоши. Надобно бы составить компанію изъ людей образованныхъ, которые бы имѣли и силы и средства покровительствовать талантамъ. Тогда бы меньше было у насъ вздорныхъ книгъ.

16 Окт. Много случилось со мною въ одинъ мѣсяцъ. Въ самомъ дѣлѣ въ Петербургѣ мѣсяцъ то же, что въ Вологдѣ годъ. Надобно бы записывать каждый день, да гдѣ взять времени. Жизнь кипучая.... когда жъ тутъ думать и записывать. Начнемъ съ того, что я уже живу на 4-й квартирѣ, по приѣздѣ въ

Петербургъ. Ну да это проза. Лекціи въ Институтѣ идутъ. Въ кадетскихъ классахъ я началъ не блистательно. Кадеты на меня смотрѣли какъ-то дико,—однимъ словомъ, не поняли меня. Я испыталъ маленькое разочарованіе. Прежде бывало я производилъ на учениковъ магическое дѣйствіе... Я былъ всегда идоломъ ихъ, а теперь.... Въ чемъ же причина? Въ шарлатанахъ—преподавателяхъ словесности: они приучаютъ учениковъ только къ бездушнымъ возгласамъ и внушаютъ мысль, что занятіе словесностью легкое и пріятное. Отъ этого и происходитъ, что всякой хочетъ учиться словесности слегка. Бутырскій, мой предшественникъ, избаловалъ кадетъ: занималъ ихъ анекдотами да побасенками.... Однакожъ надѣюсь, современемъ они полюбятъ меня: надобно добиться того же, что я имѣлъ и въ Вологдѣ, т. е. безграничной любви, уваженія, преданности, увѣренности въ истинѣ каждаго слова, сказаннаго мною.... Въ офицерскомъ классѣ дѣло идетъ лучше: тамъ я профессоръ, слѣд. свободенъ, и скорѣе могу внушить къ себѣ уваженіе. Неловко только устроенъ классъ. Офицеры не имѣютъ передъ собою столовъ, сидятъ на стульяхъ, разставленныхъ амфитеатромъ; а профессоръ долженъ стоять передъ ними на маленькомъ амвонѣ, тоже не имѣя передъ собою ничего. Но дѣло идетъ хорошо. Слушаютъ внимательно, да и я не лѣнюсь; потому что предметъ чтеній—теорія поэзіи—любимѣйшій мой предметъ. Отношенія къ начальству хороши. Получилъ черезъ Никитенку уроки у Познанскаго—готовить сына въ Университетъ. Ученикъ мой малой славный; способности отличныя. Только тутъ вышла сплетня. До меня училъ Савельевъ—другъ и сотрудникъ Бурачка. Я отозвался на урокѣ невыгодно о Маякѣ. Ученикъ мой пересказалъ Савельеву, а тотъ Бурачку. Прихожу вчера къ Бурачку, и тотчасъ замѣтилъ, что уже ему пересказано. По случаю этого написалъ къ нему сегодня по городской почтѣ. Не знаю что будетъ. Хорошо, если бы разойтись съ нимъ. Съ такимъ фанатикомъ, который видитъ въ Св. Писаніи только буквы, дѣла не сдѣлаешь. Спорилъ вчера съ нимъ часа два о сатирѣ и комедіи. Разумѣется, ничѣмъ не рѣшили. Онъ утверждалъ, что этотъ родъ поэзіи противенъ духу христіанства; а я говорилъ, что основаніе его чисто христіанское,—желаніе исправить людей. Онъ занесъ ужасную нелѣпость, что надобно у насъ возстановить только тѣ роды поэзіи, которые были у Евреевъ и пр. и пр. Что станешь дѣлать съ такимъ человѣкомъ? Онъ готовъ въ глаза вцѣпиться каждому.

2 Декабря. Былъ вчера у Никитенки, и провелъ время очень пріятно. Сначала пришелъ туда Краевскій. Разговоръ нечувствительно склонился къ Крылову. Много было говорено о его умѣ—чисто Русскомъ—точномъ, тонкомъ, смѣтливомъ, о его ужасномъ цинизмѣ въ жизни и пр. и пр. Между прочимъ вотъ два анекдота, рассказанные Краевскимъ. Однажды (К. не помнитъ, въ какомъ году) Крыловъ сидѣлъ у Князя Одоевскаго. Приходятъ Якоби, который тогда бредилъ гальвано-пластикой, и химикъ Гессъ. Одоевскій тотчасъ познакомилъ ихъ съ

Крыловымъ. Начались разныя вѣжливости и комплименты. Крыловъ между прочимъ сказалъ: „да, и я очень люблю естественныя науки; но не имѣю возможности заниматься ими какъ слѣдуетъ; а потому много вопросовъ для меня нерѣшимы, хотя очень занимаютъ меня.“ Якоби и Гессъ, разумѣется, захотѣли узнать—что это за вопросы. „А вотъ напримѣръ, сказ. Крыловъ: я не понимаю преломленія лучей свѣта. Положимъ, я отсюда, справа, смотрю на лѣвый конецъ картины и вижу его; а вы слѣва—на правый и также видите. Какимъ же образомъ, если мы видимъ предметы потому, что лучи свѣта падаютъ на нихъ и отражаются въ глазу, здѣсь эти лучи пересѣкаютъ другъ друга и не перемѣшиваются?“ Другой анекдотъ. Въ 1836 году, въ послѣдній годъ жизни Пушкина, у Жуковского были субботы. Однажды въ субботу сидѣли у него Крыловъ, Краевскій и еще кое-кто. Вдругъ входитъ Пушкинъ, взбѣшенный ужасно. Что за причина? спрашиваютъ всѣ. А вотъ причина: цензоръ Крыловъ не хочетъ пропустить въ стихотвореніи Пушкина—Пиръ Петра Великаго—стиховъ: *чудотворца исполнина чернобровая жена....* Пошли толки о цензорахъ. Жуковский, съ свойственнымъ ему дѣтскимъ поэтическимъ простодушіемъ, сказалъ: „странно, какъ это затрудняются цензоры! Уставъ имъ данъ: ну, что подходитъ подъ какое нибудь правило—не пропускай; тутъ въ томъ только и трудъ: прикладывать правила и смотрѣть.“—„Какой ты чудакъ! сказ. ему Крыловъ: ну, слушай. Положимъ, поставили меня сторожемъ къ этой залѣ, и не велѣли пропускать въ двери плѣшивыхъ. Идешь ты (Жуковский плѣшивъ и зачесываетъ волосы съ висковъ), я пропустилъ тебя. Меня отколотили палками—зачѣмъ пропустилъ плѣшиваго. Я отв.: „да вѣдь Жуковский не плѣшивъ: у него здѣсь (показывая на виски) есть волосы.“ Мнѣ отвѣчаютъ: „здѣсь есть, да здѣсь то (показывая на маковку) нѣтъ.“ Ну хорошо, думаю себѣ, теперь-то ужъ я буду знать. Опять идешь ты; я не пропустилъ. Меня опять отколотили палками. „За что?“—„А какъ ты смѣлъ не пропустить Жуковского.“—„Да вѣдь онъ плѣшивъ: у него здѣсь (показывая на темя) нѣтъ волосъ.“—„Здѣсь-то нѣтъ, да здѣсь-то (показывая на виски) есть.“—Чортъ возьми, думаю себѣ: не велѣли пропускать плѣшивыхъ, а не сказали, на которомъ волоскѣ остановиться“. Жуковский такъ былъ пораженъ этой простой истиной, что не зналъ—что отвѣчать—и замолчалъ.

А вотъ кстати ужъ еще анекдотъ Крылова. Я слышалъ его отъ Познанскаго, Незадолго до смерти, Крыловъ былъ гдѣ-то на обѣдѣ. Разговоръ зашелъ объ стерлядяхъ, которыя въ это время подавались за столомъ. Одинъ какой-то господинъ, сидя напротивъ Крылова, рассказывалъ, что въ ихъ сторонахъ стерляди необыкновенно велики. „А какъ напримѣръ?“ спросилъ Крыловъ.—„А вотъ, отв. господинъ, какъ отъ меня до васъ.“ Крыловъ немного отодвинулся со стуломъ въ сторону и сказалъ: „не мѣшаю ли я вамъ?“.... Просто зарѣзалъ! Да и Крылова ужъ нѣтъ на свѣтѣ! Грустно видѣть, какъ старое поколѣніе писателей по-

степенно все уже почти сошло со сцены; а новое что-то плохо дѣйствуетъ. Давно ли у насъ звучали еще имена: Пушкина, Баратынскаго, Крылова, Дмитриева, Карамзина, Гнѣдича, Дельвига, Батюшкова и пр. и пр. А теперь остался уже только одинъ Жуковскій. Да и тотъ живетъ въ Дюссельдорфѣ съ молодой женой. Говорятъ впрочемъ, онъ уже перевелъ 10 пѣсней Одиссеи. Дай Богъ, чтобы онъ кончилъ этотъ трудъ. Теперь у насъ одинъ Гоголь.... Вотъ писатель! Вчера Краевскій говорилъ, что Гоголь написалъ путевыя записки Русскаго генерала въ Италіи. За одну тему уже стоитъ расцѣловать Гоголя. Этотъ предметъ дотого исполненъ комизма, что право кажется не можетъ быть ничего лучше. Что можетъ быть глупѣе Русскаго генерала? Но здѣсь этотъ народъ, можно сказать, въ своемъ стойлѣ; а чтожъ онъ въ Италіи, среди памятниковъ искусствъ? Умретъ со смѣху!—Былъ вчера у Никитенки Майковъ. Я познакомился съ нимъ. Прелестный человѣкъ! Онъ прочелъ прекрасное стихотвореніе—*Духъ вѣка*. Послѣ много толковали объ Италіи, объ женщинахъ—объ Венеціанкахъ и Испанкахъ.... Боже мой! неужели мнѣ никогда не удастся осуществить мечту свою—о поѣздкѣ за границу. Нѣтъ, откажусь отъ всѣхъ видимыхъ благъ, какія только сулитъ здѣсь жизнь, и во что бы то ни стало, поѣду за границу.

1845.

3 Майя. Чортъ знаетъ! никогда вѣрно не быть мнѣ аккуратнымъ. Дневникъ я завелъ не для того, чтобы писать воспоминанія, которыя—какъ бы они ни были живы—все-таки воспоминанія: образы безъ плоти и крови; мнѣ хотѣлось бы высказывать мысли и чувства въ минуты ихъ бытія; а наповѣрку выходить не то: я пропускаю почти по полугоду.... Вотъ Русская натура!

Вчера былъ Майскій парадъ, ... Ничтожное столкновеніе какого-то франта съ полицейскимъ чиновникомъ навело меня на ужасное чувство.... Чѣмъ больше живешь, тѣмъ больше понимаешь, какой ужасный деспотизмъ въ Россіи.... Это чувство невыразимо мучительно,—и нѣтъ никакой надежды на болѣе свѣтлую будущность.... Будочникъ можетъ среди улицы ударить васъ по шеѣ, и попробуйте-ка пожаловаться? васъ задавятъ.... Ужасное положеніе! Чувства народныя дотого опошлены, въ этомъ дьявольскомъ деспотизмѣ, что подлость даетъ человѣку вѣсь, и облагораживаетъ его въ глазахъ другихъ. Слова: *онъ подлѣ*,—и *онъ хорошій человекъ*—у насъ синонимическія. Попробуйте жить честно: счастье еще, если васъ не задушатъ,—а ужъ о выигрышахъ не думайте. Кто вчера красовался . . . . . въ лентахъ и звѣздахъ? Первые подлецы въ Россіи, варвары, тираны, дураки,—и народъ такъ привыкъ къ этому, что смотритъ на нихъ съ какимъ-то благоговѣніемъ.... А Царь? онъ совершенно счастливъ, что солдаты хорошо маршируютъ.... Онъ считаетъ себя въ эти минуты не ниже Наполеона.... . . . . а что между тѣмъ дѣлается . . . . . ужасъ! нѣтъ словъ высказать всѣ

мерзости.... Едва ли Римъ бывалъ въ такомъ положеніи.... И есть же подлецы, которые печатнымъ образомъ кричатъ о славѣ Россіи, ... Мы велики подлостями: въ этомъ дѣйствительно не сравнится съ нами ни одинъ народъ.... а больше что? всѣ части у насъ въ упадкѣ страшномъ.... вездѣ торжествуетъ одна только подлость.... Ужасъ, ужасъ!... Если бы имѣлъ средства, бѣжалъ бы на край свѣта.... только чтобы не видѣть этого и отдохнуть сердцемъ.... въ груди такъ тяжело.....

19 Ноября. Съ Октября я получилъ 4 частныя мѣста. Одно у Графа Ферзена. Готовить въ У-тѣ двухъ сыновей и учить дочь. Сыновья хорошіе люди, а дочь Софья Павловна—прелесть. Умна и мила. Она доставляетъ мнѣ много удовольствія. Другое—у Княгини Салтыковой—готовить въ Университетѣ сына. Прелесть что за юноша. Умень и благородень! Третье—у Князя Одоевскаго (Влад. Ѳедор-ча) готовить въ У-тѣ племянника. Четвертое—у Графа Клейнмихеля—учить двухъ дочерей.

. Все это проза. Теперь о занятіяхъ другаго рода. Я перевожу Донъ-Карлоса. Кажется, удастся кончить это дѣло хорошо. Драма моя пошла въ ходъ, и обѣщаютъ успѣхъ. Можетъ ли въ деспотическомъ государствѣ быть что-нибудь порядочное на сценѣ! Ахъ, если бы всѣ мои надежды исполнились!

1846.

18 Февр. Проза, проза и проза! куда ни оглянись—все проза. Возьмешься за перо—проза; потому что въ тѣ минуты, когда чувствуешь въ себѣ что-то похожее на поэзію—перо не попадаетъ подъ руку. Хотѣлось бы писать жизнь духа, то, что волнуетъ меня, а между тѣмъ пишешь не то, какія-то холодныя воспоминанія. Надобно имѣть Нѣмецкую аккуратность, а это ужъ рѣшительно не въ природѣ моей. Въ границахъ я никакъ не могу быть: что ни задашь себѣ, ничего не исполнишь. Плановъ много, и если судить обо мнѣ по планамъ, такъ пожалуй иной сочтетъ за генія,—да вотъ бѣда! нѣтъ воли. Съ самой выпренней мысли я тотчасъ падаю въ грязь. Счастье только мое, что недолго остаюсь въ этой грязи: тотъ часъ же опять и встану *здравъ* и *невредимъ*. Поживемъ, покамѣстъ живется. Умрешь—и слѣда не оставишь.... Грустно! Теперь только находятъ иногда на меня минуты, когда я начинаю чувствовать какое-то одиночество. Иной сочтетъ это за поползновеніе жениться. Да вѣдь нельзя, по моимъ понятіямъ о жизни и о женщинѣ..... Впрочемъ много тужить не о чемъ. Зачѣмъ же я и учился, если не устою противъ внутренней борьбы. Есть много еще въ жизни, чѣмъ можно одушевить себя. Вовпервыхъ наука со всѣми своими живоносными истинами; вовторыхъ литература; въ третьихъ благотворительность.... сколько чистѣйшихъ наслажденій, которыя гораздо прочнѣе счастья супружеской жизни. Объ одномъ только надобно заботиться—беречь здоровье. Вотъ если оно измѣнитъ, тогда—бѣда, просто бѣда. Но будущее невѣдомо для

насъ,—такъ нечего много и заботиться объ немъ. Положимся во всемъ на Бога,—и поживемъ, покамѣстъ живется.

Что наша литература? На прежнихъ основаніяхъ, т. е. выходитъ иногда кое-что порядочное, сколько возможно это въ деспотическомъ царствѣ. Трудно представить даже, какія ужасныя оковы наложены на всякое свободное развитіе мысли. Теперь только можно чувствовать нѣкоторыя историческія эпохи, какъ напр. отпаденіе Нидерландовъ, Сѣверо-Американскихъ штатовъ и пр. То, что было даже въ царствованіе Александра, (а давно ли кажется) теперь представляется уже какимъ-то мѣомъ. Варварскій деспотизмъ! Когда жъ это кончится? Спитъ Русскій народъ глубокимъ сномъ, и вѣроятно нескоро еще проснется. Сколько можно предвидѣть это теперь, такъ сонъ нашъ прекратится двумя путями. Высшій и средній классы образуются и въ наукѣ почерпнутъ силы и средства для дѣйствій человѣческихъ,—а низшій само правительство разбудить наконецъ кнутами; потому что лопнетъ же когданибудь историческое—можно сказать—баснословное его терпѣніе. По временамъ, а въ послѣднее время даже и нерѣдко,—вспыхиваютъ уже маленькія возмущенія. Правда, это раздаются голоса только немногихъ, маленькихъ волостей; но все же таки это вопли человѣчества—признакъ, что чувство чего-то лучшаго есть уже въ народѣ. Прижимки—варварскія прижимки Евреямъ—; религіозное гоненіе въ Лифляндіи и Курляндіи (въ XIX вѣкѣ!!!), плахи и кнуты въ Польшѣ, Кавказъ—все это ускорить ходъ вещей..... Но всетаки врядъ ли дождаться намъ чегонибудь лучшаго! Развѣ само небо сжадется надъ нами, и *сочинитъ* какоенибудь чудо!.... Чортъ знаетъ, какъ бы вспыхнулъ я, если бы заварилась какаянибудь каша!... все бы бросилъ и пошелъ на площадь..... Какимъ клеймомъ заклеимъ будущій историкъ нашу несчастную эпоху! И подѣломъ! Изъ 60 миліоновъ жителей—едва ли найдется полмиліона, которые чувствуютъ весь ужасъ своего положенія. Стыдно сказать!

19 Февр. Что наши журналы? То же, что и другія отрасли литературы. Хорошій человѣкъ не возьмется за изданіе журнала, потому что эта часть ополнена спекуляторами; а тѣ журналисты, которые теперь на лицо, не заслуживаютъ ничего кромѣ презрѣнія. На первомъ планѣ стоятъ—*Отеч. Записки* и *Библ. для Чтенія*. И тотъ и другой журналъ имѣютъ до 4500 подписчиковъ—число въ наше время огромное! Но чтожъ изъ этого слѣдуетъ? можно ли заключать у насъ по числу расхожихъ экземпляровъ о духѣ журнала? ничуть не бывало! Общество наше погружено еще въ такое глубокое невѣжество, что никто и не думаетъ всмотрѣться въ направленіе журнала..... Только въ Петербургѣ слѣдятъ за этимъ. А добрымъ нашимъ провинціаламъ давай только повѣстей—все равно какія бы ни были онѣ—давай повѣстей и только. Провинціалъ смотритъ на литературу, какъ на препровожденіе времени, если нѣтъ лучшихъ развлеченій—картъ, сплетней и т. п. Вотъ *Б. для Ч.* и *О. З.* и подчуютъ ихъ цѣлыми рома-

нами, переводя ихъ отовсюду. А издатели журналовъ собираютъ денежки, держатъ на жалованьи цѣлыя ватаги рецензентовъ, переводчиковъ, корректоровъ,—а сами лежатъ на боку, и смотрятъ на свои журналы какъ на хорошія усадьбы. Конечно, они народъ смѣтливый, знаютъ, что въ мутной водѣ легко ловить рыбу.... *Сынъ Отечества* мало извѣстенъ. *Репертуаръ*—слишкомъ для нашего общества специаленъ. Въ немъ имѣютъ нужду только любители театра, а такъ какъ этихъ людей мало, да и Репертуаръ хочетъ быть только ничтожнымъ эхомъ мнѣній толпы, потому и не можетъ никогда имѣть ходу. *Современникъ* и *Маякъ* издаются—можно сказать—incognito. Первый потому, что слишкомъ тонокъ: мало въ немъ повѣстей, стало быть и подписчиковъ мало; а въ Петербургѣ тоже онъ не можетъ имѣть ходу; потому что мнѣнія почтеннаго издателя пахнутъ еще вѣкомъ Аркадскихъ пастуховъ. Второй—Богъ знаетъ что такое. Это голосъ фанатика, который ругаетъ все, что только не взято изъ Библіи. На дняхъ, къ чести нашего вѣка, онъ замолкъ: его запретили за статью, въ которой издатель проповѣдывалъ крестовый походъ противъ иностранцевъ въ Россіи. *Москвитянинъ* пошелъ было сначала порядочно,—но потомъ сбился съ толку: началъ доказывать, что Россія хороша была только до Петра, но потомъ когда подвинулась къ Европѣ, все пошло вверхъ дномъ. Чортъ знаетъ, что за нелѣпость!.... А между тѣмъ новое поколѣніе воспитывается подъ вліяніемъ этихъ мнѣній; многіе учителя почерпаютъ въ журналахъ пищу для своихъ крошечныхъ умовъ и толкуютъ это своимъ ученикамъ. Каковы надежды Россіи!!! Одни, увлекаясь духомъ Библіотеки для Чтенія, приучаются, прежде нежели образуются наукой, кошунствовать надъ всѣмъ, не разбирая святыня ли это или глупость. Другіе, въ духѣ Отеч. Записокъ, въ духѣ глупо понятой Германской философіи, начинаютъ пускаться въ объясненіе такихъ явленій, которыя они никогда не испытывали и не видали. Дитя еще и по уму и по сердцу, онъ не хочетъ и знать—что значитъ образованъ умъ и сердце,—а трактуетъ очень высокопарно о сотвореніи міра, о Богѣ и пр. и пр. и пр. Вотъ наше настоящее, да и въ будущемъ-то тьма кромѣшная!

23 Фев. Вотъ что рассказывалъ гр. Сологубъ Никитенкѣ о смерти Пушкина. Въ послѣдній годъ своей жизни, Пушкинъ рѣшительно искалъ смерти. Тутъ была какая-то психологическая задача. Причины никто не могъ знать, потому что Пушкинъ былъ окруженъ шпионами: каждое слово его, сказанное въ кабинетѣ самому искреннему другу, было извѣстно правительству. Стало быть—что тайлось въ душѣ его, извѣстно только Богу. Онъ искалъ смерти. Въ 1836 г. онъ вызывалъ на дуэль Сологуба, по самой пустой причинѣ, за какую-то сплетню. Сологубъ не отказался. Это понравилось Пушкину. Онъ сблизился съ Сологубомъ, и они сдѣлались друзьями. Вскорѣ онъ вызвалъ на дуэль Дантеса—и просилъ Сологуба быть секундантомъ. Сологубъ согласился. Секунданты объяснились съ Дантесомъ. Тотъ сказалъ, что готовъ исполнить всѣ требованія Пушкина. Пуш-

кинъ потребовалъ, чтобы Дантесъ женился на его своячинѣ. Дантесъ женился. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ Пушкинъ опять потребовалъ его на дуэль. Дантесъ опять объявилъ, что въ жизни этого великаго человѣка онъ обязанъ будетъ дать отчетъ передъ цѣлымъ народомъ,—и потому готовъ сдѣлать ему всевозможныя уступки. Пушкинъ сказалъ, что онъ хочетъ непременно стрѣляться съ нимъ; потому что оба они не могутъ жить вмѣстѣ. Сологубъ уѣзжалъ тогда въ Москву, и секундантомъ Пушкина былъ Данзасъ. Разумѣется, обвиненія пали на жену Пушкина, что она будто бы была въ связяхъ съ Дантесомъ. Но Сологубъ увѣряетъ, что это сущій вздоръ. Жена Пушкина была въ формѣ красавица, и поклонниковъ у ней были цѣлые легіоны. Немудрено стало быть, что и Дантесъ поклонялся ей какъ красавицѣ; но связей между ними никакихъ не было. Подозрѣваютъ другую причину. Жена Пушкина была фрейлиной при Дворѣ, такъ думаютъ, что не было ли у ней связей съ Царемъ. Изъ этого понятно будетъ, почему Пушкинъ искалъ смерти и бросался на всякаго встрѣчнаго и поперечнаго. Для души поэта не оставалось ничего кромѣ смерти.

26 Майя. Перевелъ для Современника 2 статьи: одна—біографія Берл. Проф. Пухты; она напечатана уже въ Майской книжкѣ; другая *Любовь Гете къ Гретхенъ* (отрывокъ изъ Wahrheit und Dichtung); она напечатается въ будущемъ мѣсяцѣ (въ Іюлѣ). Последняя статья навела меня на мысль—описать подробнѣе любовь мою къ Ю. А. Г. Заглянулъ сегодня въ дневникъ. Эта исторія описана съ жаромъ; но видно, что, живя еще подъ вліяніемъ страсти, я не могъ тогда быть историкомъ собственнаго сердца. Теперь же, сколько припомню, запишу основательнѣе. Еслибъ можно было отъ Ю. А. достать все мои письма, тогда бы составила изъ этого самая любопытнѣйшая исторія: не было ни одного вздоха, который бы я не ввѣрилъ письму; самыя обстоятельства разныхъ встрѣчъ съ нею описаны преподробно, съ приличнымъ объясненіемъ—когда и что я чувствовалъ.... Смѣшно! а тогда какая глубокая жизнь кипѣла среди этихъ повидимому мелочныхъ обстоятельствъ! Я увидѣлъ Ю. А. въ первый разъ на бульварѣ. Она шла съ дѣтьми Н. Н. Зубова. Это было въ Майѣ мѣсяцѣ 1841 года. Я шелъ тогда съ П. Встрѣтить въ Вологдѣ новое лицо—вещь рѣдкая: тамъ все лица извѣстны. А это лицо было такое миленькое! Я невольно пристально по-смотрѣлъ на нее. Она потупила глаза. Я нѣсколько разъ оглядывался еще и смотрѣлъ ей въ слѣдъ; но она повернула къ дому, и исчезла. П. сказалъ мнѣ, что она недавно приѣхала изъ Пет.б-га. Дѣйствительно, какъ я послѣ уже узналъ, она только въ концѣ зимы приѣхала. Мнѣ очень хотѣлось почаще встрѣчаться съ нею; но З-вы уѣхали на лѣто въ Погорѣлово и увезли, разумѣется, съ собой и Ю. А. Я по обыкновенію мечталъ только, и избалованный прежними побѣдами, думалъ, что и она непременно мечтаетъ обо мнѣ. Такъ я былъ само-надѣянъ! Впрочемъ на этотъ разъ, какъ увидимъ ниже, я не ошибся. Лѣто

проведено въ Тотмѣ. Въ другой разъ я увидѣлъ Ю. А. въ домѣ Тизенгаузена, когда братъ мой былъ уже женихомъ Ш. А.,—именно въ самый день сговора. Ю. А. съ матерью приѣзжала изъ Погорѣлова, по этому случаю, въ городъ. Не знаю почему, я не былъ на сговорѣ, а пришелъ уже вечеромъ. Братъ отрекомендовалъ меня Ю. А. Я не помню что-то сказалъ ей и приготовился уже услышать отъ нея что-нибудь любезное. Не тутъ-то было! Она рѣшительно ничего не сказала: смѣшалась немного, и тотъ-часъ же уѣхала съ матерью въ Погорѣлово. Я растолковалъ это замѣшательство въ свою пользу, и въ сердцѣ моемъ въ эту минуту было уже рѣшено, что добьюсь отъ ней откровенности. Приблизился день свадьбы брата. Я былъ шаферомъ у его невѣсты. За полчаса до вѣнчанья приѣхалъ къ Тизенгаузену. Невѣста еще одѣвалась; Ю. А. была при ней. Мнѣ не удалось сказать ей ни слова. Послѣ вѣнчанья всѣ гости приѣхали къ намъ. Ю. А. была ужасно дика. Я не смѣлъ даже подступить къ ней. Наконецъ подсѣлъ, и успѣлъ вызвать ее на разговоръ. Теперь мы были уже родственники. Я очень много шутилъ; она смѣялась. Такъ и кончился вечеръ. При прощаніи я подаль ей салонъ и поцѣловалъ руку. Она дружески простилась со мной. Я былъ въ восторгѣ. На другой день она обѣдала у насъ,—зашла въ мою комнату,—и потомъ опять уѣхала въ Погорѣлово. Подарила мнѣ сигарошницу и дала свой альбомъ. Я написалъ ей стихи, которые начинаются такъ: „что вамъ скажу? тамъ стихъ молчить“ и пр. Ея не было въ городѣ, а я все мечталъ объ ней. Черезъ сестру она присылала мнѣ поклонны и просила книгъ. Я исполнялъ все немедленно. Наконецъ по первому зимнему пути она возвратилась въ городъ. Я началъ ухаживать за ней. Былъ вмѣстѣ съ братомъ, его женой и съ сестрой К. у нихъ. Дурачились; но она все какъ-то какъ будто боялась меня, хотя глазъ мой зорко видѣлъ, что она любитъ меня. Попалась подъ руку книга—нѣмецкій переводъ Байрона. Я заставилъ ее прочесть стихи—Первый поцѣлуй любви. Она прочитала, зачеркнула карандашемъ и написала на полѣ: „очень глупо!“ Изъ этого уже ясно было, что ей хочется поцѣлуя. Книга эта была моя, и я хранилъ ее съ тѣхъ поръ какъ святыню. Зубовы, возвратясь въ городъ, желали, чтобы я ходилъ къ нимъ чаще. Однажды Ш. А. пошла къ сестрѣ и просила, чтобы вечеромъ и я пришелъ туда. Я былъ очень радъ. Явился. Зубовы приняли меня очень ласково. Самъ Н. Н. З. видѣлъ меня прежде, во время свадьбы, и очень расхвалилъ меня. Жена его (молодая кокетка) и старшая дочь (отъ первой жены) желали непремѣнно видѣть меня, чтобы лично убѣдиться—дѣйствительно ли я таковъ. Я сидѣлъ теперь съ ними внизу. Началъ прощаться. Зубова предложила, не угодно ли мнѣ зайти наверхъ къ роднымъ. Отправился. Ш. сидѣла въ боковой комнатѣ съ матерью, а я подсѣлъ къ Ю. А. Шутили, играли въ карты, гадали. По картамъ вышло, что она влюблена въ червоннаго короля. Хотя ясно было, кто этотъ червонный король, но я непремѣнно доби-

вался, чтобы она призналась. Ю. А. всячески отговаривалась; наконецъ обѣщала, что она скажетъ мнѣ на актѣ. Актъ въ гимназіи назначенъ былъ дней черезъ пять—и я просилъ ее теперь танцевать со мной на актѣ вторую кадрили. Увидѣлъ у ней тетрадь стиховъ и въ числѣ ихъ списано было нѣсколько моихъ стихотвореній. По поводу этого открытія также наговорено было много любезностей. Я предложилъ, не угодно ли ей, чтобы я списалъ ей въ эту тетрадь нѣсколько стихотвореній Бенедиктова. Она благодарила, просила прислать ей книгу для того, чтобы отмѣтить тѣ стихи, какіе ей понравятся. Книга была послана на другой же день, и въ нее я вложилъ маленькую записочку. Черезъ день Ю. А. возвратила мнѣ книгу. Я раскрылъ ее съ трепетомъ.... Въ самомъ дѣлѣ, въ книгѣ вложена была записочка, какъ слѣдуетъ, розовенькая. Ю. А. благодаритъ за книгу, проситъ списать отмѣченные стихи, бросить въ огонь записку, и посылаетъ 976514 и т. д. поклоновъ.... Я былъ въ восторгѣ. Хотя записка состояла изъ нѣсколькихъ строкъ, но по тону ея видно было, что я любимъ.... Въ день акта я танцевалъ съ ней, допрашивалъ снова—кто червонный король? Но она никакъ не сказала. Разумѣется, все эти допросы дѣлались для того только, чтобы смотрѣть ей въ глаза и видѣть какъ мило она упрямится. Черезъ день, кажется, я написалъ ей письмо по-нѣмецки, но не секретно однакожъ. Я просилъ только, чтобы она позволила мнѣ писать къ ней по-нѣмецки для того, чтобы выучиться этому языку,—чтобы она поправляла мнѣ въ письмахъ ошибки и отсылала бы назадъ. Разумѣется, это была штука: значить я не могъ больше владѣть сердцемъ, и хотѣлъ непременно высказать ей свои чувства и добиться отъ ней взаимности. Въ отвѣтъ на это письмо я получилъ отъ ней записку; но.... тутъ-то и начинаются все непріятности, которыхъ испилъ я полную чашу. Вечеромъ братъ приходитъ въ мою комнату и говоритъ: „пожалуйста, братъ, будь остороженъ, не пиши къ Ю. А.; наша маменька—Богъ знаетъ какія исторіи выводитъ уже объ васъ.“ Сердце мое сжалось. Нѣтъ ничего несноснѣе, когда мы только что успѣемъ размяться, какъ вдругъ обрѣзываютъ крылья. Я, разумѣется, отвѣчалъ, что въ письмѣ моемъ не было ничего запрещеннаго. Конечно это такъ: по настоящему, не слѣдовало бы выводить изъ этого исторій; потому что я писалъ открыто, не таясь. А когда сказали, чтобы этого не дѣлать, тогда, разумѣется, только больше подстрекнули меня и довели до вещей непозволительныхъ. Сдѣлавъ мнѣ этотъ дружескій совѣтъ, братъ отдалъ мнѣ отвѣтъ Ю. А., который посланъ былъ въ книгѣ и попался въ руки къ Ш. Въ запискѣ не было ничего особеннаго; но мое сердце чутьемъ уже понимало настоящій смыслъ этихъ строкъ, непонятный ни для кого больше. Я ясно видѣлъ уже, какъ разгораются мечты въ милой дѣвушкѣ. Между прочимъ она спрашивала меня, къ кому въ книгѣ стиховъ моихъ написаны стихи подъ заглавіемъ къ N. N. Эти стихи написаны были на тему: *въ одномъ лазаревомъ чертогъ мы не сойдемся*

никогда. Она сама подчеркнула эти слова въ книгѣ Бенедиктова. Я написалъ на нихъ стихи и означилъ подъ ними 20 Ноября. Она очень хорошо понимала, что N. N. значить Ю. А.; но спрашивала по той же причинѣ, почему и я допрашивалъ у ней—кто червонный король. Теперь два совершенно различныя чувства волновали меня. Съ одной стороны я былъ въ полномъ восторгѣ, что умѣлъ занять собой сердце Ю. А.; съ другой стороны долженъ былъ безотвѣтно стоять подъ цѣлой бурей сплетней и всевозможныхъ непріятностей.... Рѣшился наконецъ окончательно объясниться съ Ю. А. Мнѣ надобно было имѣть человѣка, которому бы я могъ высказывать то, что долженъ былъ таить отъ всѣхъ. Если бы меня не стерегли такъ, то безъ сомнѣнія ничего бы и не было. Но теперь, не имѣя возможности часто видѣть ее, да и при свиданіи не смѣя не только много говорить съ нею, даже смотрѣть попристальнѣе, я поневолѣ предавался мечтамъ, сидя въ своей комнатѣ. Одиночество всего болѣе разжигаетъ любовь. Я написалъ письмо, въ которомъ признался ей въ любви. Отвѣта не было дня три. Наконецъ однажды, возвратясь изъ класса, я нашелъ ее у насъ. Всячески старался шутить съ нею, но она еще болѣе дичилась меня. Наконецъ, передъ прощаніемъ уже, улучилъ минутку столкнуться съ нею наединѣ въ передней. Тамъ было довольно темно. Она вынула изъ за корсета записку и сказала: „вотъ вамъ записочка!“ Потомъ тотчасъ же ушла въ комнату къ Ш. и отправилась домой. Я какъ сумасшедшій прибѣжалъ въ свою комнату и развернулъ письмо. Нельзя описать моего восторга. Письмо заключало въ себѣ самое искреннее признаніе. По обычаю всѣхъ влюбленныхъ, я перечитывалъ его нѣсколько разъ: всматривался въ каждую букву: каждая черта, казалось, улыбалась мнѣ. Это письмо отъ 1 Декабря. Дня черезъ два я отправился съ братомъ и женой его къ З-мъ. Тамъ былъ кое-кто. Мнѣ удалось передать Ю. отвѣтъ на ея признаніе. Начали танцевать. Я разумѣется всталъ съ Ю. Слѣдовало бы, разумѣется, остеречься, зная, что тутъ столько сплетницъ; но я не могъ иначе поступить; пот. ч. не было больше дамъ. Слѣд. въ этомъ случаѣ я не виноватъ. Разговаривая съ Ю. во время танцевъ, я былъ очень остороженъ; но вдругъ, кажется, за 3 фигурой, Ю. говоритъ мнѣ: „пожалуйста не говорите со мной: сестра сердится.“ Меня какъ огнемъ обдало. Ю. объяснила мнѣ, что Ш. во второй фигурѣ шепнула ей: „полно вамъ любезничать: всѣ смотрятъ на васъ!“ Это былъ просто одинъ изъ самыхъ глупыхъ капризовъ Ш. Я взбѣсился ужасно,—и вскорѣ, не простившись ни съ кѣмъ, ушелъ домой. Я давалъ самъ себѣ самыя отчаянныя клятвы—не показываться никогда, какъ только придетъ къ намъ Ю. Разумѣется, это пахло ребячествомъ; но вѣдь если человѣкъ живетъ только чувствомъ, тогда онъ часто дитя природы. Чего мнѣ стоила эта сердечная буря—одинъ Богъ знаетъ. 6 Декабря Ю. обѣдала у насъ. Какъ только я увидѣлъ въ окно, что она приѣхала къ намъ, я ужасно расплакался. Позвали

обѣдать. Въ продолженіи цѣлаго обѣда я не сказалъ ей ни слова: сидѣлъ какъ убитый. Послѣ обѣда тотъ-часъ же ушелъ въ свою комнату. Опять слезы и отчаяніе, опять ребячество. Ю. между тѣмъ, какъ я узналъ послѣ, не веселѣ меня провела время. Она ушла въ комнату къ брату и проплакала тамъ до вечера. Сколько ни старались узнать, о чемъ она плачетъ, и сколько ни утѣшали ее братъ и Ш.—ничто не помогало. Часовъ въ 7 вечеромъ братъ съ женой отправились въ гости, а Ю. домой. Я написалъ самое отчаянное письмо и отправилъ къ ней. Это облегчило меня. Я прокипѣлъ какъ самоваръ и успокоился. Она опять приходила къ намъ. Я опять не отходилъ отъ нея: читалъ ей книги, пожималъ руку и пр. 15 Декабря было какимъ-то злополучнымъ для меня днемъ.... Вечеромъ я отправился къ З-мъ. Прихожу наверхъ. Ю. сидитъ и пишетъ. Какъ только она увидѣла меня, тотчасъ же убѣжала. Я поздоровался съ ея матерью. Она одѣвалась и хотѣла куда-то отправиться. Ю. вскорѣ вышла. Мы начали бесѣдовать съ нею; а мать между тѣмъ простилась со мной и уѣхала. Разумѣется, зная натуру З-хъ, мнѣ бы не слѣдовало оставаться; но въ то время я думалъ иначе. Мы сидѣли вдвоемъ и тихо разговаривали; а внизу между тѣмъ сплетничали объ насъ. Совершенно счастливый, я возвратился домой. Между тѣмъ на другой день З-ва призвала Ю. и начала ей выговаривать; потомъ послала за Ш. и жаловалась ей. Ш., вмѣсто того чтобы защитить сестру, еще на нее же подбавила.... Вышла такая каша, что Боже упаси. Я страдалъ ужасно: единственнымъ утѣшеніемъ было—писать стихи и письма къ ней. Приѣхалъ изъ Пет-га братъ ея Карлъ. Я очень полюбилъ его; потому что онъ похожъ былъ на нее. Черезъ него я могъ теперь легче передавать ей письма. К. ничего не понималъ; п. ч. былъ очень глупъ, но я и на него смотрѣлъ глазами влюбленнаго. Святки прошли нескучно: она была у насъ раза три, и я такъ же заходилъ къ нимъ въ новый годъ. Была по обыкновенію мѣна локонами, рукопожатіями и пр. А сплетни росли да росли.... 4 Генваря, когда я провожалъ ее домой (она была вмѣстѣ съ матерью), я поцѣловалъ ее въ щеку.... Это былъ первый поцѣлуй, сорванный украдкой, при сіяніи звѣздъ, въ морозную ночь.... Она сквозь слезы сказала мнѣ: „ахъ, Н. И., чѣмъ все это кончится!“ „Неужели же вы считаете меня за какого нибудь негодяя? Вы обижаете меня!“ отв. я. Отвѣтъ конечно довольно нелѣпый. Въ самомъ дѣлѣ, чего хотѣлъ я?.... Но страсть не размышляетъ объ этомъ; чувство уже само по себѣ есть наслажденіе. Дай ему цѣль, тогда оно потеряетъ всю цѣну: тогда уже цѣль будетъ предметомъ наслажденія, а не самая жизнь, волненіе сердца.... Возвратясь домой, я тотъ-часъ обдумалъ планъ. Я не зналъ навѣрное—могу или нѣтъ жениться на ней.... Нужно было спросить у какого нибудь законника. Въ Вологдѣ нельзя было этого сдѣлать: тотъ-часъ бы узналъ весь городъ. Я рѣшился написать въ Псковъ къ Б-му. Между тѣмъ на другой же день сообщилъ и Ю. мой планъ.

Отвѣтъ ея былъ самый искренній. Т. обр. я жилъ теперь надеждами, и не видѣлъ и не слышалъ ничего болѣе. Глупостей было множество. Слепой только не замѣтилъ бы, что я влюбленъ страстно. Хотя каждое письмо Ю. дышало любовью, но въ поступкахъ она была довольно страннымъ существомъ: Ш. вертѣла ея какъ хотѣла.... Въ совершенномъ аду жилъ я тогда; но этотъ адъ казался мнѣ раемъ: я страстно обнималъ моего демона-мучителя.... О, если бы можно было тогда передать на бумагу всю эту бурную исторію сердца!.... Тысячи глазъ слѣдили за мной, тысячи языковъ сплетничали обо мнѣ, тысячи непріятностей дѣлали мнѣ, мильены мученій самъ я вызывалъ воображеніемъ изъ глубины сердца; но среди всей этой дьявольщины—какое наслажденіе чувствовать и знать, что есть существо, которое страстно любитъ меня, которое ежеминутно думаетъ обо мнѣ, которымъ я могу повелѣвать, хотя самъ лежу у ногъ его.... какое наслажденіе подъ батареями взглядовъ пожать руку, сорвать поцѣлуй, сказать: другъ мой!.... Боже мой! какъ я любилъ ее!.... даже и теперь еще,—когда столько событій пронеслось уже надо мною, когда столько волненій должна была прожить душа моя, когда все, все должно было оттолкнуть меня отъ нее,—даже и теперь еще какая-то змія шевелится въ сердцѣ.... Приблизился роковой срокъ: я получилъ письмо изъ Пскова съ отказомъ.... Не знаю, какъ я не сошелъ съума!.... Я началъ думать, хвататься за мысль, трактовать самъ съ собой о законахъ природы.... было уже какое-то предчувствіе сумасшествія.... Вдругъ новый ударъ,—и не дальше какъ недѣли черезъ двѣ.... Она приходитъ къ намъ и говоритъ, что уѣзжаетъ на дняхъ изъ В. въ О. Можно себѣ представить, съ какимъ чувствомъ выслушалъ я это извѣстіе, я, который любилъ ее такъ ревниво, такъ безумно.... На другой день она написала мнѣ разныя утѣшенія.... Я дѣйствительно утѣшился нѣсколько, но потому только, что по случаю отъѣзда могъ въ эти послѣдніе дни чаще видаться съ нею. 18 февраля—день ея рожденія. Мы были у ней весь вечеръ. Она была свободнѣе въ обращеніи со мной, а я нѣженъ какъ дитя. На другой день она сидѣла у насъ цѣлый вечеръ и простилась.... Я поцѣловался съ нею при всѣхъ.... это былъ послѣдній поцѣлуй!.... На другой день она уѣхала. Я писалъ ежеминутно, никуда не ходилъ; думалъ, что она перечитаетъ эту исповѣдь сердца съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ она была писана.... Черезъ недѣлю получилъ отъ нее письмо, и отправилъ къ ней цѣлую тетрадь моихъ горестныхъ повѣствованій.... Мученье было невыносимое—письма отъ ней были рѣже, а я ждалъ ихъ ежеминутно; я пошлю ей вдругъ листовъ десять, исписанныхъ самымъ мелкимъ почеркомъ, а получу отъ ней одинъ листокъ.... Я слишкомъ многого требовалъ отъ женщины: я требовалъ отъ ней такой же безумной любви.... И нѣжности, и упреки, и безумство любви, и ядъ ревности—все это бурно кипѣло въ сердцѣ, и все это описывалъ я ей самыми огненными красками. Она благодарила.... *благодарила!*.... женщины!

слышите ли вы это? *Она меня благодарила!!!* Я умиралъ, я распинался,—а *она меня благодарила*, что я такъ прекрасно умѣю страдать и мучиться.... По самому послѣднему пути она приѣхала въ В-ду на нѣсколько дней. Не помню ужъ, какъ я встрѣтился съ ней.... Только, кажется, на другой же день разыгралась сцена, которая произвела во мнѣ страшный переполохъ.... Ю. была у насъ и сидѣла цѣлый день въ комнатѣ у Ш. Это терзало меня невыносимо. Если бы въ ней была хоть искра того пламени, который поджигалъ меня такъ мучительно, она не сдѣлала бы этого.... Положимъ, что Ш. не отпускала ее; но могла ли она такъ равнодушно выносить это?.... Цѣлый день я лежалъ въ своей комнатѣ, страдая ужасно. Къ чаю онѣ вышли наконецъ. Я успѣлъ сказать ей только нѣсколько словъ. Послѣ чаю она опять забралась въ комнату къ Ш. Каковъ былъ для меня вечеръ! Я ходилъ по залѣ какъ сумасшедшій.... А она раза два вышла только на минутку, чтобы объявить, какъ онѣ дурачатся тамъ и какъ ей весело! Я мучился, умиралъ, а между тѣмъ все-таки безумно любилъ ее.... Успѣлъ шепнуть только: „я пойду васъ провожать!“ Она сказала: „хорошо!“ Я ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда она пойдетъ домой.... Смотрю—она идетъ уже, и братъ мой провожаетъ ее.... Она не хотѣла даже сказаться ни мнѣ, ни сестрѣ моей.... Это даже глупо, а каково же было для меня!.... И она могла еще говорить, что любить меня!.... Казалось, вся внутренность моя повернулась.... Я бросился въ слѣдъ за ней; догналъ ее на бульварѣ и какъ сумасшедшій началъ молотъ какія-то глупости.... Въ самомъ дѣлѣ, я былъ жалокъ, истинно жалокъ: надобно быть не человѣкомъ, чтобы не тронуться такими страданіями. Братъ началъ горячо упрекать меня. Я бѣсился еще болѣе. Она говорила: „чего вы хотите отъ меня?.... Пожалуйста оставьте меня!“.... Извергъ!.... Положимъ, что при братѣ она не могла на безумство мое отвѣчать любезностями; но развѣ можно быть человѣкомъ и вонзить кинжалъ въ самую глубину сердца и еще повернуть дважды?.... „Прощайте, Ю. А.,“ сказ. я, когда она пошла уже къ воротамъ, и протянулъ было ей руку.—„Прощайте!“ отв. она съ досадою и даже не взглянула на меня.... Все кончено! я былъ убитъ совершенно!.... Возвратясь домой, имѣлъ довольно горячій разговоръ съ братомъ. Но это было очень глупо, и извинительно потому только, что ужъ я не владѣлъ больше собой.... Въ какую бездну вдругъ упалъ я съ моего неба!.... Первою мыслию моею было—не видѣть ее болѣе!.... Не видѣть!.... Это легко произнести теперь.... а каково было рѣшиться тогда!.... Однакожъ я рѣшился. Она прожила въ В-дѣ еще дня три, была почти постоянно у насъ; но я не показывался ей. Я заперся въ своей комнатѣ и не выходилъ.... Боже мой! но какъ мнѣ хотѣлось упасть къ ея ногамъ, излиться цѣлымъ потокомъ слезъ и упрековъ, и еще огненнѣе полюбить ее!.... Однакожъ я не видалъ ее! Съ гордостію вспоминаю объ этой побѣдѣ духа—самой блистательной изъ всѣхъ побѣдъ въ мірѣ.... Я вызывалъ противъ

нее изъ самой глубины сердца ужасную башню ненависти; а между тѣмъ каждое волненіе сердца, каждый вздохъ, каждая слеза говорили невольно, что я люблю ее безъ памяти.... Съ первымъ же попутчикомъ послалъ ей письмо: надъ каждой буквой рука дрожала и хотѣла написать—люблю тебя—а между тѣмъ я писалъ совсѣмъ не то.... Тонъ письма построенъ былъ фальшиво: я говорилъ, повидимому, очень вѣжливо и холодно, просилъ возвратить мои письма и пр.; а между тѣмъ каждое слово дышало такою глубокою, искреннею любовію.... Отвѣтъ полученъ былъ скоро. Видно, что много пробудилось въ душѣ ея; но не того ожидалъ я.... разлука потушила уже многое.... нельзя было не замѣтить этого.... Я ожидалъ услышать голосъ милаго безумства, а услышалъ слово благо-разумія родственницы.... Ужасно, ужасно! Я не отвѣчалъ.... Тысячи отвѣтовъ диктовало сердце; но я не отвѣчалъ. Вскорѣ получилъ другое письмо, въ которомъ замѣтно уже болѣе чувства; но я не отвѣчалъ.... Невыносимое молчаніе! Мысль моя торжествовала, попирая печальныя развалины сердца.... Такъ проходили дни и мѣсяцы: каждое слово, которое случалось иногда услышать объ ней, бросало меня въ лихорадку, но я молчалъ упрямо. Лѣто, проведенное у Ч-хъ, успокоило меня. Возвратясь оттуда, я нашелъ ее въ В-дѣ, даже у насъ въ домѣ, но не показывался ей.... Медленно, очень медленно шло исцѣленіе, однакожъ я оживалъ.... Не могу сказать, чтобы и теперь даже не оставалась еще въ сердцѣ капля какого-то яду; но.... это ужъ искра въ пеплѣ!.... Итакъ я не видалъ ее больше! Въ прошедшемъ году хотѣлъ было достать отъ ней всѣ мои письма, чтобы по нимъ написать всю исторію любви; но не удалось: получилъ въ отвѣтъ отъ ней письмо, изъ котораго видно, что она уже забыла все.... Однакожъ я непременно достану.

30 Майя. Кн. Салтыковъ живетъ на дачѣ. Я ѣзжу къ нему. Въ первый разъ еще видѣлъ аристократическую дачу. Она еще не совсѣмъ отдѣлана, но уже стѣитъ до 500 тысячъ. Одна комната, очень большая, вся убрана старинными саблями, кинжалами, ружьями; все это скоплялось вѣками. Тутъ же поставленъ рыцарь въ полномъ вооруженіи. Мебель въ другихъ комнатахъ вся старинная, купленная въ Англіи и во Франціи,—или доставшаяся отъ предковъ. Хорошо то, что все это достанется человѣку достойному: дай Богъ побольше такихъ аристократовъ, какъ Кн. Николай Ивановичъ!

Софья Павловна очень любитъ меня. Истинное наслажденіе заниматься съ нею.... Бываютъ и въ жизни учителя счастливыя минуты! Дѣйствовать постоянно на душу умной, милой дѣвушки, быть—въ нѣкоторомъ смыслѣ—творцемъ ея будущаго, оставить въ этой прекрасной душѣ воспоминаніе по себѣ.... Грустно, правда, видѣть, что это милое созданіе отдѣлено отъ меня цѣлою бездною, что она аристократка.... Можетъ быть, не удастся послѣ и увидѣть ее.... Но зато сколько чистаго и святаго въ дѣлѣ ея образованія!... Какъ утѣшительно думать,

что и въ блестящихъ чертогахъ, въ сердцѣ великолѣпной графини есть уголокъ, въ которомъ хранится память о тебѣ.... Плачь и торжествуй, мое бѣдное сердце!

Графини Клейнмихель тоже очень любятъ меня! Каждый разъ послѣ урока поятъ меня чаемъ. Миленькія дѣвушки! Сама Гр. Клеопатра Петровна—прекрасная женщина: умна, добра и хороша собой. Все это вздоръ, рѣшительно вздоръ, что сплетничаютъ о ней по всей Россіи. Аристократство завидуетъ временщику и готово взвалить даже на семейство его всѣ небылицы.... Однакожъ эти нелѣпые слухи передадутся потомству, воображеніе раскраситъ басню, и какой нибудь поэтъ создастъ изъ этого чудную драмму.... Матеріалъ богатый, хотя въ немъ нѣтъ ни капли истины! А жаль, истинно жаль, если эта добрая и милая женщина возникнетъ передъ потомствомъ въ такомъ гнусномъ образѣ!

Всю Страстную недѣлю и Пасху лежалъ, страдая сильнымъ ревматизмомъ.

Прочиталъ первый выпускъ Ист. Лит-ры Рус-ой Шевырева. Какъ упалъ этотъ человѣкъ! Спеціальная часть сочиненія хороша: видно, что этотъ человѣкъ трудился. Но зато взглядъ его, мнѣнія—не приведи Господи! Это что-то пахнетъ Маякомъ. Вотъ какимъ подлецомъ мож. сдѣлаться человѣкъ хорошій. А все виновата наша духовная лит-ра.....

4 Юня. Сегодня послѣ урока очень много дурачился съ маленькими Графинями Клейнмихель. Они заперли двери на ключъ и не выпускали меня. Потомъ утащили у меня шляпу и возвратили, убранную цвѣтами. Сколько было возни! Наконецъ подарили мнѣ прекрасный букетъ цвѣтовъ. Возвращаясь домой, встрѣтилъ очень миленькую дѣвушку, лѣтъ 12-ти. Она шла должно быть съ матерью. „Ахъ, какіе прекрасные цвѣты!“ сказала она, обратившись къ матери. Я остановился и подарилъ ей половину изъ моего букета. Она очень благодарила. Вообще я доволенъ сегодняшнимъ днемъ. Утромъ былъ на дачѣ у Кн. Одоевскаго. Они оставляли меня обѣдать; но мнѣ нельзя было: нужно было поспѣть къ 6 часамъ въ городъ. Послѣ урока пошли съ молодымъ Княземъ на Кушелевку.

7 Юня. Наконецъ только въ Юньской книжкѣ нынѣшняго года От. Записокъ появилась рецензія на книгу Буслаева—*О преподаваніи Русскаго языка*; а книга эта вышла еще въ 1843 г. Книга хороша; но видно, что авторъ молодой человѣкъ: много читалъ, но мало усвоилъ и переварилъ. А главное то, что подобныя книги у насъ являются еще не во время. Прежде нежели мы будемъ бросать философскіе взгляды, должны разработать матеріалы. Съ какимъ бы взглядомъ ни пришелъ учитель въ классъ—ни у него, ни у учениковъ ничего нѣтъ подъ руками. Главный недостатокъ въ хорошей хрестоматіи, въ грамматикѣ, въ словаряхъ.... Рецензія пишется человѣкомъ, который не бывалъ учителемъ; слѣд. онъ упускаетъ изъ виду такія вещи, которыя чрезвычайно важны.

Простился сегодня съ моей милой Графиней Софьей Павловной. Она ѣдетъ въ Гапсаль на два мѣсяца. Добрая дѣвушка! встрѣтила меня еще въ швейцар-

ской, наговорила множество любезностей. Читалъ ей Гоголя, ея любимаго писателя, далъ ей книгу на дорогу. Послѣ урока М-те Люджерсъ просила меня остаться пить чай. Софья Павловна бросилась хлопотать объ самоварѣ. Занимала меня чѣмъ только можно. Простился; она проводила; опять вышла въ швейцарскую, даже смотрѣла въ слѣдъ, пока я не затворилъ дверей и не сошелъ съ крыльца.....

Сегодня весь городъ великолѣпно иллюминированъ по случаю возвращенія изъ заграницы Императрицы съ Ольгой Ник-ой, помолвленной за наслѣднаго Принца Виртембергскаго. Есть чему радоваться! Императрица жила цѣлый годъ въ Палермо, все Русское золото ушло туда, а здѣсь цѣлыя губерніи умираютъ съ голоду. Для раздачи однимъ нищимъ въ Палермо ассигновалось каждый мѣсяцъ 1800 червонцевъ. Для приданаго взято изъ синода 15 милліоновъ свѣчной суммы, которая сберегалась на жалованье духовенству. Кромѣ того никому изъ чиновниковъ не велѣно давать денежныхъ наградъ; если кто ѣдетъ въ отпускъ—не выдавать жалованья.... Приданое все дѣлалось заграницей; стало быть Русское купечество можетъ только облизываться... Одно подвѣчное платье изъ блондъ съ брилліантами стоитъ 3 мил. рублей!!! Вышла по этому случаю картинка: царица бросаетъ горстями въ Палермо золото. Тамъ подбираютъ его нищія, разодѣтыя блистательно. Три русскія женщины подходятъ съ другой стороны къ царицѣ и просятъ милостыни. Онѣ истомлены голодомъ. Царица говоритъ: „сходите въ Палермо и попросите у тамошнихъ нищихъ“.

15 Юня. Вчера былъ въ Петергофѣ, на урокѣ у Клейнмихель. Отправился туда въ 10 часовъ утромъ на пароходѣ—*Москва*. Пассажировъ было довольно много, между прочимъ ѣхала какая-то магазинщица, очень хорошенькая. Было ясно, но вѣтрено. Изъ Петергофа тотъ-часъ же на извозикѣ отправился въ Михайловское (дача Мих. Николаевича, гдѣ живетъ Клейнмихель). Дѣти очень обрадовались. Видѣлъ и самое Графиню. Она ѣздила при мнѣ съ меньшей дочкой (9 мѣс.) къ ея крестной матери Ольгѣ Николаевнѣ. Ольга Ник. подарила крестницѣ маленькой образокъ съ брилліантами. Оставляли меня обѣдать, но я не остался. Дали мнѣ на дорогу цвѣтовъ, и я отправился въ Петергофъ. Тамъ пообѣдалъ, сѣлъ опять на тотъ же пароходъ и отправился домой. Вѣтеръ былъ страшный. Я все время просидѣлъ въ каютѣ.

22 Юня. Вчера опять былъ въ Петергофѣ или—вѣрнѣе сказать—въ Михайловскомъ. Графиня пригласила меня обѣдать. Много гуляли, дурачились. За обѣдомъ стороннихъ не было. Въ 6 часовъ я отправился въ Петергофъ. Напился тамъ чаю и пошелъ въ садъ. Погода прелестная; всѣ фонтаны пущены; играютъ два оркестра музыки; народу гуляетъ бездна. Очаровательно! Вотъ памятники временъ Екатерины вѣчно велики, не то что нынѣшніе дворцы. Въ 9 часовъ отправился обратно на пароходѣ.

20 Июля. Сегодня утромъ былъ въ Беклешовкѣ у Никитенки. Много говорили съ нимъ о нынѣшнемъ состояніи Россіи. Въ самомъ дѣлѣ замѣчательно то, что народъ, который спалъ цѣлыя столѣтія, начинаетъ наконецъ просыпаться и открывать глаза. Всякой сколько нибудь мыслящій человѣкъ невольно задаетъ себѣ вопросы: „кто я? гражданинъ или рабъ? если гражданинъ, гдѣ мои права? Мнѣ говорятъ—вотъ твои права.... Вздоръ! это дары деспотовъ, данные предкамъ моимъ за службу или просто за подлости..... Гдѣ права, купленные цѣною крови и страданій вѣковыхъ, права, за которыя я бы долженъ былъ стоять? Подарки свои деспотъ отниметъ у меня завтра же, а то что я приобрѣлъ исторически, это моя собственность, моя слава, мое счастье“..... Вотъ что говорятъ довольно гласно въ народѣ. Это очень утѣшительно. Голосъ народа не можетъ умолкнуть—непремѣнно будутъ какія нибудь послѣдствія. Не скоро, правда; русской народъ не вдругъ расшевелится; по крайней мѣрѣ есть начало.

22 Июля. Когда Царь (1 Июля) представлялъ въ Петергофѣ съ балкона народу жениха и невѣсту,—въ толпѣ были разставлены солдаты, которые должны были кричать—ура! Надѣялись, что и народъ пристанетъ къ нимъ.... Не тутъ-то было! Солдаты крикнули, а народъ молчалъ.... Идеи въ народѣ бродятъ живо, хотя еще и не широко. Въ провинціяхъ все еще глушь и темнота.... Въ Вологдѣ напр. нѣтъ ни одной живой головы, объ уѣздахъ и говорить нечего.... Все это люди, блаженствующіе въ рабствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, они счастливы, потому что рабы; они такъ привыкли къ этому механизму, что пропадутъ, если ходъ вещей переменится.... Слѣд. никакія идеи и не могутъ привиться къ нимъ.... Правда, и они негодуютъ на многое; но это негодованіе есть ничто иное какъ брыканіе коровы, которая замотаетъ головой, забьетъ ногами, но если ее отдутъ хорошенько, то она будетъ еще послушнѣе и даже больше будетъ чувствовать привязанности къ вамъ.... Надежда только на чернь. Чернь дотога уже угнетена, что наконецъ должно же когда нибудь лопнуть ея терпѣніе. Это будетъ разумѣется не вслѣдствіе высокихъ убѣжденій ума, а просто вулканическій взрывъ,—взрывъ страшный, какого можетъ-быть никогда не запомнить исторія; но всетаки благотѣльный: говорятъ, на лавѣ гуще зеленѣетъ трава.... Петербургъ—молодецъ: онъ думаетъ и чувствуетъ за всѣхъ. Это не то что сплетница Москва. Москва не только не движется впередъ, но въ послѣднее время пошла ракомъ назадъ.... Фактъ замѣчательный!

10 Августа. Не пройдетъ дня, чтобъ не слышно было о какихъ нибудь новыхъ подлостяхъ полиціи. Нѣтъ почти человѣка, который бы не говорилъ по опыту объ деспотизмѣ полиціи. Страшныя вопіющія неправды! Если записывать все это, не достанетъ времени. Самый лучший, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ совершенно уничтожается передъ адскою властью послѣдняго мерзавца—квартильного или даже будочника.... Сердце готово повернуться отъ горькаго чувства....

Потомство (если только оно будетъ счастливѣе насъ) заклеимитъ насъ ужаснымъ именемъ.... Благородный человѣкъ! не спѣши произносить приговоръ. Перенесись въ нашъ вѣкъ душою и сердцемъ, всмотрись хорошенько въ механизмъ нашей жизни.... Посмотри: вотъ самъ. . . . . окруженный легиономъ рабовъ и подлецовъ. Большею частію это все иностранцы, которые пріѣзжаютъ къ намъ цѣлыми одами набивать свои карманы и искать почестей, блеску; потому что дома имъ нечего ѣсть. Вся эта дикая орда варваровъ вооружена съ ногъ до головы. Они опираются на полтора мильена войска. Войско предано имъ; потому что солдату нѣтъ времени думать: онъ просто машина. Это основаніе военной дисциплины. А офицеры.... это не люди. Это дѣти дворянъ. Родители, очарованные блескомъ военной службы, вниманіемъ царя къ этой службѣ, охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ военно-учебныя заведенія, тѣмъ больше что дѣти воспитываются тамъ на казенный счетъ. Несчастные мальчики дѣлаются совершенными рабами. Объ наукѣ ихъ никто и не спрашиваетъ. Они должны знать только фрунтъ. И вотъ они растутъ, мечтая только о будущихъ эполетахъ, объ отличіяхъ (разумѣется, не на полѣ сраженія, а на парадѣ) и т. д. Изъ этого народа дѣлаются офицеры т. е. дураки, развратники, подлецы.... Разумѣется, они душевно преданы царю, потому что въ этой только сферѣ и могутъ они дышать.... Больше они ни къ чему не годятся. Вотъ нашъ высшій классъ. Къ этому надобно еще прибавить людей государственныхъ, занимающихъ высокія мѣста въ гражданской части. Имъ предоставленъ полный деспотизмъ; а деспотизмъ такъ упоителенъ для деспота, что онъ, разумѣется, не захочетъ разстаться съ нимъ. За хвосты этихъ деспотовъ держится цѣлый классъ чиновниковъ, которые тоже лѣзутъ въ гору, одушевленные мыслию, что чѣмъ кто больше рабъ, тѣмъ тотъ скорѣе самъ попадетъ въ деспоты. Небольшое число людей, кончившихъ курсъ въ Университетѣ и получившихъ лучшія понятія, пропадаютъ незамѣтно въ этой сволочи. При томъ они служатъ только въ Петербургѣ, а въ губерніи никто не ѣдетъ. Черный народъ, т. е. крестьяне и мѣщане не имѣютъ никакихъ средствъ учиться: имъ закрыты всѣ пути къ образованію и даже къ дѣятельности. Хотя они чувствуютъ всю тяжесть деспотизма, но съ одной стороны не знаютъ, чѣмъ замѣнить ее, съ другой стороны Рус. народъ искони славится удивительнымъ терпѣніемъ. Много еще нужно, чтобы это терпѣніе лопнуло. Аристократы, правда, образованнѣе другихъ, но они понимаютъ, что еще не переполнена чаша терпѣнія народнаго, и потому живутъ каждый для себя. Что же можно стало быть сдѣлать теперь, при этой разрозненности сословій, при этихъ страшныхъ военныхъ силахъ? Люди благородно мыслящіе должны молчать и выжидать, покамѣстъ пробьетъ часъ. Опытъ 1825 г. 14 Декабря показалъ, что можно только погибать и ничего не исполнить. Рано еще, слишкомъ рано... Правда, послѣ 1825 года сдѣлано уже очень много: идеи обхватили уже большій кругъ народа, но все

еще рано, слишком рано... Желалъ бы я дожить до конца нынѣшняго столѣтія,—что тогда будетъ? Вѣроятно, народъ больше почувствуетъ свои силы.... Двадцатое столѣтіе разумѣется будетъ самое бурное и самое счастливое для Россіи.... Братски обнимаю тебя, мой милый соотечественникъ,—ты, который увидѣлъ зарю новой жизни—зарю счастія и свободы.... Ты гордишься тѣмъ, что живешь въ эпоху великаго переворота, когда открыты пути для разнообразной дѣятельности.... Но вспомни и насъ, которые начали скоплять эту грозную силу негодованія—этотъ капиталъ, который достался тебѣ въ наслѣдство удвоенный, утроенный, удесятеренный, и который далъ тебѣ средство пользоваться лучшею жизнію... Да, народъ долженъ пройти сперва трудный путь страданія, и тогда только онъ оцѣнитъ свободу.... Эта только мысль и можетъ поддерживать насъ и не дать упасть духомъ.

15 Авгус. Былъ вчера у Одоевскаго. Княгиня наговорила мнѣ множество комплиментовъ зато, что племянникъ ея прекрасно выдержалъ экзаменъ въ Университетъ. Ну и зато спасибо, что хвалятъ. Обѣдалъ у Никитенки. Онъ говорилъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Благородный человѣкъ! И всѣ эти люди должны погибать подъ ярмомъ деспотизма, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда въ мірѣ. Вся эта кипучая жизнь мыслей и чувствъ должна глхнуть безъ плодовъ.... Проклятая Москва! ты осквернила нашу Исторію, такъ что народу долго еще не выжить этого яду изъ жилъ и костей своихъ. Никитенко разсказалъ между прочимъ еще одинъ интересный случай. Графиня Самойлова продавала имѣніе свое *Славянку*. Графъ Воронцовъ-Дашковъ торговалъ у ней, далъ задатки, оставалось только совершить актъ. Вдругъ пріѣзжаетъ къ Графу чиновникъ и говоритъ, что актъ совершенъ быть не можетъ. Отъ чего? Отъ того, что Государь беретъ это имѣніе себѣ. Видѣлъ новую рукопись Гоголя—*Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*. И Гоголь, кажется, началъ сбиваться съ толку. Этимъ онъ обязанъ Московскимъ литераторамъ. Прочтемъ—и тогда увидимъ.....

Авг. 20. Вчера зашелъ въ театръ. Давно ужъ не бывалъ. Играли три комедіи—*Жена и карты*, *Сиротка-Сусанна*, *Приключеніе на искусственныхъ минеральныхъ водахъ*. Первые двѣ хороши. Разумѣется, въ новѣйшемъ французскомъ вкусѣ, т. е. много есть нелѣпостей въ основѣ, но по крайней мѣрѣ—все это живо, легко, шипуче, какъ шампанское, хотя въ головѣ остается пустота, какъ послѣ шампанскаго. Играли превосходно. Это невольно наводитъ опять грусть на сердце. Сколько истинныхъ талантовъ таится въ нашихъ актерахъ. И все это подавлено властью.... Въ чемъ обнаружить актеръ свои таланты? Гдѣ пьесы, по которымъ бы онъ могъ образоваться? Кромѣ глупостей не позволяютъ ничего ставить на сцену. Даже тѣ пьесы, которыя игрались при Александрѣ, теперь запрещены.... Какая безотрадная будущность!... Народъ полонъ великихъ

силъ—вездѣ такъ и пробивается его чистый самородный умъ, и между тѣмъ надъ всѣмъ тяготѣетъ желѣзное ярмо деспотизма.... Грустно! грустно! Вотъ почему и могутъ держаться на сценѣ такія вещи, какъ напримѣръ *Приключеніе на искусственныхъ минеральныхъ водахъ*. Если бы подлѣ этихъ пьесъ стояли произведенія Шекспира, Шиллера, Гете, тогда первыя пали бы сами собою, даже невозможно бы было и предполагать ихъ существованія. А теперь онѣ играютъ, и публика хоть зѣваетъ, а всетаки смотритъ. Плоскости—и больше ничего.

24 Авг. Въ четвергъ, третьяго дня, былъ обѣдъ у Одоевскаго, по причинѣ поступленія въ Университетъ Кн. Сергія Ивановича. Были тѣ, которые приготавливали его къ приѣмному экзамену; а изъ постороннихъ Плетневъ и Никитенко. Плетнева я не видалъ уже почти годъ, и тутъ столкнулся съ нимъ. Онъ очень дружески пожалъ мнѣ руку, и благодарилъ за статью—Гете и Гретхенъ—которую я перевелъ для Современника. Разумѣется больше я не вступалъ съ нимъ ни въ какія объясненія. Обѣдъ былъ подъ деревьями. Время проведено очень, очень пріятно. Маленькая Княжна Мар. Ив. Одоевская очаровала меня. Я дурачился съ нею какъ дитя. Очень миленькая и умная дѣвушка.

8 Окт. Гоголь рѣшительно, кажется, погибъ для литературы: вдался въ страшный мистицизмъ. Странная судьба нашихъ талантовъ! Впрочемъ и неудивительно: тамъ гдѣ нѣтъ общей жизни духа, которая бы оживляла всю массу народа, головы мыслящія, чувствуя свое одиночество, тоскуя въ неволѣ, бросаются на всевозможные пути—только бы жить и мыслить и забыть хоть въ чадѣ заблужденія своихъ палачей. Страшно видѣть утопающаго, еще страшнѣе смотрѣть на костеръ, на которомъ погибаетъ талантъ! Ахъ, Гоголь, Гоголь!....

Сегодня Графиня Клейнмихель была необыкновенно любезна; что за милая дама! Только въ аристократическомъ кругу женщина вполне достигаетъ своего назначенія. Съ мужчинами не то: умъ мужчинъ вездѣ имѣетъ цѣну, вездѣ пробьется и окружить себя лучами славы; но вкусъ и любезность женщины, какъ главныя ея преимущества, требуютъ много внѣшнихъ условій: только въ благовонной атмосферѣ великолѣпныхъ гостиныхъ и будуаровъ, среди роскоши, женщина развиваетъ вполне свои таланты, становится существомъ, передъ которымъ благоговѣешь.

10 Окт. Третьяго дня, когда я жалѣлъ о болѣзни Гоголя и питалъ еще надежды, что онъ поправится, поэта уже не было на свѣтѣ: въ понедѣльникъ получено извѣстіе, что Гоголь умеръ*). Я сегодня только узналъ объ этомъ. Трудно иностранцу, или человѣку другаго поколѣнія представить—какъ велика наша потеря! Была поэзія—и нѣтъ ея; вотъ все, что можно сказать. Но кто пони-

---

*) Это былъ пустой слухъ. (Примѣч. автора.)

маеть и чувствуетъ исполнѣ поэзію, для кого она есть жизнь, самая лучшая, благородная и высокая, тотъ пойметъ всю цѣну, всю горечь этой простой фразы. Велико было сиротство наше по смерти Пушкина, но тогда я мало еще могъ понимать это; да притомъ всетаки оставались еще люди, къ которымъ съ любовію могло обращаться сердце, жаждущее истины и красоты; тогда Жуковскій еще не устарѣлъ, Баратынскій хоть рѣдко, но всетаки являлся въ печати; Гоголь былъ въ полномъ почти блескѣ; Лермонтовъ подавалъ большія надежды.... А теперь посмотрите кругомъ.... Сколько ни трубятъ журналы объ Сологубѣ и Достоевскомъ, но цѣлая бездна отдѣляетъ этихъ подражателей отъ ихъ родоначальника. Они схватили только внѣшнюю сторону Гоголя, а никто еще не понялъ его духа; никто еще изъ пишущихъ не понялъ, что Гоголь открылъ цѣлый міръ поэзіи, міръ совершенно новый и невиданный; никто еще не понялъ, что онъ пророчествовалъ о такой жизни, которая, проникнувъ сперва духомъ своимъ всю литературу, должна была современемъ отразиться и въ быту политическомъ; никто еще не понялъ, что Гоголь не простой художникъ, но поэтъ, принесшій къ намъ начала новой жизни.... И этотъ поэтъ, это свѣтило, этотъ духъ, оживлявшій насъ, вдругъ исчезъ.... Вы видите въ мастерской множество превосходныхъ картинъ, множество геніальныхъ начатковъ,—а художника-хозяина уже нѣтъ. Какими слезами заплачете вы тогда?

25 Окт. Вчера былъ у Графини Клейнмихель. Никитенко экзаменовалъ моихъ ученицъ. Графиня осталась очень довольна. Пригласила насъ къ себѣ пить чай,—и показала всѣ комнаты, даже спальную. Боже мой, что за роскошь! Вообще вчера она была очень любезна; въ первый разъ еще стала называть меня по имени, и просила, чтобы я взялся учить и Рус. Исторіи, что ученицы очень привыкли ко мнѣ и пр. Отказаться нельзя. А сегодня Никитенко говорилъ, что Графиня сказывала ему вчера, что ученицы мои просто обожаютъ меня. Пріятно слышать. Вчера же получилъ мѣсто въ V гимназіи. Теперь денегъ будетъ много, зато и работы куча.

5 Ноября. Обѣдалъ у Графини Клейнмихель. Она была по обыкновенію очень любезна. Показывала разныя вещи, привезенныя изъ Парижа и назначенныя въ продажу для дѣтскихъ пріютовъ. Есть очень много премиленькихъ вещей.

31 Дек. Въ послѣднее время я обдумалъ основательно вещи достойныя обдумыванья. Занялся изслѣдованіемъ методы преподаванія Рус. языка. Прежде я слѣдовалъ просто какому-то инстинкту; теперь началъ взвѣшивать свои понятія и дѣйствія. Это поприще у насъ рѣшительно ново. Сколько можно сдѣлать на немъ полезнаго. Гимназія принесла мнѣ пользу: она обратила меня къ началамъ языкоученія. Написалъ, по порученію Мусина-Пушкина, планъ преподаванія Рус. языка въ гимназіяхъ. Много тутъ еще незрѣлаго, дѣтскаго; но главное—вѣрно; надобно только развить эти мысли и заняться кое-чѣмъ спеціально. Кстати

поручено было написать разборъ на Половцова. Составленъ совѣтъ изъ учителей Рус. языка подѣ председательствомъ Буссе, директора 3-й гимназіи. Первое засѣданіе было. Статья моя прочитана и принята хорошо. Очень радъ, что нашелъ сочувствіе. Есть надежда, что у насъ лучше наконецъ будутъ учить въ школахъ.

Гоголь живъ; но для литературы погибъ. Вышла его новая книга—*Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*. Что это за нелѣпый мистицизмъ! Можно ли узнать Гоголя?

Наступаетъ новый

1847-й годъ.

Что-то принесешь ты мнѣ, новый годъ?

5. Никитенко поцѣловалъ меня (когда я пришелъ поздравить его съ новымъ годомъ) за статью противъ Половцова. Ему Попечитель хвалилъ и ее и меня. Обѣдалъ у Никитенки. Въ субботу (4 числа) было собраніе, въ которое пріѣхалъ и Половцовъ. Глупый человѣкъ! Я прочиталъ ему статью, и онъ не нашелся сказать ни одного слова. Сидѣлъ какъ дуракъ,—съ тѣмъ и уѣхалъ. Пожали только плечами да улыбнулись.

9. Былъ вчера въ театрѣ. Играли *Уголино* (Полеваго). Драма сложена довольно нелѣпо; но есть истина въ основѣ, логика въ любви, чисто итальянской. Каратыгинъ, Сосницкой и Самойлова играли прелестно. На меня же собственно страннымъ образомъ подѣйствовалъ сонъ Нино. Въ облакахъ является Вероника.... музыка.... тихій голосъ существа любящаго, но уже отлетѣвшаго отъ міра.... Какъ много тутъ истины! Столько напомнило мнѣ это! Такъ много шевельнулось въ душѣ.... Я заплакалъ горько.... и было такъ грустно и больно и сладко на сердцѣ, что и до сихъ поръ не выходитъ изъ головы это видѣніе, этотъ голосъ, эти звуки.... Давно уже не таяла такъ душа моя.... Я обновился!....

Въ театрѣ были Порошины. Три года я не видался съ ними: встрѣтился какъ съ близкими родными.... Пожалъ руку Адели....

11 Майя. Замѣчательное нынче время. Сверху притѣсненіе страшное: стерегутъ не только шаги, даже взгляды, малѣйшее движеніе мысли. А между тѣмъ все-таки есть въ народѣ какой-то осадокъ разумности, и по временамъ что-то шипитъ въ видѣ пѣны. Правда, эта пѣна исчезаетъ быстро; но по крайней мѣрѣ пріятно видѣть, что . . . . . долженъ же иногда просыпаться и чувствовать, что не всѣ считаютъ его за отца отечества. Пріятно видѣть и то, какъ онъ разочаровывается по временамъ въ своихъ любимцахъ. Въ послѣднее время человѣкъ 5 или 6 самыхъ именитыхъ вельможъ уличены *въ воровство*. Это люди, осыпанные титлами, чинами, орденами. Графъ Левашовъ, Тришатный, Дробининъ, Клеверенскій—другихъ не помню.... Между тѣмъ есть надежда (Богъ знаетъ, когда-то сбудется она), что народъ заговоритъ наконецъ. Всѣ событія ведутъ къ тому. Одно только худо, что народъ нашъ—подлецъ на подлецѣ. Татарщина . . . . . такъ оподлили

всѣхъ, что, я думаю, мы въ силахъ еще пережить цѣлый десятокъ Іоанновъ Грозныхъ. . . . . Да, вѣка портили народъ, вѣка должны и исправить его. Наша доля (доля наставниковъ и учителей) еще самая блаженная: мы можемъ по крайней мѣрѣ дѣйствовать *непосредственно*, т. е. внушать истинныя понятія о вещахъ, дѣйствовать на развитіе разума; если къ кому привьется это, тотъ самъ уже дойдетъ до приложеній.

16 Мая. Перечиталъ снова исторію Грознаго, время самозванцевъ и междуцарствія. Что это за отвратительная картина! Народъ лижетъ ноги тирана, когда тотъ пьетъ кровь своихъ подданныхъ,—и хоть бы одна голова приподнялась.... только Курбскій обнаруживаетъ въ себѣ признакъ жизни, да и то—герой безъ лица и фізіогноміи. А другіе въ это время только сплетничаютъ и предаютъ другъ друга.... Это не невѣжество, нѣтъ, это подлость, остатокъ татарщины.... А время самозванцовъ: что это такое? Шумъ, громъ, и все изъ за чего? за свободу ли мысли? за права ли разума? за честь ли и славу народную?.... Ничуть не бывало! За однѣ формы, за глупые обычаи: нѣтъ и тѣни мысли и чувства.... То ли бывало въ Европѣ во времена самыхъ кровавыхъ распрей, бурь и невзгодъ? Нѣтъ, ничего подобнаго!.... Какая убійственная тоска наполняетъ душу, какъ вемотришься въ исторію отечества.....

2 Авгус. Частныя мои отношенія къ людямъ (исключая нѣкоторыхъ начальниковъ) всегда хороши. Меня любятъ; можетъ быть впрочемъ потому, что нѣтъ причины не любить. О нѣтъ! я еще далекъ отъ такого разочарованія. Я вѣрю въ безкорыстную честность, дружбу и любовь. Во мнѣ даже слишкомъ много откровенности и вѣрованій во все прекрасное. Часто конечно я обманывался; но зато много испытывалъ и такихъ наслажденій, которыхъ не испытываетъ ни одинъ разсчитливый человѣкъ. Не понимаю только, за что Гр. Соф. Павл. такъ любитъ меня?

7 Авг. Вчера вечеромъ возвращался изъ Павловска вмѣстѣ съ секретаремъ Бенардаки. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ очевидецъ, несчастное событіе 1841 года. Онъ возвращался тогда изъ Павловска съ двумя пріятелями. Они сидѣли въ 4 вагонѣ; а всѣхъ вагоновъ было 37. Въ Царскомъ Селѣ И. Е. вышелъ закуригъ сигару; но возвратясь видитъ, что мѣсто его уже занято. Онъ обращается къ кондуктору и предъявляетъ билетъ. Кондукторъ говоритъ, что ужъ дѣлать нечего—сами ищите другое мѣсто, что при такомъ множествѣ народу всѣ почти перепутались мѣстами, такъ что невозможно уже добраться толку. И. Е. пошелъ отыскивать новое мѣсто и успѣлъ сѣсть въ 24 вагонъ; а пріятели его остались на прежнихъ мѣстахъ и смѣялись надъ нимъ. Поѣздъ тронулся. Это было уже въ 1-мъ часу ночи; многіе дремали. И. Е. замѣчаетъ, что машина прошла уже то мѣсто, гдѣ бы слѣдовало остановиться для разъѣзда съ другою машиною. Онъ обратился съ вопросами къ своему сосѣду; но сосѣдъ былъ нѣмецъ—пьянъ и

притомъ дремалъ. Ёдутъ. Вдругъ раздается страшный ударъ; такъ что стекла въ 24 вагонѣ полетѣли дребезгами. И. Е. выглянулъ въ окно—впереди пожаръ и вопли. Онъ и всѣ другіе выскочили изъ вагона, бѣгутъ—передній вагонъ горитъ, исковерканный такъ, что и узнать нельзя; 8 вагоновъ разбитые лежатъ во рву—трупы, головы, ноги, руки валяются кучами. Онъ встрѣчаетъ одного изъ своихъ товарищей, окровавленнаго. Тотъ говоритъ, что ударомъ придавило ихъ вагонъ, такъ что крыша расколосась, и онъ въ безпамятствѣ бросился въ ровъ; а другой товарищъ вѣроятно погибъ. И въ самомъ дѣлѣ они скоро нашли несчастнаго: у него голова была вдавлена въ грудь. Раненые кричали отчаянно; оставшіеся въ живыхъ спѣшили подать имъ помощь. И. Е. наткнулся на дѣвушку, прекрасно одѣтую: она кричала и билась. Онъ съ товарищемъ поднялъ ее; у несчастной въ шеѣ былъ гвоздь. Гвоздь вырвали, и раненую отнесли на рукахъ въ поле; спросили—кто она, достали какую-то лошадь и отвезли въ городъ. Между тѣмъ мертвыхъ и раненыхъ складывали въ уцѣлѣвшіе вагоны. Дали знать въ городъ; пришла новая машина и довезла ихъ до города. Погибло всего—болѣе 100 человѣкъ, да переранено было до 150. Воображаю весь ужасъ этого событія!

7 Сент. На дняхъ купилъ и прочиталъ Тургенева и Головина. Новаго ничего не нашель; но утѣшительно читать книгу, въ которой систематически излагается все, что самъ я передумалъ и перечувствовалъ въ разныя минуты жизни. Со-чувствіе—вотъ что интересуесть. Головинъ, какъ человѣкъ молодой, говоритъ съ энергіей, съ желчью; но мало убѣждаетъ: нѣтъ доказательствъ. Тургеневъ положительнѣе, богатъ свѣденіями, основывается во всемъ на документахъ. Въ четвергъ 2 числа играли мою драму—*За короля*. Я былъ очень огорченъ: играли дурно, да и самая драма высока для публики Александринскаго театра. Притомъ цензура жестоко изуродовала ее..... Получилъ уроки у Княгини Долгорукой—учить 15 лѣтнюю Княжну Марью Николаевну. Очень умная дѣвочка. Она любитъ меня и я ее.

21 Ноября. Графиня Ферзенъ любитъ меня. Ей теперь 16-й годъ. Она начинаетъ уже чувствовать не по дѣтски. По цѣлымъ часамъ я держу и ласкаю ее бархатную ручку. Это ей нравится; она такъ уже привыкла къ этому, что сама предупреждаетъ меня и подаетъ мнѣ ручку. Если бытъ Мефистофелемъ.... о, сохрани меня Боже! Но я, кажется, никогда не разстанусь съ ней; потому что когда она созрѣетъ вполне, надѣюсь, будетъ не только любить, но и уважать меня.... Милая душа! Она доставляетъ мнѣ много минутъ истиннаго наслажденія.

28 Ноября. Общество наше въ послѣднее время видимо растетъ и мужаетъ. Можно сказать, въ каждомъ уже есть если не ясное понятіе, то по крайней мѣрѣ темное чувство о правѣ человѣка и гражданина,—о томъ великомъ правѣ, которое всегда и вездѣ у народовъ образованныхъ было источникомъ всѣхъ событій

жизни, достойныхъ исторіи, и которое такъ позорно поправано въ Россіи. Правда, это—если можно такъ выразиться—электризованіе общества можетъ продолжиться еще слишкомъ долго, но все же законъ природы возьметъ наконецъ верхъ надъ правилами незаконнаго деспотизма, можетъ быть слѣдующее поколѣніе будетъ уже гораздо счастливѣе насъ. И теперь одинъ только непрерывный свистъ кнута заглушаетъ темный ропотъ сердець. Однакоже всетаки жизнь прорывается то тамъ, то здѣсь: . . . . . вѣроятно видитъ это. Вотъ только бѣдствіе: есть еще пропасть подлецовъ, которые находятъ выгоду въ доносахъ. Имена такихъ людей стоило бы обезсмертить самымъ позорнымъ образомъ. Давно ли студентъ Кіевскаго Университета (и кто же? студентъ!.....) донесъ на Гулака, Кулѣша, Шевченко—и несчастные страдалцы пьютъ теперь горькую чашу! А вотъ опять достойный воспитанникъ Горнаго Корпуса . . . . . донесъ на Аффендиха, и бѣдняка отправили солдатомъ на Кавказъ. Конечно, Аффендихъ—лицо неважное; невелика потеря для отечества, если и вовсе не будетъ; но все-таки подлець . . . . . достоинъ безсмертія!

Говорятъ, на 20 число ночью ходили по городу патрули и даже солдатамъ розданы были патроны. Это было въ слѣдствіе того, что . . . . . подброшены были какія то письма, въ которыхъ грозили свернуть ему шею. Угроза конечно вещь пустая: надо не грозить, а дѣйствовать; но всетаки не мѣшаетъ, чтобы . . . . . держать ухо востро. Новый законъ о правѣ заложенныхъ крестьянъ выкупаться на волю—законъ пустой въ основаніи, важенъ тѣмъ, что онъ взволновалъ всю аристократію. Они сильно зашумѣли, и если это пойдетъ все такъ какъ теперь, то сыну . . . . . достанется на орѣхи. Я много толковалъ объ этомъ съ молодыми аристократами, и видно, что они сдѣлали уже шагъ въ понятіяхъ о правѣ и свободѣ. Дай Богъ! Авось дѣти будутъ лучше отцевъ. Утѣшительно ужъ и то, что они презираютъ службой и одушевляются мыслию—жить и дѣйствовать для блага своихъ крестьянъ. Можно надѣяться, что рабство исчезнетъ наконецъ, и крестьяне будутъ имѣть свою собственность. Тогда дѣло пойдетъ иначе!

Дек. 27. Она (Софи) меня любитъ, и мнѣ суждено еще разъ испытать упоеніе любви, хотя совершенно въ иномъ родѣ. Такая любовь больше согласна съ моимъ характеромъ. Я поэтъ въ сердцѣ. Въ любви меня очаровываетъ эта безпредѣльность чувства, которую, какъ небо, нельзя измѣрить даже мыслию. Всякая цѣль, какъ бы она далека ни была, указываетъ уже на опредѣленную границу, за которой—чтожъ тамъ? какой-то новый порядокъ жизни—жизнь, можетъ быть, полнѣе настоящей; но всетаки довольно опредѣленная, не безъ скуки, не безъ непріятностей. Но безбрежность чувства, съ его бурями и волненіями—вотъ гдѣ можетъ крѣпнуть и мужать душа моя. Я одинокъ и долженъ умереть одинокимъ. Такъ отъ чего же не дать воли сердцу уноситься къ самымъ далекимъ заповѣднымъ берегамъ? Она меня любитъ—и я счастливъ, и я горжусь ея любовью.

1848 годъ.

25 Февр. Новый годъ взшелъ подъ счастливыми предзнаменованіями. Вся Европа въ волненіи: во всѣхъ головахъ бродятъ мысли о свободѣ; троны вездѣ колеблются. А во Франціи поступили рѣшительно: короля—къ черту, и—*vivat respublica!* Молодцы! Люблю народъ, гдѣ мысль и дѣло всегда почти синонимы. Что будетъ изъ всего этого—еще неизвѣстно; во первыхъ потому, что мы пока мѣстъ и не знаемъ еще ничего вѣрнаго; а во вторыхъ потому, что самое дѣло еще только начинается. Первое извѣстіе сюда получено въ самую масляницу (третьяго дня), и на другой день уже всѣ заговорили объ этомъ. Впечатлѣніе рѣзко и живо; пока мѣстъ оно еще не приняло опредѣленнаго образа; но радуетъ уже то, что оно принято почти всѣми съ видимымъ удовольствіемъ, какъ новость пріятная. Слава Богу, стало быть головы Русскія уже значительно измѣнились въ послѣднія 50 лѣтъ. Первая революція Франціи пробудила не только въ Россіи, но даже во всей Европѣ отвращеніе къ себѣ и негодованіе; а теперь—совсѣмъ не то! вездѣ люди толкуютъ, потирая руки, какъ будто онѣ у нихъ чешутся.... Худо только то, что по характеру нашему это можетъ ограничиться одной только чесоткой! Но во всякомъ случаѣ дѣла Европейскія ускорятъ наше развитіе. Мысль не остановишь никакой таможней: она прокрадывается какъ тать; хоть медленно, зато прочно утверждается въ головахъ и сердцахъ, такъ что искоренить ее можно только тогда, когда выпустишь всю кровь изъ человѣка съ преображенной головой. На ноги и руки набиваются оковы; для книгъ есть цензура; а для мысли и чувства нѣтъ оковъ: они улетають изъ міра не иначе какъ вмѣстѣ съ душою, ими осѣненной.... Посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло. Теперь каждый день надобно ожидать какихъ нибудь новостей. Люблю такую жизнь; потому что въ этомъ только, въ этихъ волненіяхъ, и есть жизнь. Половина столѣтія отмѣчаетъ себя въ исторіи; можно надѣяться, что конецъ выкажетъ яснѣе то, что заварилось въ этой огромной лабораторіи духа народовъ. Привѣтствую тебя, 1848 годъ!

Марта 13. Европа устроиваетъ свои дѣла хорошо и спокойно: вездѣ подписываютъ конституціи и народы торжествуютъ.... Невидимый перстъ ясно обозначилъ теперь восточную границу Европы: она идетъ по чертѣ Рус. владѣній. Такимъ образомъ, въ три недѣли, сидя на мѣстѣ, мы уѣхали въ Азію, встали на одну доску съ турками, татарами и пр. Хвала тебѣ,....! Первые слова, которыя вырвались у него изъ устъ, при полученіи извѣстія о Французской республике, были: „я теперь въ Азіи; но чуть только дѣло коснется Австріи, я буду въ Европѣ!“ Ну вотъ, дѣло коснулось Австріи—ступай теперь въ Европу.... Кто пуститъ тебя? Что говоритъ объ тебѣ Европа? Всѣ государства объявили торжественно, чтобы ни одна русская нога не показывалась на ихъ границахъ; въ противномъ случаѣ—народная война! Ты сказалъ, что воздвигнешь китайскую стѣну

между Россією и Европою: эту стѣну воздвигла сама Европа.... Горько наше положеніе. Давно ли начали обнаруживаться въ нашихъ журналахъ маленькіе признаки жизни, и вотъ—новое ярмо притиснуло ихъ снова. На дняхъ учрежденъ совѣтъ изъ 6 человѣкъ: Гр. Орлова, Кн. Меншикова, Гр. Строганова, Бар. Корфа, Дуппелъта и Дега. Призваны были третьяго дня въ этотъ совѣтъ всѣ редакторы журналовъ и газетъ. Объявлена была воля...., чтобы никто не смѣлъ выходить изъ опредѣленныхъ рамокъ.... Каково! Въ то время, когда по всей Европѣ объявлена свобода книгопечатанія, у насъ удешажены мѣры цензуры! Какъ это современно и благородно!!! А подлецамъ зато полный просторъ. Булгаринъ подличаетъ, сколько душѣ угодно. Третьяго дня напечатано въ Пчелѣ *Письмо изъ Франкфурта*—образцовое въ этомъ родѣ, и достойное безсмертія.... Гдѣ жъ наши надежды? Гдѣ наше будущее? Что оно? Приподнимись, таинственная завѣса!.... Покамѣстъ не видно ничего; только тяжелѣе и тяжелѣе налегаетъ варварская власть....

15 Марта. Новое извѣстіе. Говорятъ, третьяго дня дано знать по секрету...., что въ Пруссіи король взять подъ стражу. Это все равно, что поднести рюмку водки! Стало быть дѣла идутъ хорошо—долой всѣхъ деспотовъ и подлецовъ! Поздравляю васъ, счастливые народы Европы! Празднуя день свободы, ругните хорошенько насъ, погрязшихъ по уши въ рабствѣ, въ этомъ состояніи скотства.... У, какъ черно наше настоящее, да кажется и будущее.... Хоть бы каплю отрады, хоть бы каплю воздуха!.... Аристократство сильно шевелится и щетинится. Оно чувствуетъ, что если проснется народъ, такъ имъ плохо придется—полотерамъ, наперстникамъ тирана! Сегодня говорилъ объ этомъ съ Гр-ней Клейнмихель: добрая женщина, а провоняла придворною жизнію. Княг. Долгорукая такъ же съ ужасомъ отозвалась сегодня о дѣлахъ Европы; а въ субботу просто побранился съ молодымъ Гр. Ферзенемъ. Одна только милая моя Гр-ня Ферзенъ мыслить и чувствуетъ какъ должно. Утѣшительно одно только: всѣ съ жадностью читаютъ газеты; въ кондитерскихъ просто толкотня съ утра до вечера; всѣхъ интересуютъ Европейскія событія. Инстинкту много въ толпѣ, да нѣтъ еще убѣжденій и рѣшимости. Что дѣлать: будемъ ждать. Нынче—что день, то новость. Ручаться ни за что нельзя. .... видимо сконфуженъ: авось надѣлаетъ такихъ промаховъ, что и поправить будетъ нельзя. На это онъ мастеръ. Вчера читали въ церкви манифестъ, гдѣ убѣждаютъ народъ стоять твердо за Вѣру, Царя и Отечество!

Марта 18. Дѣло въ Пруссіи было совсѣмъ не такъ, какъ я слышалъ. Еврейновъ (служ. при Министрѣ Иностр. Дѣлъ) передаетъ вотъ какимъ образомъ эти подробности. Король сражался съ народомъ около недѣли. Рѣзня была ужасная. Трупы защитниковъ-гвардейцовъ бросали во дворецъ, чтобы показать, что наконецъ этихъ защитниковъ всѣхъ перебьютъ. Между тѣмъ Рейнскія провинціи прислали своего депутата. Онъ привезъ къ королю бумагу съ тѣмъ, что если

черезъ 18 часовъ эта бумага не будетъ доставлена обратно съ подписью короля, то чтобы его величество не беспокоился и не считалъ бы Рейнскія провинці своими. Медлить было некогда: онъ подписалъ конституцію. Гвардіи народъ велѣлъ удалиться изъ предѣловъ Пруссіи.... Король дрался съ народомъ за то, что народъ просилъ у него позволенія жить почеловѣчески—слышишь ли ты это, дитя XX-го столѣтія? Берлинская газета теперь въ траурѣ. Говорятъ, однихъ студентовъ было убито до 700 человѣкъ.... Въ Познани сформировался корпусъ Поляковъ въ 60 тысячъ. Въ Варшавѣ вѣроятно есть волненіе; потому что Рус. войско вышло изъ города и стоитъ въ окрестности, готовое стрѣлять по первому знаку. Нѣсколько молодыхъ людей пѣли на площади какую-то пѣсню. Паскевичъ—достойное орудіе....—велѣлъ схватить первыхъ попавшихся подъ руку полиціи и повѣсить. Четверо тотъ-часъ же было повѣшено на фонаряхъ. Каково! Какой азіатскій деспотизмъ перещеголяетъ деспотизмъ Русскаго.... и клевретовъ его? Въ Кіевѣ также безпокойно. Только здѣсь.... о мертвый народъ!.... здѣсь только фізіономіи спокойны и неподвижны.... голосъ человѣка умолкъ въ шумномъ говорѣ чиновничьихъ страстей.... Не знаю, наберется ли въ цѣломъ Петербургѣ 10 тысячъ человѣкъ, сочувствующихъ ходу идей на Западѣ и болѣющихъ сердцемъ за угнетеніе всего прекраснаго и благороднаго.... Массы войскъ готовятся къ походу; но куда же пойдутъ онѣ—эти машины.... А впрочемъ дай Богъ! Половину дураковъ перебыютъ, а другая воротится умнѣе.... Но когда-то еще это будетъ, а между тѣмъ желѣзное иго гнететъ все болѣе и болѣе.... убивается не только всякая дѣятельность, но даже всякая мысль и чувство.... Горе вгрызается въ самыя кости и съѣдаетъ человѣка безвременно.... сердце высыхаетъ.... Остается одна еще отрада—передавать сердечные стоны друзьямъ, которыхъ впрочемъ очень немного. Да и то нужно очень осторожно. Шпіонство страшное. Вездѣ есть предатели; готовы подслушать даже сонный бредъ....

Марта 20. Городъ полонъ толками и слухами. Каждая встрѣча съ знакомымъ начинается словами: „ну что—нѣтъ ли чего новаго?“ И потомъ тотъ-часъ же оглянутся по сторонамъ—не подслушиваютъ ли ихъ камни и стѣны домовъ.... Въ кондитерскихъ всегда тѣсно. Каждый приходитъ, молча садится и беретъ газету, спросивъ только чашку кофе, трубку или сигару; да изрѣдка выглядываетъ изъ за листа, чтобы убѣдиться, не подсмотрѣлъ ли кто на его лицѣ двусмысленной улыбки или другаго какого нибудь подозрительнаго выраженія. Въ обществахъ скучно, всѣ разбредутся по угламъ и шепчутся; нѣтъ мѣны чувствъ и понятій,—отъ того разладъ въ головахъ страшный: кто въ лѣсъ, кто по дрова.... понятія и мысли идутъ въ обществѣ какими-то углами: вдругъ выдается какое нибудь пренелѣпное мнѣніе и держится упрямо; иной предложитъ, Богъ знаетъ какое, затѣйливое сомнѣніе или курьезную надежду—хаосъ совершенный; а все потому, что въ обществѣ нѣтъ жизни сближающей.... нѣтъ духа животворящаго.

Тоска! тоска! бѣжалъ бы, кажется, на край свѣта.... Между тѣмъ слышно, что люди исчезаютъ—услужливые шпионы дѣлаютъ свое дѣло. И въ самомъ дѣлѣ, какое обширное поле открыто теперь всякой низкой клеветѣ, всякому подлому доносу. Теперь только наступило полное торжество для журналовъ и газетъ, подобныхъ *Пчелѣ*, *Иллюстраціи*, *Москвитяину*. Булгаринъ, Гречъ, Башуцкій, Шевыревъ могутъ обезсмертить свои имена. Они впрочемъ и безъ того уже на пути къ безсмертію. Гречу только не посчастливилось: его, говорятъ, высѣкли въ Парижѣ (онъ тамъ былъ во время изгнанія короля). Кто-то изъ Русскихъ указалъ на него толпѣ: „вотъ Русскій, который постоянно пишетъ всякую мерзость объ васъ въ Петербургѣ“,—и толпа тотъ-часъ же распорядилась по своему. Такъ или иначе было это, только мнѣ пересказывали за вѣрное, что Гречъ высѣченъ. Зато Булгаринъ, достойный собратъ его, торжествуетъ. Вотъ и на дняхъ онъ подалъ доносъ на Современникъ и Отечественныя Записки. Его подкрѣпилъ другой подлець—Графъ Левашевъ, лошадиный староста, зато что эти журналы неуважительно отозвались о журналѣ Коннозаводства. Неизвѣстно еще, чѣмъ это кончится; но покамѣстъ уже и Современникъ и От. Записки взяты въ ежовыя рукавицы. А что дѣлаетъ .....? О, онъ торжествуетъ, по крайней мѣрѣ по наружности: веселъ, любезенъ, живъ и дѣятеленъ..... но сердце, не думаю, чтобы было спокойно. Излишняя беззаботность и увѣренность въ себѣ иногда бываетъ признакомъ внутренняго безпокойства и неувѣренности. Въ продолженіи послѣднихъ двухъ недѣль онъ объѣхалъ почти всѣ учебныя заведенія, былъ даже и въ тѣхъ, гдѣ не бывалъ уже нѣсколько лѣтъ; ходилъ пѣшкомъ по толкучему рынку—первый разъ въ жизни; въ манежахъ говоритъ безпрестанно рѣчи къ солдатамъ; вездѣ хочетъ выказаться хватомъ, молодцомъ. Это что-то подозрительно. Неужели онъ не понимаетъ, что въ случаѣ войны, чего кажется не миновать, онъ долженъ бояться какъ огня, чтобы непріятель не проникъ въ предѣлы Россіи? Нынче вѣдь ужъ народъ не поднимется какъ въ 12-мъ году.... Неужели онъ не чувствуетъ, что не только Польша, но даже и Малороссія ждутъ только случая къ возстанію?... Неужели онъ не думаетъ о томъ, что терпѣніе черни скоро наконецъ лопнетъ,—и тогда бѣда: тутъ надобно будетъ охотиться какъ противъ тигровъ. Между тѣмъ въ среднемъ классѣ—это ужъ знаетъ навѣрно—есть много, очень много наэлектризованныхъ головъ. Стоитъ только какому нибудь внѣшнему событію слить эти элементы, и тогда душа Русская проснется....

26 Марта. Голштинія и Шлезвигъ отдѣлились отъ Даніи. Миланъ въ полномъ возстаніи: Австрійцы изгнаны. Венгрія и Галиція наготовѣ подняться. Въ Познани, говорятъ, объявленъ королемъ князь Чарторижскій. Теперь, значить, Русская Польша въ такомъ точно положеніи, какъ собака, которой положили подъ носъ кусокъ мяса и не велятъ трогать.... у бѣдняжки слюнки текутъ. Чтожь будетъ изъ этого?.... Теперь Польша наводнена войсками: тамъ стоитъ

около 400 тысячъ; но чтожъ въ томъ толку? Такъ вѣдь нельзя долго властвовать. Европа устроится; славянскія земли, можетъ быть, образуютъ отдѣльную конфедерацію, и тогда..... Сегодня заговорили о войнѣ за права Даніи. Очень нужно вмѣшиваться не въ свое дѣло! Ничего еще нельзя сказать теперь—что будетъ изъ этого пива: варя хороша, какъ-то уходится.... Исторія вписала уже 1848 годъ въ свои скрижали: кончена исторія государствъ, державшихся за хвосты своихъ правителей; начинается исторія народовъ; человѣкъ сбрасываетъ съ себя подлую кожу подданнаго; фізіономія его выясняется болѣе и болѣе.... Франція теперь покамѣстъ въ тѣни; интересы Германіи ближе къ сердцу и человѣчнѣе; тутъ вопросъ—*быть* или *не быть*: жить ли, какъ прилично человѣку, или пресмыкаться въ рабствѣ? Слава Богу, вопросъ вездѣ рѣшенъ въ пользу человѣка,—исключая одного только *любезнаго* моего отечества..... здѣсь покамѣстъ живутъ еще вѣки Людовика XI.... Спи, святая Русь, спи сномъ праведницы; что-то снится тебѣ?

27 Марта. Она (Гр. Ф.) меня любитъ! Она такъ искренно сегодня пожала мою руку, и не выпускала ее изъ своей руки до тѣхъ поръ, покамѣстъ не наговорила досыта, и покамѣстъ я не поцѣловалъ наконецъ ея миленькіе пальчики.... Я открылъ ей состояніе души моей, т. е. мои политическія понятія, или—лучше сказать—глубокую печаль мою о судьбѣ Россіи.... Въ этомъ сердцѣ говоритъ природа; ей понятенъ голосъ человѣка, изъ какой бы демократической груди ни выходилъ онъ.... Милая дѣвушка! благословляю разсвѣтъ твоей жизни, и желаю тебѣ возможнаго счастья....

А другіе! О, аристократизмъ мало по малу убиваетъ въ нихъ всѣ человѣческія чувства. Смѣшно наше аристократство! Эти люди называютъ себя аристократами; но развѣ они не такіе же рабы, какъ и я, какъ и всякій мужикъ? Развѣ ихъ графскіе и княжескіе титулы не такіе же дары....., какъ и чины чиновниковъ? Гдѣ тѣ дома, которые ведутъ свой родъ отъ древнихъ владѣтельныхъ фамилій? Ихъ можно пересчитать по пальцамъ; а всѣ остальные—выслужившіеся чиновники; а многіе еще и не совсѣмъ честные чиновники.... Такимъ аристократомъ можетъ быть каждый изъ насъ: стоитъ только быть взысканнымъ милостями..... Примѣры ежегодно совершаются передъ глазами.... Чѣмъ же гордиться тутъ? Зачѣмъ ставить себя на одну доску съ аристократами Англіи? Жалкіе люди! какъ дорого заплатятъ они современемъ за эти золотые сны, за эти сладкія заблужденія!.....

Она меня любитъ! И я могу еще мучиться съ жизнію; есть еще въ мірѣ уголокъ для моего оскорбленнаго чувства.... Она меня любитъ!

2 Апрѣля. Прочиталъ на этой недѣлѣ двѣ замѣчательныя статьи: одну въ фельетонѣ полицейской газеты отъ 27 Марта; другую—тамъ же отъ 31 Марта. Какое лицемѣріе! То ли думаютъ Межевичъ и Сологубъ, что написали? Какая

подлость! Впрочемъ неудивительно: деспотизмъ гнететъ только благородныя чувства, зато даетъ полный просторъ всему низкому и презрѣнному. Эти статейки такъ оригинальны, что стоитъ даже ихъ списать. Объ фельетонахъ Сѣверной Пчелы нечего и говорить: теперь настало настоящее время для Булгарина и его братіи: онъ можетъ обезсмертить себя; а о потомствѣ онъ не заботится: подлая душа не вѣритъ въ безсмертіе.

10 Апрѣля (ночь передъ Пасхой). Настоящія обстоятельства раскрыли наконецъ истинный характеръ нашей аристократіи во всей его наготѣ. Содрогнись, благородный потомокъ нашъ, и плюнь на первое попавшееся тебѣ изображеніе аристократа нашего времени! Въ числѣ мѣръ, клонящихся къ поддержанію и еще большему укорененію невѣжества народнаго (на чемъ—замѣтимъ мимоходомъ—и держится весь деспотизмъ..... и вся слава аристократіи) предложена была одна мѣра, достойная безсмертія: *закрѣпить всѣ университеты*, раззорить эти гнѣзда, гдѣ подъ крыломъ матери-науки кое-какъ дышитъ еще мысль народная..... Варвары! неужели вы вѣруете въ Бога? Провозгласителемъ этой мѣры былъ Бутурлинъ, которому порученъ теперь высшій надзоръ за цензурой—ловить и убивать каждую мысль, въ которой замѣтно будетъ хоть малѣйшее движеніе жизни. Къ счастью, самъ..... содрогнулся и не рѣшился такъ публично соорудить общественный эшафотъ. Приняты мѣры страшныя, но безъ огласки. Онѣ отразились уже на Апрѣльскихъ книжкахъ нашихъ журналовъ. Современникъ убитъ или—вѣрнѣе сказать—пораженъ въ самое сердце. Нѣтъ болѣе повѣстей запечатлѣнныхъ мыслию: опять пошли въ ходъ сказки.... Читай, почтеннѣйшая публика, читай и поучайся! Никитенко оставилъ редакторство. Теперь Современникъ за 1847 и первыя три книжки 1848 года должны сдѣлаться рѣдкостью..... Удивительно безчувствененъ Рус. народъ! Много ли есть людей, которыхъ обдастъ ужасомъ при одной мысли о такомъ положеніи дѣлъ? Большая часть совершенно равнодушны; а многіе еще радуются.... Громъ и молнія да разразятъ нашъ вѣкъ, наше поколѣніе!....

1 Мая. Третьяго дня былъ съ Никитенкой у Графини Клейнмихель. Говорили о гоненіяхъ на современную литературу. „Какъ же тутъ быть? сказала Графиня: насъ заставляютъ читать по-русски: хотятъ, чтобы дѣти наши учились и читали по-русски; но чтожъ послѣ этого читать? Положимъ, я еще буду читать старыхъ писателей; но чтожъ будутъ читать мои дочери? жить и пробавляться только старымъ?“... Если бы подобныя мысли выражались почаще, порѣзче и погромче,—такъ можно бы было хотя по крайней мѣрѣ питать надежды на лучшую будущность.... Никитенко говоритъ, что изъ всѣхъ современныхъ палачей..... обнаруживаетъ еще больше другихъ чего-то человѣческаго. Когда принялись за журналы, потребовали къ отвѣту всѣхъ редакторовъ, Никитенко написалъ письмо къ Гр. Орлову. Главная мысль, выраженная имъ, была та, что прежде нежели

судить человѣка, надобно знать, кто онъ такой? какъ онъ жилъ? что онъ писалъ? и т. д. Письмо вѣроятно было написано умно и ловко. Орловъ показалъ его Государю. Государь велѣлъ объявить Никитенкѣ, что онъ благодарить его за благородныя чувства, что онъ никогда не сомнѣвался въ нихъ и увѣренъ, что и впредь онъ будетъ вести себя какъ прежде. Что можетъ быть лучше этихъ словъ въ устахъ.....? Но всетаки дѣло нашего поколѣнія проиграло совершенно: слѣдующее поколѣніе должно оскорбиться; слѣдующее за нимъ родится уже одною огромною скотиною, а потомъ уже начнется реакція, и безъ сомнѣнія разыграется ужасно: нуженъ страшный огонь, чтобы скоты перегорѣли и вышли бы изъ нихъ люди.... Боже мой! къ чему жъ эти страданія?

15 Мая. Дѣла Европы такъ запутаны, что нельзя даже и догадываться чѣмъ все это кончится. Конечно, мы знаемъ одни только отрывки, хвостики, а не видимъ, какъ вяжутся эти узлы; но не думаю однакожъ, чтобы и тамъ дѣло было ясно. Вѣрно только одно, что изъ всего этого возникнетъ лучшій порядокъ вещей. Жатва значить готова; но еще мало жнецовъ, по крайней мѣрѣ не всѣ еще проникнуты ясной идеей: она покамѣстъ въ чувствѣ, въ пророческомъ инстинктѣ. Молотьба слишкомъ сильна; зерна залетають и сюда, только почва здѣшняя еще неразработана.... Много, много еще нужно для Россіи событій, чтобы подготовить ее къ чему нибудь лучшему; можетъ быть, еще не одно поколѣніе пройдетъ по землѣ, какъ стадо свиней, хрюкая и чиновнически, на законныхъ основаніяхъ, поѣдая то, что подъ ногами..... Мечты мои! мечты мои—мои несбыточные гаданія! зачѣмъ же вы мучите меня?.... К.... не дремлетъ; клеветы и палачи его дѣлають свое дѣло: всякое поползновеніе къ мысли убито; даже книги нужно прятать; въ шкафахъ можно имѣть только сказки. Ужъ если страдать, такъ по крайней мѣрѣ страдать бы по-человѣчески—на крестахъ и кострахъ.....

26 Мая. Въ тотъ самый день, какъ я писалъ эти строки, т. е. 15 числа, въ Неаполѣ происходило первое дѣйствіе страшной драмы, которая кончилась только къ 18 числу. Господи! гдѣ мы живемъ? Король торжественно, передъ глазами цѣлаго міра, разыгралъ превосходно роль разбойника.... Всякое человѣческое чувство должно быть возмущено до дна. Неужели это пройдетъ безнаказанно? Боже мой! Боже мой! Если тамъ, гдѣ и наука, и искусство цѣлые вѣка дѣйствовали къ образованію всего человѣчества, если тамъ до сихъ поръ не могли дойти до этой простой истины, что человѣкъ не оселъ, что онъ долженъ искать закона и права въ самомъ себѣ, а не ожидать ихъ какъ милости отъ палачей,—такъ чего жъ ожидать намъ? Когда жъ мы дойдемъ до этой истины? Будущее съ каждымъ шагомъ нашимъ впередъ становится чернѣе и чернѣе.... Гдѣ наши надежды? На грядущія поколѣнія? Напрасно! Мѣры деспотизма таковы, что дѣти должны быть глупѣе отцевъ. Знаменитая мысль Бутурлина рано или поздно осуществится..... Чего жъ искать въ жизни? Во что же вѣрить? Что любить?

Чего надѣяться? Гдѣ тутъ Промыслъ, пекущійся объ мірѣ? Зачѣмъ онъ создалъ человѣка такой скотиной-чиновникомъ? Тяжело дойти до этихъ вопросовъ; еще тяжелѣе, когда разумъ отказывается ихъ рѣшить.

27 Мая. Вотъ нѣкоторыя подробности объ верховномъ, вновь учрежденномъ цензурномъ комитетѣ. Его составляютъ трое: Бутурлинъ, Дегай и Модестъ Корфъ. У нихъ нанято еще 6 человѣкъ помощниковъ съ платою каждому по 2 тысячи р. сер. Обязанность ихъ—читать книги уже напечатанныя и ловить въ нихъ мысли. Никитенко оставилъ цензорство. Передъ отставкой онъ сдѣлалъ одно доброе дѣло: подалъ Министру бумагу, въ которой объясняетъ, что въ послѣднее время начали поступать въ цензуру множество сочиненій въ прозѣ и стихахъ, имѣющихъ содержаніемъ изліяніе патріотическихъ чувствованій; такъ какъ цензура, по силѣ такой-то статьи устава, должна обращать вниманіе на то, чтобы предметы высокіе представлялись въ приличныхъ имъ формахъ,—и такъ какъ большая часть поступающихъ теперь въ цензуру сочиненій обличаютъ въ авторахъ совершенное незнаніе даже общихъ условій языка,—то цензоры находятся теперь въ затрудненіи—какъ поступать съ подобными сочиненіями?... Министръ препроводилъ эту бумагу къ Орлову, и Орловъ велѣлъ привести ее въ исполненіе, т. е. не пропускать подобныхъ сочиненій. Ну, слава Богу! все-таки хоть одною мерзостію меньше. Никитенко для образца прочиталъ мнѣ одно изъ этихъ сочиненій. Оно называется: *Лай Европы*,—и начинается стихомъ: „Европа лаеъ гамъ, гамъ, гамъ!“ Какова Россія XIX вѣка!....

28 Мая. Вотъ образчикъ нашей современной образованности. Сегодня я прихожу въ магазинъ къ Циммерману—купить шляпу. У прилавка стоятъ какой-то военный и другой статской. Я началъ примѣривать шляпу. Вдругъ военный беретъ съ сердцемъ за каску и уходя къ дверямъ говоритъ: „ну, нѣтъ.... прощайте! это ужъ изъ рукъ вонъ“.... Я подумалъ сначала, что можетъ быть его обманулъ приказчикъ. Но вдругъ военный остановился у дверей и, обращаясь ко всѣмъ намъ, говоритъ: „сколько ужъ лѣтъ живу въ Петербургѣ, а первый разъ еще вижу, что генералъ-аншефу не хотятъ принести на квартиру шляпу“..... Минутное молчаніе. Мы всѣ невольно улыбнулись. Но генералъ-аншефъ не удовольствовался одною глупостію: онъ вообразилъ, что всѣ люди его деньщики, и потому продолжалъ: „я генералъ-аншефъ; я состою при Государынѣ..... Знаете ли вы это, прибавилъ онъ съ гордостью, съ одушевленіемъ и съ сознаніемъ своего достоинства,—знаете ли вы это, что я состою при Государынѣ?“ Прикащики не отвѣчали ни слова, и придворный герой торжественно вышелъ. Всѣ захохотали. Я спросилъ у прикащика—кто этотъ дуракъ? Прикащикъ сказалъ, что это Графъ Апраксинъ. За что же такъ разгнѣвалось его генералъ-аншефское сердце? А вотъ за что: онъ купилъ шляпу и хотѣлъ, чтобы ее принесли къ нему на квартиру и тамъ бы получили деньги, а прикащикъ отвѣчалъ, что имъ не съ кѣмъ послать:

у нихъ нѣтъ теперь свободныхъ людей. Конечно, для другаго они бы сдѣлали это одолженіе; но Апраксинъ имъ уже извѣстенъ: назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ онъ тоже купилъ у нихъ шляпу и велѣлъ принести на квартиру: прикащикъ долженъ былъ нѣсколько разъ ходить къ нему, и насилу получилъ деньги. Вотъ каковы наши генераль-аншефы..... Какъ же говорить теперь какойнибудь чиновникъ передъ мужиками, ссылаясь на свое званіе и чинъ?... О Россія, Россія!....

2 Іюня. Дѣла Вѣнскаго Университета, кажется, гибельно отзовутся у насъ. Тучи уже сдвигаются, и слышенъ глухой громъ. Дѣло наше проиграно—это ясно..., надеждъ никакихъ; а к..... сильнѣе и сильнѣе затягиваетъ бразды.... Университеты непремѣнно будутъ закрыты и вѣроятно скоро. Чтожъ тогда?

Какая пустота въ журналахъ! А что еще въ дали?... Бѣлинскій умеръ.... „Теперь я вижу, сказалъ онъ умирая, что смерть есть благодѣяніе“. Въ самомъ дѣлѣ, онъ умеръ во время. Смерть была для него благодѣяніемъ. Что еще оставалось для него? Писать нельзя, а начинать служить поздно.

Подлецамъ полный просторъ! подличаютъ на славу. Имена Булгарина, Башуцкаго, отчасти Жуковскаго, Сологуба, Иннокентія (Харьковскаго)—перейдутъ къ потомству. Вотъ вѣрная дорога къ безсмертію!.... А между тѣмъ, можетъ быть, Невидимый Перстъ выводитъ новыя нити жизни изъ нѣдръ гніющаго въ рабствѣ ничтожества: можетъ быть въ великой исторической лабораторіи слагается уже событіе, которому подобнаго не видалъ еще міръ.... Вотъ когда хотѣлось бы быть безсмертнымъ или всевѣдущимъ!... Напрасно.... еще разъ напрасно!....

„Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать!“

11 Мая. Отъ чего большая часть такъ называемыхъ *водевилей* (хотя это названіе самое нелѣпое), которыми постоянно наводняется наша сцена, нравятся публикѣ, несмотря на то, что въ нихъ нѣтъ ни искры поэзіи? Главныя причины вотъ какія. Впервыхъ, въ публикѣ нѣтъ ни малѣйшаго понятія о поэзіи. Спросите кого угодно, кто любитъ толковать непрерывно о литературѣ, въ чемъ по его мнѣнію заключается поэзія. Онъ совершенно онѣмѣетъ; не въ состояніи будетъ сказать даже какойнибудь глупости. До такой степени вопросы науки еще новы у насъ и считаются совершенно лишними! Представьте же теперь, что такая публика сидитъ въ театрѣ: чѣмъ нельзя подчивать ее? Давай все, что на умъ взбредетъ; все прослушаетъ она: не бойтесь—не отвернутся ни чьи глаза и не возмутится ни чье сердце. Вовторыхъ, въ авторахъ пьесъ есть маленькая смышленность: они понимаютъ, что тутъ непремѣнно нужны снимки съ жизни, и дѣлаютъ эти снимки довольно удачно; но какъ опозитизировать изображаемую жизнь,—вотъ до этого они ужъ никакъ не могутъ дойти; потому что никто изъ нихъ не учивался порядочно. Начитанность, нѣкоторая теплота души, пробужденная чтеніемъ хорошихъ писателей, у нихъ признается уже за талантъ, и горячій юноша рубитъ себѣ съ плеча что попало..... Жаль, истинно жаль! Все благородное и прекрасное

опозорено такъ, что грустно смотрѣть! Тутъ нечѣмъ даже и помочь: одна только образованность, разлитая широко, можетъ смыть эту грязь съ нашей сцены; но.... образованность есть преступленіе! Можно заботиться только объ улучшеніи своего костюма, но не головы и сердца.....

27 Іюня. Около трехъ недѣль уже свирѣпствуетъ въ городѣ холера. Болѣзнь страшная, потому что еще мало изучена медиками. Чернь по обыкновенію зашумѣла: заговорили, что народъ отравляютъ лѣкаря и поляки.... Какая нелѣпость!... Объ этомъ опубликовано уже и довольно добросовѣстно. Между тѣмъ подобные случаи всего выразительнѣе показываютъ, что народъ нашъ рѣшительно неподвиженъ: какъ бунтовалъ онъ въ 15 ст., такъ же точно бунтуетъ и нынче—глупо и бессмысленно!... И чѣмъ же оканчиваются всѣ эти бунты?.....

28 Іюня. Вчера Эвальдъ говорилъ сыну Бутурлина: „скучное нынче время: раскроешь Рус. журналъ—нечего читать“, и т. д. Молодой Бутурлинъ отвѣчалъ со вздохомъ: „стыдно мнѣ сказать, но долженъ сказать: этимъ вы обязаны больше всего моему отцу!.... теперь я стыжусь своей фамиліи—не вездѣ могу громко сказать ее“. Вѣроятно хорошъ отецъ, что сынъ стыдится носить его фамилію!

Въ Парижѣ опять была рѣзня. Чѣмъ же все это кончится? Неужели опять монархіей? Если такъ, то значить человѣчество ничто иное какъ глыба грязи.... И стоитъ ли носить послѣ этого имя человѣка? Гдѣ цѣль жизни? Гдѣ счастье гражданина?... Тоска!...

11 Іюля. Переѣздъ мой на дачу (а это еще первый разъ въ жизни) самый несчастный. Погода постоянно гадкая: дождь, холодъ, вѣтеръ. Холера рветъ свои жертвы. Я лишился двоихъ изъ людей любимыхъ мною: нѣтъ больше на землѣ Е. И. Бибиковой и Мани Ферзена.... Грустно! Бѣдная Софья Павловна! что будетъ съ ней, когда она узнаетъ о смерти брата?

21 Іюля. Вчера только узналъ я, что у меня нѣтъ болѣе матери. Она кончила жизнь 3-го числа отъ холеры. Подробностей ея кончины еще не знаю. Вотъ первая утрата, которая глубоко отозвалась въ сердцѣ. Конечно, закона жизни не минуешь; нужно уже было ожидать этого, и во мнѣ, слава Богу, довольно силы и ума, чтобы не предаваться отчаянію; но отецъ, бѣдный отецъ!... Ему скоро 70 лѣтъ; онъ 35 лѣтъ былъ женатъ; онъ свыкъся уже такъ съ своимъ положеніемъ, что смерть эта убьетъ его..... Послѣдніе дни жизни его отравлены неизлѣчимою тоской..... Несчастный! Пусть слезы сына хоть на минуту облегчатъ печаль твою.... Этотъ человѣкъ страдаетъ цѣлую жизнь.... за каждую улыбку жизни расплачивается годами горя и кровавыхъ слезъ.... Отецъ мой, отецъ мой! я горжусь тобой: ты никогда не покривилъ душой и не торговалъ своей совѣстью; ты страдалъ за это постоянно; но зато передалъ дѣтямъ твоимъ неподкупное чувство чести.... Благословляю тебя, цѣлую сѣдины твои..... Неужели же нѣтъ безсмертія?

30 Июля. Если бы можно было (не говорю—одному человѣку, нѣтъ, тутъ нужно дѣйствовать цѣлымъ обществомъ) разобрать всѣ архивы въ нашихъ судахъ, палатахъ и сенатѣ,—какой огненной кровью облилось бы сердце всякаго благороднаго человѣка! Сколько вопіющихъ неправдъ хранится подъ пылью въ этихъ темныхъ подвалахъ! Застонали бы самые звѣри лѣсные, если бы открылась передъ ними такая отвратительная картина золъ, подлости, корысти и обмана.... Мнѣ скажутъ: это *было*, *есть* и *будетъ* вездѣ. Несогласенъ. Что *было*—это такъ: человѣкъ прошелъ сперва всѣ пути подлости, покаместъ узналъ цѣну добра и правды. Но что *есть* и *будетъ*—этому не вѣрю. Почему же? Впервыхъ потому, что въ Европѣ образованіе разлито шире и глубже, чѣмъ у насъ; а образованіе и подлость—вещи несогласимыя, воторыхъ, каждую судейскую подлость тамъ можно сдѣлать тотъ-часъ гласною: можно неправо дѣло рассказать въ романѣ, представить въ драмѣ, даже прямо опубликовать въ газетахъ; а подлость боится огласки. Эти двѣ причины значительно уже сжали въ берегахъ море зла, и главное—служать вѣрными залогами того, что современемъ совершенно уничтожатъ его. А у насъ? Нѣтъ въ настоящемъ ничего утѣшительнаго и никакихъ, рѣшительно никакихъ надеждъ на будущее. У насъ, можно сказать, нѣтъ ни одного дѣла, рѣшеннаго по совѣсти. Тѣ, которыя рѣшены законно, показываютъ только, что судьи могли тутъ взять что слѣдуетъ. „Но вѣдь правительство, скажутъ мнѣ, невиновато въ этомъ: законъ правъ, виноваты судьи!“ Совершенно согласенъ. Если судить о благосостояніи государства по своду законовъ его, то можетъ быть окажется, что нѣтъ государства благополучнѣе Россіи. Но, друзья мои, нужно создать почву, на которой бы могли укореняться законы и приносить плоды: нужно сперва просвѣтить умы и сердце людей, и потомъ требовать отъ нихъ исполненія законовъ. А безъ этого къ чему послужать самые мудрые законы? Они останутся мечтами законодателей—и больше ничего. Растолкуйте мнѣ: какой тутъ смыслъ, какая логика—держатъ народъ въ оковахъ рабства и писать для него законы? Чистая бессмыслица! Мудрыми законами можно гордиться тогда только, когда народъ просвѣщенъ....

Безнадежность въ будущемъ—вотъ что ужасно!....

5 Декабря. Жизнь нашихъ университетовъ рѣшительно виситъ уже на волоскѣ. Вотъ начинается преобразование гимназій, самое бессмысленное. Теперь не остается уже ни одного заведенія, гдѣ бы можно было образоваться по-человѣчески—вездѣ преобладаетъ спеціальность.... Чтожъ изъ всего этого будетъ? Ахъ какъ тяжело рабство, тяжело, тяжело.... Читать наконецъ рѣшительно нечего. Въ нынѣшнемъ году вышли только вотъ какія книги, которыя мнѣ нужно было купить: О вліяніи христіанства на Славянскій языкъ—Буслаева; Начатки Рус. философіи—Максимовича; Систематическое описаніе Помпей—Классовскаго и двѣ книжки стихотвореній Жуковскаго. Четыре книги въ годъ—какова литература?

27 Декабря. Мысль—закрыть журналы не приведена въ исполненіе *прямо*, вѣроятно потому, чтобы не подать повода къ лишнимъ разговорамъ, которые во всякомъ случаѣ не могли быть *лестны* для правительства; но она непременно приведется въ исполненіе *косвеннымъ образомъ*, именно вотъ какъ: статьи, назначенныя для журнала, поступаютъ въ цензурный комитетъ не въ рукописяхъ, а напечатанныя уже. Издатель журнала, разумѣется для избѣжанія лишнихъ издержекъ, старается печатать только такія статьи, которыя не могутъ быть запрещены. Но теперь, когда весь цензурный комитетъ состоитъ изъ чиновниковъ, надъ которыми виситъ кнутъ,—дѣло дѣлается *по-чиновнически*. Цензоръ говоритъ: эта статья негодится; надобно набирать другую. Вотъ набираютъ другую. Цензоръ опять говоритъ: негодится, и т. д. Такимъ образомъ каждый листъ придется перепечатать можетъ быть 5 или 6 разъ, и потому журналъ, который прежде окупался 500 подписчиковъ, теперь едва-едва можетъ окупиться 2000 подписчиковъ. Кромѣ того никто не хочетъ писать; потому что никому не хочется за какую нибудь фразу, которую скотина Бутурлинъ растолкуетъ какъ ему угодно, улетѣть въ Сибирь. Издателямъ журналовъ ничего не остается больше, какъ отказаться отъ изданія, бросить все.... Завидна наша доля!....

31 Декабря. Изъ всего этого бурнаго года остается одна только отрада въ сердцѣ: это любовь къ моей милой С. П. Ферзенъ. Добрая дѣвушка! какъ она любитъ меня! Я никогда не забуду тебя. Третьяго дня она такъ мило простилась со мной.... Ей грустно безъ Мани. Въ сочиненіи своемъ она откровенно высказала печаль свою. Милая Софи! Поздравляю тебя съ новымъ годомъ и желаю тебѣ больше счастія!

Конецъ 1848 года.

Письма *) И. С. Тургенева къ И. П. и П. И. Борисовымъ, 1858-1871 гг.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ,

Мой чирій на затылкѣ заставилъ меня съѣздить въ Орелъ, гдѣ я пробылъ 6 дней—и откуда вернулся только вчера вечеромъ. Выѣзжать я еще не могу и долженъ сидѣть дома; а потому я лишенъ удовольствія быть у Васъ. Но я надѣюсь Васъ у себя увидѣть—во всякомъ случаѣ прошу Васъ быть у меня 28-го Октября, во Вторникъ: это день моего рожденія—мнѣ стукнетъ 40 лѣтъ.

Кланяюсь Вашей женѣ и дружески жму Вамъ руку.

С. Спасское.
25-го Окт. 1858.
Суббота.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

*) Письма И. С. Тургенева къ И. П. и П. И. Борисовымъ, а также и слѣдующія къ А. А. Фету—напечатаны съ любезнаго разрѣшенія Петра Дмитриевича Боткина, которому они принадлежатъ. П. Ш.

Любезный Иванъ Петровичъ,

Очень мнѣ жаль, что болѣзнь лишаетъ меня удовольствія видѣть Васъ у себя сегодня—я остаюсь здѣсь еще до Субботы—и постараюсь самъ быть у Васъ—благодарю Вашу жену за поклонъ и самъ ей низко кланяюсь и желаю всего хорошаго. Желаю Вамъ поскорѣе выздоровѣть и до свиданія.

28-го Окт. 58.

С. Спасское.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

С. Спасское.

22 Мая 1861.

Понедѣльникъ.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ,

Душевно радъ буду видѣть Васъ у себя—я никуда не выѣзжаю. То есть, я имѣлъ (и имѣю) намѣреніе отправиться къ Фету вмѣстѣ со Львомъ Толстымъ, которому написалъ объ этомъ и котораго ожидаю со дня на день; но еслибы онъ пріѣхалъ—я бы тотъ-часъ далъ Вамъ знать, прежде чѣмъ пуститься въ путь. Онъ мнѣ писалъ, что будетъ у меня въ теченіи нынѣшней недѣли—но Вы знаете, какъ это все невѣрно. Съ своей стороны Вы пишете, что ждете Фета къ 21-му, но 21-е было вчера. Еслибы онъ явился къ Вамъ, извѣстите меня—и либо я къ Вамъ отправлюсь—либо я Васъ обоихъ буду у себя ожидать. Словомъ, во всякомъ случаѣ мы увидимся—а я сижу у моря и жду погоды.

Спасибо за лошадь—она, кажется, очень хороша—но зачѣмъ же я Васъ лишу необходимаго подспорья? Впрочемъ если Вы такъ добры—то я съ благодарностью приму Ваше предложеніе—но мы еще поговоримъ объ этомъ при свиданіи.

Дружески жму Вамъ руку и кланяюсь Вашей женѣ. Я бы самъ давно у Васъ былъ—да Вы говорили, что домъ Вашъ въ перестройкѣ. До свиданья.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Четвергъ.

22-го Іюня 61.

Я сегодня ѣду на 2 дня въ Орелъ, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ—а 27-го числа мы, Богъ дастъ, съ Фетомъ уже выѣзжаемъ на охоту—такъ что мнѣ лошадь Ваша становится ненужна—и я Вамъ ее съ благодарностью возвращаю.

Вамъ съ Вашей женой надобно непременно пріѣхать къ намъ погостить, передъ нашей Одиссеей. Не угодно ли пожаловать къ намъ на 26-е т. е. на

Понедѣльникъ—тогда и Феты будутъ (я имъ посылаю эстафетъ изъ Орла). Очень бы насъ порадовали.

До свиданія; дружески жму Вамъ руку.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, я никакъ не ожидалъ что уѣду въ С. Петербургъ не простившись и не повидавшись съ Вами—но вышло такъ: я отправляюсь завтра. Богъ дастъ, я вернусь въ будущемъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ и тогда мы и видѣться будемъ чаще и на охоту вмѣстѣ поѣдемъ, такъ какъ у васъ не будетъ такихъ хлопотъ какъ въ нынѣшнемъ году—да и несчастье вѣроятно не будетъ такъ меня преслѣдовать. Я Фету такъ же написалъ и получилъ уже отъ него отвѣтъ. Дружески жму Вамъ руку и усердно кланяюсь Вашей женѣ; будьте здоровы—и до свиданія. Всѣ наши Вамъ очень кланяются и ждутъ Васъ въ Спасское, куда Фетъ обѣщалъ быть съ женою около 5-го Сентября.

С. Спасское.

28-го Авг. 1861.

Преданный Вамъ душевно

Ив. Тургеневъ.

Парижъ.

¹¹/₂₃-го Дек. 1861.

Я только вчера получилъ Ваше письмо отъ 12-го Окт. любезнѣйшій Иванъ Петровичъ—оно находилось два мѣсяца въ дорогѣ—это сильно даже для Русской почты. Благодарю Васъ за это письмо: отъ него вѣтъ такой искренней и доброй пріязни, что я былъ тронутъ. Оно возбудило во мнѣ желаніе побывать опять въ нашихъ некрасивыхъ и неудобныхъ—но почему то привлекательныхъ мѣстахъ. Кто мнѣ растолкуетъ то отрадное чувство, которое всякій разъ овладѣваетъ мною, когда я съ высоты Висельной горы открываю Мценскъ? Въ этомъ зрѣлищѣ нѣтъ ничего особенно плѣнительнаго—а мнѣ весело. Это и есть чувство родины.

Поздравляю Васъ съ окончательнымъ устройствомъ Вашего гнѣзда и да будетъ оно предзнаменованьемъ устройства Вашихъ дѣлъ. Но судя по доходящимъ до меня слухамъ и письмамъ—мужички наши еще долго будутъ насъ крутить.

И такъ вы охотитесь въ окрестностяхъ Мценска и даже находите зайцевъ? Последнее обстоятельство меня поражаетъ. Я до сихъ поръ не могъ себѣ представить болѣе пустыннаго (въ отношеніи дичи) мѣста. Но впрочемъ съ тѣхъ поръ, какъ Фетъ убилъ утку на *своемъ* прудѣ—все возможно. Я получаю изрѣдка письма отъ этого милаго смертнаго; онъ въ нихъ плачетъ подобно Іереміѣ... а

все таки я убѣжденъ, что дѣла его идутъ недурно. Главная ошибка его была—покупка Степановки; но онъ съ тѣхъ поръ умѣлъ ее исправить.

Я здѣсь вижу Боткина, который лечится старательно, но ѣсть напропалую. Впрочемъ онъ теперь почти молодцомъ сталъ.

Извѣстія изъ Россіи—литературныя и всякія другія—печальны. Мы живемъ въ темное и тяжелое время—и такъ-таки не выберемся изъ него. Въ Современникѣ я однако прочелъ повѣсть, въ которой попадаются проблески несомнѣннаго дарованія—„Молотовъ“ Помяловскаго.

Я пожалѣлъ о смерти Добролюбова, хотя и не раздѣлялъ его воззрѣній: чело-вѣкъ былъ даровитый—молодой.... Жаль погибшей, напрасно потраченной силы!

Необходимыя поправки къ моей повѣсти я еще не кончилъ—и она раньше Февраля или Марта не появится въ Русскомъ Вѣстникѣ. Новаго я ничего не дѣлаю; кажется, я самому себѣ сказалъ: Баста!

Крѣпко жму Вамъ руку и кланяюсь дружески Вашей женѣ. Что сынокъ Вашъ подрастаетъ? До весны уже теперь осталось недолго. Будьте здоровы.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Парижъ.

3-го Марта
21-го Февраля 1862.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, всякое мое письмо къ Вамъ начинается съ извиненія—я бы долженъ былъ давно отвѣчать Вамъ—но что дѣлать! Впервые, благодарю Васъ за Ваше подробное и милое посланіе, а вовторыхъ, доложу Вамъ, что я на дняхъ увидалъ первые листики на сиреняхъ, чему я очень обрадовался—ибо это предвѣщаетъ весну—а весною я возвращаюсь въ Мценскій уѣздъ, Орловской губерніи, въ село Спасское, которое находится всего въ 15-и верстахъ отъ Новоселокъ—и (увы!) въ 70-и отъ Степановки. Надѣюсь, что этотъ пріѣздъ будетъ удачнѣе прошлогодняго—въ отношеніи охоты и пр. и пр.

Фету я написалъ недѣли двѣ тому назадъ письмо съ иллюстраціями, которое онъ вѣроятно Вамъ показалъ. Вы совершенно вѣрно опредѣлили его характеръ—недаромъ въ немъ частица нѣмецкой крови—онъ дѣятеленъ и послѣдователенъ въ своихъ предпріятіяхъ, при всей поэтической безалаберщинѣ—и я увѣренъ, что, конецъ концовъ,—его *лирическое* хозяйство принесетъ ему больше пользы чѣмъ множество другихъ, прозаическихъ и практическихъ. Съ умиленіемъ воображаю, какъ я буду дразнить его, спорить съ нимъ и т. д. и т. д.

Не знаю, получили ли Вы уже Номеръ Русскаго Вѣстника съ моимъ дѣтищемъ—(сомнѣваюсь, зная аккуратность редакціи и таковую же—почты)—но если получили—скажите свое мнѣніе. Я здѣсь почти не вижу Россійскихъ жур-

наловъ—но доходящія до меня слухи о нихъ представляютъ мало отраднаго. Какое-то бесплодное барахтаніе... а впрочемъ можетъ быть мы устарѣли и уже не понимаемъ потребностей вѣка. „Минина“ я все еще не получилъ—хотя пріятели хоромъ обѣщали его выслать.

Здоровье мое порядочно—а бездѣйствіе—абсолютно. Это уже не лѣнь—это какое-то коснѣніе въ родѣ тѣхъ „бѣлокрылыхъ видѣній“, которыя „коснѣютъ въ этой полумглѣ“. Помните Вы при этомъ изящный изгибъ, который Фетъ придаетъ своей тальф? О когда я его улицезрю! Я увѣренъ что онъ еще разтолстѣлъ.

И такъ до свиданія—и до скорого. Въ шахматы Вы меня будете бить—я рѣшительно слабѣю противъ прежняго. Поклонитесь Вашей женѣ—поцѣлуйте Вашего мальчика—и примите отъ меня самое дружеское рукожатъе.

Rue Rivoli, 210.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Парижъ.

$\frac{3}{15}$ -го Декаб. 1862.

rue de Rivoli, 210.

Неисповѣдимы судьбы нашей.... почты, дорогой Иванъ Петровичъ! Ваши два письма—одно отъ 26-го Окт. другое отъ 22-го Ноябр.—пришли въ Парижъ почти въ одинъ день! Мнѣ онѣ принесли двойную радость—и я спѣшу отвѣчать Вамъ.

Прежде всего, чувствую потребность пожалѣть о бѣдномъ Фетушкѣ, которому непременно напишу на дняхъ, хотя онъ и не отвѣчалъ мнѣ на моихъ два письма. Какимъ образомъ эта бѣда съ нимъ приключилась.... ужъ не замѣшался ли злодѣй Редереръ? Но во всякомъ случаѣ я надѣюсь что дальнѣйшихъ послѣдствій не будетъ—и онъ останется съ обѣими своими красивыми ручками.

3-го Янв. нов. ст. 1863.

22-го Дек. ст. ст. 1862.

Виноватъ, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ! Письмо это залежалось какъ видите около 20 дней. Не то, чтобы я былъ очень занятъ—а разные не совѣмъ веселые случаи помѣшали. Теперь, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, но заплачу свой долгъ.

Меня искренно обрадовало извѣстіе о женитьбѣ Толстаго, и то, что Вы пишете объ его женѣ, которую я, помнится, видѣлъ почти ребенкомъ у ея отца, А. Е. Берса. Желаю ему счастья, мира и тишины. Я не хотѣлъ бы съ нимъ встрѣчаться, но я никогда не переставалъ принимать самое живое участіе во всемъ, что касается до него—и теперь мнѣ особенно было пріятно услышать, что онъ снова принялся за литературную дѣятельность, которой ему никогда не слѣдовало бы покидать.

Извѣстія, сообщаемыя Вами о ходѣ крестьянскаго дѣла, вообще утѣшительны и совпадаютъ съ извѣстіями, приходящими изъ другихъ источниковъ. Весной, я надѣюсь, все окончательно успокоится—и когда я, въ Маѣ мѣсяцѣ, отъявлюсь въ Спасское, дѣло будетъ сдѣлано и начнется новая жизнь. Но и старая не забудется—а именно: поѣздки въ Новоселки и въ Степановку, Редереръ и т. д.

Желалъ бы я сообщить Вамъ что нибудь о моихъ литературныхъ занятіяхъ—но на нѣтъ суда нѣтъ. Я рѣшительно ничего не могу дѣлать—кое что вертится въ головѣ, но ничего не ложится на бумагу. Что будетъ далѣе—неизвѣстно—но пока—урожай плохой, въ родѣ того, которымъ, какъ слышно, грозитъ намъ будущій годъ, по причинѣ безснѣжья.

До свиданья, добрѣйшій Иванъ Петровичъ. Крѣпко жму Вамъ руку—дружески кланяюсь Вашей женѣ и цѣлую Петю въ его умную голову. Будьте здоровы.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Парижъ.

22-го Февр.
6-го Марта. 1863.

rue de Rivoli, 210.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, Ваши большія, милыя и умныя письма всегда доставляютъ мнѣ истинное удовольствіе: въ нихъ выражается Ваша прекрасная душа да кромѣ того, отъ нихъ вѣетъ такимъ роднымъ Орловски-степнымъ воздухомъ, что мнѣ здѣсь, на чужбинѣ, остается только благодарить да дышать поглубже. Въ теперешнюю эпоху оно еще отраднѣе: столько грустныхъ, тяжелыхъ впечатлѣній....

Вы не повѣрите, какъ бы мнѣ хотѣлось именно теперь находиться на родинѣ: что тамъ дѣлается, какъ встрѣтилъ народъ давно ожидавшую годовщину 19-го Февраля, что случилось съ дворовыми, что говорятъ и толкуютъ дворяне? Мысли мои постоянно у васъ. Здѣсь мы въ самый день 19-го Февр. собрались у Николая Милютина,—(Николай Ивановичъ Тургеневъ былъ въ числѣ гостей)—пили за здоровье Царя, народа, всѣхъ сотрудниковъ великаго дѣла, старика Тургенева начинателя—Милютина совершителя; произносили небольшіе, не краснорѣчивые, но теплые и дѣльные спичи; мнѣ какъ автору „Записокъ охотника“ было сказано нѣсколько добрыхъ словъ, которыя я буду всегда помнить, какъ лучшую награду. А въ Современникѣ, говорятъ, такъ меня пробираютъ, что просто пыль столбомъ. Ну да Богъ съ ними! Пускай куражится молодежь! Дай ей Богъ скоро найти такихъ дѣятелей и затѣять такія дѣла, что и бранить-то меня не останется охоты.

Съ нетерпѣніемъ жду появленія „Казаки“ А. Толстаго въ Русскомъ Вѣстникѣ. *Revue des 2 Mondes* помѣстила на дняхъ отрывки изъ его „Дѣтства и Отрочества“. Отъ Боткина я знаю, что Фетъ вернулся въ Степановку: мнѣ онъ не пишетъ.... Неужели онъ по прежнему не получаетъ моихъ писемъ?

У насъ здѣсь совсѣмъ зимы не было—а теперь весна на дворѣ.... Да и въ Россіи, когда придетъ это письмо къ Вамъ—первые грачи уже появятся около талыхъ мѣстъ. Богъ дастъ, мѣсяца черезъ полтора увидимся! А пока будьте здоровы и веселы. Кланяюсь Вашей женѣ, цѣлую Вашего Петю и крѣпко жму Вамъ руку.

Искренно Вамъ преданный
Ив. Тургеневъ.

Бадень-Бадень.
Schillerstrasse, 277.

$\frac{5-\text{го}}{17-\text{го}}$ Юня 1864.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, мнѣ даже стыдно вспоминать, какъ давно тому назадъ Вы ко мнѣ писали—а я только теперь собрался отвѣчать! Приношу повинную голову—а ее, по пословицѣ, мечъ не рубить.

Пишу Вамъ изъ своего Баденскаго гнѣздышка, которое такъ мнѣ полюбилось, что заставляетъ измѣнить нашимъ „палестинамъ“. Я купилъ себѣ здѣсь десятины полторы землицы—и намѣренъ съ нынѣшняго же года завести садъ—а съ будущей весны начать строиться. Здоровье мое удовлетворительно—работаю я очень мало: вотъ и все, что можно сказать обо мнѣ въ настоящемъ.

Въ прошедшемъ была поѣздка въ Петербургъ, кончившаяся, какъ Вамъ извѣстно, весьма благополучно и доставившая мнѣ случай понюхать немного родину и людей, въ ней живущихъ. Запахъ оригинальный! Но Вамъ, бѣдный Иванъ Петровичъ, приходилось плохо: несчастное положеніе Вашей супруги и собственное нездоровіе.... Будемъ надѣяться, что, авось, перемелется наконецъ эта мука и Вамъ придется вздохнуть нѣсколько посвободнѣе.

Со стыдомъ долженъ признаться, что не исполнилъ Вашей прозбы о портретѣ: посылаю Вамъ карточку свою—не знаю имѣете ли Вы такую: примите ее какъ знакъ искренней привязанности человѣка, который забывчивъ и разсѣянъ—но не измѣнчивъ.

На дняхъ перечелъ я романъ Л. Н. Толстаго—„Казаки“—и опять пришолъ въ восторгъ. Это вещь поистинѣ удивительная и силы чрезмѣрной. Что онъ дѣлаетъ? Напишите два слова о немъ. Хотя мы съ нимъ Монтекки и Капулетти, но я принимаю большое въ немъ участіе и съ удовольствіемъ узнаю, что ему хорошо. „Неудавшійся романъ“ въ Русскомъ Вѣстникѣ, говорятъ, вовсе не его. Я впрочемъ этой вещи не читалъ. Какое Ваше мнѣніе о „Маревѣ“?

Поклонитесь милѣйшему Фетищу и сообщите ему это письмо. Я тоже въ долгу передъ нимъ. У него теперь должно быть гоститъ В. П. Боткинъ, который провелъ здѣсь нѣсколько дней. Богъ знаетъ, увижу ли я его и Васъ въ нынѣшнемъ году! Сомнѣваюсь. Но вамъ надобно сдѣлать какъ Магометъ сдѣлалъ съ горой: она не пошла—онъ пошелъ. Зову Васъ въ Баденъ погостить у меня. Что же тутъ необыкновеннаго? Оно только такъ кажется съ перваго взгляда. Приѣхать сюда и съ Петей—вовсе не затруднительно—легче чѣмъ съѣздить въ Орелъ. Подумайте-ка—если не въ этомъ году, такъ въ будущемъ.

Къ сожалѣнію я глупо распорядился и не получаю здѣсь Московскихъ Вѣдомостей: вижу только изрѣдка Сѣверную Почту—пища скудная! О толстыхъ журналахъ и помину нѣтъ. Иногда съѣдешь въ Гейдельбергъ—почитаешь впрочемъ безъ большаго удовольствія.

Прощайте, дорогой Иванъ Петровичъ, будьте здоровы, крѣпко жму Вамъ руку. Какова у васъ погода? У насъ все дожди.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Я печатаю въ Карлсруэ полное собраніе своихъ сочиненій; идетъ очень хорошо.

Баденъ-Баденъ.

Schillerstrasse, 277.

Вторникъ $\frac{4\text{-го Окт.}}{22\text{-го Сент.}}$ 64.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ, всякое мое письмо должно по настоящему начинаться съ извиненій въ лѣни и мѣшкотности: примите разъ навсегда отъ меня повинную голову, которую, говорятъ, мечъ не рубить. На этотъ разъ я даже за два письма у Васъ въ долгу; что дѣлать! Здѣсь мнѣ слишкомъ хорошо живется—вотъ объясненіе моего молчанья; и зная Васъ, я почти готовъ о закладъ биться, что Вы, въ силу этого объясненія, готовы простить меня.

А въ самомъ дѣлѣ мнѣ здѣсь хорошо живется. Здоровье весьма удовлетворительно; охота тоже, старые друзья съ каждымъ днемъ мнѣ становятся ближе и дороже; вмѣстѣ съ осеннимъ ненастьемъ ложатся на жизнь и осеннія краски и осенняя тишина. Желанія успокоились и дѣятельность прекращается; но тѣмъ болѣе разыгрывается фантазія—и тѣшишься поневолѣ ея неопредѣленной и безслѣдной игрой. День скользитъ тихонько за днемъ—и только и думаешь: какъ бы это продолжилось подольше—и въ томъ же родѣ!

А Вы въ то же самое время прожили много горькихъ и тяжелыхъ минутъ.... Могу Васъ увѣрить, что я часто, съ искреннимъ участіемъ думалъ о Васъ—и отъ души желаю, чтобы хоть теперь Вы успокоились и порадовались, глядя, какъ подрастаетъ Вашъ умница, котораго заочно цалую. Помнить ли онъ, какъ

онъ сперва дичился меня—а потомъ подружился со мною? Скажите ему, что рано или поздно—я жду его къ себѣ, въ свой баденскій домъ, который по-немножку начинаетъ выростать изъ земли. Самъ же я не знаю, когда загляну въ наши родные края: надѣюсь, что это непременно сбудется въ 1865-мъ году. По многимъ причинамъ мнѣ надо тамъ побывать.

Я получилъ письмо отъ Боткина и Фета.... Неужели нашъ милый Аванась-юшка лишится своей мельницы? Или судьба его мало колотила? Я ему написалъ на дняхъ.

Вы теперь, чай, травите волковъ—а мы здѣсь стрѣляемъ по дикимъ козамъ и по фазанамъ. Иногда по неволѣ вздохнешь о дупеляхъ или о краснобровомъ тетеревѣ, вылетающемъ изъ куста при неистовомъ восторгѣ Фета....

Пишите мнѣ хотя изрѣдка, добрѣйшій Иванъ Петровичъ; Ваши письма для меня настоящая отрада. Дружески крѣпко жму Вашу руку и остаюсь

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Парижъ.

rue Basse, 10, Passy.

9-го Февр. 1865. Четвергъ.
28-го Янв.

Любезнѣйшій другъ Иванъ Петровичъ, письмо Ваше пріѣхало со мной сюда изъ Бадена—а пріѣхалъ я въ Парижъ для того чтобы сыграть свадьбу моей дочери, которая 25-го Февр. выходитъ за молодого хорошаго Француза, нѣкоего Г-на Gaston Bruère. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ эта увѣнчалась успѣхомъ—и я теперь очень радъ, что мы до сихъ поръ не торопились: партія во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительная. Я нахожусь въ великихъ хлопотахъ—выдать дѣвушку замужъ—это цѣлая исторія—чуть не цѣлое уголовное дѣло во Франціи—а при ненормальномъ положеніи моей дочери—затрудненія усложняются въ десять разъ. Однако все уладилось—и за исключеніемъ болѣзни или чего нибудь еще хуже, кажется, никакихъ препятствій предвидѣть нельзя. Вы легко можете себѣ представить какъ я доволенъ.

Тотчасъ по окончаніи свадьбы, я возвращаюсь въ мой любезный Баденъ—а въ самыхъ первыхъ числахъ Апрѣля ѣду въ Россію. Въ Петербургѣ я останусь нѣсколько дней, въ Москвѣ нѣсколько часовъ—и прямо въ Спасское. Это *вѣрно, несомнѣнно*, опять таки если что нибудь фатальное не помѣшаетъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ мечтаю о томъ, какъ мы сразимся въ шахматы съ Вами на Вашей террасѣ, въ присутствіи Пети, который уже вѣрно знаетъ ходы, и которому прошу кланяться отъ моего имени. А отъ васъ надо будетъ махнуть къ Фету—и тамъ, несмотря на весь мракъ его отчаянія и печальныхъ

предсказаній, пойдуть трюфели, пулярды подъ бѣлымъ соусомъ и батюшка Редереръ. Доживемъ—такъ поживемъ.

Очень меня опечалило извѣстіе о Толстомъ. Надѣюсь, что онъ давнымъ давно справился и работаетъ. Ему книги въ руки. Не хитри только этотъ чловѣкъ—отдайся своему таланту—Господи Боже, куда онъ уйдетъ! Передъ нимъ жизнь только что начинается—что за годы 36 лѣтъ—да и силы какія! Съ нетерпѣніемъ ожидаю его новаго романа.

А меня Вы, душа моя, напрасно шевелите. Моя пѣсенка спѣта. Такъ спокойно катится жизнь, такъ мало сожалѣній, тревогъ—что только думаешь объ одномъ: матушка Середа, будь похожа на Вторникъ—какъ самъ батюшка Вторникъ былъ похожъ на Понедѣльникъ. Не поднимайтесь со дна вы, всякіе черные тараканы—болѣзнь, слѣпота, глухота, увѣчіе—а больше не надо, не надо ничего. Куда намъ бороться и ломать деревья! Благо чувство къ красотѣ не изсякло; благо можешь еще порадоваться ей, всплакнуть надъ стихомъ, надъ мелодіей..... А тутъ охота, страсть, горячая, сильная, неистомная; пѣсь такой, что цѣлой вселенной на удивленіе—коронованныя особы (безъ шутокъ—это сдѣлалъ Принцъ Гессенскій на охотѣ) передъ нимъ шапки ломаютъ—и предлагаютъ мнѣ громадныя суммы.... Онъ такъ отыскиваетъ всякаго раненаго звѣря, птицу—что на легенду сбивается, право. Спросите любого мальчугана въ Великомъ Герцогствѣ Баденскомъ: а слыхалъ ты о Пегазѣ, собакѣ одного Русскаго въ Баденѣ?—такъ онъ о Русскомъ ничего не знаетъ—Пегаза знаетъ! Чего еще? Помилосердуйте!

Продавать изданіе съ билетомъ пожелалъ самъ книгопродавецъ для скорѣйшаго пріобрѣтенія денегъ. Впрочемъ послѣдній томъ подвигается уже къ концу. Я Вамъ привезу экземпляръ.

Жму Вамъ руку крѣпко на крѣпко и говорю: до свиданія.

Искренно Васъ любящій

Ив. Тургеневъ.

Р. S. Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что тамъ уже „швальни“ и т. д. прекратились и барышни опять заглядываются на офицеровъ; тоже будетъ и въ Орлѣ; въ провинціи старыя моды всегда дольше держатся.

Баденъ-Баденъ.

Schillerstrasse, 277.

$\frac{16}{28}$ -го Марта 1865.

Вторникъ.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, Вы не повѣрите, какъ я люблю получать отъ Васъ письма: не говорю уже о томъ, что онѣ напоминаютъ мнѣ о чловѣкѣ,

къ которому я искренно привязанъ—но онѣ составляютъ почти единственную мою связь съ нѣкоторою „сутью“ Русской жизни, которая съ каждымъ днемъ слабѣетъ и теряется для меня. Нечего грѣха таить: отрѣзанный я ломоть—и вѣрно такъ тому и быть слѣдовало—а по временамъ въ сердцѣ шевелится нѣчто въ родѣ сожалѣнія. Оно было бы еще сильнѣе, еслибъ я не почиталъ своего дѣла конченнымъ—а доживать свои денечки можно вездѣ. Впрочемъ я не желаю ни разчувствоваться, ни о себѣ говорить: лучше выражу то удовольствіе, съ которымъ я мечтаю о нашемъ свиданіи, „весной, при пѣсняхъ соловьиныхъ“.

Съ тѣхъ поръ какъ пришло Ваше письмо, я успѣлъ прочесть драму Островскаго (Воеводу) и начало романа Толстаго. Къ истинному своему огорченію, я долженъ признаться, что романъ этотъ мнѣ кажется положительно плохъ, скученъ и неудаченъ. Толстой зашелъ не въ свой монастырь—и всѣ его недостатки такъ и выпятились наружу. Всѣ эти маленькія штучки, хитро подмѣченныя и вычурно высказанныя, мелкія психологическія замѣчанія, которыя онъ подъ предлогомъ „правды“, выковыриваетъ изъ подъ мышекъ и другихъ темныхъ мѣстъ своихъ героевъ—какъ это все мизерно на широкомъ полотнѣ историческаго романа! И онъ ставитъ этотъ несчастный продуктъ выше „Казаковъ“! Тѣмъ хуже для него, если это онъ говоритъ искренно. И какъ это все холодно, сухо—какъ чувствуется недостатокъ воображенія и наивности въ авторѣ,—какъ утомительно работаетъ передъ читателемъ одна память, мелкаго, случайнаго, ненужнаго. И что это за барышни! Все какія-то золотушныя кривляки. Нѣтъ, эдакъ нельзя; такъ пропадешь, даже съ его талантомъ. Мнѣ это очень больно и я желалъ бы обмануться.

А „Воевода“ Островскаго меня привелъ въ умиленіе. Эдакимъ славнымъ, вкуснымъ, чистымъ Русскимъ языкомъ никто не писалъ до него! Послѣдній актъ (особенно гдѣ воевода бѣгаетъ за своей невѣстой, чтобы *защекотать ее на смерть*) плохъ; но 2-й и 3-й это совершенство! Какая мѣстами пахучая, какъ наша Русская роща лѣтомъ, поэзія! Хоть бы въ удивительной сценѣ „Домоваго“. Ахъ, мастеръ, мастеръ этотъ бородачъ! Ему и книги въ руки. Вотъ ужъ у него нѣтъ „изысканія мелкой букашки“ „de la petite bête, какъ говорятъ Французы. Сильно онъ расшевелилъ во мнѣ литературную жилу.

Я не „обхожу“ Каткова, какъ Вы говорите, хотя лично его не долюбливаю; но моя мошна пуста—послѣднія крохи я изъ нея вытресъ—что тутъ будешь дѣлать? Неизвѣстно что впередъ будетъ, а пока я могу только смотрѣть какъ дѣйствуютъ другіе.

Не знаю, какая у Васъ погода, а у насъ—да и во всей Европѣ—просто ужасъ. Со вчерашняго вечера валить густой снѣгъ—ни одной почки не распустилось ни на одномъ деревѣ—Январь да и полно! Зато хотя на томъ спасибо, что нѣтъ ни тифа, ни сибирской язвы. Съ первыми красными днями я направ-

ляюсь въ Новоселки и въ Степановку. Поклонитесь отъ меня владѣльцу сей послѣдней и скажите ему, что я жажду увидѣть его изсизе-бурый носъ, услышать его очаровательно мычащую рѣчь." Поклонитесь такъ же Вашему поэту Петѣ и примите отъ меня самое дружеское рукожатіе.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ: если увидите моего дядю, скажите ему, что „облигаціи“ (онъ уже знаетъ что это значить) и днемъ и ночью мнѣ не дають покоя.

P. S. Свадьба моей дочери состоялась мѣсяць тому назадъ—и я получаю отъ нея самыя розовыя письма. Мужъ ея дѣйствительно хорошій и добрый человекъ—и собою очень пригожъ. Зовутъ его Bruère.

Спасское.

Пятница, 4-го Іюня 1865.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, я пріѣхалъ сюда вчера вечеромъ—и весьма желаю увидѣться съ Вами. Не пріѣдете ли Вы ко мнѣ въ Воскресеніе, послѣ-завтра? Очень было бы пріятно. Я никуда отсюда не тронусь. До свиданія.

Душевно Вамъ преданный

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Schillerstrasse, 277.

$\frac{5-\text{го}}{17-\text{го}}$ Августа 1865.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ, сейчасъ я возвратился изъ небольшого путешествія во Францію, къ моей дочери, которая живетъ теперь съ своимъ мужемъ на его стеклянномъ заводѣ—и нашолъ здѣсь Ваше любезное письмо отъ 25-го Іюля. Письмо отъ Васъ, Вы это знаете, доставляетъ мнѣ всегда особенное удовольствіе—а потому спѣшу отвѣчать. Прежде всего прошу Васъ передать Петѣ слѣдующее стихотвореніе, сочиненное мною въ отвѣтъ на его:

Ай да Петя! Молодецъ!

Хоть и малъ онъ какъ скворецъ

За то умъ его орлиный,

Взглядъ же—просто соколиный!

Онъ одинъ лишь угадалъ,

Отчего я ускакалъ!

Дѣйствительно: я уѣхалъ въ Баденъ именно въ слѣдствіи письма, полученнаго мною во Мценскѣ въ самый день нашего знаменитаго путешествія отъ

Фета; меня вызывали сюда—и я отправился. Предположеніе Толстаго опять таки „отзываетъ“ имъ: не такое же онъ мѣсто занимаетъ въ моихъ соображеніяхъ—да мы бы вѣроятно и не встрѣтились; что же касается до его сестры, то мнѣ рѣшительно нѣ изъ чего избѣгать ея. Желая ему всего хорошаго съ его—по общимъ отзывамъ—милой женой; но едва ли онъ пересталъ мудрить: въ самое то время, когда онъ по Вашимъ словамъ спрашивалъ обо мнѣ съ участіемъ, онъ писалъ Фету, что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе меня ненавидитъ. А потому и мнѣніе его о дядѣ немного доказываетъ: онъ гораздо больше хлопотеть о собственныхъ впечатлѣніяхъ, чѣмъ о людяхъ, которые возбуждаютъ эти впечатлѣнія. Радуюсь тому, что онъ продолжаетъ работать и желаю, чтобы послѣдующія части романа были лучше первыхъ.

Дочь моя живетъ въ хорошенькомъ, новомъ домѣ: мѣстность кругомъ довольно живописная. Мужъ ее очень любитъ, а она его любитъ—(она пятый мѣсяцъ уже беременна).—Пока все идетъ хорошо и впереди ничего не предвидится мрачнаго.

И здѣсь все идетъ недурно: домъ мой подвигается довольно шибко; сегодня мы должны были отправиться на охоту, но пошелъ дождь—и мы отложили нашу поѣздку до завтра. Вообще погода у насъ въ противность тому, что Вы пишете, свѣжая—почти холодная, что меня лично даже радуетъ, потому что я въ этомъ вижу нѣкоторую защиту противъ холеры, которая, какъ грозовая туча, заходитъ со всѣхъ пунктовъ горизонта, и которой я боюсь, какъ Вамъ извѣстно, до позора.

Вы, словно шутя, говорите о поѣздкѣ Фета за границу; а я серьезно думаю что ему нужно встряхнуться, а то онъ непременно окиснетъ и погрознетъ въ какомъ-то, если можно такъ выразиться, вяломъ ожесточеніи. Съ будущаго Октября мой домъ будетъ открытъ для всѣхъ добрыхъ пріятелей. Имѣяй уши, да слышитъ!

Вы пишете объ отъѣздѣ Боткина; но Вы не извѣщаете о томъ, куда сей старецъ направилъ свой полетъ? Ужъ не къ намъ ли? А мнѣ все кажется, что надуетъ онъ бѣдняковъ Фетовъ и ничего не оставитъ имъ въ своемъ, столь многократно переписанномъ завѣщаніи.

Обнимите за меня Петю (помните онъ золотой замокъ на амбарѣ?). Дружески жму Вамъ руку и остаюсь

Душевно Вамъ преданный

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.

Понедѣльникъ, $\frac{23\text{-го}}{11\text{-го}}$ Окт. 1865.

Любезный Иванъ Петровичъ,

Получивши Ваше письмо отъ 20-го Сент. я тотъ-часъ навелъ желаемыя Вами справки и могу Вамъ сообщить слѣдующее: въ теченіи *зимняго* сезона (отъ 1-го Ноября н. с. до 1-го Мая)—можно имѣть здѣсь хорошую чистую комнату, со столомъ весьма удовлетворительнымъ, въ лучшемъ мѣстѣ города—и съ прислугой—за 5 франковъ въ день (отопленіе и освѣщеніе не считаются); въ теченіи *лѣтняго* сезона т. е: въ остальные шесть мѣсяцовъ—надо прибавить, 1 или даже 1½ франка. Сообщите эти факты, въ совершенной достовѣрности которыхъ я ручаюсь, кому слѣдуетъ.

Съ смѣшаннымъ чувствомъ удовольствія и сожалѣнія читалъ я Ваше, съ большимъ юморомъ начертанное описаніе Вашей охотничьей Иліады. Хорошъ чернокудрявый прекрасный юноша, который оказывается мазурикомъ, и довѣренный трезвый человѣкъ, безсознательно лишившійся носа.... Узнаю тебя, о родина святая! Вообще я прихожу къ тому убѣжденію, что и охота на Руси, эта пресловутая охота, какъ много другихъ пресловутыхъ вещей въ родѣ скорой ѣзды, закидыванія врага шапками, употребленія въ пищу того что „нѣмцу смерть“—оказывается пухомъ; и наша (здѣшняя) степенная, искусственная, пожалуй скромная но дѣльная охота совершенно иначе удовлетворитъ человѣка.

Въ послѣднее время намъ пришлось однако нѣсколько поджать хвостъ: послѣ почти двухъ мѣсячной безподобной погоды съ безоблачною лазурью—хляби небесныя разверзлись и въ эту минуту льетъ такой ливень—и вѣтеръ такъ завываетъ, что чудо! Впрочемъ и тутъ можно утѣшиться какъ вспомнишь, что, по слухамъ, на родинѣ санный путь установился. Да не только санный путь: мнѣ пишутъ изъ Спасскаго, что тамъ открылся моръ на лошадей, коровъ, овецъ, свиней, домашнюю птицу и даже на кошекъ. Мы здѣсь пока удовлетворяемся одной холерой, которая, какъ грозовая туча, зашла со всѣхъ сторонъ и заявляетъ свое скорое прибытіе необыкновеннымъ количествомъ поносовъ и другихъ гадостей. Излишнюю веселость это распространять не можетъ: поневолѣ думаешь больше о возможности собственного окачуренія чѣмъ объ окачуреніи даже такого крупнаго гуся, каковъ былъ „Воевода Пальмерстонъ“.

Я отъ Фета получилъ длинное письмо и отвѣчалъ ему на Ваше имя. Поклонитесь отъ меня любезному моему другу Петѣ и примите увѣреніе въ совершенной моей преданности и искренней дружбѣ.

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Schillerstrasse, 277.

Среда, $\frac{19\text{-го}}{31\text{-го}}$ Янв. 1866.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, не успѣлъ я еще отвѣтить на Ваше первое письмо, какъ уже получилъ второе, столь же наполненное интересными извѣстіями и любопытными фактами. Берусь за перо и отвѣчаю. Прежде всего благодарю за добрыя пожеланія—и съ своей стороны призываю на Вашу голову все хорошее. Я продолжаю жить здѣсь потихоньку—(зимы у насъ совсѣмъ нѣтъ—да и въ Россіи, кажется, она отсутствуетъ) завтра въ послѣдній разъ отправляюсь на охоту и намѣренъ приняться за работу, слухъ о которой, должно быть, распространился черезъ В. Боткина. Тишина душевная продолжается: я чувствую, такъ же какъ и Вы, что приобрѣлъ „темпераментъ стариковскій“—и что вся жизнь уже имъ окрашена. На Вашъ анекдотъ о нищемъ я могу отвѣчать Вамъ такимъ же: въ 1854-мъ году (мнѣ было 35 лѣтъ) я въ Петергофѣ лихо сбѣгаю съ горы къ ожидавшему меня внизу на дорогѣ дрожечному извозику.... „Вотъ оно, что значить гора-то,“ замѣчаетъ онъ съ усмѣшкой: „и старичка съ себя попѣхиваетъ.“ Къ счастью, мы оба, кажется, давно на счетъ фізіономіи смирились и въ старички охотно готовы записаться, лишь бы здоровье пока не измѣняло. Теперь вотъ только и осталось, что заботы о молодомъ поколѣніи, о нашихъ смѣнителяхъ: какъ бы имъ помочь своею опытностью и т. д. У Васъ есть Петя, а у меня тоже есть, хоть и не родныя дѣти. Кстати поклонитесь ему и скажите, что въ слѣдующій разъ я ему цѣлое письмо въ стихахъ пришлю: а теперь Муза моя что-то скопытилась. Очень Вамъ благодаренъ за рекомендацію Захара: онъ чудакъ и говорить не можетъ, точно ему языкъ вывихнули—но онъ очень честный и хорошій человѣкъ: боюсь я только, что Шереметеву онъ покажется слишкомъ страненъ. А бѣдный старичина Афанасій истинно достоинъ сожалѣнія. Эка однако какъ время летитъ! Какъ теперь помню я мою первую охоту съ нимъ: (онъ между прочимъ удивилъ меня тѣмъ, что вытащилъ чуть ли не изъ сапога цѣлаго поросенка—да такъ его и съѣлъ—безъ хлѣба но съ дегтемъ) это было въ 1835-мъ году—то есть слишкомъ тридцать лѣтъ назадъ!! Но уже тогда онъ пилъ и тотъ-часъ пьянѣлъ послѣ первой рюмки. Правда, онъ храбрился тогда—а теперь плачетъ. Что дѣлать!

Исторія о необходимости служенія „обществу, семейству“ и т. д. очень хороша—и я дорого бы далъ послушать Н. Карпова—(Вы его вѣроятно называете „мягкимъ“) какъ онъ будетъ читать „Взбаламученное море“. Всѣ наши такъ называемыя направленія—словно пѣна на квасу: смотришь—вся поверхность покрыта—а тамъ и ничего нѣтъ и слѣдъ простылъ. Я еще, пожалуй, доживу дотого, что тотъ же Современникъ (спасибо за дѣйствительно забавную цитату) будетъ бранить меня за мой нигилизмъ.

Не забудьте въ слѣдующемъ письмѣ извѣстить меня о здоровьи Толстаго: я, Вы знаете, очень интересуюсь имъ—какъ писателемъ. Фетушка мнѣ давно не писалъ: а послѣднее письмо между нами было мое. Увидите его, поцалуйте его въ теперь уже вѣроятно совсѣмъ голый лобъ и поклонитесь его женѣ. А отъ меня примите самое усердное рукожатіе и вѣрьте въ искренность моей дружбы.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Я съ недѣлю тому назадъ въ одинъ день убилъ трехъ дикихъ козъ: но завтра конецъ охоты—до Сентября.

Баденъ-Баденъ.

Schillerstrasse, 277.

$\frac{1\text{-го Марта}}{17\text{-го Февраля}}$ 1866. Четвергъ.

Вотъ письмо, такъ письмо, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ! Право, я ни отъ кого не получаю подобныхъ писемъ и всегда съ особеннымъ удовольствіемъ узнаю у себя на столѣ Ваши продолговатые пакетцы. А потому и отвѣчаю немедленно.

О себѣ Вамъ скажу, что со мной случилась довольно скверная штука—а именно сдѣлалось воспаленіе въ мышцахъ лѣвой руки. Ужъ оно давно начиналось понемногу—но въ послѣднее время приняло такой скверный оборотъ, что я цѣлыя двѣ недѣли принужденъ былъ мѣнять (каждыя 10 минутъ!) холодные компрессы—и теперь еще почти не владѣю этой несчастной рукой. Къ счастью, это случилось не во время охоты—а то бы прощай ружье! Эта гадость, по словамъ доктора, продолжится до лѣта. Что дѣлать! Надо запастись терпѣніемъ.

Среда $\frac{21\text{-го}}{9\text{-го}}$ Марта.

Стыдно сказать, все это время—и почти три недѣли—провалялся этотъ листокъ бумаги—а Вы съ тѣхъ поръ успѣли мнѣ еще написать письмо, такое же милое и интересное какъ и первое. Не знаю какъ благодарить Васъ и прошу извинить мою безобразную лѣнь.

Рукѣ моей легче стало—и если такъ будетъ продолжаться, то я рѣшусь на дняхъ попытать своего счастья на вальдшнепахъ и бекассахъ. Не знаю, писалъ ли я Вамъ, что мы съ Віардо приобрѣли еще на три года другую очень изрядную охоту—и теперь мы считаемъ себя чуть не владѣтельными герцогами. Къ сожалѣнію, погода стоитъ скверная: льютъ нескончаемые дожди. Я хохоталъ до истерики описанью Вашей охоты за единственнымъ зайцемъ Вашего выстрѣла въ его широкій лобъ—и спокойнаго его путешествія. Здѣсь, батюшка, мы по зайцамъ стрѣляемъ—можно сказать—слишкомъ хладнокровно—больно много ихъ—и почти

безъ пуделя. Приѣзжайте-ка съ Вашимъ Петей (который на дняхъ получить отъ меня цѣлое письмо въ стихахъ)—поселитесь въ моемъ домѣ, (который уже приближается къ окончанію)—и Вы сами убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ.

Ваши описанья уѣздныхъ и прочихъ сѣздовъ—просто прелесть—и я напередъ говорю Вамъ, что я ими воспользуюсь. А сизеносый, скромнобрюхый Фетъ передо мной въ долгу; я ему написалъ въ началѣ зимы пространнѣйшее письмо—а онъ хоть бы пикнулъ мнѣ въ отвѣтъ. Радуюсь очень его преуспѣянію—и воображаю, что съ нимъ происходило во время его секретарства. Какъ онъ потѣль!

Разсказъ Достоевскаго въ 1-мъ № Русскаго Вѣстника—дѣйствительно замѣчательная фотографія: только ужъ очень много онъ самъ съ собою возится. Стихи Фета премы, только конецъ тупенекъ: нѣтъ этого завершающаго взмаха, безъ котораго лирическая штучка всегда кажется прѣсной. Я зачиталъ съ Г-жой Віардо „Казакъ“ Толстаго—и сугубо наслаждаюсь: экая неподдѣльная поэзія и красота! Сюда приѣхалъ Жемчужниковъ—писатель; онъ женатъ на сестрѣ Дьякова и черезъ него я узналъ довольно много подробностей о ненавидящемъ меня Львѣ Николаевичѣ.

Самъ я почти что ничего не дѣлаю: живетъ глухо и смирно—но недурно. Не знаю, когда я попаду къ Вамъ, но крѣпко Васъ и Петю обнимаю и остаюсь

Преданный Вамъ Ив. Тургеневъ.

Бадень-Бадень.

6-го Іюня
25-го Мая 1866.

Schillerstrasse, 277.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ, не скоро я собрался отвѣчать на Ваши два письма—зато теперь видите разомъ—и Вамъ и Петѣ и Фету. Я только что вернулся изъ небольшой поѣздки во Францію, къ моей дочери: я нашолъ ее здоровою и веселою; она съ мужемъ живетъ въ большомъ ладу и вѣроятно въ началѣ будущаго года произведетъ меня въ дѣдушки. Собственное мое здоровье недурно—ну а что касается до дѣлъ, то ничего хорошаго сказать нельзя, мы здѣсь съ часу на часъ ожидаемъ войны—и теперь уже такое господствуетъ уныніе, такой вопіющій застой во всемъ—что описать невозможно. О поѣздкѣ въ Россію въ нынѣшнемъ году и думать нечего. Тѣмъ отраднѣе будетъ для меня получать Ваши письма, которыя составляютъ почти единственное звено, соединяющее меня съ родиной.

Извините за краткость этой цидули—и не пеняйте на меня, что я такой вздоръ настроилъ Петѣ. Ничего въ голову не лѣзло. Если онъ разсмѣется—ну стало быть и хорошо.

Охота у насъ начинается еще нескоро и я можетъ быть воспользуюсь этимъ промежуткомъ свободнаго времени, чтобы опять приняться за литературничанье; впрочемъ это все въ рукѣ Аллаха—засимъ дружески Васъ обнимаю и остаюсь

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Schillerstrasse, 277.

7-го Сентяб. 1866.
26-го Августа

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, передо мною опять лежатъ два большія—и какъ водится—преинтересныя письма отъ Васъ—и я беру съ перо и отвѣчаю. Какъ уже Вамъ извѣстно, въ Германіи совершилось замиреніе полное—и если нашъ сосѣдъ не затѣетъ какой-нибудь катавасіи, ничто не помѣшаетъ Пруссіи преспокойно забрать себѣ въ карманъ всю Сѣверную Германію; да и то, говорятъ, вниманіе сосѣда устремлено болѣе теперь на Восточныя дѣла. Въ Баденѣ же было всегда нарочито тихо—а теперь шумятъ однѣ кринолины Парижскихъ лоретокъ.

Охота началась, но къ сожалѣнію, погода стоитъ прескверная—холодъ и дожди—и куропатокъ въ нынѣшнемъ году уродилось мало; къ тому же я прихворнулъ и съ недѣлю вылежалъ дома: со всѣмъ тѣмъ я уже убилъ около 85 штукъ дичи. Песъ у меня все тотъ же удивительный Пегазъ, который даже въ печать попалъ—и ружье такое, что, какъ говорится, что въ ротъ то спасибо. Все стало быть въ исправности; одно скверно: денегъ присылается мало, да такъ мало, что коренныя преобразованія становятся очевидно необходимы; для приведенія ихъ въ дѣйство, по мѣрѣ силъ, я пріѣзжаю въ Спасское весною—въ первыхъ числахъ Апрѣля—и останусь тамъ сколько будетъ нужно. Но объ этомъ еще рѣчь впереди.

Вамъ дѣйствительно необходимо нужно вывезти Вашего умницу на обученіе въ Москву, но я не предвижу для Васъ возможности въ первую же зиму разстаться съ нимъ: придется Вамъ взять въ Москвѣ квартиру—не раззорить же это Васъ. А Вы ему отъ меня поклонитесь—и скажите, что очередь стиховъ за нимъ; а я не отстану: на всякое его посланіе сей часъ отгряну эпистоліей. Кстати же у меня другихъ литературныхъ занятій нѣтъ—такъ какъ мой романъ подвигается весьма медленнымъ ходомъ, среднимъ между черепашымъ и раковымъ.

Фетушкѣ я написалъ на дняхъ только въ Степановку: ахъ зачѣмъ онъ это по временамъ помѣщаетъ такія слабосильныя стишки въ Русскомъ Вѣстникѣ—которыя только напоминаютъ прежніе соловьиные звуки? Точно человѣкъ накушался фіалокъ и испускаетъ потомъ безсильныя отрывки. Но Вы еще благопо-

лучны—Вы не получаете Отечественныхъ Записокъ—а я страдаю этимъ несчастьемъ: тамъ есть переводъ безобразныхъ „Тружениковъ моря“ Господина Гюго.... О! О! О!... И Петербургскія трущобы Г-на Крестовскаго. У... У... У!

Такъ и вторая дочь Шеншина замужемъ.... Ну, эта премиленькая. А я думаю, изъ старшей вышла такая бой-барыня, что у ея супруга затылокъ долженъ трястись. Посмотрѣлъ бы я на всю эту молодую жизнь. Да вотъ Богъ дастъ весной. Правда ли, говорятъ, у васъ сильная холера? Бѣднаго доктора жалко.

Крѣпко жму Вамъ руку и остаюсь преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Schillerstrasse, 277.

$\frac{12\text{-го Окт.}}{30\text{-го Сент.}}$ 1866. Пятница.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, Ваше большое письмо отъ $\frac{4}{16}$ -го Сент. пришло въ свое время и доставило мнѣ много удовольствія—какъ вообще всѣ Ваши письма. Берусь за перо—и хотя позднеенько—но отвѣчаю.

Послѣ отвратительнѣйшей, два мѣсяца продолжавшейся, погоды, у насъ проскочило нѣсколько осеннихъ дней—но чтобы мы не слишкомъ радовались—отъявилась *она* т. е. холера—и хотя въ самый Баденъ еще не заглянула, но уже свирѣпствуетъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ—въ Раштатѣ, а сюда выслала своего обычнаго курьера—поносъ. Что дѣлать! Мы покоряемся необходимости, запасаемся мятой, Тильмановскими каплями, прислушиваемся къ бурчанью нашихъ утробъ и ѣдимъ съ величайшей вѣжливостью, какъ только въ проголодь. Охота однако продолжается—и хотя у насъ нѣтъ тѣхъ баснословныхъ массъ вальдшнеповъ и куропатокъ, о которыхъ между прочимъ пишетъ и дядя—однако все таки я до сихъ поръ съ грѣхомъ пополамъ убилъ 150 штукъ слишкомъ. И работа моя подвигается—такъ какъ я обѣщаль доставить ее Каткову къ концу Января—тутъ уже мѣшкать и хвостомъ вилять нельзя. Планъ мой слѣдующій: въ Февралѣ и Мартѣ я въ Петербургѣ и Москвѣ а Апрѣль провожу въ Спасскомъ—и конечно буду Васъ видѣть чуть не ежедневно. Пребываніе мое въ Спасскомъ будетъ сопряжено съ нѣкоторыми непріятностями: мнѣ невозможно болѣе оставить мое имѣніе на рукахъ дяди, въ честности котораго я не сомнѣваюсь ни одной секунды, но который состарѣлся, потерялъ всякую энергію и даетъ себя и меня грабить. Доходы съ моего имѣнія сдѣлались ничтожными—(Вы можете пробѣжать прилагаемое письмо къ Фету, которое я по незнанію его теперяшняго мѣстопробыванія, посылаю черезъ Васъ). Эдакъ продолжать дѣло нельзя. Я, кажется, нашолъ дѣльнаго человѣка—во всякомъ случаѣ я явлюсь въ Спасское не иначе какъ съ новымъ управляющимъ—и между прочимъ заранѣе рассчитываю на Ваши добрые совѣты и содѣйствіе.

Но довольно объ этихъ дразгахъ, поговоримте лучше о нашемъ общемъ пріятелѣ, Петѣ. Вы хотите везти его въ Москву—воображаю, какъ будетъ Вамъ жутко съ нимъ разстаться—но знать такъ уже предопредѣлено судьбою: мальчику нельзя вѣчно оставаться подъ родительскимъ крылышкомъ. Впрочемъ я увѣренъ что надзоръ за нимъ будетъ самый старательный—а онъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять что все это дѣлается для его же пользы. Поклонитесь ему отъ меня и скажите, что весною мы вмѣстѣ будемъ сочинять стихи: такъ оно пойдетъ шибче.

Если Вамъ въ руки попадутся „Отечественныя Записки“ (весьма впрочемъ плохой журналъ)—то прочтите тамъ статью подъ заглавіемъ: Кузя, Мордовскій Богъ. Ужасно любопытно и поучительно, хотя авторъ напрасно все разжидилъ и разсыропилъ. А „Преступленіе и наказаніе“ Достоевскаго я отказался читать: это что-то въ родѣ продолжительной колики—въ холерное время помилуй Богъ!

Обнимаю Васъ дружески и остаюсь

Преданный Вамъ Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Schillerstrasse, 277.

1-го Янв. 1867.
20-го Дек. 1866. Вторникъ.

Только что собрался писать къ Вамъ въ Москву, милый Иванъ Петровичъ, въ самый день басурманскаго (и настоящаго) Новаго Года—глядь! является Ваше письмо—и я вижу что мнѣ еще возможно отписать къ Вамъ въ деревню—и кстати поздравить Васъ съ Россійскимъ Новымъ Годомъ. Нечего говорить Вамъ какъ искренни и усердны мои желанія Вамъ всего хорошаго; Петю тоже отъ меня поздравьте—и скажите ему что я желаю ему умнѣть и расти не по днямъ, а по часамъ.

Я заранѣе радуюсь нашему свиданію въ Москвѣ: я обязался передъ Катковымъ самолично вручить ему мой романъ въ началѣ Февраля, такъ какъ появиться онъ долженъ въ Февральской книжкѣ.....

Четвергъ $\frac{3}{15}$ го Февр.

Я писалъ предыдущую страницу 6 недѣль тому назадъ... Увы! человѣкъ предполагаетъ, а ужъ неизвѣстно кто располагаетъ. Представьте что я въ теченіи этихъ шести недѣль почти не выходилъ изъ комнаты, двигался не иначе какъ съ помощью костыля, а съ недѣлю тому назадъ опять слегъ и теперь пишу Вамъ въ постели—и все это по милости подагры, да не обыкновенной, а какой то атонической, т. е. хронической, которая поразила мою лѣвую ногу и превратила меня въ неподвижный чурбанъ! Вотъ Вамъ я и у праздника! Всѣ мои предположенія рухнули—и впередъ я никакихъ плановъ не могу дѣлать: докторъ мнѣ

объявилъ, что онъ не можетъ мнѣ назначить время, когда я буду въ состояніи предпринять путешествіе. А романъ давно конченъ, переписанъ, перечтенъ и выправленъ нѣсколько разъ; а дѣла мои въ Спасскомъ и по имѣнію требуютъ самымъ настоящимъ образомъ моего немедленнаго присутствія—такъ какъ дядя внезапно потерялъ голову и пишетъ мнѣ самыя отчаянныя и оскорбительныя письма, а все отъ того, что я рѣшился наконецъ взять новаго управляющаго—который хотя бы нѣсколько улучшилъ мои доходы.... Вы легко можете себѣ представить, какъ мнѣ теперь весело....

Я не хотѣлъ оставить Вашего послѣдняго письма безъ отвѣта—я и такъ передъ Вами въ долгу. Скажите Петѣ, что я, какъ только справлюсь, непременно отвѣчу на его античное стихотвореніе. Мнѣ кажется, что онъ ничего не потеряетъ, оставшись еще годъ въ деревнѣ: пусть онъ еще укрѣпится физически—а съ его головой онъ не останется въ заднихъ рядахъ.

Поклонитесь отъ меня Фету, если Вы его увидите проѣздомъ въ Степановку. Не теряю надежды увидѣть Васъ—но когда? опредѣлить съ точностью невозможно—ибо не отъ меня зависитъ—тогда мы побесѣдуемъ хорошенько—во всякомъ случаѣ желаю Вамъ и Петѣ всего хорошаго на землѣ—и все таки говорю: до свиданія.

Душевно Вамъ преданный
Ив. Тургеневъ.

Москва.

Среда, 7-го Марта 1867.

Милый Иванъ Петровичъ,

Я пріѣхалъ сюда сегодня утромъ и выѣзжаю въ Пятницу или въ Субботу въ Спасское. Начиная съ Понедѣльника или со Вторника меня можно будетъ тамъ застать—я очень, очень буду радъ Васъ видѣть—дайте знать такъ же Фету—но остаюсь я въ деревнѣ весьма немного времени, не болѣе недѣли. Дѣла не позволяютъ. И такъ въ надеждѣ скоро увидѣть Васъ, хотя не надолго—жду Вамъ дружески руку и остаюсь

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Москва.

Въ домѣ Удѣльной Конторы,
на Пречистенскомъ бульварѣ,
у И. И. Маслова.

Четвергъ, 16-го Марта 1867.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ,

Вамъ уже вѣроятно извѣстна невзгода, которая стряслась надо мною—а именно: болѣзнь, которая схватила меня въ Серпуховѣ и заставила черезъ силу

вернуться въ Москву—а тѣмъ самымъ отдалила наше свиданіе. Здоровье мое однако скоро поправилось и сегодня я въ первый разъ попытаюсь выѣхать—но встрѣчается новое препятствіе: мнѣ принесли сегодня первую корректуру моей повѣсти въ „Русскомъ Вѣстникѣ“—и теперь уже я не могу пошевелиться отсюда, пока она вся не будетъ набрана т: е: въ теченіи десяти дней по малой мѣрѣ. А черезъ 10 дней—кто знаетъ—какая будетъ ѣзда по нашимъ дорогамъ—и не наступитъ ли тогда то ужасное время, когда ни пройти ни проѣхать, ни на полозьяхъ, ни на колесахъ. Однако надо будетъ—хоть тресни да полѣзай. Безъ меня дядя никакъ не захочетъ сдать имѣніе и письмами ничего тутъ не подѣлаешь. (Новаго управляющаго я впрочемъ напередъ отправилъ—благо ужъ онъ доѣхалъ до Серпухова.) А необходимость перемѣны управленія Вамъ будетъ ясна изъ простаго сопоставленія слѣдующихъ цифръ:

По отчету дяди я въ 11 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ получилъ 127,371 руб. съ копейками.

Изъ нихъ капитальной суммы (выкупныхъ денегъ, за продажу лѣсовъ и т. д.) 63,564 руб.

Изъ доходныхъ денегъ я слѣдовательно получилъ: 63,807 руб.—т: е: около 5500 руб. сер. въ годъ.

Оброчныхъ суммъ съ оброчныхъ имѣній поступаетъ въ годъ 5756 р.—платежа въ Опекунской Совѣтъ—на 3409 р.—остается слѣд. въ пользу владѣльца—2347 р. Если прибавить къ этой суммѣ деньги за аренды, мельницы и т. д. то приблизительно получится вся сумма моего годоваго дохода—5500 р. и окажется что лучшія мои имѣнія, Спасское, Танки и др. находящіяся на издѣліи, не приносятъ мнѣ буквально ни копейки. Покажите этотъ результатикъ Фету, который въ письмѣ къ Боткину говоритъ, что отказывая дядѣ—я „осатанѣлъ.“ Согласился ли бы онъ съ 5500 десятинъ свободной земли получать 5500 р. дохода? Кстати скажите ему, что онъ совершенно справедливо критикуетъ языкъ перевода „Перро“—и что я самъ нашолъ въ немъ курьезы почище фразы: „Онъ *имѣлъ* жену“—тамъ говорится о лошади сѣрой „сз яблоками“ и т. д. Какъ? скажете Вы: я самъ?—Да развѣ.... Въ томъ-то и дѣло, что я далъ только имя свое выставить на оберткѣ—а впрочемъ ни тѣломъ ни душой невиноватъ т: е: въ сущности виноватъ—зачѣмъ далъ имя—и теперь долженъ терпѣть укоры.

Что подѣлываетъ мой дорогой Петя? Поклонитесь ему отъ меня—и скажите, что если шоссе не провалится или рѣки не затопятъ всей Тульской губерніи—я скору съ нимъ увижусь. А Вамъ я пока крѣпко и дружески жму руку и говорю тол: досвиданія. Кромѣ отдѣльнаго экземпляра моей повѣсти, я Вамъ привезу и почитаю другой мною написанный рассказъ. Но все это впереди. Будьте здоровы.

Истинно Васъ любящій

Ив. Тургеневъ.

Москва.

Въ домѣ Удѣльной конторы,
на Пречистенскомъ бульварѣ.

Вторникъ, 21-го Марта 67.

Милый Иванъ Петровичъ, я получилъ Вашу записочку изъ Спасскаго—и нечего мнѣ говорить Вамъ, какъ я сожалѣю о томъ, что не удалось повидаться съ Вами. Особенно скверная звѣзда преслѣдуетъ меня съ самаго начала нынѣшняго года. Наканунъ перваго Января заболѣла у меня нога какой-то сложной ревматической подагрой, 6 недѣль я пролежалъ, долженъ былъ опоздать выѣздомъ—притащился наконецъ сюда—и въ самый день моего отъѣзда въ Спасское схваченъ былъ сильнѣйшимъ гриппомъ въ Серпуховѣ—полуживой прибылъ назадъ въ Москву—а теперь дороги стали непроѣзжія—и нога, какъ нарочно, снова такъ жестоко разболѣлась, что пожалуй придется опять слечь. Къ тому же подошли невеселыя вѣсти изъ Бадена—гдѣ ужъ мнѣ тутъ думать о поѣздкѣ въ деревню—дай Богъ по добру по здорову по желѣзнымъ дорогамъ вернуться въ Баденъ. Я объ этомъ сегодня же пишу къ дядѣ, который вѣроятно придетъ въ большое волненіе и огорчится—но вѣдь собственно мое присутствіе ничего бы не измѣнило. Управляющій мой, Никита Алексѣевичъ Кишинскій, который находится теперь въ Спасскомъ, имѣетъ отъ меня инструкцію принять управленіе, не требуя никакихъ отчетовъ, и не входя ни въ какія разбирательства—а судьба дяди и его дѣтей мною обезпечена—и жить онъ можетъ въ Спасскомъ, пока найдетъ удобнымъ, не спѣша, переселиться къ себѣ. Оставаться долѣе при 5500 р. сер. годоваго дохода отъ 5500 десятинъ я не нашолъ возможнымъ—и вотъ вся причина этой перемѣны. Рѣшаюсь обратиться къ Вамъ, добрѣйшій Иванъ Петровичъ,—въ Вашемъ характерѣ столько деликатности и мягкости, дядя мой питаетъ къ Вамъ такое уваженіе, что въ случаѣ какихъ-либо затрудненій, Ваше слово принесло бы великую пользу! Помогите старику взглянуть на все это дѣло прямыми глазами, а то онъ мнѣ такія письма пишетъ, что я прихожу въ тупикъ. Мнѣ ужасно непріятно, что я въ Спасское не попалъ и не попаду—но что же дѣлать! Ей Богу—мнѣ невозможно ѣхать.

Романъ мой печатается а выдетъ въ Мартовской книжкѣ Русскаго Вѣстника. Посмотримъ какое онъ на Васъ произведетъ впечатлѣніе—а трудился я надъ нимъ много.

Поклонитесь отъ меня Фету и поцалуйте Петю: видно не въ нынѣшнемъ году придется намъ увидѣться.

Крѣпко, дружески жму Вамъ руку и остаюсь

Душевно Вамъ преданный
Ив. Тургеневъ.

Москва.

На Пречистенскомъ бульварѣ,
въ домѣ Удѣльнаго Вѣдомства.

Четвергъ, 23-го Марта 1867.

Милый Иванъ Петровичъ, не успѣлъ я Вамъ написать довольно большое письмо, какъ получилъ Ваше—и не могу не отозваться. Прежде всего—благодарю Васъ за чувство, которое Вамъ его внушило: я узналъ Вашу неизмѣнную дружбу, Вашу добрую душу. Съ тѣхъ поръ какъ я писалъ Вамъ—я получилъ наконецъ отъ дяди письмо спокойное и благоразумное: онъ какъ будто опомнился и пришолъ въ себя и убѣдился, что я не могъ поступить иначе—и всячески стараюсь ослабить неизбѣжный ударъ, обезпечить и упрочить его будущность. Еслибъ онъ показалъ Вамъ мои письма—Вы бы увидали что я все время поступалъ съ нимъ такъ, какъ Вы мнѣ совѣтуете: говорилъ ему что совершенно убѣжденъ въ его безкорыстїи, не требовалъ никакихъ отчетовъ, не возвращался на старое: если же я упоминалъ о немъ, то единственно для оправданїя себя. Я натягивалъ всѣ возможные струны—и все неудачно; наконецъ однако кажется, что дѣло пошло на ладъ. Правда, что когда онъ узнаетъ—что я не приѣду—опять поднимаются вопли... Но чтоже дѣлать? Желаніе мое приѣхать было великое: доказательствомъ тому служить моя попытка, окончившаяся въ Серпуховѣ: но теперь, при ужасныхъ дорогахъ,—путешествіе для меня невысказуемо: я боленъ, истинно боленъ и расклеился весь: ногѣ опять хуже—такъ что я въ комнатѣ едва волочусь съ мѣста на мѣсто—кашель терзаетъ мнѣ грудь чуть только я носъ выставляю на свѣжій воздухъ.... нѣтъ! куда мнѣ! Дай Богъ домой вернуться, въ топленыхъ вагонахъ, по желѣзнымъ дорогамъ! Будьте такъ добры, помогите мнѣ растолковать это дядѣ: оно невесело—да помочь этому нельзя. А чтобы дать Вамъ понятіе о томъ, до какой степени запущено было хозяйство—то вообразите, что Спасское попало подъ опеку!! за неплатежъ двухъ сотъ семидесяти рублей въ годъ. Несмотря на правильно веденныя книги—это былъ совершеннѣйшій хаосъ.

Но довольно объ этомъ. Я хотѣлъ только поблагодарить Васъ за Ваше письмо и выразить Вамъ мое сожалѣніе, что не увижу Васъ въ нынѣшнемъ году.... Придется, видно, вамъ съ Петей приѣхать погостить ко мнѣ въ Баденъ. Романъ мой печатается и я уже читаю послѣднія корректуры: я Вамъ вышлю отдѣльный оттискъ.

Я выѣзжаю отсюда во Вторникъ а изъ Петербурга въ Пятницу; я въ Петербургѣ буду стоять на квартирѣ у Боткина, на Караванной № 14.

Еще разъ обнимаю Васъ и остаюсь навсегда

Душевно Вамъ преданный
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Schillerstrasse, 7.

Пятница, $\frac{16\text{-го}}{28\text{-го}}$ Июня 67.

Я давно не писалъ Вамъ, милый Иванъ Петровичъ—а слѣдовало бы отвѣчать на Ваше послѣднее письмо, но тутъ подошли разныя дѣла—сверхъ того я дней на десять отлучался въ Парижъ—выставку посмотрѣть.... отвѣтъ и замѣшкался. О выставкѣ скажу Вамъ, что это вещь дивная, чудо изъ чудесъ—и нельзя не пожалѣть о томъ, кто ея не увидитъ. Все удивительно, необычайно—и въ то же время чрезвычайно занимательно и удобно устроено. Моя нога поправилась—и я могъ ходить безъ особенной усталости. Кстати жъ, я свидѣлся съ моею дочерью, которая нарочно для этого пріѣхала изъ своей провинціи.

Вамъ „Дымъ“ не нравится—да и по всему замѣтно, что онъ никому не понравился въ Россіи: но я такой закоренѣлый грѣшникъ, что не только не каюсь,—но даже упорствую—и къ отдѣльному изданію романа прибавлю предисловіе, въ которомъ еще сильнѣе буду доказывать необходимость намъ Русскимъ по прежнему учиться у Нѣмцевъ,—какъ Нѣмцы учились у Римлянъ и т. д. Проклянутъ ли меня на всѣхъ соборахъ, просто ли бросятъ въ лужу—это уже не моя печаль.

А дядя Н. Н. ловко со мной распорядился. Продолжая называть себя злополучнымъ старцемъ и страдальцемъ и указывая на свои опозоренныя сѣдины—онъ наложилъ запрещеніе на все мое имѣніе, основываясь на *безденежныхъ* векселяхъ, которые я ему далъ на случай моей смерти. Я не отказывался отъ своевременной и постепенной уплаты этихъ векселей—но это уже изъ рукъ вонъ. Мнѣ остается одно: откупиться отъ „страдальца“, предложивъ ему одно изъ моихъ имѣній,—Холодово, цѣнность котораго равняется, если не превосходитъ, суммѣ моего долга: что-то скажетъ теперь Фетъ? Пожалуй, онъ по прежнему будетъ утверждать, что я „осатанѣлъ“ и что подѣломъ моль дураку! А вѣдь недурной результатъ 11-ти лѣтняго управленія: дядя жилъ какъ баринъ, давалъ мнѣ *меньше* 5000 въ годъ, оставилъ имѣніе чуть не раззореннымъ, да зашибъ себѣ деревеньку съ домомъ и усадьбой въ 20,000 р. серебромъ. Этакъ хоть бы и не „злополучному страдальцу!“

Впрочемъ это все пустяки! Вотъ скоро подойдетъ охота—и я опять заживу припѣваючи. Домъ мой оконченъ—но перейти въ него я не рѣшаюсь: нужны деньги на обзаведеніе—а для этого надо сперва придти маленько въ себя послѣ тисковъ злополучнаго старца.

Дружески цалую моего пріятеля Петю и крѣпко жму Вашу руку.

Любящій Васъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 7.

Воскресеніе $\frac{11\text{-го Авг.}}{30\text{-го Июля}$ 1867.

Любезный Иванъ Петровичъ, я опять виноватъ передъ Вами, не скоро отвѣчалъ на Ваше интересное письмо. Я таки порядочно былъ занятъ все это время—но это не извиненіе. Вы уже вѣроятно знаете черезъ Кишинскаго, что дядя отказывается отъ Холодова, находя это имѣніе не довольно значительнымъ—и намекая на то, что по закону онъ можетъ требовать и проценты съ 15-и тысячнаго векселя: я написалъ ему письмо, въ которомъ спрашиваю его, что же ему собственно хочется—такъ какъ *денегъ* у меня въ теперешнюю минуту нѣтъ ни копейки. Не знаю, отвѣтитъ ли онъ мнѣ, а пока, по милости наложеннаго запрещенія (со слезою въ глазъ одобреннаго Фетомъ)—я не могу, какъ говорится, ни..... Пожалуйста поддержите въ случаѣ нужды Кишинскаго, Малороссийское терпѣніе котораго подвергается сугубымъ испытаніямъ.

Я очень радъ избранію Фета, и увѣренъ, что изъ него выйдетъ отличный судья (прилагаемое письмо передайте ему—я не зналъ, куда теперь ему писать—оно его нѣсколько покоробитъ—но это ничего: мы еще не такъ другъ другу кишки рвали—а дружба наша отъ этого не пострадала). Я очень такъ же радъ „фіаску“ Ржевскаго: этому противному господину всякій щелчокъ во спасеніе.

Вы въ Вашемъ уединеніи производите на меня впечатлѣніе истиннаго мудреца—въ началѣ нынѣшняго столѣтія Васъ бы слѣдовало назвать: „Философъ береговъ Зуши“. Дай Вамъ Богъ только здоровья—и пусть Вашъ Петя благополучно вырастаетъ (я непременно напишу ему цидулу въ стихахъ)—и больше нечего требовать отъ жизни. Я *несомнѣнно*, если только буду живъ, весною—въ концѣ Апрѣля приѣду въ Спасское на мѣсяцъ—(это я говорю совершенно серьезно, да Вы сами легко поймете, что мое присутствіе будетъ тамъ необходимо)—и тогда часто и много буду съ Вами видѣться. Напишите мнѣ какъ подвигается наша желѣзная дорога. Изъ газетъ я вижу, что Государь проѣхалъ по ней до Тулы: ну а дальше?

Завтра мы начинаемъ здѣсь охотиться; но къ сожалѣнію—противные дожди въ Іюнѣ мѣсяцѣ потопили множество молодыхъ куропатокъ. Посмотримъ, что-то будетъ.

Дружески жму Вамъ руку и остаюсь

Любящій Васъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. А я бы съ любопытствомъ прочелъ статью Фета; но вѣдь она нигдѣ напечатана не будетъ?

Баденъ-Баденъ.

Schillerstrasse, 7.

Воскресеніе $\frac{6\text{-го Окт.}}{24\text{-го Сент.}}$ 1867.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, получилъ я Ваше большое и, какъ водится, чрезвычайно интересное письмо. Надѣюсь что Вы уже успѣли успокоиться на счетъ Пети и что извѣстія, доходящія до Васъ теперь изъ Москвы, подтверждаютъ Вашу рѣшимость разстаться съ нимъ на зиму. Этотъ первый переломъ въ дѣлѣ воспитанія труденъ, но необходимъ—и зная характеръ Пети, я убѣжденъ, что онъ вынесетъ кризисъ молодцомъ. Пришлите мнѣ его Московскій адрессъ: я хочу написать ему прямо въ пансіонъ и ужъ разумѣется, стихами.

О дѣлахъ моихъ съ дядей распространяться не стоитъ. Я смотрю на все это какъ на пожаръ или на крупный проигрышъ: помочь нельзя—должно стараться загладить убытокъ. Къ изумленію здѣшняго Посланника онъ прислалъ ему цѣлую груду сѣрыхъ копій съ различныхъ своихъ прозъбъ, съ векселей и пр. Для чего онъ это сдѣлалъ—неизвѣстно: или онъ полагалъ, что въ силу этихъ бумагъ Посланникъ наложить запрещеніе на здѣшнее мое имущество? Замѣчательно то обстоятельство, что *первая* прозба противъ меня, въ которой онъ жалуется, что я ему не *плачу*, была подана 12-го Окт. 1866,—то есть, когда о Кишинскомъ не было ни слуха ни духа! Сверхъ того, онъ пользуется передаточной надписью сдѣланной на *уплоченномъ моими выкупными деньгами* векселѣ Г-жѣ Сливицкой, чтобы требовать съ меня *вторичную* уплату—уже въ собственную пользу, какъ будто онъ удовлетворилъ ее своими деньгами. Это уже чистое воровство—но къ счастью у меня сохранилось его письмо, гдѣ онъ говоритъ объ этой уплатѣ изъ *выкупныхъ* денегъ, да и въ представленномъ отчетѣ за послѣдніе два года—обозначено тоже. А Кишинскому по прежнему не даетъ никакого отвѣта. Я велѣлъ ему сказать, что я могу найти здѣсь сумму денегъ подъ залогъ моего дома—но я долженъ *знать* по крайней мѣрѣ—до какой цифры доходитъ его претензія—такъ какъ одна капитальная сумма равняется 9700 р. сер.?—Но дядя не отвѣчаетъ.... Борисъ Годуновъ—да и все тутъ!

Охота у насъ здѣсь идетъ помаленьку: куропатки уродились плохо. До нынѣшняго дня убито немного—138 штукъ: 75 куропатокъ, 6 фазановъ, 9 перепеловъ и 48 зайцевъ. Немного—но главныя зимнія охоты еще впереди а главное—я доволенъ своею стрѣльбой: я записываю всякій разъ число выстрѣловъ. Мною ихъ сдѣлано 233—(на 138 убитыхъ штукъ)—это очень и очень хорошо. Дай Богъ всегда такъ! Песъ, по прежнему, совершенство.

Здоровье пока недурно—и подагра молчитъ. Литературная дѣятельность молчитъ тоже. Я занимаюсь сочиненіемъ оперетокъ на Французскомъ языкѣ, на которыя Г-жа Віардо пишетъ прелестнѣйшую музыку. Особенно одна изъ нихъ

подъ названіемъ „Послѣдній колдунъ“—имѣла громаднѣйшій успѣхъ. (Король и Королева Прусскіе были въ числѣ зрителей и т. д.) Представленія происходятъ въ моемъ новомъ домѣ, въ который я пока не могу перебраться по милости благодѣтельнаго дядюшки. А исполнителями дѣти и воспитанницы Г-жи Віардо.

Сообщите мнѣ нѣсколько свѣдѣній о Вашей охотѣ и о прочемъ житьѣ-бытьѣ. Извѣстіе о построеніи желѣзной дороги меня очень радуетъ: въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ будущаго года я, если не умру, буду въ Спасскомъ и, конечно, увижу Васъ. До тѣхъ поръ будьте здоровы, крѣпко жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Р. S. Фету я писалъ на дняхъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 7.

28-го Окт. 1867.
9-го Нояб.

Богъ знаетъ, какъ давно мнѣ слѣдовало написать къ Вамъ, добрѣйшій мой Иванъ Петровичъ, да помѣшала охота, которая теперь свирѣпствуетъ съ удвоенной силой. Три раза въ недѣлю я таскаюсь съ ружьемъ въ рукахъ—а остальные дни едва дышу отъ усталости ибо.... увь!.... плохъ я сталъ ногами нехуже Афанасья. Вотъ Вамъ итогъ моего нынѣшняго сезона: 5 дикихъ козъ, 92 зайца, 82 куропатки, 15 фазановъ, 10 перепеловъ, 1 вальдшнепъ, 1 дикій голубь: всего 206 штукъ. У насъ здѣсь есть молодцы, которые доколачиваютъ шестую сотню, и не потому что стрѣляютъ лучше—но охота у нихъ лучше а меня—со времени появленія „Дыма“ здѣшніе магнаты изъ Россіянъ на охоту болѣе не приглашаютъ. Со всѣмъ тѣмъ я надѣюсь, если подагра не вернется, или другая какая нибудь гадость не приключится, до 1-го Февраля убить еще штукъ около 200-тъ. Вы видите, что и въ этомъ отношеніи мы далеко отъ Васъ ушли.

Всѣ Ваши извѣстія крайне занимательны—и письма Ваши доставляютъ мнѣ истинное наслажденіе. Увѣдомьте меня пожалуйста о точномъ и неложномъ положеніи желѣзной дороги: дѣйствуетъ ли она или нѣтъ—и докуда? Каковы у насъ хлѣбныя цѣны? И какіе до Васъ доходятъ слухи о дѣятельности моего новаго управляющаго? Что касается до добродѣтельнаго старца Н. Н. то я всякія сношенія съ нимъ, какъ совершенно безплодныя, прекратилъ, и оставляю всю эту гисторію до моего пріѣзда въ Спасское т. е. до Апрѣля. Вопросъ весь въ томъ, оставитъ ли онъ меня до тѣхъ поръ въ покоѣ?

Вы уже объ эту пору съѣздили въ Москву и повидались съ Петей. Надѣюсь, что онъ уже привыкъ понемногу къ школьной жизни (Вы все еще не сообщили мнѣ его адреса а я хочу написать отсюда прямо на его имя); тяжело Вамъ должно быть . . . . въ этой пустотѣ, въ одиночествѣ; что дѣлать! Жизнь штука

трудная—кому это лучше знать какъ не Вамъ? Но все таки хорошо уже и то— что есть сынокъ—и умница—а что съ такими дѣтьми иногда какъ съ огнемъ— это въ порядкѣ вещей: здоровенный дуракъ не тревожилъ бы Васъ—да что въ немъ проку? Вотъ, Богъ дастъ, дотянемъ до весны—тогда еще пожуюрюемъ: я съ собой и новое ружье (сзади заряжающееся) привезу на вальдшнеповъ—и покажу Вамъ. И въ шахматы сразимся, хотя я и въ этомъ отношеніи слабъ сталъ. Литературной работы пока сурьезной нѣту: есть пустяки—да надъ предисловіемъ къ будущему изданію—не столько тружусь сколько раздумываю. Перечелъ я въ послѣднее время всего Л. Н. Толстаго: экой сильный и свѣжій талантъ—но не въ „Семейномъ счастьи“, не въ педагогическихъ статьяхъ—и долженъ прибавить, за исключеніемъ нѣкоторыхъ удивительныхъ сценъ—не въ 1805-мъ годѣ! Не знаю, извѣстно ли Вамъ, что сюда ждутъ С. М. Сухотина: все семейство его уже здѣсь, живетъ съ Жемчужниковыми.

Ну, добрый мой другъ, обнимаю Васъ—и до свиданія.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Schillerstrasse, 7.

$\frac{30\text{-го}}{18\text{-го}}$ Ноября 1867.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, 30-го Октября ст. ст.—11-го Ноября нов. ст. то есть девятнадцать дней тому назадъ я, на охотѣ, становясь на назначенное мнѣ мѣсто, какъ-то неловко оступился—такъ что въ лѣвомъ колѣнѣ у меня что-то хрустнуло—и я чувствовалъ боль въ теченіи полу-часа; но потомъ справился и даже два раза еще охотился—только замѣчалъ что у меня иногда въ колѣнѣ что-то какъ-бы щелкало; а $\frac{17\text{-го}}{5\text{-го}}$ Ноября—шесть дней спустя у меня вдругъ это колѣнко распухло и уже ходить было невозможно. Съ тѣхъ поръ я засѣлъ и съ мѣста не двигаюсь—и Богъ знаетъ, сколько это еще продолжится—а погода чудесная и охота въ полномъ разгарѣ! Нечего Вамъ говорить, какое уныніе на меня нашло! Странное дѣло: я имѣлъ постоянное предчувствіе, что со мною случится какая-нибудь гадость—и на этотъ разъ оно оправдалось.... До сихъ поръ мои предчувствія не сбывались никогда. Приходится смириться и терпѣть! Быть можетъ и за работу примусь. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ я долженъ вручить книгопродавцу Салаеву въ Москвѣ—рукопись моихъ „Литературныхъ Воспоминаній“ въ теченіи 25 лѣтъ сочинительской дѣятельности. Эти „Воспоминанія“ будутъ служить предисловіемъ къ новому изданію. Кстати я распорядился о высылкѣ Вамъ „Дыма“, въ который я еще ввернулъ кое-что, непропущенное ценсурой Каткова.

Экое однако Вы имѣли „путешествіе“—изъ Серпухова до Тулы и далѣе. Велика и чудесна наша Русь православная! Событія, разъ за разомъ обрушившіяся на бѣднаго Л. Н. Толстаго—тоже хороши въ своемъ родѣ: надѣюсь, что онъ совершенно поправился теперь.

Милому Вашему Петѣ я сегодня же пишу—и разумѣется въ стихахъ; какъ-то онъ мнѣ отвѣтитъ! Невесело должно быть Вамъ въ Вашемъ одинокомъ, хотя тепломъ и уютномъ домикѣ! Что дѣлать.... надо терпѣніемъ запастись. Вы же этимъ добромъ богаты. Мысль, что разлука Ваша съ Петей необходима для него же—должна поддержать Васъ.

Что дѣлаетъ добродѣтельный, но строгій мужъ Аѳ. Аѳ. Фетъ? Не прибылъ ли онъ во Мценскъ по служебнымъ обязанностямъ? Хотѣлъ онъ мнѣ выслать какую-то свою педагогическую статью, но вѣроятно разсердившись на меня за мои отзывы объ его послѣднихъ стихотвореніяхъ—раздумалъ. Напрасно. Стиховъ я ему болѣе не совѣтую писать—но въ статьяхъ его, даже тамъ гдѣ онъ (между нами будь сказано) чушь городить, попадаются всегда прелестныя вещи. Поклонитесь ему отъ меня дружески.

Будьте такъ добры, *наблюдайте однимъ глазкомъ*, что происходитъ въ Спасскомъ. До сихъ поръ я дѣятельностью Кишинскаго очень доволенъ, но все лучше если существуетъ хотя маленькій нравственный контроль. Дѣло съ дядей не кончится раньше моего пріѣзда—т. е. въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ: придется ему заплатить знатный кушъ.

До свиданія, милый И. П., а до тѣхъ поръ дружески Васъ обнимаю.

Преданный Вамъ Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Schillerstrasse, 7.

Пятница, $\frac{1-\text{го}}{13-\text{го}}$ Дек. 1867.

Милый Иванъ Петровичъ, получилъ я вчера Ваше большое письмо—и отвѣчаю сегодня: каковъ я молодецъ! Отчасти причиной этой аккуратности (правда дороже всего)—мое колѣно, которое все еще болитъ и заставляетъ меня сидѣть дома самымъ глупымъ манеромъ—и слѣдовательно времени оказывается вдоволь, такъ какъ работа почему-то не клеится. Ну а теперь буду отвѣчать по порядку.

Ружье я Вамъ сегодня же заказываю у здѣшняго отличнѣйшаго и дешеваго оружейника Нагеля—я самъ охочусь (и Віардо и другіе всѣ охотники) съ его ружьемъ. Оно будетъ и легко и прочно и не превыситъ 100 р. сереб. Калиберъ будетъ по обыкновенію № 16—и я Вамъ привезу такъ же штукъ двѣсти пустыхъ патроновъ, которые весьма просто и легко набиваются. Вы увидите, что послѣ такихъ ружей, со старыми охотиться просто невозможно.

Спасибо за извѣстія изъ деревни. Слухи о „двадцатилѣтней“ кабалѣ несомнѣнно идутъ изъ Катушища; на самомъ дѣлѣ контрактъ заключенъ на 10 лѣтъ, *но съ тѣмъ условіемъ, что каждый имѣетъ право отказать другому, предваривъ только три мѣсяца напередъ*. Кабала, какъ видите, сносная. До сихъ поръ я доволенъ Кишинскимъ—и если писалъ Вамъ о собираніи нѣкоторыхъ справокъ—то это полагалось мною въ самомъ общемъ смыслѣ.

Кстати, пришлите немедленно вырѣзанную изъ почтовой бумаги и склеенную модель ружья такъ:*)

Такъ чтобы ложка была устроена для Васъ прикладисто. Вы можете сложить ее и отправить въ почтовомъ конвертѣ—въ письмѣ.

Посмотрѣлъ бы я на Фета съ мировой цѣпью на шеѣ! Отчего же Вы не прислали его стиховъ на З.? Я Вамъ могу слово дать, что все останется въ тайнѣ.

Семейство Сухотина здѣсь—и молодой Сухотинъ тутъ. Онъ кажется добрый мальчикъ—но болѣзненный и слабый.

Мы получаемъ здѣсь Московскія Вѣдомости и читаемъ очень прилежно; о Московско-Тульской дорогѣ уже вычиталъ тамъ статейку. Хоть не до Мценска, а до Тулы доѣдемъ спокойно въ будущемъ году—и то слава Богу! А „Русскій Архивъ“ я и здѣсь изучаю всласть и совершенно понимаю Ваше пристрастіе къ этому изданію.

Милому Петѣ я уже вчера отправилъ риѣмованное посланіе: какъ-то онъ отвѣтитъ?

Дружески жму Вамъ руку и остаюсь

Любящій Васъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Schillerstrasse, 7.

$\frac{3-\text{го}}{15-\text{го}}$ Февраля 1868.

Суббота.

Сію минуту получилъ я Вашу телеграмму, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, отправленную изъ Москвы—и Вы можете легко себѣ представить, какъ подѣйствовало на меня это извѣстіе. И такъ всѣ мои жертвы были напрасны, напрасно продалъ я здѣсь свое гнѣздышко: дядюшка мой, который въ двадцати письмахъ у меня находящихся умолялъ меня „не лишить его семейство хлѣба“ и т. д.—положительно бьетъ на то, чтобы раззорить меня! Вы спрашиваете меня, что сдѣлать съ векселемъ Ротшильда? Разумѣется, на первое время сохранить его у Кишинскаго; но вѣдь вотъ какой возникаетъ вопросъ: векселя представлены

*) Здѣсь нарисовано ружье.

ко взысканію—и если не будетъ по нимъ уплаты, имѣніе можетъ быть продано; во всякомъ случаѣ при существующемъ запрещеніи ни Кишинскому, ни мнѣ повернуться нельзя. Вамъ, я полагаю, извѣстно, что изъ трехъ векселей—одинъ признанъ спорнымъ: предоставляю совершенно на Ваше благоусмотрѣніе—рѣшиться ли намъ выкупить два векселя—а потомъ тягаться на счетъ третьяго—или.... но что: или? Возможно ли начать процессъ, въ которомъ было бы заявлено о безденежии выданныхъ мною документовъ, и не будетъ ли самое мое предложеніе уплатить Ник-ю Ник-у деньги приведено имъ въ доказательство своего права? Заявить безденежность векселей, протестовать, надо было тотчасъ—а такъ какъ я, по глупому добродушію, этого не сдѣлалъ—то и оказывается, что я связанъ по рукамъ и ногамъ—и дядюшка это видитъ и пользуется. Писать къ нему было бы совсѣмъ бесполезно: явно, что у этого человѣка совѣсть одеревенѣла. И потому мнѣ остается предоставить Вамъ, сообщая съ Кишинскимъ, рѣшить, что надо предпринять? А мнѣ отсюда ничего рѣшать невозможно—и я только заранѣе изъявляю мое согласіе на все, что Вы сдѣлаете. Я пишу къ нему въ точно такомъ же смыслѣ. Поручаю это дѣло безапелляціонно въ Ваши руки и только прошу у Васъ прощенія за причиненныя Вамъ хлопоты и безпокойства.

Переговорите съ Кишинскимъ и поступите какъ Вамъ покажется лучше.

Крѣпко и дружески жму Вашу руку и остаюсь навсегда

Душевно Вамъ преданный
Ив. Тургеневъ.

P. S. Даю Вамъ такъ же уполномочіе (извѣщаю объ этомъ и Кишинскаго) поторговаться съ Ник. Ник.—прибавить ему еще 1500—что выдетъ 18,000 р. сер. за его три векселя. Желательно было бы знать, какія онъ требованія выставилъ? Но я вижу что придется выкупить хоть два первые векселя: не посылать же обратно Ротшильдовскій вексель, который и такъ мнѣ дорого стоилъ.

P. S. Кишинскій покажетъ Вамъ письмо, которое я ему пишу, а такъ же и письма Ник-я Ник-а, которыя высылаются мною на всякій случай. Когда письма Н. Н. будутъ Вамъ представлены Кишинскимъ, Вы усмотрите изъ нихъ, что ни въ одномъ, кромѣ воздыханій, слезъ и отчаянныхъ взываній, а такъ же и оскорбительныхъ выраженій—не находится, даже въ самый моментъ выѣзда изъ Спасскаго—ни малѣйшаго намека на векселя, мною ему данныя; очевидно, что еслибы онъ сознавалъ, что я ему долженъ, онъ бы настаивалъ на этомъ. Я полагаю, что если дѣло дойдетъ до процесса, то это обстоятельство можетъ служить мнѣ въ пользу. Я могу передъ судомъ заявить, что плачу ему болѣе того, что обѣщалъ совершенно по доброй и собственной волѣ. Но Ник. Ник., потерявши стыдъ и совѣсть, вѣроятно не побоится никакой огласки.

Еще разъ повторяю: какъ Вы рѣшите, такъ тому и быть.

Два часа спустя.

Распечатываю мое письмо, чтобы сообщить Вамъ слѣдующее. Для сокращенія переписки и т. д. я рѣшился немедленно вытребовать отъ Ротшильда и выслать *секунду* векселя въ 13,000 р. на Ваше имя, такъ чтобы Вы могли получить эти деньги отъ Гленбаха и въ случаѣ нужды выкупить хотя первые два векселя, уничтоживъ первый вексель. Но меня поражаетъ мысль: гдѣ Вы находитесь? Телеграмма прислана изъ Москвы. И какъ я могу взвалить на Васъ обузу съѣздить въ Москву и т. д. Не лучше ли мнѣ послать секунду брату Николаю Сергѣевичу а онъ уже доставитъ Вамъ эти деньги? Я совершенно уподобляюсь лодкѣ обуреваемой морскими волнами.... Какъ бы то ни было, но я либо Вамъ вышлю—либо извѣщу Васъ послѣ завтра—раньше я отъ Ротшильда секунду получить не могу. Въ случаѣ процесса, я въ состояніи буду заявить, что не отказываюсь платить по безденежному векселю—но противъ процентовъ протестую.

P. S. Я однако рѣшился написать дядѣ; копію съ моего письма я препровожу Вамъ.

Баденъ-Баденъ.

Schillerstrasse, 7.

Понедѣльникъ $\frac{24}{12}$ -го Февр.

Добрѣйшій Иванъ Петровичъ, я получилъ почти въ одинъ день Ваши два письма изъ Москвы и изъ Мценска съ описаніемъ нашего кораблекрушенія. Я Вамъ тотъ-часъ послалъ телеграмму, въ слѣдствіе которой я надѣюсь Вы получили отъ брата 13000 р. серебр. и привезли ихъ въ Спасское. Теперь Вамъ придется вмѣстѣ съ Кишинскимъ—приступить къ торгамъ: за сколько Г-нъ Н. Н. Тургеневъ согласится уступить свои *два* или *три* векселя. Вы мнѣ скажете (и это очень вѣроятно) что онъ непремѣнно намѣренъ слупить съ меня все возможное и что о *торговлѣ* тутъ не можетъ быть и рѣчи; однако Вы сами пишете, что онъ хотѣлъ уже уступить первые два векселя за 16,500 р. вм: 18,000. Съ лихой собаки хоть шерсти клокъ! Вопросъ въ томъ, что сдѣлать, еслибы онъ согласился напр: за 3 векселя взять 19,000 или 20,000—такъ какъ у насъ на лицо всего 16,500? Дѣло затруднительное, но тогда быть можетъ какой нибудь Мценскій капиталистъ-купецъ что ли захочетъ мнѣ дать 2, 3 тысячи руб. въ займы въ счетъ будущихъ благъ, хоть за большіе проценты.... Всякому ростовщику я охотнѣе дамъ въ руки чѣмъ моему почтенному родственнику. Нельзя ли подѣйствовать на Ник. Ник-а хоть съ той точки зрѣнія, что приведя меня въ отчаяніе—онъ меня заставитъ рассказать всему свѣту эту постыдную исторію, которая не можетъ однако не упасть позоромъ на тѣ „сѣдины“, на которыя онъ такъ

слезно указывать? Я послалъ Кишинскому его корреспонденцію со мною, изъ которой явствуется, что онъ не дерзалъ мнѣ въ глаза говорить о томъ, что я ему долженъ! Изъ любопытства пробѣгите эти документики; они могутъ составить отличный матеріалъ для лица „степнаго Тартюфа“, который такъ или иначе—а ужъ угодить въ одну изъ моихъ повѣстей.

Но возвращаюсь къ моей прежней пѣснѣ: поступайте, прошу Васъ, какъ заблагоразсудится, безапелляціонно и окончательно: я заранѣе даю свое полное согласіе.

А теперь еще разъ Васъ обнимаю и говорю—до свиданія!

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 7.

Вторникъ $\frac{10\text{-е Марта}}{27\text{-е Февр.}}$ 1868.

Добрый другъ мой Иванъ Петровичъ, вчера получилъ я отъ брата моего Николая Сергѣевича телеграмму съ извѣщеніемъ что всѣ три векселя выкуплены за 20,000 р. сер. Гора свалилась у меня съ плечъ! Правда Ник. Ник. взялъ кушъ порядочный—но вѣдь онъ могъ содрать съ меня всѣ 26 т. и этими спасенными шестью тысячами я конечно обязанъ Вамъ, за что и приношу Вамъ самое искреннее спасибо. Одна Ваша дружба ко мнѣ могла заставить Васъ возиться съ такими дрянными дрязгами—и этого я не забуду. Крѣпко, крѣпко жму Вамъ руку—и ожидаю, но уже болѣе съ литературной точки зрѣнія описаніе подробностей сдѣлки. Я воображаю—Ник. Ник. чуть не задыхался отъ сознанія своего великодушія!

Я все еще нахожусь въ Баденѣ по милости болѣзни Віардо, которая только теперь начинаетъ терять свой опасный характеръ—мнѣ не хотѣлось уѣхать въ Парижъ до его выздоровленія и оставить все его семейство въ тревогѣ. Теперь я полагаю скоро съѣздить на свиданіе съ моей дочерью.

Я съ великимъ наслажденіемъ прочелъ романъ Толстаго—хотя многимъ не совсѣмъ остался доволенъ. Вся бытовая сторона (и военная) удивительна: есть тутъ вещи, которыя не умрутъ, пока будетъ существовать Русская рѣчь. Но вся историческая сторона—извините за выраженіе—кукольная комедія. Не говоря уже о томъ что настоящаго воспроизведенія эпохи и помину нѣту; что мы узнаемъ объ Александрѣ, Сперанскомъ и пр. какъ только самыя мелочи, капризно выбранныя авторомъ и возведенныя въ характерныя черты? Это своего рода шарлатанство: публика, которой съ такимъ эффектомъ подносятся эти „острые носки Александровскихъ сапоговъ“ и т. п., невольно должна подумать, что автору самыя

личности должны быть у! какъ хорошо извѣстны—коли онъ даже мелочи такія знаетъ.... а автору вѣроятно только эти мелочи и знакомы. Прочтите очень умную (хотя, по обыкновенью, нѣсколько темноватую) статью Анненкова по поводу романа Толстаго въ Вѣстникѣ Европы. И настоящаго развитія характеровъ нѣтъ—все они подвигаются впередъ прыжками—а за то есть бездна этой старой психологической возни, („что молъ я думаю? что обо мнѣ думаютъ? люблю ли я или терпѣть не могу? и т. д.“)—которая составляетъ положительно мономанію Толстаго. Но со все́мъ тѣмъ—въ этомъ романѣ столько красотъ первоклассныхъ, такая жизненность и правда и свѣжесть—что нельзя не сознаться что съ появленія „Войны и міра“—Толстой сталъ на первое мѣсто между все́ми нашими современными писателями. Съ нетерпѣньемъ ожидаю четвертаго тома.

Засимъ еще разъ горячо благодарю и обнимаю Васъ и до свиданія черезъ два мѣсяца съ небольшимъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Фету отъ меня поклонитесь; а въ успѣхѣ его чтенія сомнѣваюсь.

Баденъ-Баденъ.

Schillerstrasse, 7.

$\frac{18}{6}$ -го Марта 1868.

Сей часъ получилъ отъ Васъ письмо, (отъ 25-го Февр.) любезный другъ Иванъ Петровичъ—и обнимаю и благодарю Васъ. Экую я ношу навалилъ на Васъ—и какимъ нравственнымъ мученіямъ, какой душевной истомѣ подвергъ Васъ! Повѣрьте мнѣ, что этой услуги я никогда не забуду. Ну! наконецъ раздѣлался я съ этимъ изломавшимся, фальшивымъ и дряннымъ патріархомъ-ростовщикомъ! Дорогонько мнѣ это стало—но я утѣшаюсь мыслью, что я могъ бы заплатить еще дороже, не будь Вашего дружескаго вмѣшательства и Вашей помощи! Воображаю себѣ всю сцену! За то есть черты превосходныя: блюдечко съ водой для счёту ассигнацій и боязнь рака на губѣ—это перлы въ своемъ родѣ! Выходитъ что я не совсѣмъ въ накладѣ: я изъ моей передраги съ Ник. Ник. извлекъ ту выгоду, что имѣлъ случай изучить типъ степнаго, сѣдовласаго Тартюфа, которымъ, быть можетъ, подѣлюсь съ читателями, для ихъ потѣхи и назиданія. Кстати, я твердо убѣжденъ, что представленная имъ *копія* съ моего послѣдняго письма была подложная: оно такъ было рѣзко написано, что сообщать его безъ нужды другому никто бы не сталъ.

Вообразите Вы себѣ: на этомъ мѣстѣ моего письма почталіонъ принесть мнѣ письмо отъ моего дяденьки—посланное 27-го Февр. т. е: *два дня* спустя полученія имъ денегъ... и представьте мое изумленіе: не только объ этомъ не имѣется

никакого упоминенія—чего, кажется, требовало бы самое простое чувство долга—но все письмо исполнено ругательствами, клеветами, ложью самой наглой—наконецъ вызываньемъ тѣни моей матери, которая должна чуть не проклясть меня за то, что я „*пустилъ по міру, раззорилъ и угнетаю*“ безвиннаго старца, всегда непоколебимаго въ чувствахъ чести и любви!! Тутъ же Кишинскій обозванъ *нигилистомъ*, и предсказывается мнѣ скорое раззореніе отъ этого злодѣя, который „отовсюду тащить деньги!!!“ (Какъ будто эти деньги не для его Ник. Николаевичей утробы были назначены!!) И это все писано тою рукою, которая еще не успѣла *отдохнуть* и *высохнуть* отъ перелистыванія ассигнацій!!! Вотъ, батюшка, гдѣ долженъ умъ за разумъ зайти! Если Ник. Ник. не рехнулся, то что же это за непроходимый—ужъ я и слова не приберу!

Что касается до его *не* финансовыхъ угрозъ—то Вы можете быть спокойны: это не имѣетъ никакого смысла и пущено было въ ходъ для ради надбавки!

Хотѣлось бы все это выплюнуть изо рта, какъ тухлое лекарство.

Ну—а Васъ еще разъ благодарю искренно и крѣпко жму Вамъ руку. Извѣщу Васъ тотъ-часъ по полученіи векселей.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Thiergartenstrasse, 3.

$\frac{20\text{-го}}{8\text{-го}}$ Апрѣля 1868.

Третьяго дня переѣхалъ я наконецъ въ мой (бывшій) домъ—любезный и дорогой Иванъ Петровичъ! Никогда я не былъ еще обстановленъ такимъ комфортомъ.... такъ что даже совѣстно немножко и неловко, точно я молодая дама, только что получившая свое приданое. Впрочемъ къ этому легко привыкнуть. Три отличныя комнаты ждутъ пріятелей.... Нечего и говорить, что ни одинъ изъ нихъ не получилъ бы болѣе сердечнаго привѣта, чѣмъ Вы.... Но гдѣ Васъ дожидаться! И потому—такъ какъ гора не отправляется къ Магомету—то Магометъ отправится къ горѣ—а именно: я выѣзжаю отсюда непремѣнно черезъ мѣсяцъ—и на крыльяхъ.... на какихъ?—ну просто на крыльяхъ—лечу въ Спасское—и „немедленно“ въ Новоселки. Очень очень мнѣ хочется повидать Васъ и потолковать съ Вами—кстати же мое гнусное дѣло съ „старцемъ“ прекратилось—и мнѣ не будетъ уже никакой нужды улицезрѣть его. Надо, надо понюхать роднаго воздуха, чѣмъ бы онъ ни отзывался. Привезу Вамъ ружье и патроны новаго фасону—и хоть по перепеламъ постукаемъ.

Четвертый томъ Толстаго получилъ, но не успѣлъ еще прочесть: по отзывамъ журналовъ боюсь, что онъ вдался въ философію—и какъ это тогда съ нимъ водится, закусилъ удила и понесъ бить и лягать зря.

У насъ все уже давно зелено и цвѣтеть по настоящей весны все еще нѣтъ. Прелести пока еще нѣтъ—и желанія разстегнуть жилетъ и потянуться на тепломъ воздухѣ....

Фету пишу, по его желанію, на Алисовскую станцію. Экій однако хитрый кавалеристъ—и какъ онъ ловко распорядился съ своимъ чтеньемъ!

Въ Москвѣ придется пробыть нѣсколько времени—и я непременно навѣщу друга Петю, такъ какъ ваканціонное время, я полагаю, начинается гораздо позже.

Въ газетахъ что-то замолкло о голодѣ; скажите мнѣ правдивое слово—какъ у насъ въ дѣйствительности!

Дружески обнимаю Васъ и остаюсь

Душевно Васъ любящій

Ив. Тургеневъ.

P. S. Здѣсь толкуютъ опять о войнѣ; но это вздоръ: войны въ нынѣшнемъ году не будетъ.

Баденъ-Баденъ.

Thiergartenstrasse, 3.

$\frac{7\text{-го}}{19\text{-го}}$ Мая 1868.

Дорогой Иванъ Петровичъ, хлопотъ у меня полонъ ротъ—ставлю у себя въ домѣ *третью* оперетку, (текстъ мой, музыка—прекестная! Г-жи Біардо)—въ двухъ актахъ—я играю роль людодѣ, каждый день репетиціи—дымъ коромысломъ! Тотъ-часъ послѣ представленія ѣду въ Россію—въ Москву раньше 1-го Іюня прибыть не могу—но и не позже—отлично было бы еслибъ Вы къ тому времени тоже пріѣхали въ Москву—пожили бы вмѣстѣ и вмѣстѣ бы отправились въ деревню. Въ Москвѣ я, по обыкновенью, останавлиюсь на Пречистенскомъ бульварѣ, въ домѣ Удѣльной Конторы у Ивана Ивановича Маслова—непременно напишите мнѣ, тотъ-часъ по полученіи этого письма—по этому адресу—какое Ваше окончательное намѣреніе и когда Вы думаете пріѣхать въ Москву.

Какъ я буду радъ Васъ увидать! Объ этомъ и распространяться нечего. Везу Вамъ славное ружье новаго устройства—съ заряданьемъ сзади.

Ну теперь до скорого свиданья. Крѣпко Васъ обнимаю—Фету такъ же мой дружескій передайте поклонъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Thiergartenstrasse, 3.

Понедѣльникъ, $\frac{28\text{-го}}{16\text{-го}}$ Іюля 68.

Притащился я наконецъ въ свое гнѣздышко, добрыйшій Иванъ Петровичъ, но это была скачка съ препятствіями! Кишинскій Вамъ вѣроятно уже сказалъ, что меня снова навѣстила подагра въ Москвѣ наканунѣ отъѣзда! Можете Вы себѣ представить, какъ это было мнѣ пріятно! 10 дней я провалялся.... Ну вообразите теперь что бы было, еслибъ это случилось со мной въ Степановкѣ? Оставалось бы одно: разинувъ ротъ и зажмурясь, кричать: а-а, а-а, а-а.... да такъ и помереть. Разумѣется, припадокъ подагры возобновился въ самый день моего прибытія сюда, и вотъ я третій день какъ въ постелѣ. Но теперь мнѣ горя мало! Теперь я дома.... Развѣ вотъ что будетъ скверно: помѣшаетъ охотиться. А дичи въ нынѣшнемъ году множество изумительное—и вообще нынѣшній годъ въ Баденѣ отличается безпримѣрнымъ изобиліемъ всѣхъ плодовъ земныхъ—и вино будетъ первый сортъ (что мнѣ, какъ подагрику—*должно* бы быть все равно). Да, доложу Вамъ, Иванъ Петровичъ, есть разница, есть между тамошнимъ и здѣшнимъ краемъ. Подѣзжая къ Петербургу и выѣзжая изъ онаго, я право думалъ, что попалъ въ сраженіе: дымъ наполняетъ весь воздухъ—все горитъ кругомъ—все! Вы должны непременно кончить тѣмъ—и пріѣхать къ намъ въ Баденъ. То-то мы будемъ на рукахъ носить Васъ! Здѣсь я, слава Богу, засталъ все и всѣхъ въ порядкѣ.

Передайте прилагаемый листикъ другу Петѣ. Да кстати о немъ и объ его воспитаніи. Нѣмецъ Вашъ дѣйствительно мнѣ самому мало понравился—онъ только ѣстъ за 6-хъ—и Вы хорошо сдѣлали, что услали его.... но не ломайте системы. Оставьте Петю въ нѣмецкой школѣ! Я долженъ сказать, что онъ произвелъ на меня самое хорошее впечатлѣніе—ничего въ немъ не испорчено, хорошее пустило ростки—чего еще? Отъ добра добра не ищутъ—а эти перемѣны, эти толчки и ухабы въ первомъ возрастѣ очень вредны.

Поклонитесь отъ меня *мировой судьи* (въ женскомъ родѣ) Фету—и скажите ему, что хотя я ему не отдалъ визита въ Степановкѣ—но ожидаю, что онъ мнѣ отдастъ его здѣсь.

А за симъ будьте здоровы, не имѣйте подагры, и вспоминая меня, не оставляйте меня своими милыми цидульками.

Искренно Васъ любящій

Ив. Тургеневъ.

Карлсруэ.

$\frac{28\text{-го}}{16\text{-го}}$ Ноября 1868.

Повѣрите ли, добрѣйшій Иванъ Петровичъ, что когда я получилъ здѣсь Ваше послѣднее письмо, такъ даже ужаснулся и покраснѣлъ—до того оно напоминаетъ мнѣ, въ какомъ я долгу передъ Вами! Правда—у меня, на этотъ разъ—есть нѣкоторое оправданіе: сперва я не зналъ Вашего Московскаго адреса, а потомъ я ѣздилъ въ Парижъ, гдѣ провелъ дней десять; вернувшись оттуда, мнѣ пришлось переселяться въ Карлсруэ на зиму—отыскивать квартиру—которая до сихъ поръ не найдена и т. д. и т. д. Но все таки я виноватъ и несу мою повинную голову подъ Вашъ великодушный мечъ! Поселяюсь же я въ Карлсруэ потому, что Віардо сюда переѣхали для воспитанія своихъ дѣтей—а мнѣ безъ нихъ было бы въ Баденѣ просто жутко. И такъ, впередъ пишите мнѣ въ Карлсруэ—пока *poste restante*.

Въ Москву я не собирался въ Февралѣ пріѣхать—а собирался и собираюсь въ Петербургъ. Но будучи на такомъ близкомъ разстояніи къ Вамъ—какъ не увидаться? Либо Магометъ къ горѣ—либо гора къ Магомету поѣдетъ.

Послѣднюю мою повѣсть я отправилъ къ П. В. Анненкову и уже получилъ отъ него одобрителный отзывъ. Посмотримъ, что скажетъ публика. Не знаю, съ какой стати распространился слухъ, будто я въ этой повѣсти нападаю на Славянофиловъ; ничего подобнаго въ ней нѣтъ. Это—просто передача трагической судьбы одной дѣвушки, которая промелькнула мимо меня во время моей молодости. Но кстати о Славянофилахъ: какъ Вы вѣрно характеризовали манеру И. С. Аксакова; я невольно разсмѣялся—именно скрипнуть перо!

Душевно радуюсь успѣхамъ Пети и предвѣщаю ему блестящую будущность—но не поэтическую. У него слишкомъ ясный и тонкій умъ. Кто знаетъ, ко времени когда онъ возмужаетъ, у насъ явится потребность въ политическихъ дѣятеляхъ! Поцѣлуйте его отъ моего имени.

В. П. Боткинъ, дѣйствительно, очень плохъ въ Римѣ; но не совѣтовалъ бы я Фетамъ пускаться въ такую дальнюю дорогу: завѣщанія онъ уже болѣе не переписеть.

Фиаско Кишинскаго на счетъ продажи сочиненій Успенскаго—есть фактъ бьющій меня по карману; и въ то же время этотъ фактъ знаменателенъ, какъ указатель, куда повернуло общественное мнѣніе. Россія дѣйствительно—не та, что была десять лѣтъ тому назадъ; и на нашемъ вѣку такого крутого перелома еще не было. Быстрота, съ которой вылетаютъ на поверхность громадныя, чуть не въ годъ составленныя богатства—изумительна: я знаю дурачковъ—да круглыхъ—которые по милости кстати выпрошенныхъ концессій—вдругъ нажили миллионы! А тутъ совѣсть тебя разбираетъ братъ за печатный листъ, надъ которымъ корпѣлъ мѣсяцы—400 р. сер. Худая нажива литература!

Вы мнѣ ничего не пишете о 5-мъ томѣ „Войны и Мира“—неужели онъ еще не вышелъ? И что дѣлаетъ авторъ?

Я получилъ длинное, весьма нескладное, обвинительное письмо противъ Кишинскаго, въ которомъ меня стараются увѣрить, что онъ крадетъ у меня тысячи—и т. д. Я ему послалъ копію, не выдавъ только подписаннаго имени. Я убѣжденъ, что это клевета—однако, если, будучи на мѣстѣ, Вы бы захотѣли приникнуть Вашимъ чуткимъ ухомъ, Вы бы навѣрное узнали правду. Скажите мнѣ ее тогда.

Карлсруэ—совершенный монастырь. Тишина такая на улицахъ, что даже почтительное чувство навѣвается. Надо будетъ работать—а работы предстоитъ пропасть въ эти три мѣсяца. Кстати, будьте такъ добры—сходите къ Салаеву и скажите ему, что портретъ заказанъ у перваго парижскаго гравера, Э. Гедуина (E. Hédouin)—и что „Воспоминанія“ приводятся къ окончанію. Выпустилъ ли онъ въ свѣтъ первые томы новаго изданія?

Крѣпко Васъ обнимаю. Будьте здоровы.

Вашъ Ив. Тургеневъ.

P. S. Прилагаю Вамъ фотографическую карточку, весьма по обыкновенію мрачную.

Карлсруэ.

Hotel prinz Max.

Воскресеніе $\frac{24\text{-го}}{12\text{-го}}$ Янв. 69.

Любезнѣйшій другъ Иванъ Петровичъ—медлилъ я, медлилъ—и вотъ теперь приходится мнѣ писать къ Вамъ во Мценскъ, такъ какъ по Вашимъ словамъ—послѣ 10-го числа Васъ уже въ Москвѣ не будетъ. Я знаю, Вы вѣроятно промедлите нѣсколько дней—съ Петей Вамъ нелегко будетъ разстаться—однако все таки вѣрнѣе адресовать письмо во Мценскъ. Пріятно мнѣ было узнать, что нынѣшней зимой недуги Ваши Васъ терзали менѣе обыкновеннаго: но морозы, морозы! Смотрите—не простудитесь! Коли у насъ здѣсь вотъ уже съ недѣлю стоятъ утреннички въ 15 градусовъ ниже 0—что же тамъ, на благословенныхъ берегахъ Оки и Зуши!

Въ Январской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ прочтете Вы мою повѣсть: не знаю, какъ она понравится—работа надъ „Воспоминаніями“ идетъ медленно; полагаю, что съ окончаніемъ охоты, которое предстоитъ 1-го Февр.—дѣло пойдетъ живѣе. Я былъ на одной Великогерцогской кабаньей охотѣ и убилъ одного кабана—а стрѣлялъ по шести: ужасно живучи бестіи—упадетъ послѣ выстрѣла—смотришь: поднялся. Вы на Кавказѣ имѣли ли случай по нимъ стрѣлять? Зайцовъ убито мною очень много; другой дичи тоже порядочно. Песъ у меня все тотъ же знаменитый Пегасъ: жаль—онъ окривѣлъ на одинъ глазъ.

Въ 1-мъ №-ѣ „Вѣстника Европы“ прочелъ я начало новаго романа Гончарова—и остался имъ весьма недоволенъ: многословіе невыносимое, старческое—и ужасно много условной рутины, резонерства, реторики. Должно признаться, что послѣ *правды* Л. Н. Толстаго—вся эта старенькая, чиновничья литература очень отдаетъ фальшиво, да какой-то кислой непріятной фальшью. Только хороши сцены въ деревнѣ да въ уѣздномъ городѣ—а противнѣе Г-жи Бѣловодовой я ничего не знаю. Какой-то начальникъ отдѣленія неокладныхъ сборовъ въ юбкѣ. А можетъ быть Вамъ это все покажется въ иномъ свѣтѣ—даже понравится. Пожалуйста не церемоньтесь высказать свое мнѣніе, которое всегда исполнено здраваго живаго смысла.

Въ „Архивъ“ я непременно пошлю статейку—и непременно даромъ—вѣроятно о Плетневѣ. Но когда? вотъ вопросъ, еще мнѣ самому неясный.

Радуетъ меня такъ же то, что Вы пишете о Петѣ; и въ чемъ я никогда не сомнѣвался. Здоровье его беречь надо—и особенно лѣтомъ, на вакаціи, надо чтобы онъ купался, ѣлъ ягоды, бѣгалъ, и ни одной книжки въ руки не бралъ.

Я самъ полагаю, что за Кишинскимъ никакихъ *злостныхъ* блохъ не водится; въ его искусствѣ я менѣе увѣренъ; но ужъ надо испробовать до конца.

Прилагаю письмо для доставленія Фету. А съ геморроемъ онъ бы не шутилъ, недѣлекъ на шесть бы въ Карлсбадъ или въ Эмсъ. Въ нѣмечинѣ этой болѣсти не знаютъ вовсе.

До свиданія весною, милый И. П. а до тѣхъ поръ крѣпко на крѣпко жму Вамъ руку. Петю за меня хотя письменно поцалуйте.

Любящій Васъ
Ив. Тургеневъ.

Карлсруэ.
Hotel prinz Max.
Среда, $\frac{24}{12}$ -го Февр. 69.

И такъ Вы вернулись въ деревню, любезнѣйшій мой Иванъ Петровичъ,—и чай, сидите теперь окруженные со всѣхъ сторонъ зазорами, разлившимися рѣками, „взыгравшими оврагами“ и т. д. Но по крайней мѣрѣ желѣзная дорога существуетъ и Петю Вы оставили здоровымъ въ Москвѣ—ужъ это большой камень съ сердца долой. У насъ здѣсь совсѣмъ зимы не было—и вѣроятно такъ и не будетъ; я на дняхъ ѣздилъ въ Баденъ: на всѣхъ деревьяхъ почки распустились—а на иныхъ уже зеленые листья—и не въ копейку—а въ рубль серебромъ—въ тотъ рубль, который теперь сталъ невидимкой у насъ въ Россіи—развѣ вотъ въ Моршанскѣ, у скопцовъ онъ отыщется. Съ 1-го Февр. по здѣшнему стилю

прекратились мои охотническія походы; я въ тотъ день для завершенія „блезира“ убилъ 13 зайцевъ и 2-хъ куропатокъ. Повѣсивъ ружье на гвоздь, я принялся работать—(надо было вернуть потерянное время—Салаевъ уже начиналъ приходить въ отчаяніе); третьяго дня отправилъ къ Анненкову большой отрывокъ изъ своихъ Воспоминаній (о Бѣлинскомъ; онъ появится въ Мартовской книжкѣ Вѣстника Европы) а теперь засѣлъ надъ вторымъ, предметомъ котораго будутъ Аксаковъ и Славянофилы. Повѣсть моя уже напечатана въ 1-мъ №-ѣ Русскаго Вѣстника. Очень она уже вышла мрачная; посмотримъ что скажете Вы—и что скажетъ строгій Фетъ. Уже давно онъ ничѣмъ моимъ не доволенъ: смилуется ли теперь? Очень радуюсь извѣстію о скоромъ выходѣ 7-го тома „Войны и Мира“; при всѣхъ своихъ слабостяхъ и чудачествахъ, при всемъ даже своемъ враньѣ—Толстой—настоящій гигантъ между остальной литературной братьей—и производитъ на меня впечатлѣніе слона въ звѣринцѣ: нескладно, даже нелѣпо—но огромно—и какъ умно! Дай Богъ написать ему еще двадцать томовъ! Прощаніе Лонгинова менѣе меня радуетъ: онъ и хорошій мой пріятель и добрый малый—а направленіе его скверное, вредное; развѣ однимъ можно утѣшиться: хоть и губернаторъ онъ—а безсиленъ.

Ваши замѣчанія на счетъ Кишинскаго вѣрны; и я бы очень Вамъ быть благодаренъ, еслибъ Вы при свиданіи съ нимъ намекнули ему о „вредѣ рвенія“—какъ выражался Таллейранъ. Но перенести хозяйство изъ Спасскаго въ Петровское было необходимо во 1-хъ по расположенію земли (Спасское приходится на самомъ краю)—а вовторыхъ потому что въ Спасскомъ уже все развалилось. Почтенный мой дядюшка ни одного новаго сруба не поставилъ. Да вотъ весной мы, Богъ дастъ, обо всемъ этомъ потолкуемъ фундаментально. Кстати, не забудьте извѣстить меня: ходитъ ли желѣзная дорога теперь прямо изъ Динабурга черезъ Витебскъ, Смоленскъ, Рославль—въ Орелъ—или еще какой-нибудь клочекъ не оконченъ? Я бы—въ случаѣ ея полного открытія прикатилъ бы къ вамъ прямо, минуя Петербургъ и Москву.

Я здѣсь пробуду до Апрѣля; а 8-го числа Апрѣля буду вѣроятно (на дорогѣ въ Россію) въ Веймарѣ: тамошній Великій Герцогъ хочетъ ставить на театрѣ мою оперетку: „Послѣдній колдунъ“, къ которой Г-жа Віардо написала такую прелестную музыку.

Пѣгазь благодаритъ Васъ за ласковое слово; онъ—увы! совершенно окривѣлъ—но все еще превосходнѣйшій изъ превосходнѣйшихъ псовъ!

Крѣпко и дружески жму Вамъ руку и остаюсь

Искренно Вамъ преданный
Ив. Тургеневъ.

Карлсруэ.

Hotel prinz Max.

Среда, $\frac{24}{12}$ -го Марта 69.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ, наканунѣ моего отъѣзда въ Парижъ (на недѣлю— по дѣламъ) пишу Вамъ отвѣтъ на Вашихъ два письма (одно изъ нихъ получено сегодня утромъ). Больше всего и прежде всего меня радуетъ то, что Вы мнѣ говорите о Петѣ и о Лицеѣ: и птичка хороша и клѣтка отличная—такъ что Ваше отеческое сердце должно радоваться—и возвращеніе на берега Зуши не такъ тяжело. Еще нѣсколько недѣль—а тамъ наступятъ ваканціи.... Но передъ ваканціями я буду имѣть удовольствіе Васъ видѣть. Постараюсь теперь же какъ можно точнѣе опредѣлить день моего прибытія въ Спасское. Отсюда я выѣзжаю и непремѣнно и безотлагательно $\frac{22}{10}$ -го Мая, на другой день послѣ дня рожденія второй дочери Г-жи Віардо—Клавдіи, которой исполнится 17 лѣтъ и которую я такъ же глубоко люблю какъ Вы любите Вашего Петю—хотя она мнѣ и не дочь. (Кстати, видѣли ли Вы ея фотографію, которую я послалъ Фету? Если нѣтъ—я Вамъ могу прислать такую же. Эта дѣвушка—совершенная прелесть и способности къ рисованію и живописи—изумительныя!) Въ Петербургѣ я останавлиюсь на два дня—чтобы съ старикомъ Анненковымъ стариной тряхнуть—въ Москвѣ придется пожить съ недѣлю—такъ что къ 25-му Мая (самый послѣдній срокъ)—я непременно если только что-нибудь со мной не случится—въ Спасскомъ и въ Новоселкахъ. На это Вы можете рассчитывать *впрно*—на сколько существуетъ въ человѣческихъ дѣлахъ вѣрность. Мнѣ и говорить нечего, какъ я радъ буду Васъ видѣть: это вы сами хорошо знаете.

V-го тома „Войны и Мира“ я еще не получалъ; но судя по доходящимъ отзывамъ, нашъ геніальный чудакъ совсѣмъ закусилъ удила. Можно ли, изъ вражды къ философіи и фразамъ—втемяшиться въ такую философію и фразу! То, что всякому мужику понятно какъ польза хлѣба—а именно польза человѣческаго ума, разсудка—то-то и нужно искоренить!! То-то и есть чепуха! И нужно же чтобы эдакая ерунда залѣзла въ голову *самаго даровитаго* писателя во всей современной Европейской литературѣ! Но я заранѣе умиляюсь передъ тѣми прелестями, которыми непремѣнно изобилуетъ этотъ 8-й томъ.

Какъ это Фетъ до сихъ поръ не опровергъ печатно взводимой на него клеветы! Этого нельзя такъ оставлять.

Салаевъ былъ давно извѣщенъ мною, что одинъ экземпляръ новаго изданія назначенъ Вамъ; но я напишу ему, чтобы онъ Вамъ выслалъ теперь же вышедшіе томы, не дожидаясь остальныхъ. И онъ, такъ же какъ Вы, доволенъ портретомъ.

Кстати, вотъ Вамъ портретъ моего Пегаса. Только онъ видъ являетъ печальный и неловкій—такъ какъ его взгромоздили на маленькій и въ добавокъ шаткій

столъ. Къ тому же и желтыя брови и щеки не вышли (въ фотографіи желтое является чорнымъ)—но неправда ли, что за умная голова?

Глухота Кишинскаго меня беспокоитъ. Хотя меня увѣряли здѣсь опытные доктора, что глухота внезапная послѣ простуды *всегда* проходить—ну а какъ она останется. Какъ онъ будетъ управлять и распоряжаться?

Я отъ Боткина получилъ (разумѣется, продиктованное) письмо; очень онъ плохъ—и можетъ въ этомъ состояніи пробыть долгіе годы. Я знаю въ Баденѣ одну даму, у которой точно такая же болѣзнь: она *двадцатый* годъ лежитъ, какъ пласть, въ постели. Избави Боже всякаго!

У насъ весна, но какая-то кислая и медленная; даже не хочется на воздухъ. Изъ Парижа я заѣду сюда на два дня—а потомъ къ 8-му Апрѣлю новаго ст. въ Веймаръ, гдѣ дадутъ нашу опереттку на театрѣ. Опишу подробно—а пока будьте здоровы; обнимаю Васъ крѣпко.

Вашъ Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Thiergartenstrasse, 3.

Понедѣльникъ, $\frac{26}{14}$ -го Апр. 69.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ, вотъ я и вернулся въ свое гнѣздышко—послѣ тѣхъ *скидокъ*, о которыхъ Вы говорите въ своемъ послѣднемъ письмѣ и, упорно работая, чтобы предстать съ спокойнымъ духомъ передъ свѣтлыя очи Салаева, готовлюсь черезъ мѣсяцъ шмыгнуть въ Московію—а тамъ на берега Зуши и на террасу знакомаго дома, гдѣ буду сидѣть съ любезнымъ сердцу моему хозяиномъ.

Въ Веймарѣ все сошло благополучно; успѣхъ былъ несомнѣнный. Что музыка Г-жи Віардо прелестна, въ этомъ я и прежде не сомнѣвался; но я могъ бояться, какъ бы мое либретто не показалось слишкомъ дѣтскимъ, наивнымъ: однако ничего. Публика очевидно забавлялась и интересовалась. Впрочемъ я это все подробно рассказалъ въ письмѣ къ П. В. Анненкову, которое будетъ напечатано въ С. П. бургскихъ Вѣдомостяхъ и къ которому я Васъ отсылаю.

Прилагаю Вамъ фотографію милой моей дѣвочки..... Впрочемъ ей уже скоро минетъ 17 лѣтъ! (Кстати, ее зовутъ Клавдією—а не Маріанной, какъ полагаетъ Фетъ; Маріанна—имя другой сестры). Когда Петя подрастетъ и не утратитъ своей охоты къ живописи—то, разумѣется—его надо будетъ сюда прислать—въ Европу; пожалуй и батюшка его за нимъ поскочетъ. Но пока, пусть онъ растетъ, здоровѣетъ, учится—а Вы не мучьтесь, и не тревожьтесь понапрасну—а напротивъ радуйтесь тому, что онъ въ хорошихъ рукахъ и на хорошей дорогѣ.

Вы мнѣ еще говорите о снѣгѣ—а здѣсь у насъ—царство зелени. Все распустилось, поетъ, цвѣтетъ—сирень такъ и затопила все! Право, хоть бы Вы однимъ глазкомъ посмотрѣли на этотъ всеобщій пиръ и праздникъ!

То, что Вы говорите объ „Обрывѣ“ совершенно справедливо. Вотъ наконецъ вышла и 4-ая часть съ ея страстными и патетическими сценами.... Но что за безжалостная болтовня, что за неистощимыя и плоскія разсужденія, размышленія.... Какъ можно такъ старательно самому все портить? И что за фигура этотъ соблазнитель, Маркъ Волоховъ? Почему этотъ свинопасъ—другаго слова придумать нельзя—увлекаетъ Вѣру? Гдѣ сила, красота, умъ наконецъ? Только и виденъ авторъ, вертящійся въ потѣ лица.... Но многимъ эта работа понравится.

Мнѣ обѣщались выслать 5-й томъ „Войны и Мира“—и до сихъ поръ ничего. Мнѣ это очень досадно. Толстой и бѣситъ и тѣшитъ—настоящій человѣкъ, хоть и сумазбродъ.

Прощайте, другъ; обнимаю Васъ искренно; будьте здоровы. Я напрасно сказалъ: прощайте; надо сказать: досвиданія. Пишите мнѣ теперь въ Баденъ по прежнему.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Thiergartenstrasse, 3.

Суббота, $\frac{5\text{-го Юня}}{24\text{-го Мая}}$ 69.

Милый Иванъ Петровичъ, я никакъ не ожидалъ что объ эту пору я буду еще здѣсь—а теперь вышло такое обстоятельство, что я даже не знаю, буду ли я въ состояніи съѣздить въ Россію. А именно: дней пять тому назадъ я лежалъ въ постели и читая книжку, почувствовалъ внезапный толчокъ, въ слѣдствіе котораго у меня лѣвая рука минутъ на пять совершенно отнялась; и хотя послѣ усиленнаго разтиранія правой рукою она пришла въ чувство но сердце заняло и боль въ немъ не прекращается до сихъ поръ. Я рѣшился призвать доктора, который, осмотрѣвъ меня тщательно, объявилъ мнѣ, что у меня сердце не въ порядкѣ—какая-то въ немъ появилась подагрическая припухлость—и результатомъ этого невеселаго открытія то—что я долженъ натирать грудь іодомъ, принимать внутрь digitalis—не ѣсть мяса, не пить вина, не знаться съ прекраснымъ поломъ, ходить очень мало и никакихъ сильныхъ ощущеній себѣ не позволять. Когда же я заикнулся о путешествіи, то докторъ мнѣ объявилъ, что раньше 6 недѣль объ этомъ и думать нечего. Я, признаюсь, повѣсилъ носъ; въ Россію мнѣ очень хотѣлось да и нужно тамъ мнѣ быть; и болѣзнь въ сердцѣ—непріятный сюрпризъ въ 50 лѣтъ. Вотъ какъ лопаются наши мыльные пузыри!

Хотя я втайнѣ сохраняю еще надежду побывать въ Россіи—но чтобы не обманывать самого себя, рѣшился пока махнуть рукою—а такъ поступать, какъ будто этой поѣздкѣ не сбыться. Все это такъ непріятно, что и говорить объ этомъ не хочется. Сообщите это извѣстіе Фету.

Кишинскому я самъ напишу. Читаю теперь пятую часть Войны и Мира—и попеременно то сержусь, то восхищаюсь. Отсутствие свободного возрѣнія, настоящей художнической свободы—производитъ тягостное впечатлѣніе въ такомъ великомъ талантѣ.

Гончарова я едва осилилъ; нѣтъ, что ни говори тамъ Г-да Сухотины и Свербеевы—это пустяки и даже хуже пустяковъ. Мелкія, тонко выработанныя подробности не выкупаютъ лжи и фальши и скуки цѣлаго.

Прощайте, добрый И. П. Не смѣю говорить—до свиданія. Пишите мнѣ, я Вамъ буду отвѣчать аккуратно.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.
Среда, $\frac{30}{18}$ Іюня 69.

Вчера я ѣздилъ въ Гейдельбергъ, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ—къ извѣстному тамошнему врачу Фридрейху—и привезъ оттуда извѣстія неутѣшительныя: онъ подтвердилъ мнѣніе здѣшняго врача—у меня болѣзнь сердца—и я долженъ избѣгать всякой усталости—а потому *навсегда* разстаться съ охотой! Можете себѣ представить какъ на меня подѣйствовали эти слова.... Я только это и любилъ. Въ противномъ случаѣ Фридрейхъ грозилъ мнѣ участію Панаева—т. е. внезапнымъ переселеніемъ *туда*. У Панаева болѣзнь сердца открылась такъ же неожиданно и поздно. Остается—беречь себя; дѣло полезное—но невеселое. Вотъ чѣмъ разрѣшился мой жизненный кадриличикъ. Впрочемъ, могло бы быть хуже: я могъ бы ослѣпнуть. Ну—будемъ беречь себя—и не будемъ говорить объ этомъ.

Отъ поѣздки въ Россію я принужденъ окончательно отказаться—и это тоже для меня горе немалое. Повидаться, побесѣдовать съ Вами—это для меня лакомство. Я чувствую, что Вы меня любите—и хотя у меня есть въ Россіи и другіе добрые пріятели—но все съ оттѣнкомъ эгоизма—котораго у Васъ и слѣда нѣтъ. Даже Анненковъ не утерпѣлъ—и съ одной стороны побранилъ меня за мою болѣзнь—а съ другой показалъ видъ, что не совѣмъ ей вѣритъ. Какъ будто такого рода сочинительства кому-нибудь могутъ доставить удовольствіе! Вы мнѣ пишете, чтобы я не унывалъ—и я стараюсь бодриться: но чувствую, что меня охватилъ туманъ—какъ у насъ, лѣтомъ, тотъ-часъ по захожденіи солнца, на днѣ овраговъ;

помните—ложится молочно-бѣловатый студень—и какъ хочется поскорѣй изъ него выскочить! А тутъ и другаго берега не видно.

Какіе во мнѣ литературные замыслы бродили—правда, они сильны не были—и тѣ замерли. Съ „литературными воспоминаніями“ все еще не справился. Читали ли Вы мой отрывокъ о Бѣлинскомъ въ „Вѣстникѣ Европы“—и понравился ли онъ Вамъ? Очень я былъ остороженъ—а все таки меня уже ругали за него.

Я радуюсь за Фета, что онъ не забракованъ своими соуѣздниками. Поклонитесь ему и сообщите мое сожалѣніе о томъ, что не удастся мнѣ его увидѣть и поспорить съ нимъ. Теперь, кто желаетъ меня видѣть, милости просимъ въ мой Баденскій домъ—и не надо слишкомъ мѣшкать: а то, пожалуй, въ Баденѣ-то я буду—но уже на горѣ Меркурія—гдѣ покоятся отъ житейскихъ тревоженій.

Послѣднюю часть „Обрыва“ все еще не могъ осилить, а „Войну и Миръ“ перечитываю съ тою же смѣсью противоположныхъ чувствъ. Что хорошо въ этомъ романѣ—то удивительно, а что плохо или слабо или съ претензіей—все таки не скучно и даже въ извѣстномъ смыслѣ интересно—какъ уродничаніе гениальнаго человѣка.

Будьте такъ любезны—и имѣйте одно Ваше око изрѣдка направленнымъ на Спасское и на Кишинскаго. Я до сихъ поръ не могу на него жаловаться—но все же не худо имѣть нѣкоторый контроль.

Петю поцалуйте за меня и скажите ему, что школьныя тревоженія—даже поколачиванья—развиваютъ геройскій духъ и самостоятельность. Зри Англичанъ.

Прощайте, добрый мой другъ—и пишите мнѣ. Я нуждаюсь въ нѣкоторой поддержкѣ. Дружески Васъ обнимаю.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.
Среда $\frac{11\text{-го Авг.}}{30\text{-го Июля}}$ 69.

Любезнѣйшій другъ Иванъ Петровичъ, спасибо за Ваши два письма и за прекрасную фотографическую карточку моего молодаго друга, котораго я заочно цалую—такъ какъ онъ теперь вѣроятно съ Вами. Не знаю, писалъ ли я Вамъ, что я недѣли три тому назадъ снова подвергся подагрическому припадку—на бѣднаго Макара всѣ шишки валятся! И на этотъ разъ онъ былъ ужасно силенъ.... Первую ночь я право думалъ, что съума сойду. Докторъ утѣшилъ меня увѣреніемъ, что чѣмъ сильнѣе припадокъ, тѣмъ кратковременнѣе, и дѣйствительно—вотъ уже третій день какъ я опять надѣлъ сапогъ—а прежде раньше двухъ мѣсяцевъ я этого сдѣлать не могъ. Но объ охотѣ все еще и помину нѣту. Пока

жары не спадаютъ, всякое сильное движеніе можетъ, по увѣренію докторовъ, повредить моему сердцу.

Очень смѣялся я описанію Вашего юмористическаго путешествія къ Графу А. Толстому. Повѣрьте, душа моя, охота въ Россіи стала миѳомъ: отъ одного берега мы отстали—къ другому не пристали—цивилизованной охоты у насъ еще нѣтъ—а натуральная уже исчезла. Вотъ если Фетъ или Вы когда нибудь пожелаете ко мнѣ въ Баденъ на охоту—то я Вамъ не гадательно, а навѣрное могу сказать, сколько дичи Вы убьете—куропатокъ отъ 8 до 15; зайцевъ—10 или 12; фазановъ—1 или 2; *можетъ* быть дикую козу,—перепелки двѣ или три и одного бекасса. Тоже можетъ быть, какъ видите—не блестяще но вѣрно и удобно. По колдобинамъ и рытвинамъ „кувыркаться“, какъ говоритъ Фетъ, не придется.

Неужели, не шутя, Гр. А. Толстой сидитъ надъ Борисомъ Годуновымъ! Изумительная настойчивость этого добрѣйшаго, но скучнѣйшаго писателя, достойная лучшей участи!

На дняхъ сюда пріѣхалъ Н. А. Милютинъ съ женой; онъ все такая же развалина, хоть и поправился немного. А она во Франкфуртѣ недавно видѣла Боткина, Василья Петровича. Страшное, говоритъ, зрѣлище! Все тѣло *умерло* и не двигается; жива одна голова, высохшая, желтая, плѣшивая; и эта голова мертвеннымъ голосомъ говоритъ о ѣдѣ, объ одной ѣдѣ. Онъ до зимы не доживетъ. Оставилъ ли еще что-нибудь Фету въ завѣщаніи?

Пожалуйста, другъ мой, наблюдайте однимъ глазкомъ за моимъ управляющимъ: а то какъ-то жутко совѣмъ безъ контроля. Впрочемъ я имъ доволенъ.

Обнимаю Васъ и цалую Петю. Будьте здоровы.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Thiergartenstrasse, 3.

Воскресеніе, $\frac{5\text{-го Сент.}}{24\text{-го Авг.}}$ 69.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, сейчасъ получилъ Ваше письмо вмѣстѣ съ Фетовскимъ—что значить въ его письмѣ извѣстіе о прибытіи его сюда въ Баденъ—къ 20-му Сентяб. нашего стиля! Вѣроятно—одна фантазія, потому что и Вы ничего объ этомъ не говорите—и самъ онъ уже больше о томъ не упоминаетъ. Нечего говорить, что мы бы ему здѣсь обрадовались и дали бы возможность поохотиться. Надѣюсь, что ушибъ брюха не имѣлъ дурныхъ послѣдствій.

Я воображаю, что Вы уже вернулись изъ Москвы—куда отвезли Петю.... Горекъ конецъ вакацій—я это по памяти знаю—горекъ корень ученія—но плоды его сладки. Лишь бы здоровье осталось удовлетворительнымъ!

Что касается до моего здоровья—то оно ничего—поправляется: я даже могъ сходить—конечно съ крайней осторожностью—два раза на охоту и довольно удачно.

Замѣчанья Ваши на счетъ постройки дома въ Спасскомъ совершенно справедливы—и я въ такомъ смыслѣ пишу Кишинскому.

Такъ же я прошу Васъ сдѣлать мнѣ одолженіе—и потолковать съ нимъ, слѣдуетъ ли теперь же выслать мнѣ деньги, полученные имъ за сельцо мое *Холодово*? Если курсъ не слишкомъ низокъ—(послѣдняя присылка была 307 фр. за 100 рублей!!!)—то я полагаю, надо выслать, такъ какъ сумма довольно крупная—11500 р. сер.—и хранить ее неудобно.

Я на дняхъ ѣздилъ въ Мюнхенъ, чтобы посмотрѣть 1-ое представленіе оперы Вагнера—„Золото Рейна“—да кстати и кое-что другое. Мюнхенъ—городъ интересный. Король Баварскій, какъ Вамъ можетъ быть извѣстно, загадочный, даже *странный*—другъ Вагнера—и музыка его—государственное дѣло въ Баваріи; но въ слѣдствіе различныхъ, самыхъ забавныхъ и спутанныхъ интригъ, изъ которыхъ Аристофанъ могъ бы извлечь любопытнѣйшую нравственно-сатирическо-политическую комедію—опера не была дана—а произошла только главная репетиція, на которой я присутствовалъ. Музыка и текстъ равно невыносимы, но Вы знаете, между нѣмцами есть такіе люди, для которыхъ Вагнеръ чуть не Христосъ. Я очень забавлялся всей этой путаницей. Когда нибудь расскажу—быть можетъ даже печатно.

Работать ничего не могу: и даже „Воспоминаній“ своихъ—чортъ бы ихъ побралъ!—не окончилъ. Литературный мой винтъ размолоса.

Не знаю еще гдѣ проведу зиму—но только не здѣсь. Вы въ свое время будете увѣдомлены.

Будьте здоровы; дружески жму Вамъ руку.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.
Четвергъ, $\frac{7\text{-го Окт.}}{25\text{-го Сент.}}$ 69.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ, въ послѣднемъ Вашемъ письмѣ Вы много говорили о своемъ нездоровьи; какъ оно теперь? Надѣюсь, лихорадка Васъ покинула и Вы уже не одного волка затравили. Дайте вѣсточку. О себѣ я Вамъ скажу, что перебиваюсь помаленьку: не могу скрыть отъ себя, что по временамъ чувствуется въ сердцѣ что-то странное—но впрочемъ, я съ этимъ примирился—и

даже по временамъ хожу на охоту, благо у насъ стоитъ погода удивительная. Вотъ напр: вчера. Ходилъ за куропатками и зайцами—убилъ—первыхъ 8 а вторыхъ 4—а долженъ былъ бы убить гораздо больше, ибо выпустилъ 24 заряда. Отрывки изъ воспоминаній кончилъ наконецъ!! и отправилъ послѣдній къ Салаеву; но, какъ Вы совершенно вѣрно предусмотрѣли, отрывокъ о „Славянофилахъ“—остался недоконченнымъ въ портфелѣ. Но въ теченіи зимы я непремѣнно обработаю его и помѣщу въ „Вѣстникъ Европы“ такъ какъ я убѣжденъ что этотъ отрывокъ лучше всѣхъ другихъ—и въ немъ я говорю нѣсколько, по моему понятію, полезныхъ вещей.

Написалъ маленькій разсказъ—который—Вы удивитесь!—появится (или уже появился) въ нѣмецкомъ переводѣ въ одной нѣмецкой revue; оригиналъ будетъ напечатанъ въ 1-мъ № „Вѣстника Европы“. Штучка очень небольшая и зовется: „Странная исторія“. Надо Вамъ сказать, что я въ глазахъ Нѣмцевъ—у какой писатель!—и столько же меня хвалятъ здѣсь—сколько ругаютъ въ Россіи. Но я пережилъ ту эпоху, когда это могло меня радовать или печалить.

Когда будете писать Петѣ, поцалуйте его отъ моего имени. Горько ему было разстаться съ Вами, съ деревней и т. д. Но что дѣлать! Такую же печаль видѣлъ я на дняхъ здѣсь: сынъ Віардо, по окончаніи ваканцій, возвращался въ Лицей, въ Карлсруэ.

Зиму я, кажется, проведу здѣсь. Но въ Февралѣ, по всей вѣроятности, съѣзжу въ Петербургъ. Впрочемъ я такъ часто кричалъ: волки, волки!—что даже самъ себѣ пересталъ вѣрить. Что будетъ—то будетъ.

Я получилъ письмо отъ Фета—и на дняхъ буду отвѣчать ему.

А за симъ крѣпко Васъ обнимаю и желаю Вамъ всего хорошаго.

Любящій Васъ.

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Thiergartenstrasse, 3.

Четвергъ, $\frac{25}{13}$ -го Нояб. 69.

И я кричу: ура!—милѣйшій Иванъ Петровичъ! Могу сказать, что сердце у меня изныло по Васъ: я зналъ, чего слѣдовало ожидать въ случаѣ печальнаго исхода. Но теперь—Вамъ извѣстно—послѣ подобной передраги въ молодости, ребенокъ дѣлается колоссомъ и застрахованъ лѣтъ на двадцать! А потому ничего не должно мѣшать Вамъ хорошенько отдохнуть ото всѣхъ этихъ жестокихъ тревогъ, которыя Вы дѣйствительно никогда не забудете, но которыя въ воспоминаніи получаютъ даже нѣкоторую сладость, присущую всякой миновавшей опасности. Хлопочите по хозяйству—это тоже своего рода отдыхъ—хотя иногда при немъ

спина трещитъ. вмѣстѣ съ грачами и жаворонками—и я, гораздо болѣе похожій на грача чѣмъ на жаворонка, явлюсь къ Вамъ. То-то наговоримся тогда!

Вдова Плетнева написала мнѣ весьма раздраженное письмо—и Анненковъ уже извѣстилъ меня о предстоящей статьѣ Грота. Вотъ подите Вы! Невольно приходится мнѣ на память мой собственный Егоръ Капитонычъ въ повѣсти: „Затишье“: „кажется, далеко, нѣжно сказалъ—а и тутъ не потрафилъ!“ Кто бы могъ подумать, что Плетнева я представилъ въ оскорбительномъ для его памяти видѣ!! Ничего тутъ не подѣлаешь.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю 6-го тома „Войны и Мира“—авось авторъ успѣлъ немного *разуруситься*—и вмѣсто мутнаго философствованія дастъ намъ попить чистой ключевой воды своего великаго таланта!

То, что Вы мнѣ говорите о Катковѣ и Леонтьевѣ—бросаетъ новый и весьма выгодный свѣтъ на ихъ личности—особенно отъ Леонтьева я не ожидалъ такого сердоболія и такой мягкости. Тѣмъ лучше!

Однако Салаевъ не торопится (въ свою очередь я таки порядкомъ его помучилъ) окончаніемъ моихъ сочиненій—т. е: перваго тома. Въ „Воспоминаніяхъ“ для Васъ будетъ мало новаго—но Вы можетъ быть съ нѣкоторымъ интересомъ прочтете отрывокъ озаглавленный: „По поводу Отцовъ и Дѣтей“; я въ немъ высказался съ большою—можетъ быть—лишнею искренностью.

Третьяго дня была генеральная охота (облава) въ нанимаемомъ мною участкѣ. Насъ было 8 человѣкъ; убито было 6 дикихъ козъ, 67 зайцевъ, 2 вальдшнепа, 1 фазанъ—(по здѣшнему, цифры весьма скромныя). Собственно я убилъ 2 козъ, 8 зайцевъ и 1 фазана.

Вотъ моя программа. Я до Марта мѣсяца остаюсь здѣсь (въ началѣ Декабря съѣзжу въ Парижъ на недѣлю) а въ Мартѣ отправляюсь черезъ Петербургъ и Москву въ Спасское, куда прибуду въ концѣ Апрѣля—къ эпохѣ соловьевъ. Авось на этотъ разъ моя программа исполнится.

Еще разъ отъ души Васъ поздравляю и обнимаю и остаюсь

Любящій Васъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. А что Вы скажете о чисто-республиканскихъ выборахъ города Парижа? Кажется, время паденія имперіи приближается.

Баденъ-Баденъ.

Thiergartenstrasse, 3.

Пятница, $\frac{17}{5}$ -го Дек. 69.

Вы вѣроятно уже вернулись въ Москву, любезнѣйшій мой Иванъ Петровичъ—и я адресуую это письмо по Вашему указанію, въ гостинницу Кокорева. Петя

Вашъ совершенно выздоровѣлъ—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія—и то-то Вамъ будетъ хорошо съ нимъ! Я очень радъ, что Вы провели время въ деревнѣ съ пользой и даже поохотились недурно. (Здѣсь мы продолжаемъ подвизаться помаленку: третьяго дня я убилъ двухъ фазановъ и 10 зайцевъ). Вы уже теперь должно быть давно имѣете въ рукахъ мой 1-й томъ (я вчера его здѣсь получилъ отъ Салаева). Попалось нѣсколько опечатокъ—изъ коихъ вотъ главные три: на первой же страницѣ два раза вмѣсто 1843-го г. поставленъ 1849-й годъ—какъ начальный годъ моей литературной карьеры—что не имѣетъ смысла, такъ какъ въ самомъ изданіи много повѣстей помѣчены годомъ предшествовавшимъ 49-му да и все предисловіе написано какъ бы по поводу 25-и лѣтняго моего юбилея (1843—1868). Потомъ на стр. LXXXII-й, стр. 5-ая сверху вмѣсто: „младенца“—стоитъ: младенецъ. А на стр. XCIV-й стр. 9-ая сверху—во фразѣ: „Я раздѣляю почти *всѣ* его убѣжденія“ пропущено слово *всѣ*, что искажаетъ совершенно смыслъ. Впрочемъ, какъ Вы сами увидите—„Воспоминанія“ эти очень безобидны и даже безцвѣтны; статью объ Аксаковыхъ и Славянофилахъ я даже не помѣстилъ вовсе; она вѣроятно появится въ одномъ изъ №-въ Вѣстника Европы за будущій годъ.

Ахъ, душа моя—не понравилась мнѣ идиллія Фета—и я такъ-таки написалъ объ ней нашему другу, который уже отвѣчалъ мнѣ—и сколь я могъ замѣтить—огорчился. Дѣло въ томъ, что подобный почти смѣшной сюжетъ (бритая барышня, которую нащупываютъ въ потьмахъ)—могъ только выкупиться ослѣпительнымъ блескомъ или граціей изложенія: а этого-то я и не нашолъ;—все прилично и вяло. Я быть можетъ ошибаюсь—но таково мое впечатлѣніе. А работу я ему уже до Вашего письма задалъ: пусть онъ соберетъ свои судейскія воспоминанія—и сдѣлаетъ изъ нихъ книжку: по двумъ-тремъ сообщеннымъ имъ мнѣ анекдотамъ—я вижу, что это можетъ выдти прелестно и преподучительно—въ родѣ—помните—его хозяйственныхъ писемъ. Только чтобы философствовалъ онъ поменьше! Ибо, хотя онъ на философію и нападаетъ—а самъ до мозга костей ею проникнуть и заражонъ.

Что это, батюшка, у Васъ опять холера? Пожалуйста берегитесь и постарайтесь поскорѣе выгнать отъ себя эту отвратительную гостью.

Здоровье мое идетъ себѣ порядочно; подагра иногда шевелится.... Но мы не даемъ ей разыграться.

У насъ все было покрылось снѣгомъ и въ теченіи недѣли даже на конькахъ катались; но теперь опять все зелено—и третьяго дня ночью была даже гроза съ громомъ и молніями, какъ быть слѣдуетъ.

За симъ обнимаю Васъ и друга Петю цалую; будьте здоровы оба!

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Thiergartenstrasse, 3.

Вторникъ, $\frac{4\text{-го Янв. 1870.}}{24\text{-го Дек. 1869.}}$

Милый Иванъ Петровичъ, не успѣлъ я порадоваться Вашему первому письму—глядь! уже летитъ второе. Вы меня балуете и я не знаю какъ благодарить Васъ. Сперва отвѣчу на первое. Во всемъ нуженъ порядокъ, и потому пускаюсь на пункты.

а) Ружье одноствольное № 16 съ заряденіемъ сзади для Пети уже заказано—и привезется мною въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Ружье будетъ хорошее и недорогое; и деньги я съ Васъ, по вашему желанію, взыщу.

б) Скажите Урусову, что я очень радъ тому, что онъ дружелюбно принялъ мой подарокъ; значитъ онъ меня помнитъ. Скажите ему такъ же что я отъ шахматовъ совсѣмъ отсталъ; въ послѣдній разъ въ Парижѣ—Нейманъ такъ меня билъ, что даже жалость въ зрителяхъ возбуждалась; правда, то былъ Нейманъ, самый сильный игрокъ послѣ Морфи; но я дѣйствительно совсѣмъ ослабѣлъ.

в) Я на дняхъ ѣздилъ въ Веймаръ, куда мы переѣзжаемъ вмѣстѣ съ семействомъ Віардо съ 1-го Февр. нов. ст. на 2 мѣсяца съ половиною. (Тамъ отличная рисовальная школа, что очень нужно для старшей дочери.) Въ половинѣ Апрѣля они возвращаются сюда—а я въ Россію—и либо въ Москвѣ, либо въ окрестностяхъ Мценска увидимся непременно. То-то будетъ хорошо!

Перехожу ко второму письму.

Оказывается, что моя статейка объ „Отцахъ и Дѣтяхъ“ никого не удовлетворила. Подумаешь, я отказываюсь отъ своей славы, какъ Ростопчинъ отъ сожженія Москвы. Анненковъ даже сильно меня распекаетъ. А между тѣмъ каждое слово въ ней—самая святая правда, по крайней мѣрѣ, на мое сужденіе. Оказывается, что авторъ самъ не всегда знаетъ, что творить; чувства мои къ Базарову—личныя мои чувства—были смутнаго свойства—(любилъ ли я его, ненавидѣлъ ли—Господь вѣдаетъ!)—а между тѣмъ образъ вышелъ дотого опредѣленный, что немедленно вступилъ въ жизнь и пошелъ дѣйствовать особнякомъ на свой салтыкъ. Въ концѣ концовъ—что за дѣло, что авторъ самъ думаетъ о своемъ произведеніи? То само по себѣ—а онъ самъ по себѣ; но повторяю—статья моя искренна, какъ исповѣдь.

Краевскій дѣйствительно въ Голосѣ подпустилъ мнѣ прескверный камуфлетъ. Никакъ я не ожидалъ подобной неделикатности—(да и издатель Нѣмецкой revue, въ которой появился мой разсказецъ, увѣрялъ меня, что мои *соотечественники*—изъ уваженія ко мнѣ такъ не поступятъ). Вотъ те и уваженіе! Мнѣ ужасно досадно, что именно Вы прочли эту вещь въ такомъ уродливомъ переводѣ. Будьте другъ—перечтите ее въ Вѣстникѣ Европы (въ 1-мъ №-ѣ) гдѣ она появится;

притомъ же я тамъ, послѣ Нѣмецкаго изданія, кое-что прибавилъ и именно въ смыслѣ указанія на религіозное настроеніе Софи, которое Вы, съ свойственной Вамъ ясностью и вѣрностью пониманія, тотъ-часъ учуяли, какъ слабый пунктъ разсказа. Онъ весь составилъ у меня изъ двухъ анекдотовъ, изъ которыхъ одинъ я слышалъ, а другой самъ пережилъ; вещь весьма маленькая—но все таки Краевскій—сукинъ сынъ. Это онъ мнѣ мститъ за „Воспоминанія о Бѣлинскомъ“.

Шестой томъ „Войны и Мира“ я еще не получалъ; но въ фельетонѣ С. П. бургскихъ Вѣдомостей читалъ отрывки, отъ которыхъ повѣсилъ носъ.

Передайте прилагаемое письмо Фетушкѣ; и напомните ему поговорку, которая особенно идетъ къ намъ: „милые бранятся, только тѣшатся!“

Поцалуйте за меня Петю—и скажите ему, чтобы онъ росъ и толстѣлъ изъ всѣхъ силъ; а стрѣлять въ Новоселкахъ мы будемъ не однихъ воронъ!

Будьте здоровы—поздравляю Васъ съ новымъ 1870-мъ годомъ и обнимаю Васъ.

Любящій Васъ

Ив. Тургеневъ.

Веймаръ.

Hotel de Russie.

Суббота, $\frac{12\text{-го Фев.}}{31\text{-го Янв.}}$ 70.

Вотъ я и попалъ сюда наконецъ, милый мой Иванъ Петровичъ; пока идетъ жизнь жолтенькая, такъ какъ холода стоятъ страшные, дома въ Веймарѣ выстроены чуть не изъ воздуха и до сихъ поръ я больше 7 градусовъ въ моей комнатѣ добиться не могу—что не совсѣмъ удобно. Авось, какъ нибудъ, перемелется—да и зима не можетъ стоять вѣчно. Теперь дѣла поправить нельзя и о Баденскомъ тепломъ домѣ вздыхать нечего. Во всякомъ случаѣ, я безъ семейства Віардо не могъ бы тамъ остаться.

Вы, я вижу, въ большихъ хлопотахъ; дай Богъ, чтобы все устроилось къ лучшему и не дошло бы до бѣды! У меня, какъ Вамъ можетъ быть извѣстно, весь скотъ лопнулъ; письма Кишинскаго носятъ отпечатокъ сосредоточенной унылости. Онъ упрямъ и настойчивъ какъ Малороссъ; но, кажется, и онъ теперь видитъ, что все у насъ дается туго и скупю. Будемъ терпѣть и выносить!

Часто думаю я о Маѣ мѣсяцѣ и о томъ, какъ мы съ Вами и съ Петей будемъ гулять по Вашимъ злчнымъ полямъ. Ружье ему Нагель дѣлаетъ неподобное! Игрушка—а будетъ бить на 70 шаговъ!

Если мы встрѣтимся съ Урусовымъ—то мы вѣроятно, какъ водится, поспоримъ—и какъ водится, каждый останется при своемъ мнѣніи. Во всякомъ случаѣ, нельзя такъ легко разрѣшать вѣчный, болѣе чѣмъ трехтысячилѣтній споръ между необходимостью вещей и свободной волей—и уничтоженіе (какъ то дѣлаетъ Тол-

стой) одной изъ спорящихъ сторонъ—не разрѣшеніе задачи; оно показываетъ только неустойчивость и незрѣлость мысли, сопряженные съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ и самомнѣніемъ недоучки. Мы успѣемъ съ Вами объ этомъ натолковаться.

Едва ли Фетъ пріѣдетъ и въ нынѣшнемъ году въ Бадень. Скучно ему въ Степановкѣ и съ каждымъ годомъ будетъ скучнѣе: но онъ, хотя и полунѣмецъ, а внѣ Россіи жить не можетъ. Я не знаю человѣка, который могъ бы сравниться съ нимъ въ умѣнии хандрить. Вотъ кому бы слѣдовало оставаться вѣчно молодымъ!

Не знаю писалъ ли я Вамъ, что я, когда былъ въ Парижѣ, завтракалъ (послѣ 7 лѣтней разлуки) съ Герценомъ за 4 дня до его смерти и онъ былъ веселъ и въ духѣ какъ никогда.

Многое мнѣ придется Вамъ рассказывать, когда я Васъ увижу. До тѣхъ поръ будьте здоровы. Крѣпко жму Вамъ руку и остаюсь

Любящій Васъ
Ив. Тургеневъ.

Веймаръ.
Hotel de Russie.
 $\frac{15}{27}$ -го Марта 1870.

Воскресеніе.

Вотъ опять прошло сколько времени а я не писалъ Вамъ, дорогой Иванъ Петровичъ! А Вы еще и нездоровы были—и тѣмъ болѣе я долженъ былъ подумать о Васъ! Думать-то я думалъ—и часто; да вотъ лѣнь проклятая взять перо въ руки! Право, даже прибилъ бы себя—кабы не больно было. И вотъ еще что глупо: буду я теперь отвѣчать на Ваше письмо отъ $\frac{7}{19}$ -го Февр.—а съ тѣхъ поръ вѣдь почти шесть недѣль прошло—и чего-чего, пожалуй, не перемѣнилось! Письмо Ваше было грустно и даже мрачно: картина современнаго нашего быта, которую Вы рисовали—немного представляла утѣшительнаго; и къ сожалѣнію—по всей вѣроятности—она очень близка къ правдѣ. Но такъ какъ даже носа своего не передѣлаешь (безъ помощи Венеры)—и поневолѣ съ нимъ приходится жить—то *кольми паче* своей родины не передѣлаешь—и съ Россіянами приходится вѣкъ коротать. Вотъ пріѣду—посмотрю самолично.

А пріѣду я скоро—и это уже теперь не волки, волки! Николинъ день 9-го Мая—вотъ положительный и непреложный срокъ моего прибытія въ Спасское. Останусь я тамъ до начала Іюля—и уже конечно буду безпрестанно съ Вами видѣться. Золотые Ваши совѣты на счетъ Кишинскаго, хозяйства и т. д. я конечно къ свѣдѣнію принялъ—да я и такъ мало расположенъ къ торжественнымъ ревизіямъ и т. п. Пріятно мнѣ думать, что я увижусь съ Фетомъ—постараюсь, по старой

памяти, съ нимъ поспорить, что мнѣ съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе становится,—и глубже и глубже проникаюсь я истинной Тютчевскаго стиха:

„Мысль изрѣченная—есть ложь“;

—во всякомъ случаѣ такая мысль, къ которой собесѣдникъ не хочетъ идти благодушно на встрѣчу, не хочетъ помочь Вамъ самимъ понять ее: а Фетъ—не изъ такихъ собесѣдниковъ; онъ изъ удилозакусныхъ.

Прочелъ я 6-й томъ „Войны и Мира“; конечно есть вещи первоклассныя; но не говоря уже о дѣтской философіи—мнѣ непріятно было видѣть отраженіе *системы* даже на образахъ рисуемыхъ Толстымъ. Отчего это у него непремѣнно всѣ хорошія женщины не только самки—даже дуры? и почему онъ старается увѣрить читателя, что коли женщина умна и развита, то непремѣнно фразерка и лгунья? Какъ это онъ упустилъ изъ вида весь *Декабристскій* элементъ, который такую роль игралъ въ 20-хъ годахъ—и почему всѣ порядочные люди у него тоже какіе-то чурбаны—съ малой толикой юродства? Боюсь я, какъ бы Славянофильство, къ которому онъ, кажется, попалъ въ руки, не испортило его прекрасный и поэтический талантъ, лишивъ его свободы воззрѣнія—какъ оно уже испортило Кохановскую и др. Художникъ, который лишается способности видѣть *бѣлое и черное*—и на право и на лѣво—тотъ уже стоитъ на краю гибели.

Здѣсь мнѣ живется порядочно. Здоровье удовлетворительно; работаю конечно очень мало. Было два удивительныхъ представленія Глюковского Орфея, въ которомъ Г-жа Віардо была, по обыкновенію, геніальна. Ей самой, уже не пѣвшей на театрѣ нѣсколько лѣтъ, было очень пріятно помянуть прежнее; публика здѣшняя ее лелѣетъ и ласкаетъ. Веймаръ—городокъ небольшой; но въ немъ живутъ хорошіе и интересные люди.

Холода прошли; то есть погода все еще очень скверная; но въ комнатахъ не холодно, благодаря поправкамъ сдѣланнымъ въ печкахъ.

Кланяйтесь отъ меня Петѣ, когда писать ему будете; ружье я ему привезу отличное и мы будемъ вмѣстѣ стрѣлять коростелей. А Вы будьте здоровы; жму Вамъ крѣпко руку.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Веймаръ.
Hotel de Russie.

$\frac{13}{1}$ -го Апр. 70. Середа.

Добрѣйшій Иванъ Петровичъ, Вы, я увѣренъ, не сомнѣваетесь въ искренности моего сочувствія къ Вашему горю. Смерть любимаго существа есть такъ же отчасти и собственная смерть—и прошедшее такъ же тяжело и горько умираетъ—

какъ и настоящее. Вы похоронили тѣ дни, когда Вы были счастливы—то существо, съ которымъ были счастливы—только теперь. Радуюсь за Васъ—печальной, правда, радостью—что послѣднее впечатлѣніе произведенное на Васъ чертами Н. А. было тихое и доброе. Дорога суживается и темнѣетъ передъ Вами—но Петя живъ—и передъ нимъ жизнь все ширится и свѣтлѣетъ. Живите его жизнью. Я какъ-то на дняхъ сказалъ двумъ дочерямъ Г-жи Віардо, что я душевно радуюсь тому, что никогда не увижу ихъ милыя, молодыя лица даже начинающими отцвѣтать! Надо обновляться молодостью тѣхъ, которыхъ любишь. А потому-то я и былъ огорченъ тономъ Вашего письма изъ Москвы. Очень уже онъ былъ мраченъ и какъ-то холодно отчаянъ. Вотъ погодите—потерпите только до весны; а тамъ мы вмѣстѣ все печальное изъ души вонъ выболтаемъ. Если буду живъ, я *непременно раньше* половины Мая въ Спасскомъ.

Я окончилъ и почти уже переписалъ большую повѣсть, которую прочту Вамъ. Не малую храбрость оказываю я уже тѣмъ, что продолжаю писать, не бросилъ пера, послѣ всѣхъ безобразій, которыя на меня сыплются. Страхонъ въ „Зарѣ“—прямо называетъ меня „рабомъ“, гадкой старой бабой; право, нѣтъ позорнаго слова, которое бы не было примѣнено ко мнѣ. Вотъ, не думалъ, не гадалъ—и попалъ въ Булгарины. По неволѣ, самого себя ощупываешь и думаешь: за что все это? Впрочемъ это не бѣда. Я бы желалъ, чтобы вся эта ругань меня больше сердила: тогда бы она придала мнѣ энергіи.

Фетъ, дѣйствительно, сталъ какимъ-то страннымъ: пишетъ мнѣ длиннѣйшія и, говоря по совѣсти, неудобопонятныя письма: видно только что онъ постоянно чѣмъ-то внутренно раздраженъ. Я полагаю, что онъ никакъ не можетъ помириться съ прекращеніемъ своей литературной дѣятельности. Надо будетъ постараться и его нѣсколько успокоить. Къ сожалѣнію я въ Россіи до самаго развала охоты не останусь; развѣ онъ пріѣдетъ къ намъ въ Баденъ на нашихъ фазановъ и дикихъ козъ.

Погода все еще ни то ни се; третьяго дня вечеромъ была славная гроза—но въ противность тому, что можно было ожидать, послѣ нея въ воздухѣ похолодѣло.

Сюда пріѣхалъ Листъ и пріуготовляются различныя музыкальныя празднества.

Я очень радъ что Салаевъ не хочетъ допустить меня до денежной потери; дѣло въ томъ что онъ переслалъ мнѣ 3000 франковъ черезъ Лури, который на половину обанкротился и векселя котораго протестуются.

За симъ, любезнѣйшій и добрѣйшій И. П. жму Вамъ крѣпко руку и остаюсь

Вашъ Ив. Тургеневъ.

P. S. „Исторія одного города“ Салтыкова въ Отеч. Запискахъ—преуморительная вещь.

Представьте себѣ рисунокъ крыши: *)

---

*) Здѣсь нарисованы стропила крыши.

А.... б.... в.... г.... это стропила; но имѣетъ ли у плотниковъ особое названіе трехъугольникъ *а*, трехъугольникъ *б* и т. д. Не называютъ ли такой трехъугольникъ *связью*? Не говорятъ же первый, второй трехъугольникъ и т. д.? Пожалуйста напишите мнѣ объ этомъ немедленно, если Вы это знаете—или спросите архитектора. Такъ же бревно *д*—соединяющее трехъугольники—называется ли перекладиной, брусомъ или какъ нибудь специальнѣе?

Очень буду благодаренъ за отвѣтъ.

С. Петербургъ.

Гостинница Клее.

Пятница, 22-го Мая 70.

Добрѣйшій Иванъ Петровичъ, вотъ наконецъ я попалъ сюда (со вчерашняго вечера)! Во Вторникъ я выѣзжаю, въ Москвѣ остановлюсь всего одинъ день, много два—и въ Четвергъ или Пятницу—я въ Спасскомъ. Предупрежду Васъ о точномъ днѣ пріѣзда письмомъ или телеграммой—а нынче хочу только сказать, что вотъ молъ я—и ружье привезъ Петѣ и 300 патроновъ и все какъ слѣдуетъ.

До скораго свиданія—обнимаю Васъ.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Thiergartenstrasse, 3.

Среда, 24-го Авг. 70.

Вы могли бы уже теперь истребовать отъ Л. Н. Толстого выигранную Вами бутылку, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ—ибо послѣдніе удары нанесенные Пруссаками, въ сущности, кажется, уже рѣшили дѣло. Нельзя не удивляться искусству, съ которымъ они сперва удержали глупаго Базена въ Мецѣ, потомъ преградили ему дорогу въ Верденъ—наконецъ поразили его на голову и отбросили его опять въ Мецъ, гдѣ онъ долженъ умереть съ голоду или сдаться. Эти 3 сраженія (14-го, 16-го и 19-го Августа) стоили имъ страшныхъ жертвъ—зато результатъ великъ. Ничто не мѣшаетъ теперь арміи Кронпринца дойти до Парижа, Макъ-Магонъ навѣрное покинетъ Шалонскій лагерь. Окончательнаго исхода войны пока нельзя предвидѣть, но всѣ шансы на сторонѣ Нѣмцевъ.

Я очень хорошо понимаю, почему Толстой держитъ сторону Французовъ. Французская фраза ему противна—но онъ еще болѣе ненавидитъ разсудительность, систему, науку, однимъ словомъ—нѣмцевъ. Весь его послѣдній романъ построенъ на этой враждѣ къ уму, знанію и сознанію—и вдругъ ученые нѣмцы бьютъ невѣжь французовъ!! (Кстати—неужели юродивецъ, напечатавшій въ Московскихъ Вѣдомостяхъ какія-то нелѣпыя пророчества съ планами—тотъ же самый

Кн. Урусовъ, съ которымъ такъ друженъ Толстой?) Съ своей стороны я, „не мудрствуя лукаво“—радуюсь поражению Франціи—ибо вмѣстѣ съ нею поражается на смерть Наполеоновская имперія, существованіе которой несовмѣстно съ развитіемъ свободы въ Европѣ. Я выразилъ это мнѣніе въ письмахъ къ Анненкову, отрывки которыхъ были помѣщены въ 216 № С. П. бургскихъ Вѣдомостей (8-го Августа). Я, между прочимъ, привелъ тамъ нѣсколько отличныхъ обращеній Французской „фразы“.

Радуетъ меня то, что Вы мнѣ пишете о Толстомъ и о Фетѣ, жаль только, что сей послѣдній все еще не хочетъ разстаться съ Музой. Е. Д. Шеншина описана Вами превосходно, такъ же и ея сынокъ.

Я уже былъ 3 раза на охотѣ. Первые два раза стрѣлялъ отвратительно—а въ третій разъ охота неудалась. Однако уже заповалвалъ 23 куроп. и 8 зайцевъ. Песъ мой все по прежнему хорошъ.

По ночамъ здѣсь ясно слышно бомбардированіе Стразбурга, который уже до половины выжженъ. Даже лежа въ постели, при закрытыхъ окнахъ, все еще ухо улавливаетъ глухія рокотанья и сотрясенья. Поневолѣ предаешься философическо-историческо-соціальнымъ размышленіямъ весьма не веселаго свойства. Желѣзный вѣкъ еще не прошелъ—и мы все еще варвары! И вѣроятно останемся такими до конца дней.

Погода у насъ испортилась—говорятъ, будетъ ранняя зима.

Поцалуйте за меня Петю; крѣпко жму Вамъ руку и остаюсь

Любящій Васъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Thiergartenstrasse, 3.

Четвергъ, $\frac{13}{1}$ -го Окт. 1870.

Милый Иванъ Петровичъ, Ваше письмо не совсѣмъ успокоительно: изъ него я вижу, что Вы все еще болѣете—коли даже на охоту ходить не можете. Сверхъ того—изъ газетъ я вычиталъ, что у васъ въ Орлѣ вездѣ холера; а въ Ельцѣ она приняла даже какіе-то чудовищные размѣры. Все это худо—если даже газеты и преувеличиваютъ. Изъ Петербурга тоже извѣстія невеселыя: мѣсто „начальника печати“ получилъ нѣкто генералъ Шидловскій, бывшій тверской губернаторъ, изъ молодыхъ да ранній; безъ скрыпу зубовъ не произноситъ ни одного слова—и призванъ для укрощенія. Редакторы трепещутъ. Фетовское безобразничанье, о которомъ Вы пишете, имѣетъ то еще непріятное, что оно не наивно: въ немъ чувствуется кислое броженіе уязвленнаго и закупореннаго литературнаго самолюбія. Кишинскій такъ же хнычетъ и кажется, никакихъ надеждъ на хоро-

шій доходъ не подаетъ; а тутъ война затягивается на вѣки-вѣчные, вѣроятность мира исчезаетъ—и погода, подъ ладъ всему остальному, испортилась: вѣтеръ завываетъ такъ, что зубы ноютъ. Словомъ, куда ни оглянись—веселаго мало. Кстати, я Чапкину объ Васъ не говорилъ—но если Вы согласны потолковать съ нимъ, то я съ радостью тотъ-часъ напишу ему объ этомъ—если Вы считаете это нужнымъ; я рассчитываю на Васъ какъ на каменную гору—и безъ Вашего совѣта никакой арендной сдѣлки не заключу. Покажите ему это мѣсто моего письма—или черкните мнѣ слово—и я тотъ-часъ письменно къ нему обращусь. Онъ хотѣлъ въ нынѣшнемъ году осмотрѣть мои имѣнія—и я на этотъ счетъ отдалъ приказаніе Кишинскому; исполнилъ ли Чапкинъ свое намѣреніе? Онъ дастъ вѣроятно меньше другаго—но за то плательщикъ онъ будетъ вѣрный. Буду ждать Вашего отвѣта. Письмо мое конечно застанетъ Васъ еще въ деревнѣ.

Я черезъ недѣлю на нѣсколько дней отлучусь изъ Бадена: провожу до Остенде семейство Віардо, которое отправляется зимовать въ Лондонъ. Война ихъ—если не разорила окончательно—то лишила ихъ всякаго дохода въ нынѣшнемъ и будущемъ году; ей приходится пѣніемъ въ концертахъ, даваніемъ уроковъ вырбатывать себѣ деньги—а деньги находятся теперь только въ Англіи. Проводивши ихъ я вернусь сюда и проживу здѣсь еще съ мѣсяцъ. А тамъ и въ путь-дорогу!

„Степной Король Лиръ“ явится вѣроятно въ Ноябрьской книжкѣ Вѣстника Европы—а я пока настрочилъ другой небольшой рассказецъ подъ заглавіемъ: „Стукъ, стукъ, стукъ“.... Тоже воспоминаніе молодости. Этотъ рассказецъ еще неизвѣстно куда попадетъ.

Охотился я ни дурно, ни хорошо: однако вчера убилъ большаго дикаго козла.

Когда будете писать Петѣ, поцалуйте его за меня; я увѣренъ что, какъ *педагоги*, Леонтьевъ и Катковъ—молодцы; какъ политическіе дѣятели—это вѣпросъ другой. А повѣсть Фета что-то не появляется въ Рускомъ Вѣстникѣ!

Прощайте, милый И. П. Будьте здоровы и не поддавайтесь мехлюзіи. Я это пишу Вамъ—а самъ нуждаюсь именно въ томъ же совѣтѣ. „Врачу, исцѣлися самъ!“ Обнимаю Васъ.

Любящій Васъ

Ив. Тургеневъ.

Бадень-Бадень

Thiergartenstrasse, 3.

Пятница $\frac{28}{16}$ -го Окт. 70.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, быть можетъ—это послѣднее письмо, которое я Вамъ въ нынѣшнемъ году напишу изъ Бадена. Черезъ недѣлю я переѣзжаю въ Лондонъ, гдѣ уже находится все семейство Віардо. Война разорила

и Г-жу Віардо: она принуждена, для необходимаго пополненія доходовъ, зарабатывать деньги даваніемъ уроковъ и пѣніемъ въ концертахъ; а деньги въ теперешнее время можно добывать только въ Англіи. Я ѣздилъ провожать ихъ до Остенде, недавно вернулся и теперь самъ на мази. Зима въ Лондонѣ—невеселое дѣло—но все же лучше совершеннаго Баденскаго одиночества. Съ начала Января я въ Петербургѣ, а въ концѣ Января въ деревнѣ. Съ Вами я вѣроятно увидаюсь въ Москвѣ. Такъ какъ Вы мнѣ пишете, что около 20-го Окт. отправляетесь въ Москву—то и это письмо я уже отправляю туда, на имя моего брата.

Въ письмѣ Вашемъ Вы пишете, что кажется дѣла нѣмцевъ пріостановились—а сегодня пришло извѣстіе о сдачѣ арміи Базеня и Меца. Первоклассная нетронутая армія, громаднѣйшіе запасы—все имъ досталось въ руки. Это почти хуже Азина. Франція *покончена* какъ Польша; повѣрьте мнѣ—это только вопросъ времени. Точно такъ же будетъ и Парижъ взятъ. Вотъ уже недѣля какъ здѣшнія желѣзныя дороги взяты подъ новыя несмѣтныя войска, которыя идутъ потокомъ, лавой во Францію—на Ліонъ.... вся Германія хлынула во Францію—говорятъ около милліона войска въ распоряженіи у Мольтке! Просто небывалое дѣло и остается только воздѣть руки къ небу. А несчастная Франція все топорщится, все не хочетъ уступать.... Странно со стороны смотрѣть на эту жалкую мучительную агонію.

Это однако нехорошо, что Вамъ все нездоровится, что Вы охотиться не можете. А мы на послѣдяхъ куражимся. Вчера была славная охота: убили 7 дикихъ козъ, 10 зайцевъ, 1 вальдшнепа. Не знаю, удастся ли въ Англіи—а тамъ, говорятъ, по этой части, чудеса совершаются. На всякій случай возьму съ собой ружье.

Дай то Богъ, чтобы обѣщанья Кишинскаго исполнились! Я, признаюсь, какъ увидѣлъ его на праздникъ въ Славянофильскомъ костюмѣ—такъ и ахнулъ! Непремѣнно, думаю, дуракъ.... Такъ и вышло. На счетъ Тяпкина, аренды и т. д.—я безъ Вашего совѣта ни ни..... Мы обо всемъ этомъ хорошенько переговоримъ въ Москвѣ.

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ я видѣлъ *первый романъ* съ примѣсью стиховъ—и подумалъ: что за старина? Но такъ какъ Вы рекомендуете—то я прочту. Очень вѣрно Вами охарактеризованы женскія литературныя издѣлья. А что же повѣсть Фета? И стихи его? Неужели „и ты Брутъ Катковъ?“.... Что онъ опять выбранъ въ мировые?

У насъ третьяго дня вечеромъ такой былъ ураганъ, что никто не запомнитъ. Что крышъ, трубъ снесло—и сказать нельзя—громаднѣйшія деревья скошены какъ трава, весь нашъ дебаркадеръ (лѣтняя станція) завалился. У меня архитекторъ вздумалъ подъ предлогомъ стиля во вкусѣ Людовика XIII-го вывести пристрашеннѣйшія трубы—одна изъ нихъ рухнула—крышу пробила, террасу уни-

чтожила—та же бомба! Рублей въ 500 вскочить—а то и больше пожалуй. Изъ газетъ видно, что та же буря кругомъ свирѣпствовала—съ Штутгардскаго театра всю крышу начисто снесла. На другой день мы охотились въ лѣсу—такъ точно сраженіе! Деревья лежатъ другъ на другѣ какъ убитые воины. Говорятъ, та-кой трескъ и гамъ стоялъ въ лѣсахъ, что волосы поднимались дыбомъ у про-ѣзжавшихъ. Много народу поранено. Есть и убитые.

Поцалуйте за меня Петю. Я воображаю, онъ уже совсѣмъ большой сталъ и честолюбіе въ немъ развилось преобладающее. Но Вы приведите ему примѣръ Наполеона III-го.

Крѣпко жму Вамъ руку. Будьте здоровы. Изъ Лондона напишу.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Лондонъ.
16, Beaumont street.
Marylebone.

Пятница, ^{9-го Іюня} 28-го Мая 71.

Милѣйшій Иванъ Петровичъ, письмо продиктованное Вами Петѣ меня болѣе порадовало, чѣмъ то, которое Вы продиктовали какому-то малограмотному смерт-ному; но дѣйствительно порадуясь я только тогда когда получу письмо, напи-санное съ начала до конца собственной Вашей рукою. Для этого нужно какъ можно скорѣе поправиться—а чтобы поправиться, нужно какъ можно скорѣе при-быть въ Эмсъ. Говоря о 1-мъ числѣ Іюля, я говорилъ о настоящемъ, Европей-скомъ—а не нашемъ. Другими словами—если это письмо застанетъ Васъ въ Новоселкахъ—то надо не мѣшкая ѣхать—и прибывши тотъ-часъ дать мнѣ знать сюда: я отъѣзжаю *непретѣнно*. И такъ надѣюсь, до скорого свиданія. Не знаю, съ кѣмъ Вы поѣдете—но по Вашимъ словамъ у Васъ есть хорошій товарищъ. Отчего бы не Фету поѣхать съ Вами? Я писалъ ему объ этомъ.

Отъ всего сердца обнимаю и зову Васъ; Петю цалую крѣпко и напишу ему. Жду отъ Васъ вѣсточки.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ,

Сей часъ ко мнѣ пріѣхалъ Л. Н. Толстой—и я спѣшу Вамъ дать знать объ этомъ. Не явился ли къ Вамъ Фетъ? Пожалуйста—если можно, пріѣзжайте сами для того чтобы сговориться о нашемъ путешествіи въ Степановку. Въ случаѣ

если мы рѣшимся тотъ-часъ туда ѣхать, то надо будетъ отправить нарочнаго къ Аѳанасью Аѳанасьевичу.

Жму Вамъ руку.

Вторникъ.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Любезный Иванъ Петровичъ!

Мы Васъ ждемъ завтра въ *Понедѣльникъ* къ 2 часамъ—утромъ мы съѣдимъ съ Фетомъ, съ новыми собаками для пріученія ихъ къ себѣ—но мы въ 12 часовъ будемъ дома. И такъ досвиданія—жму Вамъ руку.

Воскресеніе.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Любезнѣйшій Иванъ Петровичъ, благодарю Васъ за коня, которымъ буду пользоваться и котораго возвращу Вамъ въ цѣлости. Кланяйтесь Вашей женѣ и Фетамъ—и скажите имъ, что я имъ напишу изъ Орла, куда я ѣду дня черезъ 3 или 4—и во всякомъ случаѣ жду ихъ къ 25-му.

Воскресеніе.

Жму Вамъ крѣпко руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ
Schillerstrasse, 7.

$\frac{25\text{-го Янв.}}{7\text{-го Февр.}}$ 1868.

Милый Петя!

Непростительно—

Скажу больше отвратительно,

Что такъ долго я молчалъ,

Хоть писать и обѣщалъ.

Да что дѣлать!. лѣнь... охота...

И на умъ нейдетъ работа.

Но теперь конецъ стрѣльбѣ!

Обращаюсь я къ тебѣ.—

Ну, пріятель мой Орловскій

Нынѣ гимназистъ Московскій,

Разскажи ка мнѣ путѣмъ

И ни прозой, ни стихомъ,

Какъ твое проходить время?
По плечу-ль науки бремя?
Не скучаешь ли? Не бось
Онѣмечился, хотъ брось!
Но бѣды большой въ томъ нѣту;
Много я бродилъ по свѣту,
Много слушалъ тѣхъ, другихъ
И своихъ то и чужихъ...
А скажу: передъ Минервой
Нѣмецъ все же нуженъ первый
И учить насъ Русаковъ
Онъ особенно здоровъ.
Съ величайшимъ прилежаньемъ
И терпѣніемъ и стараньемъ
Ты внимай его словамъ;
Послѣ, какъ окрѣпнешь самъ,
Ты свои расправишь крылья
И помчишься безъ усилія
Все впередъ, впередъ, впередъ.....
Всѣ тогда разинуть ротъ—
И воскликнуть: „Эта птичка
Съ ноготкомъ, хотъ невеличка!“

Вотъ, братъ Петя, какіе твой старый пріятель тебѣ даетъ совѣты; а когда наступитъ лѣто, быть можетъ папа тебя возьметъ на ваканціи въ деревню; и я тогда тамъ буду, потому что въ нынѣшнемъ году я намѣренъ побывать въ Россіи; то то мы съ тобою нагуляемся, малины и земляники накушаемъ, въ рѣчкѣ накушаемъ, обо всякихъ предметахъ наспоримся!—Я убѣжденъ, что ты и теперь такой же спорщикъ, какимъ я тебя зналъ три года тому назадъ!—Но и то сказать: три года много значутъ!—ты, пожалуй, съ тѣхъ поръ выросъ, остепенился, можетъ быть даже хохолокъ у тебя на головѣ завить—и ты уже мечтаешь о томъ, что ты кавалеръ хотъ куда!—Какъ бы то ни было, я увѣренъ, что мы встрѣтимся и разстанемся большими пріятелями.—А потому заочно тебя цѣлую и говорю: досвиданія—въ деревнѣ или въ Москвѣ. Будь здоровъ и учись хорошенько и помни

Искренно тебя любящаго

Ив. Тургенева.

Лондонъ.
Петѣ Борисову. 16, Beaumont street.
Marylebone.
 $\frac{15\text{-го}}{3\text{-го}}$ Юля 1871.

Спасибо тебѣ, милый Петя, за твое письмо;—хотя признаюсь, я ожидалъ найти въ немъ нѣсколько словъ о моемъ другѣ, моемъ покойномъ, добрѣйшемъ отцѣ, незамѣнимую потерю котораго ты кажется не вполне оцѣняешь—а не странное и—извини меня—совершенно нелѣпое описаніе тѣхъ нѣмецкихъ воиновъ, которые, по твоему предположенію, теперь то и дѣло куражатся и бахвальствуютъ. Въ томъ то и дѣло, милый Петя, что и первоклассному лицейскому ученику нельзя говорить зря;—Нѣмецкіе солдаты, послѣ войны, большей частью, перестаютъ быть солдатами—потому что они не преторіянцы—а возвращаются каждый къ своему занятію.—Да и въ день торжественнаго вступленія войскъ въ Берлинъ, Англійскіе, совершенно безпристрастные—скорѣй недоброжелательные корреспонденты—удивлялись ихъ скромности и тишинѣ. Бойся реторики, дружокъ мой, да краснаго слова!—Оно почти всегда ложно.

Желаю тебѣ хорошенько поправиться и раздобрѣть въ Степановкѣ и надыхаться ея благодатнымъ, степнымъ воздухомъ!—Къ стрѣльбѣ, я полагаю, тамъ мало предстоитъ случаевъ;—но пожалуйста, будь остороженъ и безъ дяди не бери ружья въ руки. Вкладывай только тогда патронъ, когда хочешь стрѣлять—а не выстрѣливши вынимай его тотъ часъ.—За симъ тебя обнимаю крѣпко и желаю всего хорошаго.

Твой старый другъ.
Ив. Тургеневъ.

Письма И. С. Тургенева А. А. Фету, 1858-1873 гг.

Любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ.

Мнѣ приходится отвѣчать Вамъ на три письма—и для порядка и краткости, отвѣчаю по пунктамъ:

1) Вы положительно несправедливы къ намъ, подозрѣвая въ насъ *угодливость* публикѣ. Я упомянулъ о ней только съ той точки зрѣнія, что она стала недовѣрчива къ Вашимъ переводамъ и что, слѣдовательно, не должно ей давать никакого *справедливаго* повода отворачиваться отъ нихъ; стихи же мы Ваши браковали не потому, что они слишкомъ *смѣлы* и для публики непонятны—а

просто потому, что они намъ показались слабы, вялы и *несмѣлы*. Я уже упоминалъ Вамъ о Вашей ненужной покорности и робости передъ оригиналомъ. Слова: каротель и кофе *)—напр: можетъ быть, публика не замѣтитъ даже: но онѣ рѣжутъ ухо всякому, кто только чутокъ на гармонію. Сохрани Богъ, чтобы мы хотѣли Васъ передѣлать: во первыхъ, это было бы очень жалко—а во вторыхъ невозможно: мы только говоримъ наше мнѣніе со всею искренностью—а вы принимайте его только въ такомъ случаѣ, если сами съ нимъ согласны.

2) Изъ присланныхъ *Вашихъ* стихотвореній—первое: Море и звѣзды—недурно, не болѣе—за исключеніемъ непостижимо-непонятнаго стиха: Бросаясь на встрѣчу *движенія двойнаго*. Движеніе *волнъ* улавливается чувствами; но одинъ развѣ сказочный богатырь, который *слышалъ*, какъ трава росла—можетъ *видѣть*—какъ ночь двигаясь одѣвается. Второе стихотвореніе—*Сны и тѣни*—есть—извините за выраженіе—совершенный сумбуръ.

3) Теперь о Гафизѣ. Прежде всего спѣшу сказать, что переводъ: Und dieses ist ja wohl kein Fehl—прелестень—за исключеніемъ темнаго стиха:

Въ газеляхъ нѣжнымъ намъ успѣхъ—

—который, я полагаю весьма легко перемѣнить.

Стихотворенія 1-й категоріи начинаются: I-ое: Звѣзда полуночи.... V. О еслибы озеромъ.... VII. Твой вѣчно.... VIII. О какъ подобенъ я.... XI. Грозныя тѣни.... XII. Дано тебѣ и мнѣ.... XX. Вѣтеръ нѣжный.... XXII. Если осень наноситъ.... XXIII. Падетъ ли взоръ.... XXVII. Ты въ мозгу.... XXXV. Сошло дыханіе свыше....

Что касается до 2-й категоріи—то истина требуетъ сказать, что поправки большей частью неудачны: II. Роза нѣжная причиной—изъ сѣробумажныхъ пѣсенниковъ. IV. Дышать взлетаетъ и т. д. ужъ лучше такъ оставить. VI. Это стихотвореніе рѣшительно погибло: отъ первой *версіи*—на *анцу* съ судорожнымъ хохотомъ валялись Дружининъ и Николая на диванѣ—отъ версіи на *ину*—пришлось бы имъ заплакать. Это просто *ужасно*: Поэтъ бюлбѣнь тоски *своей причину*. И тутъ же цвѣтокъ—*сиротина!!* Поэтъ—и Вы рѣшаетесь на такое варварство!

XVI. Я былъ пустынною стрѣлой.... Это величественное стихотвореніе у Васъ вышло съ вывихнутыми ногами. Конечъ вялъ и слабъ. (Послѣдніе три стиха.) Совсѣмъ не то и не такъ у Даумера. У него мечется въ глаза, что этотъ именно сухой песокъ превратился въ плодоносную землю—чего у Васъ нѣтъ—и безъ чего весь образъ пропадаетъ.

XVIII. Въмѣсто каротель и кофе—поставьте ужъ лучше: марципанъ и баваруазъ.

XXIV. Ненавижу этихъ чертовщинъ; не по Русски. „Ненавидѣть“ требуетъ винительнаго. Вы послѣ этого скажете—я ненавижу этой женщины. И „*балдахинъ*“ не стоилъ восклицанія: нашолъ! На Востокѣ о балдахинахъ понятія не

---

*) Представьте себѣ въ стихотвореніи слова: пу-де-суа, кринолинъ и т. д. Вотъ почему онѣ нехороши: онѣ *случайны*.

имѣютъ—да и у насъ это не есть обычная принадлежность гроба, особенно бѣднака Гафиза.

XXVI. Солнце вскипятить—можно оставить. Но дѣло не въ томъ, чтобы пересочинять Гафиза, а въ томъ, что у Васъ поставлены слова—неловко и потому—темно.

То же самое относится къ: „безумство свѣтлое“ и Чтобы скоро отъ моихъ костей.... Тотъ же Eier-tanz съ безпрестаннымъ трескомъ отъ раздавливаемыхъ яицъ.

Вотъ, батюшка, что совѣсть и долгъ повелѣвали Вамъ сказать. А теперь поступайте, какъ знаете. Напишите мнѣ, если Вы хотите чтобы я прислалъ Вамъ рукопись. Но предсказываю Вамъ тотъ же результатъ—если Вы въ подобномъ видѣ напечатаете Гафиза. И публика, Вами столь презираемая публика—будетъ *права*.

До другаго разу; не пеняйте на меня—это все отъ сердца, дружески сказано. Также дружески жму Вамъ руку, кланяюсь Вашей женѣ и всѣмъ пріятелямъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

24-го февр. 1858.
10-го марта.

Римъ.

Милый Фетъ.

Я виноватъ передъ Вами: не тотъ-часъ отвѣчалъ на Ваше первое письмо. Причиной тому была поѣздка въ Неаполь, гдѣ мы съ Боткинымъ провели около двухъ недѣль весьма пріятно, не смотря на неудовлетворительную погоду и на отсутствіе зелени, придававшее всѣмъ великолѣпнѣйшимъ видамъ какую-то унылую и сухую мертвенность. Неаполь надо видѣть лѣтомъ! Но на нѣтъ суда нѣтъ—мы и тѣмъ были довольны. Помпеи произвело большое впечатлѣніе—а такъ же Голубой гротъ и поѣздка туда.

Теперь я наканунѣ отъѣзда изъ Рима; отправляюсь, не спѣша, черезъ Флоренцію, Миланъ и Венецію въ Вѣну, гдѣ я проведу недѣли двѣ (отъ 10 до 25-го Апрѣля) для совѣщанія съ докторами. Изъ Вѣны я еще не знаю навѣрное, поѣду ли я прямо въ Петербургъ—или не заѣду ли сперва въ Парижъ для того, чтобы, по обѣщанью, быть шаферомъ на свадьбѣ Кн. Орлова. Вѣрно быть шаферомъ мнѣ уже на роду написано. Во всякомъ случаѣ, задержать это меня долго не можетъ—и я либо въ началѣ, либо въ концѣ Мая, если только буду живъ и здоровъ, буду въ Спасскомъ—и тогда-то, Богу изволящу, начнется та жизнь, о которой мы такъ часто толковали и мечтали..... если крестьянскій вопросъ не помѣшаетъ.

Не Вы одни осудили „Асю“; слухи о ней доходятъ неблагопріятные: не

вытанцовалась голубушка. Что дѣлать; досадно; но не плакать же. Въ другой разъ, можетъ быть, лучше посчастливится.

Присланные Вами стихи очень лестны и очень милы. Одинъ лишь стихъ: „И вѣрно чуя, что просторнѣй“—не лѣзетъ въ горло. Зимой, при изданіи Вашихъ новыхъ стихотвореній, большая будетъ перепашка. Дай Вамъ Богъ удачи и терпѣнья при Антоніѣ и Клеопатрѣ!

Здоровье Ваше не совсѣмъ хорошо; это скверно, и я, Богомъ убитый человѣкъ, Вамъ сочувствую; авось весна и деревня приведутъ все въ порядокъ. Но все таки Вамъ не должно и думать жаловаться: съ такой женой какова Ваша, это грѣхъ.

Кстати, правда ли, что Толстой женится на дочери Тютчева? Если это правда, я душевно за него радуюсь. Только я сомнѣваюсь въ истинѣ этого слуха: Вы совсѣмъ другое о немъ пишете. Я и передъ нимъ виновать, т. е. я въ долгу у него за его послѣднее письмо. Поклонитесь ему отъ меня и скажите, что мы безпрестанно вспоминаемъ о немъ съ Боткинымъ. Увѣдомьте меня (*poste restante* въ Вѣну) правда ли что онъ женится и работаетъ ли онъ и что дѣлаетъ его сестра? Я ему напишу изъ Флоренціи длинное письмо—между прочимъ я отвѣчу ему на его запросъ въ письмѣ къ Боткину объ одномъ *отрывкѣ*—онъ знаетъ о чемъ идетъ рѣчь. Письмо это только на дняхъ дошло до Боткинскихъ рукъ.

Подписка, говорятъ, на всѣ журналы идетъ отличная; но мы, грѣшные, здѣсь ничего не позволяемъ, по милости Г-дъ редакторовъ. Охъ ужъ эти друзья!

Ну прощайте; будьте веселы и благополучны. Кланяйтесь Аксаковымъ, Толстому—а у Вашей жены я ручки цалую.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Соденъ.

8-го Іюня 1860.

Et tu, Fethie!—уныло воскликнулъ я вчера въ отдѣленіи *poste restante* во Франкфуртѣ—когда на мой вопросъ: есть ли письма на имя: Turgeneff—mit einem harten T—раздался отвѣтъ: Nichts da!—я былъ увѣренъ, что Вы мнѣ напишете, хотя бы для того, чтобы прислать мнѣ рекомендательное письмо къ собакѣ.... т. е. я хочу сказать къ тому человѣку въ Дармштатѣ, который можетъ мнѣ доставить хорошую собаку. А потому, если Вы этого еще не сдѣлали,—то, не теряя ни одной полу-секунды, отправьте мнѣ письмо сюда въ Соденъ—написавъ тако: Soden, bei Frankfurt am Main (Grossherzogthum Nassau) im Europäischen Hof. Это надо сдѣлать очень скоро: я остаюсь здѣсь всего 4 недѣли—а съ нашей почтой воображаю какъ будетъ ползти это письмо! Пожалуйста не теряйте времени. Но Вы мнѣ не объ одной собакѣ напишите. Напишите о себѣ, о Вашей женѣ, о Борисовѣ, о Толстыхъ, обо всемъ Мценскомъ уѣздѣ! Кстати о Толстыхъ: всѣ

больные съ разстроенною грудью лечатся въ Соденѣ: вотъ бы куда поѣхать Толстому (Николаю) и его сестрѣ! Это было бы чудно. А воздухъ здѣсь дѣйствительно цѣлебный: точно въ немъ парное молоко разлито. Боткинъ въ Парижѣ (который до того поправился что получилъ смуглый цвѣтъ лица и какое-то южное сверканіе въ глазахъ)—показывалъ мнѣ Ваше письмо, гдѣ Вы говорите о Львѣ Толстомъ, о литературѣ вообще и т. д. Много въ этомъ письмѣ справедливо—хотя преувеличено. Къ числу *приятныхъ* преувеличеній принадлежитъ между прочимъ и Ваше мнѣніе о моемъ послѣднемъ продуктѣ. Кстати, когда прекратятся статьи о „Наканунѣ?“ Это нѣчто въ родѣ эпидеміи. Пора бы оставить эту штуку въ покоѣ.—Что Вы дѣлаете? И какъ думаете расположить свой капиталъ? И каковы перспективы охоты? Земляники еще нѣтъ?

Боюсь я, что Николай Толстой все будетъ собираться—и не поѣдетъ наконецъ. А ему необходимо лечиться. Мнѣ уже въ прошломъ году его кашель не нравился.

Соденъ—очень уединенное и довольно милое мѣстечко. Чистыя улицы, чистые дома, честныя фizioноміи, много зелени, деревьевъ, Ruheplätze по дорожкамъ, утромъ и вечеромъ музыка—все какъ слѣдуетъ. Одно скверно: дождь льетъ непрестанно. Вообще въ нынѣшнемъ году погода прескверная.

Я собираюсь работать—или собственно говоря—читать. Я давно ничего путнаго не читалъ—и отсталъ. Принялся за Карла Фогта. Ужасно уменъ и тонокъ этотъ гнусный матеріалистъ.

Пока больше писать нечего. А каковъ Гарибальди? Впрочемъ Вы такъ мало интересуетесь политикой, что даже быть можетъ не знаете кто таковъ Гарибальди?

Вотъ Вамъ на закуску стихотвореніе умершаго сумасшедшимъ Николая Ленау, которое очень напоминаетъ: „Бурю на небѣ вечернемъ“.

Sonnenuntergang;
Schwarze Wolken zieh'n
O wie schwül und bang
Alle Winde flieh'n.

А вѣдь
недурно?

Durch den Himmel—wild
Jagen Blitze—bleich
Ihr vergänglich Bild
Wandelt durch den Teich.

Wie gewitterklar
Mein'ich Dich zu seh'n
Und dein langes Haar
Frei im Sturme weh'n!

Кланяюсь всѣмъ и обнимаю всѣхъ.

Ив. Тургеневъ.

Четвергъ.

22-го Юня 61.

Я только что собирался послать къ Вамъ эстафетъ, любезный А. А.,—а вдругъ является Вашъ человѣкъ—и я пишу Вамъ—чтобы Вы а) непременно ѣхали въ Спасское, коль возможно скорѣе, б) взяли съ собою *повара* и с) я еще не видѣлъ Апраксина, но, на всякій случай, возьмите фракъ; впрочемъ мы, можетъ быть, обойдемся безъ него, т. е. безъ Апраксина. Я завтра возвращаюсь назадъ въ Спасское и жду Васъ съ нетерпѣніемъ.

Кланяйтесь М. П—ѣ—всѣ ее у насъ ждутъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

(Отрывокъ изъ письма.)

Баденъ-Баденъ.

Schillerstrasse, 277.

25-го Марта
6-го Апрѣля 1866.

Изъ двухъ присланныхъ стихотвореній одно (напечатанное) къ Тютчеву прекрасно; отъ него вѣтъ старымъ или лучше сказать молодымъ Фетомъ. Другое—неудовлетворительно. „Почему?“ спросите Вы. „Критикъ, отдай отчетъ въ твоемъ чувствѣ!“—Извольте—отдаю. Во первыхъ: оно напоминаетъ—тономъ и даже нѣкоторыми подробностями—два стихотворенія Пушкина и Тютчева, которыя оба гораздо лучше его: „Я помню чудное мгновенье“ и „Какъ ночью на небѣ звѣзды“.... Во вторыхъ: что такое: кинуть привѣтъ *наизусть*! О какъ это некрасиво! Какъ можно—„восторгать грусть?“ „Всю чистоту твоей души.“ „Звѣзда и роза“—вялая проза. И наконецъ: „На темномъ небѣ *и въ водѣ*“—ужъ лучше прямо „и въ рукомойникѣ“. Еще одно я замѣтилъ: всѣ Ваши личные, лирическія, любовныя особенно страстныя стихотворенія слабѣе прочихъ: точно Вы ихъ сочинили и предмета стиховъ вовсе не существовало. А за симъ можете взять сапогъ и каблукомъ меня по темени, по темени: будь, дескать, вѣжливъ.

Отъ Г-жи Энгельгардтъ я получилъ письмо и уже отвѣчалъ ей.....

Любезнѣйшій А. А.—Михайла Александровичъ Языковъ, помнится, такъ однажды отозвался о нашихъ давно-прошедшихъ литературныхъ Петербургскихъ вечерахъ: „соберутся, разлягутся—да вдругъ одинъ встанетъ, и ни слова не говоря, другому черепъ долой“. Наша переписка приняла этотъ анатомическій характеръ—и это пока не бѣда: я даже сегодня хочу продолжать въ этомъ родѣ. И не подумайте, что я это въ отместку за Ваше мнѣніе о „Собакахъ“; я это мнѣніе почти

вполнѣ раздѣляю—оттого я эту вещь и не помѣстилъ въ собраніи своихъ сочиненій—а появленіе ея въ С. П.бургскихъ Вѣдомостяхъ служить только новымъ доказательствомъ моего неумѣнія сказать: нѣтъ; моя претензія на Васъ состоитъ въ томъ, что Вы все еще съ прежнимъ, уже носящимъ всѣ признаки собачьей старости упорствомъ, нападаете на то, что Вы величаете „разсудительствомъ“, но что въ сущности ничто иное какъ человѣческая мысль и человѣческое знаніе; моя претензія состоитъ въ томъ, что Вы не только не устыдились произнести сообщаемый Вами „спичъ“—но даже цитируете этотъ спичъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, какъ нѣчто замѣчательно остроумное, не обращая даже вниманія на то, что *теперь* около Васъ происходитъ, и какіе господа тянутъ съ Вами эту канитель. Вы видите, что нашъ „старый споръ“ еще не взвѣшенъ судьбою—и вѣроятно не скоро прекратится. Въ отвѣтъ на всѣ эти нападки на разсудокъ, на эти рекомендаціи инстинкта и непосредственности, мы здѣсь на западѣ отвѣчаемъ спокойно: „Wir wissen's besser; das ist ein alter Dudelsack“—и, извините, отсылаемъ Васъ въ школу. Романъ Толстаго плохъ не потому, что онъ такъ же зарядился „разсудительствомъ;“ этой бѣды ему бояться нечего; онъ плохъ потому, что авторъ ничего не изучилъ, ничего не знаетъ, и подъ именемъ Кутузова и Багратіона выводитъ намъ какихъ-то, рабски списанныхъ, современныхъ генеральчиковъ. Вы называете себя умершимъ поэтомъ—что несправедливо; но и съ умершими поэтами могутъ случиться бѣды: примѣръ: нашъ ex-другъ Некрасовъ.

Однако довольно; этакъ, пожалуй, договоришься до чертиковъ, а мнѣ бы этого не хотѣлось—ибо Вы знаете, что я Васъ люблю искренно, не смотря на Вашъ талантъ заставлятъ меня перхатъ кровью. Мнѣ очень было пріятно узнать, что Вы провели нѣсколько времени у моего добраго старика дяди—въ „Аѣинахъ вольнонаемнаго труда;“ (между нами сказать эти „Аѣины“ къ сожалѣнію до сихъ поръ приносятъ ежегодно нѣсколько сотенъ рублей..... убытку; не все то золото—что блеститъ). Онъ Васъ искренно любитъ и дорожитъ Вами и всѣмъ Вашимъ семействомъ. А я окончательно приросъ къ Баденской почвѣ, никуда отсюда въ нынѣшнемъ году не выѣду—и былъ бы совершенно счастливъ, еслибъ могъ поспорить съ Вами хорошенько—изустно—здѣсь подъ моимъ кровомъ; надѣюсь, что это когда нибудь случится—если не въ нынѣшнемъ году такъ въ будущемъ. А пока будьте здоровы, не гнѣвайтесь на Вашего древняго оппонента и благоденствуйте. Кланяюсь Марьѣ Петровнѣ, жму Вамъ руку.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Новоселки.

Воскресеніе, 23-го Іюня 68.

7 часовъ утра.

Милый Фетъ,

Пожалуйста не сердитесь на меня—пріѣхалъ сюда съ чемоданомъ и съ твердымъ намѣреніемъ Васъ посѣтить—но нога моя разболѣлась и весь я расклеился—во Вторникъ вечеромъ я долженъ ѣхать въ Москву и не рѣшаюсь выдержать тряску въ 120 верстъ. Еще разъ простите великодушно а въ доказательство, что не сердитесь, пріѣзжайте на осень ко мнѣ въ Баденъ и погостите. Вотъ будетъ чудесно! А пока передайте Марьѣ Петровнѣ мой дружественнѣйшій поклонъ и будьте здоровы. Крѣпко жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Thiergartenstrasse, 3.

Суббота, 20-го Нояб. 1869.

Любезнѣйшій Фетъ, я получилъ Ваше письмо и идиллію—и по долгу старинной дружбы и повинуюсь Вашему желанію, высказываю свое посильное мнѣніе. По моему, эту идиллію печатать не слѣдуетъ. Дѣло не въ болѣе или менѣе вѣрной обстановкѣ; общее впечатлѣніе возбуждаемое Вашимъ стихотвореніемъ некрасиво—и потому не антично: да и исполненіе вяло и лишено жизненнаго блеска. А надо было его очень много, чтобы заставить читателя проглотить любовника нащупывающаго ночью у своей дѣвушки чью-то *бриту* голову. Для „Искры“ будетъ потѣха—а для почитателей Вашего таланта—никакого наслажденія не будетъ. Я уже не упоминаю о грамматическихъ промахахъ какъ напр. въ стихѣ:

Швырялся золотомъ, несъ мирру, сыпалъ *розъ*....

„Швыряться“ глаголъ взаимный—мальчишки *швыряются* грязью—а одинъ человѣкъ *швыряетъ*; можно сыпать *розы*—а никакъ не *розъ*—такъ какъ роза—предметъ неодушевленный; но во всей идилліи нѣтъ ни одного стиха, отъ котораго у меня бы іюкнуло.... Впрочемъ, Вы уже не разъ спрашивали моего мнѣнія—а потомъ все таки печатали; желательно бы было, чтобы Вы на сей разъ повѣрили мнѣ.

Вы меня очень успокоили увѣдомленіемъ о выздоровленіи Пети; а то у меня вся душа наболѣла по бѣдномъ Борисовѣ; впрочемъ я перестану тревожиться только тогда, когда получу письмо непосредственно отъ него.

Дай Богъ Вамъ всего хорошаго въ Вашей Степановкѣ! А главное—дай Богъ чтобы сказанное Вами о молодомъ поколѣніи оправдалось! Пусть они учатся и трудятся и *освобождаются!*

Я передалъ Вашъ поклонъ Віардо—и они Вамъ отвѣчаютъ тѣмъ же. Смотрите же, въ будущемъ году непременно прїѣзжайте сюда охотиться. Здѣсь у насъ дичь *вѣрная*.

Кланяюсь Вашей супругѣ и дружески жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Thiergartenstrasse, 3.

Суббота, $\frac{11\text{-го Дек.}}{29\text{-го Нояб.}}$ 69.

Etiam si omnes, ego non—любезный А. А.! Ни въ жизнь не соглашусь, что можно въ смыслѣ: „швырять золотомъ“ сказать: „швыряться з—тъ“ или „сыпать розъ“—хотя можно и должно сказать, напр: „онъ общалъ мнѣ розъ—а я ему надавалъ картофелю“ и т. д. „Къ ея ногамъ онъ сыпалъ розъ“—безобразно. Тутъ дѣло не въ пуризмъ—а въ своеобразныхъ условіяхъ живой Русской рѣчи. Я могу ошибаться какъ вообще въ оцѣнкѣ Вашей идилліи—но, какъ выразился Лутеръ—Ich kann nicht anders.... Gott helfe mir! Amen.

Что касается до Вашего упрека въ невѣрности цитатъ—то не могу не попенять Вамъ за Вашу лѣность (ибо не хочу думать, что у Васъ—у поэта—нѣтъ изданія Фауста). Вамъ стоило справиться съ текстомъ и Вы увидали бы во первыхъ: что въ Прологѣ, въ разговорѣ Саваоа съ бѣсомъ сказано: (7 строка снизу стран. 16 изданія 1840-го года.)—Ein *guter* Mensch in seinem dunkeln Drange и т. д. Во вторыхъ: что въ сценѣ Мефистофеля (переодѣтаго Фаустомъ) со студентомъ стоитъ: (17 строка сверху стран. 82 того же изданія) *Grau*, (а не *Schaal*) Theurer Freund, ist alle Theorie и т. д. Вашему носу не приходилось бы трудиться и *чуять*; впрочемъ и лучшая собака (а куда намъ людямъ до собакъ)—ведетъ иногда въ *пятку*—чуетъ плохо. Что же касается до Кольцова, то тутъ уже кромѣ недоумѣнія ничего ощущать нельзя. Съ какой стати я бы сталъ *сознательно* и *добровольно* сочинять цитату! Да я же и не цитовалъ (въ моей статьѣ о Плетневѣ въ „Архивѣ“) Думу: „Тучи носятъ воду“—которая впрочемъ подъ заглавіемъ „Великая Тайна“—*напечатана* на стр. 161-й изданія 1859-го года—а думу: „Божій міръ“—которая начинается словами: „Отецъ свѣта вѣчность“—зр. стран. 162-ую того же изданія. Побольше аккуратности, батюшка Вы мой—и поменьше неосмотрительности! А еще мировой судья—и не безъ Германской крови въ жилахъ!.....

Вашъ Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.

Фету.

Thiergartenstrasse, 3.

Воскресеніе, $\frac{2\text{-го Янв. 1870.}}{21\text{-го Дек. 1869.}}$

Въ томъ-то и штука, душа моя А. А., что никакой мужикъ ни въ какомъ кабацѣ ни за какія коврижки не скажетъ—въ Вашемъ смыслѣ—ни: „швырялся золотомъ“—ни: „сыпаль розъ“—потому что непосредственное чувство ему подскажетъ что 1-е) „швыряться можно только *взаимно* или *неопредѣленно*—или *во всѣ стороны*—а когда дѣло идетъ объ одномъ человѣкѣ—то можно сказать: швырялъ въ него, зашвырялъ его—а никакъ не швырялся; и 2-е) въ вопросѣ о розахъ—дѣло идетъ не о *количествѣ* ихъ—а о *качествѣ* самаго поступка—то есть: о бросаніи въ ноги такого красиваго и цѣннаго цвѣтка. Не въ томъ дѣло, что онъ *много* или *мало* розъ сыплетъ—а въ томъ что онъ вообще *розы* сыплетъ. Тутъ не *барскій* языкъ, не пуризмъ—а оскорбленіе духа языка, его живой логики. Если Вы этого не чувствуете, то остается только руками развести—и развѣ напомнить Вамъ знаменитый стишокъ:

Минула береговъ, ухающихъ соблазномъ.

„Я и розъ ему сыпаль и піоновъ—все ничего!“—это по русски.

„Къ ея ногамъ онъ сыпаль розъ“.—*Аллилуйская* чепуха!....

Я третьяго дня вернулся изъ Веймара (и Берлина) куда я ѣздилъ на недѣлю, для того чтобы устроить переселеніе семейства Віардо—(и мое, разумѣется) въ Веймаръ, на $2\frac{1}{2}$ мѣсяца, начиная съ 1 Февраля н. с. Собственно это дѣлается для того, чтобы дать возможность старшей дочери Г-жи Віардо брать уроки въ живописи (въ Веймарѣ устроена отличная школа) да Баденъ больно уже пусть зимою. Въ половинѣ Апрѣля они возвратятся въ Баденъ—а я пущусь въ Русь православную.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Это письмо Вамъ вручитъ Борисовъ въ Москвѣ, такъ какъ изъ его письма я вижу, что Вы сегодня же туда прибываете.

Лондонъ.

16, Beaumont street.

Marylebone.

Пятница, $\frac{12\text{-го Мая}}{30\text{-го Апр.}}$ 1871.

Ваше предложеніе—любезнѣйшій Фетъ, чтобы всѣмъ *намъ* гуртомъ переѣхать въ Спасское—и логично и дружественно и мило; но вотъ въ чемъ штука: хотя жизнь въ Англіи очень дорога—но только въ Англіи можно брать 25 фр. за урокъ; а такъ какъ Г-жа Віардо, при почти совершенномъ раззореніи, причиненномъ

ей войною, другихъ средствъ къ существованію не имѣеть, то по неволѣ придется жить въ Англіи—а не въ Россіи, какъ она ни „тиха, кротка и уединенна“ какъ барышня Островскаго подъ окномъ.

Ваши извѣстія о Борисовѣ очень и очень печальны. Я почти навѣрное знаю, что не увидѣть мнѣ его больше! Я получилъ отъ него письмо, написанное почти неузнаваемымъ почеркомъ; онъ мнѣ пишетъ въ немъ, что отправляется „въ слѣдъ за Николаемъ Толстымъ“. Нечего говорить, какъ глубоко мнѣ будетъ его жаль! Я не раздѣляю Вашего мнѣнія на счетъ *безполезности* перемѣщенія въ чахоткѣ; вся бѣда въ томъ, что это перемѣщеніе дѣлается обыкновенно слишкомъ поздно, когда уже ничто помочь не можетъ. Если Борисовъ въ состояніи будетъ еще *вовремя*—т. е. въ Іюлѣ попасть въ Эмсъ, куда его посылаютъ—то я еще не теряю всякой надежды. Что бы Вамъ съ нимъ пріѣхать? Оттуда Вы бы перебрались въ Баденъ, поохотились бы со мною (я въ Баденѣ буду находиться съ Августа до Октября)—а тамъ мы бы Борисова устроили въ какой нибудь уютной и теплой виллѣ въ Швейцаріи на зиму. Вотъ видите ли: Вы меня зовете въ Россію—а я Васъ въ Германію. Но вѣроятно кончится тѣмъ, что каждый останется на своемъ мѣстѣ—и судьбы совершатся.

Здѣсь мнѣ живется недурно: ни весело, ни скучно—а болѣе прилично. Въ нашъ возрастъ никто больше не долженъ смѣть требовать. Здоровъ—ну и кланяйся въ ноги, благодари Провидѣніе.

Журналы пустили было утку: распространили слухъ о смерти Г-жи Віардо. Она, слава Богу, здорова—такъ же какъ и все ея семейство—а то бы я навѣрное съ Вами не бесѣдовалъ.

Поклонитесь отъ меня Вашей супругѣ и всѣмъ пріятелямъ; жму Вамъ крѣпко руку.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Не знаю, какъ у васъ; а у насъ холода стоятъ безобразные. Напишите мнѣ, какъ только Вы увидите Борисова въ Новоселкахъ, куда онъ перебирается.

Баденъ-Баденъ.

Thiergartenstrasse, 3.

Понедѣльникъ, $\frac{28}{16}$ -го Авг. 71.

Вотъ я опять здѣсь, любезнѣйшій А. А. и письмо Ваше получилъ—т. е. нашолъ это письмо здѣсь. Остаюсь въ Баденѣ до конца Октября—а тамъ въ Парижъ—а въ Ноябрь (въ концѣ) въ Петербургъ. Былъ недавно въ Шотландіи—присутствовалъ въ Единбургѣ на юбилеѣ Вальтеръ-Скотта—даже произнесъ спичъ (весьма короткій и заранѣе наизусть выученный); сбился разъ, чѣмъ заслужилъ

рукоплесканія; впрочемъ слылъ—во всѣхъ газетахъ—за М-г Torquunoff, a distinguished novelist;—Англичане вовсе не интересуются ни Россіей ни Русской литературой... (Русское правительство—это дѣло другое—особенно Русская дипломатія). Потомъ я ѣздилъ въ „Highlands“—и стрѣлялъ тамъ „гроузовъ“—grouse—птицу являющую нѣчто среднее между тетеревомъ и бѣлой куропаткой. Это было очень интересно, но утомительно,—и первый день я отъ волненія стрѣлялъ скверно. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого воздуха какъ въ сѣверной Шотландіи; дышать имъ—наслажденіе! Притомъ я былъ у весьма милыхъ и гостепріимныхъ хозяевъ.

Мнѣ жаль что Петя только разсердился на меня за мое письмо—а не почувствовалъ что въ немъ было справедливаго. Когда онъ будетъ большой, я, если буду живъ и если онъ сдѣлается—въ чемъ я не сомнѣваюсь—хорошимъ человекомъ, покажу ему его *первое письмо, написанное ко мнѣ послѣ кончины его отца*—и онъ и постыдится его и подивится тому, до чего можетъ доходить эгоизмъ молодости. Теперь онъ, въ силу своихъ успѣховъ въ Катковскомъ лицѣѣ, чувствуетъ себя какъ бы царькомъ; а до царей, извѣстно, истина проникаетъ съ трудомъ.

Когда я свижусь съ Вами, мы побесѣдуемъ о новѣйшей Англійской *поэзій*, о которой у насъ никто—или почти никто—не имѣетъ понятія. Штука не симпатическая—но интересная—и есть очень, очень большой лирическій талантъ: Свинбёрнъ (Swinburne).

Это очень плохо что—„о Толстомъ нѣтъ вѣстей“. Вы не можете имѣть о немъ болѣе высокаго мнѣнія—чѣмъ я. Будемъ надѣяться что слухи преувеличены и что все еще поправится. Если къ такому таланту да присоединится еще образованный и успокоенный, т. е. умудренный умъ—чего нельзя ожидать отъ него! Я твердо вѣрю что мы еще доживемъ до того мгновенья, когда онъ первый будетъ добродушно хохотать надъ quasi-философской чепухой, которую онъ напустилъ, въ видѣ вони, въ свой поистинѣ великій романъ.

А что Вамъ не нравится званіе „литераторъ“—это вашъ конекъ—а жизнь научила меня обходиться съ чужими коньками почтительно. По моему—„литераторъ“—такое же званіе или опредѣленіе рода занятій—какъ „сапожникъ“ или „пирожникъ“. Но есть пирожники хорошіе и дурные—и литераторы тоже.

За симъ кланяюсь Марѣ Петровнѣ и крѣпко жму Вамъ руку.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Thiergartenstrasse, 3.

$\frac{11\text{-го Нояб.}}{30\text{-го Окт.}}$ 1871.

Любезный А. А. Ваше письмо, пущенное въ Парижъ на имя Жоржъ-Дандена, застало его еще здѣсь. Меня удержали: все еще продолжающаяся подагра и никогда не прекращающіяся дѣла. Но теперь я на чеку — и того и гляди, хвачу въ Парижъ.

Двѣ вещи не дѣлаются въ спорѣ между людьми комильфотными: когда одинъ говоритъ: я Вамъ то-то и то-то сказалъ — другой не отвѣчаетъ ему: Вы никогда этого не сказали. Или: когда одинъ говоритъ: Вы то-то и то-то мнѣ написали — другой не отвѣчаетъ ему: я никогда этого не писалъ. Такъ какъ Вы, любезнѣйшій другъ, оказались повинными второй виною, отрекаясь отъ явно и несомнѣнно написанныхъ Вами словъ о принадлежности *необразованныхъ купцовъ-богачей* и *образованныхъ ученыхъ-бѣдняковъ* — къ интернаціоналкѣ — а такъ же и о безсознательномъ богоисканіи Дарвина и Шлейдена — то я имѣю полное право споръ нашъ прекратить, считая противника, принужденнаго прибѣгать къ подобнымъ изворотамъ — *ipso facto* побѣжденнымъ. И такъ какъ я сей часъ употребилъ слово: „безсознательный“ — то скажу Вамъ кстати, что самое упорное и неотряхаемое рабство есть рабство безсознательное — и въ такомъ именно рабствѣ и такой кабалѣ находитесь Вы, достолюбезный другъ, въ отношеніи Московскихъ Вѣдомостей.

Сіи истины обладаютъ нѣкоторой степенью горечи; но я считаю ихъ истинами — и для Вашего желудка зѣло полезными.

Кстати — или не кстати — читали Вы въ „Русской Старинѣ“ — Записки Добрынина? Первая ихъ половина — тамъ гдѣ онъ рассказываетъ свою жизнь у Архіерея Флоринскаго — такая прелесть, что даже Вы, столь равнодушный къ литературѣ — навѣрное почувствуете умиленіе.

Отчего Вы не участвуете въ нашемъ Обществѣ (для вспомошествованія литераторовъ)? Это дурно съ Вашей стороны — и Вамъ это не простится.

Какой перлъ выкатился у Васъ въ послѣдней фразѣ Вашего письма! „Покупайте у меня рожь по 6 руб. дайте мнѣ хорошихъ рабочихъ за 3 руб. дайте мнѣ право тащить въ судъ нигилистку и свинью за проходъ по моей землѣ — *не берите съ меня налоговъ* — а тамъ хоть всю Европу на кулаки!“ Это — „*не берите съ меня налоговъ*“ — просто восторгъ! Государство и общество должно охранять штабсъ-ротмистра Фета какъ зеницу ока — а налоговъ съ него — ни ни! О Катковъ, Катковъ, покровитель и сочинитель нашей „gentry“ — облобызай сего птенца!

Вотъ я Васъ отщелкалъ — теперь щелкайте Вы меня — сіе называется обмѣномъ дружественныхъ изліяній.

А впрочемъ будьте здоровы и благополучны.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Парижъ.

48, rue de Douai.

Понедѣльникъ $\frac{12\text{-го Янв. 74.}}{31\text{-го Дек. 73.}$

Любезнѣйшій Фетъ, пишу Вамъ наканунѣ нашего новаго года, съ которымъ Васъ поздравляю и въ теченіи котораго надѣюсь увидѣться съ Вами. Мнѣ бы давно слѣдовало отвѣчать на Ваше письмо отъ 30-го Окт.—но, признаюсь, я весь былъ занятъ другимъ: старшая дочь Г-жи Віардо, моя возлюбленная Дидй—выходитъ за мужъ—и я принималъ самое сердечное участіе въ этомъ радостномъ событіи. Женихъ ея, нѣкто М-г Georges Chamerot—прекраснѣйшій молодой человекъ—не скажу достойный ея—потому что въ моихъ глазахъ никто ея не достоинъ; но она его полюбила—и стало быть, дѣло его выиграно. Я переиспыталъ и еще теперь испытываю всяческія чувства—и веселыя и жуткія—и потому Вы извините меня, если мое письмо выдетъ кратко и я ни о чемъ другомъ бесѣдовать не могу.

Я всегда былъ убѣжденъ, что въ Васъ таится отличный педагогъ—и потому поздравляю Вашу 14-ти лѣтнюю но еще мало развитую племянницу съ поступленіемъ въ Ваше вѣдѣніе. Отъ пріѣхавшаго сюда сына Николая Милютинъ (нашего Кавура)—я имѣлъ самыя хорошія вѣсти о Петѣ Борисовѣ—(Милютинъ такъ же Катковскій воспитанникъ). Сколько я могу судить—дѣла Ваши идутъ не дурно—стало-быть все въ порядкѣ и остается благодарить Провидѣніе—хотя—такъ какъ оное Провидѣніе возвратитъ молодость не можетъ—а все остальное прахъ и суета, на зло Цицероновскому De Senectute—то я и не вижу хорошенько за что его благодарить?

Въ Петербургѣ затѣялся Альманахъ (*Складчина*) для голодающихъ Самарцевъ; никакого нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что этотъ Альманахъ изумитъ вселенную своей безцвѣтностью—однако всѣ литературныя имена подписались подъ программой за исключеніемъ Л. Н. Толстаго, Писемскаго и Васъ. Отчего Ахиллесы остались въ своихъ палаткахъ—особенно первый, дѣйствительно Ахиллесъ, Л. Н. Толстой? Сообщите о немъ свѣдѣнія—если потрудитесь написать мнѣ слова два.

Карлсбадъ поправилъ мое здоровье—и до сихъ поръ я—ничего; даже на дняхъ проходилъ цѣлыхъ восемь часовъ на охотѣ. Убилъ однако всего одного фазана, одну красную куропатку и одного кролика.

За симъ желаю Вамъ отъ души всего хорошаго кланяюсь Вашей супругѣ и дружески жму Вашу руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Любезнѣйшій Фетъ,

Я пріѣхалъ сюда въ Пятницу вечеромъ—въ Субботу отправился на выборы въ Орель и вернулся въ Понедѣльникъ; сегодня хотѣлъ ѣхать къ Вамъ, да съ 2-хъ часовъ ночи сдѣлался со мной припадокъ мучительный, который повторяется у меня разъ ежегодно—и продолжается иногда сутки. Пишу къ Вамъ съ жестокой болью въ груди—и потому пріѣзжайте ко мнѣ, такъ какъ Магометъ къ горѣ идти не можетъ. Буду ждать Васъ въ 4 часа къ обѣду. Кланяюсь Вашей женѣ. Досвиданія.

Вашъ И. Тургеневъ.

Любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ, мы съ Толстымъ ѣдемъ къ Вамъ; ждите насъ!

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Среда
утромъ.

Очень радъ буду Васъ видѣть—пріѣзжайте въ Середу вечеромъ и привозите Немира и ружье. Лошадей, которыхъ я Вамъ показывалъ—продали; впрочемъ, кажется, осталась еще пара—Вы посмотрите.

Кланяюсь всѣмъ Вашимъ и досвиданія.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

С. Спасское.
Вторникъ, 9-го Сент.

Любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ,

Пишу Вамъ съ тѣмъ, чтобы просить Васъ въ Субботу вечеромъ или въ Воскресеніе вмѣсто Четверга—вотъ почему: въ Воскресеніе у насъ свадьба, на которой я шаферомъ—и ее отложить нельзя до нашего возвращенія, потому что во Вторникъ начинается постъ. Устраивайте свою молотилку—а мы, Богъ дастъ, потомъ хорошо поохотимся. Итакъ до Субботы или до Воскресенія (мы ѣдемъ въ Понедѣльникъ чуть свѣтъ). Жму Вамъ руку и кланяюсь Маріѣ Петровнѣ.

Вторникъ 25-го Іюня.

С. Спасское.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Письма Н. И. Греча, 1839, 1850 и 1857 гг.

СПБ. Юня 23. 1839.

Любезнѣйшій Алеша! Душевно благодарю тебя за письмо твое отъ $\frac{5}{17}$ Юня, и съ нетерпѣніемъ ожидаю слѣдующихъ. Пароходъ Александра, который долженъ былъ прійти 21-го, не бывалъ еще донинѣ. На сихъ дняхъ были жестокиа бури, и его занесло куда нибудь. Вѣроятно, на немъ есть письма отъ тебя.

Здѣсь все идетъ хорошо. Я работаю прилежно и охотно, и отнюдь не затрудняюсь. Выставка оканчивается, и продлится еще только развѣ для Наслѣдника, который вчера пріѣхалъ. Булгаринъ въ Карловѣ, и воротится недѣли чрезъ двѣ.

Вмѣсто умершаго Воейкова, сдѣланъ редакторомъ Инвалида Везаровіусъ.

Съ Шпицигеромъ Булг. заключилъ союзъ Сотрудничества. Шп. оставилъ Демидова.

Ко мнѣ писалъ Французскій литераторъ Alphonse Cerfbeer (вѣроятно, Жидокъ), котораго я зналъ въ Парижѣ. Онъ пишетъ, что намѣренъ заняться Русскою Исторіею и требуетъ совѣта. Сдѣлай одолженіе, дай ему въ отвѣтъ, что заниматься ею можно двояко: 1) Серіозно, на это нужно десять лѣтъ и совершенное знаніе Русскаго языка, пребываніе здѣсь и т. п. 2) Слегка, для Франціи. Пусть возьметъ переводы Карамзина и Устрялова, напе. нынѣ по-нѣмецки, Эверса и . . . . . и т. п. Адресъ его chez le Ministre de la Guerre, le G-al Schneider, Rue St. Dominique.

Кланяйся отъ меня Софіи Ивановнѣ, всѣмъ . . . . . и пр.

Прощай, пиши чаще.

Твой другъ Н. Г.

СПБ. $\frac{31-\text{го}}{19-\text{го}}$ Марта 1850.

Любезнѣйшая Катя! не знаю, съ чего начать, чтобы извѣстить тебя о жестокой потерѣ, поразившей насъ внезапно. Добраго нашего брата Павла уже нѣтъ въ живыхъ. Я не смѣлъ написать о томъ въ письмѣ къ Алешѣ, боясь поразить его внезапно, и только приготавилъ, но тебѣ долженъ все написать, потому что вы можете найти извѣстіе о томъ въ газетахъ. Смерть его была тиха и безболѣзненна въ послѣдніе часы, и онъ ея не предчувствовалъ. Но расскажу тебѣ по порядку, какъ все было, хоть ты не повѣришь, какъ мнѣ трудно держать перо отъ душевнаго волненія. Въ гласномъ нынѣшнемъ письмѣ моемъ упомянулъ я о его нездоровьѣ, но онъ не обращалъ на то вниманія: служилъ и трудился какъ всегда, былъ то утрюмъ, то весель, и еще недѣли за двѣ смастерилъ безыменное письмо къ Булгарину, въ которомъ отдѣлалъ за пренебреженіе во всякой всячинѣ таланта

Фанни Эльслеръ. Онъ обѣдалъ у насъ въ воскресенье 12-го ч. и въ понедѣльникъ 13-го, и былъ совершенно здоровъ. Во вторникъ 14-го происходили крестины великаго Князя Николая Константиновича: онъ досталъ билеты на хоры, Эмилія, Юлія и А. . . . . воспользовались этимъ, и видѣли, какъ онъ хлопоталъ въ залѣ. Мы ждали его къ обѣду и не дождавшись, полагали, что онъ обѣдаетъ у коменданта Зальцы во дворцѣ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, опоздавши къ намъ. Но въ самомъ дѣлѣ было вотъ что. Онъ пріѣхалъ во 2-мъ часу изъ дворца, нашелъ у себя Владиміра и Булгакова, позавтракалъ и поподчивалъ ихъ наливкою, причемъ былъ очень веселъ, какъ давно не бывалъ, и по уходѣ ихъ надѣлъ сертукъ, чтобы итти къ намъ. Человѣкъ его вышелъ изъ его кабинета, и видя, что онъ долго не является, пошелъ къ нему, и увидѣлъ, что онъ сидитъ въ креслахъ, повѣсивъ голову и охаетъ. Тотчасъ призвали лекаря Франковского. Оказалось, что ревматизмъ палъ у него на грудь, и причинилъ жестокую боль. Употребили нужныя средства, и онъ почувствовалъ облегченіе. Грудь освободилась, дыханіе стало свободно, но ревматическая боль продолжалась въ членахъ, особенно въ рукахъ, да и та утихала. Булгаковъ пріѣхалъ ко мнѣ съ этимъ извѣстіемъ въ среду (15-го) поутру, и успокоилъ меня увѣреніемъ, что опасность, по мнѣнію врача, совершенно миновала. Я долженъ былъ ѣхать на городскіе выборы, и посѣтилъ его въ 3-мъ часу пополудни. Онъ былъ въ постелѣ и очень страдалъ, не могъ ни сидѣть, ни лежать. Между тѣмъ прибылъ Докторъ Фроденъ; его посадили въ ванну, показался потъ, и наступило видимое облегченіе. Послѣ обѣда въ 7 часовъ были у него Эмилія, ... и Юлія, и нашли его въ состояніи довольно хорошемъ. Онъ былъ спокоенъ, даже веселъ, шутилъ съ ними и утверждалъ, что этотъ визитъ милыхъ дамъ ему полезнѣе всѣхъ лекарствъ. Л. . . . . былъ у него въ 10 часовъ, и принесъ мнѣ извѣстіе, что ему гораздо легче. Поутру, въ четвергъ 16-го, онъ проснулся въ 6 часовъ, проспавъ хорошо всю ночь. Булгаковъ не оставлялъ его. Спросилъ чаю, и попросилъ Булгакова поѣхать куда нибудь на его лошадяхъ, чтобъ онѣ не застоялись. Булгаковъ поѣхалъ къ брату, а потомъ завернулъ ко мнѣ, чтобъ сообщить мнѣ добрую вѣсть, но я еще спалъ, ибо какъ-то во всю ночь до утра не могъ заснуть. Между тѣмъ Павелъ продолжалъ пить чай и говорилъ съ своимъ денщикомъ. Вдругъ онъ хотѣлъ что-то сказать, повернулся на правый бокъ, и скончался, даже не вздохнувши. Бывшій притомъ фельдшеръ кинулся бросить ему кровь, но ужъ напрасно. Докторъ Фроденъ сказалъ мнѣ потомъ, что послѣ паденія и ушиба его въ Гатчинѣ, сдѣлалась у него Herzbeutelwassersucht, болѣзнь преопасная, отъ которой изъ тысячи выздоравливаетъ едва ли одинъ, но ему посчастливилось вылечить. Вѣроятно эта вода повредила сосуды сердца; они держались еще пять лѣтъ; наконецъ одинъ лопнулъ. Ужасно, но когда подумаешь, сколько разъ онъ былъ на краю смерти, поблагодаришь Бога, что сохранялъ его донынѣ. Общее

о немъ сожалѣніе невыразимо. Когда комендантъ Зальца доложилъ о томъ Государю, Е. В. изъяснилъ глубокое чувство состраданія и сказалъ: „онъ былъ достойнѣйшій человѣкъ!“ Я вырѣжу эти слова на его надгробномъ камнѣ. Зальца плачетъ и рыдаетъ, какъ ребенокъ, и говоритъ, что лишился въ немъ всего. Моихъ чувствъ описывать не стану и не могу: этого не ощущалъ я съ кончины Коти. Теперь почувствовалъ я, какое лишеніе, что тебя нѣтъ съ нами. Я одинъ долженъ обо всемъ думать, всеѣмъ распоряжаться. Вчера ѣздилъ я на кладбище. Подлѣ маменьки и Коти нѣтъ ни на шагъ мѣста. Я рѣшился положить его подлѣ Лизиньки и Андрея Яковлевича.

..... Въ этомъ мѣстѣ прервалъ мое писаніе В. Генераль Губернаторъ Шульгинъ: онъ пріѣхалъ съ извѣстіемъ, что на погребеніи будетъ Наслѣдникъ непременно, а можетъ быть и Государь. Оно будетъ завтра (20 Марта), изъ Аннинской церкви. Я приказалъ, чтобъ все было сдѣлано порядочно. Морицъ будетъ говорить. Ужасно тяжела была третьяго дня вечеромъ минута перевоза тѣла въ церковь. Я думалъ, что помѣшаюсь въ умѣ. Но вчера отлегло, и сегодня мнѣ легче. Добрый Усовъ освободилъ меня отъ большей части работы. Я обязанъ хранить себя не для себя, и съ трепетомъ и надеждою жду извѣстій отъ васъ. Надѣюсь, что Богъ вознаградитъ насъ исцѣленіемъ Алексѣя за потерю Павла. Шульгинъ повторилъ мнѣ выраженіе Государя о покойномъ. Между прочимъ онъ замѣтилъ, что Гречъ умѣлъ заставить всѣхъ уважать себя. Не странно ли, что мы хоронили его въ день смерти Андрея Яковлевича! Не знаю, что пишу; не знаю, опустилъ ли я что нибудь. Дѣла его нашли мы въ величайшемъ порядкѣ, и между прочимъ 30 р. сер. съ ярлыкомъ: выдать Катеринѣ Ивановнѣ.

Не знаю что писать еще. Если бъ ты была здѣсь, мнѣ было бы вдвое легче, но мысль, что ты тамъ для насъ нужнѣе, меня успокоиваетъ. Прощай! не горюй слишкомъ. Божья воля! *Онъ* теперь счастливъ и покоенъ, а здѣсь всѣ о немъ воспоминаютъ съ любовію и сожалѣніемъ, и благословляютъ его память.

Прощай!

Твой другъ Н. Г.

Какъ то ты о томъ скажешь Алешѣ! Они такъ искренно любили другъ друга! И что-то у васъ дѣлается! Страшно спрашивать.

С.Петербургъ. Января 1857.

Сообщивъ мнѣ расписаніе вашего путешествія, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, вы косвенно предложили мнѣ продолжать переписку, веденную мною съ вами за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, когда вы были въ Италіи. Постараюсь соотвѣтствовать вашему ожиданію, но знаю, что исполню оное не вполнѣ. Я сталъ пятью годами старѣе, а въ мои лѣта отъ этого происходила большая разность въ ощущеніяхъ, мысляхъ и во всемъ выраженіи съ новымъ. Старость

одолѣваетъ меня: на семидесятомъ году меня и клонить къ землѣ. Ночью безсонница, днемъ усталость. Всякое умственное занятіе, бывшее прежде мнѣ забавою, становится трудомъ. Бывало напишешь однимъ духомъ цѣлый листъ: нынче и страничка заставляетъ отдохнуть. Между тѣмъ духъ мой еще не ослабѣлъ совершенно, и послѣднія силы его сберу на удовлетвореніе вашему ожиданію.

Начну разговоръ, какъ всякій благовоспитанный человѣкъ, съ погоды. Нынѣшняя зима въ Петербургѣ отличается постоянствомъ своего непостоянства. Сильные холода, до 18°, смѣняются мгновенною оттепелью: послѣдняя еще не допускаетъ до распутицы, но эта измѣнчивость атмосферы дѣйствуетъ вредно на здоровье людей: простуды и другія послѣдствія неровностей въ воздухѣ господствуютъ повсюду. Означились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ случаи натуральной оспы. Городская молва усилила опасеніе, и многіе бросились прививать и дѣтямъ и взрослымъ коровью оспу, но опасенія, къ счастью, не оправдались. По естественному ходу дѣлъ стали искать причинъ этихъ атмосферическихъ феноменовъ въ астрономіи, и рѣшили, что къ землѣ приближается какая то комета, которой ждуть уже два года, и что при появленіи ея произойдутъ странныя явленія. Вѣсти эти разнеслись по многимъ мѣстамъ внутренней Россіи, и имъ вѣрили, какъ вѣрятъ всякой лжи, какъ сомнѣваются во всякой истинѣ съ жаромъ, упорствомъ и страхомъ. Дѣломъ Академіи Наукъ было бы косвеннымъ образомъ образумить и успокоить публику.

Здѣшнія всенародныя увеселенія идутъ своимъ чередомъ. Изъ театральныхъ представленій преимуществуютъ Италіянская опера и балетъ. Многіе артисты оперы, непривычныя къ нашему либеральному, т. е. своевольному климату, занемогли и остановили представленія многихъ оперъ; особенно чувствовалось отсутствіе прелестной пѣвицы Бозио. Но Терпсихора торжествуетъ. Фанни Черито, въ общемъ мнѣніи публики, должна уступить Русскимъ танцовщицамъ Богдановой и Муравьевой. Первая беретъ граціею, легкостью, искусствомъ; послѣдняя продаетъ товаръ лицомъ. Публика раздѣлилась на два стана: въ первомъ любители танцевъ, въ послѣднемъ читатели танцевъ и глазокъ. Строгіе посѣтители составляютъ особый отдѣлъ Черитистовъ. Французскій театръ уступаетъ прежнимъ своимъ временемъ и преданіями. Отсутствіе Вольпини очень чувствительно. Лучшею піесою въ послѣднее время была комедія *Les faux bons-hommes*, разыгранная прекрасно. На Русскомъ театрѣ прежнее всегдашнее безплодіе и скука. Артисты, люди съ талантами, не чувствуютъ любви къ своему дѣлу, исправляютъ его какъ ремесло, только бы сошло съ рукъ, не учатъ ролей, и играютъ болѣе всего для зрителей райка. Лучшимъ произведеніемъ нынѣшней зимы была драма: Честность, сочиненная дамою, Госпожею Креницыною. Цѣль піесы благородная—заклейменіе мотовства, лихоимства и взятокъ. Публика принимала ее съ восторгомъ. Она дана была въ бенефисъ Орловой, которая очень удачно играла въ ней

главную роль. Изъ оперъ, иггранныхъ Русскими, лучше всѣхъ Марта, музыка Флотова. Русалка, опера Даргомыжскаго, не смотря на всѣ усилія хлопальщиковъ въ театрѣ и въ журналахъ, не снискала большой славы.

Не довольно ли о театрахъ? Да о чемъ еще говорить? О балахъ? Они всѣ похожи одинъ на другой, и разнятся отъ прошлогднихъ большею тѣснотою въ комнатахъ отъ широкаго кринолина. Впрочемъ я не имѣю права говорить о балахъ, потому что самъ на нихъ не бываю, да и быть не желаю.

Что сказать о наукахъ и литературѣ? 29-го Декабря было обыкновенное годовое собраніе Академіи Наукъ. Въ началѣ засѣданія Академикъ Никитенко, (вмѣсто отсутствующаго секретаря Русскаго Отдѣленія, Плетнева), прочиталъ отчетъ о трудахъ этого отдѣленія, написанный громко, высокопарно, и свидѣтельствующій, что Отдѣленіе въ прошломъ году ничего путнаго не сдѣлало, а все только собирается. Гораздо интереснѣе былъ отчетъ Меэдендорфа о трудахъ перваго и третьяго Отдѣленій. Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ отчетахъ толкуютъ о заслугахъ Петра Великаго по учрежденію Академіи.

Оставьте предковъ вы въ покоѣ

Имъ по трудамъ была и честь.

Чтеніе окончилось похвальнымъ словомъ покойному академику Фусу, написаннымъ молодымъ Струве. Фусъ былъ хорошій, умный человѣкъ, исправный секретарь, но для науки ровно ничего не сдѣлалъ, да и не могъ, ибо корреспонденція отнимала у него большую часть времени. Провозглашены были намъ новоизбранные члены. Всѣхъ изумило избраніе въ почетные члены Французскаго Маршала Вальяна. Не выберутъ ли въ будущемъ году Лорда Пальмерстона?

Въ словесности Русской мало новаго и еще менѣе хорошаго. Все поглотили журналы.

И наконецъ я зрю въ странѣ моей родной

Журналовъ тысячи, а книги ни одной!

Изъ новыхъ періодическихъ изданій лучшія суть Русскій Вѣстникъ и Русская Бесѣда, издаваемая въ Москвѣ. Присемъ препровождаю новую повѣсть, Авдотьи Павловны Глинки, въ которой она осмѣяла и очень вѣрно нашихъ мнимыхъ философовъ.

Я самъ теперь веду литературную войну. Въ Октябрѣ вышло въ свѣтъ мое Разсмотрѣніе Русской Грамматики Ивана Ив. Давыдова, изданное вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ. Не зная, знаете ли вы его, препровождаю присемъ экземпляръ полагая, что на чужбинѣ и посредственныя даже скучныя Русскія книги могутъ быть пріятны. Книжка эта откровенностью и рѣшительностью своею обратила на себя вниманіе ученой и учебной публики, но больно уколола автора, который донинѣ пользовался огромною извѣстностью, и будучи председателемъ Комитета для разсмотрѣнія учебныхъ книгъ, не допускалъ къ печатанію сужденій

о его твореніяхъ, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ его превозносили. Теперь этотъ Комитетъ прекратился, и Давыдовъ очутился среди всѣхъ насъ смертныхъ, подлежащихъ суду современниковъ и потомства. Посылаю вамъ сверхъ моей книжки С. Петерб. Вѣдомости и нумера Пчелы, въ которыхъ помѣщена его антикритика и мой отвѣтъ.

Статья моя въ Морскомъ Сборникѣ также возбудила чернильную войну. Два поборника Нѣмецкой грамматической школы (Буслаевъ и Галаховъ) возстали на меня: первый, впрочемъ, человѣкъ дѣльный, въ Отечественныхъ Запискахъ, а послѣдній въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ. Имъ пишетъ отвѣтъ сотрудникъ мой Полевой. И я, можетъ быть, скажу слово въ мое оправданіе. Мнѣ кажется, эти споры, если они только не касаются личности пишущихъ, принесутъ и пользу разъясненіемъ нѣкоторыхъ правилъ и мнѣній. *Du choc, des opinions jaillit la verité.*

Здѣсь выходитъ съ Новаго Года журналъ карикатуръ, подъ заглавіемъ: Знакомые. Онъ издается извѣстнымъ артистомъ Степановымъ. На первыхъ листахъ есть презабавныя шутки, напримѣръ, Кокоревъ представленъ одѣтымъ въ бочку и держащимъ уду со штофикомъ на концѣ: онъ удитъ русскаго человѣка. Очень хороши: Антонъ Контскій въ орденахъ Отаитской Королевы и Сандвичевскаго Короля; Кукольникъ на вечерней бесѣдѣ: сначала онъ, чтеніемъ своихъ стиховъ, усыпляетъ слушателей, а потомъ пируетъ съ ними, и пресыщается дарами Бахуса. Очень хороша толпа дюжихъ и здоровыхъ мужчинъ и женщинъ, являющихся съ просьбами о паспортахъ на проѣздъ въ чужіе края для поправленія здоровья. Достойно замѣчанія, что и покойный Князь Юсуповъ ни гроша себѣ не выпросилъ по болѣзни, чтобъ заплатить не 200, а 50 рублей.

Въ Понедѣльникъ, 7-го Января, была свадьба Графа Морни съ Кн. Трубецкой. Вы конечно получите подробныя о ней извѣстія. Въ тотъ же день утромъ умеръ старый Графъ Строгановъ, и какъ не хотѣли этимъ случаемъ помѣшать исполненію бракосочетанія, то и скрывали смерть его до ночи. Отъ этого произошла въ одномъ домѣ презабавная сцена. Пріѣзжаетъ какой-то вѣстовщикъ, и объявляетъ, что Графъ умеръ въ такихъ и такихъ обстоятельствахъ. Вдругъ входитъ дама (кажется, старуха Графиня Разумовская), и объявляетъ, что Графу легче, что она слышала объ этомъ отъ вѣрныхъ людей. Вѣстовщикъ перебиваетъ ее, и говоритъ: Графъ умеръ; я точно знаю.—Нѣтъ, сударь, онъ живъ.—Умеръ, сударыня! Я видѣлъ тѣло.—Вотъ сударь какъ! Я видѣла особу, которая за пять минутъ до того съ нимъ разговаривала. Споръ кончился ничѣмъ: оба остались при своихъ положеніяхъ. Вскорѣ засимъ объяснилось.

Вчера вечеромъ получилъ я ваше письмо изъ Берлина: вы найдете его въ прилагаемомъ номерѣ Пчелы. Благодарю васъ отъ всей души за ваши сообщенія.

Запасъ моихъ повѣстей истощился. Извѣстна скудость ихъ. Вѣдь не выду-

мывать же стать! Надѣюсь сообщить вамъ со временемъ что нибудь любопытнѣе. Увѣдомьте меня, интересуютъ ли васъ наши литературные дразги?

Примите мой дружескій привѣтъ и низкій поклонъ.

Вашъ.

10 Янв. 1857.

С.Петербургъ, 24 Января 1857.

Душевно благодарю васъ, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, за сообщеніе мнѣ извѣстія о Путешествіи Его Императорскаго Высочества. Вчера получилъ я письмо ваше отъ—Января, а сегодня оно напечатано въ Пчелѣ. Публика читаетъ эти извѣстія съ любопытствомъ и удовольствіемъ. По заведенному или незаведенному у насъ странному обычаю, мы узнаемъ о пребываніи и дѣйствіяхъ Августѣйшихъ Особъ нашего Царскаго Дома тогда только когда онѣ находятся внѣ Петербурга. Гдѣ находится Государь, въ Петербургѣ, въ Царскомъ Селѣ, въ Петергофѣ, въ Кронштатѣ, что онъ дѣлалъ, какія заведенія посѣщалъ, кого принималъ у себя, никому не извѣстно, но лишь только онъ выѣдетъ изъ Россіи, извѣстія о томъ немедленно сообщаются для общаго свѣдѣнія всей Россіи. Случалось такъ, что объ отъѣздѣ Особъ Царской Фамиліи изъ Петербурга узнавали не прежде прибытія ихъ въ Берлинъ. Я нѣсколько разъ представлялъ о томъ и Графу Бенкендорфу и Князю Волконскому. Мои замѣчанія находили справедливыми, но все оставалось въ прежнемъ порядкѣ, или лучше сказать безпорядкѣ. Въ этомъ случаѣ дѣло идетъ не объ удовлетвореніи пустаго любопытства публики. Должно всячески сблизать народъ съ Царемъ и его семействомъ, напоминать ему какъ можно чаще, что они живутъ и дѣйствуютъ ежедневно и непрерывно для его блага.

Извините эту *бутаду*. Она появилась подъ перомъ престарѣлаго журналиста, привязаннаго къ Государямъ своимъ всѣми силами своей души, и готоваго, за исключеніемъ чернилъ, писать о нихъ своею кровью!

Не могу сообщить вамъ много новостей. У насъ все идетъ тихо, порядочно, своимъ чередомъ. Одно новое назначеніе порадовало всѣхъ, а именно назначеніе Ѳ. И. Прянишникова Главноначальствующимъ надъ Почтовымъ Департаментомъ. Увеличеніе дѣлъ по Министерству Двора принудило Гр. Адлерберга отказаться отъ этой должности, и на мѣсто его нельзя было сдѣлать лучшаго выбора. Во-первыхъ Пр. совершенно знаетъ эту часть, и сдѣлалъ въ ней очень много хорошаго и полезнаго. Во-вторыхъ, онъ человѣкъ добрый, почтенный, доступный и всѣми уважаемый. Недавно онъ былъ назначенъ членомъ Опекунскаго Совѣта и особенно Попечителемъ Николаевского Сиротскаго Дома (при Воспитательномъ Домѣ) и ушелъ уже пріобрѣтая тамъ общее уваженіе и любовь. Выборы Чевашева и Прянишникова были очень счастливы.

Поговоримъ объ изящныхъ искусствахъ. На прошедшей недѣлѣ былъ бенефисъ гениальной танцовщицы Богдановой, удостоенный посѣщеніемъ Государя Императора и Особъ Высочайшей Фамиліи. Бенефициантка была принята публикою съ восторгомъ. Въ одномъ букетѣ подали ей прекрасный фермуаръ, купленный любителями балетовъ по подпискѣ. Въ этотъ день танцевалъ 16-ти лѣтній братъ ея, Николай, дебютировалъ въ балетѣ: онъ танцуетъ очень хорошо, на сколько мужчина танцовать можетъ. Всякій танцоръ несносенъ, даже дамамъ. Старшій братъ, Александръ, прекрасно игралъ на скрипкѣ. Большое для семьи этой счастье, что Надежда не красива лицомъ. По прочимъ частямъ драматической поэзіи совершенный застой. Все старое и ветхое. На дняхъ умеръ Управляющій Театральною Конторою Ст. Сов. Борщовъ. Мѣсто его видное и завидное. Воспрянули всѣ воры и воришки; каждый ищетъ протекціи, чтобъ получить теплое мѣстечко съ благороднымъ доходомъ. Покойный Борщовъ, по общему мнѣнію, былъ человѣкъ честный. Каковъ-то будетъ преемникъ?

Еще одинъ смертный случай возбудилъ общее искреннее сожалѣніе. Скончалась жена Генерала Витовтова, женщина рѣдкихъ достоинствъ, оплакиваемая всѣми, кто зналъ ее.

Въ 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ готовится юбилей его 125-ти лѣтія (съ 1732 г.). На этомъ юбилеѣ будетъ разыгранъ прологъ въ стихахъ, сочиненный Ѳедоромъ Николаевичемъ Глинкою, воспитанникомъ сего корпуса. Прологъ написанъ прекрасными стихами. Въ немъ являются одинъ за другимъ кадеты временъ Минниха, временъ Екатерины, Александра и Николая. Каждый, въ мундирѣ своего времени, описываетъ судьбы и характеръ Корпуса тѣхъ эпохъ, и поминаетъ знаменитѣйшихъ его воспитанниковъ. Эффектъ этого стихотворенія будетъ удивительный, я самъ, при чтеніи не могъ удержаться отъ слезъ. Когда именно и какимъ образомъ будетъ происходить юбилей, не знаю.

Вотъ вамъ скудныя мои новости! Не требуйте многого отъ престарѣлаго литератора, о которомъ можно сказать:

Педантъ надъ книгами, въ теченіе полвѣка,
Утратившій и смыслъ и образъ человѣка.

Простите—до слѣдующаго фельдъ-егеря.

Вамъ преданный.

С. Петербургъ 7-го Февраля 1857.

Почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ! Получивъ ваше послѣднее письмо изъ Веймара отъ—Января, я поспѣшилъ исполнить заключающіяся въ немъ порученія. Прекрасную рѣчь Пастора . . . . . отдалъ я перевести одному изъ лучшихъ нашихъ литераторовъ Я. Н. Турусову; потомъ попрошу я Профессора Богословія С. Петербургскаго Университета, бывшаго Висбаденскаго Священника

И. Л. Янышева просмотрѣть переводъ, и препровожу рукопись въ духовную цензуру. На это нужно время. И такъ не взыщите за медленность исполненія, которымъ я озабочиваюсь со всеусердіемъ.

Послѣ свадьбы Графа Морни, обратилъ на себя вниманіе публики одинъ . . . . трагикомическій поединокъ, бывшій въ домѣ Московскаго Предводителя Дворянства А. Д. Черткова. У него было собраніе членовъ Археологическаго Общества. До открытія засѣданія происходили частные разговоры. Рѣчь зашла о подлой рѣчи Роберта Пиля на митингѣ. Мнѣнія раздѣлились. Профессоръ Шевыревъ бранилъ ее нещадно. Графъ Василій Алексѣевичъ Бобринскій замѣтилъ, что въ ней была и правда. Шевыревъ возразилъ громко и грубо. Графъ отвѣчалъ такъ же не очень скромно. Слово за слово, и наконецъ Шевыревъ далъ Графу пощечину. Графъ, разумѣется, пришелъ въ изступленіе, сбилъ съ ногъ профессора, началъ колотить его и топтать ногами. Избилъ, говорятъ, немилосердо, такъ, что его понесли домой, и онъ слегъ. Въ показаніяхъ свидѣтелей сказывается разногласіе: нѣкоторые говорятъ, что Графъ вызывалъ Ш. на дуэль, и этотъ отрекся тѣмъ, что онъ христіанинъ, и крови человѣческой проливать не станетъ. Графъ плюнулъ въ него, и за симъ послѣдовала роковая оплеуха. Какъ бы то ни было, дѣло это непріятное и постыдное. Шевыревъ дѣйствительный стат. совѣтникъ и природный дворянинъ Саратовской Губерніи. Онъ человѣкъ не обширнаго ума, не имѣетъ отличныхъ талантовъ, но много читалъ и хватилъ вершки. Нрава безпокойнаго и задорнаго. У насъ, въ Петербургѣ, подобная потасовка прошла бы едва замѣченною; но въ Москвѣ дѣло иное. Университетъ тамъ мѣсто важное, которымъ всѣ занимаются: онъ стоитъ первымъ съ тамошнимъ Англійскимъ клубомъ по вліянію его на Московскую публику, праздную, нелѣпую и жадную до новостей.

Въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ моихъ говорилъ я вамъ о двухъ Московскихъ изданіяхъ: Русскомъ Вѣстникѣ и Русской Бесѣдѣ. Второго вышли уже двѣ книжки. Въ нихъ есть статьи очень интересныя. Въ первой отрывокъ изъ записокъ Мертваго о временахъ Пугачовщины. Картина ужасная, но вѣрная. Во второй, подъ покровомъ вымысла, подробности житья-бытья выродившихся мелкопомѣстныхъ дворянъ въ Буйскомъ уѣздѣ Костромской Губерніи. Потерявъ и имѣніе и воспитаніе, даже память о своихъ родахъ, ... крестьянами, они все еще гордятся своимъ дворянствомъ, и пользуются наименованіемъ *барина*. Изображеніе это носитъ печать вѣрности и безпристрастія.

Говорятъ, что въ pendant Московской Бесѣдѣ будетъ выходить здѣсь, въ Петербургѣ, періодическое изданіе подъ названіемъ: Русское Слово. Его принимаетъ Графъ Кушелевъ-Безбородко. Человѣкъ богатый, умный и благонамѣренный можетъ такимъ изданіемъ принести большую пользу наукамъ и словесности. Онъ стоитъ выше атмосферы площадной литературы, гдѣ главную роль

играють *цѣлковыя*. Только не дай Богъ, чтобъ его обошли какія либо насѣкомыя, которыя уже не у одного благороднаго человѣка отбили охоту помогать литературнымъ занятіямъ. Онъ долженъ помнить Басню Крылова Сверчки, которые забрались въ домъ гораздо ранѣе жильцовъ.

Профессоръ военной Академіи, Генераль-Маіоръ Богдановичъ пишетъ подробную и *справедливую* исторію 1812 года. Пора замѣнить лицепріятную и правдѣ невнятную поэзію Данилевскаго. Исторія только тогда хороша, когда говоритъ сущую правду, не стѣсняясь угожденіемъ кому либо, не имѣя ни какой цѣли, кромѣ изложенія дѣлъ, какъ они были. Въ противномъ случаѣ хорошій романъ лучше исторіи.

Академикъ Устряловъ написалъ два толстые тома Исторіи Петра Великаго до 1700 года, и собирается ихъ печатать. Ждемъ этого труда съ нетерпѣніемъ, любопытствомъ и со страхомъ. Отрывкомъ о Лефортѣ Г. Устряловъ не доказалъ своего безпристрастія, а это главное.

Все это только будущее, все свѣжее, не ягоды, не цвѣты, даже не листья, но все обѣщаетъ питательную и полезную пищу. Дай-то Богъ!

Прилагаю небольшую посылку стихотвореній молодой дѣвицы Павловой, обѣщающей много. Она дочь умершаго бѣднаго человѣка, и кормитъ мать трудами своего пера. Потрудитесь поднести книжку Ея Императорскому Высочеству. Да отнесется къ ней задушевный голосъ изъ любящей и чтущей Ее Руси.

Будьте здоровы и благополучны, и вспоминайте иногда.

19 Февр. 1857.

Наступилъ Постъ. Шумъ и трескъ карнавала умолкъ. Можно сказать, у насъ веселились на-пропалую. Всѣ театры были полны, хотя на нихъ мало давали новаго. Бѣдные Италіанцы чрезвычайно страдали отъ переменчивости погоды. Всѣ они почти переболѣли въ это время, и спектакли часто были отмѣняемы. Особенно намучилъ насъ нашъ единственный Лаблашъ. У него передъ представленіемъ Севильскаго Цирюльника сдѣлалось головокруженіе. Боялись, не ударъ ли это, но онъ вскорѣ оправился. Французы съ успѣхомъ играли M-lle de Belleiste, la Calomnié, M-me Lovelace. Публика начинаетъ привыкать къ Броганъ, которая дѣйствительно очень хорошо играла въ послѣднее время. Бертонъ кружилъ головы зрительницамъ. Киль э бо! кричали даже въ райкѣ. Балеты давались часто. Русскій театръ не отличился ни выборомъ піесъ, ни исполненіемъ. Всего досаднѣе на немъ незнаніе ролей. Самойловъ, Мартыновъ, Марковецкій, люди съ умомъ и талантами, небрегутъ своей обязанностью, и играютъ единственно при помощи суфлера. Я писалъ вамъ о кандидатахъ на мѣсто Управляющаго Конторою Борщова. Выборъ, на этотъ разъ, былъ толковый и удачный.

Помѣстили Колл. Сов. Юргенса, который лѣтъ двадцать былъ контролеромъ въ театрѣ, зналъ эту часть, и извѣстенъ своимъ безкорыстіемъ. Честь Графу Адлербергу! Покровительницы другихъ искателей въ отчаяніи. Un Юргенсъ! Qui a jamais entendu ce nom!

Словесность наша въ прежнемъ застоѣ. Но я примирился и съ театромъ и словесностью, въ прошедшую Пятницу, на юбилеѣ 125-ти лѣтія 1-го кадетскаго корпуса. Вы конечно уже имѣете всѣ матеріалы и описанія этого умилительнаго праздника. Исполненіе было превосходно. Театръ устроенъ былъ просто, но изящно и со вкусомъ. На завѣсѣ изображенъ былъ фасадъ главнаго дома изъ зданія корпуса, то есть того, который принадлежалъ Князю Меншикову. Костюмы кадетъ, въ формѣ шести царствованій, были очень вѣрны. Только, кажется мнѣ, мундиръ Екатерининскій былъ слишкомъ теменъ: цвѣтъ его, сколько я помню, былъ *свѣтло-зеленый*. Кадеты произносили стихи умно, сильно, съ одушевленіемъ. По окончаніи пролога Государь Императоръ изволилъ подойти къ автору пролога, Ѳедору Николаевичу Глинкѣ, и выразилъ ему высочайшее свое благоволеніе. Лучшая, самая лестная награда Русскому писателю! Нужды нѣтъ, что онъ не членъ Академіи, наравнѣ со многими достойными литераторами. Добрыя слова Царя блистательнѣе всѣхъ патентовъ, особенно когда они раздаются не по достоинствамъ, а по личнымъ связямъ и проискамъ. Французскую піесу кадеты сыграли хорошо, а Русскую превосходно! Кажется, въ Первомъ Корпусѣ еще витаетъ духъ старинныхъ его воспитанниковъ, устроившихъ въ немъ Русскую сцену прежде существованія публичнаго Русскаго театра. Разнохарактерные танцы были исполнены мастерски. Вообще праздникъ былъ совершенно удачный. Любо было смотрѣть на стариковъ генераловъ, вышедшихъ изъ корпуса въ прошедшемъ столѣтіи, и припоминавшихъ былыя времена. Они помолодѣли и разцвѣли душою.

По возвращеніи вашемъ въ Петербургъ, вы найдете перемѣну въ Сѣверной Пчелѣ. Она уже не довольствуется переводомъ и извлеченіями изъ иностранныхъ газетъ, а помѣщаетъ собственныя свои сужденія о политическихъ событіяхъ нынѣшняго времени. Пишетъ ихъ сотрудникъ мой Павелъ Степановичъ Усовъ, человекъ очень умный и дѣльный, языкомъ простымъ, но откровеннымъ и понятнымъ. Эти статьи возбудили вниманіе всей Европы, и особенно Австріи. Тамошніе журналисты (все Жиды) жестоко бранятъ Пчелу за разоблаченіе Австрійской дружбы. Англійскій Посланникъ Вудгоузъ жаловался на Пчелу Кн. Горчакову, и получилъ въ отвѣтъ, что Правительство не въ правѣ запрещать частнымъ людямъ сужденія, внушаемыя патріотизмомъ, и не обидныя иностраннымъ Государямъ, и тѣ же статьи никакъ не могутъ сравняться съ статьями о Россіи Англійскихъ *министерскихъ* газетъ, которыя не могутъ назваться органомъ какой либо партіи, а служатъ отголоскомъ министерства, имъ допускаются и одобряются.

Назначеніе Оберъ-Полицмейстеромъ столицы Графа Шувалова принято публично съ большою благодарностью. Надѣются на его дѣятельность, благоразуміе и справедливость. Въ нынѣшнюю зиму носились въ Петербургѣ слухи и рассказы о случившихся въ городѣ воровствахъ и разбояхъ чаще обыкновеннаго. Многіе изъ этихъ слуховъ были выдуманные: такимъ образомъ увѣряли, что секретарь Принца Ольденбургскаго, Д. Ст. Сов. Шванебахъ, на переѣздѣ чрезъ Неву съ Петербургской стороны былъ ограбленъ и пришелъ домой безъ одежды. Были и другіе анекдоты о ворахъ и разбойникахъ: нѣкоторые изъ нихъ оказались ложными, но иные случились дѣйствительно, что и было объявлено въ Полицейской Газетѣ. Должно сказать правду, что наша полиція не отличается открытіемъ такихъ случаевъ и находкою кражъ. Въ годъ раза три, четыре печатаютъ въ Полицейской газетѣ о сихъ находкахъ, какъ о рѣдкостяхъ, а воровства, особенно въ домахъ, происходятъ ежедневно. Нѣтъ спора, что полиція завалена работою и хлопотами, и не можетъ поспѣвать вездѣ. Кажется, можно бы было учредить особую сыскную полицію и полицейскій судъ, который рѣшалъ бы дѣла о кражахъ и плутовствахъ безъ замедленія, и тотчасъ приводилъ въ исполненіе приговоры. Обыкновенные же суды, своею медленностью, не страшны для виртуозовъ въ этомъ ремеслѣ. Надѣмся, что новое начальство полиціи, убѣдясь въ недостаточности нынѣшнихъ средствъ придумаетъ и исполнитъ мѣры къ искорененію этого зла. Большой вредъ общему благоустройству причиняютъ кабаки, въ которыхъ бываютъ сходки мошенниковъ; откупъ винный находитъ свои выгоды въ послабленіи надзора за этими мѣстами порока и разврата. Когда вы воротитесь, я сообщу вамъ преинтересную статью объ этомъ предметѣ, написанную Ксенофонтомъ Полевымъ.

Простите, что я, вмѣсто новостей забавныхъ и пріятныхъ, сообщаю вамъ извѣстія о предметахъ, возбуждающихъ сожалѣніе и отвращеніе. Къ несчастію свѣтъ таковъ, что въ немъ не всѣ тропинки устланы розами.

Желая вамъ удовольствія въ прекрасной Италіи и въ разгульной Франціи, прошу васъ не забывать

Преданнаго вамъ душевно.

С. Петербургъ.

21 Февраля 1857.

6-го Марта 1857.

Вы уже наслаждаетесь всѣми прелестями возрождающейся природы; вскорѣ будете дышать ароматомъ цвѣтушихъ миндальныхъ деревъ. У насъ тоже весна, то есть грязь и распутица. Нѣсколько дней стоитъ теплая погода, но солнце грѣетъ еще не такъ сильно, чтобъ могло растопить ледяную кору. Санная дорога пропала, а колесная еще не возстановилась. Больныхъ простудою очень много.

Въ числѣ больныхъ но не простудою, должно упомянуть о Булгаринѣ. Дней за десять предъ симъ разбилъ его параличъ. Отнялась вся правая сторона, языкъ едва движется, но голова свѣтла. Ему 68 лѣтъ отъ роду, и въ этомъ возрастѣ параличъ неизлечимъ. Булгаринъ принесъ большую пользу Русской Словесности своею отвагою и неумоимостью. Въ послѣднее время онъ видимо исписался, и только повторялъ прежнее, но и Вольтеръ въ старости писалъ не такъ какъ въ молодыя лѣта. На него сердятся за то, что онъ нападалъ на натуральную школу и на представителя ея, Гоголя. Можетъ быть, онъ былъ несправедливъ и придирчивъ въ частностяхъ, но вообще былъ правъ. Смѣтливость и забавное остроуміе Гоголя заставило публику не обращать вниманія на его недостатки и ошибки, но литературная критика должна быть справедлива и неумолима и къ величайшимъ талантамъ. Особенно должна она обличать слѣпыхъ подражателей, которые копируютъ только слабыя стороны своего оригинала, и не могутъ возвыситься до его красотъ и достоинствъ. Примѣръ Гоголя породилъ у насъ презрѣніе къ правиламъ языка, безвкусіе и варварство въ слогѣ. Забыли слогъ Карамзина, Жуковского, Пушкина. Мы де геніи и пишемъ какъ хотимъ. Къ счастью эти системы и обычаи недолговѣчны. Было же время, когда восхищались Княземъ Шаликовымъ и другими плаксами.

Въ минувшую Субботу Придворная Пѣвческая Капелла отслужила въ Придворной Конюшенной Церкви паннихиду по бывшемъ професорѣ ея, знаменитомъ Русскомъ композиторѣ Михаилѣ Ивановичѣ Глинкѣ. Здѣшнее Филармоническое Общество также намѣрено почтить память его, избравъ для ежегоднаго концерта въ пользу музыкантскихъ вдовъ лучшія изъ его твореній. Прекрасная дань великому отечественному таланту! Я увѣренъ, что зала будетъ полна.

Въ числѣ данныхъ уже здѣсь концертовъ первое мѣсто принадлежитъ концерту Маріи Александровны Гардери (дочери члена Рижской Таможни). Она играетъ на фортепіанахъ съ чистотою, быстротою и увлекательною нѣжностью. Зала была полна. Рукоплесканія не прерывались. Всѣ сожалѣли объ отсутствіи изъ Петербурга Великой Княгини Александры Осиповны, въ которой дѣвица Гардери надѣялась найти милостивую и знающую покровительницу.

Еще болѣе достоинъ замѣчанія концертъ Берлинскаго фортепіаниста и композитора Вильмерса. Другія знаменитости покамѣстъ красуются еще только на столбцахъ газетъ. Многіе артисты даютъ на театрахъ представленія живыхъ картинъ, въ которыхъ музыка служитъ антрактомъ. Лучшее изъ такихъ представлений далъ декораторъ Роллеръ на Большомъ Театрѣ. До какой пошлости и шарлатанства дошли нынѣ такія представленія, свидѣтельствуется прилагаемая афиша. Подумаешь, что это представленіе въ балаганѣ подъ качелями или у Излера.

Число періодическихъ изданій у насъ умножается. Вскорѣ будутъ выходить Французскій литературный журналъ подъ редакціей извѣстнаго Сень-Жюльена,

и Нѣмецкій, въ родѣ Dorfbarbier. Издателемъ послѣдняго будетъ литераторъ и музыкальный композиторъ Арнольдъ. Говорятъ еще, что въ родѣ Московской Бесѣды будетъ издаваться повременное изданіе Русское Слово, съ пособіемъ Графа Кушелева-Безбородко. Честь ему и слава!

Предполагаемыя у насъ желѣзныя дороги обращаютъ на себя вниманіе всей Россіи. И не безъ причины: онѣ оживятъ и вновь родятъ многія отрасли промышленности и торговли. Это каналы, не замерзающіе зимою. Въ Іюнѣ откроется Штиглицова дорога въ Петергофъ. Онѣ сдѣлали очень умно построивъ ее въ два ряда рельсовъ. Царскосельская была бы вдвое полезнѣе публикѣ и прибыльнѣе Компаніи, если бы имѣла два ряда рельсовъ, а не одинъ.

Публика Петербургская обрадована была объявленіемъ полиціи о томъ, что обокраденные люди могутъ являться въ канцелярію ея для полученія похищенныхъ у нихъ вещей. Этого доселѣ не бывало. Вообще полиція оказываетъ жизнь и дѣятельность. Сегодня утромъ прогнали сквозъ строй мошенника, стащившаго ночью съ прохожаго шубу въ Надеждинской улицѣ.

Сегодня похоронили почтеннаго осьмидесятилѣтняго старика, отставнаго Инженеръ-Генералъ-Лейтенанта Саблукова, человека умнаго, образованнаго и добраго. Въ недавно вышедшихъ Запискахъ Графа Толя говорится о заслугахъ его въ 1812 году: онъ открылъ до войны замыслы Французовъ заготовить себѣ въ Россіи средства къ сообщенію со внутренностью земли заготовленіемъ большаго числа лошадей на станціяхъ, и способствовалъ къ уничтоженію этого плана. Сверхъ того сдѣлали еще нѣсколько полезныхъ открытій, между прочимъ хорошихъ вентиляторовъ и средство очищать воду. Не знаю, пошли ли они въ прокъ, но въ свое время они обратили на себя общее вниманіе.

Вотъ все что мнѣ показалось любопытнымъ въ настоящее время, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ! Извините скудость мою за усердіе, съ какимъ стараюсь сдѣлать вамъ угодное.

Не завидуйте намъ! Сегодня наступило 1-е Апрѣля по новому стилю. Снѣгъ и ледъ сошли было съ земли; началась ѣзда на колесахъ; вдругъ вчера пошелъ сильный снѣгъ, покрылъ землю на четверть, и сегодня скрѣпленъ морозомъ, что продолжалось только до полудня: тогда бѣлый пухъ превратился въ черную грязь! Не знаемъ, какая будетъ погода на Свѣтлой недѣлѣ, а желательно, чтобъ добрый нашъ народъ успѣлъ повеселиться на воздухѣ, а не сидѣлъ безвыходно въ гостиныхъ акцизно-откупнаго коммисіонерства, какъ нами называется питейная контора.

Теперь скажемъ объ удовольствіяхъ образованнаго класса: ихъ немного. О концертахъ фортепіанистовъ я уже говорилъ: *toujours perdrix!* На дняхъ пріѣхалъ

сюда віолончелистъ Серве, нашъ старый знакомый и любимецъ: онъ даетъ концертъ завтра, 22 числа, въ Большомъ Театрѣ. Другіе концертисты пробавляются *живыми* картинами, которыя могутъ назваться живыми развѣ потому, что представляющія ихъ лица не умѣютъ сидѣть тихо, и особенно дамы живо поглядываютъ въ кресла. Въ нынѣшнемъ году наѣхало сюда много фокусниковъ: Германъ, Фресель, Дебрень, Липортъ: всѣ они дивятъ публику своими штуками, но первое мѣсто принадлежитъ Герману. Дебрень жонглеръ съ какой нибудь Французской ярмарки. Признаюсь, я не могу постигнуть, почему прекращаются у насъ въ посту представленія драматическія, а позволяются эти фокусы, фарсы, и особенно живыя картины, которыя нерѣдко бываютъ неблагопристойнѣ самыхъ растрепанныхъ водевилей.

Вниманіе серіозной публики обращено нынѣ на дворянскіе выборы, происходящіе уже дней десять. Предводителя еще не выбрали. Слышно, что А. М. Потемкинъ просилъ освободить его отъ этой должности, которую онъ несетъ уже лѣтъ девять. По общему слуху, выборъ падетъ на Гр. А. П. Шувалова; впрочемъ это частный слухъ, которому противорѣчатъ другія вѣсти.

Въ Субботу, 16-го Марта, былъ ежегодный торжественный обѣдъ въ Англійскомъ клубѣ: это у насъ нѣчто въ родѣ обѣда Лондонскаго лордъ-мера. Въ этотъ день приглашаются иностранные дипломаты, и послѣ роскошнаго обѣда, гости садятся вокругъ стола, на которомъ дымится пуншъ на шампанскомъ, при хлопаньѣ пробокъ съ штемпелемъ V. Cliquot. Провозглашаются тосты, произносятся рѣчи, которыя очень прилежно записываетъ Американскій Посланникъ, и отправляетъ въ Нью-Йоркъ. Въ нынѣшній разъ произнесъ рѣчь Морни: онъ старался выказать все уваженіе и дружбу Франціи къ Россіи. Вудгоузъ объявилъ также, что совершенно раздѣляетъ эти чувства. Имъ отвѣчалъ, и какъ мнѣ говорили, очень хорошо, Товарищъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ И. М. Толстой. Я въ этотъ день не былъ въ клубѣ; во-первыхъ чувствуя себя не довольно здоровымъ для выдержанія большаго обѣда съ возліянiями, а во-вторыхъ, чтобъ меня не принудили говорить. Что могъ я сказать этимъ ораторамъ, недавнимъ врагамъ нашимъ. Я не смѣлъ и не умѣлъ бы отдѣлаться дипломатическими фразами. Вѣдь не сказать же: „За четыре года предъ симъ на сихъ самыхъ мѣстахъ сидѣли Англичане и Французы, и увѣряли насъ въ своей искренней пріязни. Мы имъ повѣрили, но вамъ, господа, ужъ вѣрить не можемъ“. Вообще достойно замѣчанія, что со времени войны и по заключеніи мира живущіе здѣсь Англичане не являются въ клубы, хотя ежегодно возобновляютъ свои билеты: они стыдятся за дѣйствія своихъ земляковъ.

Большая зала, бывшая Филармоническая, въ магазинѣ Русскихъ издѣлій, сгорѣвшая въ прошломъ году, возобновлена нынѣ со вкусомъ и великолѣпіемъ. Одно замѣчательно и забавно: архитекторъ забылъ построить лѣстницу на хоры.

Туда надобно будетъ взлетать! Эта зала получаетъ новое общепольное назначеніе. Въ ней не будетъ производиться торговля, а помѣстится постоянная выставка русскихъ мануфактурныхъ и рукодѣльныхъ произведеній, особенно иногородныхъ. Публика можетъ ихъ видѣть, узнать цѣну и заказать. Комитетъ выставки ручается въ исправности исполненія и доставленія заказовъ. Вообще любо смотрѣть, какъ у насъ развивается промышленность и обращаетъ на себя общее вниманіе. Въ газетѣ Посредникъ, издаваемой П. Ст. Усовымъ, передаются телеграфическія извѣстія о состояніи цѣнъ, курсовъ и торговыхъ дѣлъ въ тотъ самый день въ Лондонѣ. Кто бы этому повѣрилъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ. Дай Богъ, чтобъ выгоды нашей торговли и промышленности всегда были ограждаемы, какъ нынѣ, отъ давленія Запада, охранительными и поощрительными мѣрами.

Преуспѣяніе матеріальныхъ выгодъ народа должно радовать насъ, ибо главное для него *жить* по латинской пословицѣ: *primo vivere, deinde philosophare*—т. е. сперва жить, а потомъ уметь. Но и уметь не лишнее, особенно уметь дѣльно, съ толкомъ и благимъ намѣреніемъ. Большая часть нашихъ недостатковъ, пороковъ, поступковъ неблагородныхъ и безсовѣстныхъ происходитъ отъ недостатка истиннаго образованія. И въ этомъ одномъ мы уступаемъ остальной Европѣ. Если бъ у насъ большая часть людей получала сообразное съ требованіями ихъ рода и званія воспитаніе умственное и нравственное—ни одна земля не могла бы сравниться съ Россіей. Исчезли бы безсовѣстность въ торгахъ и въ судахъ, лихоимство, взяточничество, злоупотребленіе власти, похищеніе казеннаго интереса. Дай Богъ доброму и благолюбивому Государю нашему вѣрныхъ, дѣятельныхъ и умныхъ пособниковъ по сей части, особенно для образованія чиновниковъ и гражданъ. Да послужатъ намъ бывшія неудачи (какъ . . . . . Пруссіи въ 1806—1813 годахъ) къ узнанію и искорененію нашихъ недостатковъ, и да возрастетъ новое поколѣніе истинно просвѣщенное, честное и богобоязненное. Простите мое разглагольствованіе, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ! Старость словоохотна, а я стою уже обѣими ногами въ гробѣ, и желалъ бы высказать все, что тяготитъ мое сердце, старое, хилое, но еще дышащее юношескимъ пламенемъ о благѣ Государя и Отечества.

Скажу нѣсколько словъ о литературѣ.

Слышно, что вскорѣ выйдутъ въ свѣтъ замѣчательныя книги, если цензуры духовная и гражданская одобрятъ ихъ къ напечатанію. Во-первыхъ, поэтическій переводъ книги Іова, и основанная на легендѣ Среднихъ вѣковъ христіанская поэма: Тайнственная капля; то и другое, сочиненіе Ѳ. Н. Глинки, произведенія геніяльныя и вполнѣ нравственныя и благочестивыя. Во-вторыхъ романъ въ четырехъ частяхъ: Сельцо Михайловское, сочиненіе особы, которую вѣроятно и вы знаете: покойной Варвары Семеновны Миклашевской, родственницы А. А. Жандра, книга замѣчательная по содержанію и изложенію своему. Жена Андрея

Андреевича, которой сочинительница завѣщала рукопись, намѣрена хлопотать объ одобреніи оной ценсурою. Главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что въ числѣ дѣйствующихъ лицъ романа есть и духовныя, хотя они и представлены въ лучшемъ видѣ. Сверхъ того изображены неблаговидныя дѣйствія разныхъ не мелкихъ чиновниковъ. Ценсура же наша допускаетъ обличать плутовъ не выше осьмаго класса. Должно надѣяться, что страданія издателей сихъ сочиненій увѣнчаются желаемымъ успѣхомъ.

Простите! Желаю вамъ здравія и благоденствія.

Вамъ преданнѣйшій.

СПбургъ.

21 Марта 1857.

Съ наступленіемъ Страстной Недѣли прекратились и музыкальныя наши увеселенія. Они заключены были тремя блистательными концертами Гг. Серве и Вильмерса, и Маріи А. Гардери, снискавшей общее и единодушное одобреніе и знатоковъ и совмѣстниковъ.

Уже строятся балаганы для народныхъ праздниковъ на Святой Недѣлѣ. Въ нынѣшнемъ году поступили очень благоразумно, оставивъ большіе балаганы въ цѣлости послѣ Масленицы. Не нужно будетъ строить вновь наскоро и не-прочно. Вообще кажется, не худо было бы перенести эти забавы за городъ, какъ въ Москвѣ подъ Новинскимъ, и построить балаганы постоянные, каменные. У всѣхъ насъ въ памяти ужасное происшествіе 1836 года, когда сгорѣлъ балаганъ Лемана.

Газеты наполнены объявленіями о лицахъ, отъѣзжающихъ за границу. Обрадовались снятію пошлыны, которая въ сравненіи съ издержками на пути была почтенна. Многіе, правда, ѣдутъ для поправленія здоровья и возстановленія силъ въ южныхъ климатахъ. Другіе съ ученою или художественною цѣлью. Но большая часть ѣдетъ глазѣть, гулять, играть въ рулетку, и любезничать въ Парижѣ. Говорятъ, что они вывозили много денегъ, и тѣмъ вредили финансамъ и курсу. Но это бѣда не большая. А вотъ бѣда: они выставляли свои глупыя головы на показъ всей Европѣ. Наши грубые и дерзкіе путешественники составили намъ дурную славу въ Европѣ. Невѣжды профессора и академики ея не возвысили. Такихъ людей держать бы дома на привязи.

Не могу сообщить вамъ много новаго о нашей литературѣ: какъ я сказалъ и прежде, она заключается почти исключительно въ толстыхъ журналахъ. Въ Отечественныхъ запискахъ помѣщается прелюбопытная *книга*: Богданъ Хмельницкій и возвращеніе Южной Руси къ Россіи, сочиненіе бывшаго Кіевского Профессора Костомарова: трудъ умный, честный и добросовѣстный. Авторъ пользовался всѣми извѣстными источниками, особенно Польскими, и открываетъ намъ

вещи, о которыхъ мы не имѣли понятія. Жаль, что эта книга печатается въ журналѣ: черезъ часъ по ложкѣ. Говорятъ, что Польша очень недовольна выходомъ въ свѣтъ этихъ свѣдѣній, представляющихъ тогдашнія событія въ истинномъ ихъ свѣтѣ, доказывающихъ, что мы при раздѣлѣ Польши, какъ сказалъ и Карамзинъ, только взяли свое исконное, Русское, искаженное и подавленное Латынью. Другая, достойная замѣчанія новость литературная заключается въ двухъ первыхъ главахъ романа въ стихахъ: *Свѣтъ*, сочиненная бывшимъ флотскимъ офицеромъ Н. П. Жандромъ, племянникомъ Андрея Андреевича. Въ ней есть стихи и строфы, неуступающія Онѣгину. Но судъ о цѣломъ можно произнести тогда только, когда будемъ имѣть романъ въ цѣломъ. Авторъ изображаетъ очень живо многія картины нашей природы и морскія сцены со всею флотскою техникою.

На сихъ дняхъ отпечатанъ Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1856 годъ. Онъ очень утѣшителенъ и пріятенъ для всякаго любителя отечественнаго просвѣщенія. Во-первыхъ, показываетъ просвѣщенное рвеніе и неусыпные труды начальства ея, (преимущественно Барона М. А. Корфа, влившаго душу въ эту безобразную дотолѣ груду печатной и переплетенной бумаги), распространеніемъ, обогащеніемъ ея и приведеніемъ въ извѣстность ея рѣдкостей и сокровищъ; во-вторыхъ пользою, которую она приноситъ распространеніемъ полезныхъ свѣдѣній. Въ отчетѣ по справедливости сказано: она (библіотека) сдѣлалась средоточіемъ всѣхъ серіозныхъ занятій, и едва ли обширный ученый трудъ можетъ нынѣ совершиться у насъ безъ ея пособій. Число пользующихся ею ежегодно возрастаетъ, особенно между военными: въ 1856 г. выданы были, между прочимъ, билеты для чтенія 28 морскимъ офицерамъ, между тѣмъ, какъ до войны ни одинъ изъ нихъ не являлся въ ея залахъ. Въ 1854 году было вообще выдано 1988 билетовъ для чтенія, въ 1855—2232, а въ 1856-мъ 2575. Съ 1-го Января 1857 открыты залы для художниковъ, имѣющихъ надобность разсматривать или изучать большія и роскошныя изданія, а также рисовать съ нихъ. Частныхъ приношеній книгами, рукописями, эстампами и пр. получено шесть тысячъ нумеровъ. И все это должно сказать по справедливости и совѣсти произведено дѣятельностью и любовью къ дѣлу *одного* человѣка. Болѣе ничего не присовокупляю.

30 сего Марта скончался Членъ Государственнаго Совѣта Тенгоборскій отъ неосторожной операціи снятія опухоли съ лица его. Онъ былъ человѣкъ умный, ученый, трудолюбивый. Плодомъ трудовъ его останется сочиненіе о производительныхъ силахъ Россіи. Не мое дѣло судить о его поступкахъ и дѣйствіяхъ, какъ государственнаго человѣка. Главною помѣхою тому было его происхожденіе: какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ. Московскіе фабриканты считали его смертельнымъ себѣ врагомъ, полагая, что онъ отстаиваетъ свободную торговлю

и погашеніе пошлинъ съ привозныхъ издѣлій, которымъ разорены и уничтожены были бы всѣ наши мануфактуры въ угоду и пользу Англичанъ. Достойно замѣчанія, что онъ въ печатныхъ своихъ сочиненіяхъ говорилъ противное.

Это письмо вѣроятно застанетъ васъ въ Парижѣ, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ! Поклонитесь отъ меня обелиску на Place de la Concorde. На этомъ мѣстѣ Александръ I въ 1814 году праздновалъ день Воскресенія Христова торжественнымъ молебствіемъ среди своей гвардіи.

Прощайте! будьте здоровы и благополучны.

С. Петербургъ.

4-го Апрѣля 1857.

Поздравляю васъ съ минувшими праздниками, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, которые вы встрѣтили на берегахъ Франціи, какъ мы узнали изъ телеграфической депеши. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ дальнѣйшихъ извѣстій о вашемъ путешествіи. Перемена, послѣдовавшая въ вашемъ маршрутѣ предпочтеніемъ сухопутной дороги изъ Тулона въ Марсель морскому плаванію, свидѣтельствуетъ, что и на благословенныхъ берегахъ южной Франціи погода не благоприятная, а какова она здѣсь, выразить трудно. На Страстной Недѣлѣ были дни ясные и сухіе. Грязь на улицахъ исчезла; въ воздухѣ водворилось тепло: мы радовались на истинно *Свѣтлую* недѣлю. Не тутъ-то было. Вечеромъ, въ самый день Свѣтлаго Воскресенья, поднялся вѣтеръ со снѣгомъ, термометръ упалъ, и пошли морозы—до 12 градусовъ. Каналы снова покрылись льдами. Вновь появились шубы и шапки. Сущая зима, только безснѣжная. Къ довершенію зимнихъ наслажденій, въ Субботу на Фомино Воскресеніе выпалъ снѣгъ. Точно грязный и холодный Февраль. Нѣкоторые радуются этой погодѣ, предсказывая сухое и теплое лѣто. Говорятъ, что предзнаменованіемъ прошлогоднему лѣту холодному и сырому была гроза, случившаяся 22-го Апрѣля. Ихъ бы устами медъ пить!

Но это ненастье не мѣшало доброму нашему народу веселиться на праздникахъ. Всего болѣе радовались холоду и сырости, по всей вѣроятности, содержатели питейнаго откупа: они съ родительскимъ попеченіемъ согрѣвали и осушали озябшихъ и промоченныхъ дождемъ и снѣгомъ. Подумаешь, какіе есть въ свѣтѣ добрые люди. Призрять, напоить, накормятъ и въ полицію, на даровую квартиру отправятъ.

Въ числѣ всенародныхъ зрѣлищъ обращали на себя движущіяся картины Коронаванія Его Императорскаго Величества. Два смышленные человѣка, купецъ Соловьевъ и чиновникъ Юницкій наняли ребятишекъ бывшаго фокусника Лемана, чтобы составить эти картины. Представленія происходятъ на небольшомъ театрѣ. На декорации изображена церковь Василия Блаженнаго и внутренность Кремля. Всего четыре картины: на первой въѣздъ Императора въ Москву; на другой,

поѣздъ герольдовъ по городу; на третьей шествіе въ Успенскій Соборъ. На четвертой изображена (безъ движеній) внутренность Успенскаго Собора въ ту минуту, когда Государь надѣваетъ на себя вѣнецъ. На трехъ движущихся картинахъ являются болѣе трехъ тысячъ фигуръ, (людей, лошадей, экипажей и пр.) вырѣзанныхъ изъ картинъ. Подражаніе натурѣ, разумѣется, только приблизительное, но публика смотритъ картины съ удовольствіемъ. Хозяева ихъ открыли воспитанникамъ военно-учебныхъ и казенныхъ женскихъ заведеній входъ безденежный. Представленія продолжаются и на Оминой. Въ русскомъ театральномъ мірѣ нѣтъ ничего новаго. Самойловъ поѣхалъ за границу, и отъ этого остановится представленіе многихъ интересныхъ піесъ. Французы давали въ Омино Воскресенье комедію Дюма сына *Question d'argent*. Она была разыграна очень хорошо, но что вамъ говорить объ этомъ. Вы лучше увидите въ Парижѣ.

Публика тѣснится толпами на выставкѣ Академіи Художествъ. Въ ней, по художественному исполненію, лучше всего три вида народной жизни въ Мюнхенѣ, написанные живущимъ тамъ нашимъ Академикомъ Реймерсомъ. Вниманіе посѣтителей обращаютъ на себя сцены изъ осады Севастополя, Зауервейда и Тукаева. Свидѣтели этихъ событій жалуются на невѣрность изображеній. Видно, что живописцы писали наобумъ, и вѣроятно видѣли сраженія только на картинахъ, а не въ существенности. Одежда и форма не соблюдены вполнѣ. При отбитіи штурма Французовъ на редутѣ Шварца (27го Авг.) дѣйствовали преимущественно 10-я и 14-я дивизіи, а на эполетахъ и погонахъ выставленъ номеръ 16-й! Сверхъ того замѣчены многія невѣрности и невѣроятности въ изображеніи воинскихъ дѣлъ. Живописцы какъ поэты: имъ нѣтъ нужды до исторической истины: было бы только красно написано. Исключеніе изъ сего составляетъ у насъ ученикъ Гораса Верне, Тиммъ, наблюдавшій войну вблизи съ опасностью своей жизни, и передающій изображаемая имъ сцены со всевозможною вѣрностью.

Въ Русской Литературѣ прежній застой. Редакторы нѣкоторыхъ журналовъ (Гг. Краевскій, Дружининъ) ѣдутъ за границу. Желательно, чтобы ихъ изданія во время ихъ отсутствія пошли лучше прежняго. Булгаринъ оправляется очень медленно. Я, на старости лѣтъ, принялся за фельетоны вмѣсто его. Коль бритвы нѣтъ, то шило брѣть.

Вольное Экономическое Общество, въ которомъ Президентомъ Принцъ Ольденбургскій, выбрало въ Вице-президенты Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, А. И. Левшина, человѣка во всѣхъ отношеніяхъ почтеннаго и дѣльнаго, но онъ не пробылъ въ этомъ званіи и трехъ мѣсяцевъ: интриги, происки, грубости нѣкоторыхъ членовъ до того преогорчили его, что онъ отказался. У насъ и Русская Академія (т. е. Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ) и Экономическое Общество идутъ плохо и приносятъ мало пользы, но отъ двухъ совершенно противоположныхъ причинъ: въ первомъ мало денегъ, слѣдственно и мало средствъ, въ послѣд-

немъ денегъ много, и потому всѣ возможные шмели летятъ въ его улей, терзаютъ и выгоняютъ трудолюбивыхъ пчелъ. По совѣсти, у насъ одно истинно полезное и достигающее своей цѣли Общество—это Географическое. Дай Богъ, чтобы другіе хоть сколько нибудь на него походили. Не думайте, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, чтобъ я хотѣлъ вамъ льстить этимъ, какъ усердному его члену и бывшему секретарю, нѣтъ! Это сушая правда.

Это письмо мое будетъ послѣднимъ, ибо съ 18-го Апрѣля, по сообщенному мнѣ вами распisanію, курьеровъ болѣе отправляемо не будетъ. Закончаю мою корреспонденцію благодареніемъ за вниманіе, мнѣ оказанное, и изреченіемъ древнихъ нашихъ лѣтописцевъ: Отцы и братіе! еже ся гдѣ описалъ или переписалъ или недописалъ, чтите, исправляема Бога для, а не кляните!

17 Апр. 1857.

Вамъ
душевно преданный
Н. Г.

Секретное предписаніе импер. Екатерины II вице-адмиралу принцу
Нассау-Зигенъ, 4 іюня 1790 года.

Секретное.

Господинъ Вице-Адмиралъ Принцъ Нассау-Зигенъ! Положеніе настоящее непріятеля представляетъ Намъ случай удобный къ истребленію мореходныхъ его силъ отъ части въ бухту Выборгскую по неудачныхъ сраженіяхъ ушедшихъ, отчасти же утвердившихся между островами Біорко и твердою землею въ проливѣ именуемомъ Березовымъ. Какъ достиженіе сея цѣли не токмо будетъ споспѣшествовать возстановленію мира, но и самый сей миръ учинить на долгое время прочнымъ, то вы сами конечно признаете, что сіи уваженія должны превозмогать надъ всѣми затруднѣніями и опасностями, кои въ подобномъ рѣшительномъ дѣлѣ встрѣчены будутъ. Потребно тутъ согласное дѣйствіе между разными частями ополченія нашего, а предшествовать сему имѣютъ различныя приуготовленія и распоряженія, каковыя Мы начертали въ слѣдующихъ пунктахъ, одни для точнаго вамъ исполненія, а другія для свѣденія вашего сообщаемыхъ.

1-е. Флотъ корабельный Шведскій настоящимъ положеніемъ нашего Адмираломъ Чичаговымъ предводимаго между Банкъ Реппие и Пенцъ, и отдѣленіемъ нѣсколько фрегатовъ подъ командою Контръ-Адмирала Ханыкова для занятія мѣста отъ острововъ Пейсара и Орисора и Банки Пассалода можетъ во всемъ разумѣніи отъ Зюйда и Веста почитаться блокированнымъ; посредствомъ же послѣднихъ

фрегатъ пресѣченъ путь гребнымъ судамъ его къ Весту и отъ онаго. Чтобъ заградить путь ему и со стороны восточной, признали Мы за нужное запереть Зундъ Березовый отъ стороны Кронштата; къ чему Адмиралъ Чичаговъ отрядилъ уже два корабля и одинъ фрегатъ; сверхъ того указали Мы туда же обратить и третій семидесяти-четырепушный корабль, да въ виду отъ нихъ имѣть два фрегата. Сей отрядъ порученъ въ команду Контръ-Адмирала Одинцова; и поелику къ оному должна присоединиться галерная Кронштатская флотилія, то и означенные корабли съ фрегатами будутъ состоять подъ начальствомъ вашимъ, тѣмъ болѣе, что дѣйствія галерной флотиліи сопряжены неразрывно съ дѣйствіями тоя эскадры. Симъ способомъ совершенно уже обезпечится здѣшняя сторона отъ всякаго водою покушенія непріятельскаго, заградится и послѣдній путь къ выходу Шведскому флоту, да и средства къ атакѣ его флотиліи облегчатся.

2-е. Въ слѣдствіе того вы съ гребною флотиліею нынѣ при Кронштатѣ имѣющеюся тотчасъ имѣете отправиться къ Березовому Зунду, учредить свою станцію, здѣлать надлежащія распоряженія, и въ ожиданіи покуда всѣ силы вашего начальства соберутся, осмотрѣть положеніе мѣсть, и изыскивая средства къ загражденію выхода изъ между острововъ Березовыхъ гребнымъ непріятельскимъ судамъ, приложить стараніе увидѣть не откроется ли удобность во время атаки флотиліи ввести промежду острововъ такія суда, кои бы разрѣзывали сообщеніе между непріятельскимъ гребнымъ флотомъ, а по крайней мѣрѣ пресѣкали или затрудняли его сообщеніе съ корабельнымъ; такожъ не укрѣпился ли непріятель на островахъ, и не можно ли будетъ выжить его оттуда посредствомъ высадки части войскъ на галерномъ флотѣ находящихся.

3-е. Между тѣмъ Адмиралъ Чичаговъ долженъ теперь же послать три фрегата гребные къ острову Аспо, дабы они ставъ на воду Фридрихсгама открыли непріятеля, и по учиненнымъ сигналамъ дали способъ Бригадиру Слизову вытти изъ Фридрихсгамской гавани со всѣми готовыми у него канонерскими судами, которыя дошедъ до Питкопаса подъ конвоемъ фрегатовъ, естли тамъ не застанутъ непріятеля, или же найдутъ по силѣ и возможности своей его оттуда выгнать, займутъ заливъ тамошній и обезпечатъ оный по крайней въ томъ надобности для доставленія транспортовъ Нашихъ съ провантомъ и фуражемъ для арміи, оставляя тутъ число судовъ сколько потребно окажется для охраненія того залива.

4-е. Адмиралъ Чичаговъ имѣетъ заранѣе условиться съ вами, чтобъ сверхъ двухъ или трехъ гребныхъ фрегатовъ при корабельномъ флотѣ оставляемыхъ, имѣть при ономъ еще нѣкоторое число канонерскихъ лодокъ въ пособіе его движеніямъ, и для отраженія непріятельскихъ гребныхъ судовъ беспокоящихъ корабельный флотъ. Затѣмъ прочіе фрегаты и канонирскія лодки къ галерному флоту причислены быть должны.

5-е. Два брандера въ Кронштатѣ изготовленные ко флоту отправляются,

такъ же повелѣли Мы какъ наискорѣе вооружить и къ нему доставить еще два фрегата; а сверхъ того писано уже въ Ревель о посылкѣ туда же двухъ кораблей бомбардирскихъ, двухъ брандеровъ, трехъ катеровъ, одного гошпитальнаго и двухъ транспортныхъ судовъ укомплектовавъ ихъ, чего изъ морскихъ не достанетъ, егерями, гарнизонными солдатами и вольнонаемными работниками. Навстрѣчу симъ судамъ и для безъопаснаго ихъ препровожденія, Адмиралъ Чичаговъ можетъ, еслии нужно, послать одинъ или два фрегата по своему усмотрѣнію; а дабы къ нанесенію непріятелю вреда имѣть все способы подъ руками, то какъ при Кронштатской, такъ и при Выборгской галерной эскадрахъ имѣть по нѣскольку готовыхъ брандеровъ.

6-е. Какъ скоро съ одной стороны мѣста пресѣкающія ходъ непріятелю заняты будутъ, съ другой же стороны дойдутъ до Питкопаса Фридрихсгамскія канонерскія лодки гребными фрегатами препровождаемыя, тотчасъ все транспортныя суда съ провіантомъ и фуражомъ для арміи послать изъ Кронштата подъ конвоемъ отъ галерной эскадры до корабельнаго флота, а отъ онаго сіи суда имѣютъ быть доставлены подъ конвоемъ же или въ Питкопасъ или Фридрихсгамъ куда удобнѣе и безопаснѣе; въ ожиданіи же того дабы не потерять времени, оныя теперь отвезть въ Кронштатъ.

7-е. Полагая весьма вѣроятнымъ образомъ, что Шведы будучи отрѣзаны отъ корабельнаго и шкернаго пассива, для избѣжанія отъ гибели которой они при всемѣстномъ наступленіи на нихъ подвержены быть могутъ, усилить свои дѣйствія на сухомъ пути высадками на берега войскъ ихъ, дабы таковыми ихъ дѣйствіями и движеніями къ столицѣ Нашей озаботить насъ и обратить къ ея защитѣ, а себѣ открыть или облегчить путь къ выходу флота изъ столь невыгоднаго и стѣсненнаго положенія, Мы предписали Главнокомандующему арміею Нашею Финляндскою Генералу Графу Салтыкову принять все мѣры къ отраженію ихъ тутъ покушеній, не допуская ихъ отнюдь утверждаться на берегу прочнымъ образомъ, оставляя на его благоусмотреніе въ случаѣ нужды сократить линію оборонительную между Выборга, Кимени и границъ непріятельскихъ, взявъ на примѣръ за пункты требующія сильнаго защищенія Фридрихсгамъ съ тѣми постами, кои къ его оборонѣ преимущественно нужны, Кайпіасъ, Давыдовъ и Саватайполь. Полезно и нужно было бы еслии бы онъ могъ поставя только въ надежную оборону отъ Нейшлота и далѣе къ сторонѣ Ладожскаго озера, собрать отъ ближнихъ мѣстъ резервный отрядъ, который въ то время когда средствами уже отъ него принятыми непріятель въ своихъ попыткахъ будетъ удерживаемъ близъ береговъ, могъ бы имѣть наблюденіе на большую выборгскую дорогу, и обращаться туда, гдѣ его подкрѣпленіе надобнымъ или выгоднымъ быть можетъ. Толь трудное положеніе и извороты конечно ненадолго потребны будутъ: ибо съ открытіемъ генеральнаго наступленія на непріятеля отъ воды, навѣрно онъ при-

нужденъ будетъ всѣхъ людей своихъ собрать на суда, исключая такихъ, кои отрѣзаны или отдалены будутъ, и которые тогда легко жертвою Нашимъ департаментамъ учинятся.

8-е. Необходимо нужна между морскими и сухопутными Нашими силами связь, посредствомъ которой могли бы начальствующіе арміею и флотами ежедневно другъ друга извѣщать и о мѣрахъ совѣтовать. Для сего указали Мы генералу Графу Салтыкову послать инженеръ генерала-маіора Фанъ-Сухтелена осмотрѣть мысъ Крюйсеръ-Оргъ, и тамъ учредить крѣпкій постъ и гдѣ прилично батарею, которая не довольно чтобъ только обнадеживала сообщеніе, но буде возможно послужила бы и противу отдѣленныхъ четырехъ непріятельскихъ кораблей позади Салвора и въ близости помянутаго мыса стоящихъ. Равнымъ образомъ чтобъ онъ предписалъ тому же генералу-маіору обозрѣть и прочія береговья мѣста, и гдѣ онъ нужнымъ найдетъ устроить батареи для споспѣшества атакъ на корабельный и галерный флоты Шведскіе предприемлемой. Означенный генераль-маіоръ долженъ такъ же изыскать мѣсто гдѣ для флота Нашего воду брать удобно, и давъ знать предводителю того флота, учредить тамъ постъ для обезпеченія; а ежели непріятель пользуется оною на берегу, постараться изыскать способы къ отъятію у него всѣхъ къ тому возможностей.

9-е. Объ осмотрѣ мыса Стирсъ-Удена, главнокомандующій арміею имѣетъ Наше приказаніе. Коль скоро на немъ постъ учредится, а вы займете свое мѣсто, то и устроится почта отъ Санктпетербурга чрезъ Систербекъ до упомянутаго мыса, откуда уже курьеры отправляемы будутъ ко флотамъ на мѣлкихъ судахъ. Впрочемъ нужно такъ же чтобъ сообщеніе отъ сего поста къ близнему армейскому отряду въ томъ краѣ обезпечено было.

Всѣ сіи распоряженія требуютъ крайней поспѣшности, дабы не потерять времени и воспользоваться съ Божіею помощію толь выгоднымъ для насъ положеніемъ къ нанесенію непріятелю рѣшительнаго удара. Между тѣмъ оканчиваемыя въ Санктпетербургѣ семьдесятъ канонерскихъ лодокъ вскорѣ готовы будутъ, и по приходу къ Березовому Зунду соединятся съ прочими судами галернаго нашего флота, поставятъ его въ такое состояніе, что оный достаточенъ будетъ на предпріятія наступательныя. Онѣя должны быть генеральныя, назначая къ тому день, дабы вдругъ отъ различныхъ частей на часть ихъ, и на разныхъ мѣстахъ единовременно атаковать непріятеля. Подробныя распоряженія таковой атаки долженствуютъ учинены быть предводителемъ корабельнаго флота Нашего и вами по ближайшему и точнѣйшему на мѣстахъ рекогносцированію и взаимному между вами соглашенію, о чемъ оба вы завременно извѣстите генерала Графа Салтыкова, дабы и онъ могъ содѣйствовать вамъ какъ батареями береговыми отъ арміи имъ начальствуемой устрояемыми, такъ разными оказательствами, а смотря по силѣ и удобствамъ и поисками, если войска непріятельскія не всѣ съ

берега сняты будутъ. Хотя свойственнѣе начинать дѣло флоту корабельному, тѣмъ болѣе что его операціи и движенія отъ вѣтра зависятъ, и легче гораздо гребному флоту соображаться его дѣйствіямъ по первымъ пушечнымъ выстрѣламъ, или другимъ сигналамъ, кои начальникъ корабельнаго флота съ вами постановить не преминетъ: но въпрочемъ отъ условій между вами, смотря по времени и удобности, будетъ зависѣть, кому, гдѣ и какъ начать, и коимъ образомъ производить наступленіе на непріятеля обѣимъ вамъ подлежащее, сообщая генералу Графу Салтыкову о всѣхъ вашихъ распоряженіяхъ для единодушнаго другъ другу пособія въ дѣлѣ пользу и славу Имперіи Нашей съ самой вышней степени интересующемъ.

Выборгская ескадра въ началѣ сраженія имѣетъ тотчасъ вытти изъ Транзунда и атаковать все, что ей подручно будетъ. Впрочемъ употребленіе бомбардирскихъ судовъ и брандеровъ при флотахъ состоящихъ, относится къ распоряженіямъ начальниковъ тѣхъ флотовъ.

Излишнимъ почитаемъ изъяснять здѣсь пространно, что на случай наступленія непріятельскаго на васъ прежде времени соединенія прочихъ силъ вашихъ, надлежитъ вамъ обезпечить для себя безвредное отступленіе къ Кронштату и Систербеку, имѣя тогда въ виду и защищеніе какъ сѣвернаго фарватера, такъ и береговъ здѣшнихъ до Систербека, и отъ онаго до столицы. Ваша осмотрительность откроетъ вамъ къ тому толь надежныя средства, что вы ничего не потерявъ въ состояніи найдетея обратиться и паки къ мѣсту вашему коль скоро то потребно и полезно быть можетъ.

Какія вамъ въ слѣдствіе сего представятся усмотренія, оныя Намъ взнести не оставте. Въ точномъ исполненіи отъ Насъ предписываемаго, и въ изобрѣтеніи всего что къ надежнѣйшему достиженію цѣли Нашей споспѣшествовать можетъ, Мы полагаемъ надежду на ваше усердіе, искусство и мужество, принося моленія Наши ко Всевышнему, да благословитъ оружіе Наше успѣхами, и да обратитъ несправеднаго врага Нашего на путь мира. Пребываемъ въпрочемъ вамъ благо-склонны.

Екатерина.

Въ Царскомъ селѣ.

Июня 4. 1790 года.

4833

1

108

D02346897\$

Duke University Libraries